А.М. БЕЛЕНИЦКИЙ
И.Б. БЕНТОВИЧ
О.Г. БОЛЬШАКОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД СРЕДНЕЙ АЗИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ,
И. Б. БЕНТОВИЧ,
О. Г. БОЛЬШАКОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1973

Ответственный редактор
В. М. МАССОН

Б $\frac{0162\text{-}1188}{042\,(02)\text{-}73}$ 97-73

© Издательство «Наука» 1973

ОТ РЕДАКТОРА

Проблема города, его возникновения, внутренней структуры, динамики развития, наконец, проблема урбанизации общества в последнее время все более привлекают историков и социологов, психологов и экономистов. Изучение этих вопросов, направленности и тенденции намечающихся процессов имеет первостепенное методологическое значение. Особая роль отводится вопросу о городской жизни на Востоке, теснейшим образом связанному с пониманием специфики местного исторического процесса, приведшего начиная с определенного момента к замедлению темпов развития, а затем и к отставанию от стран, в которых шло интенсивное становление новой классовой формации — капиталистической. К сожалению, вопрос о городе на Востоке, особенно о городе средневековой эпохи, не разрабатывается в советской историографии с должной полнотой, несправедливо заслоняемый проблематикой аграрных отношений. В этом плане настоящая книга является частичным восполнением досадной лакуны. Изучение древних и средневековых городов Средней Азии всегда было в центре внимания отечественного востоковедения и археологии. Широкие и систематические археологические изыскания, развернувшиеся в Средней Азии за годы Советской власти, привели к почти сплошному изучению средневековых поселений (с постановкой на ряде из них многолетних стационарных раскопочных работ). Детально исследовались вопросы локализиции, исторической топографии, керамического ремесла, динамики развития городских поселений. Эта обширная источниковедческая база позволила перейти к следующему этапу — трактовке города как социально-экономического явления в средневековой истории Средней Азии.

В первой части данного издания, написанной А. М. Беленицким (разделы «Гончарное производство», «Стеклоделие», «Текстильное производство» главы III написаны И. Б. Бентович), подробно характеризуется культура города эпохи раннего средневековья, представшая перед нами в новом свете после раскопок Пенджикента. И дело здесь не только в художественном совершенстве заново открытого искусства доарабской Средней Азии. Раскопки Пенджикента позволили подойти к реальному изучению внутренней структуры раннесредневекового города. Оказалось, что в этом городе значительную часть населения составляли мелкие ремесленники и рыночные торговцы и соответственно степень развития ремесел и денежной торговли была весьма высокой. На экономических достижениях, надо полагать, в значительной мере основывалась зажи-

точность городского патрициата, включавшего в свой состав как крупных землевладельцев, так и купеческую верхушку. Города доарабской Средней Азии как торгово-промышленные центры были прямой социологической предтечей городов поры развитого средневековья. Не случайно наблюдается даже прямая территориальная преемственность основных городских центров.

Значительно осложнило процесс развития городов арабское завоевание Средней Азии. О. Г. Большаков, автор второй части книги, в соответствующих разделах справедливо подчеркивает сложность и противоречивость этого явления. С одной стороны, арабское завоевание и сопутствующие ему события принесли (особенно для Мавераннахра) разрушение производительных сил и частичное запустение городов. С другой — последовавший период политической стабилизации и вхождение в систему централизованного государственного организма Халифата способствовали как бы второму циклу урбанизации Средней Азии, наблюдаемому в IX—X вв. Высокий уровень урбанизации домонгольской Средней Азии подтверждается О. Г. Большаковым, согласно выкладкам которого около 25—30% населения страны жило в городах. Важным вкладом в разработку проблемы восточного города являются разделы второй части книги, посвященные внутренней структуре городского организма, его социальной стратификации и месту в политической системе страны в целом. О. Г. Большаков справедливо отмечает, что мусульманское право не знает города как особого социального организма, что нашло прямое отражение в нечеткости определений средневековых географов. Высокая роль квартальной автономии, делавшая город своеобразным конгломератом различного рода самоуправляющихся корпораций, специфика политической ситуации, когда кочевнические массы противостояли государственному централизму, за спиной которого предпочитали спасаться горожане, — все это привело к слабому развитию бюргерства, хотя имелись все экономические предпосылки к его сложению. Элементы муниципального управления не переросли в отличие от Западной Европы в автономию городов. Эта особенность средневековой истории Средней Азии, убедительно показанная О. Г. Большаковым, имеет кардинальное значение для понимания ее исторических судеб. Следует надеяться, что представленная коллективная монография внесет заметный вклад в разработку указанных интересных проблем.

В. М. Массон

Часть первая

ГОРОД В VI—СЕРЕДИНЕ VIII в.

Глава I

ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Количество функционировавших в Средней Азии в VI—VIII вв. (в раннюю пору сложения феодальных отношений) городов с достоверностью установить трудно. В представлении авторов некоторых источников того времени Средняя Азия была страной с многочисленными городами. В вышедшей в 1950 г. монографии В. А. Лаврова, посвященной истории среднеазиатского градостроительства, опирающейся на археологические публикации, для VI—VIII вв. названо около 20 городов (1950, с. 52 и сл.). В. Л. Воронина к списку городов, приводимых В. А. Лавровым, добавила еще несколько названий (1961). Следует сказать, что этими авторами учтены далеко не все имеющиеся в археологических публикациях сведения о городах, которые могут быть отнесены к интересующему нас времени. Так, согласно подсчетам Г. И. Пацевича, только на юге Казахстана имелось значительно больше городских поселений, чем названо выше (1954). Надо, однако, отметить, что принятое им хронологическое распределение городов не позволяет точно установить их количество. Пацевичем выделены в отдельную рубрику города до VII в., число которых в этом районе доходит до 35, а с VII по IX в. уже до 65. Несколько позже в обширном отчете об итогах работ Южно-Казахстанской археологической экспедиции в 1947—1951 гг., опубликованном в 1958 г., устанавливается, что керамика V—VIII вв. имеется на 6 «цитадельных городищах» и 11 «городищах с развитыми рабадами», но о городах, существовавших до VII в., при общем подсчете ничего не говорится, а с VII по IX в. отмечается наличие 42 городов (Агеева, Пацевич, 1958). Вполне очевидно, что их было гораздо больше, чем 3—4 городских пункта, указанных Лавровым и Ворониной для юга Казахстана. Говоря относительно юга Казахстана, надо помнить, что мы имеем дело с материалами предварительных разведывательных обследований и что сам характер городов едва ли может считаться в какой-то мере точно выясненным. Так, о первой группе городищ, признанных остатками городов, сообщается лишь, что в большинстве своем они представляли, по-видимому, крепости или укрепленные пункты с прилегающими к ним кварталами предместий, окруженных валами или стеной. В отношении городов второй группы Г. И. Пацевич замечает лишь, что «распространение городской жизни шло уже не только по главным торговым магистралям страны, но захватило и глубинные районы, проникнув в глубь степей, обжитых кочевыми племенами» (1954, с. 14).

В другой обобщающей работе по истории древних городов Семиречья, П. Н. Кожемяко, также не выделяются отдельно города VI—VIII вв., а рассматриваются вместе памятники в пределах от VI до X или даже до XII в. включительно. Отталкиваясь от сведений ранних арабских географов (Ибн Хордадбеха и Кудамы), упоминающих 10 городов, П. Н. Кожемяко на основании археологических наблюдений утверждает, что их было больше; для всего рассматриваемого им периода он насчитывает 18 больших городищ, но часть из них, по его словам, «возникла позже составления маршрутников Ибн Хордадбеха и Кудамы» (1959, с. 21—22). Исходя из приведенных П. Н. Кожемяко дат отдельных городищ, можно считать, что в Чуйской долине в VI—VIII вв. уже существовало по меньшей мере 13 городских поселений.

По другим районам Средней Азии обобщающих работ, подобных только что названным, составленных археологами, к сожалению, не имеется. Что касается археологической литературы в целом, то для VI—VIII в. в ней явно преобладает тенденция к уменьшению количества городских пунктов. Характерным является взгляд на положение дела в Хорезме. Отражая сложившееся на этот счет мнение, Е. Е. Неразик, например, пишет: «Количество городских поселений резко сокращается; Табари, рассказывая о завоевании Хорезма Кутейбой, упоминает на территории Хорезма только три города: Кят, Ургенч и Хазарасп. Об облике этих городов мы почти ничего не знаем» (1959б, с. 109). Однако очевидно, что ссылка на ат-Табари едва ли может служить решающим аргументом в пользу приведенного заключения. Как увидим ниже, это убеждение вытекает в большей мере из общей концепции об историческом процессе в Средней Азии, чем из реальных фактов. Археологические исследования на территории Хорезма указывают, что там были и другие города, помимо названных ат-Табари.

В качестве другого примера отметим Мервский оазис, о котором Г. А. Пугаченкова писала, имея в виду VI—VIII вв., что он характеризуется отсутствием какого-либо крупного города, за исключением самого Мерва, и то сильно сократившегося по сравнению с парфянской эпохой (1958а).

Сеть городских поселений была бесспорно достаточно густой. Цифры китайских хроник, округленные в сторону преувеличения, рисуют, видимо, близкую к действительности картину. Эти же источники приводят и некоторые данные относительно величины отдельных городов. Так, Самарканд имел в окружности 10 ли, Касан — столица Ферганы — 4 ли, столица Шаша (Чача) — 10 ли, Маймург — 2 ли, Иштихан — 3 ли, Кеш — 2 ли, Унаге — 2 ли, Термез — 20 ли, Тараз — 8 ли.[1]

Археологические обмеры, съемки планов городищ — остатков названных и других городов — дают более точное представление о величине города того времени. Приведем некоторые выборочные данные: Самарканд занимал площадь 65 га, Бухара — 35 га, Мерв (Гяур-Кала) — 200 га, Термез — 20 га, Пайкенд — 20 га, Пенджикент — 13—14 га, Варахша — 19 га, Кафир-Кала (к югу от Самарканда) — 16 га (рис. 1 — вклейка).

Цифры эти указывают, что у большинства городов, за исключением Мерва и Самарканда, площадь была сравнительно ограниченной. Письменные источники содержат некоторые, правда самые общие, сведения о структуре раннесредневекового города. Основываясь на них, В. В. Бартольд установил, что в домусульманское время города состояли из двух четко отличных одна от другой частей — цитадели (кухендиза) и собственно города (шахристана) (IV, с. 172). Эта схема и термины для обозначения указанных двух частей города широко используются в исто-

[1] Ли (китайская мера длины) — 0.5 или 0.3 км.

рико-археологической литературе. Данная схема заключает в себе и определенную социальную и административную характеристику города. В последнее время в порядке пересмотра этой схемы была предложена В. Л. Ворониной теория о многообразных путях сложения средневекового города; по ее мнению, город мог образоваться как «сумма отдельных замков», «при культовых ансамблях», «на месте рынков», «у стен караван-сараев» и другими путями (1959а).

Однако археологические наблюдения в подавляющем большинстве случаев показывают, что предложенная В. В. Бартольдом схема членения города накануне арабского завоевания была вполне типичной для всех основных районов Средней Азии. Такое членение является и вполне закономерным, поскольку оно было обусловлено сложившимся к этому времени характером общественного строя.

Вместе с тем схема эта, разумеется, не раскрывает структуры города в плане выяснения внутригородской топографии, характера его застройки, состава населения. Письменные источники ответа на эти вопросы тоже не дают. Те скудные в общем сведения, которые удалось из них извлечь, дали повод, как мы увидим, к неверным заключениям. Задачи, возникшие в связи с постановкой проблемы о структуре города, стало возможно разрешить только благодаря археологическим исследованиям. Однако на практике и археологические исследования натолкнулись на весьма серьезные препятствия. Главное из них заключается в том, что в наиболее крупных городищах Средней Азии слои, характеризующие раннесредневековый город (домусульманский), погребены под толщей более поздних наслоений. Раскопки на их территории представляют значительные трудности, нередко непреодолимые. Практически до последнего времени вскрытие слоев указанных веков в объеме, достаточном для характеристики внутренней структуры города, в целом и не производилось.

Неблагоприятное в отношении изучения городов занимающей нас эпохи влияние оказала и сложившаяся в советской историко-археологической литературе концепция об общем упадке в это время городской жизни, что несомненно понизило интерес исследователей к изучению и самих памятников.

Общую теоретическую схему развития и эволюции городской жизни в Средней Азии в древности и в средние века предложил С. П. Толстов; отметим, что теоретическое обоснование своих взглядов он дал еще в начале 30-х годов (1934), до того как было начато систематическое археологическое изучение Средней Азии. Позже он обосновал их, используя археологические наблюдения, сделанные в Хорезме. Если ограничиться только интересующим нас периодом, то его мнение сводится к утверждению чрезвычайного упадка городской жизни. Тогда экономическое развитие определялось деревней или замком феодала. Такая же картина рисовалась и в более поздних его работах. «В раннесредневековый период, — пишет он, — как до арабского завоевания, так и сразу после него большая часть населения живет уже в укрепленных замках, расположенных среди полей. . . В городах сосредоточена относительно незначительная часть населения, преимущественно феодальная знать и ее слуги. Лишь постепенно начинает зарождаться прослойка городских ремесленников, которые живут в особых кварталах» (1962а, с. 249).

Такое представление о раннесредневековом городе широко легло в литературу, как общеисторическую, так и археологическую. На основе этой концепции в специальной литературе была принята теория и о характере застройки основной территории домусульманского города — шахристана, получившей название «усадебной». Вполне четко эта теория была сформулирована В. А. Лавровым. Поставив вопрос: «Что же представляет собой раннесредневековый город-шахристан», он пишет: «Обра-

тимся к свидетельству Наршахи, автору X в., дающему довольно подробную картину раннесредневековой Бухары. По его словам, „. . . в шахристане были кешки (замки) и некоторые кварталы далеко отстояли друг от друга подобно селениям". Отсюда можно заключить, что доарабская Бухара представляла собой группы укрепленных усадеб дехкан, окруженные общей оборонительной стеной» (Лавров, 1950, с. 53). Дальше автор, развивая эту мысль, не замечая внутренней противоречивости своих слов, пишет: «Размещение этих усадеб мало разнилось от загородного расселения. Едва ли не главными отличиями являлись степень густоты расположения построек . . . наличие ремесла, регулярной торговли и, наконец, та политическая роль, которую играла эта укрепленная группа усадеб, объединенная городскими стенами. Термины „город" и „деревня" в то время постоянно смешивались» (там же).

Из числа других авторов, писавших на эту тему, отметим этнографа О. А. Сухареву, опубликовавшую работу, посвященную специально Бухаре. О. А. Сухарева, ссылаясь на Наршахи, придерживается того же мнения, что и В. А. Лавров. Указывая на сравнительно небольшую площадь шахристана Бухары, она отмечает, что и «эта незначительная территория далеко не вся была занята застройкой: некоторые кварталы (вероятно, окраинные) были отделены и удалены друг от друга подобно селениям» (Сухарева, 1958, с. 28). Как и В. А. Лавров, она считает, что «город и его кварталы не утратили своего сельского облика. Его жители занимались земледелием, а пашни находились на территории шахристана» (там же).

Этой точки зрения придерживались и другие авторы, причем в качестве первоисточника неизменно фигурирует указание на описание Бухары у Наршахи. Надо, однако, отметить, что дошедший до нас текст сочинения Наршахи при критическом к нему отношении отнюдь не дает основания для заключений об «усадебной застройке города» (Беленицкий, 1965).

Обратимся к собственно археологическим материалам. Каков фонд их, который позволил бы сделать то или иное заключение о характере города в рассматриваемое время?

Как отмечалось, археологическими исследованиями в последние десятилетия были охвачены все или почти все основные районы Средней Азии. И хотя, как увидим, они еще далеко не достаточны, тем не менее в своей совокупности накопленный материал уже весьма значителен, во всяком случае для характеристики некоторых существенных элементов градостроительства. Ниже дается обзор главных исследованных пунктов по отдельным районам Средней Азии.

Маргиана (Южная Туркмения). Крупнейшим и одним из наиболее древних городов древней Маргианы и одновременно и всей Средней Азии является Мерв. Грандиозные руины этого города давно привлекали внимание исследователей. Однако планомерные раскопки на территории мервского городища были начаты лишь в 50-х годах текущего столетия Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией под руководством М. Е. Массона. Раннесредневековый Мерв занимал территорию Гяур-Калы и Эрк-Калы, являвшихся соответственно шахристаном и цитаделью и вместе с тем занимавших площадь около 300 га. Исследования производились на обеих его частях. Надо отметить, что раскопки в основном имели целью изучение более ранних поселений, тем не менее в ряде пунктов обнаружены остатки крупных строений и значительный вещественный материал VI—VII вв. Так, на цитадели раскопана часть здания, признанного «домом правителя», состоявшего из ряда однотипных комнат. В это же время частично функционировало крупное здание, возникшее в раннепарфянский период, а затем превращенное, по мнению исследователей, в «мощный форт» (Усманова, 1969, с. 20).

На городище Гяур-Кала раскопаны сравнительно обширные комплексы построек парфянского и раннесасанидского времени (Кацурис, Буряков, 1963; Усманова, 1969). Что касается города раннего средневековья, то, по мнению Г. А. Пугаченковой, «площадь Гяур-Калы была обжита в VI—VII вв. лишь частично, намного уступая плотной застройке и густой заселенности парфянского времени» (1958б, с. 123). Насколько справедливо это общее заключение, сказать трудно. Проведенные раскопки, учитывая громадные размеры городища, лишь в очень незначительной степени отражают положение на всей территории шахристана. Против указанного мнения свидетельствует раскопанный в южной части города весьма обширный квартал керамистов, датируемый VII—VIII вв., насчитывающий только в исследованной его части 14 обжигательных печей (Сарианиди, 1953; Заурова, 1962). Только дальнейшие раскопки в соответствующем величине городища масштабе смогут показать действительный характер его застройки и общей структуры.

Древний Хорезм. Раскопки раннесредневековых городов Хорезма по объему также ограничены. В отдельных случаях исследователи колеблются в определении самого характера поселения, воздерживаясь от названия его городом. Неуверенность археологов, однако, как нам представляется, не вполне обоснована, так как материалы и наблюдения, полученные при исследовании поселений, о которых пойдет речь, дают право назвать их городами или поселениями городского типа. К ним относятся Беркут-Кала, Куюк-Кала и Ток-Кала.

Беркут-Кала состоит из цитадели, занимающей 1 га (100×100 м), и собственно поселения площадью около 5 га. Цитадель, названная исследовавшей Беркут-Калу Е. Е. Неразик замком, окружена крепостной стеной, достигающей ныне высоты до 10.5 м и усиленной четырьмя башнями на каждой стороне. На территории цитадели раскопан так называемый донжон — жилая башня площадью 18×18 м, занимающая ее юго-восточный угол. Донжон, возникший в VI—VII вв., дважды перестраивался и в последнее время своего существования (VIII в.) представлял собой здание, состоящее из шести помещений, группировавшихся вокруг узкого коридора. Помещения сооружены на цоколе высотой более 8 м (Неразик, 1959б).

Само поселение состоит из двух самостоятельных частей, названных Е. Е. Неразик пристройками. Первая пристройка — южная — окружена пахсовой стеной, снабженной бойницами, расположенными через 2.6—2.7 м. Раскопан участок в северо-западном углу пристройки, причем установлены здесь остатки двух зданий, датируемых началом VIII в., сооруженных на месте ранних построек, восходящих к последним векам до нашей эры. План их, к сожалению, из-за плохой сохранности стен установить не удалось. Другая пристройка — однослойная — датируется тем же временем, что и здание верхнего горизонта южной пристройки. Постройки в этой части городища, по наблюдениям Е. Е. Неразик, «сосредоточиваются вдоль ее стен». Что касается центральной части, то, как полагает исследователь, она была занята базарной площадью (Неразик, 1959б, с. 104—109).

По-видимому, меньше колебаний в городском характере поселения вызывает Куюк-Кала. Территория, занятая шахристаном, достигает около 35 га; таким образом, по своей величине Куюк-Кала равна Бухаре. Раскопки на этом городище ограничились вскрытием остатков нескольких помещений, среди которых оказалась мастерская ремесленника с «железоплавильными» печами и с большим количеством железных крич, углей и шлаков. Шахристан был окружен крепостной стеной.

Особо следует отметить обнаружение вне стен шахристана крупного некрополя с оссуарными захоронениями, характерными для городских

поселений. Датирующий материал указывает на существование города вплоть до VIII в. н. э. (Неразик и Рапопорт, 1959).

Руинами небольшого города, на наш взгляд, является и Ток-Кала, названная исследовавшим ее археологом А. В. Гудковой «городищем, похожим на укрепленное поселение». Площадь всего поселения вместе с цитаделью 8 га. По стратиграфическим данным, поселение возникло за несколько веков до нашей эры (IV—II), а в VII—VIII вв. было обведено «безбашенной крепостной стеной». Раскопками на одном из участков у крепостной стены вскрыт строительный массив, состоящий из ряда одинаковых по планировке, отделенных один от другого глухими стенами жилых комплексов. Каждый из них, как можно судить по наиболее полно сохранившемуся комплексу, состоял из трех различных по назначению помещений. Здесь, как и в Куюк-Кале, за стенами города был открыт исключительно интересный некрополь с оссуарными захоронениями (Гудкова, 1964).

Тохаристан (южные районы Узбекистана и Таджикистана). Крупнейшим и одним из древнейших городов этой области является Термез. Археологические исследования на территории обширного городища Термеза, производившиеся в 20—30-х годах, привели к открытию весьма важных памятников разных эпох, но, к сожалению, не затронули ту часть его, которая была обжита в предшествующие арабскому завоеванию века, носящую ныне название Кала. Площадь последней 20 га; состоит эта часть из шахристана и цитадели (Шишкин, 1940).

Следует отметить лишь, что объектами архитектурного изучения стали руины некоторых построек, сохранившихся на поверхности городища вне территории Калы, которые датируются периодом, непосредственно предшествующим арабскому завоеванию, или современны последнему. Постройки эти подтверждают сообщения письменных источников о том, что к моменту появления арабов имелось уже и пригородное поселение — рабад (Балазури, с. 118). Для нашей темы большой интерес представляют результаты раскопок на двух небольших городищах в районе Термеза — Занг-Тепе и Яхшибай-Тепе. Первое, небольшое (150××150 м), состоит из собственно поселения и четко выделяющейся в северо-западном углу цитадели площадью около 45×50 м. Раскопками на цитадели выяснены структура крепостных стен и планировка застройки в V—VII вв. Остатки построек этого времени на ограниченной площади раскопаны и на территории поселения (Нильсен, 1966), но, к сожалению, отчет о раскопках не опубликован. Общий план городища Яхшибай-Тепе по современному его состоянию выяснить не удалось, однако сплошные раскопки на одном из участков дали интересные результаты. В частности, вскрыт массив жилых построек, судя по которому застройка носила достаточно четко выраженный квартальный характер. Состав помещений отдельных жилищ, их планировка также носят вполне определенные черты городского зодчества (Ставиский, 1958).

На территории Южного Таджикистана раскопки поселений городского типа интересующего нас времени производились в ограниченном масштабе. Наиболее интересный материал получен при исследовании городищ Мунчак-Тепе (на правом берегу нижнего течения Кафирнигана) и Кафир-Кала (в центре Вахшской долины).

На первом, сравнительно небольшом (150×150 м), раскопана группа помещений, в том числе квадратный зал с купольным перекрытием и рядом с ним несколько сводчатых помещений. Характерен и состав находок — монеты, изделия из стекла, бронзовые перстни, грузила от ткацкого станка и пр. (Мандельштам, Певзнер, 1958).

Значительно крупнее городище Кафир-Кала. Его площадь 16 га; оно четко делится на шахристан и цитадель. На шахристане начато ис-

следование крупного здания, раскопки которого, к сожалению, не закончены. Одно из помещений его имеет в длину 15 м при ширине более 6 м. Монеты, изделия из железа, бронзы и кости, найденные здесь, датируют здание VI—VII вв. (Зеймаль, 1959). В 1968 г. начаты крупные по масштабам раскопки на цитадели, раскрывающие с большой полнотой как застройку внутренней ее площади, так и структуру укреплений (Литвинский, устное сообщение).

Усрушана (Уструшана). Так называлась в средние века область, входящая ныне в состав Узбекской и Таджикской республик, со столицей в г. Бунджикенте. Остатки последнего в виде трех раздельно расположенных городищ, носящих название Кахкаха I—III, находятся на месте и вблизи современного селения Шахристан Ура-Тюбинского района Таджикской ССР. Как показали систематически ведущиеся здесь в последнее десятилетие археологические работы, Бунджикенту предарабского времени соответствуют два городища — Кахкаха I и II.

Кахкаха I занимает площадь в 5 га, состоит из собственно поселения и цитадели, окруженных крепостной стеной. На территории городища раскопано крупное двухэтажное здание, по нижнему этажу состоящее из 12 сводчатых помещений, расположенных симметрично по сторонам от центрального коридора. Одновременно исследована и структура городской стены.

Особенно интересные результаты получены при раскопках городища Кахкаха II, занимающего несколько меньшую, чем городище Кахкаха II, площадь. Здесь вскрыто большое дворцовое здание, в ряде помещений которого обнаружены остатки стенной живописи и большое количество резного дерева (Негматов, Хмельницкий, 1966, табл. V—VIII).

Фергана. Для нашей темы значительный интерес представляют результаты археологических исследований на крупном городище, расположенном вблизи современного селения Кува в восточной части Ферганской долины. Город под этим названием хорошо известен по письменным источникам начиная с X в. Раскопки жилого массива и остатков буддийского храма, датируемых VII—началом VIII в., на одном из участков городища говорят о том, что город этот существовал и в доарабское время. Судя по раскопанному участку, застройка была густой и имела квартальный характер. Намечено направление улицы с отходящими от нее переулками. Жилища строились в два этажа. При раскопках буддийского храма, находившегося вблизи жилого массива, открыты остатки скульптур. Стены храма были украшены живописью (Булатова, 1972).

Южный Казахстан и Северная Киргизия. Для характеристики городской жизни в доарабское время в этих районах наиболее важный материал дали раскопки городищ Тараз (ныне Джамбул) и Ак-Бешим.

Название г. Тараза известно по письменным источникам предарабского времени. Интенсивные археологические работы в нем были начаты еще в конце 30-х годов. Территория древнего города занята постройками современного города, и раскопки производились лишь на отдельных участках, доступных исследованию, тем не менее добытые материалы достаточно определенно демонстрируют характер жизни города в отдельные периоды его истории. В V—VII вв. Тараз был важным городским центром с развитым ремесленным производством. Вблизи города, на урочище Ток-Турмас, исследован обширный некрополь с различными могильными сооружениями, в том числе и наусами, оставленными горожанами в домусульманское время (Сенигова, 1972; Ремпель, 1956).

Городище Ак-Бешим, расположенное в 10 км к юго-западу от Токмака, занимает площадь около 35 га. Состоит из четко ограниченного городскими стенами шахристана и цитадели в юго-западном его углу. А. Н. Бернштам, обследовавший городище в 1938—1939 гг., идентифицировал его со столицей государства кара-китаев Баласагуном (XII в.).

Л. Р. Кызласов в результате сравнительно крупных по масштабу раскопок, проведенных им в 1953—1954 гг., пришел к заключению, что город возник в V в. н. э. Французский ученый Гамбис высказал предположение, что Ак-Бешим соответствует известному по письменным источникам г. Суябу.

Стратиграфический раскоп, произведенный Л. Р. Кызласовым в центре шахристана, дал ему основание предположить, что шахристан состоял из больших кварталов с многочисленными жилыми помещениями (1959). За стенами шахристана раскопаны два буддийских храма и христианская церковь (Зяблин, 1961).

Согд (долина Зеравшана). Эта центральная область Среднеазиатского междуречья является одним из древнейших и наиболее развитых районов оседлой культуры Средней Азии. Исследованные здесь памятники дали наиболее важный материал для решения занимающей нас проблемы. Мы остановимся на следующих четырех городищах данного района: Афрасиабе, Кафир-Кале, Варахше и древнем Пенджикенте.

Афрасиаб — широко известное в науке городище древнего Самарканда. Археологически его начали исследовать почти 100 лет тому назад; однако вследствие неудовлетворительной методики раскопок изучение Афрасиаба не привело к выяснению истории города, его структуры в отдельные периоды, даже в самых основных ее элементах (Якубовский, 1940в). Только во второй половине 40-х годов текущего столетия А. И. Тереножкиным была намечена стратиграфия культурных наслоений и тем самым в определенной степени удалось датировать обильный вещественный материал, накопленный предшествующими работами (1950б). В 1958 г. на городище были начаты планомерные раскопки в крупном масштабе, которые продолжаются до настоящего времени. О результатах последних работ в печати имеются лишь предварительные сообщения (Шишкин, 1966). Одновременно проводившиеся исследования крепостных стен отражены сравнительно полно в ряде публикаций (Пачос, 1967, 1968).

Городище Кафир-Кала расположено на левом берегу канала Даргом, отделяющего современные южные пригороды Самарканда от Задаргомской степи. Оно занимает около 16 га, окружено крепостным валом. В восточной части городища находится цитадель (70×72 м), возвышающаяся над окружающей местностью почти на 20 м. В 1939—1940 гг. снаружи городища были произведены раскопки в двух пунктах. В одном из них был открыт некрополь, состоящий из наусов с оссуарными захоронениями, а в другом — квартал керамистов. В 1965 г. вблизи городской стены было раскопано крупное здание сложной планировки, названное усадьбой. Материалы, найденные при раскопках, позволяют уверенно датировать городище VI—VIII вв. н. э. (Григорьев, 1946; Шишкина, 1961).

Открытие в 1937 г. городища Варахша явилось научным событием крупного значения в археологии Средней Азии. Заслуга его исследования принадлежит В. А. Шишкину. Городище находится в 30 км к северо-западу от Бухары. Площадь его около 6,5 га. Цитадель расположена в юго-восточной части и возвышается над окружающей местностью на 20 м. Время существования Варахши в качестве городского поселения — V—X вв. Раскопками вскрыты сооружения, относящиеся в основном к предарабскому времени. Исследована застройка цитадели, где раскопаны два здания; в непосредственном соседстве с ней впервые в Средней Азии был открыт крупный комплекс дворцовых построек. Кроме того, раскопано здание в центре городища, предположительно храмовое. Одновременно были проведены работы и по выяснению структуры городской стены (Шишкин, 1963).

Особенно большое значение для решения вопросов, связанных со структурой города, имеют результаты систематически ведущихся начиная

с 1946 г. археологических работ на городище древнего Пенджикента, которое находится на южной окраине современного одноименного города, центра верхней части долины Зеравшана, в 60 км восточнее Самарканда. На этом памятнике не пришлось преодолевать препятствий, о которых говорилось выше в отношении больших городов Средней Азии. «Особой ценностью развалин древнего города Пенджикента, — писал открывший его для науки А. Ю. Якубовский, — как археологического памятника является то обстоятельство, что Пенджикент прекратил свою жизнь в середине VIII в. . . . что городской жизни на территории шахристана после разрушения города арабами не было» (1951. с. 11). Эти слова, написанные в начале исследования древнего Пенджикента, вполне подтвердились и во время дальнейших раскопок. Действительно, именно благодаря тому, что верхний строительный горизонт городища, датируемый VII—VIII вв., археологически не был нарушен, Пенджикент дает достаточно надежную картину его устройства. Следует также подчеркнуть и сравнительно небольшую величину этого города, что показательно для многих современных ему городских центров Средней Азии.

Руины древнего Пенджикента состоят из территориально четко ограниченных четырех частей: цитадели, собственно города — шахристана, пригородного поселения и некрополя. Город, как показали раскопки, возник в V или в начале VI в. н. э. и прекратил свое существование в VIII в. в связи с арабским завоеванием. Общая территория шахристана и цитадели около 15 га. Раскопки производились на всех указанных частях городища. На цитадели вскрыта часть находившихся на ней построек, в том числе донжона, и осуществлен разрез одной из стен, окружавших ее. Непосредственно у стены цитадели в последние годы раскапывается дворцовое здание местных правителей. В крупном объеме произведены раскопки на территории шахристана. Вскрыто приблизительно от $^1/_4$ до $^1/_3$ его застройки. В результате раскопок выяснилось, что территория города была густо застроена обширными кварталами, каждый из которых состоял из нескольких десятков домов — жилищ. Одновременно раскопан ряд улиц, имевших прямолинейное направление. Вдоль улиц располагались ремесленные мастерские и лавки, на отдельных перекрестках образовывавшие базарчики. На пенджикентском шахристане открыты и исследованы храмовые сооружения, изучена структура крепостной стены. Важные наблюдения были сделаны при раскопках пригородного поселения и некрополя. Именно в свете общей картины, полученной при исследованиях Пенджикента, встала необходимость пересмотра сложившегося в исторической науке представления о характере и структуре города Средней Азии в предарабское время и иной интерпретации материалов, полученных исследованиями на других городских поселениях.

Таковы в самом общем изложении основные археологические данные, которыми мы располагаем для решения поставленной проблемы о городе Средней Азии в раннем средневековье. В обзоре мы не касались лишь руин бесспорно городских поселений, относящихся к интересующим нас векам, исследование которых ограничилось предварительной разведкой. Таких памятников зафиксировано большое количество, и на них собран весьма значительный вещественный материал как с их поверхности (подъемные находки), так и во время производившихся контрольно-стратиграфических раскопок.

Глава II

ФОРТИФИКАЦИЯ И ЗАСТРОЙКА ГОРОДОВ

Система городских укреплений

Как видно из приведенного в предыдущей главе обзора археологических работ, при осуществлении последних исследованию системы городских укреплений уделялось довольно много внимания. Весьма ценные наблюдения проведены в Хорезме, где до настоящего времени сохранились на поверхности остатки крепостных сооружений разных эпох, доступных исследованию без больших раскопочных работ.

Опираясь на материалы Хорезма, С. П. Толстов пришел к следующему общему заключению относительно изменений в крепостном строительстве раннего средневековья по сравнению с античностью. Крепости античной эпохи сооружались из сырцового кирпича, имели внутренние стрелковые галереи, «которые открывались наружу многочисленными бойницами стреловидной формы». В отличие от них «средневековые укрепления . . . это преимущественно глинобитные сооружения . . Стены городов, крепостей и замков представляют собой глинобитный массив, как правило, лишенный бойниц. Воины, защищавшие укрепления, размещались не во внутренних галереях стен, а наверху стены, между зубцами» (Толстов, 1962а, с. 51).

Как мы увидим ниже, это наблюдение подтверждается исследованиями, по крайней мере частично, и в других районах Средней Азии. Однако, разумеется, эта общая характеристика не дает представления о конкретном характере сложившейся в раннем средневековье системы фортификации Средней Азии в целом и даже для Хорезма требует уточнения. Перейдем к более подробному рассмотрению археологических данных о системе крепостных сооружений домусульманского времени.

Необходимым элементом городских укреплений повсеместно являлись цитадели. Они четко выделяются на современном рельефе руин древних городов, занимая господствующее положение на их поверхности. Местоположение цитаделей по отношению к шахристану не является строго однообразным. Они могли находиться как внутри городских стен, так и за их пределами. В первом случае цитадель чаще всего располагалась в одном из углов территории города, но известны цитадели, находящиеся и в центральной его части. По мнению В. А. Нильсена, местоположение цитадели главным образом «зависело от основных подводящих к городу дорог» (1966, с. 32). Однако, как показывают конкретные наблюдения, в выборе места для цитадели играли роль и многие другие факторы и сооб-

ражения их строителей, как например общий рельеф местности. Цитадель, являясь важнейшим узлом в общей оборонительной системе укреплений города, воздвигалась в наиболее удобном для обороны от внешнего врага пункте. Могли иметь место и соображения внутреннего порядка — возможность держать под постоянным наблюдением само население города.

В. Л. Воронина, проанализировав размеры отдельных цитаделей, установила, что и по своей величине они значительно отличались друг от друга. В отдельных, правда исключительных, случаях цитадель занимала площадь, почти равную $^2/_3$ шахристана. Но, как правило, цитадель была во много раз меньше последнего (Воронина, 1959, 1961). Хотя полностью до сих пор не раскопана ни одна цитадель, но в совокупности на исследованных цитаделях выявлены наиболее существенные элементы их устройства.

В Хорезме значительные по объему работы произведены на цитадели Беркут-Калы. Цитадель эта, занимающая площадь 100×100 м, была окружена с трех сторон (СВЗ) стенами, сохранившимися на высоту до 10.5 м. Стены сложены из крупных пахсовых блоков толщиной у основания 2.5 м и несколько суживающихся кверху. Стены укреплены башнями по углам и по фасам, расположенными на расстоянии около 25 м одна от другой. Башни двухэтажные, округлые в плане, построены на двухметровых цоколях. Стены башен каждого этажа имеют бойницы. Южная стена цитадели, общая со стеной поселения, сложена из сырцового кирпича. В ней находился узкий входной проем в цитадель, усиленный особым сооружением, названным сторожевым, с массивными стенами (толщиной до 3 м).

Единственной постройкой, раскопанной на цитадели, является донжон (18 × 18 м), находившийся в юго-восточном ее углу, где он заменял собой угловую башню. Основанием донжона служит мощный цоколь высотой 8 м, сложенный из пахсы и сырцового кирпича. Установлены два горизонта в застройке донжона. Верхний строительный горизонт, целиком раскопанный, состоит из 8 помещений, группирующихся вокруг коридора, расположенного в центре. Помещения эти, судя по наличию в некоторых из них суф и по найденным в них вещественным памятникам, имели жилой характер. Отметим одну деталь. В одном из помещений у суфы, перед входом, устроена стенка-экран, благодаря которой образовался небольшой тамбур, — деталь, встречающаяся часто и в городском жилом строительстве (например, в Варахше и Пенджикенте).

Особняком стоит пом. № 3, в центре которого имеется яма, опускающаяся в толщу цоколя; по предположению Е. Е. Неразик, это тюрьма.

Из отчета о раскопках не совсем ясно, что представляла собой остальная площадь цитадели — была ли она свободна от застройки или же занята другими сооружениями.

Следует отметить, что в ходе исследования цитадели были обнаружены остатки стен более ранней цитадели, несколько меньшей по площади (93×96 м), датируемой II—I вв. до н. э., главной особенностью которых является четырехугольная форма башен (Неразик, 1959б).

В Мерве производилось изучение цитадели Эрк-Кала. Последняя значительно возвышается над территорией шахристана, и окружающий ее вал достигает 20—25 м высоты, занимая господствующее положение над Гяур-Калой. Раскопками установлено, что поселение на месте Эрк-Калы возникло во второй четверти I тыс. до н. э. Сами стены цитадели, как предполагается, возникли одновременно со стенами Гяур-Калы. Во II в. до н. э. высота стен была 26 м. Для истории укреплений цитадели представляет интерес раскопанное на поверхности стен у ее южных ворот крупное здание, построенное в парфянское время, состоящее более чем из 20 помещений, названное замком. Это здание впоследствии, после забу-

товки, было превращено, как предполагается, в форт, защищавший ворота, к которым вел подъем в виде пандуса. Шурфы, заложенные на территории цитадели, показали возможность существования различных построек. В частности, предполагается наличие там «дома правителя». Однако об общем характере застройки громадной площади Эрк-Калы пока судить невозможно (Заурова, 1962).

Раскопками на варахшинской цитадели были вскрыты два крупных монументальных здания — Восточное и Западное. Последнее возведено на мощном стилобате высотой 15 м. Особенностью его наружного оформления, как и башен городской стены, является наличие гофр. План здания из-за недостаточной сохранности стен установить не удалось. Однако внешний облик его, как показывает реконструкция В. А. Нильсена, был весьма эффектным. По предположению Нильсена, здание это было жилищем правителя (1966, с. 44, рис. 16). Восточное здание варахшинской цитадели, сохранившееся вполне удовлетворительно, представляет собой комплекс из 9 различно расположенных комнат со сводчатыми перекрытиями. Помещения сравнительно узкие — от 0.95 до 1.95 м при высоте 2.7 м. Все помещения соединялись между собой дверными проемами. У северо-восточного угла имелась открытая наружная лестница, по которой поднимались на крышу здания. Назначение этого здания, вероятно, казарменное (Шишкин, 1963, с. 92).

В Южном Узбекистане раскопки производились на цитаделях городищ Хайрабад-Тепе и Занг-Тепе. Постройки V—VIII вв. на цитадели Хайрабад-Тепе сооружены на платформе высотой 12 м. Это комплекс однотипных сводчатых помещений, примыкавших к крепостной стене цитадели. Расположенные параллельно помещения объединены поперечным коридором (Нильсен, 1966). На цитадели Занг-Тепе (45×50 м) раскопками вскрыта значительная часть внутренней застройки. Вдоль стены цитадели находился массив узких сводчатых помещений, каждое из которых имело выход в центральный двор. В юго-восточном углу городища раскопан комплекс помещений, заметно отличающихся своей парадностью от остальных построек. В комплекс входили квадратный зал и помещения кулуарного типа. Здание это имело второй этаж, о чем свидетельствует лестница в одном из помещений, прилегающих к залу. Стена цитадели местами сохранилась на высоту до 20 м. По углам она была укреплена квадратными в плане башнями. В верхней своей части крепостная стена прорезана бойницами. Особенностью устройства стены являются проемы в нишеподобных углублениях — «смотровые окна» (Альбаум, 1963, с. 73).

Структура стены и внутренней застройки цитадели в раннее средневековье раскрывается с большой полнотой ведущимися в настоящее время в крупном масштабе раскопками на городище Кафир-Кала в Вахшской долине.

Весьма важные данные получены при раскопках на цитадели древнего Пенджикента. При первом знакомстве с внешним обликом, рельефом ее поверхности сложилось вполне определенное представление о том, что она состоит из двух частей — внутреннего укрепления и внешнего двора, каждая из которых была окружена крепостными стенами. Поверхность внешнего двора не давала основания предполагать наличие на нем монументальных построек, поэтому раскопки были вначале сосредоточены на территории внутреннего укрепления. Последнее, квадратное в плане, занимает площадь около 2000 м². В первый год раскопок (1947) А. И. Тереножкиным была установлена стратиграфия культурных наслоений, показавшая, что цитадель была обжита с V по XVI в. н. э. Однако наиболее важные вещественные находки, в том числе и монеты, показали, что время наиболее интенсивной жизни цитадели — VII—на-

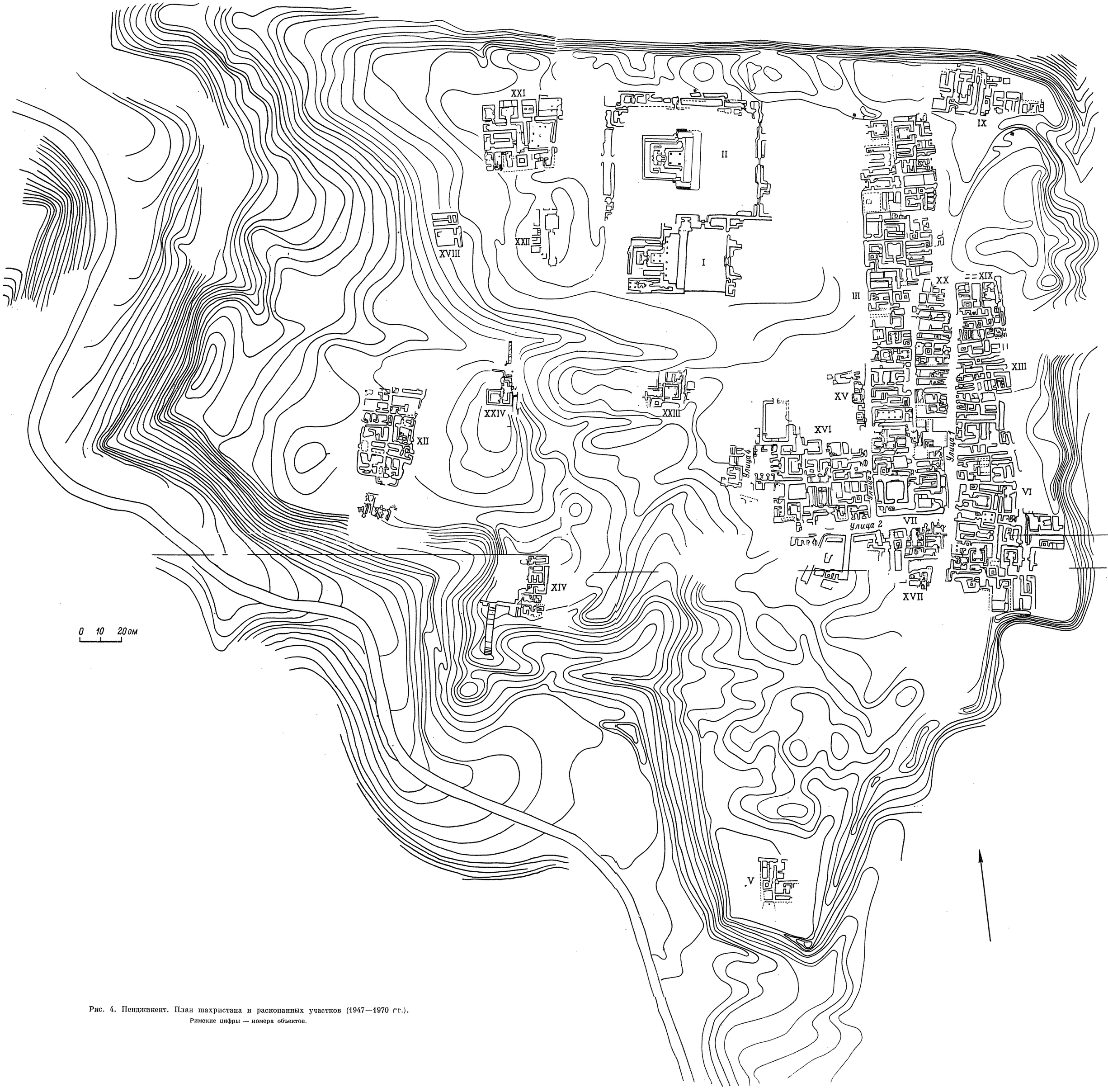
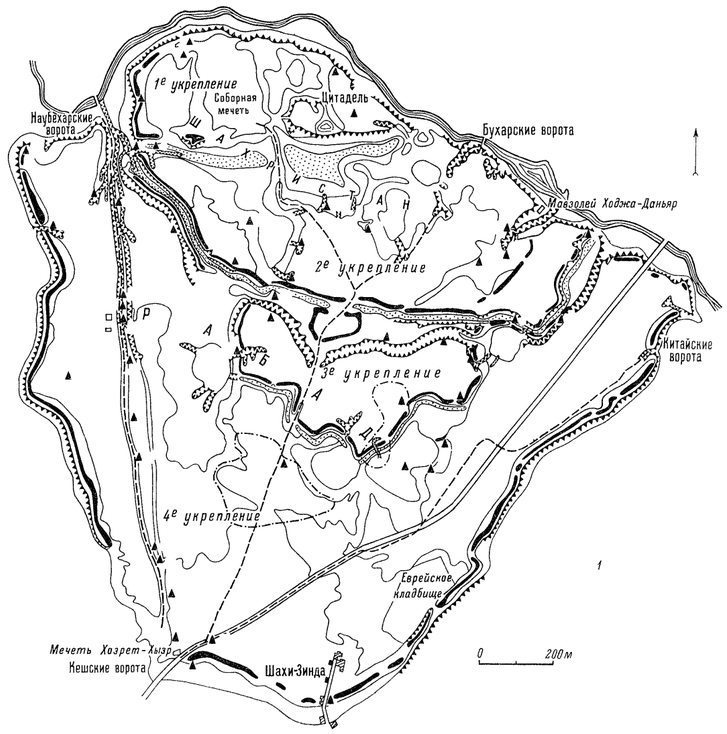
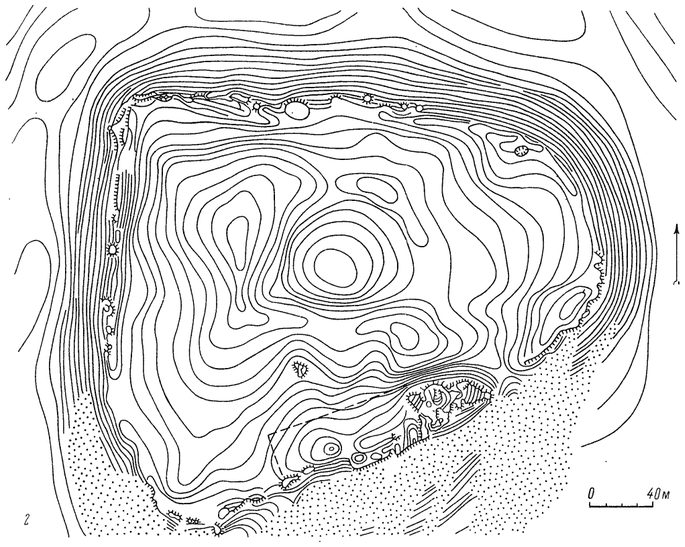

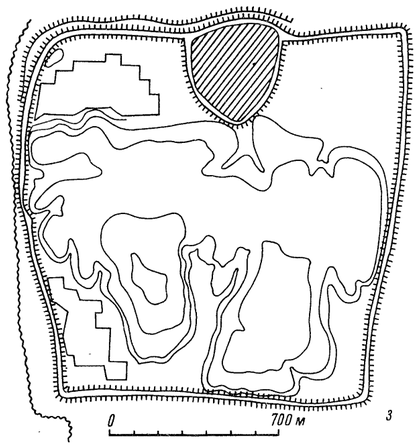
Рис. 4. Пенджикент. План шахристана и раскопанных участков (1947—1970 гг.).
Римские цифры — номера объектов.

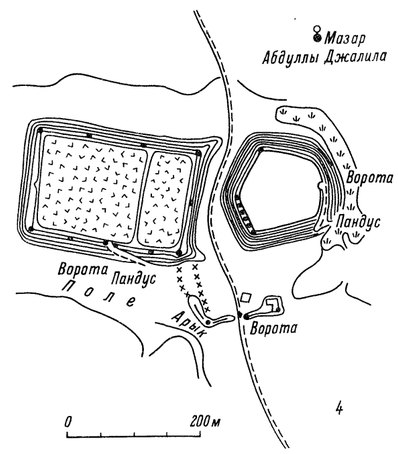
1

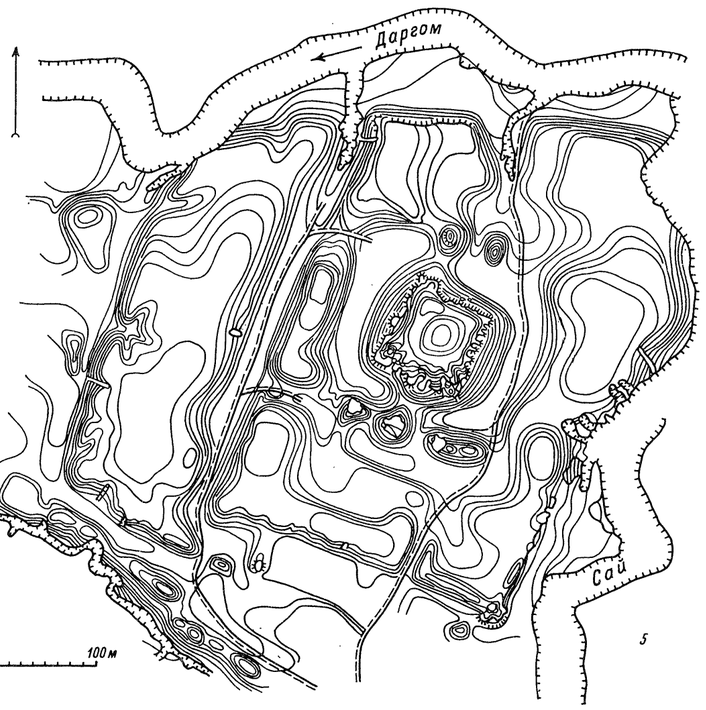
2

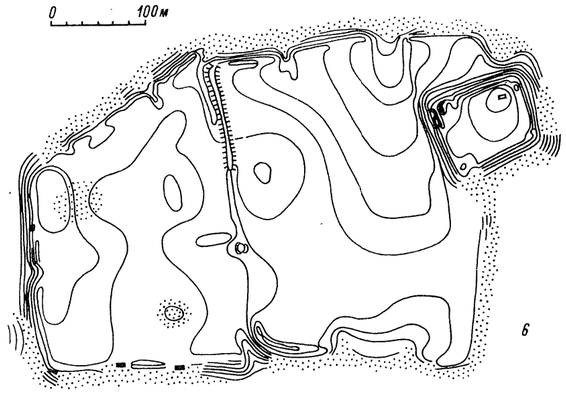
3

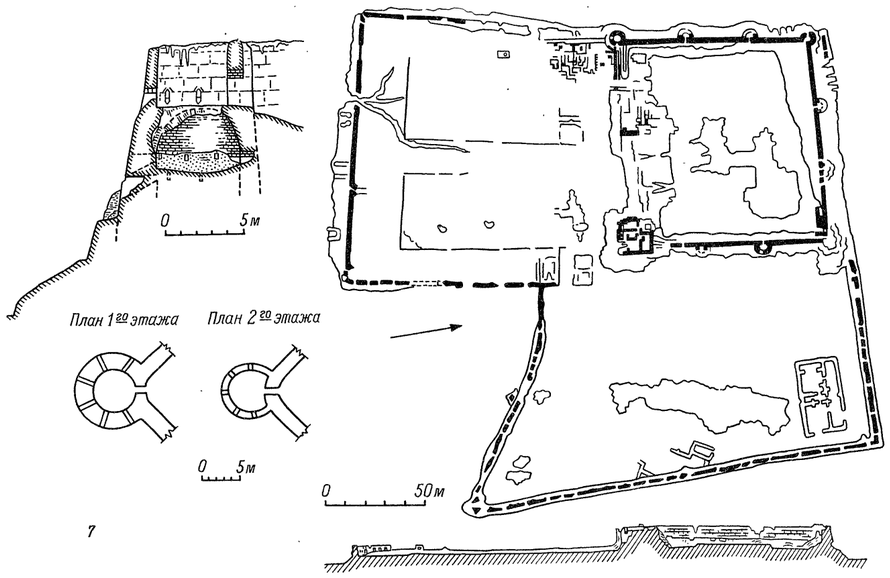
4

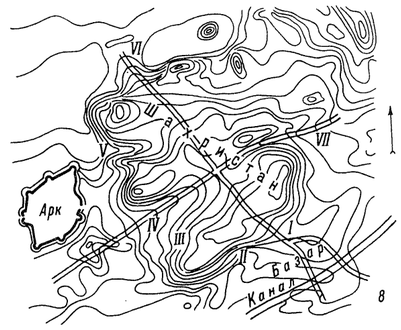
5

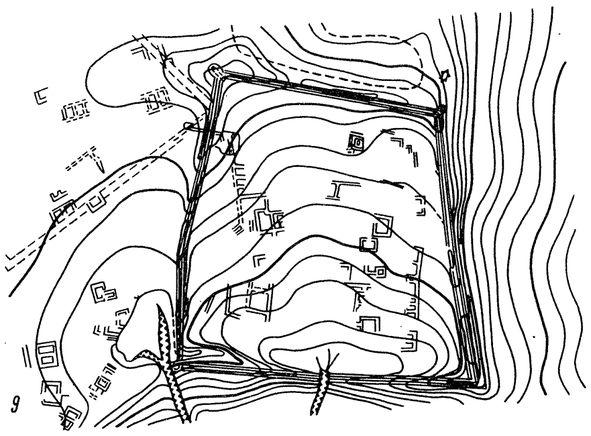
6

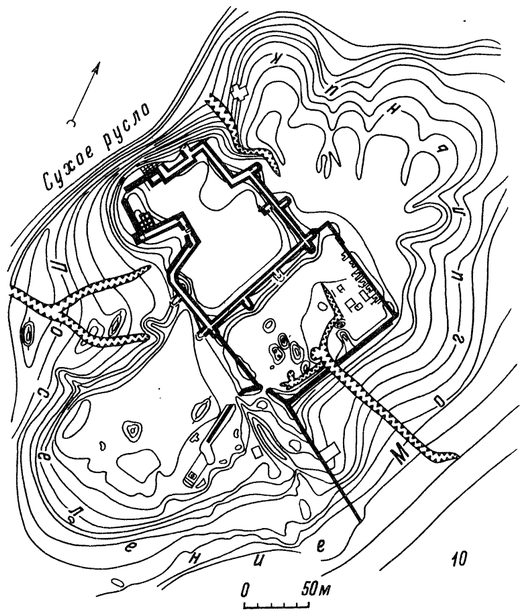
7

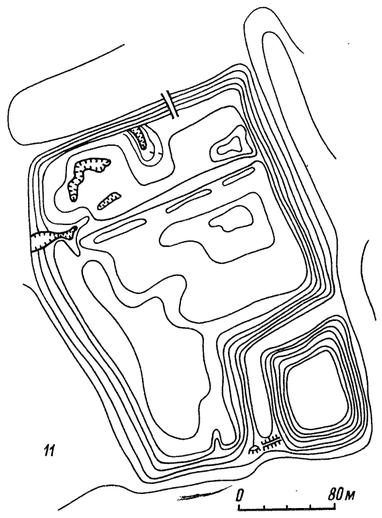
8

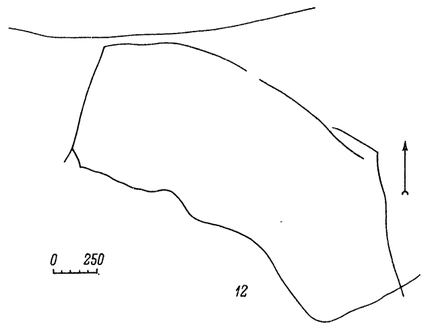
9

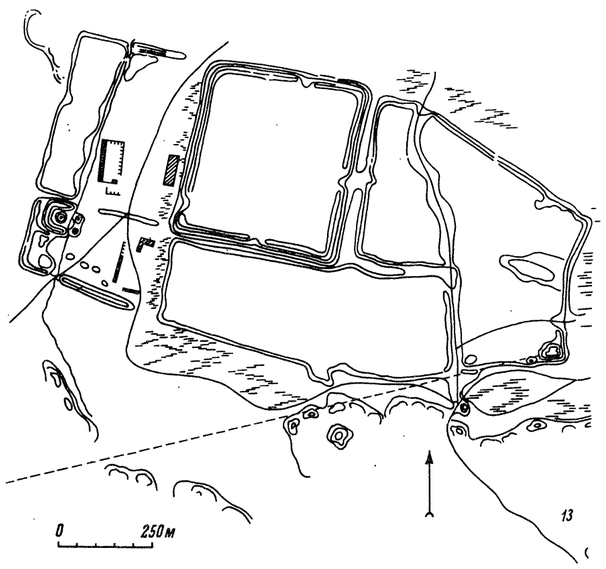
10

11

12

13

Рис. 1. Планы городищ.

1 — Афрасиаб; *2* — Варахша; *3* — Мерв; *4* — Хосров-Кала; *5* — Кафир-Кала; *6* — Пайкенд; *7* — Беркут-Кала; *8* — Бухара; *9* — Куюк-Кала; *10* — Ток-Кала; *11* — Хайрабад; *12* — Ак-Бешим; *13* — Красная Речка.

чало VIII в. н. э. Этим временем датируется и функционирование главной постройки внутреннего укрепления — донжона, занимавшего юго-восточный угол этой части цитадели. Комплекс жилых помещений донжона сооружен на стилобате высотой около 10 м, облицованном пахсовыми блоками. Стилобат имеет форму усеченной пирамиды. Жилые помещения донжона группируются по обе стороны от центрального коридора, прорезающего все здание с севера на юг, и представляют собой сравнительно небольшие сводчатые комнаты (Тереножкин, 1950; Ставиский, 1950).

По ряду технических причин раскопки на цитадели были прерваны и возобновлены только в 1965 г., продолжаясь и до настоящего времени. Ниже даются некоторые общие сведения о работах последних лет. Эти работы показали наличие вдоль восточной стены внутреннего укрепления массива построек жилого и служебного назначения. Наружный фас восточной стены представлял собой ряд тщательно забутованных комнат, которые приобрели сейчас вид сплошного контрфорса. В северо-восточном углу расчищено основание башни, квадратной в плане, сложенной из сырцового кирпича. Произведенный разрез южной стены внутреннего укрепления показал нарастание ее толщины в результате забутовок прилегавших к ней изнутри помещений. Снаружи стена была покрыта пахсовой рубашкой. В траншее разреза обнаружена линия канализационных труб (кубуров) с уклоном наружу, которые перестали функционировать к моменту покрытия стены указанной пахсовой рубашкой.

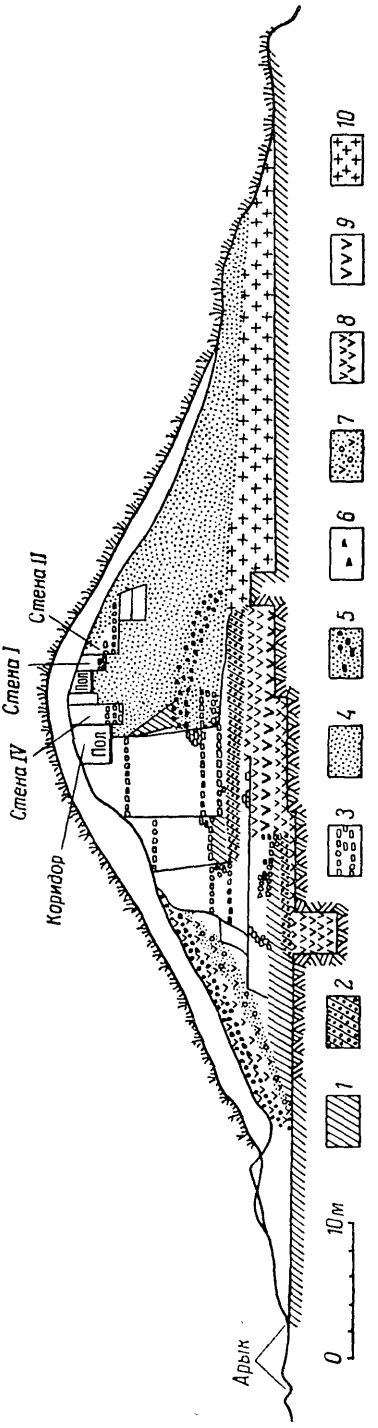

Рис. 2. Гяур-Кала. Разрез городской стены.
1 — ранняя пахса; *2* — ремонтная пахса; *3* — сырцовая кладка; *4* — оплывший слой; *5* — слой разрушения; *6*, *7* — строительный мусор; *8*, *9* — тюн и песок; *10* — твердый грунт.

Особо важные результаты получены при раскопках внешнего двора. Здесь в северо-восточной части под мощными завалами, накопившимися от разрушения стен и поздних наслоений, обнаружено дворцовое здание пенджикентских правителей, которое было почти незаметно с поверхности. Это здание в раскопанной части состояло из группы парадных залов и коридора. К сожалению, дворцовые помещения под-

верглись безжалостному разрушению; они погибли в пожаре, что почти полностью уничтожило живопись, некогда богато украшавшую его стены, и резную орнаментацию деревянных конструкций. О прежнем внутреннем богатстве декора интерьера говорят лишь груды измельченной штукатурки с остатками живописи и обуглившиеся куски дерева, по которым лишь в отдельных случаях может быть установлен характер декора (Исаков, 1971).

Структура крепостных стен, окружавших шахристан, исследована также на ряде городищ.

В Гяур-Кале был осуществлен поперечный разрез (пропил) стены в западном ее фасе. Оплывший вал в месте разреза, возвышаясь на 19.5 м, в основании достигает громадной толщи (более 100 м). Стены Гяур-Калы, как это установлено исследовавшим ее Ш. С. Ташходжаевым, насчитывают четыре этапа функционирования, во время которых они подверглись перестройкам (рис. 2). Первоначальная стена сооружена в начале III в. до н. э. Ее основанием служила платформа, сложенная из пахсовых блоков высотой 3.5 м. На этой платформе (цоколе) была построена собственно стена из сырцового кирпича на толстом слое раствора; мощность ее у основания 6.6 м. Сохранилась эта стена на высоту 7.4 м. Следов бойниц в ней не отмечено. Предполагается наличие башен.

В раннепарфянское время (около I в. до н. э.) стена подверглась значительной перестройке. Остатки первой стены были заключены в пахсовый футляр на высоту 5 м и послужили основанием для новой стены из сырцового кирпича, толщина которой около 10 м. В этой стене прослеживаются подлинные и ложные стреловидные бойницы. Башни, выступающие за линию стены, имеют прямоугольную форму.

Третья перестройка стены датируется раннесасанидским временем (III в. н. э.). Предыдущие стены были наращены сырцовыми кладками, сложенными на оплывах. В третьей стене намечается внутристенный стрелковый коридор.

Наконец, в конце VI в. была произведена последняя перестройка стен, общий контур которых сохранил современный вал. Новая стена по внешнему фасу несколько выступает за линию ранних стен, достигнув толщины почти 12 м (11.90 м). Для структуры последней стены характерно сочетание кладки из сырцовых кирпичей с внутренней стороны и пахсовых блоков — с наружной. Внутри она заполнена в значительной части строительным мусором.

В современном рельефе крепостного вала прослеживаются расположенные регулярно башни последнего периода, заметно возвышающиеся над куртинами стен.

В целом, по наблюдениям Ш. С. Ташходжаева, стены Гяур-Калы последнего периода их существования демонстрируют «дальнейшее развитие среднеазиатской фортификации» (1963, с. 116), а это не соответствует заключению Г. А. Пугаченковой о том, что в VI—VII вв. в Гяур-Кале «лишь слегка реставрируются великолепные античные стены» (1958б, с. 123).

Интересные наблюдения получены исследователями крепостных сооружений на городище Варахша. Здесь удалось выяснить структуру городской стены и историю ее сложения. Первоначальная стена, как это установлено В. А. Шишкиным, была построена в V в. н. э. Она сложена из сырцового кирпича (41×25× 9 м), имеет в основании 3.5 м и сужается кверху на 2 м. Таким образом, с наружной стороны она образует заметную покатость. Стена эта позже была снаружи наращена кирпичной рубашкой из кирпича того же формата, имеющей у основания толщину 1 м, а в верхней части 2 м. Этот футляр придал стене вертикальный обрез. Новое утолщение стены было произведено посредством комбинированной

кладки из сырцового кирпича и толстых прослоек пахсы, которая придала стене снова покатость (толщина этой кладки у основания 2.5 м, а сверху 1.5 м). При последнем ремонте, когда стена на всю высоту была покрыта пахсовым панцирем толщиной 0.1 м, покатость ее сохранилась. В результате указанных наращиваний стена достигла в последний период существования толщины 7.5 м у основания. Стена была снабжена башнями, расположенными на расстоянии 30 м одна от другой. Башни прямоугольные, монолитные, с ложными бойницами. По внешнему фасу они оформлены гофрами, характерными для крепостного строительства Средней Азии и в последующие века.

В 1958—1965 гг. весьма крупные по объему раскопочные работы, включающие многочисленные поперечные разрезы стен, были проведены М. К. Пачосом на городище древнего Самарканда — Афрасиабе. Результаты наблюдений привели исследователя к неожиданным выводам.

На Афрасиабе, как известно, вполне четко прослеживаются четыре расположенных концентрически пояса стен. Каждая из этих стен подверглась изучению.

Первая стена, смыкающаяся со стеной цитадели, сохранившаяся на высоту до 10 м и имеющая в основании 10 м, как показали раскопки, сложена из однородной пахсы и лишь во время ремонтных работ была укреплена сырцовым кирпичом. Башни, расположенные на расстоянии 25—30 м одна от другой, сложены из сырцового кирпича. Ворот двое: одни в восточной стене, другие в западной. Первые фланкированы двумя башнями, одна из которых выносная.

Такая же структура и у следующих двух стен, идущих параллельно на расстоянии 8—10 м, представлявших, по мнению М. К. Пачоса, одну двойную стену, построенную в VI—начале VII в.

Последняя, четвертая, стена, протяженностью 5 км, сохранилась местами на высоту до 25—30 м. Ее основанием служит пахсовая платформа высотой 2—3 м. «Выше пахсы стена состоит из перемежающихся, — по словам М. К. Пачоса, — сырцовых кладок, забутовок, заливок». Размеры кирпича 48—50×22—25×8 см. Отсутствуют башни и бойницы. В этой стене устанавливается местонахождение трех ворот. По мнению М. К. Пачоса, все это соответствует описанию самаркандской крепостной стены арабскими географами X в. Постройка четвертой стены датируется исследователем VIII—IX вв. (Пачос, 1968).

Таким образом, строительство всей системы укреплений Самарканда ограничивается М. К. Пачосом сравнительно коротким периодом — ранним средневековьем (IV—VIII вв.). Такая датировка совершенно меняет сложившиеся в науке представления об истории стен и самого города. Как известно, Афрасиаб идентифицируется с Маракандой античных авторов, бывшей укрепленным городом ко времени походов Александра Македонского. Иначе говоря, если принять даты, предложенные М. К. Пачосом, то город «омолаживается» почти на целое тысячелетие. Соответственно М. К. Пачос вслед за В. Л. Вяткиным рекомендует искать местоположение древней Мараканды в другом месте (1968, с. 17). Следует, однако, сказать, что такая датировка Афрасиаба противоречит вещественным материалам, добытым археологами на самом городище, в особенности памятникам материальной культуры, найденным на нем во время раскопок в 40-х годах А. И. Терепожкиным (1950б), наиболее ранние из которых вполне убедительно датируются серединой I тыс. до н. э. Очевидно, вопрос о датировке Афрасиаба и истории сооружения его крепостных стен должен быть оставлен пока открытым. Интересные данные о структуре крепостных стен получены в результате разреза крепостной стены на городище Кахкаха I. В основании стена имеет более 8 м при высоте не менее 11 м. Сложена она из горизонтальных полос пахсы толщиной

4 м, без вертикальных разрезов, обычных для других районов Средней Азии. С внутренней стороны на исследованном участке между стеной и застройкой оставлен свободный проход — «обводный коридор» (Негматов, Хмельницкий, 1966, с. 39).

Ценные результаты получены при раскопках городской стены шахристана Пенджикента. Крепостной стеной город обнесен с двух сторон: с восточной и южной. Восточная стена имеет прямолинейное направление, в то время как южная образует весьма изломанную линию. С севера и с запада подстилающие территорию города мощные выходы конгломератов обрываются почти отвесно на значительную высоту, что делало излишним возведение стен. С запада шахристан прикрывала, кроме того, цитадель, от которой он был отделен лишь древним руслом сая. Главные городские ворота находились приблизительно в середине южной крепостной стены. Вторые ворота, возможно, располагались в северном конце восточной стены.

Поперечный разрез южной городской стены, произведенный одновременно с исследованием прилегающих к ней жилых построек (объект XII), дал достаточно надежный материал для датировки отдельных этапов ее существования и выяснения ее структуры (рис. 3). Как установлено Б. И. Маршаком, производившим раскопки, на протяжении всего времени функционирования стены имели место четыре достаточно четко выделенных периода.

Первоначальная стена толщиной 2.2 м, сложенная из кирпича (24—25 × 48—50 × 8—9 см) на грунте без фундамента, сохранилась на высоту 1 м. Кладка выполнена небрежно на толстом слое раствора. У разреза прослежен прямоугольный уступ городской стены высотой около 7 м, длиной 7.3 м, выдвинутый за линию стены на 2.2 м, — возможно, остатки прямоугольной башни.

Во второй период была произведена капитальная перестройка стены. С наружного фаса к остаткам первоначальной стены была приставлена мощная пахсовая оболочка на высоту около 2 м, благодаря которой образовалась платформа толщиной более 5.5 м. На этой платформе была сооружена стена, которая не сохранилась.

В третий период отдельные помещения жилой постройки, примыкавшие к стене, были забутованы, что превратило основание стены в массив шириной почти 9 м. Над этим массивом комбинированной кладкой — из сырцового кирпича и толстых прослоек пахсы — была построена стена, сохранившаяся на высоту около 2 м при толщине несколько более 4 м.

Характер перестройки стены в последний, четвертый, период восстанавливается лишь предположительно, так как эта стена оказалась полностью разрушенной. Устанавливается лишь, что основанием ее служила платформа шириной не менее 3.7 м, на которой была сооружена куртина или брустверная ее часть. К стене примыкали жилые постройки, крышами которых обороняющиеся могли пользоваться для подъема к бруствeру. Датируется стена, по материалам раскопок, временем от V—VI по VIII в. н. э. (Маршак, 1964).

Помимо поперечного разреза вблизи юго-восточного угла на южной стене были расчищены участки с внутреннего и внешнего фасов, показавшие, что поднимались на стену изнутри в отдельных пунктах по широким ступеням. С внешней стороны расчищены вертикальный фас куртины и основание круглого выступа монолитной башни (Ставиский, 1953).

Общее количество и местоположение башен прослеживаются по рельефу валов лишь весьма приблизительно. Отдельно стоящая выносная башня фланкировала с запада главные городские ворота в южной стене.

Приведенные археологические материалы показывают, что устройство системы укреплений в предарабское время во многом определялось их устройством в предшествующие века. В ряде случаев ранние стены лишь дополнительно ремонтировались. Но сам характер производившихся ремонтов достаточно определенно показывает общую тенденцию в развитии фортификации — превращение ранее сравнительно тонких кирпичных стен, прорезанных системой стрелковых бойниц, в мощные глинобитные массивные глухие ограды. Разрез стены пенджикентской цитадели наглядно показывает, как шло образование этого массива, по крайней мере на отдельных участках. С внутренней стороны в массив стены включались прилегавшие к ней забутованные постройки. С внешней стороны стена покрывалась пахсовой рубашкой, панцирем.

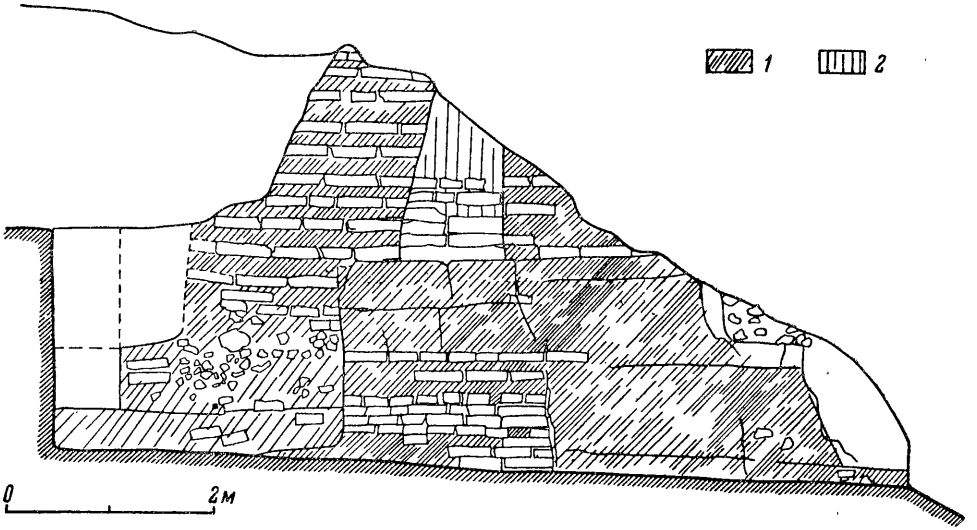

Рис. 3. Пенджикент. Разрез городской стены.
1 — глинобитный массив; *2* — поверхность стены.

Как показали раскопки в Варахше и Пенджикенте, в столичных городах отдельных княжеств в непосредственном соседстве с цитаделью сооружались дворцовые здания. В Пенджикенте именно в связи с постройкой дворца была возведена и вторая стена вокруг цитадели. Таким образом, здесь дворцовый комплекс отделялся в какой-то мере как от собственно цитадели (внутреннего укрепления), так и от шахристана. Но особенно характерно в этом отношении местоположение дворца шахристана в Кахкахе II, где он полностью отделен от остальных частей поселения самостоятельной стеной.

Во внутренней застройке цитаделей наиболее важным сооружением являлись донжоны, мощные сооружения на высоких стилобатах. Будучи наиболее возвышенным пунктом цитадели, они во время боевых действий служили, очевидно, главным командным пунктом и одновременно последним убежищем для защитников. Донжоны были приспособлены как для жилья, так и для хранения запасов. Простое устройство жилых помещений донжона, как и других построек в большинстве исследованных цитаделей, позволяет полагать, что в них располагались гарнизон, постоянные дружины и служебный персонал правителя.

Говоря о цитаделях, необходимо особо отметить их генетическую связь с отдельно стоящими замками.

Насколько действенной была обороноспособность всей системы городских укреплений? Вопрос этот до сих пор в специальной литературе не ставился. Для предшествующего арабскому завоеванию периода у нас нет никаких данных письменных источников, которые сообщали бы подробности об осадах крепостей. Что касается времени арабского завоевания, то известно, что в ходе военных действий арабам неоднократно приходилось осаждать города и применять осадные орудия.

Исследования (главным образом В. В. Бартольда) показали, как много усилий и времени арабам пришлось затратить, прежде чем им удалось овладеть страной. При этом наибольший успех принесли арабам не столько прямые военные действия, сколько коварные политические акции, направленные на разъединение сил сопротивления, чему способствовала и политическая раздробленность страны. Хорошо известны слова правителя Самарканда Гурека, обращенные к полководцу арабов Кутейбе, что последний побеждает «руками наших братьев». Но и при этих условиях арабам пришлось затратить почти три четверти столетия для утверждения своего господства (Бартольд, I, с. 240). В ходе длительного сопротивления, даже судя по отрывочным и односторонним сообщениям арабских авторов, роль городских крепостей, обороняемых местными гарнизонами или жителями, была весьма значительной. Источники сохранили сообщения об активных военных действиях у стен Самарканда, Пайкенда, Термеза и Шумана.

Термезом хитростью овладел известный арабский военачальник Муса б. Хазим, восставший против власти хорасанского наместника. Муса, опираясь на крепость Термеза, удерживал город с помощью небольшого отряда почти в течение 15 лет (с 689 по 704 г.). В нем он с успехом выдержал осады армий, насчитывавших 30 и даже 70 тыс. воинов. Применяли ли противники Мусы противокрепостные орудия — не сообщается в источниках. Говорится лишь, что однажды в крепостной стене была пробита брешь, причем Муса этому не противодействовал. Как явствует из рассказа, он предпочел дать сражение внутри города, где и нанес своим противникам поражение (Бартольд, I, с. 242; Табари, II, с. 1155—1160).

Рассказы о военных действиях у стен остальных городов относятся ко времени походов арабского полководца Кутейбы (705—715 гг.).

Впервые об осаде крепости с помощью осадных орудий сообщается в рассказе ат-Табари о походе Кутейбы против Шумана в 709 г. (II, с. 1230). Судя по этому сообщению, правитель Шумана был вполне уверен в надежности своей крепости. Когда Кутейба подступил к крепости, правитель Шумана заявил, что стены его крепости настолько высоки, что пущенная им стрела, а он считал себя лучшим стрелком из лука, долетает лишь до их середины. Однако когда с помощью метательных орудий арабы начали забрасывать камни внутрь крепости, этот правитель предпочел выступить против врагов в открытом бою, во время которого и погиб.

В 709 г. Кутейбе дважды приходилось осаждать Пайкенд. Первая осада, длившаяся месяц, закончилась заключением договора на условии выплаты горожанами контрибуции. Однако вскоре отряд, оставленный арабами, был перебит и город снова подвергся осаде. Осада продолжалась около двух месяцев. На этот раз сообщается об осадных работах, видимо подкопе, и взятии города штурмом (Наршахи, пер., с. 42).

Несколько более подробные сообщения мы имеем относительно осады Самарканда в 712 г. Осада длилась более месяца. Только после двукратного пролома стены противокрепостными орудиями арабам удалось взять город штурмом. Отметим, что брешь, пробитая в первый раз, была заложена тут же, очевидно, заранее заготовленными мешками с просом (Табари, II, с. 1243—1244). В китайской исторической хронике сохранилось письмо самаркандского правителя Гурека, возглавлявшего оборону го-

рода, в котором говорится о 300 стенобитных орудиях, действовавших против Самарканда (Chavannes, 1903, p. 204).

Из приведенных скупых сообщений можно сделать вывод, что фортификация ко времени арабского завоевания была достаточно действенной.

Застройка шахристана

В предыдущей главе указывалось, что в историко-археологической литературе Средней Азии было широко распространено представление об усадебной застройке шахристанов в предарабское время, представление, которое основывалось главным образом на описании г. Бухары в сочинении Наршахи. Однако, как было там же отмечено, интерпретация сведений этого автора нуждается в критическом пересмотре. Во всяком случае сообщения эти должны быть проверены археологически. Посмотрим, что дают для решения данного вопроса материалы раскопок древнего Пенджикента.

Изучение Пенджикента свидетельствует о том, что застройка города имела вполне урбанистический характер. Уже в первые годы раскопок выяснился прежде всего факт густой застройки города. На это обстоятельство обратил внимание еще в 1951 г. А. Ю. Якубовский, который был одним из сторонников «усадебной» теории. Он пишет: «У шахристана древнего Пенджикента имеется еще одна особенность, которую также необходимо отметить. Бугры — остатки зданий — стоят близко один к другому, между ними небольшие полосы свободной земли, что исключает возможность видеть в зданиях строения усадебного типа» (Якубовский, 1951, с. 235).

Позже еще более решительно, также главным образом опираясь на раскопки в Пенджикенте, против «усадебной» теории застройки города выступила В. Л. Воронина. «Раскопки древнего Пенджикента, — писала она, — позволяют сопоставить свидетельства письменных источников и данные археологии. В шахристане городища выявляются ряды слитных жилых комплексов. Усадебный характер раннесредневекового городского жилища, на котором так настаивал А. Ю. Якубовский (В. Л. Воронина имеет в виду взгляды А. Ю. Якубовского, высказанные до раскопок в Пенджикенте, — *А. Б.*), должен быть в настоящее время решительно отвергнут» (Воронина, 1959, с. 89).

Отрицая «усадебную» теорию застройки и признавая слитность между собой отдельных комплексов, А. Ю. Якубовский и В. Л. Воронина, однако, не дают четкого определения характера застройки. Между тем сейчас общая картина вырисовывается достаточно четко.

Раскопками вскрыто более трети территории древнего Пенджикента. Ими охвачены все районы городища (рис. 4). При этом выяснилось, что всюду верхний строительный горизонт датируется одним и тем же временем. Характер застройки шахристана лучше всего виден в восточной его части. Здесь были сосредоточены основные раскопочные работы, в результате которых вскрыт крупный массив сооружений.

Особо важное значение приобрело то обстоятельство, что наряду с раскопками руин зданий был раскопан ряд улиц, пересекавших этот район шахристана. Именно улицы, их направление и позволили определить границы отдельных строительных массивов и понять характер последних.

Несколько слов об улицах. Нельзя не отметить прежде всего, что представление об уличной сети, как и об общей застройке города, в специальной литературе было более или менее произвольным. В археологии Средней Азии до сих пор специальные раскопки уличной сети древних городов не производились. Основной ориентир для суждения об их на-

правлении — местоположение ворот, которое в отдельных случаях достаточно заметно определялось по соответствующим впадинам в крепостных стенах. От места ворот проводились обычно прямые линии улиц. В некоторых случаях улицы определялись по рельефу поверхности городища. На планах улицы если и намечались, то в виде прямых пунктирных линий, идущих от одних ворот к другим. Однако в практике археологических работ в Средней Азии не было случая проверки такого представления непосредственно раскопками. Сейчас, после вскрытия первых достаточно крупных отрезков улиц на городище древнего Пенджикента, с полной очевидностью выясняется, что уличная сеть города (шахристана) была значительно более сложной, чем это можно предположить по рельефу городища, и во всяком случае не определялась местоположением ворот крепостной стены. Всего раскопаны четыре отрезка улиц разной длины.

Улица 1, — вероятно, главная улица восточной части шахристана. Ее ширина в среднем около 5 м. Она тянется по прямой с севера на юг. Прослеженная на протяжении около 200 м, эта улица отделяет сплошные строительные массивы, расположенные по обе ее стороны.

Улица 2 имеет широтное направление и вливается под прямым углом в улицу 1. Она приблизительно такой же ширины, как и последняя. Прослежена на протяжении около 90 м. Тянется также по прямой.

Улица 3 тянется с севера на юг параллельно улице 1, вливается в улицу 2. Она у́же первых двух улиц: ширина ее около 3 м. Прослежена на протяжении 80 м.

Улица 4 намечается параллельной улицам 1 и 3. Как можно полагать, направляется в сторону главных городских ворот.

Раскопанные отрезки улиц позволили установить границы отдельных массивов построек, и что еще более важно — вся структура застройки стала выясняться в совершенно ином свете, чем предполагалось раньше. Прежде всего стало очевидным, что постройки на вскрытой площади делятся на четко ограниченные кварталы городского типа. В настоящей стадии раскопок в восточной части шахристана вырисовываются четыре крупных квартала. Оконтурен со всех сторон почти полностью квартал, расположенный к западу от улицы 1. Близки к завершению раскопки квартала, тянущегося вдоль той же улицы с восточной ее стороны. Также близки к завершению раскопки квартала, лежащего к западу от улицы 3. По крайней мере с двух сторон прослежены границы квартала к югу от улицы 2, хотя здесь раскопки самих построек несколько более ограничены.

С самого начала раскопок стало ясно, что большинство построек — жилые помещения. Однако социальную атрибуцию их владельцев удалось выяснить далеко не сразу. Сначала предполагалось, что, например, первый из названных кварталов представляет собой здание дворца правителя (Якубовский, 1951). Затем было высказано мнение о принадлежности построек большесемейной общине, о том, что в массиве построек следует видеть «дом рода» (Воронина, 1959а, с. 89). Все эти предположения сейчас неприемлемы. Против них прежде всего количественный состав построек в отдельных кварталах. В первом квартале насчитывается, включая только комнаты нижнего этажа, более 200 помещений. Они разного размера, примыкают одно к другому без разрыва. Однако в большинстве случаев вполне возможно выделить связанные друг с другом группы помещений — изолированные комплексы, дома или жилища с различным, но в целом ограниченным количеством комнат и, как правило, с одним выходом на улицу. Ниже мы рассмотрим состав и планировку отдельных жилищ; здесь отметим лишь еще одно обстоятельство, выявившееся в первую очередь благодаря раскопкам улиц. В ходе раскопок построек сложилось убеждение, что восточная часть городища являлась аристократи-

ческой. Казалось бесспорным, что населяли ее только представители военно-земледельческой верхушки (дихканы) или имущественно близкие к ним слои купечества и жречества. Для такого представления основанием служило то, что здесь были обнаружены жилища с парадными помещениями, богато украшенными стенными росписями и резной деревянной скульптурой. Новое и неожиданное, что обнаружили раскопки улиц и прилегающих непосредственно к ним построек, заключается в том, что в этой части городища на улицы выходило много разной величины торгово-ремесленных зданий. Иначе говоря, восточная часть оказалась одновременно и центром торгово-ремесленной деятельности (см. ниже).

Помимо раскопок в восточной части шахристана исследования происходили и на ряде пунктов в центральной части, а также и на его периферии. Весьма важным для характеристики города явилось открытие двух одинаковых по планировке храмовых зданий, давших впервые представление о городском храмовом зодчестве Средней Азии. Храмы эти (весьма крупные сооружения) могут служить показателем многолюдности городского населения древнего Пенджикента. Они построены к западу от квартала, названного выше первым, отделены от него довольно обширной площадью (видимо, главной в городе).

Западнее храмов раскопано несколько зданий, принадлежавших представителям зажиточной части населения.

Раскопки в ряде пунктов южной части города показали, что и здесь застройка производилась крупными массивами-кварталами, состоявшими из групп отдельных жилищ, принадлежавших рядовым гражданам (вероятно, ремесленникам и торговцам).

Следует особо отметить исследование участка в юго-западном углу шахристана (объект XII), где на значительной площади раскопан жилой комплекс более раннего строительного горизонта, датируемого V—VI вв. И хотя сравнение построек последнего с постройками верхнего горизонта показывает весьма существенные изменения, однако и они демонстрируют картину сплошной застройки. Правда, пока невозможно судить о том, насколько названный участок характерен для всего шахристана. Исследование городской стены на этом же участке показало, что она существовала одновременно с открытыми здесь постройками. Таким образом, по крайней мере в этой части города граница проходила там же, где и в последующие века (Маршак, 1964).

Отметим, наконец, результаты раскопок построек поселения, находившегося непосредственно за стенами шахристана Пенджикента. Эти постройки, как увидим, во многом отличаются от построек шахристана. Однако связь всего поселения с последним вполне бесспорна. Пригородное поселение Пенджикента является наглядным свидетельством того, что уже в предарабское время начали образовываться так называемые рабады, которые позже становятся главными центрами городов Средней Азии.

Жилища шахристана. Сейчас можно считать несомненным, что городской квартал состоял из отдельных, самостоятельных жилищ, каждое из которых включало ограниченное число помещений. Но надо признать, что при слитности застройки, когда каждое жилище непосредственно примыкает к другому, когда к наружной стене одного жилища пристраивается впритык другое, расчленить весь квартал на самостоятельные жилища — домовладения — оказалось задачей достаточно трудной. В некоторых случаях предполагаемое членение или выделение из всего массива такого домовладения является спорным либо требующим добавочного исследования. Последовательность застройки квартала в настоящее время едва ли может быть всегда восстановлена для всего квартала. Но главная трудность вызвана тем, что в последний период жизни на городище судьба

отдельных помещений и групп их была неодинаковой. На многих пунктах производились ремонты и перестройки, затрагивавшие всю планировку. Велись такие работы в беспокойное время, наполненное военными событиями. Восстановительные работы производились наспех и крайне небрежно. Отнюдь нельзя поручиться за то, что они делались прежними владельцами жилищ. Такое положение несомненно влекло за собой нарушение и первоначальных границ отдельных домовладений. Тем не менее мы и сейчас можем очертить наиболее характерные особенности отдельных типов жилищ, их планировку и состав входивших в них помещений, с тем ограничением, что речь идет по преимуществу о помещениях нижнего этажа.

В планировочном отношении наиболее полно исследованы жилища восточной части шахристана. Уже при первом взгляде на планы застройки вскрытых здесь участков мы без труда можем оконтурить отдельные группы помещений, которые взаимно связаны дверными проемами и имеют чаще всего один общий выход на улицу. Глухие стены без проемов изолируют такие группы помещений от соседних. Их мы и будем называть отдельным жилым комплексом или домовладением.

В общем массиве восточных кварталов могут быть выделены прежде всего жилища двух типов (рис. 5). Жилища первого типа — это помещения с квадратным или близким к квадрату залом (рис. 6, *а*). Таких жилищ сейчас вскрыто в восточной части городища несколько десятков. Квадратный зал в них всегда занимает главное место. Различные по своим размерам, эти залы отличаются устойчивой внутренней планировкой. Площадь наиболее крупных из них до 80 м^2 и более, наименьших 25—30 м^2. Не вызывает сомнения назначение таких залов: это парадная, наиболее благоустроенная комната, гостиная, известная в Средней Азии под названием «михмонхона» — «комната для гостей». Этому назначению и служила наиболее выраженная деталь их внутреннего устройства — удобная скамья — суфа, идущая вдоль всех стен. Прерывалась суфа только у дверного проема. Часто против входа, у противоположной стены, суфа расширялась, образуя особо почетное место. Но не только этим определялась особенность залов, их парадность. Как показали раскопки, большинство таких залов отличалось замечательным убранством стен: они были сверху донизу покрыты многоцветной живописью. В Пенджикенте с большой полнотой восстановлена конструкция перекрытия залов. Следы его прослежены во многих из них. Это прежде всего гнезда от колонн; их обычно четыре. Но наиболее важные материалы для восстановления перекрытия были получены в тех помещениях-залах, которые погибли от пожара. В них были найдены остатки колонн, балок, прогонов и других более мелких деревянных конструкций, которые в совокупности позволили В. Л. Ворониной предложить реконструкцию всего перекрытия в форме потолка типа дарбази. Такая реконструкция подтверждается многими памятниками древней архитектуры, памятниками искусства, а также этнографическими параллелями. Аналогичные сооружения известны в народной архитектуре Средней Азии (Памир), где они носят название «рузан» (проем для дневного света), Закавказья — «дарбази» и ряда других стран Среднего Востока (Воронина, 1964, с. 61).

Эта конструкция дополняется особыми глиняными фонарями, венчавшими верх световых отверстий. Они представляют собой отрезки толстостенных глиняных труб широкого диаметра, несколько сужающихся кверху (диаметр основания 60 см, диаметр верха 40 см при высоте 50 см). Замечательной их особенностью является то, что изнутри поверхность стенок нередко украшалась превосходно выполненными фигурными налепами и другими деталями.

Находки обуглившегося дерева в этих залах показали, что кроме стенных росписей в их убранстве большое место занимало и резное дерево.

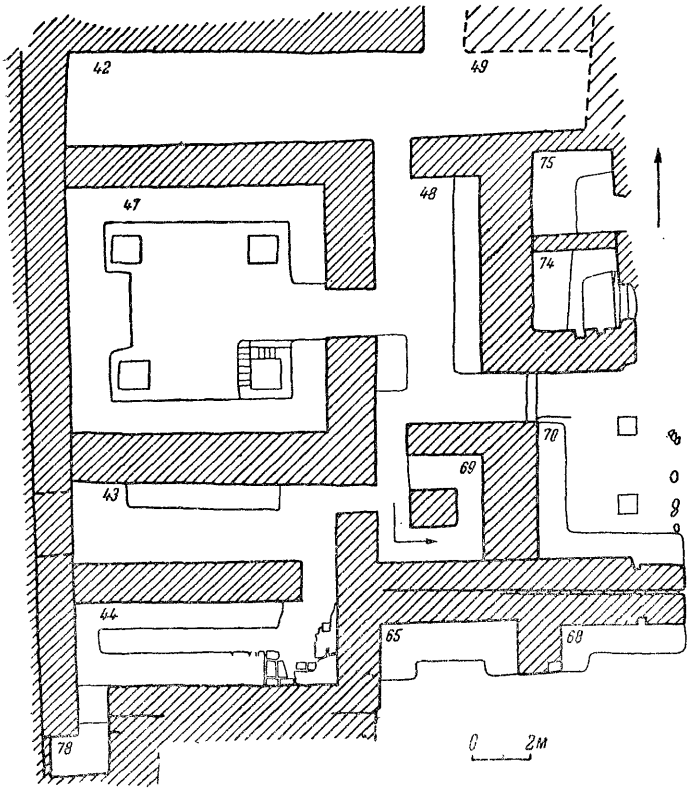

Рис. 5. Пенджикент. Объект III. План жилого комплекса.

Цифры—номера помещений.

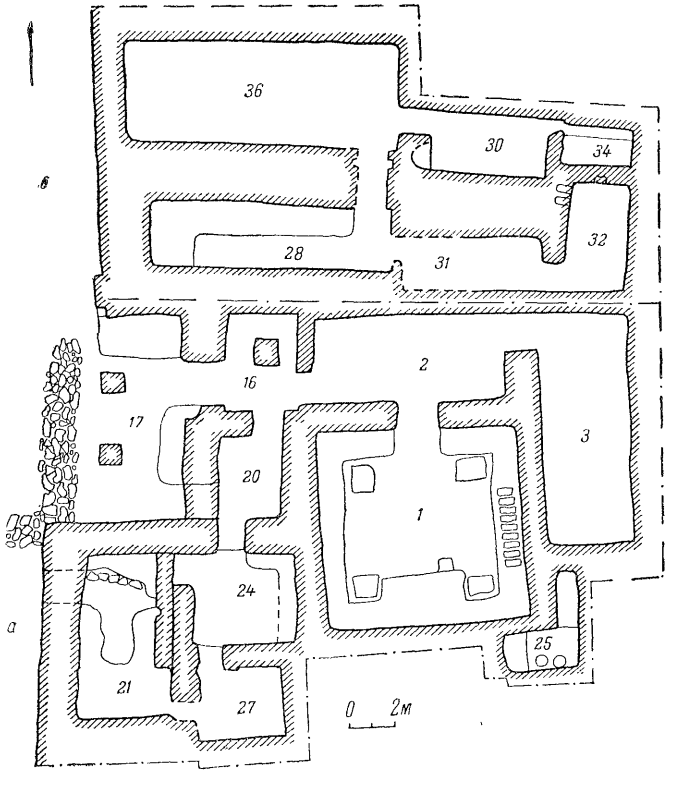

Рис. 6. Пенджикент. Объект VI. План жилого комплекса.

а — с квадратным залом; *б* — из сводчатых помещений.

Колонны, балки, стойки наличников дверей были покрыты резным орнаментом. В залах имелись деревянные панели или фризы, украшенные художественной резьбой (Беленицкий, 1959, с. 78; Воронина, 1959а, с. 89). Еще в X в., как сообщает Наршахи, такие залы назывались «изукрашенные живописью гостиные (михмонхонахойи мусаввар)» (Наршахи, Л, с. 34).[1] Совершенно очевидно, что такое убранство жилого помещения было доступно не каждому рядовому горожанину, что залы входили в состав жилищ представителей господствующего, наиболее зажиточного слоя населения — скорее всего землевладельческо-феодальной знати или крупных купцов, что вполне подтверждается и содержанием стенных росписей (см. ниже).

Другие помещения, входившие в состав жилищ с парадными залами, в большинстве сводчатые. Количество их, размеры и взаимное расположение почти в каждом отдельном случае различны. Это прежде всего прихожая, с которой зал соединен единственным дверным проемом. Большей частью она прямоугольная; главная ось ее перпендикулярна оси зала. В ряде случаев такие прихожие имеют коленчатый контур, огибая зал с двух сторон.

В жилищный комплекс входило и особое помещение, чаще всего квадратное, с пандусным подъемом своеобразного устройства. Вокруг центрального столба, квадратного или прямоугольного в плане, винтообразно поднимались наклонные своды — марши. Некоторые из них сохранились настолько, что по ним можно и сейчас подниматься почти до самого верха. Конструктивно пандусы — наиболее сложные сооружения в пенджикентском жилом строительстве.

Интерес представляет и помещение, служившее домашней часовней или святилищем, устройство которого также отличается достаточно четко выраженной типичностью. О таком назначении говорит специально пристроенная арочная ниша, по бокам украшенная декоративными колонками. Перед нишей имеется невысокая площадка, обычно со следами разведения огня. В некоторых из ниш сохранились на стенах и остатки живописи, но в тех случаях, если они находились на втором этаже (см. ниже). Ниши с очажными площадками пристраивались чаще всего к восточной стене. В одном из таких помещений, к сожалению разрушенном, были найдены интересные лепные украшения, обрамлявшие арку, и фигуры фантастических существ — полуптиц-полулюдей, также несомненно связанные с культовыми представлениями. Из общей системы других комнат святилища выделяются в ряде случаев и тем, что полы в них приподняты над общим уровнем полов помещений и перед входом в них устроены невысокие лестницы. Обязательными для святилищ были и суфы вдоль стен, исключая стену с нишей.

Кроме этих комнат в состав нижнего этажа жилища входит сравнительно немного комнат. Большей частью это прямоугольные сводчатые помещения, не имевшие постоянного дневного освещения. Их внутренняя планировка ограничена суфой, которая может и отсутствовать. Иногда в торцовой стене имеется глубокая ниша. Такие комнаты могли служить для хозяйственных целей. Предполагается также, что они являлись помещениями для слуг.

Вход в жилище оформлялся различно. Часто, но далеко не всегда, как можно судить по раскопанным участкам, у входа устраивался айван, в большинстве случаев небольшой, на двух столбах. Оформление входа также могло иметь вид углубленной лоджии, образованной утолщением наружных стен, создающих пилоны. Такие лоджии имели арочное и полукупольное перекрытие. В отдельных случаях вход представлял собой проем в толще наружных стен без особого оформления.

---

[1] В русском переводе Н. С. Лыкошина это место отсутствует.

Жилища второго типа, как они характеризуются по комнатам нижнего этажа, — это группа сводчатых помещений (рис. 6, *б*). Отсутствие такого важного компонента, как парадный зал, организующее значение которого для жилищ первого типа вполне очевидно, давало при застройке большую свободу для планировки и расположения отдельных помещений. В планировочной схеме таких жилищ некоторая регулярность может быть отмечена лишь в том отношении, что среди них два, а иногда и три одинаковых по размерам помещения часто строятся рядом параллельно друг другу. Впрочем, нетрудно заметить эту же особенность и в жилищах первого типа, где нередко так же расположены два одинаковых сводчатых помещения. То, что данное расположение двух сводчатых помещений не случайное, мы увидим несколько ниже, когда речь пойдет о помещениях второго этажа. Для характеристики жилищ второго типа важно подчеркнуть, что в их состав входят лестничные клетки и айваны. Можно в качестве закономерной особенности также отметить, что в помещениях жилищ второго типа больше хозяйственно-бытовых деталей. Так, здесь мы находим вкопанные в землю корчаги-хумы, в которых хранились различные продукты, чаще встречаются очажные устройства. В отдельных случаях в составе таких жилищ были открыты сводчатые комнаты, стены которых также украшены живописью.

Помимо жилищ двух вышеназванных типов, планировка которых представляется в определенной мере стандартной или, точнее, наиболее характерной, выявлены и такие жилища, в планировочной схеме которых имеются существенные различия. Так, на объекте III был открыт комплекс помещений, расположение которых имеет, условно говоря, характер анфилады. Он состоит из трех помещений: айвана, открытого на запад; прямоугольного (не квадратного) в плане зала с перекрытием на четырех столбах; небольшой сводчатой комнаты (рис. 7). Зал и айван погибли от пожара, но сохранившиеся на их стенах следы красок говорят о существовании некогда живописного убранства.

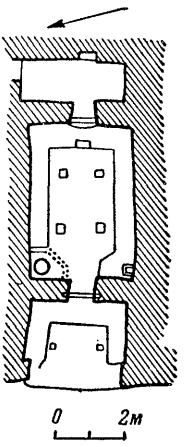

Рис. 7. Пенджикент. Объект III. План жилого комплекса с помещениями, расположенными анфиладой.

Указанная планировка этой группы помещений дала повод В. Л. Ворониной выделить ее в качестве общественного сооружения, «странноприимного» дома (1957). Однако если учесть общее отсутствие строгой стандартности в планировке этих жилищ, то для такого их выделения из числа жилищ остальных типов нет особых оснований. Против приведенного объяснения говорит также и очевидный парадный характер главного зала.

Своеобразен по общей планировке комплекс комнат на объекте VI, объединяющий 9 помещений (рис. 8). Из них лишь одно, судя по размерам, имело, очевидно, плоское перекрытие (пом. № 13); остальные — сводчатые и одно, возможно, купольное. Пять помещений в этом комплексе были очень богато украшены стенными росписями. При этом помимо стен красочной орнаментальной живописью были покрыты и их своды. Содержание росписей, судя по сохранившимся фрагментам, весьма разнообразно. Здесь наряду с культовыми композициями имелись и светские сцены — эпические или даже жанровые. В состав этого комплекса входит и помещение с пандусным подъемом.

Особо следует остановиться на пом. № 13. Это одно из самых крупных помещений Пенджикента. Оно имеет вытянутую прямоугольную форму (12.7 × 7.9 м) при высоте стен не менее 5 м. Бросающейся в глаза отличительной особенностью его планировки является наличие обширного возвышения, занимающего немного меньше половины всего помещения.

В. Л. Воронина весь этот комплекс относит также к числу общественных построек (1957, с. 125). Представляется более точным видеть в пом. № 13 своеобразный театральный зал. О допустимости такого объяснения свидетельствует исключительно большая популярность музыкального и танцевального искусства в рассматриваемое время, о чем помимо многочисленных свидетельств письменных источников наглядно говорят и произведения искусства Пенджикента, особенно живопись (см. ниже). В частности, и в этом помещении на одном из сохранившихся фрагментов живописи изображена группа музыкантов. Но данный комплекс в целом следует скорее всего рассматривать как жилой. Об этом говорит наличие

Рис. 8. Пенджикент. Объект VI. План жилого комплекса.

в его составе комнаты с пандусом, характерной главным образом для жилища. Перед нами частное жилище, очевидно, богатого любителя театрализованных представлений. Пом. № 13 находилось в глубине массива, и, прежде чем попасть в него, нужно было пройти сложными переходами через ряд других комнат, что для общественной постройки едва ли обычно. Впрочем, необходимо отметить, что такого типа эстрады, занимавшие значительную часть помещения, открыты и в других комплексах, жилое назначение которых представляется достаточно очевидным. Вероятно, эстрады могли иметь и бытовое назначение. Так, помещение с эстрадой было открыто на объекте IX (Воронина, 1957), причем на краю эстрады имелся очаг. Еще одно помещение с эстрадой было обнаружено в жилом комплексе объекта VII.

Выделяются по своей планировке два жилища объекта VII, которые в начале раскопок автором были приняты за сооружения типа особняка или дворца (Беленицкий, 1964). Однако, как впоследствии выяснилось, в них следует видеть два отдельных жилища, входивших в состав всего квартала (рис. 9). Но их судьба была несколько отличной от судьбы соседних построек. Оба жилища погибли от пожара, после которого в одном из них были начаты основательные ремонтные работы, включая и перепланировку отдельных помещений. Работы эти не доведены до конца, но благодаря им общая сохранность оказалась значительно лучшей, чем на соседних участках.

Первое жилище состоит из 8 помещений. Вход в него образован мощными пилонами, создающими глубокую лоджию. По бокам пилонов уст-

роены суфы. Первое помещение при входе — обширная квадратная комната, большую часть которой занимает возвышение, куда вела ступенька. На нем в восточной стене устроен внутристенный очаг, возможно, позднего происхождения. Из этого помещения дверной проем ведет в широкое коленчатое сводчатое помещение типа коридора, который с двух сторон — с востока и юга — охватывает главное помещение этого жилища — очень большой парадный зал (пом. № 1). В последнем хорошо прослеживается незавершенность ремонтных работ. В нем не было обнаружено суф и следов от колонн. Его отличает от других аналогичных залов и широкая ниша в стенке против входа. Из восточного отрезка коридора добавочный дверной проем ведет в два смежных сводчатых помещения. Как нетрудно

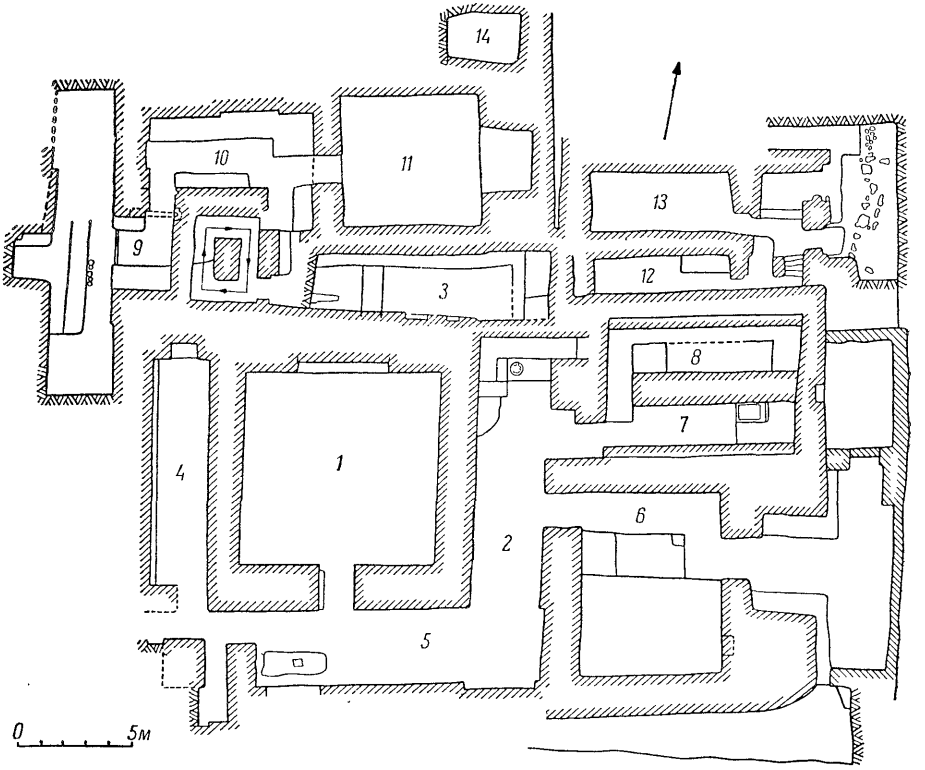

Рис. 9. Пенджикент. Объект VII. План двух жилых комплексов.

было установить, стена, разделяющая эти два помещения, встроена во время ремонтных работ в крупное помещение типа зала. При этом и здесь работы не были закончены. Так, в проходе в пом. № 8 осталась первоначальная суфа. Из южного отрезка коридора проем, пробитый в западной торцовой стене, ведет в помещение с пандусом и оттуда в длинную узкую комнату, примыкающую с запада к залу.

Планировка второго жилища существенно отлична от планировки первого. Вход в него также имеет вид лоджии. Но в отличие от входной лоджии первого задняя стена глухая, а проем для входа в жилые комнаты пробит в боковой (северной) ее стене. Здесь впервые были открыты остатки перекрытия над входом в виде полукупола, от которого сохранились сегмент основания и тромп. Указанный проем в боковой стене лоджии ведет в проходное помещение с суфами. Из него один проход в южной стене ведет на лестничную клетку, а другой — в изолированное сводчатое помещение

(№ 3). Отметим, что от пандуса сохранились все марши с выходом на второй этаж (над пом. № 3).

Пом. № 10 проходом в восточной стене соединялось с пом. № 11, последним в этом жилище. Оба этих помещения, как и соседний комплекс, погибли от пожара, но в них ремонтные работы не производились и завал был заполнен большим количеством обуглившегося дерева от перекрытий. Пом. № 11 отличается от других наличием в западной стене глубокой ниши. Оно, кроме того, было украшено стенными росписями и резным деревом, большое количество которого было найдено в толще завала и на полу.

Отличаются по своей планировке и два жилых комплекса на объекте XVI. Первый включает три помещения (рис. 10). Вход с улицы вел в небольшой вестибюль, над сводом которого сохранился пол от комнаты верхнего этажа. Из нее проходы вели в боковые помещения. В отличие от рассмотренных жилищ здесь вместо отдельного помещения с пандусом была устроена двухмаршевая ступенчатая лестница. Весьма интересным

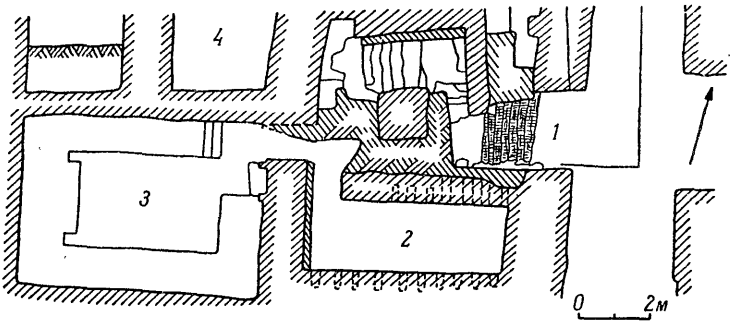

Рис. 10. Пенджикент. Объект XVI. План жилого комплекса.

оказалось пом. № 3 — прямоугольное, продолговатое в плане. Вход в него был пробит в конце восточной стены. Большое количество обгорелого дерева, в том числе и резного, найденного на полу, принадлежало плоскому перекрытию и, очевидно, фризу, обрамлявшему верх стен. Суфы шли вдоль всех стен. Суфа у северной стены в восточном конце перед входом ограждена стенкой-экраном. Находка в этом помещении около 50 обгорелых булл от документов, возможно, свидетельствует о том, что оно было канцелярией.

Второй комплекс (раскопан частично) в составе объекта XVI имеет четко выраженную коридорную систему планировки (рис. 11). Три крупных помещения объединены в нем проходным коридором. Входы в два помещения расположены в боковых стенах коридора. Вход в третье находится в торцовой (южной) стене. Два зала, разные по величине, имели парадный характер и были украшены настенными росписями. Третий был только оштукатурен, причем штукатурка в нем очень сильно закопчена.

Как видно из приведенного описания отдельных комплексов, по нижнему этажу располагались парадные залы, проходные вестибюли, лестничные клетки. В состав комплекса входили также помещения, условно названные культовыми (капеллы), и, очевидно, хозяйственные, обычно сводчатые помещения. Такой состав помещений не отражает полностью характера повседневных бытовых условий жизни владельцев жилищ. И действительно, перед нами только часть жилой площади. Другую часть составляли помещения второго этажа. В большинстве рассмотренных

комплексов жилых построек обязательным компонентом является винтовой пандус или ступенчатая лестница, которая вела на второй этаж. Уже само их наличие, особенно учитывая техническую сложность таких сооружений, как винтовые пандусы, говорит о большом значении, которое имели в составе жилищ помещения второго этажа. К сожалению, верхние этажи подверглись особенно сильному разрушению и от них до нас дошли в большинстве случаев небольшие нижние участки стен и полов. Исключением являются помещения, план которых восстанавливается полностью. Из-за фрагментарности остатков помещений верхних этажей получить полное представление об их планировке и составе в каждом отдельном жилище, естественно, не представляется возможным. Но в совокупности они свидетельствуют о важном значении, которое имел второй этаж в балансе жилой площади.

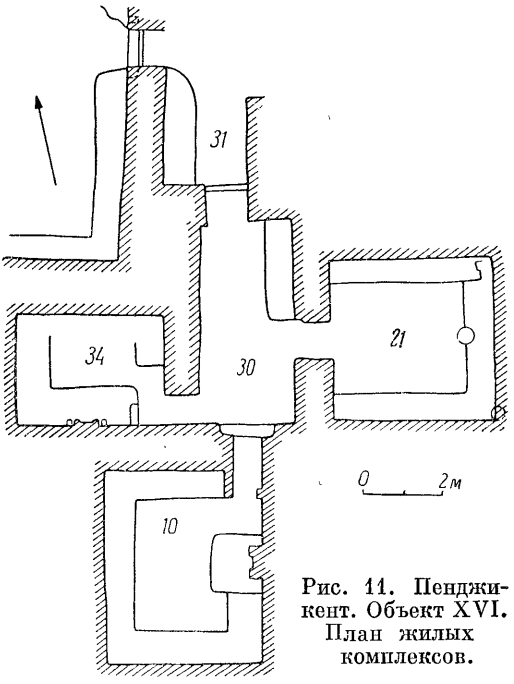

Рис. 11. Пенджикент. Объект XVI. План жилых комплексов.

Большой интерес представляют остатки помещений вторых этажей на объекте VI (рис. 12). Здесь вблизи вестибюля на месте сохранились крупный участок пола и низ стены от пяти небольших каморок. Стены и

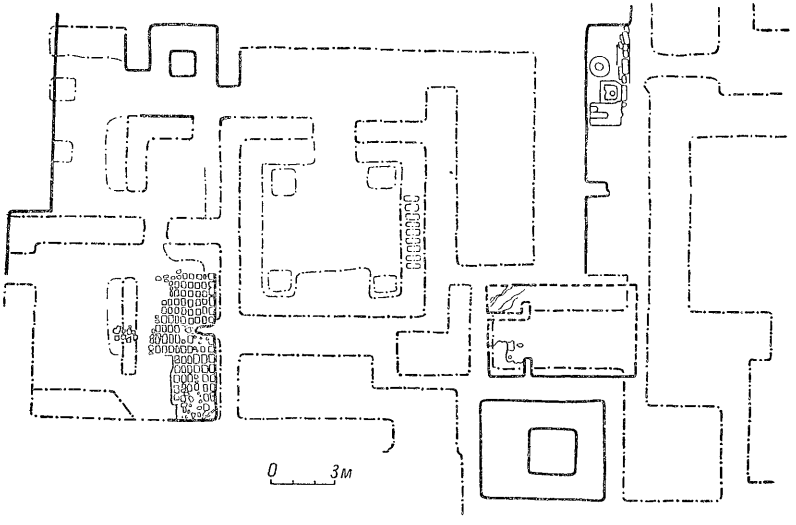

Рис. 12. Пенджикент. Объект VI. План помещений второго этажа (выделены сплошной линией).

полы покрыты алебастровой (ганчевой) штукатуркой. В этих каморках следует, очевидно, видеть отсеки крупного хранилища.

Над пом. № 28 сохранились часть стены и возвышение с очажным устройством, вероятно, от кухни. Там же был прослежен участок стены,

некогда покрытый живописью. Отрезок стены вместе с участком пола длиной около 6 м был прослежен над пом. № 24 и № 27. Низ стены и пол были облицованы обожженными плитками. Скопление золы на полу дало повод Б. Я. Ставискому высказать предположение, что и это помещение было некогда кухней (1964, с. 153). Однако вероятнее, что в данном случае мы имеем дело со следами очага более позднего происхождения. Как бы то ни было, это помещение второго этажа некогда было весьма благоустроенным.

На объекте VII на уровне второго этажа над забутованными помещениями нижнего этажа сохранились на высоту до 1 м стены комнаты (пом. «А») с живописью в виде орнаментального бордюра, выше которого прослежены и остатки фигурной живописи. Кроме того, большое количество измельченных расписных фрагментов штукатурки со стен этого помещения найдено и в завале. Таким образом, можно полагать, что все стены комнаты были украшены росписью.

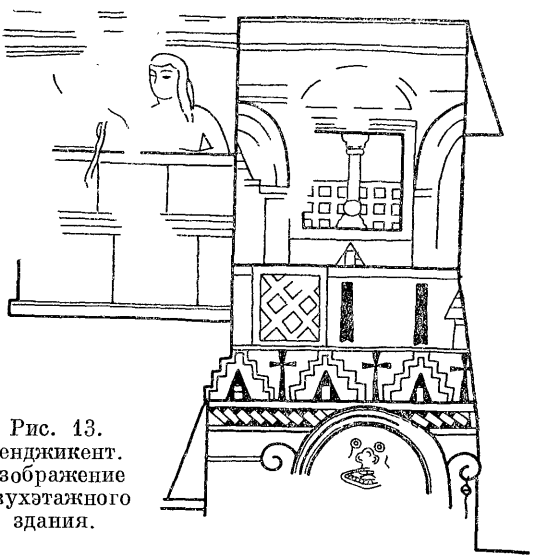

Рис. 13. Пенджикент. Изображение двухэтажного здания.

Наиболее крупный участок второго этажа был открыт на объекте XVI. Здесь почти полностью сохранились стены двух помещений на высоту до 1.5 м вместе с верхним выходом из пандуса. Одно из них (пом. «Б») — небольшое, неопределенного назначения, с суфой. Другое (пом. «А») — домашнее святилище с хорошо сохранившимися на месте остатками пристенной арки и боковых декоративных колонок. Комната эта уничтожена пожаром. На стенах прослежены участки с обгоревшей живописью (Беленицкий, 1964). В этом же помещении было обнаружено и большое количество обуглившегося дерева, свидетельствующее о том, что комнаты верхнего этажа имели балочные деревянные перекрытия. Наличие в них росписей указывает на разработанную систему дневного освещения, — вероятно, в виде потолочных люков, окошек или решеток-фрамуг над дверными проемами. Здесь у строителей были бóльшие возможности, чем при решении задачи дневного освещения в помещениях нижних этажей. Некоторое представление о характере устройства второго этажа дает изображение двухэтажного здания на пенджикентской росписи, где мы видим колонны, решетки, выносные балконы и другие детали (рис. 13). В целом состав помещений вторых этажей был разнообразным, и, по-видимому, именно среди них находились наиболее благоустроенные.

Рассмотренная планировка жилищ и состав входивших в них помещений характерны несомненно, как отмечалось, для зажиточных слоев населения.

Но наряду с ними могут быть выделены в составе кварталов и гораздо более скромные по своему характеру комплексы помещений, являвшихся жилищами, условно говоря, рядовых горожан.

Характер таких жилищ выявлен наиболее наглядно при раскопках на трех объектах — V, XII и XIV. Первый и второй расположены соответственно в юго-восточном и юго-западном районах шахристана. Послед-

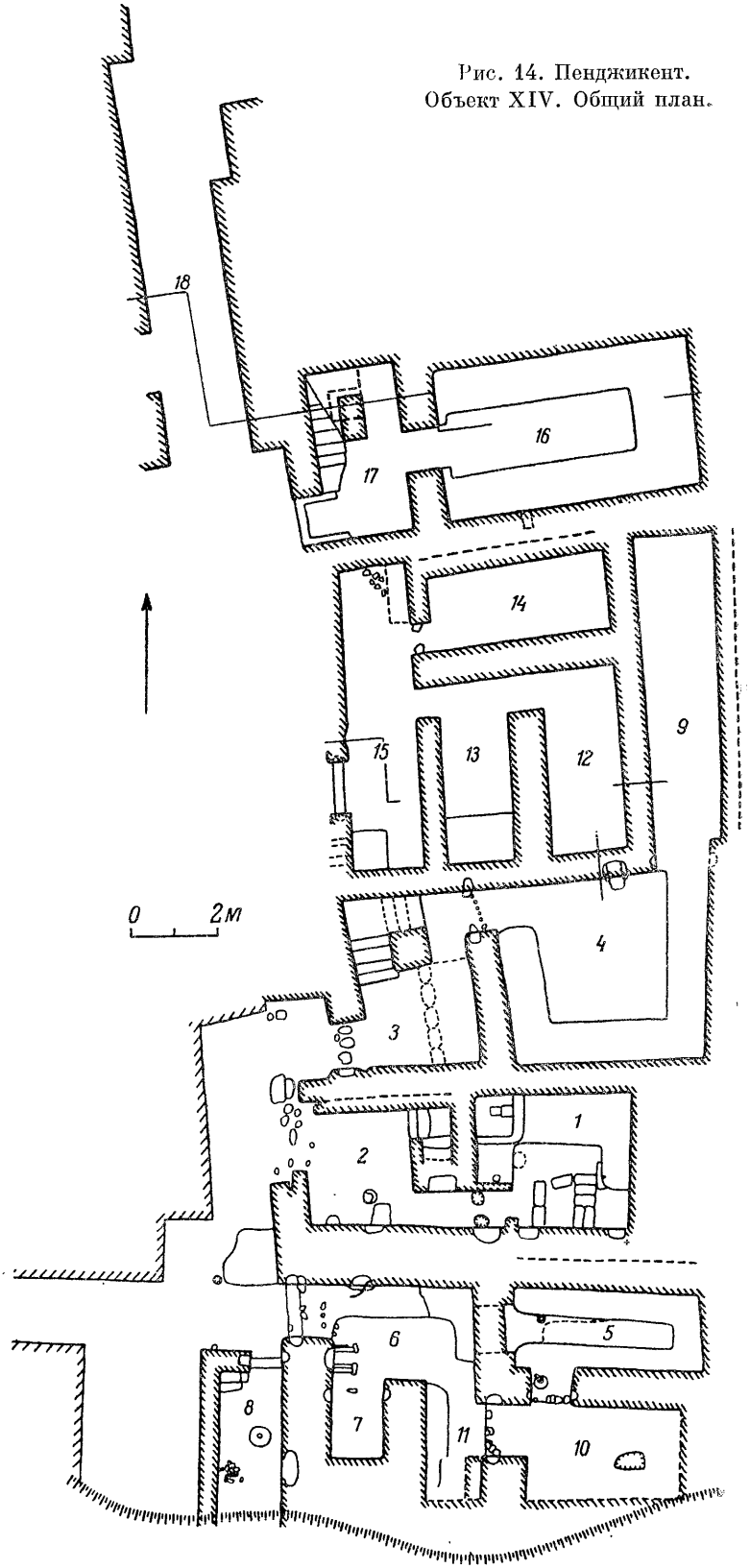

Рис. 14. Пенджикент.
Объект XIV. Общий план.

ний находится в районе главных ворот южной крепостной стены. Объем раскопок, произведенных здесь, значительно меньший, чем в восточной части шахристана. В настоящее время еще полностью не определились границы каждого из массивов (кварталов), в который входил отдельный объект. Тем не менее и здесь общий характер жилых построек выступает с достаточной определенностью.

Рассмотрим состав некоторых жилищ на этих объектах. Так, на объекте V достаточно четко выделяется изолированное жилище, состоящее из пяти помещений с одним выходом наружу. Планы этих помещений различаются между собой; также различны они и по характеру перекрытия. В пом. № 2, квадратном в плане, предполагается купольное перекрытие. В пом. № 1 и № 5 сохранились остатки сводов. Наиболее четко выражена планировка пом. № 7, где перекрытие, очевидно, было плоским, балочным, но без опорных столбов. Пом. № 7 напоминает по планировке парадные квадратные залы объектов восточной части шахристана. Вдоль всех его стен устроена суфа. На стенах заметны следы окраски, однако о фигурной сюжетной живописи, очевидно, не может быть и речи. Входной проем пробит в конце одной (северной) стены и оформлен в виде небольшого тамбура. В пом. № 1 имеется пристенный очаг (Ставиский, 1964).

На объекте XIV раскопано 17 помещений (рис. 14). Они делятся на 5 отдельных жилищ. Из них два имеют всего по два помещения. В трех остальных соответственно 3, 4 и 6 помещений. Только в трех жилищах имеются ступенчатые лестницы. К сожалению, собственно остатков стен вторых этажей здесь не сохранилось, но их наличие отнюдь не исключено. Размеры отдельных помещений в раскопанной части этого объекта, как и объекта V, невелики. Самое крупное помещение (№ 16) занимает площадь около 25 м^2 (6.5×3.9 м). Остальные гораздо меньше. Два помещения (№ 1 и № 4) подквадратные в плане и лишены убранства. Можно лишь отметить, что в пом. № 1 на южной стене имелась ниша, которая вместе с прилегающим к ней участком стены была обмазана белой ганчевой штукатуркой и небрежно раскрашена красной и палевой красками (Зеймаль, 1964).

В целом аналогичный характер имеют и жилища, раскопанные на объекте XII (рис. 15). Здесь вскрыто 10 жилищ, составляющих компактный квартал. В состав жилищ по нижнему этажу входят 2—5 помещений. В большинстве жилищ имеются прихожие с пандусами или лестницами, которые вели на второй этаж. Одно из помещений второго этажа (жилище VIII) представляло сравнительно крупный квадратный зал (6×6 м), где были обнаружены обугленные остатки дерева от плоского балочного перекрытия. Плоские перекрытия на столбах, от которых частично сохранились отпечатки в полу и в завале, имелись и среди помещений нижнего этажа, но в большинстве перекрытия сводчатые.

Характерным следует признать наличие в отдельных помещениях групп крупных хумов, вкопанных в пол или опущенных в специально выкопанную траншею (пом. № 2 и № 19), служивших для хранения запасов. Характерны и находки предметов, связанных с ремесленной деятельностью, как например грузиков для ткацких станков, железных заготовок, гирь и пр. (Распопова, 1969). В. И. Распоповой установлены два периода застройки квартала, причем во втором площадь отдельных жилищ заметно увеличивается. Если жилища первого периода занимают от 20.5 до 35 м^2, то второго — от 40 до 58 м^2.

Таким образом, на трех рассмотренных объектах жилища группировались также в массивы-кварталы, хотя, видимо, относительно меньшие по занимаемой ими площади, чем кварталы восточной части города. Сами жилища существенно отличаются от жилищ восточных кварталов и несомненно принадлежали иному социальному слою населения. Едва ли

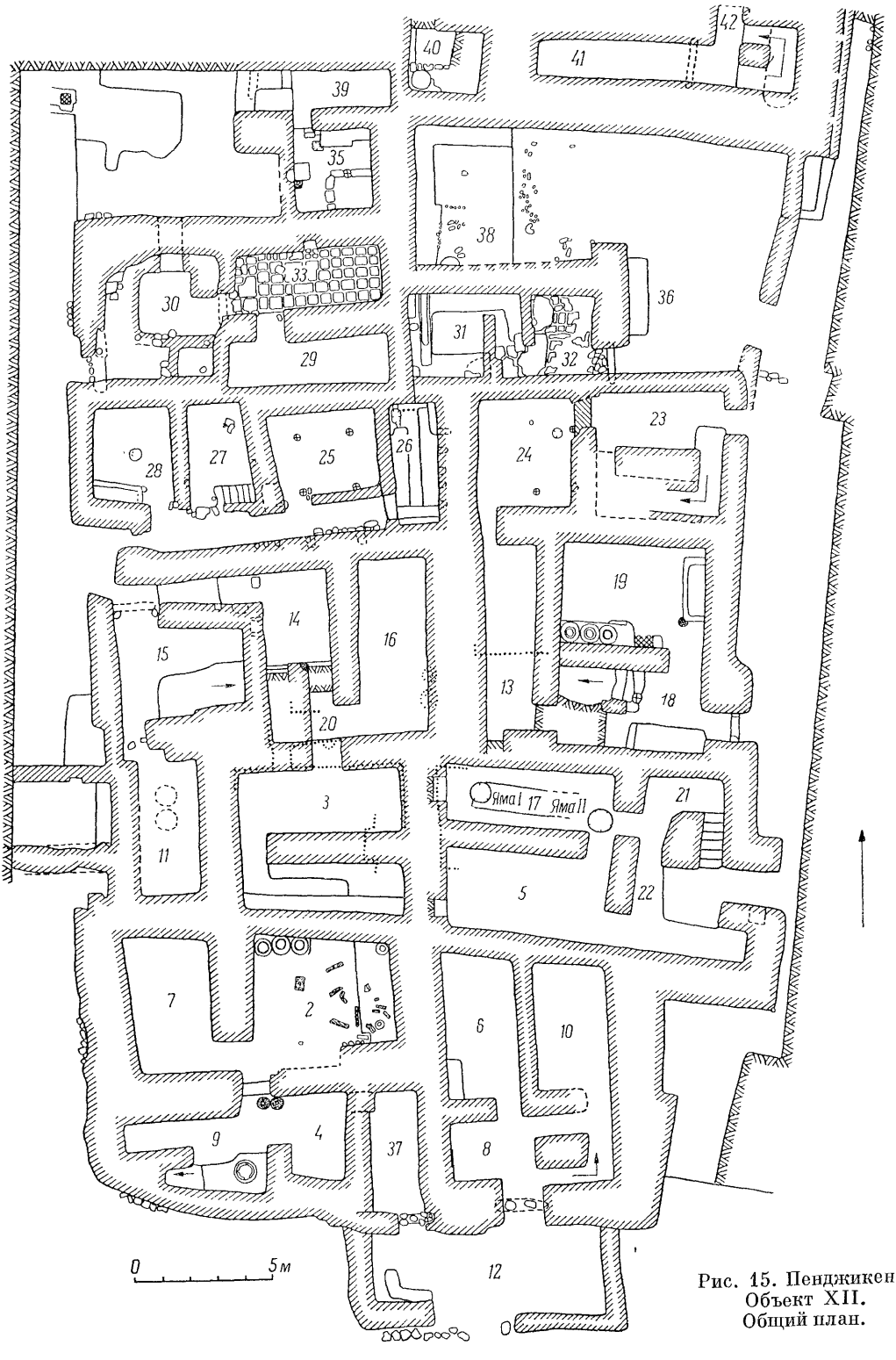

Рис. 15. Пенджикент, Объект XII. Общий план.

будет ошибочно видеть в этом слое по преимуществу ремесленников или мелких городских торговцев, условно говоря, рядовых горожан.

Торгово-ремесленные постройки. В позднесредневековых городах Средней Азии видное место занимали, как известно, различные монументальные постройки, связанные с торговлей и ремесленной деятельностью, — крытые базары, караван-сараи, так называемые чорсу, тимы, токи, которые в архитектурном оформлении могли соперничать с мусульманскими мечетями, медресе и другими культовыми постройками. Для домусульманского города мы таких сооружений не знаем. Что касается ординарных торгово-ремесленных построек, то они, как показывают раскопки в Пенджикенте, группировались или в виде небольших базарчиков, или же располагались вдоль улиц, образуя целые ряды. В подавляющем большинстве мастерские и лавки представляют собой однокомнатные изолированные помещения, пристроенные к глухим наружным стенам жилых построек, с одним выходом на улицу. Реже встречаются и двухкомнатные. В некоторых редких случаях они соединяются проходами с жилыми помещениями. Постройки эти всегда одноэтажные; стены их обычно более тонкие, а перекрытия несомненно плоские. Наиболее характерны последние особенности для построек базарчика, стены которых значительно тоньше стен жилых построек и исключают возможность сооружения сводов и тем более вторых этажей.

Следы оборудования, по которым мы могли бы судить о характере занятий владельцев торгово-ремесленных построек, сохранились лишь в небольшой части последних. Они будут охарактеризованы в следующей главе, так же как и особенности их внутренней планировки.

Храмовые сооружения. В городах Средней Азии, как это известно по сообщениям письменных источников, находились храмы, принадлежавшие различным религиозным общинам.

В ряде пунктов Средней Азии, как отмечено выше, раскопаны и находятся в процессе исследования христианские церкви и буддийские культовые постройки. И те и другие расположены вне черты собственно шахристанов, хотя большей частью в непосредственной близости от них. С храмами, построенными в шахристане, мы впервые познакомились на городище Пенджикента. Оставляя в стороне вопрос о культовой принадлежности пенджикентских храмов, как окончательно не решенный, можно, однако, считать бесспорным, что своим общим архитектурным обликом они значительно отличаются от культовых построек названных религий, отражая местную архитектурную традицию.

В Пенджикенте раскопаны два храма (рис. 16). Оба расположены рядом друг с другом, занимая западную часть открытой площади почти в центре шахристана. Площадь эта являлась, надо полагать, центральным пунктом города. Собственно храмы находились внутри обширных прямоугольных дворов, окруженных оградами. Оба храма в своих главных частях построены по одинаковому плану, несколько различаясь пропорциями. Оба они воздвигнуты на платформах-стилобатах, на которые ведут пологие пандусные подъемы. Каждый храм состоит из четырехколонного, открытого на восток зала, сливающегося с расширяющимся шестиколонным айваном. Зал через дверной проем в середине западной стены соединяется с закрытой целлой. Зал и целлу с трех сторон — северной, западной и южной — в первом храме окружают узкие закрытые помещения — обходные коридоры,[2] а во втором — открытые галереи на столбах. Входы в эти помещения находились в западных стенах айвана. В первом храме к наружной стене южного коридора были пристроены два добавочных помещения типа приделов.

[2] В последний период существования храма проход из южного коридора в восточный был закрыт глухой стеной и, кроме того, весь коридор был разделен на два отсека.

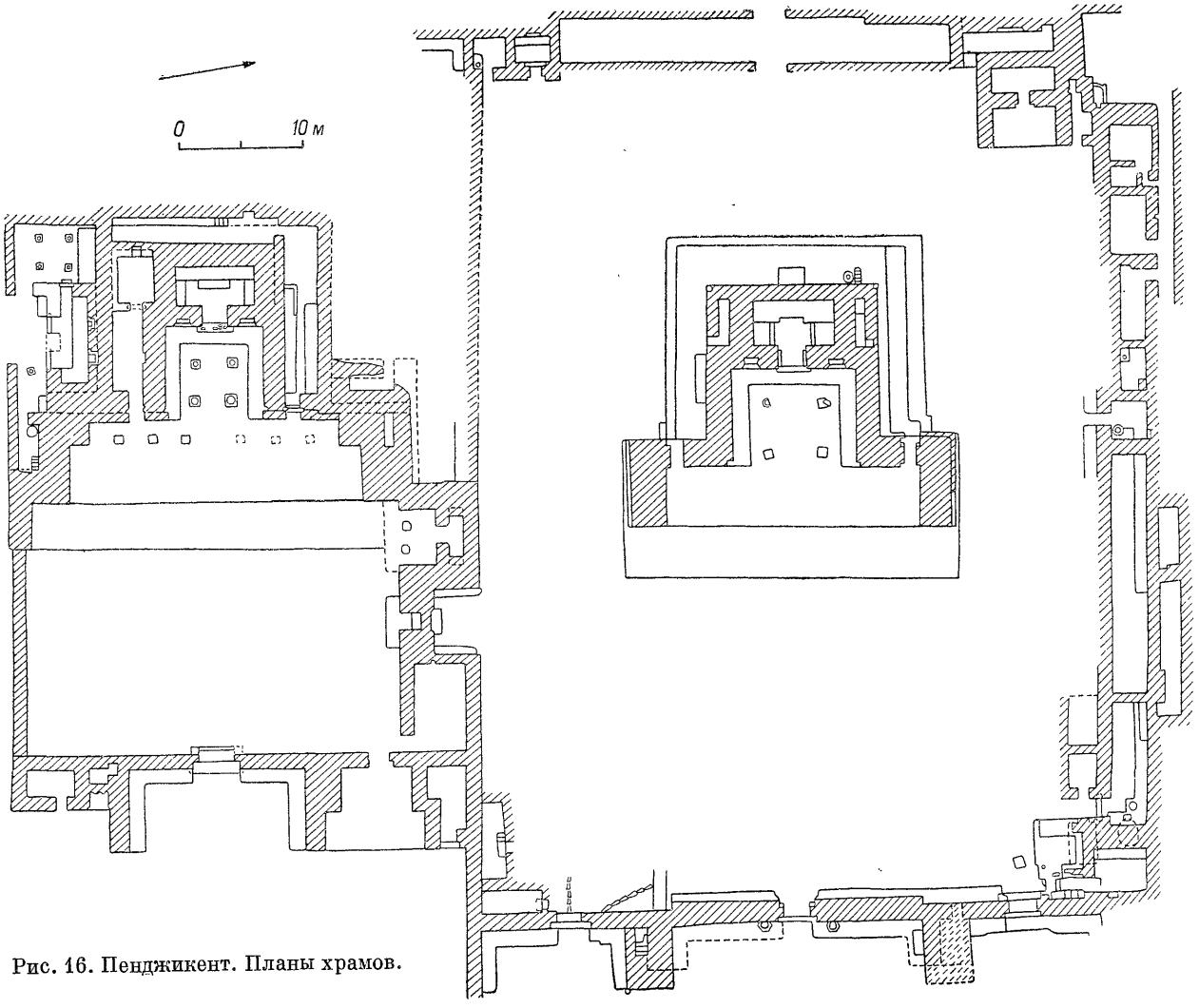

Рис. 16. Пенджикент. Планы храмов.

Ограждения храмов состояли в основном из различных по назначению построек. В фасадной (восточной) стороне находились ворота, расположенные на одной линии с главной осью храмовых построек, по обе стороны от которых были устроены айваны на столбах. С других сторон находились различные открытые и закрытые помещения, жилые и хозяйственные, среди которых имелись приделы, повторявшие в уменьшенном масштабе планы главных храмовых помещений. Только с южной стороны первого храма двор был огражден глухой стеной.

Основной особенностью планировки пенджикентских храмов является ориентация на восток, в сторону восходящего солнца, главных открытых помещений-айванов и четырехколонных залов, что несомненно определялось и характером культа, который они представляли. Храмовые помещения были украшены полихромными росписями, рельефными панелями на стенах, глиняными раскрашенными скульптурами, а также, вероятно, выполненными в дереве и металле, которые придавали храмам, особенно в утренние часы, торжественный облик.

Общая архитектурная композиция пенджикентских храмов пока уникальна для Средней Азии и других стран зарубежного Востока. Близких по времени к ним аналогичных сооружений мы не знаем. В. А. Нильсен отмечает нечто похожее в архитектуре ахеменидского времени — Персеполь и Сузы (1966, с. 68). Однако эта параллель едва ли может указывать на реальные связи.

Более близкую параллель представляет храм в Сурх-Котале (II—III в. н. э.), на что указывает В. Л. Воронина (1961, с. 18). Но и в данном случае речь может идти об отдельных элементах композиции. Такие же частные моменты сходства могут быть установлены между пенджикентскими и буддийскими храмовыми постройками, но в целом первые являются оригинальными образцами среднеазиатской архитектуры и связаны, надо полагать, с местной, пока нам неизвестной традицией.

Дворцовые здания. О наличии в городах Средней Азии, в первую очередь в столичных, особых зданий — дворцов правителей — не приходится сомневаться. Их строительству благоприятствовала политическая обстановка, сложившаяся в стране в последние века, предшествовавшие арабскому завоеванию, — появление многих отдельных независимых княжеств.

Из сообщений письменных источников наиболее известным является рассказ Наршахи о дворце бухарских правителей — бухар-худатов — в Варахше, который, по словам этого автора, «не имел себе равных». Именно этот дворец стал первым памятником дворцового зодчества предарабского времени, явившимся объектом археологического изучения.

Варахшинский дворец расположен непосредственно у южной крепостной стены городища к западу от цитадели. Здание дворца возникло, как показали раскопки, в V в. н. э. и просуществовало вплоть до конца VIII или начала IX в. В течение этого длительного периода оно подверглось весьма существенным перестройкам. В. А. Шишкин устанавливает три крупных этапа его истории, сопровождавшихся капитальными перестройками, не считая более мелких ремонтов (1963, с. 82 и сл.). Хотя полностью дворцовое здание не раскопано, анализ открытых помещений позволил В. А. Нильсену реконструировать его план «во время наивысшего расцвета дворца» (рис. 17) и заключить, что он «представлял собой довольно четко организованное сооружение» (1966, с. 47). В структуре дворцового здания главными были три расположенных в ряд крупных парадных зала — Восточный, Красный и Западный; размеры их соответственно 17×11.5, 12×8.5 и 7.25×6.6 м при высоте стен, как это устанавливается по крайней мере для самого крупного, Восточного, не менее 6.5 м. В этих залах вдоль всех стен шли удобные глинобитные суфы. В Восточ-

ном зале суфа у почетной (южной) стены расширялась, образуя широкую платформу. В Красном зале перед южной суфой находилось особое возвышение для светильников или жаровен. Перекрытия, как предполагается, в залах были деревянными типа дарбази.

Стены парадных залов были богато украшены живописными сценами различного содержания. Изображение царского приема, возглавляемого самим царем, восседающим на троне, на южной стене Восточного зала, а также наличие упомянутой платформы позволяют видеть в последнем тронный зал. В Красном зале стены были расписаны сценами охоты на хищных и фантастических зверей. Наличие стенных росписей установлено и в Западном зале, но они остались невскрытыми.

С запада парадные залы замыкал обширный открытый двор площадью 30×9 м. Вся территория двора была вымощена обожженным кирпичом

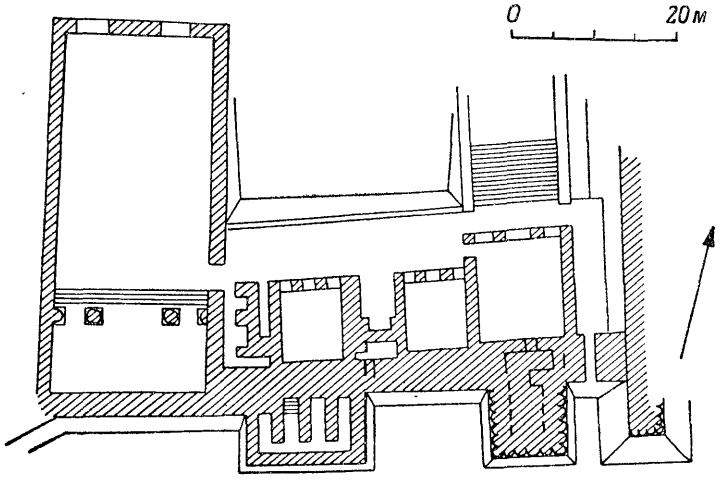

Рис. 17. Варахша. План дворцовых помещений.

(37×37×8 см). Южная часть двора была приподнята над остальной его площадью, образуя возвышение, на которое вели три ступени. Она отделялась поперечной тройной аркадой, опиравшейся на две мощные круглые колонны (диаметр 2 м) и такого же диаметра полуколонны, приставленные к стенам двора, сложенные из обожженного кирпича. Аркада и стены, окружавшие двор, были богато декорированы замечательным по своим художественным качествам резным штуком, частично открытым in situ на полуколоннах и на одной из стен.

Главные помещения дворца, построенные на высокой платформе, значительно возвышались над остальной застройкой шахристана.

В ходе раскопок кроме указанных главных помещений были открыты другие разновременные постройки, назначение которых, однако, трудно восстанавливается. На последнем этапе существования дворца насчитывается 25 помещений.

Общий монументальный характер дворцового здания, особенно главных входивших в его состав построек, вырисовывается вполне наглядно. Бесспорно и богатство внутреннего убранства парадных помещений, что оправдывает в определенной мере упомянутые выше слова Наршахи о том, что дворец «не имел себе равных», хотя едва ли их следует понимать в буквальном смысле.

В Усрушане на городище Кахкаха II Н. Н. Негматовым и С. Г. Хмельницким исследовано дворцовое здание местных правителей. Оно находи-

лось внутри обширного двора, окруженного крепостной стеной, где помимо дворцового здания имелась лишь крупная глинобитная платформа, по мнению исследователей, подготовленная для построек, которые не были осуществлены.

Сам дворец занимал площадь 26.5×26.5 м. Стены его сложены из пахсовых блоков с прокладками сырцовых кирпичей. Особенностью устройства является расположение комплексов помещений тремя уступами — ярусами. Нижний состоит из вестибюля и двух крупных квадратных залов с плоскими перекрытиями на колоннах. Второй уступ застроен рядом сводчатых жилых и хозяйственных помещений. Верхний уступ оформлен в виде открытой лоджии, обращенной в сторону площади двора.

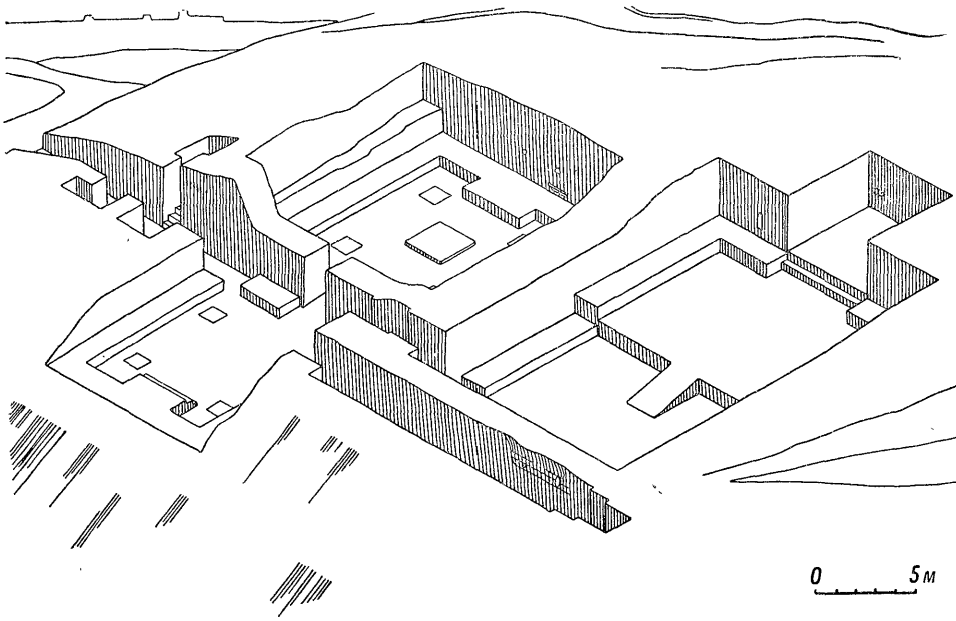

Рис. 18. Пенджикент. Дворец (аксонометрия).

Дворец погиб от пожара. В завалах найдены многочисленные остатки обуглившегося дерева от различных конструкций интерьера, в том числе и резного, с превосходно выполненными орнаментами, а также фигурными сюжетами. Сохранились также фрагменты живописного покрытия стен. В 1967 г. был открыт фрагмент, на котором изображена волчица, кормящая двух младенцев (Негматов и Хмельницкий, 1966; Негматов, 1968).

В настоящее время дворцовое здание раскапывается на городище древнего Пенджикента (рис. 18). Оно расположено на территории внешнего дворика цитадели, у наружной восточной стены внутреннего укрепления. Здание было погребено под мощными поздними наслоениями. Первоначально оно погибло от пожара, но интенсивно разрушалось и впоследствии. Тем не менее сохранившиеся остатки его свидетельствуют, что дворец был очень крупным, монументальным. В раскопанной части вскрыты полностью два парадных четырехколонных зала и коридор длиной 18 м при ширине 3 м. В процессе раскопок находится третий зал (длиной 18 м при ширине 13 м), очевидно тронный. Интерьеры всех помещений были некогда богато украшены живописью и резным деревом. Но, к сожалению, и то и другое чрезвычайно сильно пострадало как от пожара, так и от преднамеренного разрушения.

Застройка пригородной территории

В непосредственной близости к шахристанам, за их стенами, в ряде пунктов Средней Азии были исследованы различные постройки, связь которых с собственно городом едва ли вызывает сомнение. В этих постройках следует видеть начало зарождения так называемых рабадов (пригородных посадов), которые впоследствии становятся цен-

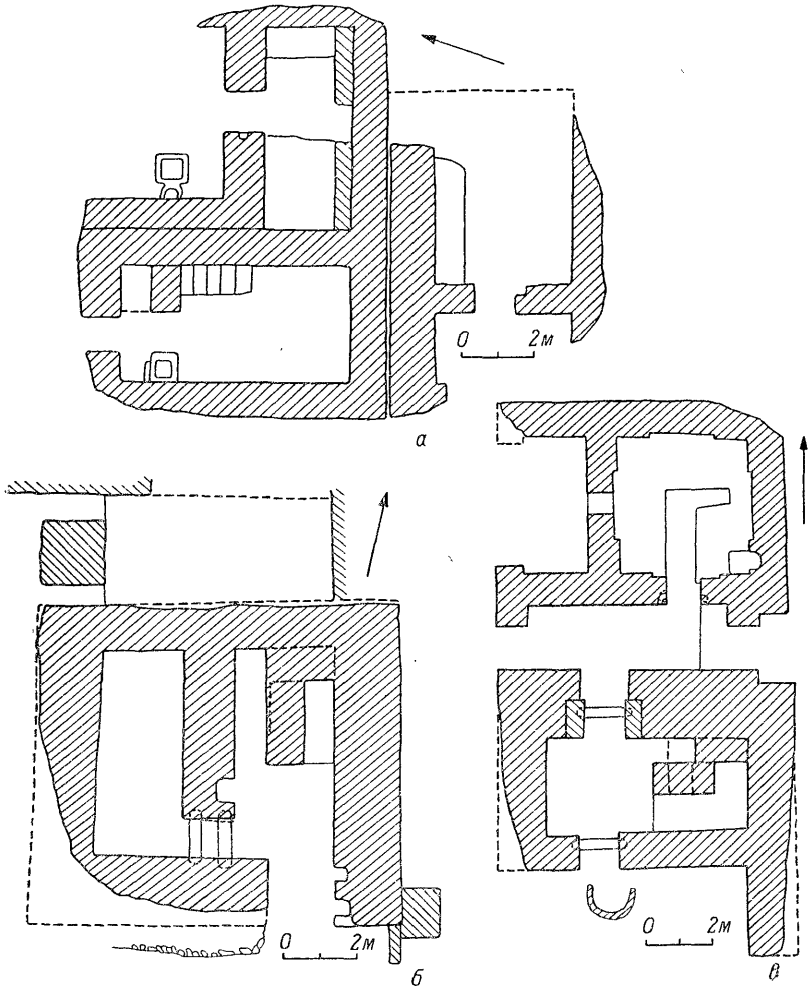

Рис. 19. Пенджикент. Планы загородных домов.
а — дом № 2; *б* — дом № 3; *в* — дом № 4.

тральными районами городов. Эти постройки включают храмовые сооружения, чаще всего иноземных культов, как например храмы буддистов в Ак-Бешиме и Куве, христианскую церковь в Ак-Бешиме, христианскую постройку в Мерве. Наряду с такими сооружениями за стенами шахристана появляются и производственные комплексы (квартал керамистов за стеной Кафир-Калы под Самаркандом). За стенами шахристанов концентрируются также и городские некрополи (Мерв, Кафир-Кала, Тараз, Куюк-Кала, Ток-Кала, Пенджикент).

Особо наглядную картину появления рабада дало исследование пригородных построек Пенджикента.

К началу археологического исследования пригородного поселения, территория которого издавна и по настоящее время интенсивно обрабатывается под посевы, значительная часть построек исчезла. Первоначально поселение занимало, как можно полагать по местонахождению крайнего дома, площадь протяженностью приблизительно около 1 км к востоку от шахристана. На поверхности насчитывалось приблизительно 25 разной величины бугров, обычно довольно правильных очертаний. Как показали раскопки, некоторые бугры, более мелкие, скрывали погребальные сооружения — наусы, однако большая часть их представляла собой руины жилых построек. Всего на территории пригорода раскопано 9 жилых построек. Не все они сохранили свой первоначальный план. У некоторых часть входивших в их состав комнат также уничтожена распашкой. Однако лучше сохранившиеся дома дают достаточно надежное представление о характере пригорода, его планировке.

Наиболее существенное отличие застройки пригорода от застройки шахристана — и это особо наглядно говорит о начальном этапе его появления — кроется в территориальной обособленности его домов друг от друга. В пенджикентском пригороде мы каждый раз имеем дело с отдельно стоящим домом.

Рассмотрим состав помещений сохранившихся домов (рис. 19).

В доме № 1 4 помещения. У каждого из них один вход в южной стене, ведущий в узкий коридор. Все помещения достаточно скромны по размерам и сохранили следы хозяйственного или жилого их использования.

Особо следует отметить наличие помещения с пандусом такого же устройства, как и на шахристане. Пандус несомненно вел на второй этаж. К сожалению, помещения последнего не сохранились. Но вполне вероятно, что площадь помещений верхнего этажа была такой же, как и нижнего, поскольку основной опорой для них должны были служить наружные стены нижнего этажа.

Наружные стены дома № 2 частично уничтожены, и полностью план его не восстанавливается. В состав этого дома входило по крайней мере 4 или 5 помещений. Два из них — № 3 и № 4, изолированные от других, были заняты стеклоделательной мастерской, от которой в пом. № 4 сохранились остатки глиняных ванн с толстым слоем стеклянной массы. От жилой части дома сохранилось одно помещение (пом. № 1). В нем находились очаг и глинобитная лестница, которая вела на второй этаж. Частично сохранились и стены обращенного на юг айвана (пом. № 2).

От дома № 3 сохранились два смежных помещения с общим входом, но прослеживаются следы и других помещений. В первом при входе находился тщательно устроенный пандус.

Дом № 4 сохранился лучше других, хотя также не полностью. Он отличается очень четкой планировкой. Сквозной коридор делит его на две половины. Северная состоит из квадратного, оборудованного широкими суфами крупного помещения и обращенного на запад айвана. Интересной деталью квадратного помещения, редко встречающейся в помещениях нижнего этажа, является оконный проем в стене, смежной с айваном. К югу от коридора было устроено одно помещение с двумя проходами, в северной и южной стенах. Половина его (восточная) была занята очень тщательно устроенным пандусом. Проход в южной стене вел в помещение, от которого сохранилась только одна стена, причем против входа находилось глинобитное полусферическое перекрытие, очень сильно закопченное, — возможно, остатки какого-то производственного сооружения. Находка в помещении с пандусом маленькой наковальни, надо полагать, связана с этим устройством.

Очень большой интерес представляет дом № 9 (рис. 20). По сохранности он оказался лучшим в поселении. В его состав входят 4 помещения. Три

из них смежные, расположенные по одной линии. Они соединяются дверными проемами с продолговатым помещением, занятым в южной части пандусом, а в северной, где находится вход в дом, очагами, устроенными на невысокой платформе. Две комнаты оборудованы суфами. В полу имеются ямы, предназначенные для хранения запасов. В третьей, самой южной, находилась винодельня. Хорошо сохранились оштукатуренный ганчем резервуар, углубленный в пол, и платформа давильни со стоком в резервуар.

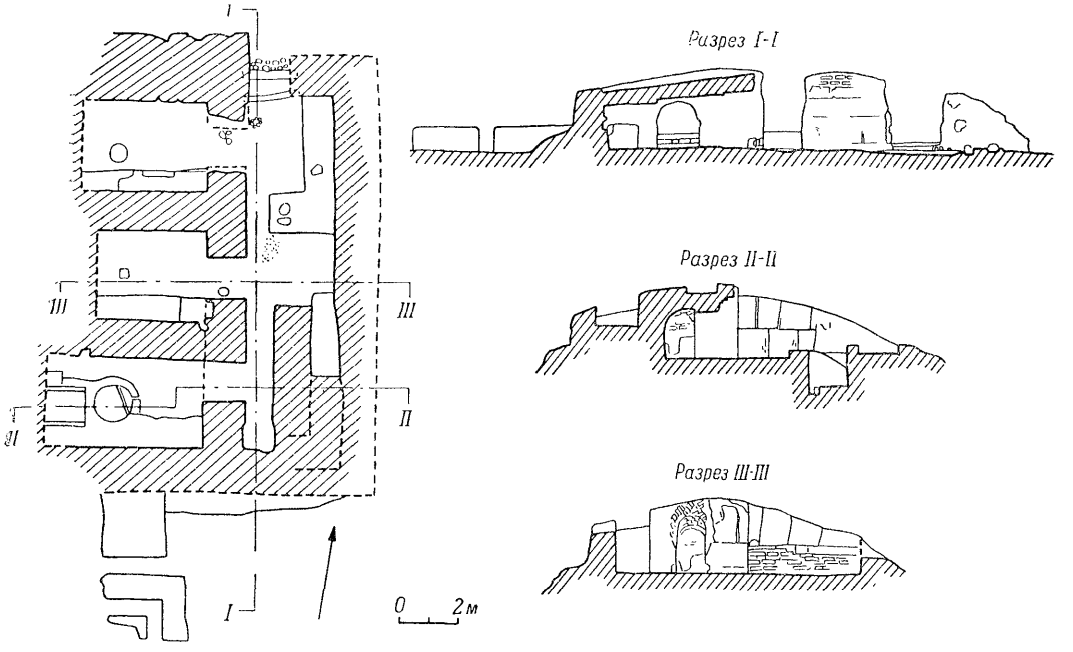

Рис. 20. Пенджикент. Планы и разрезы загородного дома № 9.

От остальных домов сохранились лишь отдельные помещения, не дающие представления о первоначальном плане всего дома. Необходимо лишь отметить небольшое квадратное помещение в доме № 6, с суфой вдоль всех стен, повторяющее в уменьшенном масштабе планы квадратных помещений шахристана.

Приведенные описания отдельных пригородных домов позволяют сделать ряд весьма существенных заключений о характере пригородного жилого строительства. Это прежде всего бросающееся в глаза сходство с жилищем рядовых горожан. В большинстве раскопанных домов, а по всей вероятности во всех, имелся второй этаж. В одном подъем на него осуществлялся с помощью глинобитной ступенчатой лестницы. В остальных были устроены пандусы на винтовых наклонных сводах. Только для подъема на крышу вряд ли была необходимость строить такие сложные пандусы, занимавшие к тому же значительную часть помещения.

Можно с большой долей уверенности говорить, что помещения верхних этажей, как и в шахристане, были для проживания наиболее удобными. Но и в состав помещений нижнего этажа входили удобные квадратные комнаты с суфами, также вполне сходные с аналогичными помещениями шахристана.

Бросается в глаза разнообразие в планировке домов поселения. Естественно, оно не было случайным. Планы отдельных домов были обусловлены в первую очередь характером занятия их владельцев. В доме № 2 про-

живал стекольщик, а в доме № 9 — винодел. Вероятно, и характер ремесла владельца дома № 4 обусловил разделение его коридором на две части — производственную и жилую. Надо полагать, что и в остальных домах проживали также скорее всего ремесленники.

Заселение пенджикентского пригорода началось, видимо, в связи с перенаселенностью шахристана, из которого в первую очередь стали выселяться ремесленники. Об аналогичном процессе свидетельствует и исследование Г. В. Григорьевым городища Кафир-Кала, где за городской стеной были открыты остатки квартала гончаров (1940б). Вполне закономерным представляется, что из шахристана выселяются прежде всего такие ремесленники, как гончары, стеклоделы или кузнецы, постоянно имеющие дело с огнем.

Сооружения на некрополях. В настоящее время следует считать вполне установленным фактом, что городское население (или по крайней мере определенная его часть) во многих районах Средней Азии, если не в большинстве, хоронило своих покойников в специальных сооружениях типа наземных склепов — в так называемых наусах, которые концентрировались за стенами города, образуя целые некрополи.

В наусы ставили глиняные или алебастровые, реже каменные ящики-гробы (оссуарии, остоданы), в которые помещали кости покойников.

Здесь нет необходимости останавливаться на всех исследованных в той или иной мере некрополях данного типа, а также на характере обряда захоронения, чему посвящено большое количество публикаций и исследований (Ставиский, 1952; Рапопорт, 1971).

Для центральных районов Средней Азии вполне характерным может считаться тип наусов, исследованных на некрополе Пенджикента, где их раскопано около 50 штук.

Основная масса наусов пенджикентского некрополя расположена к югу от городской стены, но отдельные группы их находились и к востоку от нее. Каждый наус представляет собой в настоящее время небольшой холмик, не всегда различимый на поверхности. Исследовавшие пенджикентский некрополь О. Г. Большаков, Е. М. Мончадская, Б. Я. Ставиский отмечают определенную группировку наусов — от 4 до 10 в одном месте. Некоторые группы располагаются цепочкой. Такую группировку авторы объясняют наличием родственных или родовых отношений между отдельными семьями горожан, в то время как каждый наус в отдельности служил семейной усыпальницей. Последнее наблюдение подтверждается обнаружением в некоторых наусах костных остатков, принадлежавших покойникам разного возраста и пола. Более сомнительно предположение Б. Я. Ставиского, что в наусах хоронили только покойников из среды знати. Пенджикентские наусы представляли собой однокамерные сооружения небольших размеров, внутренняя площадь которых не превышает обычно 4 м^2 при высоте около 2 м. Их материал — пахсовые блоки, сырцовый кирпич; конструкция сводов такая же, как и в городских постройках. Для внутренней планировки характерно наличие суф, идущих вдоль стен, и небольших нишек. В отдельных наусах имеются двуступенчатые лестнички. У одного из раскопанных на пенджикентском некрополе сооружений (№ 2) площадь значительно больше указанной. Его длина 3.40—3.45 м при ширине 3.8 м. В нем не было найдено останков покойников. Предполагается, что оно служило для подготовления покойников к погребению (Ставиский, Большаков, Мончадская, 1953).

Большой интерес представляет открытый вблизи городища Мерва склеп, служивший для многочисленных захоронений. Это крупная постройка (34×35 м при толщине стен 4.10 м) с открытым двором в середине. Вокруг стен этого сооружения были устроены стандартные камеры. При его раскопках наряду с оссуарным способом захоронения

были обнаружены и трупоположения в глиняных гробах, а также и без них (Ершов, 1959). Исследованное вблизи Мерва погребальное сооружение, датируемое V—VII вв. н. э., занимает лишь небольшую часть некрополя, площадь которого равна 2.6 га.

Заключая на этом рассмотрение застройки города, следует остановиться на одном существенном вопросе, неизбежно встающем перед нами и вытекающем из того обстоятельства, что наиболее важные наблюдения практически базируются на раскопках в Пенджикенте: насколько мы вправе считать последний показательным вообще для городов Средней Азии. В этом плане вопрос ставится в недавно опубликованной книге В. А. Нильсена, посвященной архитектуре Средней Азии в начальный период феодализма. Широко используя материалы раскопок Пенджикента и не отрицая их общего значения для характеристики городской застройки, автор фактически предлагает компромиссное решение. Так, он считает, что сведения Наршахи, на которых базировалась «усадебная» теория, следует отнести в большей мере к пригородам, чем к шахристанам. Вместе с тем он одновременно пишет: «Мы признаем также возможным наличие в некоторых городах, как например Бухаре, отдельных укрепленных замков с примыкающей к ним озелененной территорией» (Нильсен, 1966, с. 74). Теоретическая возможность наличия в шахристанах замков, разумеется, не исключается. Однако археологических данных в пользу такого предположения у нас не имеется. Сооружения, которые могут быть названы замками или отдельными усадьбами, исследованные на территории Средней Азии, находятся, как правило, вне городских поселений. Нам представляется, что нет оснований предполагать, будто застройку Пенджикента надо рассматривать как исключение из общего правила.

Анализ жилищ в кварталах Пенджикента представляет незаурядный интерес и в другом отношении. Состав входящих в них помещений, как и общая занимаемая ими площадь, позволяет поставить вопрос о характере семьи. В начальный период изучения застройки шахристана Пенджикента, когда по рельефу местности еще трудно было сделать уверенное заключение о членении застройки на отдельные жилища, А. Ю. Якубовский высказал предположение о так называемой большесемейной общине как основной ячейке в структуре городского населения. Позже, когда квартальный характер застройки выяснился с достаточной полнотой, В. Л. Воронина, справедливо не соглашаясь с представлением о квартале как о «большесемейном общинном доме», выдвинутым А. Ю. Якубовским, ввела понятие «дом рода» (1959а, с. 89). Как понимать «род» — в его архаическом значении или в каком-либо ином — не разъясняется. Опирается автор на якобы имеющееся у географа X в. ал-Истахри упоминание «дома рода» в Мерве. Последнее взято из русского перевода соответствующего отрывка сочинения ал-Истахри. Всем, кто знаком с арабской терминологией, ясно, что русский перевод арабского оригинала, откуда взято приведенное место, ни к чему не обязывает и ничего не разъясняет: слово «ал», переведенное как «род», могло быть с успехом переведено и как «семья», «потомки» или иначе (Беленицкий, 1965, с. 193).

Нам представляется, что городское жилище в том виде, как оно выясняется по раскопкам шахристана и пригородного поселения древнего Пенджикента, было предназначено для односемейной группы. На аналогичный характер семьи указывают и раскопанные жилища в Куве, Яхшибай-Тепе и Ток-Кале.

Глава III

ГОРОДСКИЕ РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛЯ

Гончарное производство

Сторонники теории об упадке городской жизни в Средней Азии в предшествующий арабскому завоеванию период настойчиво указывают на упадок городского ремесла в то время. При этом одним из критериев для характеристики состояния ремесленного производства является оценка качества керамических изделий. В археологической литературе признано, что в раннем средневековье качество керамической посуды значительно понизилось по сравнению с предшествующими периодами. Тем самым предопределяется и характеристика всего ремесленного производства. Но нам представляется, что для общей оценки состояния ремесленного производства ограничиваться одной керамикой далеко не достаточно, тем более если учитывать только отдельные виды керамических изделий, как это имеет место в практике археологических исследований. В такой массовой отрасли производства, какой является керамическое, увеличение, например, спроса может привести к некоторому ухудшению качества отдельных видов изделий, к меньшей тщательности изготовления тех или иных предметов. Но это отнюдь не означает захирения самого производства.

В последние три десятилетия накоплен обширный археологический материал, позволяющий составить достаточно полное представление о раннесредневековом гончарном ремесле районов Средней Азии. Наряду с готовыми изделиями на многих исследованных пунктах обнаружены и обжигательные печи, характеризующие наиболее ответственный момент гончарного производства — обжиг посуды. Однако, к сожалению, до сих пор только однажды удалось открыть мастерскую, в которой гончар производил формовку посуды. Мастерская эта была раскопана на городище Афрасиаб. Несмотря на то что она датируется рубежом нашей эры, по ней можно судить и о мастерских более позднего времени.

Мастерская представляет собой большое помещение (длина его 10 м, ширину установить не удалось), стены которого сохранились на высоту 3 м. У северной стены находился большой очаг, рядом с ним был врыт хум и лежала часть зернотерки. В середине комнаты — куча желтой глины, обрезанная по краям лопаткой, которой гончар брал глину. Рядом с ней — другая, меньшая, зеленоватого цвета, для добавления в основное тесто и для улучшения пластичности. Вблизи кучи глины лежал круглый камень — подпятник для гончарного круга. По другую сторону

от кучи стояла вниз горлом корчажка без дна. Дно вырезано до обжига. Кроме того, в мастерской найдены две каменные зернотерки, два раздавленных котла, хум, кубок без ножки и две ручки от сосудов в виде животных. Пол мастерской покрыт кусками срезанной глины, которые получаются при изготовлении посуды на круге, а также раздавленной необожженной посудой различных форм. Состояние найденных в мастерской вещей говорит о том, что она была покинута внезапно, когда весь процесс производства был на ходу (Тереножкин, 1948; 1951).

Способы формовки сосудов восстанавливаются по характерным следам, сохраняющимся на самих сосудах, и по данным этнографии. Так,

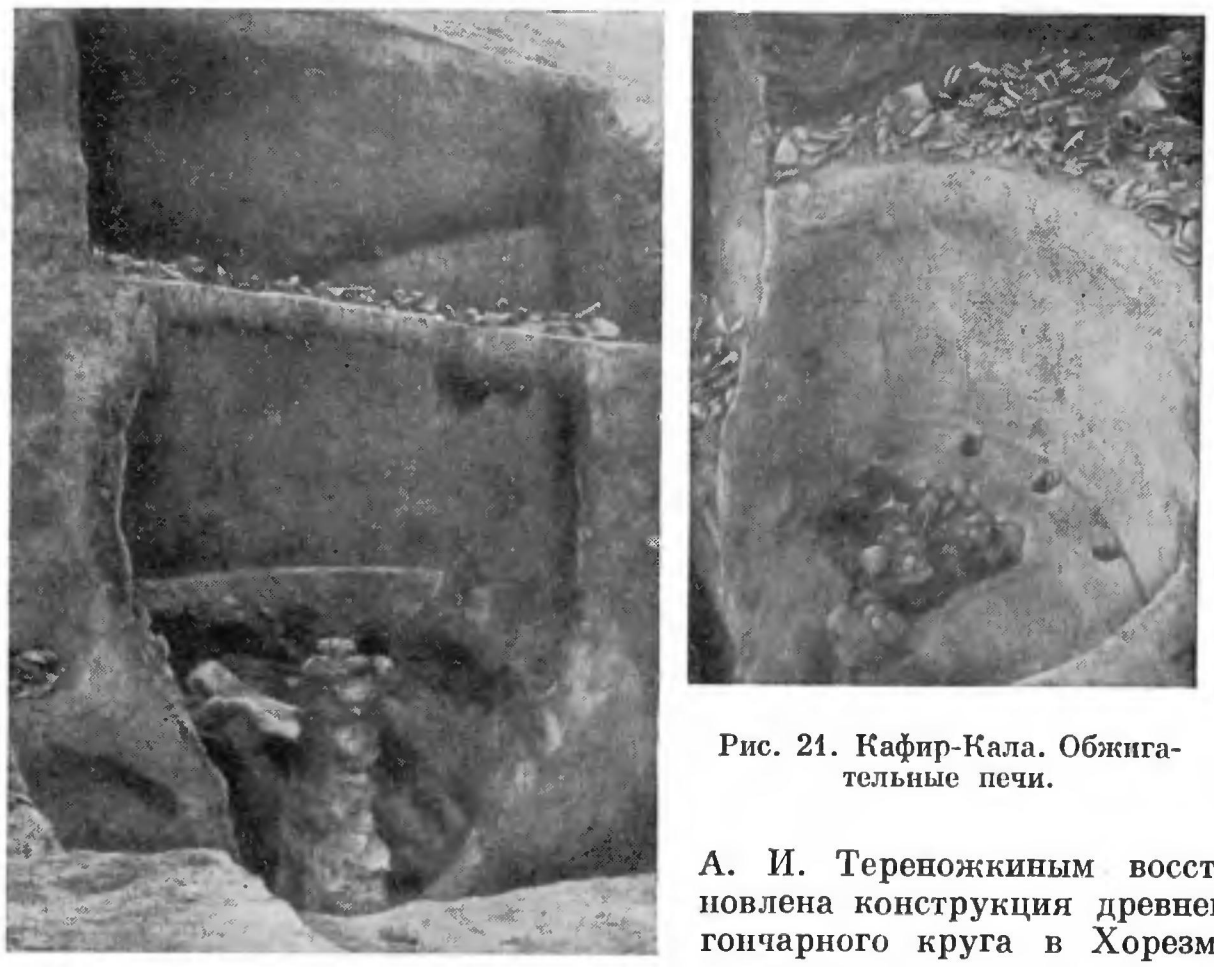

Рис. 21. Кафир-Кала. Обжигательные печи.

А. И. Тереножкиным восстановлена конструкция древнего гончарного круга в Хорезме, существовавшего в течение очень длительного времени и известного поныне. Эта конструкция представляет собой сочетание ножного круга с элементами ручного. Принадлежностью такого станка являются плоские диски из обожженной глины. Керамика Хорезма VI—VIII вв. имеет неровное дно, характерное для ручного гончарного круга, слегка выпуклое и неустойчивое: сосуды снимались с круга без подрезки. Они формовались на комке глины, насаженном на диск. Диск в свою очередь насаживался на рабочий круг станка. Готовый сосуд снимался с круга вместе с диском, а после просушки легко от него отставал. Поэтому на дне сосуда оставались мелкие неровности (Тереножкин, 1940б).

Следы обработки сосудов хорошо видны и на некоторых изделиях Пенджикента, особенно на кувшинах большого размера. В нижней половине они имеют вертикальные срезы, сделанные острым инструментом.

К VI—VIII вв. сложился достаточно устойчивый тип обжигательных печей, однако с некоторыми особенностями, характерными для отдельных районов. Примером могут служить печи, открытые на городище Кафир-Кала, к югу от Самарканда, и в Мерве, на городище Гяур-Кала.

В Кафир-Кале раскопан участок квартала гончаров, находившийся к востоку от городища. Под лёссовым слоем залегали отложения, обра-

зовавшиеся от отбросов гончарного производства; они содержали в себе золу, бракованную керамику, использованное сырье и прочие отходы производства (рис. 21).

В раскопе открыта сильно разрушенная печь, состоящая из двух отделений: топки и собственно обжигательной камеры, которые разделены подом. Топка представляет собой округлую яму, вырытую в земле, шириной 2.6 м, высотой 2.1 м. Посередине — глинобитный столб неправильной формы, поддерживающий под. Стены топки и поверхность столба сильно ошлакованы. Топочное устье в виде проема с полуциркульным сводиком высотой 0.36 м, шириной 0.36 м расположено в верхней части

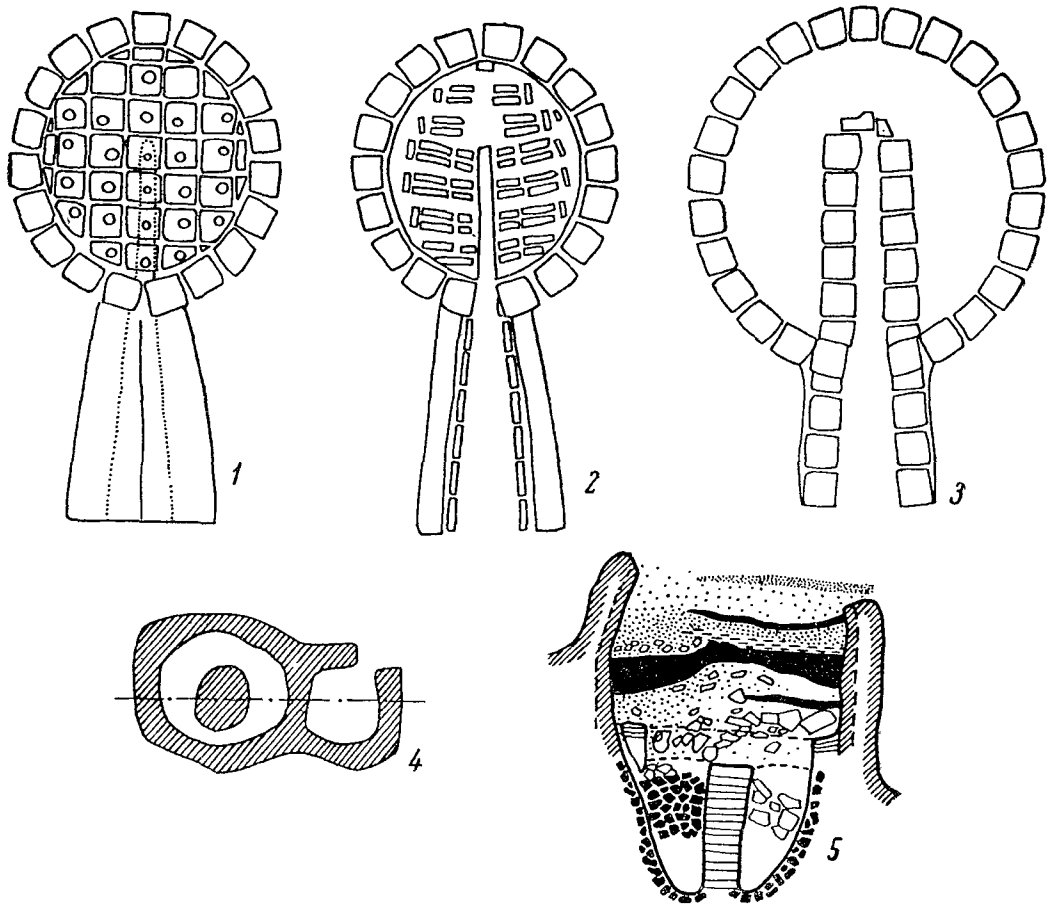

Рис. 22. Обжигательные печи.

1—3 — Мерв (реконструкции планов); *4* — Ёр-Курган (план); *5* — Кафир-Кала (разрез).

топки с уклоном в 45°. Обжигательная камера сложена из сырцового кирпича, сохранилась на высоту 0.32—0.7 м; диаметр ее 2.08 м. Под печи состоит из нескольких (5—8) слоев глины толщиной 2—3 см; он прорезан круглыми жароходами диаметром 12—15 см, расположенными по кругу в два ряда. В наружном круге 14 отверстий, во внутреннем — 8. В некоторых жароходах сохранились конические пробки из обожженной глины, которые служили для регулирования температуры (Забелина, Сухарев, 1938).

На городище Гяур-Кала был подробно исследован квартал гончаров (рис. 22, *5*). Здесь вскрыто 14 гончарных печей. В некоторых местах еще сейчас на поверхности видны остатки печей, расположенных группами (по 2—3). Все печи Гяур-Калы, за исключением одной, двухъярусные, имеют круглую или овальную в плане форму, плоский под и жаровой канал, который извне идет к центру печи. Такая конструкция предполагает длительное сохранение тепла.

В Ёр-Кургане (область Карши) открыты остатки гончарной печи, где также имеется вынесенная наружу топка, сообщающаяся с камерой неширокой щелью (Кабанов, 1950, с. 113).

Таким образом, к VI—VIII вв. в Средней Азии установлено существование круглых в плане двухъярусных печей с топкой под обжигательной камерой или же печей с топкой вне камеры.

Обильный материал, накопленный в настоящее время археологическими исследованиями, дает достаточно полное представление о составе среднеазиатских керамических изделий.

Свой обзор мы начнем с рассмотрения керамики древнего Пенджикента. Эта керамика показательна для VI—VIII вв. и характеризует состояние гончарного ремесла в Согде.

Керамика, обнаруженная в Пенджикенте, относится к двум периодам: керамика нижнего слоя, датирующаяся VI (в какой-то мере V в.)—первой половиной VII в., и керамика верхнего слоя — вторая половина VII—VIII в.

Основная масса керамики нижнего слоя найдена при раскопках объекта XII в юго-западной части городища. Развалины этого строительного массива в течение длительного времени были местом свалки. Здесь оказалось более 100 целых сосудов и множество фрагментов. Это дало возможность выделить наиболее характерные и самые многочисленные формы посуды (Маршак, 1964) (рис. 23, 24).

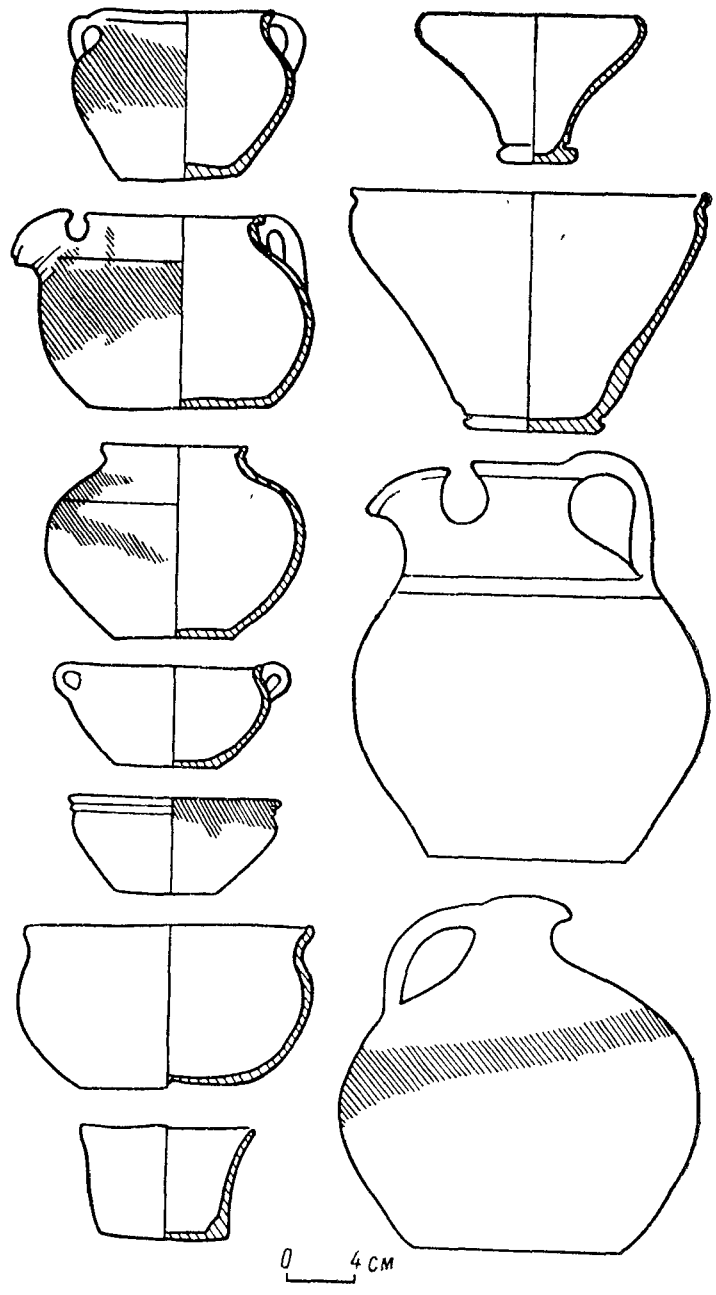

Рис. 23. Пенджикент. Керамика нижнего слоя.

Обнаруженная керамика изготовлена в основном на гончарном круге, есть и лепная. В тесте первой имеются различные примеси: белые комочки гипса, песка и т. п. Крупные сосуды формовались на песчаной подсыпке, а мелкие срезались от станка ниткой. На нижних частях крупных сосудов видны вертикальные срезы, которые делались перед обжигом. Лепные сосуды формовались из более грубого теста с примесью дресвы, песка и т. п. Керамики, сделанной на гончарном станке, значительно больше, чем лепной.

Назовем основные формы сосудов нижнего слоя Пенджикента: чаши, широкогорлые сосуды, водоносные кувшины, столовые кувшины, хумы, лепные котлы.

Чаши могут быть расчленены по форме: чашевидные кубки с поддоном, покрытые внутри и вверху снаружи красным ангобом; конические чаши с характерной окраской красным ангобом в виде креста или сплошной внутри и полосы по наружному краю; глубокие чаши с ок-

круглым туловом и венчиком в виде одного или двух широких валиков (часто встречаются мисочки с двумя ручками по бокам, круглыми в сечении).

Широкогорлые сосуды со смятым сливом и вертикальной ручкой имели широкое распространение. Известны они и в близлежащих горных районах (Ставиский, 1959). Размеры этих сосудов следующие: высота 30—35 см, диаметр устья 12—20 см, диаметр тулова в широкой части 30—33 см, диаметр дна 11—12 см. На плечиках бывает нанесен орнамент в виде нескольких параллельных ровных или волнистых линий или в виде полосы коричневого ангоба. Венчик имеет закругленный профиль. По горизонтальной его стороне проходит неглубокий желобок. Такое углубление на венчике — характерная черта многих сосудов Пенджикента. Техника изготовления этих сосудов та же, что и больших: отдельно формовались верхняя и нижняя части, а затем обе соединялись.

Водоносные кувшины имеют низкое горло; по крутым плечикам проведена широкая полоса красного ангоба. Диаметр горла 12 см, наибольший диаметр тулова от 18 до 34 см. Вариантом водоносного кувшина служит шаровидный сосуд с узким горлом.

Столовые кувшины представлены несколькими типами: с цилиндрическим горлом; с расширяющимся горлом; с шаровидным туловом, вертикальной шейкой и отдельным сливом-рожком; объемистые кувшины с низким горлом, примятым устьем; кружки-кувшинчики с округлым туловом. Ручки кувшинов — уплощенные; интересны варианты ручек в виде животного, ухватившего пастью край венчика. Верхняя часть кувшинов по венчику и ручке окрашена красным ангобом, на тулове окраска фестончатой полосой.

Хумы нижнего слоя имеют яйцевидную форму, различаются размерами (диаметр 24—40 см) и формой венчика. На низкие хумы — хумчи — ангоб наносился так же, как и на широкогорлые сосуды со сливом и маленькой ручкой.

Лепная посуда представлена главным образом кухонными котлами с плоским или округлым дном. В некоторых случаях нижняя часть котла выделывалась в форме. Небольшие котлы имели вертикальную ручку, идущую от венчика к плечику. Диаметр устьев котлов в пределах от 7 до 23 см; этому соответствует и высота.

Из других лепных сосудов можно отметить красноангобированные горшочки, сходные с котелками, миски с округлым дном, усеченноконические чаши. Изредка попадаются лепные кувшины, сковороды и жаровни из грубой глины диаметром 30—40 см. Из такой же глины изготовлялись светильники на ножке. Найдено много фрагментов плоских крышек от котлов с насечками, защипами по краю, с ручкой вертикальной или в виде дужки.

В технике производства керамики верхнего слоя никаких видимых изменений не произошло. Различие между верхним и нижним слоями наблюдается главным образом в формах. Появляется множество новых форм столовой посуды: узкогорлые кувшины с грушевидным туловом и характерным подрезанным сливом, кружки с высоким бортиком и петлевидными ручками, сосуды со сливами в виде голов животных, плоские миски и т. д. Эта посуда соответствует керамике слоя Тали-Барзу V (VI—VIII вв., по А. И. Тереножкину). Очень заметно различие в способах орнаментации: в керамике верхнего слоя широко распространены ряды врезных волнистых линий, оттиски штампа и сочетание штампованного орнамента с врезными линиями. Орнаментация полосой ангоба по верхней части сосуда на керамике верхнего слоя Пенджикента уже нехарактерна.

Некоторые формы, известные в нижнем слое, продолжали бытовать наряду с керамикой верхнего слоя, например сосуды с широким устьем, маленькой ручкой и прижатым сливом. Изменения претерпели миски, превратившиеся в почти плоские тарелки.

В керамике верхнего слоя, так же как и в керамике нижнего, четко различается посуда хозяйственная и столовая.

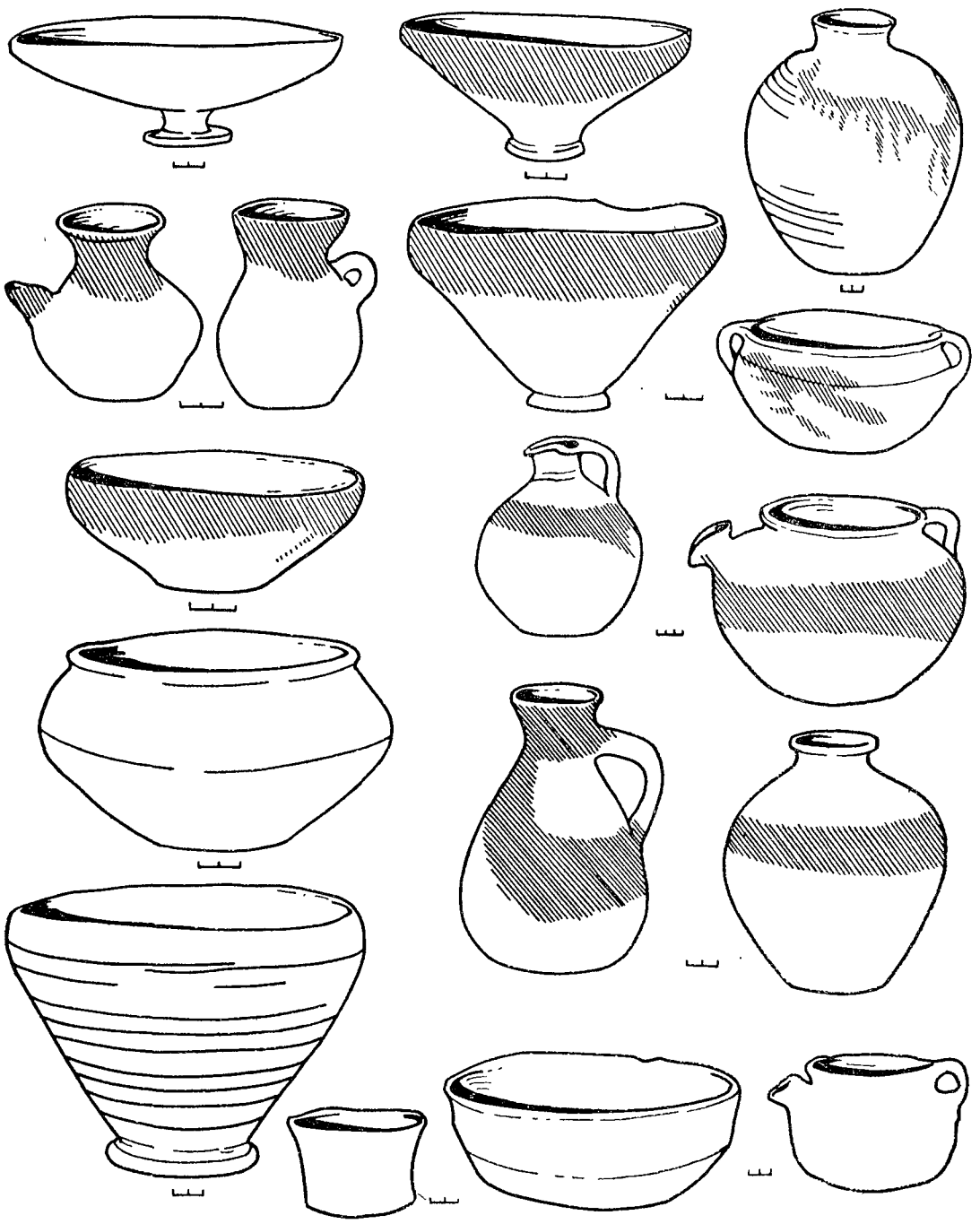

Рис. 24. Пенджикент. Керамика нижнего слоя.

К хозяйственной относятся хумы, сосуды с широким устьем и двумя ручками, кувшины с широким горлом, горшки, банкообразные сосуды, сосуды с отверстиями под венчиком, кухонные котлы, сосуды для процеживания, маслобойки.

Хумы имели очень широкое применение: фрагменты их встречаются на городище в большом количестве. Размеры их от 0.5 до 1 м и более. Тулово удлиненное, яйцевидной формы, тщательно формованное, венчики многообразны по профилю. Размеры хумов от 50 см до 1 м и выше. Венчики имеют четкий профиль (рис. 25).

На многих хумах имеются клейма. В некоторых случаях они делались на плечиках, а иногда на венчиках с внутренней стороны. Это оттиски-знаки, оттиски с изображением человеческих лиц и зверей. Иногда на одном хуме встречается по два-три оттиска. Ставились они перед обжигом, поэтому наиболее вероятным предположением может быть то, что печати для клейм специально заказывались. Причем на хумы ставилась печать заказчика — будущего владельца хума.

В Пенджикенте найдено несколько фрагментов стенок хумов с согдийскими надписями, процарапанными на плечиках до обжига. Этими надписями обозначается емкость сосуда. Так, на одном фрагменте было написано: «Объем — шесть кафчей» (Лившиц, 1957).

Значительное место в быту населения занимали большие толстостенные сосуды с двумя вертикальными петлевидными ручками и широким устьем. По плечикам располагается орнамент из прочерченных волнообразных и прямых линий. Изредка встречается пояс орнаментальных штампов. Некоторые из этих сосудов имеют налепной слив в виде головы быка, который располагается под венчиком между ручками. Плечики сосудов покрыты резным орнаментом, напоминающим ветки, а под ручками имеется налеп в виде пятилистника («дубовый лист»).

Водоносные кувшины с широким горлом бывают со сливами и без них (рис. 25). Форма тулова у этих сосудов обычно яйцеобразная, но иногда приближается к шарообразной. Размеры постоянны: высота 38—40 см, диаметр тулова 28—30 см, диаметр дна 12—14 см, диаметр горла 6—8 см. Ручки, шириной 2.5—3 см, плоские в сечении, с одной или двумя продольными бороздками, прикреплены к закраине и плечику кувшина. Орнаментируются кувшины по плечикам рядами параллельных линий, многорядной волной или сочетанием того и другого узора.

Горшки представляют собой тонкостенные, тщательно формованные сосуды из хорошего теста. Венчики имеют резкий профиль с нависающим козырьком и почти горизонтальный верхний край (рис. 25). Диаметр устья 20—25 см. Сосуды с отверстиями под венчиком представляют собой тип маленького хума с округлым туловом (рис. 25). Высота 25—30 см, диаметр тулова 27—30 см, диаметр устья 12—15 см. Венчик сильно отогнут и имеет характерную особенность — резкий уступ (полочку) с внутренней стороны для крышки. Непосредственно под венчиком находится 4—6 отверстий диаметром 0.5—0.6 см. Плечики сосудов орнаментированы частыми рядами волнистых и параллельных линий, иногда поясом треугольников с треугольными же вдавлениями внутри; реже встречается пояс орнаментальных штампов. Предназначались они, очевидно, для хранения продуктов, которым необходим ограниченный доступ воздуха.

Кухонные котлы, сделанные на круге, — очень распространенный вид посуды именно в верхнем слое Пенджикента. Они плоскодонные, высотой до 25 см. Диаметр горла котлов от 15 до 25 см, диаметр тулова 30—35 см, толщина стенок 0.5—0.7 см. Подавляющее большинство котлов имеет очень характерный, четко выраженный подтреугольный венчик, реже — подквадратный. Котлы, изготовленные на круге, являются особенностью керамического производства Согда; в других областях Средней Азии известны только лепные кухонные котлы.

В помещениях верхнего слоя Пенджикента встречаются сделанные на круге небольшие воронкообразные сосудики с одним отверстием в дне. Своеобразную группу составляют сосуды с большим количеством маленьких отверстий в дне и на стенках. Эти сосуды иногда имеют вид неглубокой миски на подставке или поддоне диаметром 15—18 см. Среди археологического материала рассматриваемого времени в других районах цедилок аналогичной формы не встречается. В этнографии известны сосуды с отверстиями, применявшиеся в молочном хозяйстве, но совершенно

другой формы — в виде высоких кувшинов с отверстиями по всей поверхности тулова (Пещерева, 1969).

Маслобойки встречены только во фрагментах. Судя по ним, это были сделанные на гончарном круге крупные кувшины с небольшой вертикально

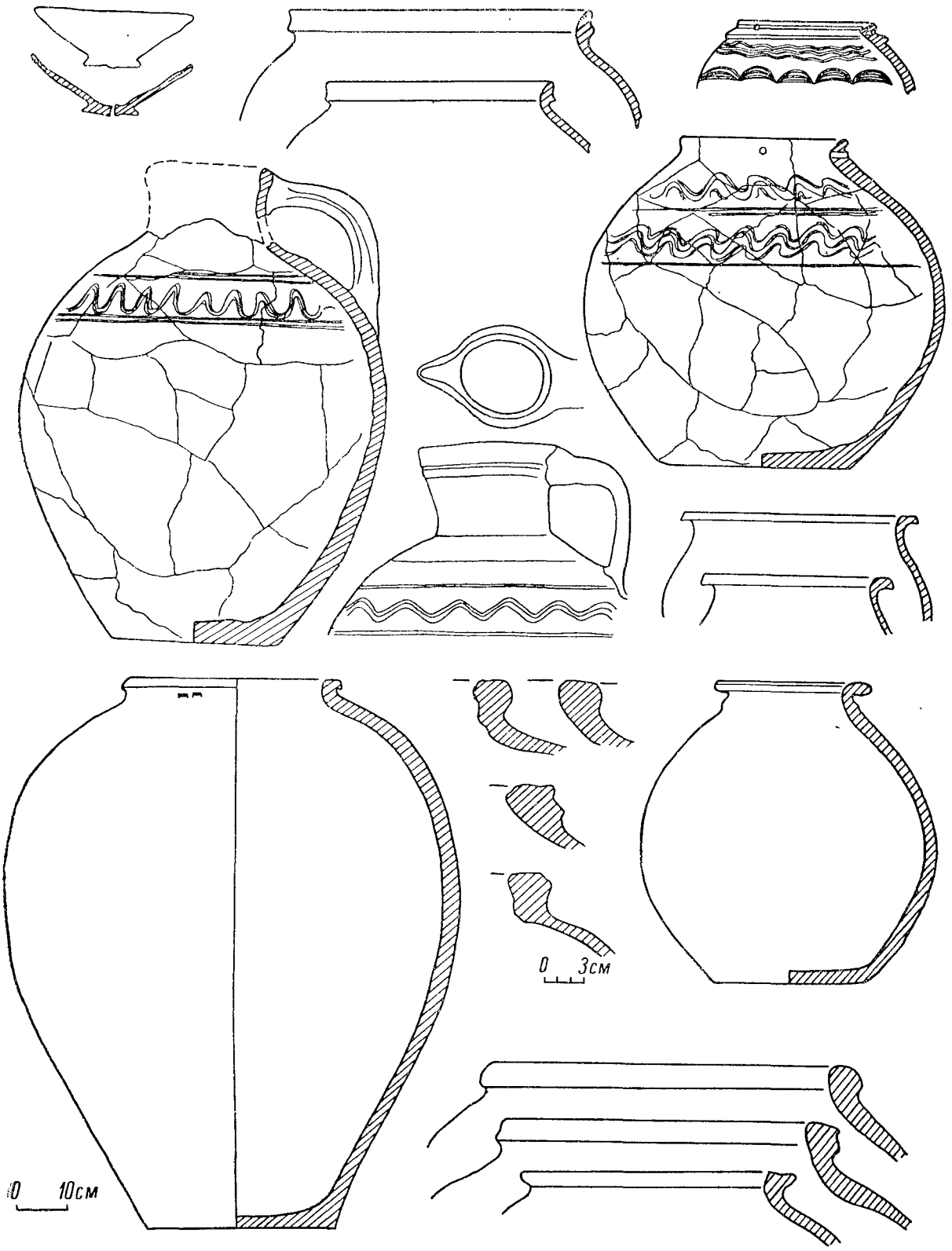

Рис. 25. Пенджикент. Керамика верхнего слоя.

расположенной ручкой. Около нее или под нею сделано сквозное отверстие диаметром 0.5 см, обрамленное небольшим валиком шириной 0.3—0.4 см, образующим как бы короткий слив. Совершенно аналогичный фрагмент маслобойки, но лепной, мы находим среди керамики крепости на горе Муг, в верховьях Зеравшана.[1]

[1] Находится в коллекции Отдела Советского Востока Гос. Эрмитажа.

Столовая посуда очень разнообразна по форме. Вся она сделана на круге из хорошей, светлой глины, без примесей.

К столовой посуде относятся миски, узкогорлые кувшины с ручкой, кувшины без ручки, кружки, сосуды со сливами в виде головок животных, светильники или курильницы.

Пенджикентские миски верхнего слоя известны двух видов: плоские и глубокие (рис. 26). Плоские миски имеют пологие стенки и прямые, часто приостренные края. Диаметр мисок 13—15 см, глубина 4.5—5 см. Черепок тонкий — 0.3—0.5 см, утолщающийся ко дну. У глубоких мисок тулово округлой формы и слегка отогнутая кнаружи закраина, которая подчеркивается иногда неглубокой бороздкой по внешней стороне. Небольшие глубокие миски орнаментированы по внутренней стороне поясами оттисков штампов с геометрическими и антропоморфными изображениями. На больших глубоких мисках пояс штампов расположен на внешней стороне борта.

Большинство найденных мисок сделано на круге, но встречаются и миски лепные, очень тщательно сделанные. Они отличаются большим диаметром дна: при диаметре устья 20 см диаметр дна 13 см. Миски, изготовленные на круге, покрыты светлым, лепные — красным ангобом снаружи и изнутри.

Узкогорлые кувшины имеют яйцевидное тулово и четко выделенное невысокое горло (рис. 26). Их размеры: высота 25—28 см, диаметр тулова 16—18 см, высота горла 8—9 см, толщина горла 3—4 см, диаметр дна 10—12 см. В пенджикентской керамике различаются три вида узкогорлых кувшинов: с отдельно прилепленным сливом; со сливами, вытянутыми из горлышка при формовке; без слива.

Кувшины первого вида хорошо представлены также в керамике Кафир-Калы, особенно кувшины, обсыпанные слюдой. В кувшинах этой формы, так же как и в некоторых других видах столовой посуды, следует видеть подражание металлическим образцам.

Ручки кувшинов овальные в разрезе; на внешней их стороне сделаны желобки — один или два, идущие по всей длине. Встречаются и круглые в разрезе ручки, каннелированные и перевитые. На гладких ручках около горла или на сгибе иногда сделаны налепы в виде маленькой круглой лепешечки или вытянутого треугольника. Орнаментируются узкогорлые кувшины редко, но характерно, что на них совершенно отсутствует узор волнистой линией, который так типичен для больших широкогорлых кувшинов.

Кружки — очень характерная форма для раннесредневековой согдийской керамики, занимающая значительное место среди посуды верхнего слоя Пенджикента (рис. 26). Их размеры: высота от 6 до 15 см, диаметр устья от 8 до 16 см, толщина стенок 0.4—0.5 см, с заметным утолщением ко дну.

Для всех кружек характерно наличие высокого борта, отделенного от тулова рубчиком. Для небольших кружек (высотой 8—10 см) с округлым туловом борт, как правило, составляет $^1/_3$ или $^1/_4$ высоты сосуда.

Особенно выделяются в этой серии кружки с волнистым бортом (борт при формовке изгибался в несколько плавных фестонов, количество которых колеблется от 4 до 7). Форма тулова их обычно остается неизменной. В некоторых случаях под фестонами имеются вмятины пальцем, носящие, однако, чисто декоративный характер. На верхней плоскости ручек часто делается округлый щиток, предназначенный, очевидно, для упора пальца.

Имеются большие кружки; высота их 13—15 см, диаметр устья 20—21 см. Они орнаментируются по тулову штампованным и прорезным орнаментом. Штампованный орнамент чаще всего изображает ветки или

плод граната. На кружках этого типа очень ярко сказалось влияние металлических изделий. Появившиеся во второй половине VII в. формы столовой посуды явно имитируют характерные черты металлических сосудов. Новый характер посуды подчеркивается рельефными оттисками штампов и обсыпкой слюдой, дающей определенный блеск (Григорьев, 1946; Маршак, 1961).

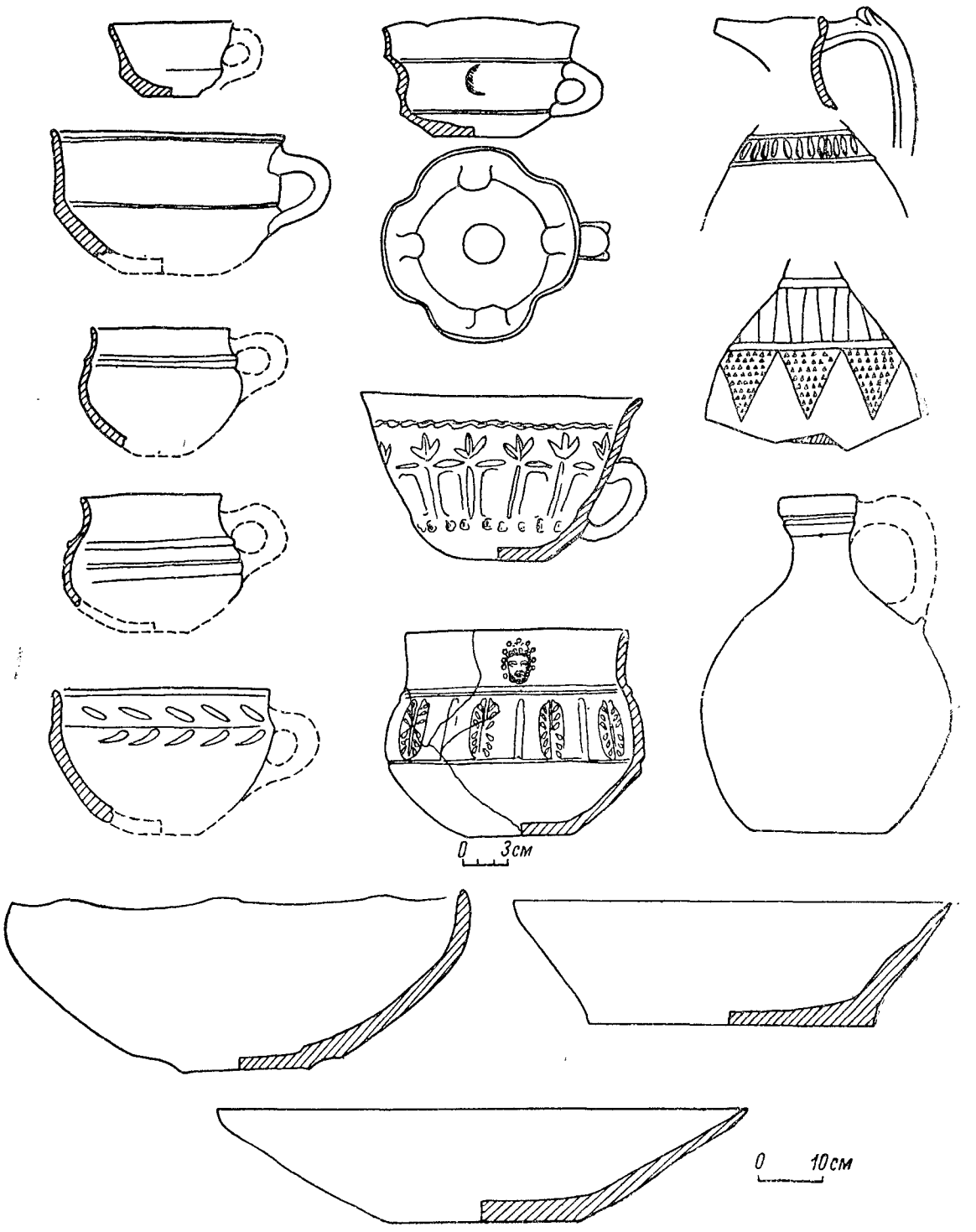

Рис. 26. Пенджикент. Керамика верхнего слоя.

Сосуды со сливами в виде голов животных в столовой посуде верхнего слоя Пенджикента занимают одно из ведущих мест (рис. 27). В подавляющем большинстве изображена голова быка с рогами, иногда сильно стилизованная. Отдельные предметы сделаны настолько искусно, что могут быть отнесены к изделиям художественного ремесла.

Выделяются три группы сосудов этого типа: большие, имеющие широкое устье и две или три петлевидные ручки (слив в виде головы быка помещается под венчиком между ручками); типа кружек со сливом-носом;

маленькие горшочки (высота 6—7 см, диаметр устья 5—6 см) с примитивно исполненным налепом — два рога и морда животного.

Бык на пенджикентских сосудах, очевидно, играл определенную магическую роль (оберег). В древности бык олицетворял духа — покровителя воды (Тревер, 1940). Но вряд ли можно говорить только о культо-

Рис. 27. Пенджикент. Сосуды со сливами в виде голов животных.

вом назначении пенджикентских сосудов: здесь несомненно сочеталось эффектное изображение головы животного с утилитарным назначением самого слива — маленькие сосуды употреблялись, вероятно, как поильники для детей.

Светильники или курильницы, изготовленные на круге, представляют собой стоящую на полой конусообразной ножке-подставке чашечку-резервуар. Общая высота светильника 35—37 см.

Восстановить общий вид пенджикентских светильников позволяет сосуд из Балалык-Тепе, который имеет много общих черт с нашим светильником (Альбаум, 1958). Светильники сходных форм были найдены в раскопках С. К. Кабанова на Аул-Тепе (1958, с. 149). Бытовал еще один тип светильников — в виде плоской чашечки с оттянутым сливом.

Рис. 28. Кафир-Кала. Орнаментированная керамика. Штампы.

Наряду с высокоразвитым гончарным ремеслом, рядом с керамикой, сделанной мастером-ремесленником, бытовала и простая лепная керамика, очевидно, домашнего производства. Это очажные котлы, сковороды, миски, горшочки, крышки, столики на ножках, светильники, игрушки и подставки. Кроме перечисленной посуды имеются еще различные мелкие лепные изделия: маленькие горшочки (круглодонные и плоскодонные), кувшинчики и т. п.

Для керамики нижнего слоя наиболее характерен орнамент в виде опоясывающей или петлевидной широкой полосы, нанесенной красно-

коричневым ангобом; меньше употреблялся орнамент из прочерченных линий и насечек.

Керамика верхнего слоя орнаментировалась богаче и сложнее. Здесь применялся различного вида резной орнамент, штампованный, налепной и расписной. Наиболее распространен резной орнамент. Штампованный орнамент представлен в нескольких видах: геометрический, растительный, зооморфный и антропоморфный. Располагается орнамент поясами — на плечиках и у края, а на мисках — на внутренней поверхности.

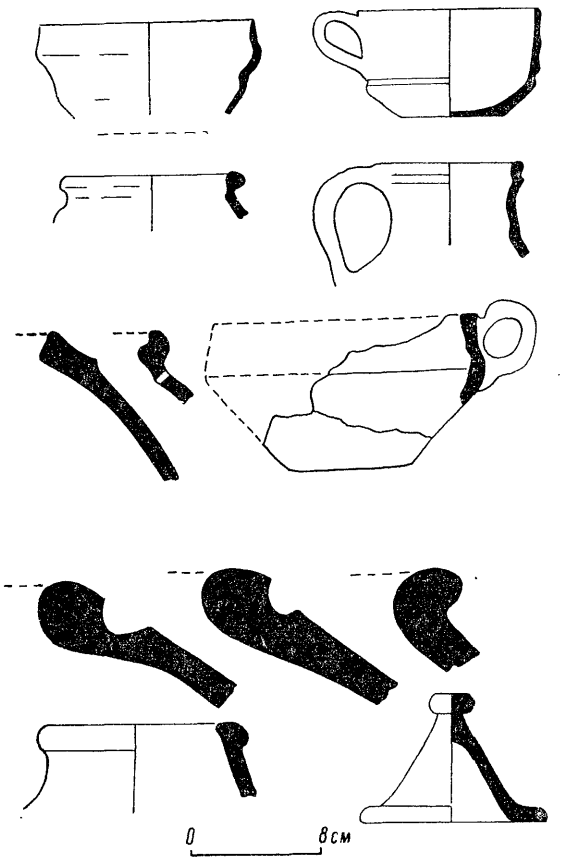

Рис. 29. Варахша. Керамика.

Основные типы керамики Пенджикента находят себе аналогии в других районах Согда. Керамика нижнего слоя соответствует керамике слоя Тали-Барзу IV, который датируется V—VI вв. Керамика этого типа известна и на городище Кулдор-Тепе (Ставиский, Урманова, 1958; Ставиский, 1960). Образцы этой керамики имеются и на поселении Калаи-Муг на Магиандарье (Ставиский, 1959), и на сельской усадьбе у Кафир-Калы близ Самарканда (Шишкина, 1961).

Керамика верхнего слоя Пенджикента, датирующаяся монетными находками второй половиной VII—VIII в., соответствует сосудам слоя Тали-Барзу V.

Найденная в квартале гончаров городища Кафир-Кала посуда, еще не находившаяся в употреблении, также соответствует керамике слоя Тали-Барзу V. Из Кафир-Калы происходит большое количество эффектных изделий со слюдяной посыпкой и оттисками штампа, которые очень близки по форме к металлическим кувшинам и блюдам (Григорьев, 1946; Маршак, 1957) (рис. 28).

Варахша дает несколько характерных для VI—VII вв. разновидностей сосудов: кувшины с шарообразным туловом и узким горлом, маленькие горшочки с коротким носиком-сливом и кружки с округлым туловом и подчеркнутым высоким бортом (рис. 29). Кроме того, найдены образцы керамики, характерные для второй половины VII—VIII в.: верхняя часть широкогорлого кувшина с ручкой, фрагмент тонкостенного горшочка и характерная кружка с низким конусообразным туловом и высоким бортом; тулово отделяется от бортика глубокой канавкой (Шишкин, 1963).

В соседней с Согдом области — Усрушане, на городищах Кахкаха I, II, найдено большое количество керамики, в целом очень близкой по формам и характеру керамике Согда, хотя не вызывает сомнения, что

она является продукцией местного, бунджикентского ремесла (рис. 30). Все гончарные изделия делятся на две группы: первая — предарабского периода — VI—VIII вв., захватывающего в Усрушане и начало IX в.; вторая — периода развитого средневековья (Негматов, Хмельницкий, 1966).

К первой группе относятся находки с Кахкаха II, разрушенного в начале IX в. Основную массу посуды составляют неполивные сосуды: хумы, хумчи, кувшины, мелкие кувшинчики, котлы, горшки, кружки, бокаловидные сосуды, чираги и т. п.

Керамика VI—VIII вв. Ферганы известна по раскопкам на ряде пунктов. В Калаи-Боло найдена посуда различного назначения. Характерны хумы двух типов: с вертикальными венчиками, являющимися как бы продолжением стенок, и с отогнутыми и оттянутыми наружу венчиками. Большая часть хумов делалась на круге; черепок в изломе раковистый, тесто с древой, обжиг хороший. Многие хумы покрыты красноватым или желтым ангобом (Давидович, Литвинский, 1955, с. 167 и сл.) (рис. 31).

В Касане керамика VI—VIII вв. представлена очень скупо, очевидно, потому, что этот город был военно-политическим центром (Бернштам, 1952, с. 244). Наоборот, Ахсыкет, город с большими ремесленными кварталами, дает разнообразную керамику. Формы ряда керамических изделий Ахсыкета имеют параллели среди согдийской керами-

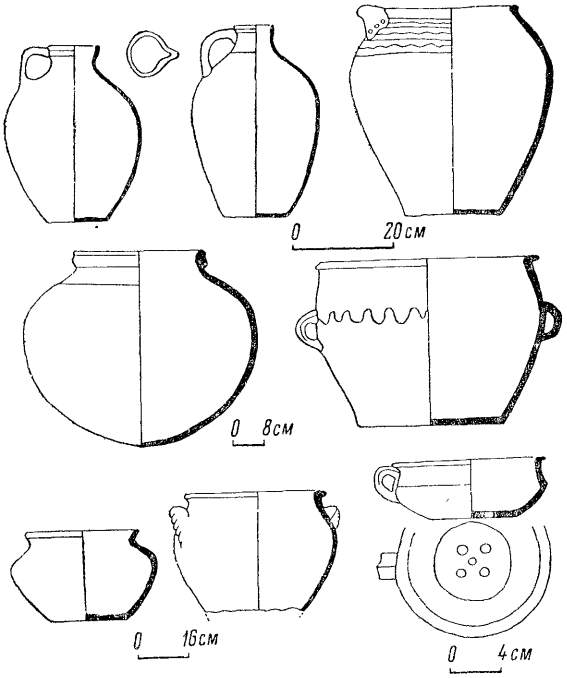

Рис. 30. Усрушана, Калаи-Кахкаха. Керамика.

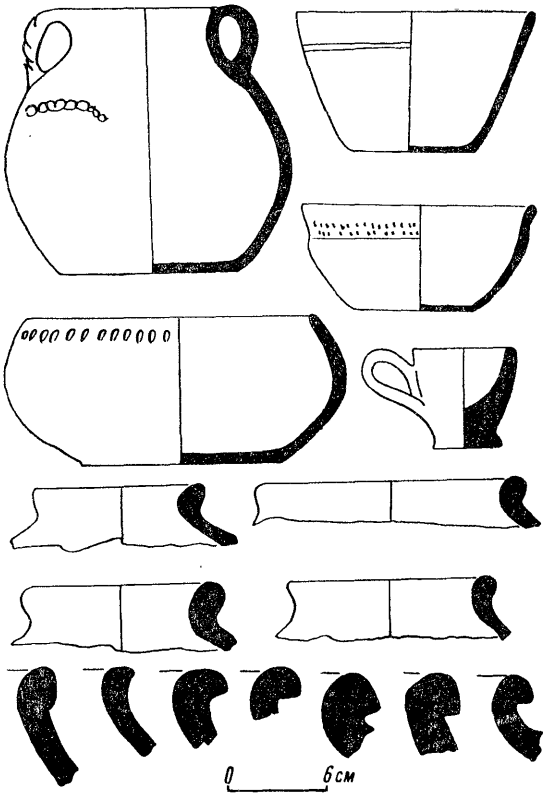

Рис. 31. Фергана. Керамика.

ки. В Чаче в VII—VIII вв. материальная культура развивалась под непосредственным влиянием Согда. Керамика Ак-Тепе имеет близкое сходство с керамикой Тали-Барзу, Кафир-Калы и Пенджикента.

Значительный интерес представляет керамика раннесредневековых городищ Тохаристана (рис. 32). Показательна керамика, найденная на Балалык-Тепе и Хайрабад-Тепе. Она встречается и на других городищах и тепе Сурхандарьинской области. Некоторые формы находят себе аналогии в керамике Пенджикента.

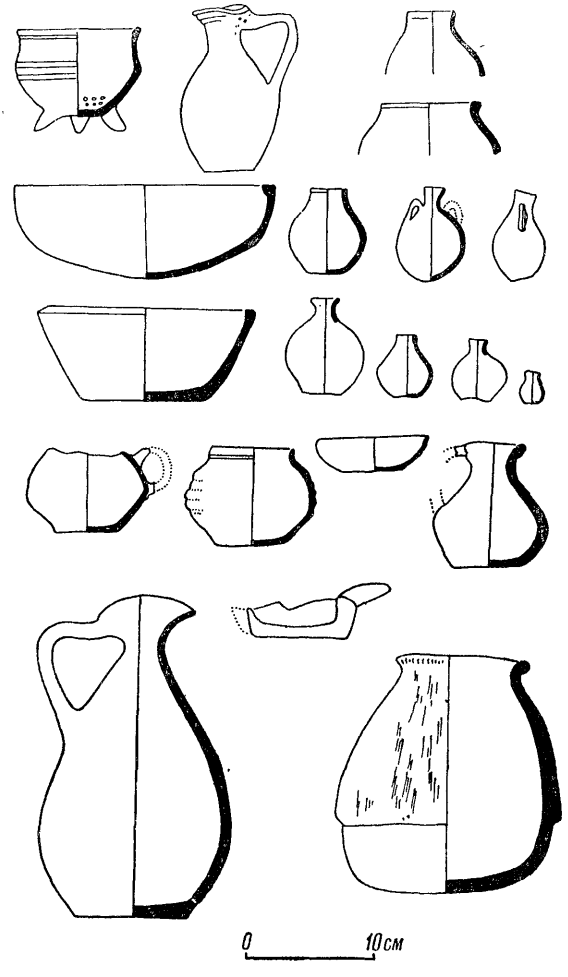

Рис. 32. Тохаристан. Керамика.

На городище Хайрабад-Тепе, в Ангорском районе, различаются два строительных периода, из которых верхний относится к V—VI вв. Керамика этого слоя представлена главным образом целыми сосудами различного хозяйственного назначения, выполненными из хорошо отмученной глины, покрытой красным ангобом, и фрагментами хумов. Керамика городища Балалык-Тепе также из хорошего теста, покрыта ангобом и залощена. Поверх лощения в некоторых случаях нанесен еще один слой ангоба (Альбаум, 1960, с. 42, 88).

Несколько самостоятельных групп в Хайрабад-Тепе образуют маленькие кувшинчики энохоевидной формы с округлым туловом, кувшины грушевидной формы и маленькие округлые сосуды с невысоким горлом. Они изготовлены на гончарном круге, подрезаны в нижней части и покрыты красным ангобом. Выделяются сосуды с четырьмя ручками (высота 18.5 см, высота горла 8.5 см). Они имеют округлое тулово с венчиком (в виде уступа — для крышки). Под венчиком до обжига сделано несколько отверстий — продухов. Кроме этого, найдено несколько чаш, мисок и плоских тарелок, небольшая кружка, кубок, круглодонная чашечка и светильник в виде чашечки с оттянутым носиком. Из всего комплекса хайрабадской керамики выделяются необычные сосуды, очевидно, ритуального назначения: на верхней части горла имеются ручки (сохранились 3, но было, наверное, 4). На сгибе ручек находятся навершия с отверстиями (диаметр 0.6 см, глубина 2.5 см).

В древнем Кобадиане, на городище Мунчак-Тепе, находящемся на правом берегу Кафирнигана, отмечены три строительных периода: слой Мунчак I датируется приблизительно VIII—IX вв.; Мунчак II — VI—VII вв.; Мунчак III — III—IV вв.

Слой Мунчак I дал мало керамического материала. В слое Мунчак II были найдены обломки различных кухонных котлов (грушевидных и широкогорлых), светильники с массивной ручкой, кувшин с маленьким отверстием у дна и большая вьючная фляга. В этом слое обнаружено 6 монет с круглым отверстием в середине, по типу очень близких к согдийским монетам VII—VIII вв., но отличающихся формой отверстия (Мандельштам, Певзнер, 1958).

В Южном Казахстане влияние Согда на развитие материальной культуры городов прослеживается начиная с VI в. Помимо импорта изделий наблюдается и заимствование местными гончарами технических приемов гончаров Средней Азии.

Керамика, найденная на городищах и датированная временем до VI в., изготавливалась вручную, но позже, в VI—VII вв., появляется посуда, сделанная на круге, хотя в целом преобладает лепная. Отметим наиболее характерные особенности посуды отдельных районов.

Для лепной керамики Отрарского оазиса типичен штампованный орнамент, в то время как в других районах в это время бытует керамика с резным орнаментом, сочетающимся с налепами в виде жгутиков (рис. 33).

Лепная керамика городищ северных склонов Каратау делится на две группы: сосуды из плотного теста, без примесей, хорошего обжига; сосуды из грубого дресвяного и шамотного теста.

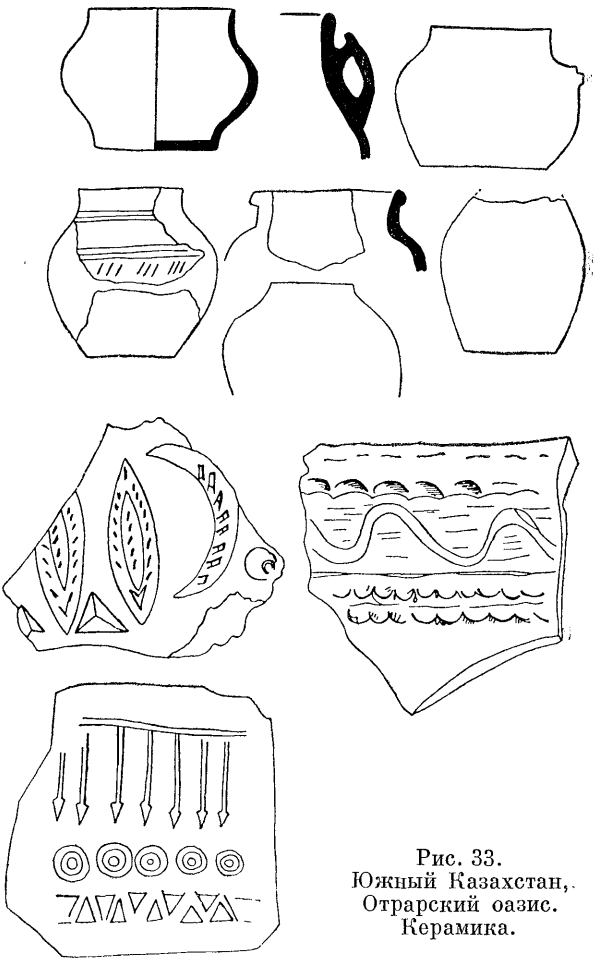

Рис. 33. Южный Казахстан, Отрарский оазис. Керамика.

Характерно, что донца сосудов изготовлялись отдельно от корпуса, а затем вставлялись и примазывались к стенкам. Орнаментировались сосуды врезными поясками, налепными жгутами. В рисунке штампов, которыми орнаментирована посуда, преобладают изображения, передающие элементы крепостных сооружений. Очень широко распространены столики-дастарханы, орнаментированные штампом по внутренней плоскости (Агеева, 1950).

Согдийцы, переселившиеся в Семиречье и образовавшие здесь колонии, оставили массовый керамический материал. Гончары-согдийцы принесли с собой выработанную традицию, и потому керамика, происходящая отсюда, имеет прямые аналогии с раннесредневековой керамикой Согда. На городище Ак-Бешим найдены целые серии сосудов, соответствующих керамике Тали-Барзу, Кафир-Калы и Пенджикента.

На Ак-Бешиме в слоях VII—VIII вв. найдена керамика, бытовавшая в Согде в более ранние периоды — V—VI вв. (Распопова, 1960).

В целом керамика упомянутых областей обнаруживает явные черты сходства с керамическими изделиями Согда. Иначе обстоит дело в Мерве (Маргиана) и Хорезме.

Керамика Мерва VII—VIII вв. носит ясно выраженный локальный характер и имеет глубокие местные древние традиции. В основном она сделана на круге, из хорошо отмученного теста. Ведущей формой являются кувшины (широкогорлые и узкогорлые), затем идут кринки, тагора (тазы) и чаши (рис. 34).

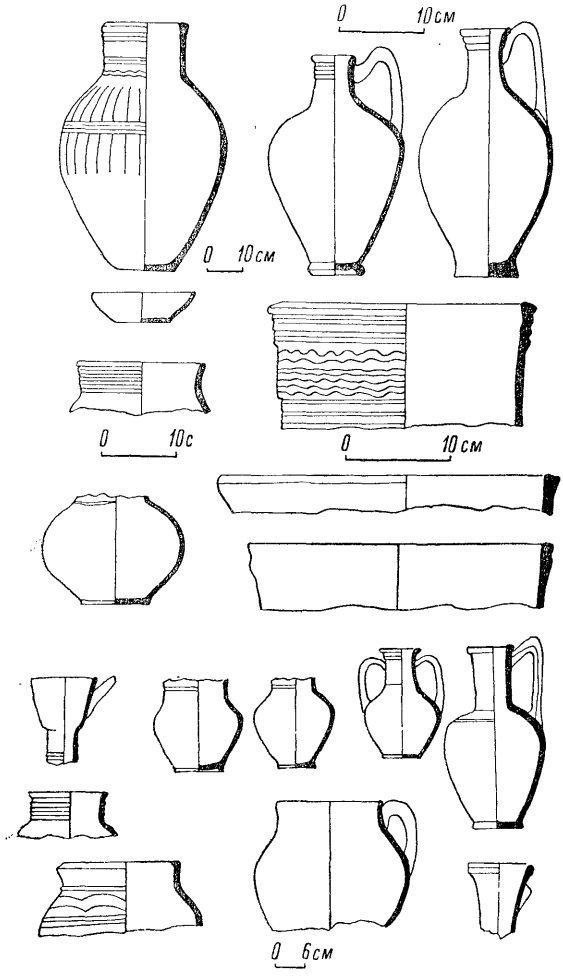

Рис. 34. Гяур-Кала. Керамика.

В керамике Хорезма афригидского периода (VI—VIII вв.) также следует отметить преобладание локальных особенностей (рис. 35).

Керамика афригидского периода делится на две хронологические группы: первая — VI в., вторая — VII—VIII вв. К первой относятся сосуды, появившиеся еще в предыдущем, кушано-афригидском периоде. Они сделаны на круге, отличаются большим разнообразием форм. Среди керамики этой группы имеются различных форм хумы, кувшины, миски, горшки. Во второй группе афригидской керамики также различается керамика, сделанная на круге, и лепная. На круге изготовляли хумы, хумчи, кувшины, кружки, миски. Вручную лепили горшки, котлы, некоторые хумы и хумчи, тазы и блюда.

Среди керамики VII—VIII вв. часто находятся фрагменты мелких лепных сосудов (очевидно, игрушек), которые воспроизводят крупные сосуды, употреблявшиеся в хозяйстве.

Орнамент на керамике афригидского периода резной, из налепов, ямочный.

Краткое рассмотрение керамики Средней Азии периода раннего средневековья свидетельствует о громадном разнообразии посуды, применявшейся в хозяйстве населения, и о высоком уровне гончарного ремесла в городах.

Сравнивая керамику различных районов в VI—VIII вв., надо отметить особенно близость и сходство посуды Согда с посудой Усрушаны, Чача, Семиречья, частично Южного Казахстана и полное отличие ее от керамики Мерва и Хорезма.

Стеклоделие

Сообщение китайской хроники начала V в. н. э., на которое впервые обратил внимание еще в 1893 г. Н. И. Веселовский, свидетельствует о том, что в Средней Азии имелось в это время свое стекольное производство и были мастера, которые знали технику его изготовления (Веселовский, 1893). О времени возникновения среднеазиатского стеклоделия точных археологических данных пока нет. Первая и наиболее ранняя мастерская (вернее, остатки ее) была открыта в Пенджикенте в 1952 г. в доме пригородного поселения (пом. № 4); она свидетельствует о начальном этапе освоения стекольного производства (рис. 36). В юго-западном углу помещения, на полу, были обнаружены две прямоугольные ванночки (размером 20×30 см) с закругленными краями. Стены одной ванночки изнутри оказались покрытыми стекловидной массой мутного зеленовато-желтого цвета, а дно — слоем темно-зеленого стекла толщиной 7—8 см. Другая ванночка была наполнена рыхлым серо-белым порошком, перемешанным с каплями зеленого стекла и кусочками тонкостенных деформированных стеклянных сосудов. Стена, к которой примыкала ванночка, ошлаковалась. С северной стороны рядом с ванночкой обнаружена небольшая ямка (40 см в диаметре и такая же глубина). Она также была заполнена порошком, перемешанным с тонкими обломками стенок сосудов и стеклянных нитей. Под слоем порошка лежал двухсантиметровый слой угля. Кроме стеклянных нитей и фрагментов стекла был найден маленький стеклянный флакон с заизвестковавшимися стенками.

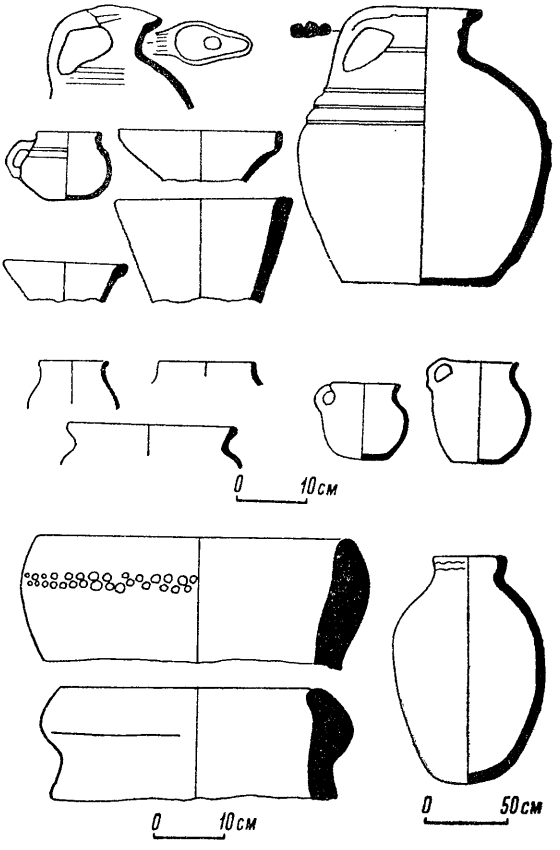

Рис. 35. Хорезм. Керамика.

Стеклянные изделия Пенджикента представлены главным образом небольшими флаконами, фрагментами нескольких графинов и чаш. Ограниченный ассортимент свидетельствует о том, что изделия из стекла не получили еще массового распространения и ими пользовались в основном как парфюмерной посудой.

В пенджикентской коллекции имеется несколько целых флаконов (рис. 37) и множество фрагментов, особенно донных. Стекло флаконов в настоящее время непрозрачно, почти черного или серо-зеленого цвета, с пузырьками воздуха; изготовлено оно способом свободного выдувания. Донья флаконов утолщенные, вогнутые в центре внутрь. Снаружи на дне виден след откола понтии. Иногда флаконы имеют круглый поддон в виде

небольшого налепа. Тулово флаконов шарообразное, слегка сплющенное сверху или, наоборот, вытянутое кверху. Горла узкие, воронкообразные с тонкими краями или прямые, цилиндрические с уплощенными горизонтальными краями. Высота флаконов от 4 до 8 см, диаметр от 1.5 до 5.5 см.

Орнамент на флаконе образован налепами: налепные нити-полосы, которые положены спирально вокруг тулова или зигзагообразно. Иногда

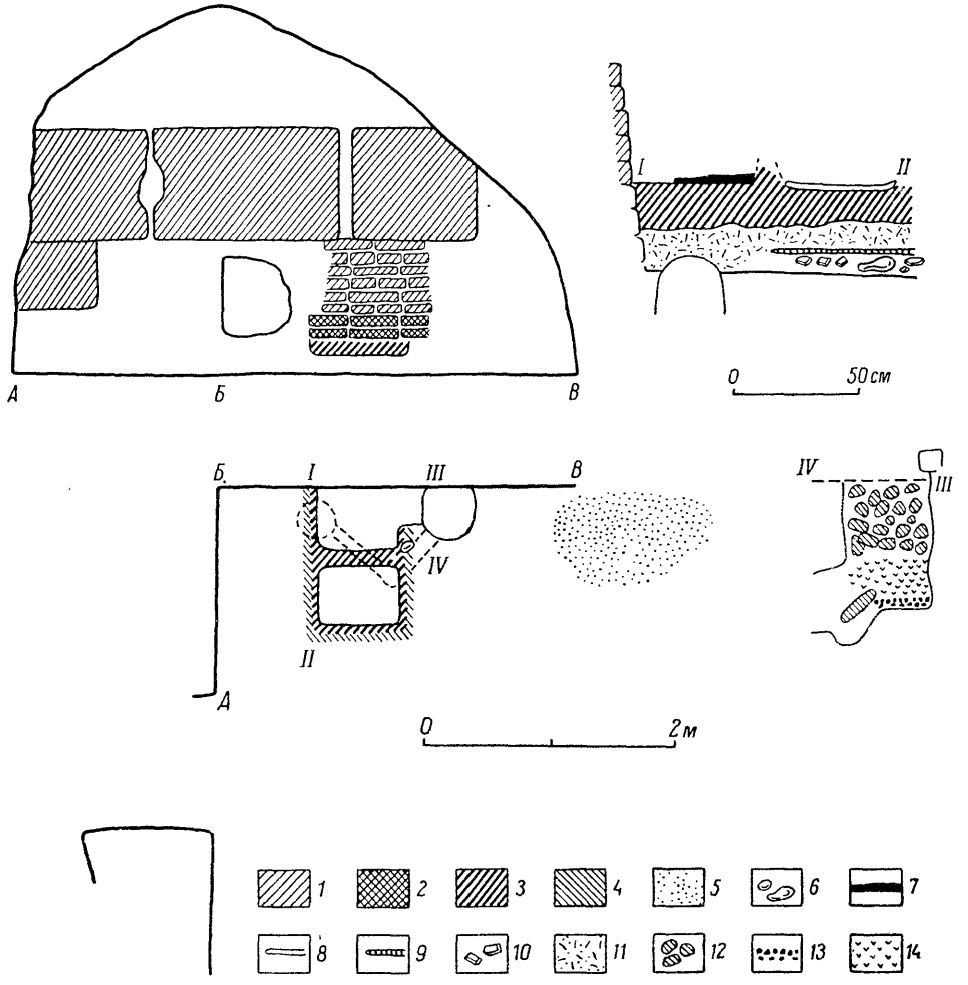

Рис. 36. Пенджикент. Стеклоделательная мастерская. Планы и разрезы.

1 — обожженный кирпич; *2* — ошлаковавшаяся стена; *3* — остатки ванночки; *4* — обожженный пол; *5* — кострище; *6* — камни; *7* — шлак; *8* — слой стекла; *9* — остатки нижнего пола; *10* — керамика; *11* — куски кирпичей и лёсс; *12* — обгоревшие обломки кирпичей и куски глины; *13* — уголь; *14* — белая шлаковидная зола с оплавившимися кусочками стекла.

на полосах мы видим насечки. Очевидно, такой орнамент должен изображать змею. На флаконе, найденном в крепости на горе Муг, тулово, без сомнения, украшено «змейкой». Она обвивает его до самого верха. Видимо, украшение флаконов «змейкой» имело магическое значение — оберега. Другой тип налепного орнамента — небольшие лепешечки-диски, расположенные вокруг тулова на определенном расстоянии одна от другой. Один из пенджикентских флаконов особенно примечателен: тулово его яйцеобразное, с уплощенным, к середине вогнутым дном. Горлышко не-

высокое, несимметричное, слегка расширяющееся кверху. Флакон украшен налепным орнаментом: на двух противоположных сторонах тулова в арочке из плоской полосы стекла помещены медальоны, сделанные оттиском штампа. На каждом изображено человеческое лицо: глаза удлиненные, нижняя часть лица, рот и борода нечетко оттиснуты штампом, на лбу диадема в виде двух рядов перлов. Кроме флаконов с узким горлом

Рис. 37. Пенджикент. Стеклянные флаконы.

в Пенджикенте найдено несколько маленьких сосудиков-флаконов с широким горлом. По технике изготовления, размеру и орнаментации они совершенно аналогичны предыдущим, однако назначение их несколько другое: в них могли хранить мази.

Отметим также единичную находку четырехгранного флакона, внутри которого находилась заостренная палочка. Ею, очевидно, пользовались для извлечения содержащегося в нем вещества.

Находки отдельных стеклянных изделий VI—VII вв. отмечены в ряде пунктов Средней Азии. На городище Ортадепеслик (в Туркмении), датиру-

емом VI—VII вв., найден флакон, по форме очень сходный с пенджикентскими. На его тулове сделано несколько выступов-«коготков» (В. Массон, 1961). На городищах Балалык-Тепе (Альбаум, 1963) и Мунчак-Тепе в Южном Таджикистане также найдены флаконы, однотипные пенджикентским (Мандельштам, Певзнер, 1958).

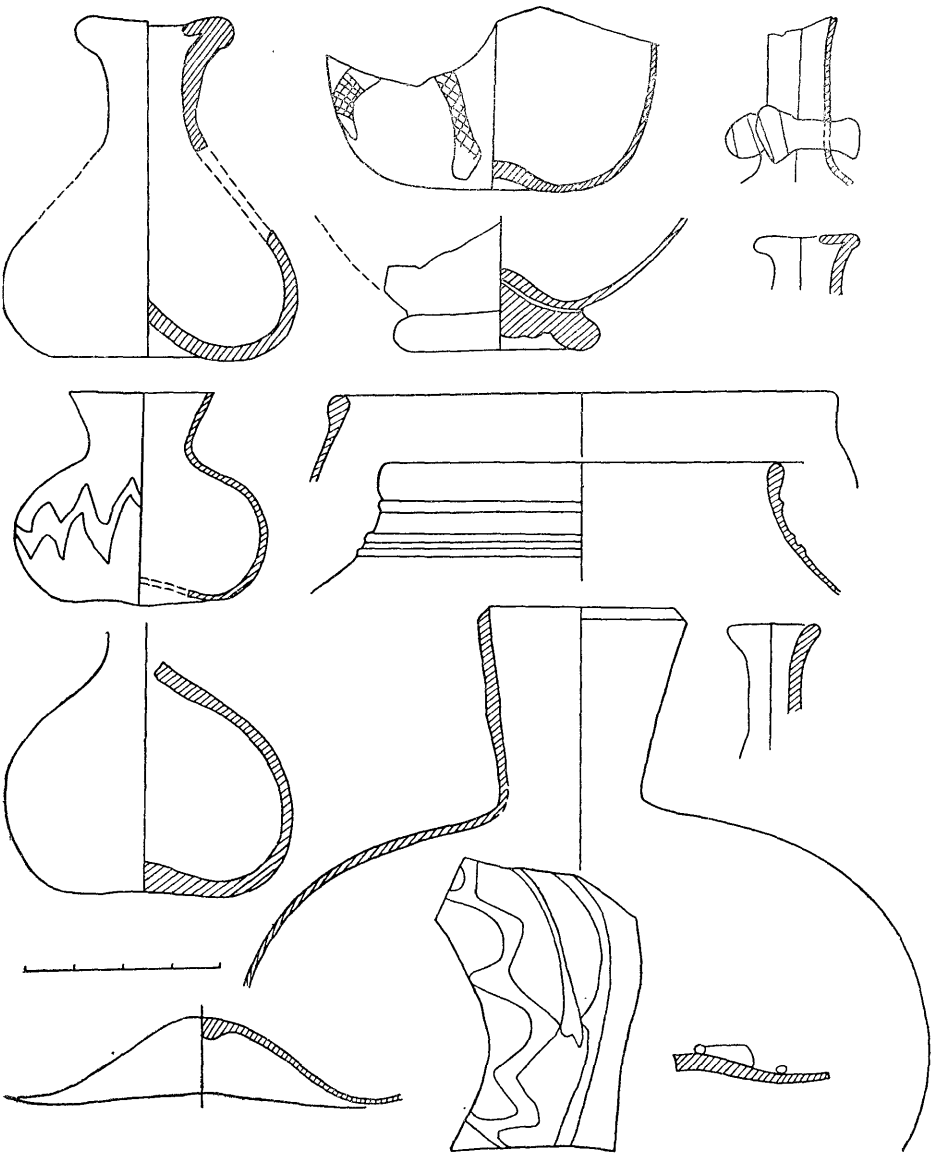

Рис. 38. Пенджикент. Стеклянные изделия.

Иной тип флаконов представляют собой сосуды, выдутые в форму. Они обнаружены в Пенджикенте только в немногочисленных фрагментах.

Кроме небольших парфюмерных флаконов в Пенджикенте бытовали еще и графины (рис. 38). Это толстостенные сосуды из темного, непрозрачного стекла, с туловом шарообразной формы и высоким цилиндрическим горлом. Горло заканчивается широкой горизонтальной расплющенной закраиной, сильно выдающейся за его края. Кроме толстостенных графи-

нов с цилиндрическим горлом имеется и шарообразный графин из очень тонкого бесцветного стекла с невысоким горлом-раструбом.

Что касается других форм посуды, то в Пенджикенте найдено несколько фрагментов вертикальных стенок, очевидно, чаш. Одна такая чаша, голубого стекла, рифленная в горизонтальном направлении, выдута в форму. Она имела округлую нижнюю часть, где рифление сходило ко дну на нет. Имеется также один фрагмент вертикальной стенки сосуда (кружки) с каннелюрами, выдутого в форму.

Таким образом, в VI—VIII вв. в городах Средней Азии существовало производство стекла, но еще не на высоком уровне. Ассортимент изделий очень небогат. Местные стеклоделательные мастерские производили в основном парфюмерную посуду и в очень ограниченном количестве — посуду хозяйственную.

После VIII в. стеклоделательное ремесло в городах получает широкое развитие; об этом говорят многочисленные находки стеклянных изделий в разных местах Средней Азии.

Образцы стекла из средневековых городов Средней Азии, в том числе и из Пенджикента, подверглись химическим анализам (Абдуразаков, Безбородов, 1966). Согласно им, стекла сходны между собой по составу. Пенджикентские стекла являются наиболее ранними среди всех образцов, но сходны с более поздними. Некоторые анализы показали различие в компонентах. Так, в некоторых пенджикентских стеклах отмечается небольшое количество глинозема (1.16—1.7%) и большое количество окиси марганца (3.3—4.08%). Если сравнить средний состав компонентов стекол из Пенджикента, то он ближе всего к составу стекол более позднего времени, например из Кулдор-Тепе (IX—X вв.). В основном среднеазиатские стекла состоят из пяти окислов: кремнезема, окиси кальция, магния, натрия и калия. Остальные компоненты играют роль примесей.

Обработка металлов

Городские ремесленные мастерские по обработке железа получали металл в виде криц, которые, прежде чем стать поковочным материалом, требовали добавочной обработки, производившейся в городских кузницах. Кричное железо поставляли железоплавильные центры, находившиеся вблизи местонахождения железных руд, добываемых в горных районах, где они были обеспечены и необходимым топливом. Многие пункты добычи железных руд в Средней Азии в настоящее время хорошо известны как в результате археологических и геологических исследований, так и по сведениям письменных источников (М. Массон, 1953б). Не останавливаясь на характеристике собственно горного дела, техники добычи руды, исследованных достаточно подробно (Литвинский, 1954), отметим лишь, что первичная плавка железистых руд производилась так называемым сыродувным способом. В археологических публикациях данных об устройстве железоплавильных печей чрезвычайно мало. Остатки печи, датируемой VI—VIII вв. н. э., были открыты Е. Е. Неразик у подножия Султануиздага в Хорезме, вблизи места добычи руды. К сожалению, этих остатков оказалось недостаточно для восстановления ее устройства (Неразик, 1966). Однако, судя по всему, техника первичной плавки железа сохранялась до недавнего времени и описана в этнографической литературе (Андреев, 1926).

С устройством мастерских впервые удалось познакомиться при раскопках на шахристане Пенджикента. Здесь открыт ряд помещений, остатки устройства которых говорят о том, что перед нами мастерские по обработке железа — кузницы (рис. 39). Находка в одном из домов пригорода наковальни может служить указанием, что и здесь имелись мастерские по обра-

ботке металла. Остатки оборудования лучше сохранились в трех кузницах, на которых мы остановимся подробнее. Все они располагались в одном пункте (объект XVI), непосредственно примыкая друг к другу, у перекрестка двух улиц, являвшихся, как можно полагать, весьма важными городскими артериями. Одна из этих улиц, в частности, шла со стороны городских ворот. Мастерские сравнительно просторные, имеют суфы. Одна из них состоит из закрытого помещения и айвана (пом. № 39). Во всех трех кузницах от прежнего их устройства и специального оборудова-

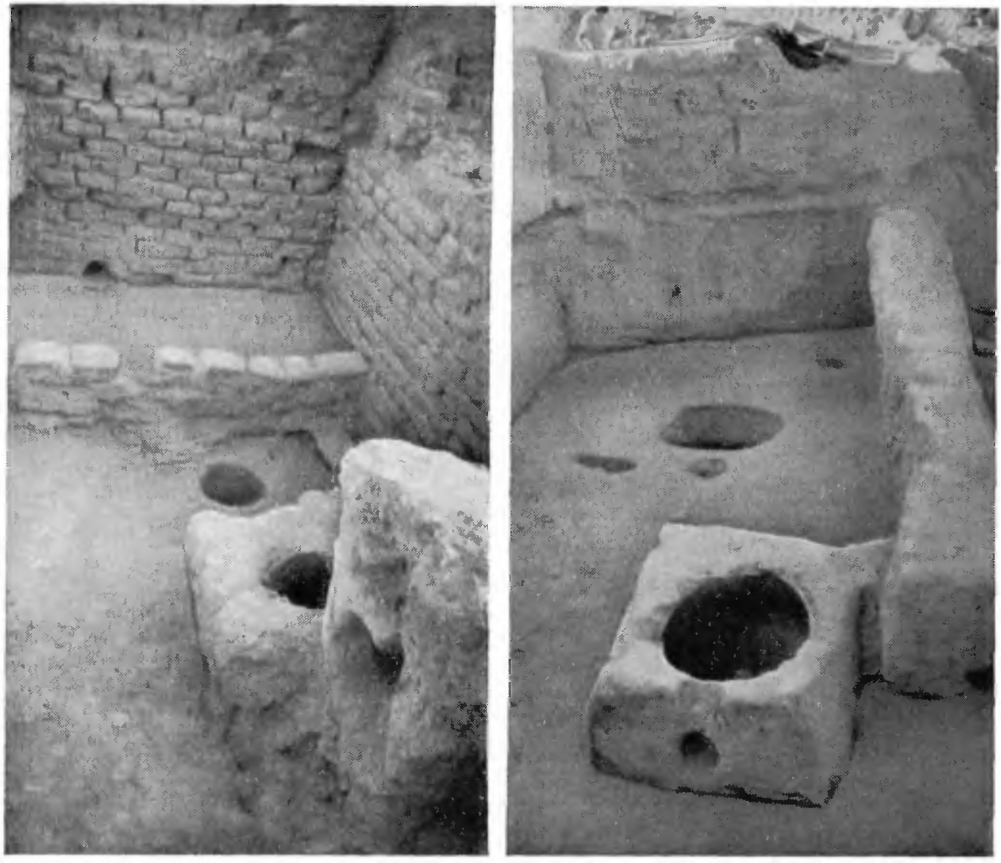

Рис. 39. Пенджикент. Железоделательные мастерские (кузницы).

ния лучше всего сохранились горны: в двух мастерских (пом. № 29 и № 40) — по одному, а в третьей (пом. № 39) — два. Все горны одинакового устройства, несколько различаются величиной. Это кубовидные сооружения, сложенные из кирпича-сырца, в которые впущены крупные хумы, поставленные венчиком вниз. Днища их срезаны. Таким образом, кирпичная кладка служила для горнов изоляционным футляром и одновременно придавала большую устойчивость.

В одной из стенок футляра имеется снизу квадратное отверстие; ему соответствует в прилегающей стенке хума округлая пробоина, в которую вставлялось сопло поддувала от мехов (рис. 40). Сопла двухканальные, характерной V-образной формы, необходимой для одновременного нагнетания воздуха в горн из двух мехов. Двухканальное сопло кроме Пенджикента найдено на городище Каджар-Тепе. Близкой иллюстрацией

к тому, как производилась работа у такого горна, может служить миниатюра XV в. из Самарканда (?) (рис. 41). Остатки криц и измельченного кричного железа, найденные внутри горнов, а также на полу мастерских, свидетельствуют, что здесь крицы превращались в поковочный металл, из которого выделывались готовые изделия. Помимо вышеназванных горнов во всех мастерских имеются специальные очаги. В одной мастерской (пом. № 29) — это крупный открытый очаг с двумя устьями, сооруженный

Рис. 40. Пенджикент.

1—3 — сопла; *4* — лопата; *5* — наковальня.

на специальной платформе. В другой мастерской (пом. № 39) очаг устроен на суфе и частично заходит под стену; он изнутри обложен обожженными плитками.

Для мастерских характерно наличие в полу углублений, в которых, очевидно, находились колоды для наковален. В стенах мастерских имеются ниши небольших размеров и различные углубления — следы каких-то деревянных сооружений (Распопова, 1972, с. 145).

Одна мастерская расположена отдельно, в северном конце восточной части городища, где также перекрещиваются две улицы (Большаков,1964, с. 93 и сл.). Она состоит из двух помещений. Кирпичная оболочка горна и хум оказались здесь сильно разбитыми. Но находка в этой мастерской

сопла свидетельствует, что горн был такого же устройства, как и в остальных мастерских. Имелись здесь и добавочные очаги. Обнаружение в этой мастерской заготовок из рога и кости указывает на комбинированное производство, что отличает ее от первых трех, в которых изготовлялись, как видно по находкам, только железные изделия — ножи, колечки от кольчуг, панцирные пластинки, наконечники стрел. Все эти предметы, веро-

Рис. 41. Миниатюра из рукописи. Кузнечная мастерская.

ятно, не случайно оказались в мастерских и в какой-то степени характеризуют главные категории изделий, в них вырабатываемые. Однако, как правило, внутри мастерских изделий, которые указывали бы на состав их продукции, сохранилось очень мало. Особенно большое сожаление вызывает то, что среди находок мы почти не имеем орудий труда.

Что касается железных изделий, обнаруженных вне мастерских, то они в Пенджикенте весьма многочисленны, составляют одну из наиболее обширных категорий вещественных памятников, вскрытых раскопками. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев металл очень сильно

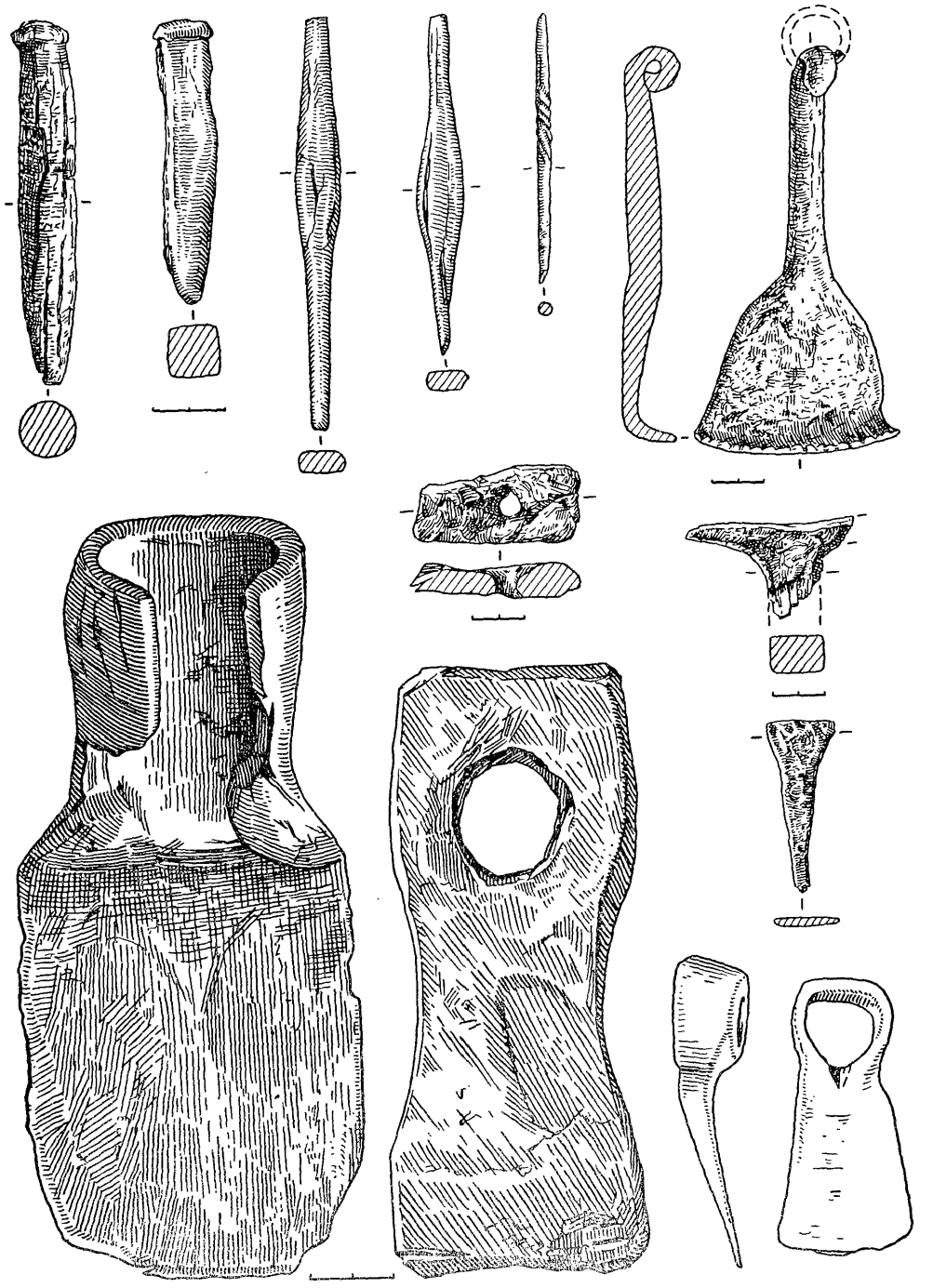

Рис. 42. Пенджикент. Орудия труда.

деформирован в результате коррозии и разбухания. Нередки находки полностью распавшихся железных предметов, о которых можно судить лишь по оставленным ими слоям ржавчины. От многих предметов сохранились только фрагменты. Вследствие этого и о назначении многих изделий судить с уверенностью трудно. Такое же положение с железом отмечается и в других исследованных пунктах Средней Азии.

Находки крупных железных орудий труда сравнительно редки. Они включают топоры типа колунов с продольным лезвием, толстым обухом, тесла, молотки с одним заостренным концом (рис. 42).

В Пенджикенте в одном из домов пригородного поселения был найден крупный обрубок железа весом 4.5 кг, правильной формы, овальный в сечении, служивший предположительно наковальней. В Ак-Бешиме обнаружен сошник деревянного плуга. Там же найдена крупная железная лопата, к пластинке которой заклепками прибито ушко для насада. В Пенджикенте найдены пластины кетменя (?), лопатки, имеющие различную форму. У одной из них ручка отходит в виде черешка, откована вместе с пластиной. Такого типа лопатки известны в Древней Руси в качестве предмета кузнечного оборудования и служили для сгребания угля в горнах и очагах (Колчин, 1953, с. 89).

В одном из железных предметов, к сожалению фрагментированном, мы узнаем наковальню-шперак с двумя отходящими рожками, служащими для обработки гнутых металлических изделий. Судя по небольшим их размерам, она, вероятно, была предназначена для обработки небольших колец, возможно кольчужных.

Очевидно, специализированным орудием по обработке дерева являются крупные ножевидные предметы с заостренным загнутым концом (рис. 43). Они отличаются массивностью и сильно утолщенной спинкой, по своей форме напоминают кавказские цалды. Насад к ним втульчатый. В одном случае насад имеет форму неглубокой замкнутой втулки, усиленной сквозной заклепкой, в другом — втулка раскрытая, в виде боковых щековидных зажимов с двумя отверстиями для забивки гвоздей. Обычными являются находки предметов, напоминающих стержни разного размера с различной формой рабочего конца, в которых следует признать долота, зубила, бородки, чеканы и другие инструменты, применявшиеся как в кузнечном, так и в ювелирном и деревообделочном ремеслах. Весьма часты находки и разного рода шильев. Их отличает утолщенная средняя часть, иногда винтообразно перекрученная.

Уникальной находкой в Пенджикенте является своеобразный железный скребок, представляющий собой лопатку треугольной формы, с зубчатым рабочим краем, отогнутым под прямым углом к пластине. Характерен длинный черешок насада, который проходил через всю (деревянную) рукоятку. По словам местных жителей, такой скребок употреблялся при изготовлении тыквенных сосудов.

Среди железных орудий наиболее многочисленными являются ножи (рис. 44). Однако они часто плохой сохранности. Нередко металл почти полностью уничтожен ржавчиной. Вместе с тем общее количество ножей, форма которых сохранилась, дает достаточно полное о них представление. Различаясь своими размерами, формы основных типов устойчивы. Два типа ножей являются доминирующими.

Ножи первого типа характеризуются прямой утолщенной спинкой и заостренным к спинке концом. Черешковый насад отходит обычно от середины клинка; он сравнительно короткий, не больше $^1/_4$ длины клинка. В виде исключения можно отметить находку ножа, который отличается от других большой шириной клинка и округлым концом.

Ножи второго типа имеют серповидную форму и округло изогнутый клинок. Ножи этого типа представлены двумя разновидностями. Для пер-

вых характерен черешковый насад, который часто без уступа отходит от пластины ножа и отличается массивностью. Ножи второй разновидности прикреплялись к рукоятке с помощью заклепок. Последних чаще

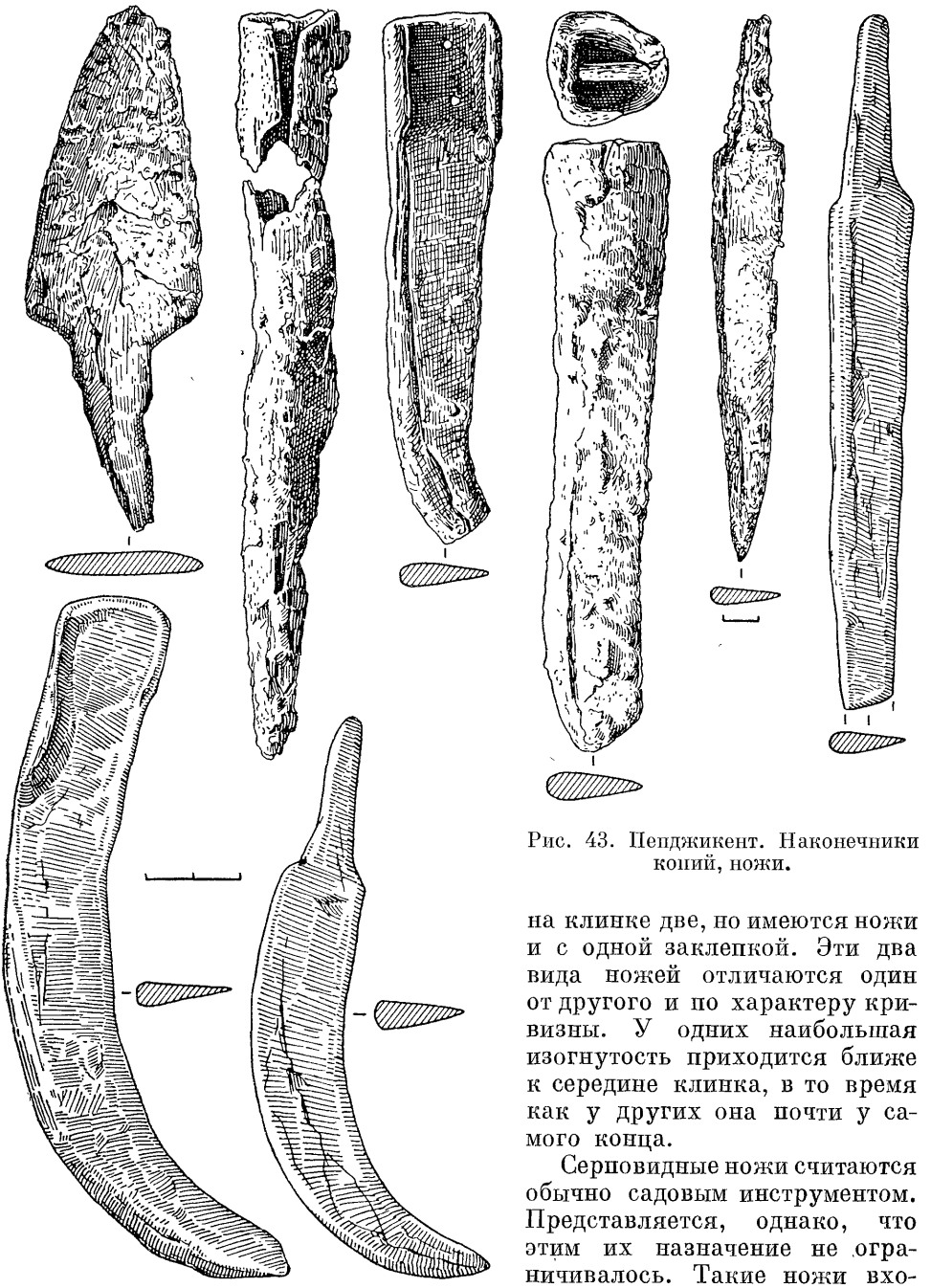

Рис. 43. Пенджикент. Наконечники копий, ножи.

на клинке две, но имеются ножи и с одной заклепкой. Эти два вида ножей отличаются один от другого и по характеру кривизны. У одних наибольшая изогнутость приходится ближе к середине клинка, в то время как у других она почти у самого конца.

Серповидные ножи считаются обычно садовым инструментом. Представляется, однако, что этим их назначение не ограничивалось. Такие ножи входят, в частности, в состав инвентаря курганных захоронений, в которых очень часты и различные деревянные изделия. Нам кажется, что они являются инструментами для специальной обработки дерева. Многочисленные находки таких ножей в Пенджикенте, где широкое применение дерева в строительстве и осо-

бенно в такой популярной отрасли искусства, как художественная резьба по дереву, требовало различного инструментария, подтверждают это предположение. Серповидные ножи, разнообразные по величине и по форме, скорее всего и были инструментами деревообделочников и, возможно, мастеров — резчиков по дереву.

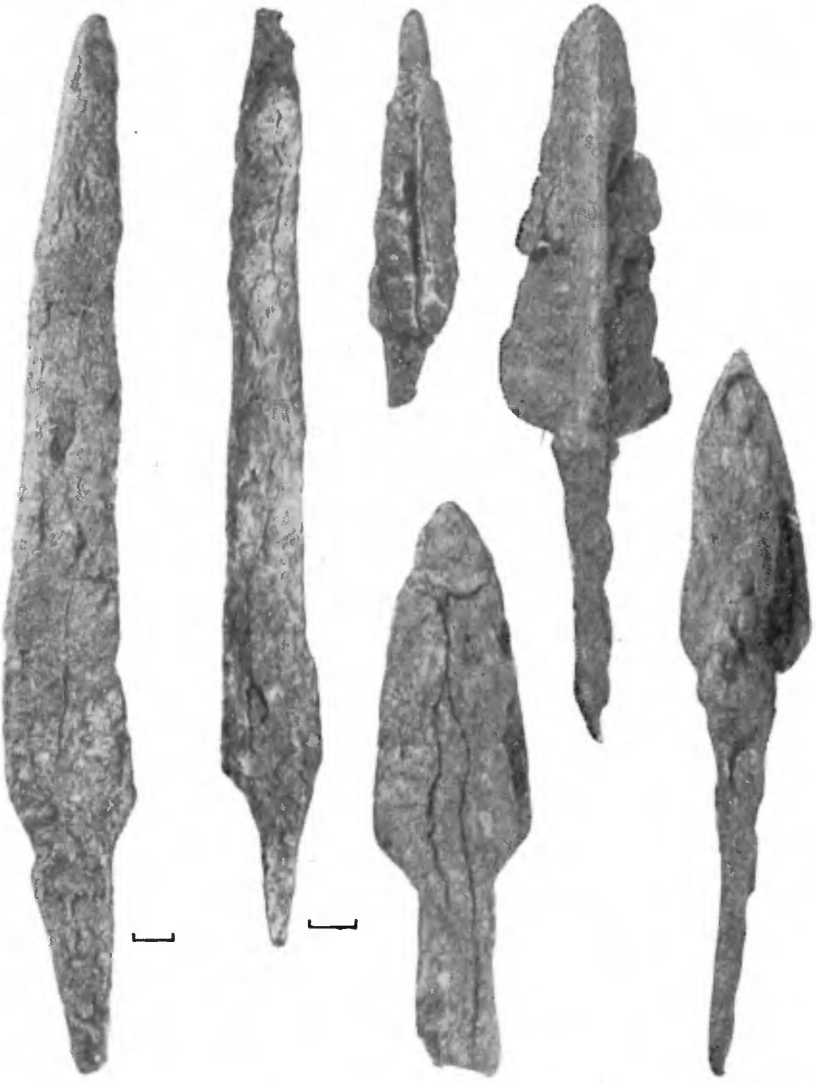

Рис. 44. Пенджикент. Ножи, наконечники копий и стрел.

По своему назначению из общей массы железных изделий наиболее определенно выделяются предметы вооружения и принадлежности конской сбруи (рис. 45).

Среди предметов вооружения первое место занимают железные наконечники стрел (рис. 46). Изучение эволюции их форм в Средней Азии с древнейших веков и до интересующего нас времени привлекает внимание исследователей. Как показывает статья Б. А. Литвинского (1965), в VI—VIII вв. наконечники стрел отличались большим разнообразием форм и размеров. Пенджикентская коллекция в этом отношении весьма показа-

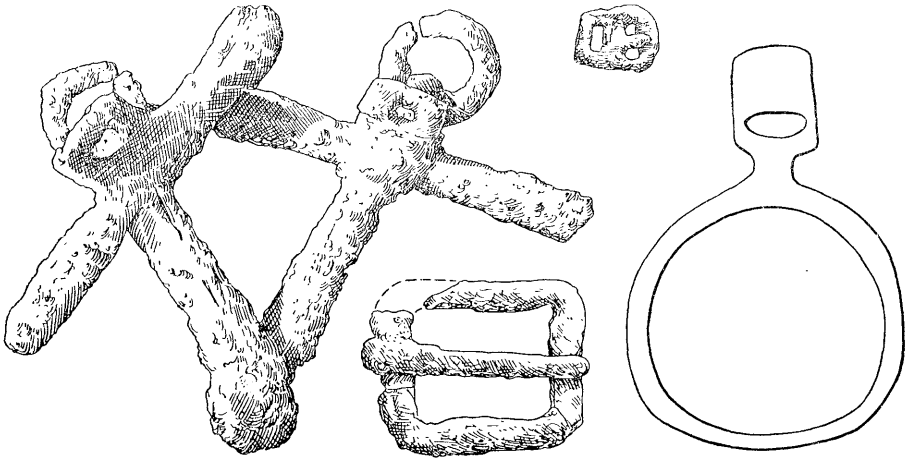

Рис. 45. Предметы конской сбруи.
Слева — Пенджикент; *справа* — Ташкентский канал.

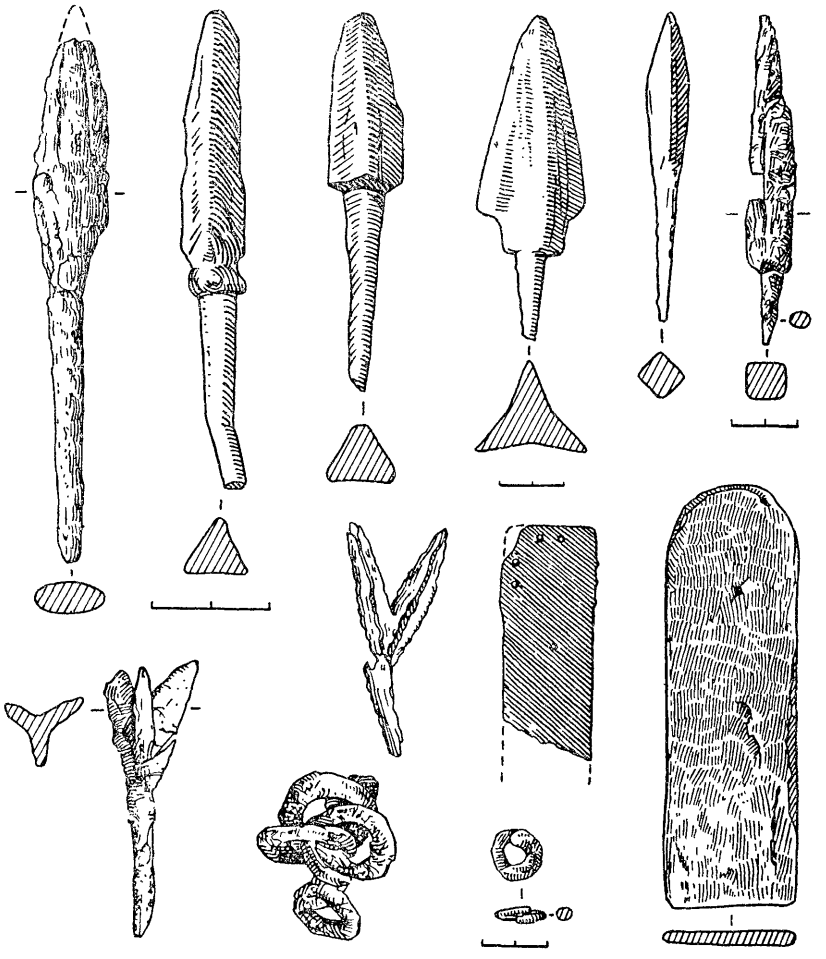

Рис. 46. Пенджикент. Наконечники стрел, панцирные пластины и кольчужные кольца.

тельна. Она включает, не считая разновидности по величине, наконечники трехлопастные, трехгранные, четырехугольные (ромбические и квадратные), овальные и круглые в сечении. А. И. Тереножкин высказал предположение, что некоторые из указанных видов (например, трехгранные) обязаны своим появлением тюркам или арабам, однако, как отмечено в вышеназванной статье, материал свидетельствует скорее о местном среднеазиатском развитии этой формы.

Изучение эволюции наконечников стрел показало, что появление новых видов, особенно увеличенных в размерах, находится в тесной связи с развитием форм и усилением защитного вооружения. Несомненно, что разнообразие видов наконечников стрел VI—VIII вв. является следствием главным образом именно этого обстоятельства. Как показывают памятники искусства, и в первую очередь живописные батальные сцены, отряды тяжеловооруженных всадников были основной боевой силой войска. Доспех состоял из пластинчатого панциря, кольчужной рубахи, шлема с кольчужной бармицей, защищавшей лицо. Для небольших стрел доспехи, очевидно, были непроницаемы. Некоторые виды наконечников стрел предназначались специально для охоты. В этом отношении особо характерны находки в Пенджикенте вильчатых, трезубых и в ряде других мест двузубых наконечников стрел, которыми пользовались во время охоты на птиц и мелкую дичь.

Значительно меньше находок наконечников копий или дротиков. Среди них выделяются две формы, существенно отличающиеся друг от друга. Одна из них представляет собой заостренный стержень с втульчатым насадом. Такой наконечник найден в Ак-Тепе под Ташкентом (Тереножкин, 1948). У второй формы имеется обычный для наконечников стрел черешковый насад, причем у боевой части последнего есть две разновидности: плоская, линзовидная в сечении, и трехперая.

В Пенджикенте за все время раскопок найден всего один клинок меча с черешковым насадом, обоюдоострый, овальный в сечении. Еще один меч VII—VIII вв. найден на Афрасиабе. Клинок его двухлезвийный, с черешковым насадом (Кабанов, 1963). Интересны находки в Пенджикенте группы полусферических железных поделок, похожих на навершия от рукоятей мечей или кинжалов. Однако являлись ли они действительно навершиями, сказать трудно.

К предметам защитного вооружения принадлежат разрозненные стандартных размеров панцирные пластинки с различно расположенными отверстиями. Нередки находки и кольчужных колечек; в одной из кузниц Пенджикента (пом. № 39) их целое скопление. Найден небольшой обрывок кольчужной сетки. Соединение концов колец, как это заметно на некоторых из них, производилось проковкой, без заклепок.

Железные предметы конской сбруи представлены среди пенджикентских находок одной целой парой удил, отдельными их деталями и набором пряжек от ремней оседловки и узды. Удила составные, с кольцами, в которые наглухо вставлены прямые псалии с добавочными прямоугольными петлями. Один отдельно найденный псалий, сильно разбухший, имеет S-образную форму.

Пряжки найдены двух типов: одни в виде четырехугольной рамки, на одной из планок которой насажен язычок; другие имеют приемник для прикрепления ремня. Пряжки последнего типа могли, впрочем, применяться и для носильных поясов.

Стремена известны по находкам в Семиречье, главным образом в могильниках кочевников (Бернштам, 1952). А. И. Тереножкиным опубликовано стремя, обнаруженное при рытье Ташкентского канала (1940в).

Многочисленны находки железных изделий хозяйственного назначения (рис. 47). Особенно часты находки гвоздей. Различаются два их

типа: с круглой уплощенной шляпкой и костылевидные. Очень широко применялись различные скобы и скрепы. Последние состоят из двух пластин, соединенных заклепками. Широкие пластины имеют по четыре, узкие по две заклепки. Часты находки различных по величине колец. Концы крупных колец скреплялись заклепками; у мелких концы скреплялись

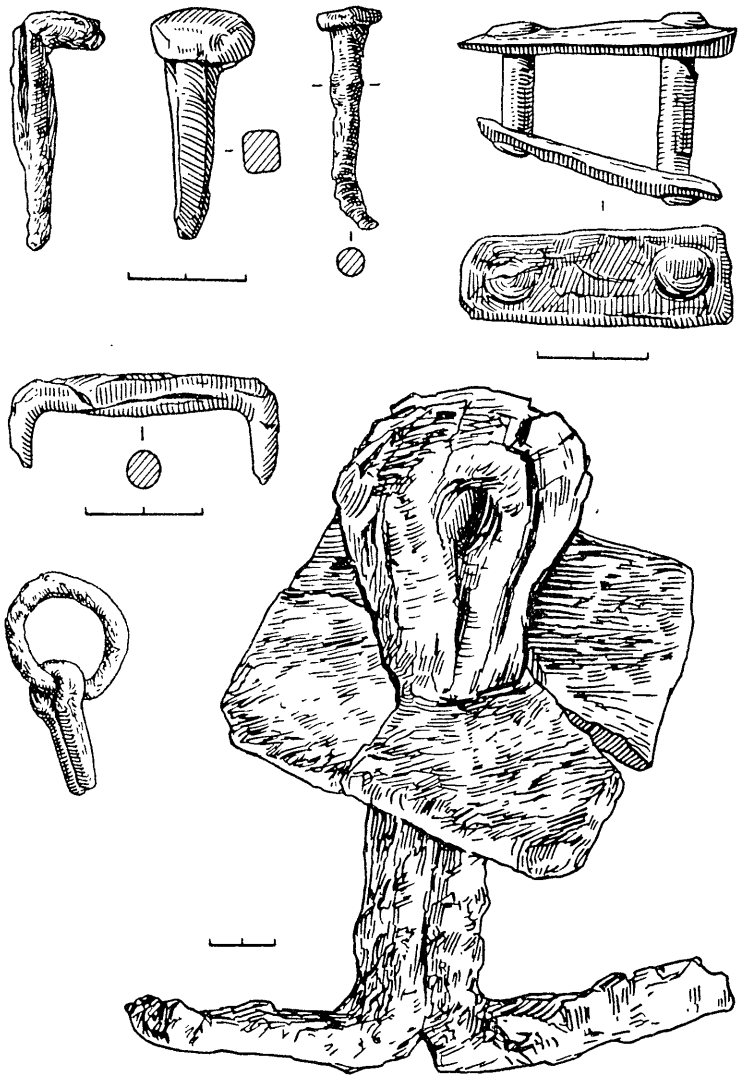

Рис. 47. Пенджикент. Гвозди, скобы.

проковкой. Такие кольца найдены, в частности, вместе с пробоями от дверных запоров. Постоянны находки различных крючьев.

Особо следует отметить находки ключей и замков (рис. 48). В Пенджикенте, а затем в Кафир-Кале (Шишкина, 1961) были найдены крупные железные ключи от внутренних запоров, которые, как показала В. Л. Воронина, сохранились до последнего времени в некоторых районах Средней Азии под названием «люки-дон» (1950, с. 194).

В Ак-Бешиме (Кызласов, 1959) и в Пенджикенте найдены ключи и детали от навесных пружинных замков. Ключ от такого замка найден в Кул-

дор-Тепе (Ставиский, 1958). Эти сложные по конструкции замки сходны с хорошо известными пружинными замками, находимыми на многих более поздних средневековых памятниках Древней Руси и Западной Европы (Колчин, 1953).

Из числа единичных находок отметим найденные в Пенджикенте обрывок железной цепи, сковородку или жаровню и ложечку.

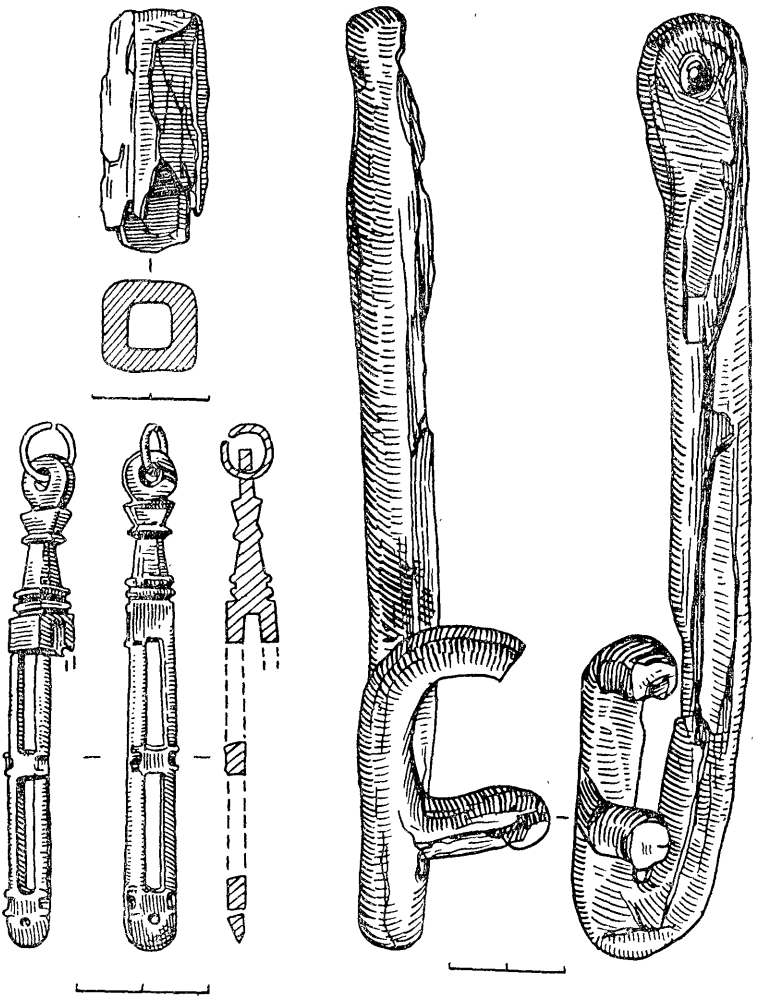

Рис. 48. Пенджикент. Ключи.

Приведенным перечнем состав железных изделий не ограничивается. Много поделок из железа найдено в виде фрагментов, по которым трудно судить об их первоначальной форме. Кроме того, имеются и предметы, определить назначение которых, несмотря на удовлетворительную сохранность, мы не в состоянии. Ряд таких изделий может характеризовать мастерство кузнецов, их умение посредством ковки изготовлять достаточно сложные по форме изделия.

У подавляющего большинства железных предметов коррозия проникла настолько глубоко, что металлургический анализ их оказался невозможным. Что касается техники обработки, то по внешним наблюдениям это была горячая проковка. Бросается в глаза широкое применение клепки

и соответствующее освоение техники пробивки отверстий в железе. Несомненно, что применялась и закалка режущих инструментов.

Для ряда изделий характерно комбинированное применение разных металлов. Так, например, в сердцевину цилиндрического замка вставлена бронзовая пластинка. В крупном бронзовом светильнике ножка частично сделана из железа (см. с. 91). Отметим также и гвоздевидный стержень с массивным бронзовым навершием.

Таким образом, устройство мастерских, характер основного оборудования, особенно горнов, состав изделий — все это указывает на достаточно высокий уровень городского железообрабатывающего промысла и несомненно большое место, которое он занимал среди других отраслей ремесленного производства.

Ювелирное дело

В археологических исследованиях Средней Азии встречаются упоминания об открытии ювелирных мастерских (Тереножкин, 1947), но ни в одном случае, насколько известно, не приводится описание их помещений и деталей устройства. Впервые с такими мастерскими, так же как и с кузницами, мы знакомимся по раскопкам в Пенджикенте. Обнаружены они в разных пунктах городища. Их остатки менее выразительны, чем остатки кузниц, однако сомневаться в назначении самих мастерских нет основания. Об этом говорит особое устройство печей-очагов, служивших для плавки металлов (рис. 49). Очаги находятся обычно на платформе, приподнятой несколько над уровнем пола. Они открытые, небольшие, имеют от двух до четырех устьев. Характерно, что в мастерских очаги расположены непосредственно у дверного проема. Такое рас-

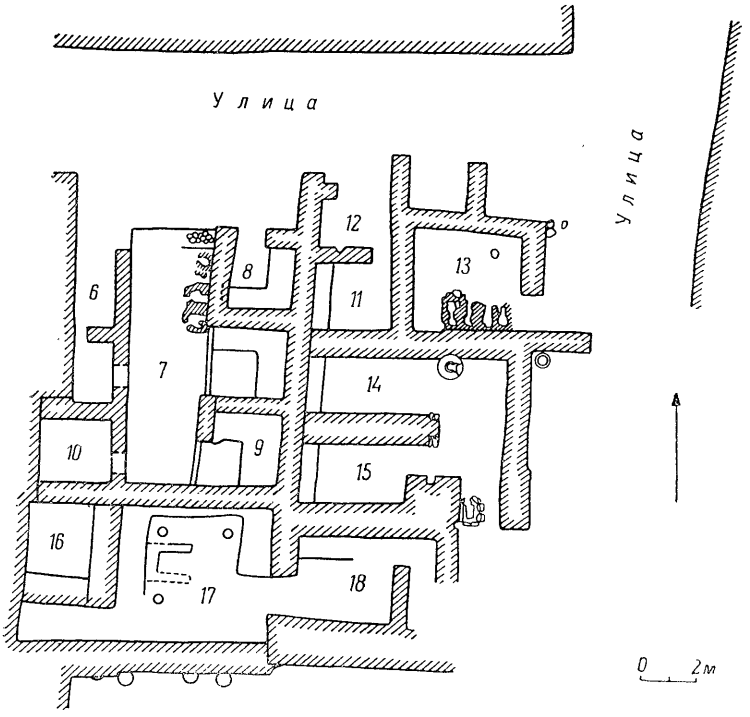

Рис. 49. Пенджикент. План базарчика у перекрестка улиц 1 и 2.
Пом. № 13 — ювелирная мастерская.

положение очагов было вызвано, как можно полагать, необходимостью удаления не только дыма, но и вредных газов, которые образовывались в процессе работы с расплавленным металлом. Наличие очагов с несколькими устьями, очевидно, объясняется необходимостью иметь в расплавленном состоянии разные металлы. Впрочем, возможно, оно обусловлено и тем, что работало в мастерских по нескольку человек одновременно.

В одной из этих мастерских обнаружено в полу небольшое углубление с сильно ошлакованными стенками, в котором держали, надо полагать, горячие угли для подогрева расплавленного металла непосредственно во время работы.

Среди вещественных находок наиболее выразительными являются льячки — предмет оборудования ювелирных мастерских (рис. 50). Они имеют форму высокого стаканчика с округлым дном и оттянутым сливом.

Рис. 50. Пенджикент. Льячки.

Изготовлялись они из особой огнеупорной каолиновой глины. Стенки, как правило, сильно прокалены и сохранили натеки и мелкие крупицы металлических окислов и золота.

К предметам оборудования ювелирных мастерских принадлежали также каменные литейные формочки. Но находки их редки.

Тщательно обработанная форма для отливки ювелирных изделий найдена на городище Мунчак-Тепе; датируется она III—IV вв. н. э. (Гайдукевич, 1947). Редкость находок каменных форм в Пенджикенте, видимо, следует объяснить заменой их глиняными или гипсовыми формами, которые после употребления уничтожались. Такие формы хорошо известны по находкам в Таксиле (Сев. Индия) (Marshall, 1951, I, p. 177; III, p. 136). По наблюдениям О. И. Смирновой, такие формы употреблялись для отливки бронзовых монет, выпуск которых в занимающие нас века производился повсеместно (1965, с. 9).

Для характеристики техники литья в глиняных или гипсовых формах интерес представляет находка в Пенджикенте в 1964 г. небольшого клада, состоящего из 7 поясных пряжек, не бывших в употреблении. Они по форме и величине идентичны, но отлиты в двух формах: в одной 3, в другой 4 экз. По-видимому, три-четыре отливки в одной форме и являлись обычной нормой для глиняных форм.

Отметим также находки в Пенджикенте бракованных литых изделий. Таков, например, бронзовый перстень, у которого затеки металла заполнили часть отверстия кольца.

В одной из мастерских был найден небольшой глиняный плоскодонный сосуд с невысокими стенками, сильно прокаленный, служивший, вероятно, переносной жаровней.

Каков был состав ювелирных изделий, которые изготовлялись в мастерских? К сожалению, находок готовых изделий немного и они не могут дать полного представления о продукции ювелирного промысла. Однако сам факт наличия мастерских позволяет говорить о городе как центре ювелирного дела и считать, что находимые независимо от мастерских из-

Рис. 51. Пенджикент. Изделия из золота и серебра.

делия являются продуктами местного производства. Разумеется, отдельные предметы могут оказаться и привозными, но в большинстве случаев следует предположить их изготовление на месте.

Рассмотрим прежде всего ювелирные изделия, найденные в Пенджикенте. Это предметы из золота, серебра и бронзы.

Золотые и серебряные изделия немногочисленны, однако некоторые из них сделаны весьма искусно и представляют значительный интерес для характеристики профессионального уровня мастеров-ювелиров (рис. 51).

Золотых серег найдено 4 экз. Все они происходят из помещений первого храма. Несмотря на некоторые дефекты, конструкция их восстанавливается полностью. Две серьги почти совершенно одинаковы и, видимо,

принадлежали одной паре. Наиболее характерной их особенностью является полная разборность деталей. Основная, наиболее крупная часть серьги представляет собой овальной формы медальон. Его лицевая сторона оконтурена ободком зерни, идущим по краю. На одном из медальонов сохранился вставленный в гнездо красный самоцвет; на другом его нет, утерян. Гнездо сделано из тонкой золотой полоски, припаянной к медальону. На медальоне одной серьги между гнездом и ободком зерни припаяна узкая золотая лента со сложным орнаментом. Сверху и снизу медальон имеет по два ушка, в которые вставлялись миниатюрные штифтики с жемчужинами. К верхнему штифтику привешено колечко серьги с припаянной пластинкой, к нижнему — сердцевидная пластинка с бирюзовой вставкой. От третьей серьги сохранился только медальон сердцевидной формы. По конструкции она вполне сходна с парными. Четвертая серьга, хотя и несколько отличается от первых трех по конструкции, но вышла, надо полагать, из одной с ними мастерской. У нее припаянные по сторонам и снизу ушки, на которые привешены подвижные золотые пластинки стремявидной формы (одна утеряна), со вставками из самоцветов.

Другие изделия из золота по технике изготовления менее сложны. Это перстни, бракteаты, оправа для пастовых бусин, пластинки. Два перстня, с крупными вставками из красного камня, отличаются массивностью. В одном из них камень резной, с изображением превосходно выполненной мужской головы. Один перстень, с небольшим гнездом, изготовлен из тонкой проволоки, найден без вставки. Гнездо снабжено мелкими лапками для закрепления вставки.

Бракteаты вырезаны из тонкого листа золота с односторонне оттиснутыми штампом фигурными изображениями.

Оправа для бусин представляет собой миниатюрный цилиндрик с ажурными стенками.

Для характеристики обработки золота следует также отметить применение золотой, чрезвычайно тонкой фольги в живописи. На открытой в 1964 г. живописной фигуре божества много украшений (браслеты, кольца, подвески, поясные пластины и др.), выполненных из такой фольги.

Группа серебряных предметов включает перстни и отдельные уникальные предметы. Один из перстней характеризуется широкой профилированной шинкой и щитком, обрамленным ободком ложной зерни. В гнезде щитка сердоликовая вставка с резным изображением зебу. Интересна группа перстней-печатей с фигурками животных и птиц, вырезанными непосредственно на плоском щитке. Такие перстни имеют с одной стороны щитка небольшой округлый выступ, указывающий правильное положение изображения на оттиске печати. Наличие выступов является характерной особенностью перстней-печатей Средней Азии в рассматриваемые века. Особенно часто они встречаются, как увидим, на бронзовых печатках. Очень интересна литая серебряная ложечка, ручка которой оформлена в виде виноградного побега с междуузлиями. Уникальной является скифатная круглая серебряная пластинка с оттиснутым изображением львинообразной головы так называемого киртимукхи. На деревянной скульптуре танцовщицы, найденной в Пенджикенте, такой же формы предмет с аналогичным изображением служит аграфом для скрепления концов шнура с бубенцами, обвивающего ее фигуру. Отметим также миниатюрные серебряные гвозди, найденные при раскопке второго храма. В связи с этой находкой небезынтересно вспомнить рассказ ат-Табари о сожжении идолов в Самарканде. Согласно этому рассказу, по приказу Кутейбы были собраны и затем сожжены идолы самаркандских храмов, при этом в костре было найдено на 4000 драхм спекшегося серебра от гвоздей (Табари, II, с. 1246).

В отличие от изделий из золота и серебра бронзовые предметы достаточно многочисленны. Некоторые из них представлены сериями. Это прежде всего различные предметы украшений (рис. 52).

Формы бронзовых серег сравнительно несложны. Простейшим является колечко с заостренными, несходящимися концами, несколько утол-

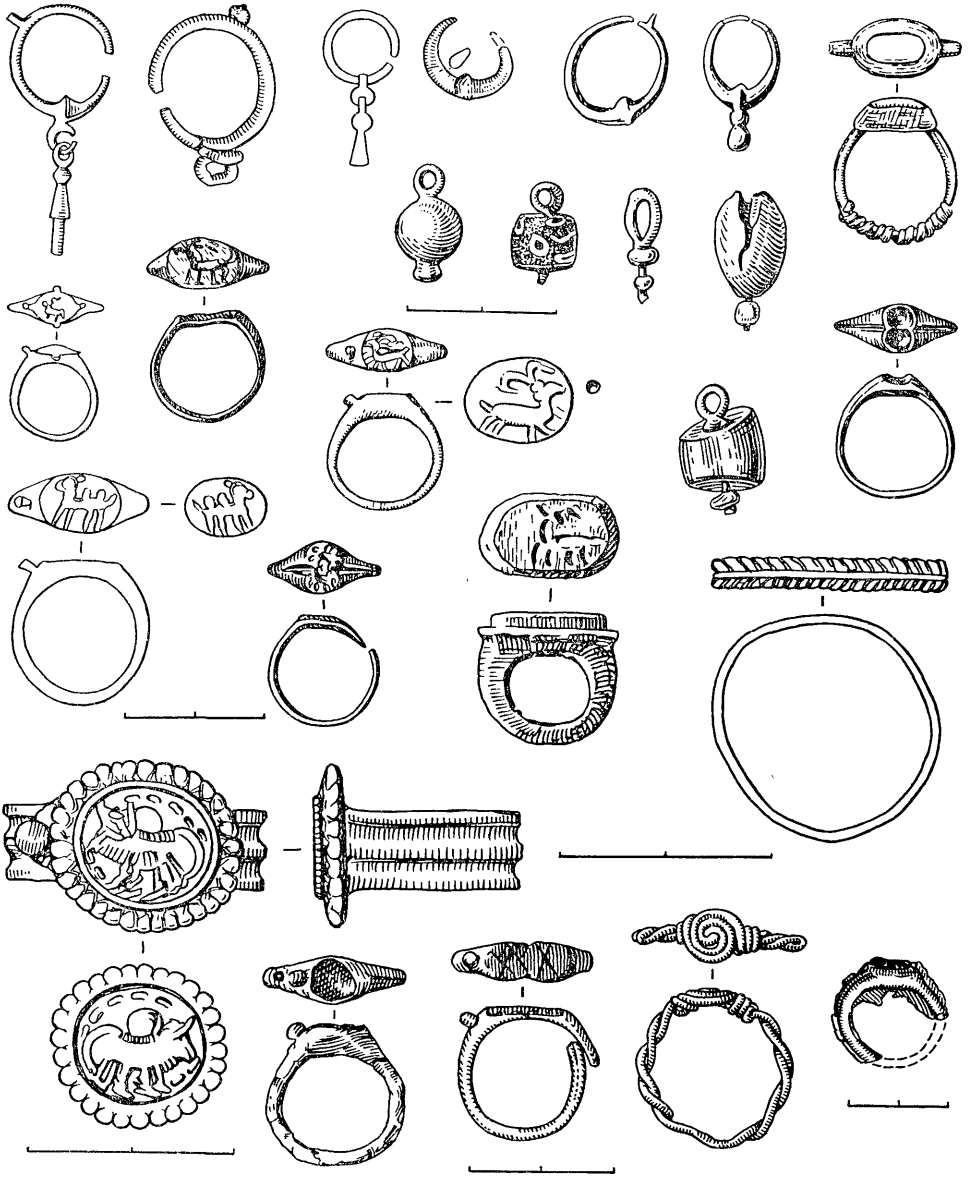

Рис. 52. Пенджикент. Изделия из серебра и бронзы.

щенное в центре. Усложнение происходит за счет появления ребристого валика в середине и шиповидного отростка у одного из концов. Дальнейшее усложнение — наличие отлитых вместе с кольцом небольших шариков или ушка для подвижных подвесок.

Коллекция бронзовых колец насчитывает несколько десятков экземпляров. Находки относительно большого количества их, видимо, не слу-

чайны. Их, естественно, теряли чаще, чем другие украшения. Наперстные кольца имеют щитки с одним или несколькими гнездами для вставок каменных и пастовых глазков. В одном случае щиток оформлен в виде спиралевидного завитка. У некоторых перстней шинки обвиты тонкой бронзовой проволочкой. Большой интерес представляют кольца-печати. Для них характерно, так же как и для серебряных перстней-печатей, наличие с одной стороны щитка небольшого выступа с округлой головкой, указывающего правильное положение изображения на оттиске печати. Сами печати или выгравированы на щитке, или же представляют собой резной камень-вставку с различными, преимущественно зооморфными, изображениями. Наряду с носильными перстнями-печатями найдены и ложные перстни. Они более массивны, меньше, чем остальные, в диаметре, для ношения на пальце непригодны. Одно бронзовое кольцо-печать отличается от остальных ступенчатой формой щитка и отсутствием указанного выступа.

Браслеты принадлежат к редким находкам и чаще всего встречаются в виде фрагментов. Изготовлены они из круглого в сечении бронзового прута. Концы не смыкающиеся, лишь слегка утолщены. Вероятно, обломком браслета является полукруглая поделка из двух свитых бронзовых проволок.

Бронзовые зеркала, найденные в Пенджикенте, большей частью фрагментированы (рис. 53). Целых зеркал мало. Различные по диаметру, они снабжены рельефными бугорками в центре обратной стороны с отверстием для подвешивания на шнуре. Орнаментированы зеркала весьма скромно; на отдельных экземплярах мы видим валик по краю и ряд концентрически расположенных прочерченных кругов. Иногда по полю пластины разбросаны мелкие циркульные кружки. У ряда экземпляров на обратной стороне зеркала имеется рельефная полоска с насечками. Крупным зеркалам принадлежат ручки в виде стержня, заканчивающиеся обращенными в разные стороны протомами животных. Находки таких ручек, помимо Пенджикента, известны и в Афрасиабе. И те и другие были найдены без самих зеркал, в связи с чем об их назначении были высказаны различные предположения. Случайная находка на юге Таджикистана в 1965 г. зеркал с припаянными аналогичными ручками делает указанную их атрибуцию бесспорной.[2]

Пряжки, накладки, бляшки, наконечники и подвески наборного пояса составляют одну из наиболее многочисленных категорий бронзовых предметов, найденных в Пенджикенте (рис. 54). Часты они и среди находок во многих других пунктах Средней Азии. В статье В. И. Распоповой, посвященной поясному набору Согда VII—VIII вв., большая часть находок из Пенджикента охарактеризована с достаточной полнотой (1965). Анализ всего материала показал, что независимо от происхождения наборного пояса, давнишнего предмета обихода кочевых народов, распространение его в оседлых районах Средней Азии падает на VI—VIII вв. Для нас особенно важно отметить большое разнообразие форм пряжек и наборных бляшек, особый характер орнамента (например, в виде виноградного побега), которым украшены некоторые бляшки, найденные как в Пенджикенте, так и в других пунктах Средней Азии. Все это говорит о том, что их производство было несомненно освоено и развито в полной мере местными ремесленниками. Подтверждает это находка в Пенджикенте пряжек, не бывших в употреблении (см. с. 82). Едва ли вызывает сомнение, что эти пряжки представляют собой нереализованную продукцию местного ремесленника. Интересны сведения арабских источников о золотых наборных поясах у представителей знати среднеазиатских народов. Так, Наршахи в одном из сообщений отмечает наличие золотого

[2] Об этой находке любезно сообщил Б. А. Литвинский.

пояса с привешенным к нему футляром у бухарской царицы (Л, с. 15, 53). Золотые пояса, согласно рассказу ат-Табари, были захвачены у отряда знатных воинов — сыновей дихканов из Чача, спешивших в 712 г. на помощь Самарканду и попавших в засаду (II, с. 1243). Особо интересно сообщение об эпизоде, имевшем место во время заключения мирного договора между арабским полководцем Кутейбой и самаркандским царем Гуреком в том же 712 г. Когда Кутейба увидел на людях из свиты, окружавшей Гу-

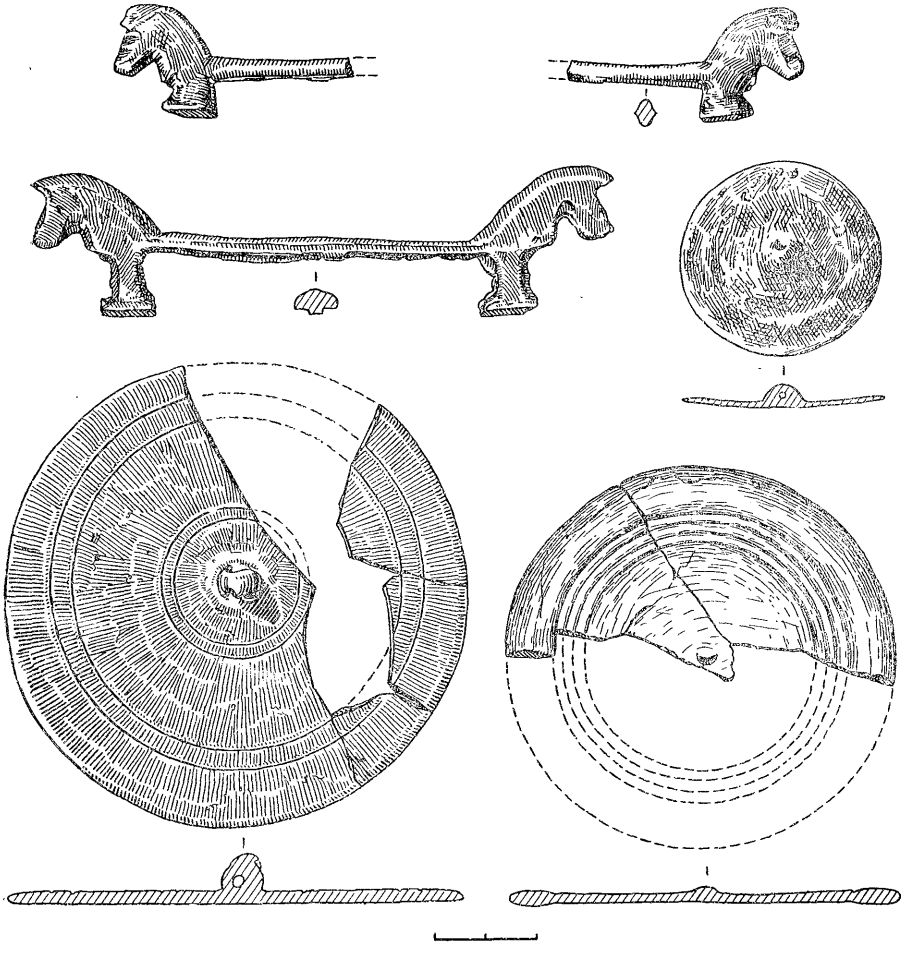

Рис. 53. Пенджикент. Бронзовые зеркала.

река, золотые пояса, то у него, как отмечается, глаза налились кровью, «стали красными» от ярости (Ибн ал-А'сам, с. 143).

Большую категорию находок как в Пенджикенте, так и в некоторых других пунктах Средней Азии составляют бубенцы и колокольчики (рис. 55). Бубенцы отличаются по способу изготовления и по размерам. Одни из них отливались в формах, другие, из двух половинок, очевидно, изготовлялись штамповкой с последующей припайкой ушек. Разнообразно было и их применение. Известны они в качестве подвесок к ремням конской сбруи. На памятниках изобразительного искусства Пенджикента, в живописи и резном дереве, фигуры танцоров и танцовщиц обвиты шнурами с привешенными к ним бубенцами.

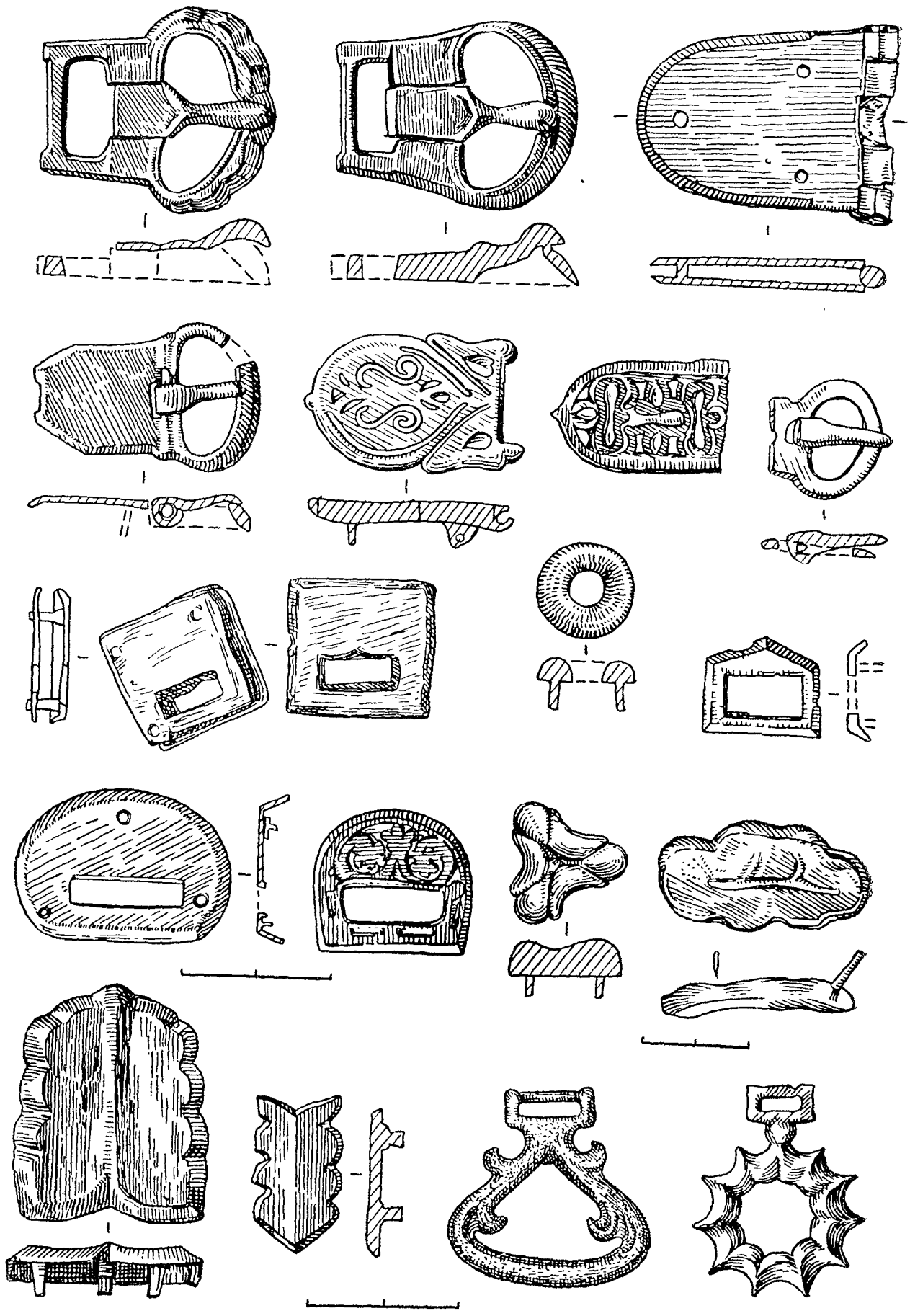

Рис. 54. Пенджикент. Детали поясного набора.

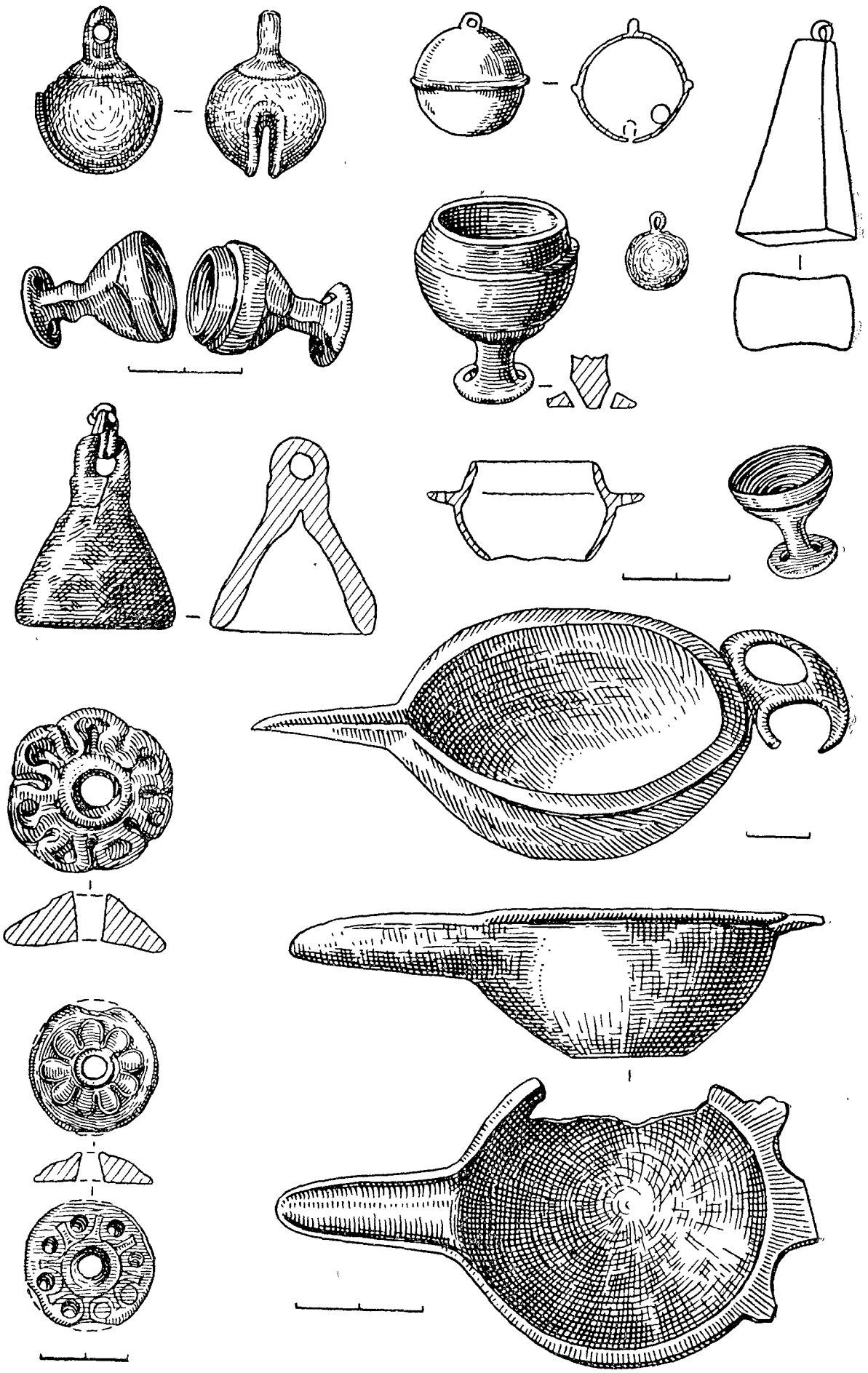

Рис. 55. Пенджикент. Изделия из бронзы.

По всей вероятности, бубенцами служили парные поделки, имеющие форму миниатюрных котелков на ножках с плоским основанием, в котором пробито по два отверстия. Плотно подогнанные один к другому, они в собранном виде имели шаровидную форму и прикреплялись, видимо, к концам шнуров. У некоторых из них по сторонам имеются горизонтальные ушки также с отверстиями.

Рис. 56. Пенджикент. Изделия из бронзы.

В помещениях пенджикентских храмов найдено несколько небольших колокольчиков, использовавшихся как предметы культовой утвари. Об этом свидетельствует изображение колокольчиков, подвешенных к своеобразному трезубцу, на одной из пенджикентских стенных росписей, на которой мы видим и другие предметы культовой утвари (Беленицкий, 1960б). Однако это не исключает их применения в быту.

Весьма частой находкой в Пенджикенте являются пуговицы. Это сравнительно массивные литые кружки с отверстием посередине. Гладкие

с одной стороны, они имеют рельефный орнамент с другой. Судя по некоторым изображениям на пенджикентских росписях, их нанизывали на портупейные ремни мечей. Аналогичные кружки мы видим и из кости (см. ниже).

Постоянно встречаются в Пенджикенте фрагменты от бронзовых сосудов, но целые предметы представлены единичными находками (рис. 56). К последним относятся полусферическая чаша, кувшинчик, орнаментированный в древности, очевидно, мастером-профессионалом. Надо полагать, что бронзовая посуда ценилась высоко.

Миниатюрные сосудики с оттянутым носиком и плоскими фигурными ручками служили для приготовления косметических веществ. Такие же сосуды найдены в Варахше (Кабанов, 1956а) и Хорезме (Неразик, 1963).

Перечисленные категории предметов из бронзы носят на себе вполне выраженные черты массовой продукции ремесленных мастерских. Наряду с ними имеются бронзовые вещи, которые изготовлялись в индивидуальном порядке. К ним относится найденный в Пенджикенте пока уникальный в археологии Средней Азии светильник (рис. 57). Он принадлежит к числу составных изделий, изготовленных из бронзы и железа. Бронзовый резервуар имеет форму полусферической чаши с широким бортиком, край которого отогнут вертикально вниз. Ножка состоит из трех сходных фигурных «катушек» и двух железных гладких стержней. Последние были некогда покрыты листовой бронзой, от которой сохранились небольшие кусочки. К сожалению, основание ножки не найдено. Изображенные на пенджикентской живописи светильники имеют основание в форме треноги. Вероятно, и у данного светильника было такое же основание.

Рис. 57. Пенджикент. Бронзовый светильник.

Интерес представляет находка массивного пестика от ступки, вполне сходного с современными. О применении ступки в домусульманское время мы можем судить по очень точному ее изображению на известном бия-найманском оссуарии, где она показана вместе с пестиком, схожим с пенджикентским. Ритуальное значение ступки на стенке оссуария вполне очевидно. Видимо, и пенджикентская находка принадлежит к числу ритуальных предметов храмового обихода.

Определенную художественную ценность имеют подвески в виде фигурок человека и животных, по-видимому служившие амулетами (рис. 58). Их находки отмечены как в Пенджикенте, так и в Семиречье, Хорезме. Аналогичное назначение, надо полагать, имели подвески, имитирующие предметы обихода: миниатюрные кувшинчики, серп и астрагал, найденные в кладке на цитадели Пенджикента еще в 1947 г. Отметим уникальную находку бронзового литого битка для игры в «альчики».

О более крупных зооморфных скульптурах из бронзы свидетельствуют находки их отдельных частей, как например уха оленя, ноги верблюда, лапы хищного зверя. В Самаркандском музее хранится крупная нога верблюда, отлитая из бронзы (Ремпель, 1954).

В настоящее время после большой исследовательской работы, проделанной советскими археологами, искусствоведами и лингвистами, доказано, что к изделиям среднеазиатского художественного ювелирного ремесла должны быть отнесены многие предметы художественной торев-

тики, хранящиеся в музеях.[3] Это подтвердилось в 1942 г. находкой при раскопках в районе Фархадстроя венчика серебряного сосуда с согдийской надписью (Гайдукевич, 1947), а в 1962 г. находкой трех серебряных чаш в Чилеке, в сердце Согда (Маршак, Крикис, 1969).

О несомненно широком распространении в быту зажиточных слоев населения в VII—VIII вв. посуды из серебра и золота убедительно свидетельствуют памятники изобразительного искусства, в особенности живопись Варахши, Пенджикента и Балалык-Тепе. Эти же памятники ис-

Рис. 58. Бронзовые подвески и штамп.

1—7 — Пенджикент; *8* — Кува.

кусства дополняют формы предметов украшений, не представленные среди находок. Например, на многих изображениях мы видим украшения, которые носили на руках выше локтей, известные под индийским названием «кейюра», особые металлические трубки для женских локонов, различные металлические броши, аграфы и подвески, украшавшие одежду. Искусство ювелиров характеризуют также исключительно интересные металлические украшения, ножны мечей и кинжалов и в особености навершия их рукоятей, оформленные в ряде случаев в виде голов животных или фантастических зверей. Такие же навершия мы видим и у некоторых музыкальных инструментов. Разнообразны металлические украшения на изображениях

[3] Вопросу о среднеазиатском происхождении многих предметов из так называемого восточного серебра (или сасанидского металла) посвящены многочисленные исследования (Рапопорт, 1962; Лившиц и Луконин, 1964; Маршак, 1971).

конской сбруи. На памятниках искусства имеются также неизвестные в натуре такие сложные ювелирные изделия, как короны. Памятники изобразительного искусства свидетельствуют о наличии многих металлических, вероятно бронзовых, предметов культовой утвари. Среди них особо интересны жертвенники, курильницы сложного устройства, богато украшенные различным орнаментом, в том числе фигурками людей и животных.

О широком бытовании изделий из драгоценных металлов имеются обильные сведения в письменных источниках, византийских, китайских и особенно арабских.

Все приведенные материалы характеризуют металлическое ювелирное ремесло города как несомненно весьма развитое, в котором были заняты высококвалифицированные мастера, очевидно, различных специальностей.

Текстильное производство

Благодаря находке в 1932—1933 гг. в замке на горе Муг вместе с архивом документов большой коллекции обрывков текстильных изделий получена возможность изучить характер ткачества. Коллекция описана М. П. Винокуровой (1957). Она насчитывает около 150 фрагментов. Основная масса их принадлежит хлопчатобумажным и шелковым тканям. Обрывки шерстяных тканей единичны. Образцы хлопчатобумажных тканей (80 экз.), за исключением одного или двух кусков, натурального белого цвета. Качество тканей весьма низкое. Нити слабого кручения. Плотность плетения различна: по утку от 9 до 33 нитей на 1 см, по основе от 9 до 28 нитей. Часто в одном фрагменте количество нитей на 1 см рознится только по утку от 14 до 21 нитей. Разница в одну-две нити постоянна.

В целом хлопчатобумажные ткани, надо полагать, изготовлены в домашних условиях, частично, вероятно, для хозяйственного обихода (например, мешковина). Совершенно иной характер имеет выделка шелковых тканей. По современной номенклатуре основные сорта тканей определены как камчатные и чесучевые. Они отличаются большим разнообразием окраски. Наряду с однотонно окрашенными (в красный, желтый, коричневый, голубой, серый, зеленый, фиолетовый цвета) имеются и полихромные образцы. Нити чаще крученые. Переплетение полотняное, киперное и репсовое. Разнообразен узор тканей. На однотонных он камчатый, на полихромных, кроме того, он выполнен и соответствующей комбинацией цветных нитей (рис. 59). Мотивы узоров шелковых тканей в мугской коллекции — геометризированные фигуры (ромбы, кружки), розетки и стилизованные цветы.

Представление о наиболее богато орнаментированных шелковых тканях среднеазиатского производства получено благодаря недавно сделанному открытию — надписи на одной из музейных тканей, хранящихся в Юи (Бельгия). Надпись, сделанная на согдийском языке, указывает название ткани — занданачи (по названию поселения вблизи Бухары — Зандана, хорошо известного центра текстильного производства в мусульманское время). Исходя из этой надписи, известный специалист по древним тканям Д. Шеперд определила как занданачи большую группу древних тканей, хранящихся в разных музеях Западной Европы, раньше признававшихся сасанидскими, а также и некоторые образцы тканей из находок в Дун-Хуане (Беленицкий, Бентович, 1961).

Аналогичные ткани были обнаружены археологическими раскопками и на Северном Кавказе (Иерусалимская, 1967). Все они датируются VI—VIII вв.

Ткани занданачи имеют определенные особенности. Композиция узора состоит из медальонов, расположенных горизонтальными рядами. Про-

межутки между медальонами заполнены растительными мотивами. Внутри медальона рисунок дан в симметричном зеркальном удвоении; осью рисунка является дерево или полупальметта. Другая композиция — вписанные друг в друга квадраты, ромбы, круги, геометризированные цветы и иные мотивы.

Сюжеты узоров разнообразны: львы, кони, всадники, слоны, птицы, олени и т. д. Эти сюжеты связаны с византийским и сасанидским шелкоткачеством. В согдийских тканях наиболее распространены козероги, кони, олени.

По технике ткани занданачи — сложная двухосновная уточная саржа. Д. Шеперд отметила некоторые особенности: грубый уток, особая кромка и характерные цвета (золотистый, бежевый, белый, темно-синий, красный

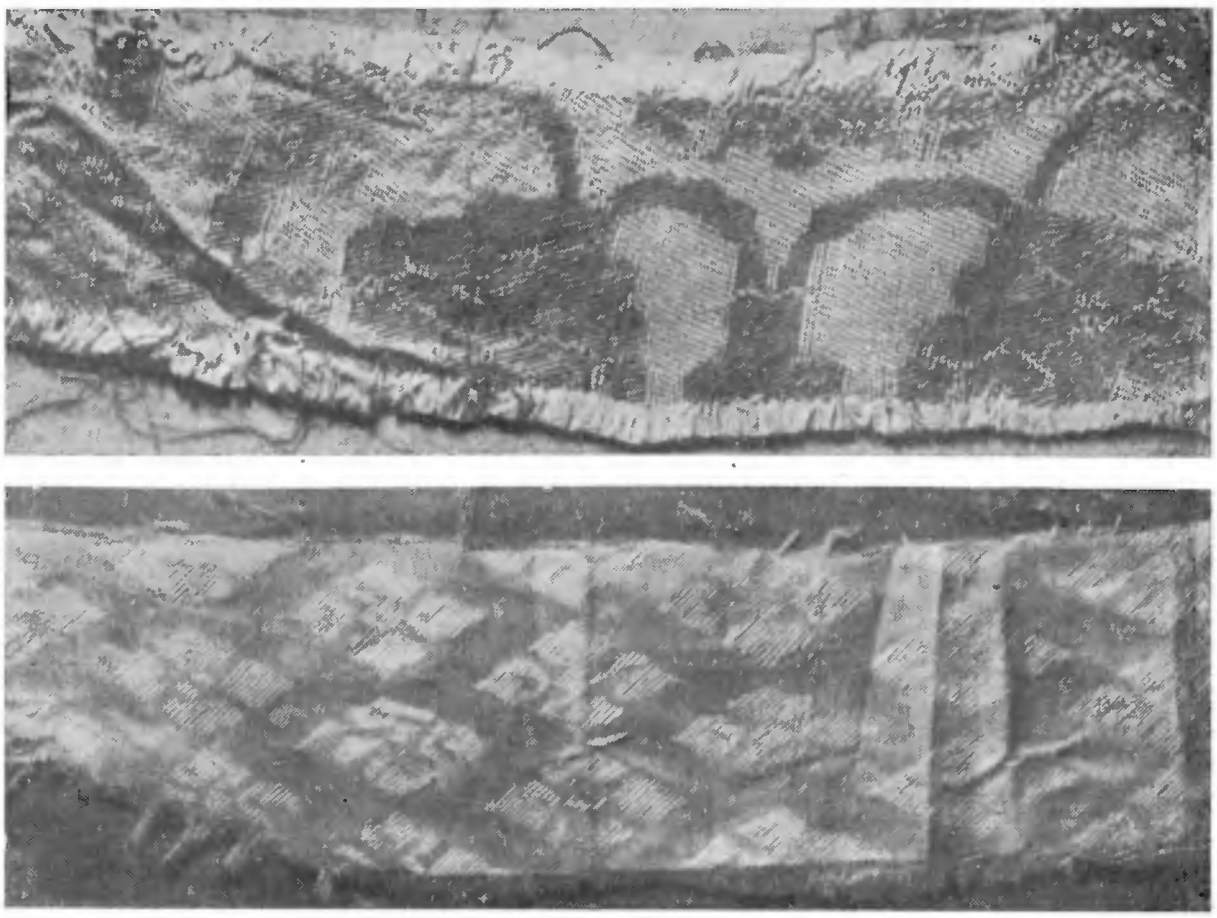

Рис. 59. Крепость на горе Муг. Шелковые ткани.

и зеленый) при плохих красителях. Очень существенным отличием занданачи является почти всегда некрученая нить (Иерусалимская, 1967).

Данные об орнаментах тканей в значительной степени дополняются за счет изображений одежды на стенных росписях Балалык-Тепе, Варахши, Пенджикента и Афрасиаба. Следует учесть, что изображена в большинстве случаев парадная одежда. Ее мы видим на участниках приемов, выездов, пиров и т. п. В Пенджикенте, однако, имеются изображения людей и в более простых, обычно однотонных одеяниях.

Узоры тканей на известных сейчас памятниках стенной росписи можно сгруппировать по определенным типам (рис. 60, 61).

1. Система больших, линейно расположенных, соединяющихся между собой кругов (диаметр 28—35 см). Внутри каждого круга несколько рядов орнамента: кружки, бегущая волна. Фон светло-коричневый, рисунок черный; фон — красный, рисунок темно-красный. Все это создает очень богатый узор на тяжелой, очевидно шелковой, ткани. Круги располагаются параллельными рядами.

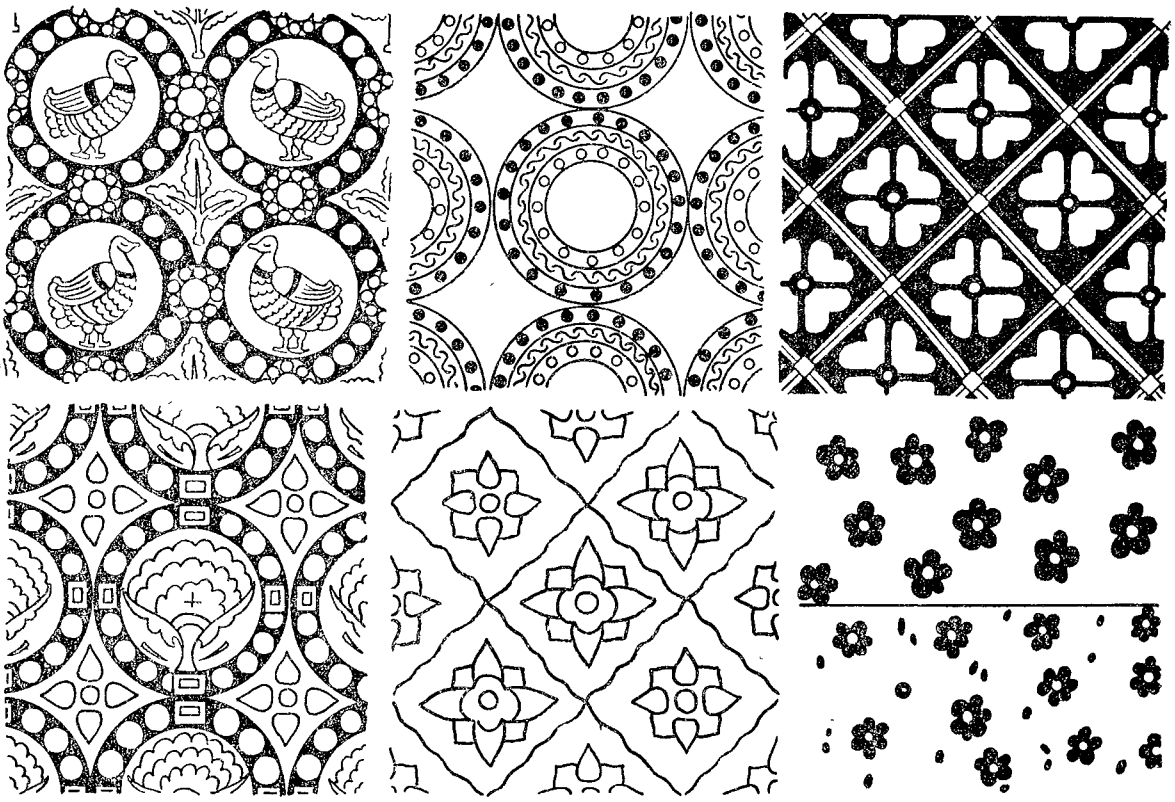

Рис. 60. Пенджикент. Узор ткани по росписям.

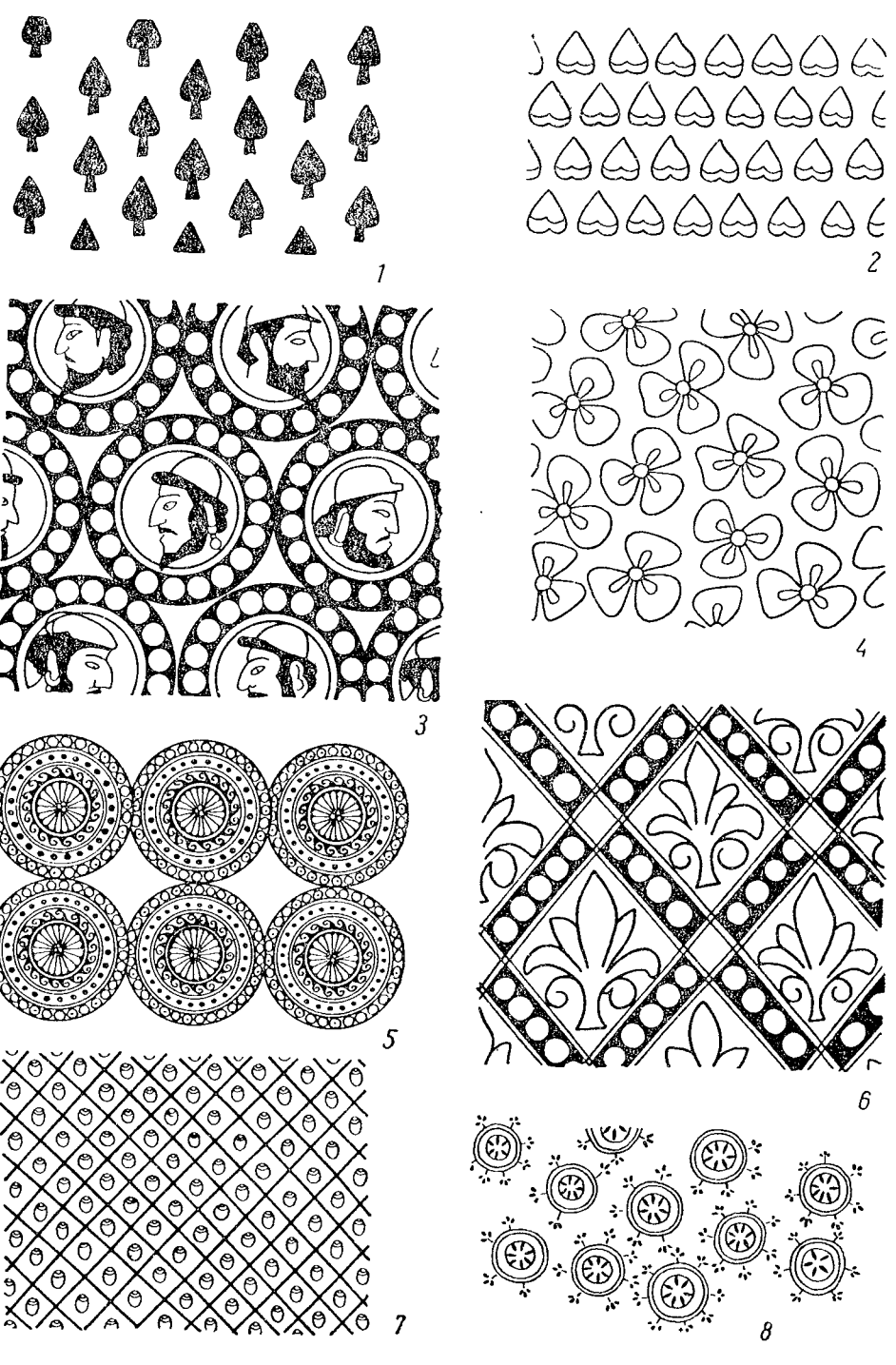

Рис. 61. Узор ткани по росписям.

1, 4, 6 — Балалык-Тепе; *5, 7, 8* — Варахша.

2. Система небольших кругов (диаметр 10—12 см), расположенных на незначительном расстоянии друг от друга. Внутри круга помещена маленькая четырехлепестковая розетка или круг маленьких перлов, внутри которого многолепестковая розетка.

3. Система смыкающихся между собой кругов (диаметр 20 см) из крупных перлов. Внутри круга сложный орнамент в виде схематизированного цветка на стебле, изображения головы животного или птицы. На место смыкания кругов иногда накладывается маленький круг перлов. Это известный сасанидский узор, имевший широкое распространение в раннем средневековье в Иране, Византии, Средней Азии и дошедший даже до Китая.

В росписях Афрасиаба в сцене встречи посла изображено несколько парадных костюмов из ткани этого типа. В живописи Балалык-Тепе такая материя изображается тоже довольно широко. Здесь очень интересны узоры, когда в круг вписано изображение морды фантастического животного или головы человека с бородой (Альбаум, 1960). Ткани такого рисунка следует, очевидно, относить к группе занданачи. В росписях Пенджикента и Варахши целые платья из этой ткани встречены в редких случаях, зато она широко использована в отделках платья, каймах ковров, попон. Ткань разрезалась так, что в полосу попадала половина круга перлов. Такая кайма нашивалась на одежду — на подол, полы, манжеты — и на края круглых и прямоугольных ковров. Кроме этого, ткань с орнаментом из перлов использовалась и как украшение — на одежду из простой ткани нашивались мелкие кусочки. Подобные же кусочки нашивались на чепраки, попоны и т. п.

4. Ткань с разбросанными по полю розетками-цветами. Для Пенджикента характерны два варианта этого орнамента: на желтом фоне черные розетки; на пурпурном черные розетки, сделанные контурной линией. Этот узор ткани в Балалык-Тепе несколько отличается от пенджикентского. Здесь рисунки более разнообразны и расположены по фону более систематично и плотно: густо расставленные трехлепестковые розетки-цветы или трехлепестковые цветы с треугольником внизу, расположенные в шахматном порядке.

5. Ткань разделена на ромбы полосами или рядами перлов (в Балалык-Тепе). Внутри ромбов находится узор — розетка-цветок, пальметта и т. п. На тканях Балалык-Тепе мы видим схематическое изображение рыб и вписанную в ромб многолепестковую пальметту: на желтом фоне черный рисунок — крестообразные фигуры и просто двухцветные ромбы (темно- и светло-красные). В Пенджикенте вариантов этого узора меньше: на белом фоне черные волнистые линии, образующие ромбы, и желто-голубая розетка внутри. Более распространен он на коврах, занавесах и т. п.

Помимо тканей для одежды памятники изобразительного искусства дают представление и о ковровых изделиях (рис. 62). Ковры были, очевидно, не ворсовыми, а из ткани или войлока, так как обшивались каймой совсем другого рисунка. Там же изображены попоны, чепраки на седлах лошадей.

Отметим следующие узоры ковров:

1. По гладкому полю ковра рассыпаны четырех-пятилепестковые розетки. Наиболее распространенная расцветка — на желтом или коричневом поле черные розетки, иногда голубые с желтой сердцевиной или черно-красные розетки на желтовато-красном фоне. Этот узор особенно характерен для изображений ковров в Пенджикенте.

2. Ткань ковра разделена на ромбы, образованные узкими длинными четырехлепестковыми розетками. В центре каждой розетки круглая сердцевина. В образовавшейся ячейке сетки помещена округлая четырехлепестковая розетка-цветок. Фон ковра черный, ромбическая сетка желтая;

фон ковра красный, сетка голубая, розетки внутри ромбов тоже голубые. На седле с рисунком ромбической сетки внутри каждой ячейки — маленькие кружки из одной или двойной линии.

3. Ткань ковра разделена на клетки узкими линиями или на черно-белые клетки в виде шахматной доски.

Отличается от этих типов ковер в Пенджикенте, где регулярно в шахматном порядке расположены фигуры в виде «треф». Каждый ряд фигур окружен горизонтальной волнистой линией.

По краям ковры обшиты широкой каймой из ткани другого рисунка. Ковер с мелким рисунком обшит полосами ткани с кругами перлов или бахромой.

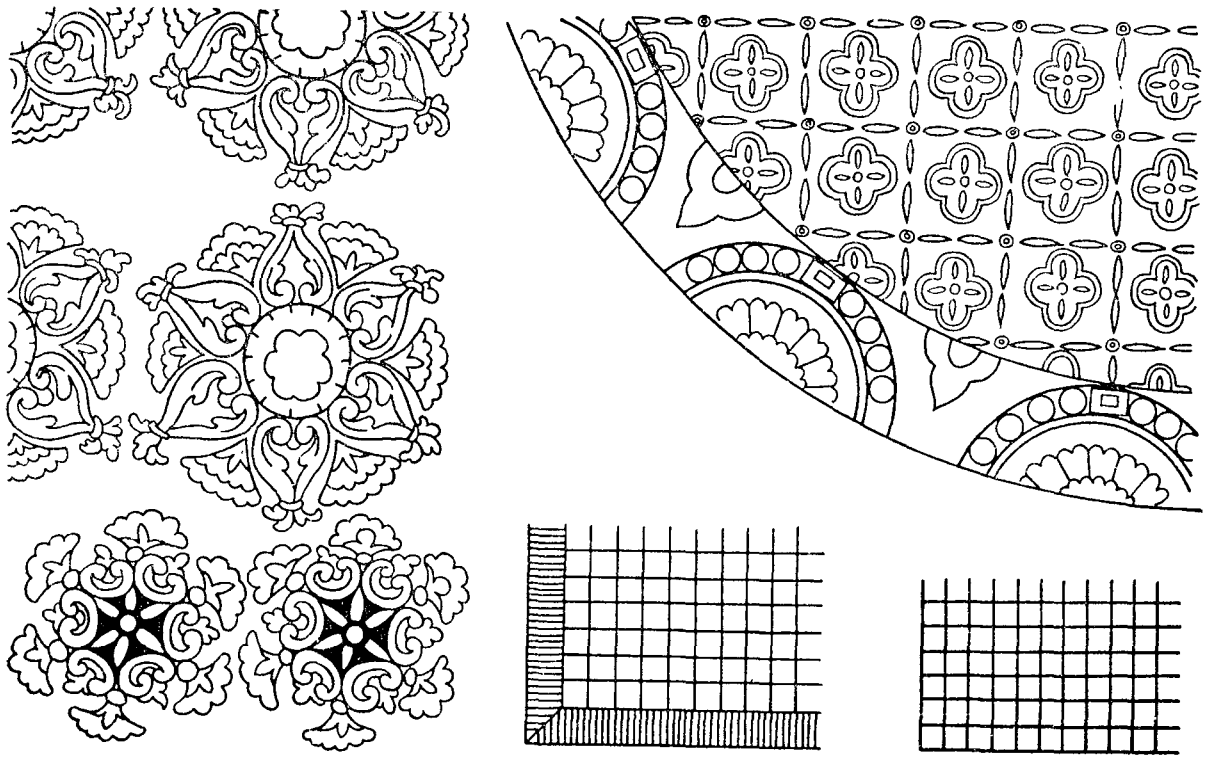

Рис. 62. Пенджикент. Узор ковров по росписям.

Наиболее распространенным был узор в виде ромбической сетки. Он широко применялся и в живописном орнаменте для украшения больших площадей — ромбической сеткой разных вариантов расписывались сводчатые потолки.

Квадратные клетки — характерный узор для небольших ковров. Это, очевидно, ковры для широкого употребления в быту. На росписях видно, что на таких коврах сидят музыканты. Этот узор ковра изображен и на стенке оссуария из Афрасиаба (Дьяконов, 1954). Он же представлен и в деревянной резьбе Пенджикента и на изображении капители на известном бия-найманском оссуарии (Кастальский, 9)8).

Где вырабатывались текстильные изделия? Если относительно хлопчатобумажных тканей можно утверждать, что они могли вырабатываться в домашних условиях как в городе, так и в сельских местностях, то производство дорогих узорных тканей было несомненно делом ремесленников-профессионалов, оно являлось отраслью городского ремесла.

Среди археологических материалов предметами, относящимися к ткацкому ремеслу, являются так называемые грузики от ткацких станков (рис. 63). Находки их весьма часты. Многочисленная серия грузиков обнаружена при раскопках в Пенджикенте. Изготовлены они из обожженной глины или ганча, выделаны достаточно тщательно. Некоторые из них орна-

ментированы, правда, обычно несложным рисунком — в виде елочной насечки. Наиболее характерная особенность коллекции пенджикентских грузиков — разнообразие их размеров и соответственно различный вес. Особенность эта позволяет с некоторой долей уверенности определить и характер самой ткани, при выработке которой они применялись. Грузики использовались, как установлено по данным этнографии, в так называемых вертикальных ткацких станках для натягивания нитей основы. При изготовлении одноцветных по основе тканей, особенно простых видов переплетения, величина и вес собственно грузиков значения не имеет.

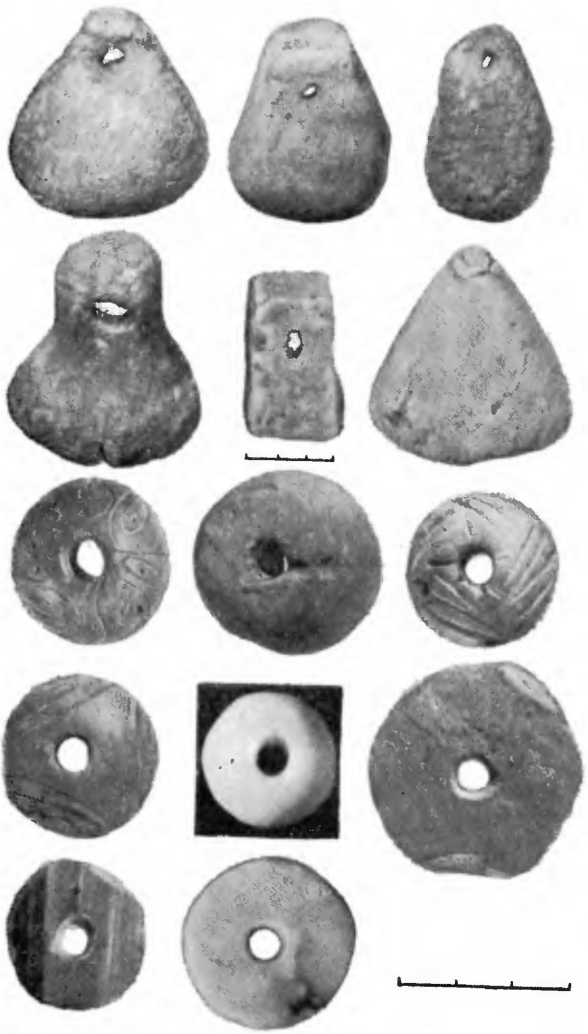

Рис. 63. Пенджикент. Грузики ткацкого станка, пряслица.

Однако при выработке сложных по окраске и узору тканей, особенно шелковых, каждую группу нитей основы, различно окрашенных, видимо, прикрепляли к отдельным грузикам, что упрощало обращение с ними во время работы. Если указанное предположение верно, то, судя по всему, специально изготовленные грузики применялись главным образом при выделке шелковых тканей с различными узорами.

Кроме грузиков среди археологических находок имеется и другая принадлежность ткацкого производства — односторонние костяные пилообразные гребни, выделанные из ребер крупного рогатого скота. Обычно их находят с сильно сработанными зубьями. В мугской коллекции есть деревянный гребень, имеющий всего 5 зубьев.

Повсеместные находки в большом количестве так называемых пряслиц от веретен (рис. 63) могут служить указанием, что прядение являлось постоянным занятием скорее всего женщин. Пряслица также весьма разнообразны по величине и предназначались, очевидно, для различных видов пряжи.

Помимо указанных предметов, других остатков оборудования ткацких мастерских в археологических материалах Средней Азии не обнаружено.

Представление о характере ткацкого станка дают некоторые буддийские иконы из Хотана, на которых изображено, по толкованию Н. В. Дьяконовой, божество ткачества. Среди отдельных деталей интерес представ-

ляет изображение берда и челнока. Устройство самого станка неясно, но, кажется, что он горизонтальный (Дьяконова, 1960а, 1961).

Кроме вышеназванных предметов, относящихся к ткацкому ремеслу, мы можем с определенной долей уверенности отождествить с мастерскими, связанными с шелкоткачеством, два помещения, раскопанных в Пенджикенте. Оба они находятся в районе расположения других мастерских в составе одного комплекса и принадлежали, очевидно, одному владельцу. Первое помещение (№ 37), о котором идет речь, небольшое (4.2×2 м), с одним выходом на улицу. У южной стены устроена платформа с двумя

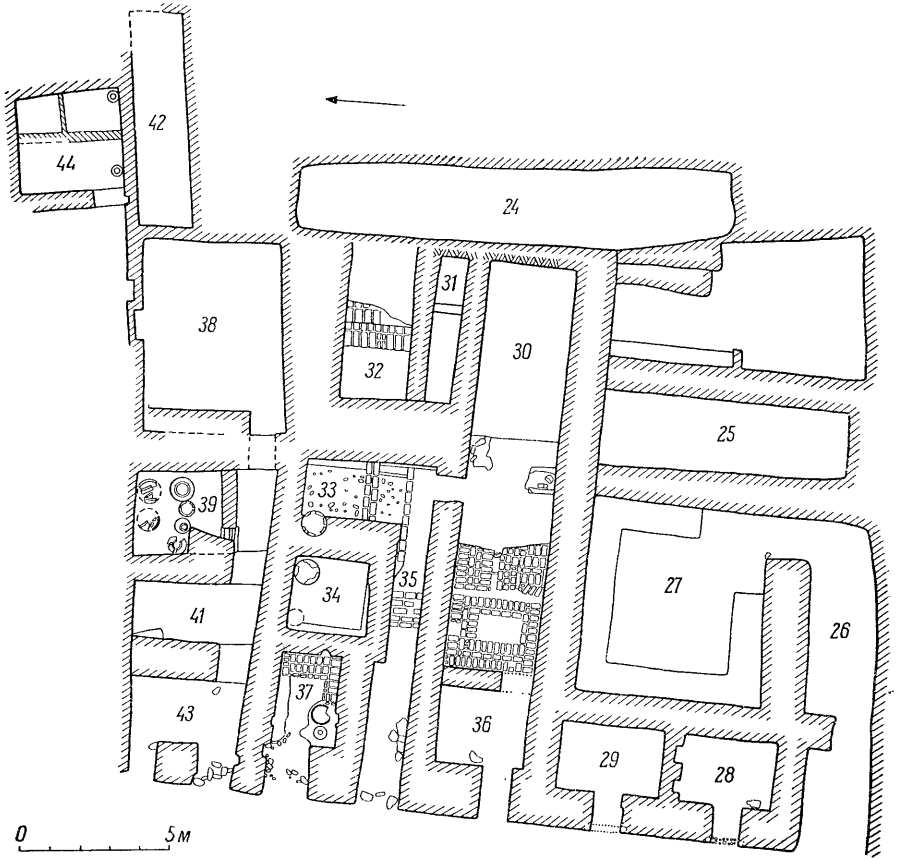

Рис. 64. Пенджикент. План части помещений объекта XIII.

вкопанными сосудами. От платформы отходит канавка, идущая коленообразно вдоль южной и восточной стен. Стенки канавки облицованы, а пол замощен обожженными плитками. Второе помещение (№ 30) прежде всего обращает на себя внимание своими необычными габаритами (рис. 64). При ширине 3.8 м оно вытянуто в длину более чем на 15 м. В западной части на пространстве длиной 4.5 м на всю ширину помещения пол вымощен обожженными плитками. Вымостка отличается примечательной особенностью. В ней оставлены прямолинейные просветы — незамощенные участки, являющиеся несомненно следами какого-то деревянного сооружения, некогда установленного в этой части помещения. Кроме того, у восточного края вымостки имеются две ямки в середине и третья — ближе к северной стене. В эти ямки, очевидно, были вбиты шесты или столбики, связанные с основным сооружением. Дальше к востоку пол заметно возвышался над уровнем вымостки. Здесь у южной стены находился очаг.

Очень заманчиво видеть в этих нетипичных для Пенджикента помещениях — в первом устройство для отпарки коконов, а во втором — ткацкую и одновременно шелкомотальную мастерскую. Такому назначению отвечает необычная длина помещения. Вымостка с просветами могла быть местом для установления ткацкого станка.

Для общей характеристики среднеазиатского текстильного производства интересные сведения мы можем почерпнуть из письменных источников.

Выше упоминалось уже одно из местных названий узорных шелковых тканей — занданачи. Один из документов архива с горы Муг сохранил другое название шелковой ткани — прингг. Название этой ткани в таджикско-персидской форме — паринд — засвидетельствовано и у ат-Табари в его сообщениях о событиях в Средней Азии в период арабского завоевания. Анализ сведений письменных источников о тканях этого сорта показал, что они относятся к шелковым тканям типа камки, представленным в мугской коллекции значительным количеством образцов. У ат-Табари сохранилось и название «карбас» — термин для хлопчатобумажных тканей, бытующий и в настоящее время. Упоминаются ткани парчовые — диба или дибадж (Беленицкий, Бентович, 1961). Представляют интерес имеющиеся в письменных источниках данные о ценах на ткани, главным образом шелковые; они приведены ниже (с. 111).

О коврах имеются сведения в китайских хрониках, упоминающих ковровые изделия среди дани или даров, которые присылали местные правители императорскому двору (Бичурин, II, с. 312).

Относительно производства войлочных изделий некоторые любопытные сообщения сохранили арабские источники. Так, по имени г. Арбинджана назывался особый сорт войлока (Табари, II, с. 1249). Упоминаются сапожки из стеганого войлока (там же, с. 1661). Среди текстильных остатков мугской коллекции имеются разного рода плетеные и витые изделия — тесьма, веревки. О последних часто говорится и в мугских документах. Особенно интересны и уникальны среди этих изделий превосходные по узору плетеные головные сетки (Бентович, 1956).

Приведенные материалы, несмотря на их разрозненность и общую недостаточность, в целом позволяют говорить о развитом городском текстильном производстве, что вполне подтверждается сведениями об обширной торговле шелком среднеазиатских и особенно согдийских купцов. То, что в этой торговле большое место занимали шелковые изделия местного производства, сейчас не вызывает сомнения (Иерусалимская, 1972).

Обработка кожи

В мугской коллекции имеется значительное число документов с записями о поступлениях и раздачах отдельных вещей. Среди них обращают на себя внимание перечни различных кожаных изделий, шкур и выделанных кож. Судя по ним, в дворцовом хозяйстве пенджикентского правителя находились большие запасы этих предметов (Ставиский, 1957). Дворцовое ведомство имело прямое отношение и к самой обработке кож, во всяком случае к ее первичным стадиям. Начальная стадия выделки кож производилась, надо полагать, в сельских местностях. Мугские документы, в частности, упоминают селение Мадрушкат, и ныне известное под этим же названием в верховьях Зеравшана, где производилась выделка кож. Одно из лиц, фигурирующих в документах в связи с кожевенным делом, названо начальником водоема; это наименование, по вполне правдоподобному предположению В. А. Лившица, относится к работнику, ведавшему вымачиванием кож в специальных бассейнах. Другое лицо в тех же документах названо кожевником (Лившиц, 1962а, с. 72).

В мугских документах упоминаются сапоги или башмаки (кафши) с указанием их стоимости (1—2 драхмы). Речь идет, очевидно, об обуви из грубой кожи. В этих же документах неоднократно упоминается нагрудник из бычьей кожи (Лившиц, 1962а, с. 134). Слово это означает, вероятно, нагрудную часть панциря, которую можно видеть на воинах, одетых в доспехи, изображенных на росписях Пенджикента. Окрашенные в светлый цвет, эти нагрудники обычно покрыты весьма пышным узором.

Образцы тонко выделанных кож имеются среди вещественных находок из замка на горе Муг (Бентович, 1958). Так, тонкой, окрашенной в вишневый цвет кожей обшиты некоторые крышки корзин. Интересна обивка крышки шкатулки черной тонкой кожей, украшенной золотой розеткой. Деревянный щит с горы Муг обтянут желтоватой тонкой кожей с полихромным изображением тяжеловооруженного всадника. Большая часть документов с горы Муг написана на тонкой коже типа пергамента. Из черной кожи более грубой выделки сшит сохранившийся в мугской коллекции вещей мужской сапог с невысоким голенищем.

В Хорезме во время раскопок замка Якке-Парсан найдена туфля с характерным загнутым кверху носом (Неразик, 1966). По своей форме она напоминает пару великолепных туфель, признанных по своему происхождению среднеазиатскими, ныне хранящихся в известном императорском хранилище Японии — Шосоин. Они сшиты из красной кожи и богато украшены, датируются VII—VIII вв.

Некоторые сведения о сортах кож, которые выделывались в Средней Азии, имеются и в исторических сочинениях. Так, о присылке из Хорезма «окрашенной в пурпурный цвет замши» сообщает китайская хроника (Shafer, 1963, p. 106).

Арабский историк ат-Табари в сообщении об одном из первых договоров, заключенных между арабами и жителями Средней Азии, отмечает об обязательстве последних доставлять арабам сафьяновый сорт кожи — кимухт (Табари, II, с. 394).

Многочисленные изображения изделий из кожи мы видим на памятниках живописи. Это прежде всего мужская и женская обувь, окрашенная в разные цвета. Основным видом как мужской, так и женской обуви были мягкие, без каблуков сапоги с голенищами. Большой интерес представляет изображение своеобразных туфель типа сандалий или босоножек, богато украшенных перлами, пряжками и лентами. Это изображение может иллюстрировать известный рассказ о бухарской царице, которая во время бегства от арабов потеряла один сапожок, оцененный в 200 тыс. драхм (Табари, II, с. 169).

Помимо обуви на стенных росписях представлены кожаные предметы вооружения: нагрудные части панцирных доспехов, щиты, тульи некоторых видов шлемов (кожаные тульи снабжены металлическими шишаками). Из кожи изготовлялись ножны мечей, кинжалов, колчаны и налучья с портупейными ремнями, на которые их привешивали. В большом количестве кожа употреблялась при изготовлении конской сбруи — уздечек, нагрудных и подхвостных ремней, подпруг. Эти изделия, как и платяные кожаные пояса, имели наборные металлические украшения.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что как выделка кожи, так и изготовление кожаных изделий являлось отраслью производства, в которой были заняты несомненно ремесленники разных специальностей — кожевники, сапожники, шорники, мастера кожаных предметов вооружения. В процессе выработки кож и особенно готовых изделий ремесленникам требовались изделия других производств и различные материалы, как например металлические украшения, краски. Для изготовления некоторых вещей нужно было и кооперирование с мастерами других специальностей.

И если первичная выделка самих кож производилась в сельских местностях, то производство готовых изделий, надо полагать, концентрировалось в городских центрах.

Плотничий, деревообделочный и косторезный промыслы

Дерево в грунте среднеазиатских городских поселений весьма недолговечно. Исключение составляют лишь те случаи, когда оно подвергалось карбонизации в результате пожара. Но такое дерево обычно крайне фрагментарно и редко дает представление о технике и способах обработки. Остатки древних деревянных изделий известны только по раскопкам могильников, главным образом катакомбных, преимущественно в предгорьях северо-восточных районов Средней Азии — Семиречья и Ферганы (Бернштам, 1940а; Баруздин, 1956, 1957). Могильники эти принадлежат кочевым племенам, и находимые в них деревянные предметы не являются в целом показательными для городского деревообрабатывающего ремесла. Между тем несомненно в городах Средней Азии в интересующее нас время изделия из дерева употреблялись в значительном количестве. В этом отношении сравнительно обильный материал и некоторые общие наблюдения дали раскопки в Пенджикенте. Во многих помещениях, погибших в результате пожаров, было найдено под толщей завалов очень много обуглившихся остатков обработанного дерева. Они прежде всего убедительно свидетельствуют о том, что дерево безусловно занимало видное место в строительстве. Главные помещения храмов, парадные залы жилых домов, как указывалось, имели деревянные перекрытия сложного устройства. Перекрытия, опиравшиеся на деревянные колонны, требовали для своего устройства большого количества специально обработанных балок, прогонов, плах и досок. Характерно, что в помещениях с деревянными перекрытиями базы колонн обычно делались в виде пирамидок из деревянных же плах (Воронина, 1959а). Деревянными были также и перекрытия многочисленных айванов, также покоившихся на деревянных колоннах. Дерево в плотничьей и столярной обработке шло на облицовку дверных проемов и дверей. В отдельных помещениях наблюдались следы устройства антресолей. О некоторых видах деревянных сооружений мы можем судить по памятникам изобразительного искусства. Таковы, например, балконы и различные предметы мебели: широкие, похожие на кровать сиденья, троны, табуреты на скрещенных ножках, невысокие столики.

С деревянными архитектурными конструкциями тесно была связана и художественная резьба по дереву. Резьбой украшали капители колонн, балочные прогоны, дверные рамы и полотнища, мебель. Стены помещений украшали деревянными резными панелями-фризами. Наряду с этим широкое распространение получила деревянная скульптура, независимая от архитектурных конструкций. Обо всем этом свидетельствуют в настоящее время многочисленные находки обуглившегося резного дерева в Пенджикенте, Шахристане (Усрушане), Занг-Тепе и Джумалак-Тепе (Тохаристан) — памятниках предарабского времени (см. ниже). Напомним в этой связи сообщение ат-Табари о сожжении в Самарканде громадного количества деревянных идолов.

Небольшая, но интересная группа мелких деревянных предметов бытовой утвари найдена в замке на горе Муг: блюдо на невысоких ножках, ложка, видимо, дорожные, превосходно сплетенные корзины с крышками, обшитыми кожей, лопатки, шкатулки, гребни для волос, гребень — деталь ткацкого станка, игральная кость (Бентович, 1958).

В Пенджикенте найдены инструменты для обработки дерева. Это топоры, тесла, изделия типа цалд, долота, стамески. Вероятно, к ним следует отнести и серповидные ножи, хотя обычно их считают орудиями виногра-

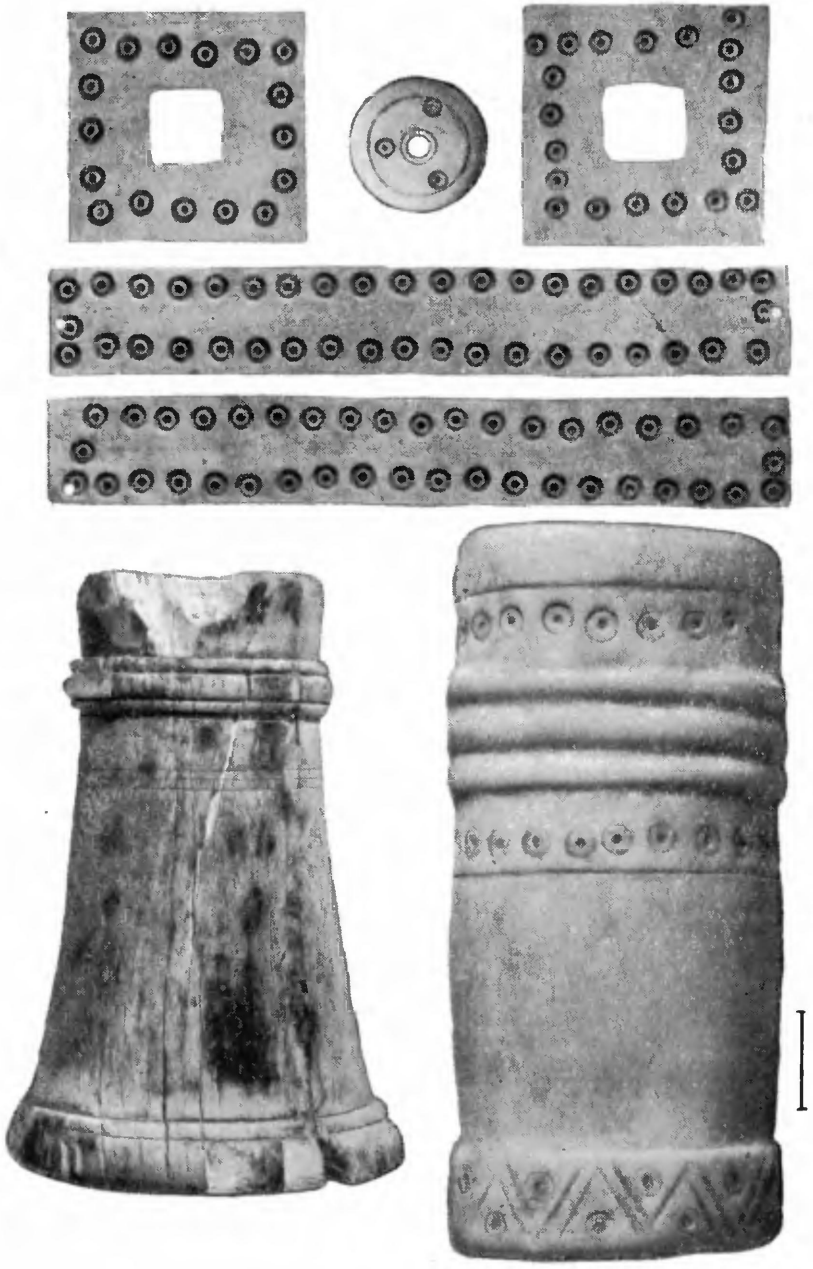

Рис. 65. Пенджикент. Изделия из кости.

дарей и садовников. В условиях густой застройки Пенджикента нет основания предполагать наличие на территории города садов и виноградников. Между тем такие ножи принадлежат к числу наиболее многочисленных находок.

Прямое отношение к плотнично-столярному делу имеют такие железные изделия, как гвозди, различные скобы, наугольные пластинки, дверные пробои.

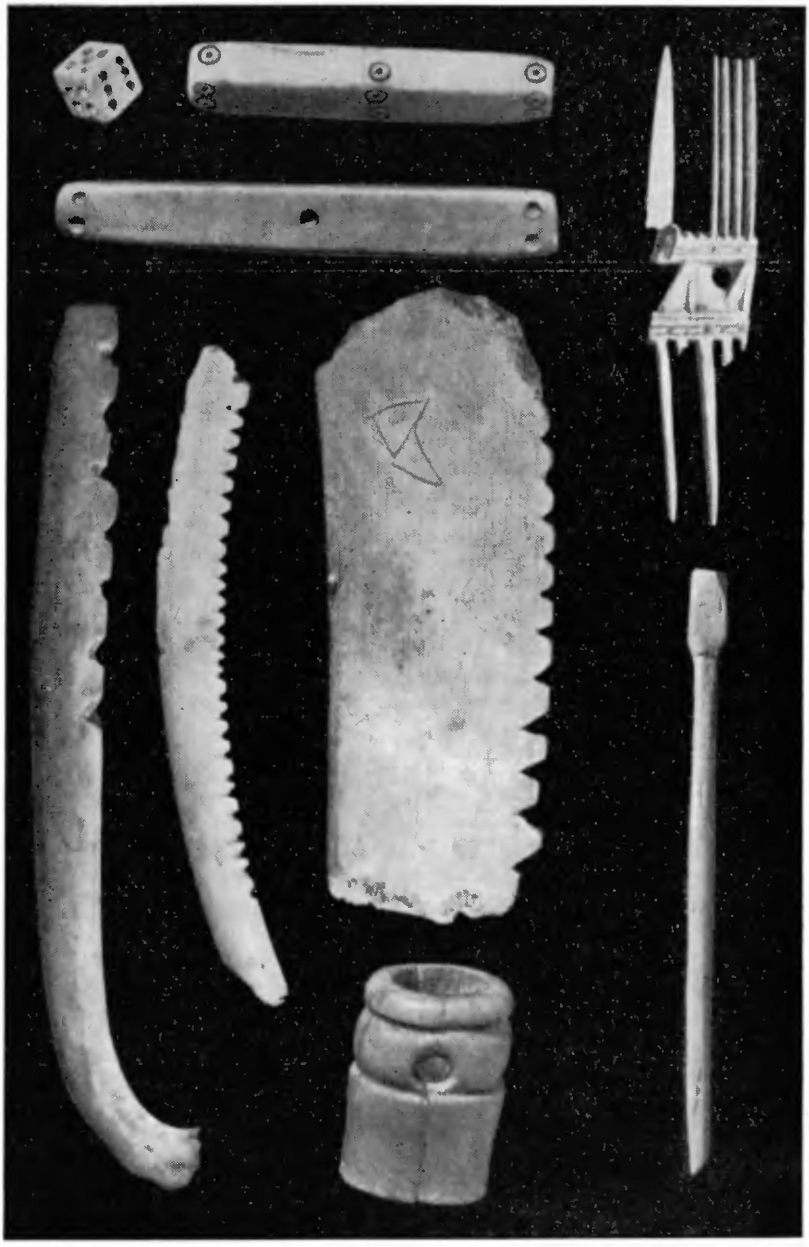

Рис. 66. Пенджикент. Изделия из кости.

Трудно сказать, был ли косторезный промысел специализированной отраслью ремесла. В масштабе всей Средней Азии находки костяных изделий для интересующего нас времени ограничены. Коллекция костяных поделок из Пенджикента также невелика. Однако находка в одной из

мастерских заготовок-полуфабрикатов из рога может служить свидетельством того, что среди ремесленников были и косторезы.

Изделия из рога и кости представлены пластинками сложного лука, серией тщательно обработанных пластинок от шкатулок (?), различными рукоятками, гребнями, фрагментами ручки ложечки, игральными костями, бусинами, «пуговицами» и некоторыми другими неясными по назначению предметами (рис. 65, 66). Кроме пластинки лука, остальные костяные изделия орнаментированы. В большинстве случаев орнамент циркульный. На небольшой рукоятке ножа и ручке ложечки мы видим сравнительно сложный геометрический и растительный орнаменты. Спинка одного гребня украшена ажурной резьбой. На лицевой стороне небольшой пластинки от шкатулки тщательно вырезана многолепестковая розетка.

Фигурная резьба по кости представлена на двух предметах. На одном (небольшая пластинка) — это контурный рисунок козла. На другом (к сожалению, очень небольшом фрагменте пластинки) сохранилась превосходно вырезанная голова лошади в уздечке. По всей вероятности, на пластинке некогда был изображен всадник.

Названные поделки изготовлены из костей домашних животных. Исключение составляет находка фрагментов двух небольших изящных вазочек, вырезанных из слоновой кости, украшенных по плечикам превосходно выполненным орнаментом. На одной узор состоит из рельефных миндалин и лотосовидного цветка. На другой — миндалины находятся в обрамлении сетчатой штриховки.

Обработка камня

В отличие от дерева камень в раннем средневековье, как показывают археологические исследования, в среднеазиатском зодчестве применялся крайне ограниченно. Показательны в этом отношении раскопки в Пенджикенте, где лишь в главных помещениях храмов были найдены каменные базы от колонн, которые, по мнению В. Л. Ворониной, перенесены из более древних зданий. В Пенджикенте базы для колонн обычно делались из деревянных плах.

Крупные каменные изделия представлены в основном только жерновами ручных мельниц. По наблюдениям ряда исследователей, жернова в Средней Азии пришли на смену зернотеркам в первые века нашей эры (III—IV вв.). В появлении ручных жерновых мельниц видят один из признаков перехода от рабовладельческих отношений к феодальным. В Пенджикенте находки жерновов весьма обильны и повсеместны. Как правило, они небольших размеров и грубой выделки, особенно с нерабочей стороны. Выделывались жернова по преимуществу из серого песчаника. Раскопками в Гяур-Кале обнаружено скопление жерновов в одном строительном массиве, что дало повод предположить существование в городе мукомольного промысла (Кацурис, Буряков, 1963). Наблюдения, сделанные в Пенджикенте, говорят скорее в пользу домашнего помола зерна. Одновременно необходимо отметить, что жернова находят чаще всего разрозненными, во многих случаях расколотыми и нередко во вторичном употреблении, например в качестве крышек на сосудах. Представляется вполне вероятным, что в городах в интересующее нас время домашний жерновой помол отошел на второй план. Письменные источники сообщают о том, что накануне арабского завоевания в Средней Азии уже существовали водяные мельницы. Хорошо известен рассказ об убийстве в 651 г. на такой мельнице сасанидского царя Иездигерда III. При этом подчеркивается, что мельница находилась на берегу канала, «водой которого приводилась в движение». По данным источника, мельница принадлежала правителю Мерва, который сдавал ее в аренду за 4 дирхема в день

(МИТТ, с. 97). Деталь эта весьма существенна. Среди мугских документов сохранился договор на сдачу в аренду 3 мельниц со всеми каналами, строениями и жерновами. Владельцем мельницы и здесь выступает местный правитель — царь Диваштич. Но в отличие от вышеуказанного случая договор Диваштича предусматривает арендную плату в натуре — 460 кафчей (около 3.5 т) муки за год. Характерно и согдийское название

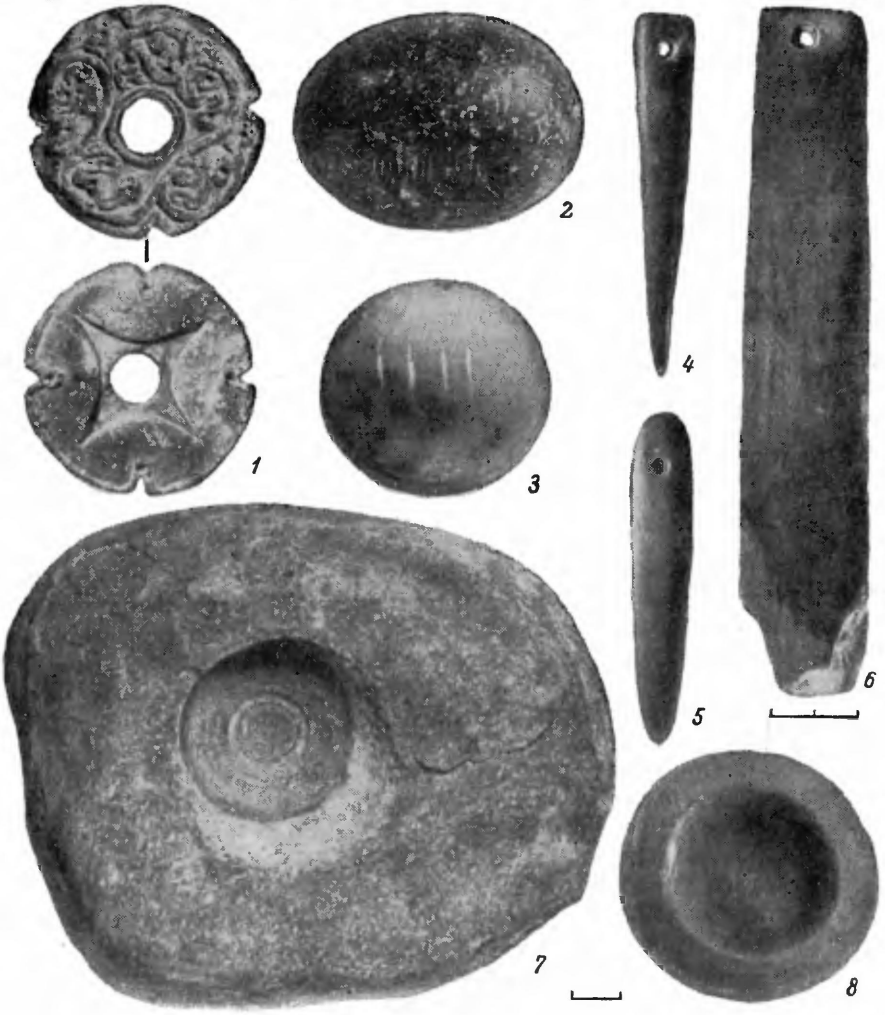

Рис. 67. Пенджикент. Предметы из камня.

1 — прясло; *2*, *3* — гири; *4*, *5* — сурьматаш; *6* — точильный камень; *7* — подпятник; *8* — чашечка.

таких мельниц — самомолки (Лившиц, 1962а, с. 53). Следует полагать, что именно как нововведение водяные мельницы являлись регалией казны.

Находка на Афрасиабе в слое VIII в. крупного гранитного жернова (диаметр 1 м), очевидно, от водяной мельницы дала основание А. И. Тереножкину отметить общий успех мукомольного дела (1950б, с. 168). Очевидно, появились и мастера-камнетесы, выделывающие крупные жернова из твердых пород.

Кроме жерновов постоянно находят более или менее правильных форм булыжники и гальки с углублениями на всех сторонах (рис. 67). В неко-

торых случаях они могли служить подпятниками для дверей, но в большинстве использовались как терки для приготовления различных снадобий, лекарств и, вероятно, красок. В Пенджикенте найдены необработанные камни с выбитыми надписями, указывающими их вес, — гири (Давидович, Маршак, 1958). Достаточно обычными поделками из камня явля-

Рис. 68. Пенджикент. Бусы.

ются точильные бруски и косметические палочки — сурьматаши. В Пенджикенте найдены также фрагменты каменных сосудов из мягких пород камня, формы для металлического литья.

Повсеместные находки изделий из цветных камней (рис. 68): бус, гемм, вставок в медальоны и кольца — дают основания для того, чтобы говорить о наличии художественного камнерезного ремесла. Помимо готовых изде-

лий, набор которых достаточно разнообразен, были найдены мелкие обломки цветных камней — отходы производства. Набор цветных камней, судя только по находкам в Пенджикенте, разнообразен: яхонты, гранаты, шпинели, альмандины, горный хрусталь, лазурит, бирюза, сердолик, агат и некоторые другие минералы.

О технике средневековой обработки камня мы хорошо осведомлены благодаря минералогическому сочинению Бируни. И хотя этот труд написан в XI в., он в значительной мере отражает традиции ремесла и домусульманского времени. В этом отношении характерно упоминание им специального сочинения по минералогии на согдийском языке (Бируни, Минералогия, с. 354).

Упоминаются драгоценные камни и в мугских документах (Лившиц, 1962а, с. 160), где приводится и стоимость одного из наиболее популярных камней — яхонта (80 драхм), свидетельствующая о том, что яхонт высоко ценился, если учесть, что цена лошади 100 драхм, а пары быков 12 драхм.

О крупных изделиях из цветных пород камня сообщают письменные источники. Так, в 713 г. из Самарканда в Китай были присланы кубок из хрусталя и агатовый кувшин. Из агата же был изготовлен канделябр в виде дерева, присланный из Тохаристана. Одно из таких изделий находится в Японии, в хранилище Шосоин (Shafer, 1963, p. 259). Большинство этих изделий изготовлялось несомненно из пород камня, которые добывались в Средней Азии. Однако среди находок, в частности в Пенджикенте, имеются и изделия из привозных материалов, которые обрабатывались местными камнерезами. Таковы несверленый жемчуг, бусины из янтаря и кораллы.

Таким образом, все сказанное свидетельствует о том, что в городах имелись специалисты по обработке камня, часть которых, очевидно, была тесно связана с ювелирным ремеслом.

Заканчивая на этом обзор городского ремесла, следует подчеркнуть, что приведенный перечень отраслей ремесленного производства безусловно не полон. В условиях городской жизни можно считать несомненным существование мастеров-строителей, помимо плотников и столяров, о которых говорилось выше. Кладка стен и особенно сводов, не говоря уже об архитектурном оформлении и планировке зданий, требовала специальной выучки и опыта. Художники-живописцы, резчики по дереву, ваятели по глине по социальному положению стояли близко к ремесленникам, так же как представители других свободных искусств — музыканты, танцоры и пр. Учитывая разнообразие и часто сложные виды одежды и головных уборов, которые мы видим на памятниках изобразительного искусства, можно также предположить, что в городах имелись особые портняжные мастерские, хотя, разумеется, повседневная одежда могла изготовляться и в домашних условиях. В обстановке города можно предположить и наличие профессиональных групп, связанных с общественным питанием, как например пекарей, мясников, поваров в харчевнях и пр. Но обо всем этом из-за отсутствия прямых данных можно говорить лишь самым предположительным образом.

Торговля

Громадное значение торговли в экономической жизни Средней Азии в интересующее нас время — общепризнанный в исторической науке факт. Однако имеется в виду главным образом международная, караванная торговля. В развитии последней особая роль отводится по преимуществу согдийцам. Наиболее ярким свидетельством интен-

сивности и общего размаха международной торговой активности согдийцев является так называемая согдийская колонизация — создание сети торговых факторий вдоль путей, связывающих Среднюю Азию с Дальним Востоком. Появление согдийцев на Дальнем Востоке, по мнению Хеннинга, восходит к IV—III вв. до н. э., являясь одним из следствий завоевания Средней Азии Александром Македонским (Henning, 1958, p. 54). Но прямых свидетельств столь раннего появления не имеется. Несомненно, однако, что уже на рубеже и в первые века нашей эры согдийцы и другие народы Средней Азии принимали активное участие в торговле на великом шелковом пути, крайними пунктами которого на Востоке был Китай, а на Западе — Рим, вернее, восточные его провинции.

О наличии согдийских колоний на Дальнем Востоке в III—IV вв. н. э. говорят письменные данные (Henning, 1958, p. 55). Что касается VI—VIII вв., то расцвет согдийских колоний в это время бесспорен (Кляшторный, 1964). Специальные исследования убедительно показывают, что продажа шелка в данный период продолжает иметь первостепенное значение в торговом обмене, но не является единственной статьей торговли.

Письменные источники свидетельствуют, что к этому времени из Средней Азии вывозились самые разнообразные товары: продукты животноводства и сельского хозяйства, готовые изделия городского ремесла. Китайские источники из числа последних называют кожаные изделия, ковры, войлок, изделия из самоцветов, особые сорта холста, лекарственные и красящие вещества (Shafer, 1963, p. 125). Интересен факт, что из Средней Азии китайцы позаимствовали искусство изготовления цветного стекла. В китайском языке появляются названия шелковых тканей «западного», т. е. среднеазиатского, происхождения. Купцы Средней Азии, и в частности Согда, стали поставщиками шелка местного производства и на другие мировые рынки.

Купцы Средней Азии успешно осваивали торговые пути и на Запад (по суше и по морю). Колоритная фигура согдийца Маниаха, рассказ о котором сохранил византийский историк Менандр, в этом отношении весьма показательна. В качестве официального посла кагана тюрок он в 60-х годах VI в. ратовал за торговлю в столицах Византии и Ирана.

Лингвистические исследования индийских ученых показывают, что такие этнические термины, как «тохары» и «согдийцы», в различных диалектных формах оставили глубокий след в социальной и этнической терминологии Индостана, вплоть до Декана. При этом если с тохарами ассоциируется главным образом фигура воина, завоевателя, то термины, образованные от имени согдийцев (Сулик и др.), восходят к представлению о торговцах (Bagchi, 1955, p. 234).

В исторических сочинениях нашли отражение некоторые конкретные черты международной торговли времени арабского завоевания. Так, согласно рассказу Наршахи, когда арабские войска подступили к Пайкенду, оказалось, что все его взрослое население находилось на Дальнем Востоке в отъезде по торговым делам. Сам город был известен под именем «город купцов». В 721 г. в Ходженте был задержан караван купцов, насчитывавший 400 человек, вернувшихся также с Дальнего Востока (Табари, II, с. 1441). Известно об очень крупных богатствах, которыми владели отдельные купцы. В Пайкенде, например, некий старец-купец мог предложить арабскому военачальнику в виде выкупа за себя и своих родственников шелковых тканей, оцененных якобы в 1 млн дирхемов. Известен также рассказ об одновременном выселении из Бухары

700 купцов, не пожелавших, как это потребовали арабы, делить с ними свои жилища (Бартольд, I, с. 159).

Центрами и отправными пунктами международной торговли несомненно были города. У нас имеются на этот счет прямые сообщения источников. Так, в хрониках «Бэй-шу» и «Суй-шу» о Самарканде говорится, что «многие иностранцы приезжают сюда для торга» (Бичурин, II, с. 271, 281), а в хронике «Тан-шу» указывается, что «мужчина, достигший двадцати лет, уезжает в соседние владения и везде побывает, где только предвидит выгоду» (там же, с. 310).

Обратимся к археологическим материалам, свидетельствующим о торговых связях Средней Азии с зарубежными странами. Это прежде всего предметы иноземного происхождения, найденные во время археологических исследований памятников VI—VIII вв. К числу постоянных находок относятся персидские, китайские и византийские монеты. Они оказали определенное влияние и на сложение местных монетных систем. По образцу сасанидских монет, как известно, чеканились серебряные монеты бухар-худатов и правителей Самарканда. На территории Средней Азии, в частности и в Пенджикенте, найдены золотые брактеаты, изображения на которых подражают таковым на византийских монетах (Беленицкий, 1958, с. 115). Известны предметы художественной торевтики византийского и иранского происхождения, на которых выгравированы надписи, сделанные их согдийскими владельцами (Лившиц, Луконин, 1964). В Пенджикенте найдено значительное количество бус из янтаря и коралла, несомненно привезенных с Запада, а также жемчуга индийского происхождения. С другой стороны, сейчас выявлены среднеазиатские вещи, которые в древности попали на Дальний Восток и в Западную Европу. К ним относятся прежде всего серебряные изделия, найденные на Урале, несомненно среднеазиатские по происхождению. Едва ли можно сомневаться, что они попали на Урал или в предарабское время, или вскоре после арабского завоевания в качестве предметов торговли.

Если вполне бесспорен факт расцвета международной торговли, то иначе обстоит дело с вопросом о внутренней торговле и роли в ней города. Весьма характерно в этом отношении представление о городских базарах, высказанное еще В. В. Бартольдом. Приводя сообщение Наршахи о названии одних из ворот Бухары Воротами Базара, он пишет: «Только в этом месте близ шахристана был базар, помещавшийся в Бухаре, как вообще в домусульманских городах, вне черты города» (Бартольд, III, с. 382). Этим подчеркивалась общая незначительная роль шахристана, т. е. собственно города, во внутренней торговле. Такой взгляд на степень развития внутренней торговли был принят историками и археологами Средней Азии. В действительности дело обстояло иначе.

Отметим прежде всего, что, как показали раскопки Пенджикента, приведенное мнение В. В. Бартольда, во всяком случае в обобщенной форме, в которой оно изложено, не соответствует действительному положению дела. Что касается сведений письменных источников, то хотя в целом в них данных о внутренней торговле сохранилось мало, однако все они достаточно определенны. Это в первую очередь сведения о межрайонной торговле, которая приняла форму регулярных ярмарочных торгов.

К домусульманскому времени следует отнести сообщение Бируни, согласно которому согдийцы устраивали ежемесячно ярмарки в определенных деревнях (Бируни, I, с. 255). Одна из таких наиболее крупных ярмарок проходила в Тавависе и длилась, по его словам, 7 дней (там же, с. 254).

Ярмарки как форма межрайонного и, очевидно, международного торгового обмена были распространены в течение всего средневековья и сохраняли свое значение до недавнего времени. Характерно, что многие населенные пункты Средней Азии названы по имени тех дней недели, в которые их устраивали (Андреев, 1928).

Относительно общего значения внутренней торговли в доисламское время наиболее важные свидетельства мы получаем благодаря археологическим исследованиям. Нумизматические данные имеют в этом отношении особенно большое значение. К сожалению, однако, нумизматические материалы до сих пор лишь в незначительной части опубликованы, а изучение их в качестве экономического фактора только еще начинается.

Можно считать бесспорным, что во всех крупных районах Средней Азии был организован выпуск своих монет. В одном Пенджикенте помимо находок монет собственно пенджикентского чекана, что является само по себе фактом весьма показательным, учитывая близость его к Самарканду и сравнительно небольшое экономическое значение района, были найдены монеты Самарканда, Бухары, Усрушаны, Чача. Особенно характерны находки монет, выпускаемых от имени тюркских правителей в Семиречье (Смирнова, 1963). Массовый характер имеет местный чекан бронзовых монет в Хорезме. Здесь также находят помимо местных монеты Согда и Чаганиана (Толстов, 1948; Гудкова, 1964). Выпуск монет собственного чекана осуществлялся в южных районах Туркменистана, Таджикистана (Мандельштам, Певзнер, 1958) и в Семиречье (Кызласов, 1959; Смирнова, Щербак, 1958). При этом наиболее многочисленным видом повсеместно являются именно бронзовые монеты разных номиналов. Едва ли вызывает сомнение то, что выпуск медных монет диктовался потребностями внутреннего товарообращения. Факт нахождения в Пенджикенте медных монет, которые чеканились в различных районах Средней Азии, свидетельствует о том, что в сферу межрайонной денежной торговли были вовлечены и дешевые товары массового потребления.

Следует отметить, что наряду с массовым выпуском медных номиналов основной единицей в качестве мерила ценности, как мы можем судить по письменным источникам, в том числе и по документам архива с горы Муг, оставалась серебряная драхма. Находки последних при раскопках в Хорезме, Согде, Южной Туркмении весьма часты. Наиболее распространенными были чеканенные в Бухаре серебряные монеты бухар-худатов, уже давно известные в науке (Лерх, 1909). Массовый характер имеют находки серебряных драхм хорезмийского чекана (Толстов, 1948а, 1948б). В настоящее время благодаря главным образом находкам в Пенджикенте стал известен чекан серебряных монет Самаркандского Согда (Смирнова, 1963; Беленицкий, 1965).

Кроме оживленной межрайонной торговли сейчас уже можно с уверенностью говорить и о постоянной внутригородской торговле. Красноречивым свидетельством этого помимо повсеместных находок монет на территории городов, особенно в Пенджикенте, является расположение в последнем лавок и ремесленных мастерских вдоль улиц, образование базаров. Картина группировки последних внутри города, выявленная в Пенджикенте, подтверждает, что внутренняя торговля была свойственна повседневной жизни городского населения.

О распространении розничной торговли свидетельствуют и некоторые находки отдельных предметов. Так, в Пенджикенте были найдены разные, небольшие по весу каменные гири, на которых имеются надписи с цифровым обозначением их веса. На отдельных сосудах (фрагментах) также есть надписи, указывающие их вместимость.

Для общей характеристики развития денежных отношений значительный интерес представляют хозяйственные документы дворцового архива с горы Муг. В ряде учетных записей (вернее, их фрагментов) содержатся перечни предметов с указанием их денежной стоимости: лошадь — 200 драхм, корова — 11, пара быков — 12, панцирь — 12, шлем — 2, кафш — 1—2, яхонты — 80 драхм. К сожалению, без указания количества отмечается стоимость бумаги — 8 драхм. Известны цены на раба — 200 драхм. Разных сортов шелковые ткани стоили от 28 до 100 драхм за кусок на платье (Смирнова, 1963, с. 53). В мугских документах имеются указания на стоимость и ряда других предметов, но точный перевод значения согдийских терминов пока не установлен.

Особо важным представляется упоминание оплаты определенной работы. Так, за возведение крыши, очевидно, деревянного перекрытия уплачено 100 драхм, за пастьбу скота (?) пастуху выдано 6 драхм.

Интересен фрагмент ведомости с указанием ежедневных расходов в фенах — медных монетах (Лившиц, 1962а, с. 182). Характерны денежные раздачи (в драхмах) разным лицам, главным образом чиновникам (см. ниже).

Приведенные материалы отражают процесс развития денежных отношений в экономике Средней Азии и находятся в самой тесной связи с постоянной внутренней торговлей, с потребностью последней в общем мериле стоимости.

Глава IV

ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Социальный состав

Едва ли есть необходимость подчеркивать то обстоятельство, что для всестороннего освещения вопроса о социальном составе населения среднеазиатских городов раннего средневековья у нас еще слишком мало фактических данных. На современном этапе изучения речь может идти об уточнении и некоторой конкретизации сложившихся в науке общих представлений на этот счет. Внести такие коррективы позволяют прежде всего археологические наблюдения, а также данные архива с горы Муг.

Еще в начале своей исследовательской деятельности В. В. Бартольд высказал мнение, что в городах, как и вообще во всей Средней Азии, господствующим слоем населения являлось дихканство, «земельная аристократия», власть которой была тем более полной, ибо не сдерживалась «сильной монархической властью». Рядом с «земельной аристократией» он ставит «денежную аристократию» — купцов, разбогатевших благодаря караванной торговле, которые в имущественном и социальном отношении мало чем отличались от «земельной аристократии» и интересы которых вполне совпадали (Бартольд, I, с. 239). Это мнение В. В. Бартольдом повторно изложено в одной из последних его работ, с той лишь разницей, что по сравнению с первыми работами в ней дается гораздо более яркая картина городской жизни в плане развития торговли и культуры; но общий вывод остается прежним и изложен почти в тех же выражениях (II, с. 192). Мнение В. В. Бартольда о месте, которое занимали названные две группы господствующего слоя населения города, нашло достаточно яркое подтверждение в археологических материалах. Оно иллюстрируется характером богатых жилищ, выявленных раскопками в Пенджикенте, и в особенности открытыми в них памятниками изобразительного искусства, в первую очередь стенными росписями. На последних очень ярко запечатлен облик представителей этих слоев общества. В многочисленных батальных, пиршественных, охотничьих и иных сценах мы безошибочно узнаем феодала, землевладельца-дихкана, составлявших одновременно и основную военную силу государственных образований, сложившихся на территории Средней Азии. Наряду с ними мы видим и представителей «денежной аристократии».

Что касается производительных слоев городского населения, то в этом отношении мнения исследователей существенно расходятся. Так, по сло-

вам А. Ю. Якубовского, в городах предарабского времени «свободных ремесленников было мало», но при этом он полагал, что «в каждой дихканской семье имелись ремесленники-рабы» (1951б, с. 235). Приблизительно того же мнения придерживается и С. П. Толстов, который пишет об интересующем нас времени: «В городах сосредоточена относительно незначительная часть населения, преимущественно феодальная знать и ее слуги. Лишь постепенно начинает зарождаться прослойка городских ремесленников, которые живут в особых кварталах» (1962а, с. 249). М. Е. Массон, говоря о Самарканде, считает, что «ремесленное производство в значительной мере базировалось на рабском труде» (1950, с. 156). В то же время А. И. Тереножкину представляется, что Самарканд являлся типичным средневековым городом с «шахристаном и ремесленным рабадом» (1950б, с. 165). В. Л. Воронина говорит о наличии в составе городского населения земледельцев: «До недавнего времени считалось, что в черте города селились земельная аристократия, жречество, купцы со своими слугами . . . Застройка древнего Пенджикента свидетельствует, что земледельцы, обрабатывавшие окрестные поля, видимо, в значительной мере проживали в шахристане» (1961, с. 7).

Сейчас на основании новых материалов можно утверждать, что в шахристане, а также в начавшем складываться рабаде значительная часть населения состояла из ремесленников и имущественно близких к ним мелких рыночных торговцев. Об этом прежде всего свидетельствуют общая картина жилой застройки города, выявленная в Пенджикенте, наличие ремесленных мастерских, их концентрация вдоль улиц и в виде отдельных базарчиков.

Правда, можно не сомневаться, что этот, по ходячему выражению средневековых письменных источников, «базарный люд» эксплуатировался землевладельческой знатью и крупными купцами. Однако у нас нет никаких данных, говорящих о том, что ремесленники находились от них во внеэкономической зависимости. Характер жилых построек, устройство ремесленных мастерских и торговых заведений в большей мере свидетельствуют о том, что в них работали ремесленники, лично независимые. Это подтверждается и некоторыми другими археологическими наблюдениями. В первую очередь необходимо отметить постоянные находки в самих мастерских монет и нередко монетных кладов. Обнаружение на многих крупных сосудах оттисков печатей и других знаков, сделанных до обжига, могущих принадлежать только заказчикам сосудов, свидетельствует о том, что ремесленники работали по индивидуальным заказам.

В этом аспекте определенный интерес представляет и привлекший внимание специалистов-архитекторов факт наличия на многих сырцовых кирпичах сделанных до просушки различных знаков. В данном случае наиболее правдоподобно, что знаки эти сделаны артелями кирпичников, которые отмечали изготовленные ими по заказу кирпичи (Воронина, 1963, с. 7; ср.: Нильсен, 1966, с. 210 и сл.).

Ниже мы увидим, что предлагаемая трактовка ремесленников как лично независимых находит подтверждение и в документах архива с горы Муг. Сказанное, однако, не означает, что этим положением опровергается мнение В. В. Бартольда о значении, которое приобрела в социально-экономической структуре города землевладельческая и денежная аристократия.

Большая часть мугских документов характеризует канцелярское делопроизводство и официальную переписку, знакомит с особенностями устройства государственной власти и дает представление о месте чиновно-бюрократического аппарата в структуре общества и отчасти о его составе.

Аппарат власти, по мугским документам, рисуется как весьма разветвленный и сложный. Правда, вследствие затруднений в интерпретации бюрократической терминологии нельзя быть уверенным в точном определении функций отдельных звеньев аппарата власти и значения различных категорий чиновников. Но даже один перечень последних представляет в интересующем нас аспекте значительный интерес.

После личности государя высшим должностным лицом был фрамандар — «обладатель приказа», звание, приравненное к известному в средневековой бюрократической номенклатуре чину везира. Видимо, близко к нему стоял гопат, по трактовке В. А. Лившица, — чиновник, ведавший финансами.

Во многих документах фигурирует чиновник бажкарам — «сборщик налогов».

Такие звания, как начальник канала, поливальщик, относятся к ведомству по искусственному орошению.

Характерно звание начальника конюшни (коннетабль) — чин, весьма влиятельный при феодальных правителях в средневековых как западных, так и восточных странах.

Документы свидетельствуют и о наличии почтовой службы.

Чиновничье звание арспан переводится как «начальник гостиницы» (смотритель караван-сарая?), причем документы называют и его помощника.

Для дворцового ведомства характерны такие звания, как начальник парка (охотничьего заповедника), главный виночерпий, главный лекарь, палач.

В канцеляриях, очевидно, было немало писцов, по-разному называвшихся. Так, наряду с термином «дабир» — нарицательным наименованием писца — имелся и термин «парвана карак» — составитель документов, видимо, составитель наиболее важных государственных бумаг. Над ними стоял дабирпат — «начальник писцов». Имелись определенные чиновники, ведавшие учетом различных поступлений и расходов материальных ценностей.

В связи с приведенным перечнем представляет интерес сообщение «Суй-шу» о составе чиновничьего аппарата в небольшом княжестве Восточного Туркестана — Чао-Чан (Турфан) в конце VI в. По словам этого источника, «штат чиновников состоит из одного везира, двух министров, двух телохранителей, восьми делопроизводителей, пяти военачальников, восьми полковников. Далее следуют советники, секретари и письмоводители. Важные дела сам владетель решит, а решение маловажных дел предоставил старшему своему сыну с министрами» (Бичурин, II, с. 279).

Таким образом, следует признать, что чиновничество занимало вполне определенное и немаловажное место в составе городского населения, являясь частью господствующих слоев, во всяком случае в столичных городах.

Документы архива с горы Муг позволяют сказать то же самое и о значении жречества. Термины, которыми назывались отдельные жрецы, свидетельствуют о наличии жреческой иерархии, клира и соответствующей организации. Таковы звания магупат и ваганпат (главный жрец). Эти звания предполагают наличие разных категорий служителей храмов, что хорошо иллюстрируется и одной из культовых сцен пенджикентских росписей (Живопись. . ., табл. VII, VIII).

Отметим попутно, что и жречество, как мы можем об этом судить по мугским документам, было теснее связано с государственной властью, чем это казалось В. В. Бартольду. Так, магупат назван наряду с другими чиновниками в «ведомостях» — списках лиц, которым выдавались определенные денежные суммы. Об этом свидетельствует также сохранившееся

в коллекции документов письмо крупного арабского чиновника пенджикентскому царю Диваштичу, где упоминается жрец по имени Курчи, фигурирующий в качестве царского посла, которого автор письма характеризует как «лучшего друга» царя (Лившиц, 1962а, с. 112).

Очень большой интерес представляет для нас мугский документ, в котором лаконично охарактеризован социальный состав населения. Сам по себе этот документ по своему содержанию к рассматриваемому здесь вопросу не имеет прямого отношения. Это военно-политическое донесение, адресованное царю Диваштичу, в котором попутно сообщается слух о переходе в «брахманскую веру» населения Кучи, города в Восточном Туркестане, но при этом приводится важный для нас перечень социальных групп населения. В этом перечне есть «и знать, и купцы, и простой народ [работники], и 14 000 наставников [бахши]» (Лившиц, 1962а, с. 95).

Для нас едва ли имеет значение то, что автор письма говорит о городе Восточного Туркестана. Оперирует он уже знакомыми понятиями и терминами. Да и все, что известно для этого времени о социальной структуре городов Восточного Туркестана, свидетельствует об идентичности состава их населения таковому в собственно среднеазиатских областях.

В. А. Лившиц, впервые опубликовавший этот документ, сопроводил приведенное место соответствующим весьма интересным комментарием. Автор письма, как мы видим, выделяет в нем четыре определенных социальных слоя. Из них три достаточно ясны. Термин «знать» (в оригинале слово «азадкар» — «свободные») несомненно относится к военно-феодальному слою, землевладельческой аристократии. Вполне закономерным является и то, что автор донесения называет наряду со знатью и купцов. Термин «бахши» в первую очередь означает духовных лиц — буддистов, но мог относиться и к чиновничеству. Во всяком случае позже этим словом часто обозначались чиновники, бывшие по преимуществу буддистами (Бартольд, I, с. 454). Но особый интерес представляет третий термин — «работники». В оригинале стоит слово «карикар», которое В. А. Лившиц сближает вполне обоснованно с более поздним персидско-таджикским словом «каргар» (1962а, с. 96, 100), обозначающим то же самое понятие (букв. «работники»), т. е. по преимуществу городских ремесленников. Иначе толковать значение этого термина представляется маловероятным. В документах мугского собрания для обозначения крестьян, сельских жителей употребляется другой термин — «арккарак» (там же, с. 159), а населения в целом, общины — «наф» (там же, с. 96). Таким образом, есть основание полагать, что автор донесения имел в виду именно ремесленников, горожан. Весь характер события свидетельствует о том, что оно произошло в столичном центре, каким и был г. Куча.

Таким образом, в рассмотренном отрывке из донесения находят подтверждение те выводы о социальной структуре городского населения, к которым мы пришли на основе анализа археологических наблюдений.

Разбор сведений, заключенных в мугских документах, в интересующем нас аспекте был бы неполным, если не коснуться вопроса, связанного с проблемой рабства. Выше мы отмечали некоторые высказывания исследователей истории Средней Азии, убежденных в том, что ремесло в предарабское время базировалось на рабском труде.

В документах мугской коллекции термин «раб» встречается весьма часто. Лица, низшие по рангу, в своих письмах к вышестоящим неизменно называют себя уничижительно «рабами» и даже «одной миллионной долей раба». На первый взгляд, в этом для феодального общества нет ничего удивительного. В данном выражении по существу, кроме дани принятой

условности, естественно, ничего не заключено. Разумеется, что только на этом основании не приходится делать каких-либо выводов о наличии или отсутствии рабства.

Однако один чрезвычайно интересный документ мугской коллекции заставляет обратить на указанный вопрос самое пристальное внимание. Имеется в виду уникальный для Средней Азии доарабского времени брачный контракт, заключенный между неким Ут-тегином и его невестой Чатой. В этом контракте, составленном по определенной юридической форме, имеется следующий пункт: «И если он [жених] в качестве раба какого-либо лица, или долгового раба, или пленного [?], или [в качестве] отданного под покровительство [«собственного»] будет взят, то Чата [невеста] вместе с произведенным ею потомством без [каких-либо] обязательств должна быть освобождена». Этот же пункт договора повторен в точности и по отношению к другой стороне (Лившиц, 1962а, с. 273 и сл.). В обширном и весьма интересном комментарии к этому пункту договора В. А. Лившиц затронул многие вопросы, вытекающие из данного текста. Автор комментария видит возможность того, что включение этого пункта с дробной дефиницией категорий рабского состояния является лишь традиционной формулой и, следовательно, необязательно отражает реальные юридические и фактические нормы своего времени. Вместе с тем в лингвистической части комментария указывается возможность и некоторых других толкований значения отдельных терминов. Так, второй термин, переведенный как долговой раб, означает «заложник», а термин «отданный под покровительство» может обозначать, по мнению В. А. Лившица, и «крепостную зависимость».

Такое уточнение значения приведенных терминов, особенно первого, весьма важно. Нам представляется, что в рассматриваемом пункте контракта есть основание видеть отнюдь не застывшую традиционную формулу, а отражение вполне реального явления исторической действительности. Контракт в этот отношении приобретает особый интерес благодаря тому, что он точно датирован и именно 710 г. К этому времени Средняя Азия, в том числе и районы Согда, уже неоднократно подвергались нападениям арабов, которые, как это хорошо известно, широко пользовались институтом заложничества в качестве средства для обеспечения выполнения договоров с местным населением.

Приведем несколько конкретных фактов. Так, в рассказе о походе в Мавераннахр наместника Хорасана Саида б. Османа в 676 г. говорится, что им при заключении мирного договора с Бухарой и Самаркандом были взяты заложники: в первом городе 80 знатных юношей, а во втором 50. Заложников отправили в далекую Аравию и хотели принудить к тяжелым работам. Все они покончили жизнь самоубийством. В 699 г. полководец арабов Мухаллаб б. Суфра, заключив договор с правителем Кеша, взял также заложников, которые после выполнения жителями обязательств по договору были освобождены (Табари, II, с. 1040). Не вызывает сомнения, что заложников брали главным образом из аристократических семей («сыновей знатных»). Нам представляется, что именно поэтому и оказалось необходимым включить в брачный контракт Ут-тегина и Чаты, лиц безусловно знатного происхождения, указанный пункт о заложничестве. Очевидно, никто не был застрахован от того, что он может оказаться в числе заложников.

Сказанное заставляет обратить более пристальное внимание и на другие данные, в которых говорится о рабстве в прямом значении слова. В настоящей работе, естественно, нет возможности детально рассмотреть эти материалы. Мы отметим лишь некоторые факты. Так, в договоре между арабским военачальником Кутейбой и самаркандским царем Гуреком, заключенном в 712 г., предусматривается поставка в счет

контрибуции 3000 рабов, о которых говорится, что среди них не должно быть ни малолетних, ни стариков, ни калек (Смирнова, 1960).[1] Аналогичные пункты фигурируют и в договорах с другими местными владельцами, например Хорезма. При этом также упоминается очень большое количество рабов (Табари, II, с. 1245). Некоторые сведения имеются относительно дальнейшей судьбы этих рабов. Например, сообщается о том, что значительное количество их обслуживало военные обозы арабов. В случаях неблагоприятного для последних хода сражения рабов вооружали и побуждали сражаться обещанием освобождения (там же, с. 1109 и сл.).

Важно отметить факт наличия рабского рынка-аукциона в Балхе и то, что на этом аукционе продавались сами арабы, обращенные в рабство во время межплеменных столкновений (Табари, II, с. 1589). Характерно арабское название аукциона — «Кто больше даст» (там же, с. 1592). Большой интерес представляют сообщения, что в 40-х годах VIII в. рабы примкнули к антиомейядскому движению, которое возглавил в Хорасане знаменитый Абу Муслим. Для рабов был организован специальный военный лагерь. Как отмечает источник, в связи с этим к Абу Муслиму приходили хозяева рабов с жалобами (там же, с. 1968 и сл.; МИТТ, с. 132; Грязневич, 1960, с. 264). Однако при этом ничего не говорится о том, откуда местные правители брали рабов, которых они поставляли в счет контрибуций. Лишь одно упоминание Наршахи позволяет предположить существование и до появления арабов постоянной торговли рабами. Говоря об известной ежегодной ярмарке в Тавависе, он подчеркивает, что «в древние времена» на ней среди других товаров продавали и рабов с дефектами, очевидно скрытыми (Наршахи, пер., с. 56). В целом же приведенные сообщения источников позволяют сделать вывод о том, что весьма широкое распространение рабства в Средней Азии в период арабского завоевания является своего рода вспышкой, вызванной самим ходом военных событий. Аналогичное положение сложилось и после монгольского завоевания (Беленицкий, 1948; Петрушевский, 1960).

Возвращаясь к брачному контракту, мы, как кажется, вправе видеть в появлении рассматриваемой статьи данного договора отражение условий, вызванных ходом военных событий. В связи с этим важно подчеркнуть, что, помимо брачного контракта, во всем мугском собрании нет ни одного прямого упоминания о рабах, хотя большая часть этих документов относится к хозяйственной переписке дворцового ведомства. Таким образом, мы едва ли имеем основание, опираясь на рассмотренный пункт брачного договора, делать далеко идущие выводы о рабстве как институте в социальной структуре общества, и в том числе городского населения. Однако полностью исключить вероятность того, что и в городах имелись определенные контингенты рабов, невозможно. До получения новых данных вопрос этот должен оставаться открытым.

Культура и быт

В настоящее время нет уже необходимости отстаивать тезис о высоком уровне культурной жизни народов Средней Азии в предарабское время. Но если в не очень давнем прошлом В. В. Бартольду приходилось для утверждения этого положения опираться почти исключительно на сведения письменных источников (Бартольд, VII, с. 417), то сейчас многочисленные археологические материалы не только подтвер-

[1] О количестве рабов источники сообщают сильно отличающиеся друг от друга цифры: 3000, 30 000 и даже 100 000 (Смирнова, 1960). Для Хорезма указывается цифра 30 000 рабов.

ждают его в общей форме, но и позволяют выявить многие конкретные черты состояния культуры в интересующее нас время.

Письменность и грамотность. О наличии развитой письменности на языках народов Средней Азии было известно сравнительно давно как из сообщений китайских хроник, так и особенно по известному сочинению Бируни «Следы минувших поколений». Однако с самой письменностью наука познакомилась лишь на рубеже и в первые десятилетия текущего столетия, когда в Восточном Туркестане были обнаружены многочисленные образцы ее на согдийском языке. Их изучение показало, что согдийский язык получил значение международного языка. На него были переведены многие религиозные тексты различных вероучений — буддийских, христианских и манихейских. Вместе с такими текстами были найдены письма частного характера, а также отрывки медицинских, минералогических и астрономических сочинений (Henning, 1958, p. 54; Benveniste, 1940). Насколько оригинальны эти последние, по найденным фрагментам судить трудно.

Большой культурно-исторический интерес представляют найденные в переводе на согдийский язык отрывки из знаменитого индийского сборника «Панчатантра», ставшего позднее известным в литературе под названием «Калила и Димна», басни Эзопа и другие аналогичные сочинения (Henning, 1945). На согдийском языке был написан найденный отрывок эпической поэмы, героем которой выступает знаменитый Рустем (Benveniste, 1940).

Значительно расширили наши знания о характере письменности и сфере ее применения археологические открытия на территории Средней Азии. В настоящее время в распоряжении науки имеются остатки архивов, как например часто упоминавшиеся выше документы из замка на горе Муг, значительные коллекции документов, найденные в разных пунктах Хорезма (Толстов, 1962а; Гудкова, Лившиц, 1967), интересные памятники письменности из раскопок на юге Средней Азии (Альбаум, 1964; Грек, 1964) и в других районах.

Материалом для письма служили специально обработанная кожа, дерево (доски, очищенные от коры ветки деревьев, береста), привозная бумага. Повсеместно находят монеты с легендами на местных языках, записи, сделанные на черепках глиняной посуды и на камнях. Выявлены согдийские и хорезмийские надписи на изделиях из металла (серебряные блюда), на печатях. Наконец, надо отметить и открытие надписей на стенах помещений. Дешифровка всей этой массы памятников письменности еще только начинается. Но и те памятники эпиграфики, которые прочтены, показывают, что существовали разработанные формы официальной государственной переписки, юридических актов, хозяйственно-учетной документации. Выше отмечены находки в Пенджикенте надписей на каменных гирях и на стенках сосудов, указывающих соответственно их вес и вместимость. Чрезвычайно интересна находка в Хорезме (Ток-Кала) большой коллекции эпитафий на стенках оссуариев (Гудкова, 1964). Сенсационный характер имеют открытые в 1965 г. на Афрасиабе надписи, сопровождающие живописные сцены (Лившиц, 1965). Ряд надписей обнаружен на стенах зданий в Пенджикенте. Уже одни эти памятники письменности сами по себе являются свидетелями широкого распространения грамотности, что позволяет предположить и наличие разработанной системы школьного образования.

Памятником школьного образования могут служить черепки с алфавитом и упражнениями на согдийском языке, найденные в Мерве и Пенджикенте (Лившиц, 1962а, с. 64, рис. 1). Некоторые подробности о характере обучения мы узнаем из письменных источников. Так, посетивший Самарканд посол Китая Вей Цзе в начале VI в. отмечает, что уже

в пятилетнем возрасте начинали учить детей письму, после чего приступали к обучению счету (Chavannes, 1903, p. 133). Последняя деталь подчеркивает практическую направленность обучения, что подтверждают в целом и находки памятников письменности, о которых говорилось выше.

Наряду с чтением, письмом и счетом несомненно существовала и специальная подготовка различных чиновников, связанных с ведением переписки в государственных канцеляриях. По названию последних — дабир, очевидно, и сами школы, как и в Иране, назывались дабиристанами. Звания чиновников-писцов и учетчиков сохранили документы с горы Муг (см. выше).

В школе, надо полагать, обучали не только родному, но и иностранным языкам. На черепке, найденном в Пенджикенте, сохранилась надпись на двух языках — согдийском и арабском, сделанная одним лицом (не опубликована). Упоминавшиеся многочисленные переводы памятников письменности с других языков на согдийский, и наоборот, как считается общепризнанным, делались главным образом согдийцами.

Изобразительные искусства. Новую страницу, исключительно важную для истории культуры народов Средней Азии в VI—VIII вв., открыли археологические работы последних трех десятилетий в области изобразительного искусства предарабского времени. И если до начала 30-х годов об искусстве этой поры можно было судить лишь по мелкой пластике, главным образом по терракотам и оссуарным налепам, то сейчас в распоряжении науки имеются многочисленные памятники монументальной живописи и скульптуры, художественное и культурно-историческое значение которых трудно переоценить.

В настоящее время памятники монументального искусства раннего средневековья открыты едва ли не во всех основных районах Средней Азии. Ниже приводится перечень основных пунктов, на которых были обнаружены произведения монументального искусства, и дается краткая их характеристика.

А к - Б е ш и м (Северная Киргизия). На этом памятнике раскопаны два буддийских храма и одна христианская церковь. В первом храме все помещения были украшены отдельно стоявшими на постаментах глиняными статуями, а также стенными лепными рельефами. Имелись и статуи из позолоченной бронзы. Открыты и остатки стенной живописи. К сожалению, от всех бывших там памятников искусства сохранились лишь фрагменты, но бесспорно свидетельствующие об изображении персонажей буддийского пантеона, в том числе и самого Будды (Кызласов, 1959). Во втором буддийском храме скульптуры несколько лучшей сохранности. В частности, найдена большая голова Будды. И здесь открыты остатки стенной живописи (Зяблин, 1961). Следы «ярких фресок» обнаружены и на стенах христианской церкви (Кызласов, 1959).

К у в а (Восточная Фергана). В святилище Кувы открыто значительное количество остатков скульптур, из числа которых особенно большой интерес представляют выполненная в крупном масштабе фигура Будды или бодисатвы, головы и фрагменты торсов божеств, демонов и других персонажей, характерных для буддийского искусства. Стены храма были украшены живописью, от которой, однако, сохранились лишь небольшие остатки (Булатова-Левина, 1961).

А д ж и н а - Т е п е (Южный Таджикистан). На этом памятнике произведения искусства сохранились археологически вполне удовлетворительно, особенно скульптура. Центральным является образ Будды. Наряду с ним имеются изображения бодисатв, девата, демонических существ, монахов. Скульптуры выполнены в самых различных масштабах — от 25—30 см до 12 м. Двенадцатиметровой длины фигура, почти

полностью сохранившаяся, изображает лежащего Будду в нирване. Наряду со скульптурой большой интерес представляют и крупные фрагменты живописи, особенно сцена подношения даров, на которой изображены донаторы (Литвинский, Зеймаль, 1972).

Балалык-Тепе (Южный Узбекистан). Стенная живопись, открытая здесь, датируемая V—VI вв., является, очевидно, одним из наиболее ранних памятников средневекового монументального искусства Средней Азии и одновременно образцом светского искусства. Живописью были покрыты стены небольшого квадратного помещения (4.85×4.85 м). Росписи посвящены одной теме — изображению пиршества с участием большого количества персонажей. На сохранившихся росписях мы видим 47 фигур мужчин и женщин. Участники пиршества подчеркнуто делятся на две социально разные категории: на переднем плане крупно изображены знатные лица, собственно пирующие, а позади них значительно мельче — служанки с опахалами в руках.

Замечательна тщательность изображения узорных тканей одежды, украшений, сосудов, из которых пьют пирующие, и других сопровождающих сцену предметов. Живопись Балалык-Тепе дает превосходное представление об облике представителей феодальной верхушки местного населения (Альбаум, 1960).

Варахша (Бухарский оазис). Произведения искусства в Варахше были открыты в ряде парадных помещений дворцового здания. Они представлены стенными монументальными росписями и резным штуком. Разнообразные по своему содержанию стенные росписи Варахши отличаются общим мастерством исполнения.

Живописные сюжеты вполне соответствуют характеру самого здания дворца. Так, в одном из парадных залов (Восточном) сохранилась часть многофигурной сцены приема во дворце во главе с царем, восседавшим на троне с подножиями в виде крылатых верблюдов. Там же на другой стене была изображена батальная сцена, участниками которой являются тяжеловооруженные всадники. В другом зале (Красном) стены были заняты своеобразно трактованными сценами охоты. Сидящие на слонах персонажи поражают тигров, леопардов, а также фантастических зверей. Интересны фрагментарно сохранившиеся сцены с изображениями процессии животных, тоже реальных и фантастических, деревьев, под которыми находятся крылатые верблюды.

В отличие от стенных росписей, сохранившихся в большинстве на своих местах, штуковая скульптура Варахши в главной своей массе найдена в виде нагромождения фрагментов в свалках. Лишь на небольших участках стен были открыты отдельные куски штукового декора. Эти последние, однако, показывают, что художественным резным штуком были покрыты большие площади стен. В варахшинском штуке поражает прежде всего бесконечное множество орнаментальных мотивов, как геометрических, так и растительных. Но наряду с ними значительное место занимали и сюжетные композиции (Шишкин, 1963, с. 67).

Древний Пенджикент (Самаркандский Согд). Для характеристики монументального изобразительного искусства, сложившегося в условиях города, памятники, открытые в Пенджикенте, следует признать наиболее показательными. Они представлены стенными росписями, резным деревом, глиняной скульптурой.

Из общего количества памятников изобразительного искусства, открытых в Пенджикенте, первое место принадлежит стенным росписям. Сейчас насчитывается уже более 50 помещений, на стенах которых открыты остатки живописи или следы ее.

Росписями, как правило, покрывалась вся внутренняя поверхность стен помещения, причем чаще всего они располагались несколькими

ярусами. Живописью по преимуществу украшались парадные комнаты — залы площадью до 80—90 м² и более. Каждое такое помещение представляло собой своеобразную картинную галерею. Разумеется, что от некогда бывшего здесь громадного количества художественных сокровищ до нас дошли лишь относительно небольшие остатки. Много помещений с росписями погибло от пожаров. В таких помещениях о бывших в них росписях свидетельствуют лишь мелкие пятна сохранившейся краски и изредка прослеживаемый контурный рисунок отдельных фигур. Но и в помещениях, не пострадавших от пожара, росписи сохранились лишь в виде фрагментов, различных по сохранности и размерам. Тем не менее и то, что дошло до нас в сравнительно удовлетворительном состоянии, необходимо признать исключительно обильным.

В отличие от живописи остатки резного дерева сохранились лишь в обуглившемся виде, причем только в тех помещениях, которые погибли от пожара. Дерево, и тем более резное, не подвергшееся обугливанию, в условиях лёссового грунта Средней Азии, в том числе и Пенджикента, безвозвратно со временем погибает.

Остатки резного дерева были найдены в 7 помещениях. Те образцы, которые доступны сейчас изучению, обладают высокими художественными качествами, отличаясь одновременно разнообразием своих сюжетов. Резное дерево Пенджикента представлено в двух видах художественной обработки — рельефном (разной глубины) и в виде почти объемной скульптуры.

Произведения монументальной глиняной скульптуры до настоящего времени открыты лишь в одном помещении — во внешней галерее — айване ограды двора второго храма. Значительная часть скульптур представлена фрагментами человеческих фигур и фантастических животных (драконов), найденными в завале, заполнившем помещение айвана. Наиболее интересной является сохранившаяся на месте многометровая панель на стенах айвана. На ней высоким рельефом изображены многофигурная композиция, имеющая, очевидно, культовый смысл, и отдельно торс человеческой фигуры. Сохранились также постаменты, на одном из которых остались ступни ног от очень крупной человеческой фигуры.

В главных зданиях храмов имеются ниши, несомненно предназначенные для глиняных скульптур. Ниши, подобные храмовым, имеются в некоторых жилых помещениях, но были ли в них скульптуры — с уверенностью сказать невозможно (Дьяконов, 1954; Беленицкий, 1959).

Особенностью всех указанных категорий памятников искусства является большое разнообразие их сюжетов, точное понимание которых, однако, сопряжено со значительными трудностями, вызванными или их фрагментарностью, или тем, что до нас дошло очень мало письменных источников того времени, могущих разъяснить их содержание. В связи с этим мы неизбежно сталкиваемся с фактом различной интерпретации одних и тех же произведений искусства. Тем не менее общая их классификация может быть предложена сейчас с достаточной определенностью.

Одной из ведущих тем, особенно в живописи, является эпическая. Эпические повествования давали возможность художникам создавать целые циклы сцен с большим количеством участников, действовавших в самых разнообразных ситуациях. В некоторых обнаруживается бесспорная связь с великой эпопеей — «Шахнаме» Фирдоуси. Созданные за два с лишним века до того, как поэма была написана, они приобретают значение, если не прямое, то косвенное, источника для самой поэмы (Беленицкий, 1960а).

В живописи Пенджикента встречены сцены борьбы воинов-мужчин с женщинами, восходящие к древним эпическим сказаниям о войнах с амазонками. Отголоски этого сюжета также сохранились в «Шахнаме»

и живут до сих пор в народном былинном эпосе (например, у тюркоязычных народов Средней Азии).

Художники Пенджикента охотно черпали темы для живописных сцен и из животного эпоса и фольклора. Для некоторых из таких сюжетов, как это может быть бесспорно установлено, источником служили притчи и рассказы из известного сборника «Панчатантра». Фольклорные сюжеты, запечатленные в пенджикентской живописи, сохранились в мотивах современных народных сказок.

Памятники искусства Пенджикента приобретают исключительно большое значение для восстановления характера местных верований и обрядов, значительно дополняя сведения, заключенные в письменных источниках. Общий стиль изобразительного искусства Пенджикента, характеризующийся стремлением к реалистической передаче бытовой обстановки, дает право видеть во многих сценах картины, которые должны рассматриваться по преимуществу как жанровые, взятые художниками непосредственно из жизни. Таковы сцены плясок, изображения отдельных музыкантов и целых оркестров, настольных игр, охоты.

В последние годы памятники монументального искусства раннего средневековья были открыты помимо вышеназванных еще в ряде пунктов Средней Азии. В Мерве — это глиняная скульптура (Массон, 1963; Кошеленко, 1966), в Шахристане (Усрушана) (Негматов, Хмельницкий, 1966) и Джумалак-Тепе (Южный Узбекистан) (Нильсен, 1966) — резное дерево. Особенно большой интерес вызвали открытые в 1965 г. на Афрасиабе прекрасно сохранившиеся стенные полихромные росписи, изображающие прибытие в Самарканд дипломатического посольства, о чем сообщает сопровождающая росписи надпись на согдийском языке. Здесь же открыты и остатки резного дерева и штука (Шишкин, 1966).

Уже один приведенный перечень пунктов, на которых были открыты памятники монументального искусства, расположенные в различных районах Средней Азии, свидетельствует, что в VI—VIII вв., которыми датируются открытые в них произведения, благоприятные условия для развития монументального искусства сложились повсеместно и что общий размах художественного творчества был исключительно велик.

Исследования памятников искусства каждого из названных пунктов показали, что между ними имеется достаточно много общих черт, говорящих о том, что в масштабе всей Средней Азии развитие изобразительного искусства было единым процессом, что этот процесс происходил в условиях постоянного взаимодействия и взаимовлияния отдельных художественных центров (Дьяконов, 1954; Шишкин, 1963).

Но вместе с тем в каждом из названных пунктов мы находим только ему свойственные особенности, позволяющие говорить о сосуществовании школ с самостоятельной художественной традицией. Эти черты своеобразия, обнаруживаемые в памятниках искусства каждого из перечисленных пунктов, в значительной степени были обусловлены характером последних. Одно дело — произведения искусства буддийских храмов и святилищ Ак-Бешима, Кувы или Аджина-Тепе, другое — живопись и скульптура царского дворца Варахши или стенные росписи небольшого замка Балалык-Тепе. От тех и других существенно отличаются произведения искусства Пенджикента. Последние для нас особенно интересны, поскольку в значительно большей мере, чем другие, отражают культуру города. Правда, монументальное искусство уже потому, что его потребителями были представители господствующих слоев общества, не могло стать подлинным зеркалом материальной и духовной жизни всех социальных групп населения города. Однако, несмотря на ограничения, которые это обстоятельство налагало на искусство, оно прежде

всего продукт городской культуры и вне условий города едва ли могло сложиться таким, каким мы его видим в Пенджикенте.

Искусство Средней Азии не было изолировано и от художественных центров зарубежных стран Востока, как например Афганистана, Северной Индии, Восточного Туркестана и Ирана (Дьяконов, 1954; Шишкин, 1963; Беленицкий, 1964).

Открытие памятников монументального искусства отодвинуло на второй план произведения мелкой пластики. Однако это не значит, что они потеряли свое значение как в художественном, так и в культурно-историческом отношении. И в области мелких форм в рассматриваемое время было создано много ценных произведений искусства. Изделия мелкой пластики представлены художественной торевтикой, терракотами, глиняными фигурными налепами, отлитыми из бронзы фигурками человека, животных, иногда предметами утвари. Нельзя не подчеркнуть, что многие из этих памятников были распространены главным образом в быту широких слоев населения города, отвечая их общекультурным интересам и вкусам. В особенности это относится к терракотам, которые, являясь предметами массового производства, изготовлялись чаще всего путем штамповки. Индивидуальный характер имеют художественные резные изделия из камня и металла, представленные перстнями-печатями и их оттисками на буллах и керамических изделиях. На печатях изображены человеческие фигуры как в полный рост, так и до пояса, нередко сопровождаемые надписями, различные животные и более или менее простые знаки. Многие из таких печатей являются работами талантливых мастеров (Trever, 1934; Мешкерис, 1962).

Все перечисленные категории памятников мелкой пластики, как и произведения монументального искусства, представляют богатейший источник для исследования многих сторон культуры, и в частности идеологии и верований населения, к краткому рассмотрению которых мы перейдем.

Специальные исследования показывают, что Средняя Азия накануне арабского завоевания была страной широкой религиозной терпимости. Ни одна из известных религий этого времени не была признана государственной, по крайней мере в масштабе страны. В Средней Азии находили убежище сторонники различных так называемых еретических учений и толков, которые преследовались в странах, где господство принадлежало официальной, государством признанной религии, как это имело место, например, в Иране или Византии (Бартольд, I, с. 238).

Города Средней Азии с их разноплеменным и неоднородным по социальной принадлежности населением являлись в первую очередь местами столкновения различных идеологий, верований и культов. Письменные источники свидетельствуют, что в городах Средней Азии бок о бок существовали святилища буддистов, «храмы огня», христианские церкви, капища идолов. Эти сведения нашли, как мы видим, подтверждение в археологических исследованиях. Такое положение вещей должно было способствовать определенной синкретизации культов различных религий.

Указанные общие положения оставляют открытым существенный вопрос, возникающий при исследовании данной проблемы в целом, а именно, каковы были те культы и верования, которых придерживалась основная масса местного населения и с которыми столкнулись представители иноземных религий.

Большинство исследователей склонно считать основной религией населения оседлых районов Средней Азии в домусульманское время зороастризм или его разновидность. Такое решение, однако, не подтверждается археологическими данными. Отметим, в частности, что до настоящего времени на всей территории Средней Азии не было открыто ни одного храма, который можно было с уверенностью приписать зороастрийцам

(«храмы огня»),[2] в то время как христианские и буддийские святилища обнаружены уже в ряде пунктов страны.

Первыми сооружениями, которые следует признать святилищами определенного местного культа, являются два открытых в Пенджикенте храма. Архитектурное своеобразие этих одинаковых по своим планам храмовых зданий не позволяет отождествить их с культовыми сооружениями других религий: с «храмами огня» зороастрийцев, какими они хорошо известны на территории Ирана, с христианскими церквями или с буддийскими святилищами. Предположение автора (Беленицкий, 1954), сделанное вскоре после раскопок, об их принадлежности манихеям не получило в дальнейшем подтверждения. Можно считать несомненным, что в особенностях их архитектурного устройства следует видеть отражение в первую очередь местной архитектурной традиции, сложившейся в соответствии с местными религиозными верованиями. Понять последние помогают те памятники искусства (остатки стенных росписей и скульптур, найденные как в самих храмах, так и вне их), культовый характер которых не вызывает сомнений. Обратимся к их рассмотрению.

В первом пенджикентском храме привлек к себе внимание фрагмент живописи, открытый в одном из боковых помещений (Живопись. . ., табл. VI). На нем изображено в крупном масштабе божество в виде безбородого мужчины, голова которого окружена нимбом и лучистым венцом. Перед божеством мы видим группу лиц, стоящих в молитвенной позе. Трактовку фигуры в качестве олицетворения солнечного божества можно считать несомненной. Анализ ряда сообщений письменных источников позволил автору в свое время высказать предположение и о том, что в Согде (и еще шире — по всей Средней Азии) почитание небесных светил, и в первую очередь Солнца, Луны и 5 известных тогда планет, являлось одним из главных элементов местного культа. Открытые в Пенджикенте позднее другие памятники искусства вполне подтвердили указанное предположение. Таков крупный фрагмент стенной росписи с изображением женского божества, держащего в поднятых руках человеческие головы, олицетворяющие солнце и луну (Живопись и скульптура. . ., табл. XX—XXII).

Более усложненное олицетворение дневного светила было зафиксировано на фрагменте резного дерева, где оно изображено в виде погонщика на колеснице, запряженной парой вздыбленных коней. Открытие этого фрагмента позволяет определить в качестве олицетворений планет изображения на ряде других памятников искусства, происходящих как из Пенджикента, так и из иных пунктов Средней Азии. Все это убеждает в том, что известные в то время планеты, включая Солнце и Луну, имели вполне определенную символическую иконографию.

Еще задолго до открытия памятников искусства Пенджикента А. Я. Борисов определил в качестве олицетворений планет Сатурна и Марса отдельные фигуры, представленные в мелкой пластике, — налепы на оссуариях (1940, с. 45; 1945, с. 10).

Факт почитания 7 планет находит свое подтверждение и в сообщениях письменных источников. Так, в пехлевийском географическом сочинении «Города Ирана», составленном в IX в., говорится о самаркандском храме, посвященном «семи божествам». Имена этих божеств сохранились и в названиях 7 дней недели в согдийском календаре (Фрейман, 1962, с. 46).

На стене главного помещения второго храма (Живопись. . ., табл. XIX—XXIII) открыт фрагмент живописи, который знакомит нас

[2] В археологических публикациях неоднократно упоминаются открытия различных сооружений, названных «храмами огня» (Марущенко, 1930; Толстов, 1948; Шишкин, 1963). Однако такая их идентификация весьма сомнительна и не может считаться твердо установленной (Воронина, 1960).

с другим местным культом. В основной его части изображена большая группа мужчин и женщин, а также божеств, оплакивающих покойника, помещенного в очень своеобразное купольное сооружение, — очевидно, специально для данной церемонии построенный павильон.

Эта живописная сцена может быть объяснена по-разному (Якубовский, 1951а; Дьяконов, 1951). Бесспорным, однако, является то, что в ней отражен реально существовавший похоронный обряд, связанный с культом предков. О важном месте, которое в местной среде занимали этот культ и связанные с ним обряды, говорят и другие памятники искусства Пенджикента. Так, в небольшом приделе, пристроенном к главному зданию первого храма (пом. № 10а), были открыты живописные сцены пиршества, плясок, жертвоприношений (Живопись. . ., табл. VII—XIV), несомненно относящиеся к этому же культу. Особенно характерны для него заупокойные пляски. Об этом свидетельствуют как сообщения письменных источников, так и этнографические параллели. Отметим здесь, что и на пенджикентских оссуариях имеются налепы, изображающие женщин, совершающих заупокойную пляску (Беленицкий, 1959).

Среди дошедших до нас остатков живописи имеется фрагмент, содержание которого мы вправе объяснить как один из обрядов заупокойного культа. На нем изображена группа мужчин в богатых одеждах, находящихся внутри здания перед троном, на котором стоят три жертвенника. У подножия трона — крупный закрытый сосуд. Некоторые из присутствующих стоят на коленях перед троном с жертвенниками (Беленицкий, 1961). Разъяснение этой сцены мы находим в рассказе одного из источников того времени относительно столицы Шаша. «По юго-восточную сторону дворца, — говорится в нем, — есть здание, посреди которого поставлен престол. В 6-е число первого месяца и 15-е число ставят на этом престоле золотую урну с пеплом сожженных костей покойных родителей владетеля, потом обходят вокруг престола, рассыпая пахучие цветы и разные плоды. Владетель с вельможами поставляют жертвенное» (Бичурин, II, с. 282). Надо полагать, что этот обряд существовал не только в Шаше, но и в других местностях Средней Азии, в том числе и в Пенджикенте.

Характерный для населения Средней Азии культ нашел отражение в глиняной скульптурной панели второго храма. На ней изображены водная поверхность — море или скорее река — и фигуры людей, рыб, фантастических существ. Иконографический анализ изображенных фигур привел к выводу, что это символическое изображение р. Зеравшан, которая являлась объектом культового почитания, о чем говорит и ее древнее местное название — Намик — «почитаемая» (Беленицкий, 1959, с. 77).

Одним из наиболее замечательных памятников культовой иконографии Пенджикента является живописное изображение женского четырехрукого божества, открытое в 1964 г. Оно было найдено при исследовании на территории второго храма остатков построек, принадлежавших к более раннему строительному горизонту, чем сам храм. Божество, открытое в 1964 г., изображено сидящим на троне, в виде фантастического существа — дракона с туловищем змеи. В одной из правых рук божество держит штандарт. Кисти левой пары рук, к сожалению, не сохранились, так же как и голова. Отличают его богатые одеяния и украшения из золотой фольги. По обе стороны божества находились донаторы, также одетые в богатые одежды. Все говорит о том, что это божество пользовалось особым почитанием. Иконографический анализ и ряд сообщений письменных источников привели автора к заключению, что в Пенджикенте оно почиталось под именем Нана; культ этой богини с древнейших времен был распространен на Ближнем и Среднем Востоке. В Пенджикенте это имя фигурирует

на одном из типов монет местного чекана, а по сведениям одного из ранних арабских географов, оно входило в титулатуру местных правителей (Беленицкий, 1965).

На дошедших до нас произведениях искусства Пенджикента имеется изображение божества в виде танцующего мужчины, фигура которого окрашена в синий цвет. По всей вероятности, прообразом для иконографии этого божества послужили изображения Шивы — божества индуистического пантеона (Беленицкий, 1964).

Приведенная характеристика культов, которую мы смогли сделать на основании фрагментарно дошедших до нас памятников искусства, разумеется, не может считаться исчерпывающей. Но и она показывает сложный характер местных верований. Одновременно бесспорен и тот факт, что в символике, которая сопутствует иконографии местных культов, мы можем обнаружить ряд заимствованных элементов. Полный разбор приведенных памятников изобразительного искусства с этой точки зрения завел бы нас слишком далеко. Мы ограничимся лишь следующими примерами. Так, анализ олицетворения солнца в виде погонщика на колеснице показывает, что оно имеет предшественников в иконографии других религий. Таковы боги солнца — Сурья в Индии, Митра в Иране, Гелиос в Греции, которые изображались также в виде погонщиков на колесницах, запряженных лошадьми. В индийской иконографии мы находим прообразы символических фигур, на глиняной панели пенджикентского храма олицетворявших собой божество р. Зеравшан. В сложении иконографии четырехрукого женского божества слились разнородные элементы, восходящие к культам Индии и стран Ближнего Востока.

Такая синкретизация культовых образов была обусловлена обширными связями, которые поддерживало население Средней Азии со многими странами Востока, а также непосредственным знакомством с иноземными культами и их иконографией.

Черты быта. Нарисовать полную картину быта городского населения — в настоящее время задача неосуществимая. Ниже мы попытаемся наметить лишь отдельные черты быта в городе.

Исследуя жилище древнего Пенджикента, В. Л. Воронина поставила весьма важный для характеристики быта населения вопрос о делении жилища на две половины — мужскую и женскую — и о вытекающем из такого представления выводе о затворничестве женщин. «Существует довольно распространенный взгляд, — пишет она, — что деление среднеазиатского жилища на две половины диктовалось догмами ислама. Это неверно — ислам лишь санкционировал укоренившиеся более ранние традиции. Но исторические корни затворничества женщин, как отмечает С. П. Толстов, уходят в эпоху матриархата и бытовая изоляция полов известна у первобытных народов» (Воронина, 1961, с. 13). Мы не можем здесь касаться общего соображения В. Л. Ворониной о «корнях затворничества». Отрицание роли ислама в известном (позднем) делении дома на две половины ничем не подтверждено. Отметим лишь, что, по ее мнению, в пенджикентском жилище намечено разделение на две части — собственно жилую и парадную. В. Л. Воронина имеет в виду наличие в составе жилого комплекса нижних (парадных) и верхних (жилых) помещений. Однако наличие верхних этажей в жилищах Пенджикента несомненно вызвано гораздо более существенной причиной — ограниченностью внутригородской территории и густотой застройки. Во всяком случае ничем не может быть доказано, что наличие вторых этажей как-то связано с отделением женской половины от мужской. Противоречат подобному представлению письменные источники, особенно памятники искусства. О высоком и равноправном положении женщины в Средней Азии свидетельствует много хорошо известных фактов. Так, неоднократно упо-

минаются женщины правительницы отдельных княжеств (Бухара, Фергана). В китайской хронике указывается, что при обсуждении государственных дел рядом с правителем сидела и его супруга (Бичурин, II, с. 272). В Пенджикенте чеканились монеты с именем правительницы (Смирнова, 1965, с. 13). О равноправном положении женщины говорит и упомянутый брачный контракт из мугского архива (Лившиц, 1962а, с. 17).

В письменных источниках сохранилось достаточно много сообщений о том, что в быту населения Средней Азии большое место занимали празднества, сопровождавшиеся музыкой и танцами. В «Тан-шу» о Самарканде говорится: «Жители пристрастны к вину, любят песни и пляску на улицах» (Бичурин, II, с. 310). Китайские источники оставили много и более подробных сведений, касающихся этой стороны жизни среднеазиатских народов. С музыкальной и хореографической культурой последних в Китае были очень хорошо знакомы. В столице и других городах Китая проживали и показывали свое искусство многочисленные группы музыкантов и танцоров обоего пола, составлявшие подчас большие ансамбли, которые давали самые различные представления. В аристократических домах считалось обязательным иметь постоянные оркестры и группы из музыкантов и танцоров «западных» стран. Сами китайцы обучались у них пению, музыке и танцам. Китайские поэты воспевали в стихах наиболее прославленных и искусных исполнителей, а также названия особо популярных танцев и музыкальных пьес. Поэтам в особенности мы обязаны знакомству с рядом названий хореографических и музыкальных номеров, а также с деталями их исполнения, характером костюмов и музыкальных инструментов. Отмечается особый стиль музыки Бухары, Самарканда, Чача. Характерны и названия музыкальных пьес и танцев; например, «Согдийцы пьют вино», «Музыка к игре в мяч», «Зимний танец с обливанием водой». В состав музыкальных инструментов оркестра помимо барабанов входили четырехструнные лютни, гобои, флейты, скрипки и т. д. (Shafer, 1963, p. 51).

Чрезвычайно интересно, что искусство музыки и танца народов Средней Азии несомненно поражало и арабов. В сообщениях о походах арабских войск об этом упоминается неоднократно. То отмечается устроенная местным правителем встреча, в которой участвовали музыканты и танцоры, то говорится о захвате в плен музыкантши, находившейся в обозе среднеазиатского владетеля. Но особо показательно, что халиф Валид I настойчиво требовал от хорасанского наместника присылки в столицу тамошних музыкантов (Табари, II, с. 1163, 1611, 1766).

Приведенные сведения письменных источников находят яркое подтверждение в памятниках изобразительного искусства Средней Азии, в особенности в монументальной живописи и скульптуре. Упоминание источников о пиршествах превосходно иллюстрируется в живописи Балалык-Тепе и Пенджикента. Ярко отражают памятники искусства образы музыкантов. Отметим прежде всего многочисленные терракоты с фигурами музыкантов, среди которых мы видим играющих на барабанах, флейтах, лютнях (Мешкерис, 1962, табл. VIII—IX). В живописи Пенджикента есть изображения мужчин и женщин, играющих на лютнях, сиринках, арфах. Можно различить инструмент типа бубна. Характерны изображения групп музыкантов (Живопись и скульптура. . ., табл. XI). В еще большей степени замечательна передача в живописи и деревянной скульптуре образа танцовщиц. Выполненные в дереве скульптуры последних — одни из лучших произведений искусства Пенджикента. На них, несмотря на сильные повреждения, мы и сейчас различаем легкую полупрозрачную ткань платья, повязанного кушаком с длинными свешивающимися концами. Интересна деталь — шнуры с бубенцами, обвивающие их тела.

В живописи Пенджикента встречены сцены групповой пляски. Пляски, занимая несомненно большое место в быту в качестве светского развлечения, являлись и ритуальным обрядом. Выше указывалось, что одна из групповых сцен пляски была открыта в храмовом помещении. Еще более показательны изображения пляшущих женщин на стенках оссуариев, сделанные от руки в виде налепов. Небезынтересно отметить изображение на терракоте Пенджикента, выполненной в чисто жанровом стиле, сидящей (отдыхающей) танцовщицы, держащей в одной руке горловину бурдюка с вином, а в другой чашу. Сказанное делает понятным назначение обнаруженных в отдельных раскопанных помещениях Пенджикента специальных возвышений, занимавших значительную часть их площади. Это эстрады, на которых показывали свое искусство музыканты и танцоры.

Письменные источники оставили сведения о характере некоторых празднеств. К сожалению, только в отдельных случаях приводятся бытовые подробности, которыми они сопровождаются. Общенародным праздником был Новый год — Науруз, который отмечали в день весеннего равноденствия (Михриган). Специально, очевидно, городской праздник устраивался в Пайкенде в 7-й день 4-го месяца. В праздничные дни приготовлялись определенные кушанья. Был один праздник, когда, по словам Бируни, пили «хороший чистый виноградный сок». Некоторые праздники сопровождались ярмарками, устраиваемыми или повсеместно, или же в определенных пунктах. Некоторые были связаны с началом или окончанием земледельческих работ и, вероятно, отмечались только сельскими жителями (Бируни, I, с. 253). Об отдельных обычаях, которые также были связаны с календарными датами, и в первую очередь с Новым годом, мы узнаем из других источников. Так, согласно сообщению китайской хроники, в день Нового года жители Самарканда надевали новые одежды, стригли волосы и бороды. О Самарканде также сообщается, что в связи с Новым годом в нем проводились состязания в стрельбе из лука; заканчивались они тем, что из бумаги с прикрепленной к ней золотой монетой делалась мишень и попавший в монету стрелок объявлялся царем на один день (Chavannes, 1903, p. 133). Народный характер носил праздник в 11-м месяце, сопровождавшийся играми, когда «с бубнами и пляскою просят мороза и забавляются обливанием друг друга водой» (Бичурин, II, с. 310).

В отличие от указанных праздников и обычаев, которыми уже давно интересовались ученые, история игр народов Средней Азии — область, почти совершенно не затронутая исследователями. Только шахматная игра привлекла к себе определенное внимание (Орбели, Тревер, 1936).

Между тем накопленный в археологии материал, несмотря на общую его недостаточность, говорит о том, что игры занимали в быту населения большое место. Для суждения о характере таких игр в условиях города интересный материал получен при исследовании Пенджикента. С самого начала раскопок почти повсюду в нем стали встречаться бараньи позвонки — астрагалы. В ряде случаев их находили большими скоплениями, до 100 экз. и более. Эти находки позволили высказать предположение, что астрагалы специально отбирались для игры в «альчики», доныне одной из наиболее распространенных детских игр. Предположение это вполне подтвердилось, когда были найдены утяжеленные битки — астрагалы, окованные железными кольцами. В отдельных случаях астрагалы оказались с пробуравленными в центре дырками, очевидно некогда залитыми свинцом. Но едва ли не наиболее интересной находкой является «альчик», отлитый из бронзы, передающий очень точно форму астрагала. Находка эта, насколько известно, уникальна; она выразительно свидетельствует об увлечении указанной игрой. Столь же интересной и показательной

следует признать миниатюрную подвеску в форме астрагала, которая была найдена на цитадели Пенджикента в кладе вместе с ценными предметами. Вполне вероятно, что такие подвески были амулетом—приносили удачу в игре. Все это, очевидно, свидетельствует о том, что игрой увлекались не только дети, но и взрослые. О другой игре, сохранившейся до настоящего времени, говорит находка при раскопках одного из парадных залов Пенджикента большого скопления глиняных обожженных шариков величиной каждый с небольшой лесной орешек. Такие шарики сравнительно часто находят во время археологических работ и в других пунктах Средней Азии. О том, для чего они были предназначены, высказывались различные предположения. Им приписывают, например, магическое значение (Толстов, 1946, с. 175). Но в действительности эти шарики несомненно служили предметом игры.

Менее ясным является характер игры, в которой применялись найденные в Пенджикенте небольшие глиняные столбики высотой в среднем около 5—7 см. Довольно грубой ручной выделки, круглые или четырехугольные в сечении, они имеют уплощенное, несколько расширенное основание, делающее их устойчивыми. Эти предметы чаще всего напоминают головки остромордого зверька, скорее всего собаки. Бируни упоминает о пешках игры в нарды, называя их собаками, хотя, как видно из описания, в его время они имели простые геометрические формы (Бируни, Минералогия, с. 172, 175). Не является ли данное название для времени Бируни (XI в.) отголоском более раннего периода, когда пешкам названной игры придавали форму этого животного? Но, к сожалению, для ответа на этот вопрос никаких данных у нас не имеется. Однако то, что найденные предметы являлись пешками определенной настольной игры. кажется вполне допустимым.

Несомненно распространенной была игра в кости, о чем говорят нередкие находки самих метательных костей. Интересно, что наряду с обычной их формой — в виде кубиков, на гранях которых выгравировано от 1 до 6 очков, совершенно сходных с современными игральными костями, найдены метательные кости в виде параллелепипедов, брусочков с очками от 3 до 6 на четырех длинных гранях. Последние, как показала находка на горе Муг, выделывались и из дерева. Разные формы костей предполагают существование различных видов самих игр. С одной из таких игр нас знакомят пенджикентские стенные росписи.

На одном фрагменте представлена сложная многофигурная композиция. Сцена игры входила в целый цикл эпизодов, составлявших единое повествование. Игрой заняты двое мужчин. Между ними лежит доска, раскрашенная в разные цвета. Все поле доски разделено на две половины, отделенные друг от друга широкой вертикальной полоской синего цвета. Обе стороны поля в свою очередь делятся на пять горизонтальных полос — по три белых, разделенных двумя красными полосами. На белых полосах, как можно полагать, расставлены пешки — по пяти на каждой. Все пешки окрашены в одинаковый синий цвет. Очевидно, игра еще не начиналась. Один из игроков, судя по положению поднятой руки, сжатой в кулак, собирается бросить кость. Трудно сказать, насколько точно изображена доска. Но кажется несомненным, что в этой игре следует видеть игру в нарды. То, что эта игра, ныне столь широко распространенная на всем Ближнем Востоке, была известна и в Средней Азии в интересующее нас время и велась с азартом, подтверждает любопытный рассказ ат-Табари, датируемый 737 г.

О существовании спортивных игр и состязаний мы узнаем по пенджикентским стенным росписям. На одном из фрагментов живописи, открытой в 1964 г., оказалась сцена спортивной борьбы. Двое мужчин-борцов изображены в момент схватки. Обхватив спину друг друга через

плечо сомкнутыми руками и широко расставив ноги, каждый из них ожидает удобного мгновения, чтоб бросить своего соперника наземь. Этот вид спортивной народной борьбы сохранился до наших дней и пользуется большой популярностью у населения Средней Азии («кураш» у узбеков и «гуштин-гири» у таджиков). Прием борьбы, показанной на росписи, является для современной игры одним из наиболее характерных.

Археологические находки дают некоторое представление о детских играх и игрушках. Для детей были предназначены часто встречающиеся среди керамических изделий погремушки и свистульки, оформленные в виде птиц и животных. По всей вероятности, многие терракоты, особенно сделанные от руки примитивные фигурки животных и миниатюрные глиняные сосудики, также являлись предметами детских игр.

* * *

Картина материальной и духовной жизни, как и быта раннесредневекового города Средней Азии накануне арабского завоевания, нарисованная выше, не может, разумеется, исчерпывающе отобразить всю полноту реальной обстановки. Картина эта так же фрагментарна, как и источники, письменные и археологические, лежащие в основе исследования. Однако новые материалы, полученные археологами в последние десятилетия, убедительно свидетельствуют, что в VI—начале VIII в. города в экономическом и культурном отношении достигли высокой ступени развития. Расцвет феодального города в последующий после арабского завоевания период, как это будет показано в следующей части книги, был подготовлен достижениями указанных веков.

Часть вторая

ГОРОД В КОНЦЕ VIII—НАЧАЛЕ XIII в.

Глава I

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКИ

Через VIII в. проходит граница, разделяющая два больших периода истории Средней Азии. Вторжение арабов, принесших с собой новую религию и государственный язык, включение мелких феодальных княжеств в систему единого государства, установление новых культурных и экономических связей привело к существенному изменению всего облика духовной и материальной культуры. Поскольку перечисленные факторы были связаны с арабским завоеванием, то принято называть эти периоды доарабским (домусульманским) и послеарабским (мусульманским).

Однако не само арабское завоевание, затянувшееся почти на столетие, образует границу между ними. Как отмечено в предыдущих главах, между материальной культурой конца VII в. и середины VIII в. нет существенной разницы. «Грань между „старым“ и „новым“ в истории материальной культуры Самарканда лежит где-то близко к середине VIII в.», — отмечает А. И. Тереножкин (1950б, с. 165). Именно в это время произошло очень важное политическое событие — движение Абу Муслима, которое привело к свержению Омейядов и уравнению в правах арабской и ираносреднеазиатской знати. Последней не удалось вернуть политическую независимость, но служба при дворе халифа раскрывала для владетелей небольших княжеств очень широкое поле деятельности и небывалые возможности для обогащения. Ради этого можно было смириться с потерей политической независимости и расстаться с религией и языком предков. Ислам в ту пору находился в стадии формирования правовых и этических норм. Принятие его представителями разных культур, с различными юридическими и этическими нормами способствовало проникновению их в ислам, если только они не противоречили его коренным принципам, и делало его более приемлемым и понятным. Ислам постепенно превращался из религии завоевателей, принятой завоеванными «ради живота своя», в вероваание по убеждению, в собственную религию. Важность переворота, происшедшего в ту пору, хорошо сознавали средневековые авторы, один из которых писал: «И отошла вера магов от дихканов, и они приняли ислам во время Абу Муслима, и была эта перемена [веры] похожа на начало новой религии» (Розен, 1889, с. 156, прим.). Этот процесс не был кратковременным и легким, переворот Абу Муслима — только начало его. В течение трех десятилетий шла тайная и открытая война старой и новой идеологии, нашедшая последнее и самое яркое выражение в вос-

стании Муканны (776—780 гг.), с разгромом которого, по нашему мнению, кончается переходный период и начинается новый этап истории.

В конце VIII в. в основном завершается исламизация Средней Азии, все более усиливается роль местной знати (при одновременном исчезновении ряда правящих династий: бухар-худаты, ихшиды Согда). Некоторые ее представители достигают высших постов в государстве: выходец из Балха Йахйа б. Фадл ал-Бармаки, наместник Хорасана в 794—795 гг., везиры Аббасидов из того же рода и др. После смерти ар-Рашида столицей Халифата становится Мерв; ал-Мамун, избравший его своей резиденцией (809—818 гг.), смог свергнуть ал-Амина и воцариться в Багдаде только с помощью феодалов Хорасана и Мавераннахра, которые вместе с ним торжественно вошли в столицу Халифата. В Багдаде возникли целые кварталы, заселенные воинами из хорезмийских, согдийских, ферганских и других отрядов. Все это не могло не способствовать установлению значительного единства культуры от Багдада до Ферганы. Начавшись в узком кругу культуры феодальной верхушки, процесс унификации захватывал все более и более широкие сферы. Этому способствовали условия единого государства, единство религии (игравшее в средние века едва ли не бóльшую роль, чем единство национальное), разнообразные и дальние экономические связи внутри этого государства и т. д. Многочисленные торговые поездки, странствия ученых «в поисках знания» расширяли кругозор людей и способствовали переносу достижений ремесла, науки и искусства. Средством общения, обеспечившим сближение, служил арабский язык, но уже не как язык завоевателей, а как фактор культуры, науки и религии.

Особенно интенсивно шло слияние культур Хорасана и Мавераннахра, сопровождавшееся распространением единого для всей Средней Азии и Ирана новоиранского языка «фарси-дари». Мы не будем углубляться в вопрос о месте первоначального бытования диалекта, легшего в его основу (Оранский, 1960, с. 231—236). Достаточно сказать, что к середине X в. он вытеснил согдийский язык и значительно потеснил хорезмийский.

Установление централизованной власти, сокращение междоусобных войн, возможность беспрепятственной торговли на всей территории мусульманского мира положительно сказались на развитии экономики Средней Азии и росте городов. После непродолжительного периода восстановления разрушений, вызванных арабским завоеванием, города Средней Азии, плотно застроенные, словно втиснутые в узкое кольцо городских стен, в IX в. выплескиваются из него и просторно растекаются по окрестным землям. Теперь не стены, а могущество государства гарантировало безопасность города.

Выделение из Халифата самостоятельного государства Саманидов, включавшего в начале X в. всю Среднюю Азию и Хорасан, не привело к культурному обособлению Средней Азии от Ирана и Ближнего Востока, но способствовало формированию в рамках этого государства новой народности, таджикской, с богатой культурой, основанной на сплаве местных традиций с достижениями других областей Халифата. На этой почве родились такие гиганты, как ал-Фараби, Ибн Сина и ал-Бируни.

Культурное единство, возникшее в саманидском государстве, в значительной степени было верхушечным явлением. Экономические взаимосвязи и уровень социально-экономических отношений не достигли той ступени, когда возможно сложение прочного национального государства на большой территории. Просуществовав около столетия, держава Саманидов пала под натиском Караханидов.

Караханидское завоевание в 999 г. и движение сельджукских туркмен надолго разделили Среднюю Азию на Хорасан и Мавераннахр и положили

начало их тюркизации, растянувшейся на много веков. Одновременно происходили оседание кочевого населения с возникновением чисто тюркских городов на северо-востоке Средней Азии и появление тюркского элемента в старых иранских и таджикских городах.

Общее направление развития социально-экономических отношений в этот период, по всей видимости, заключалось в установлении удельной системы и преобладании условного феодального землевладения над безусловным. В Хорасане, вошедшем в состав государства сельджуков, утвердилась система икта — предоставление войску (целым племенным отрядам и отдельным военачальникам) вместо жалованья права получения налогов непосредственно с определенных податных округов.

В Мавераннахре эта система, кажется, не получила распространения. Страна распалась на ряд удельных княжеств с различной степенью зависимости от верховного хана. Единственной вооруженной силой, на которую опиралась власть ханов, было войско кочевников, завоевавших страну, а господствующим сословием — военная аристократия. Однако государственным аппаратом управляло чиновничество из местных землевладельцев-горожан. Сложилось своеобразное положение, когда вооруженная сила оказалась в руках одной группы феодалов, а государственный аппарат — в руках другой. Этим во многом определялась внутриполитическая история караханидского государства. Завоевание Мавераннахра сельджуками в 1089 г. не изменило государственного строя и структуры общества. Объединение всей Средней Азии и Хорасана под властью одного сюзерена было чисто формальным.

Немаловажное значение в борьбе различных политических сил имела позиция мусульманского духовенства, которое пользовалось огромным влиянием на умы современников, как оседлого населения, так и новообращенных мусульман-кочевников. Покровительство ханов и различные привилегии способствовали накоплению духовенством значительных земельных владений; к их религиозному авторитету прибавился экономический вес в обществе.[1]

Но как бы ни были успешны попытки ханов привлечь на свою сторону феодалов-землевладельцев и население городов, единственно реальной вооруженной силой оставались кочевники. В этих условиях небольшое нарушение внутреннего равновесия в государстве могло вызвать серьезные политические последствия. Так, в 1141 г. столкновение хана Махмуда с карлуками привело к вмешательству кара-китаев, которое положило конец сельджукскому могуществу и облегчило возвышение Хорезма, подчинившего себе в начале XIII в. всю Среднюю Азию.

Политическая раздробленность Средней Азии в XI—XII вв. не оказала существенного влияния на ее экономическое и культурное единство. Продолжали развиваться ремесла и торговля, совершенствовалась строительная техника, в большинстве районов продолжали расти города. Наиболее интенсивный темп развития наблюдался в восточных, более отсталых, районах. Все же в целом это время не было благоприятным для процветания городов, для развития культуры и экономики. Неоднократные войны с участием больших масс кочевников причиняли значительный ущерб. В частности, очень тяжелой для Хорасана оказалась середина XII в., время «гуззской смуты», когда сильным разрушениям подверглись многие города. Тяжело сказалась также многолетняя война за обладание Хорасаном между Гуридами и Хорезмом.

[1] Мусульманское духовенство не имело церковной организации и не было сословно обособлено от других слоев общества; в частности, трудно провести границу между чиновничеством государственного аппарата и духовенством, так как духовные лица систематически занимали многие государственные посты, а судейство вообще являлось их монополией, поскольку право было религиозным.

В отличие от материальной культуры наука и литература Мавераннахра (в Хорасане положение было иным) в XI—XII вв. переживают некоторый упадок: прекращается развитие естественных наук, история вырождается в разновидность агиографии, в поэзии не появилось ни одного значительного имени. Только религиозные науки продолжали интенсивно разрабатываться.

Новое объединение Средней Азии в одном государстве произошло в первом десятилетии XIII в. под эгидой Хорезма. Но огромное государство хорезмшахов, претендовавших на власть во всей восточной части мусульманского мира, основывалось на той же шаткой опоре — войске кочевников, на этот раз кипчаков. Монгольское нашествие мгновенно разрушило эту империю и оставило грубый и болезненный рубец на теле Средней Азии, уничтожив не только города и села, но и исторические сочинения и документы. Этот небывалый разгром образует четкую верхнюю границу рассматриваемого нами периода.

* * *

Изучение средневекового города Средней Азии началось с прекрасной монографии В. А. Жуковского о Мерве, в которой на основании письменных источников и личного знакомства автора с городищем и архитектурными памятниками округи была изложена история города со всей возможной тогда полнотой. Долгое время она оставалась единственной в своем роде. «Во всякой другой отрасли исторической науки появление такого рода труда, как книга В. А. Жуковского о Мерве, вызвало бы целый ряд других исследований как о том же городе, так и о других городах той же эпохи и того же края . . . Между тем труд В. А. Жуковского прошел почти бесследно как для русской, так и для западноевропейской науки» (Бартольд, IV, с. 172). Причина этого крылась в отсутствии у Жуковского каких-либо исторических концепций развития города. Винить его трудно — начинать приходилось на пустом месте. Только В. В. Бартольд смог подняться над частностями. В 1904 г. после работ в Самарканде он высказал мысль о закономерности для среднеазиатского города перехода жизни из «первоначального поселения» (медины, шахристана) в пригород (рабад), образовавшийся при арабах (там же, с. 134, 139). В дальнейшем (1911—1912 гг.) при подробном исследовании этой проблемы на материале Мерва было окончательно установлено содержание терминов «медина», «рабад», «балад» (без чего трудно понять средневековые описания городов [2]) и подтверждено, что трехчастное деление характерно для домонгольского города (там же, с. 172—195). В те же годы В. В. Бартольд поставил и более общий вопрос — о городе как факторе прогресса общества, самостоятельной социальной и экономической силе (VII, с. 361—364), а спустя 10 лет коснулся взаимоотношений города и деревни (там же, с. 447—449).

Однако лишь проблема закономерностей топографического развития города, наиболее разработанная самим В. В. Бартольдом, хотя и не самая интересная в теоретическом отношении, была подхвачена его преемниками и получила популярность благодаря социологическому толкованию, предложенному А. Ю. Якубовским. По мнению последнего, шахристан и рабад — не просто разновременные, но и различные по социально-экономическому строю части города. Первоначально предполагалось, что шахристан по существу еще не город, а лишь «совокупность некоторого количества дихканских усадеб». Настоящий город складывается

[2] В рецензии на книгу Ле Стрэнджа (Le Strange. The Lands of Eastern Khaliphate. Cambridge, 1905) В. В. Бартольд особо подчеркнул ошибки, вызванные неправильным пониманием термина «медина» (Бартольд, III, с. 278).

на основе пригорода, где в VIII в. начало развиваться ремесло, выделившееся из домашнего производства. Только в IX в. исчезает личная зависимость ремесленников от феодалов. Постепенно пригород становится центром политической и экономической жизни города (Якубовский, 1932, с. 4—5). Окончательный вид эта концепция приобрела после первых лет раскопок Пенджикента: шахристан — особый тип дофеодального города, с замкнутым усадебным хозяйством; свободное ремесло и торговля, растущие с развитием феодальных отношений, находят приют в рабадах, появившихся перед арабским завоеванием; победа феодализма означала перенос всей жизни в рабады и гибель шахристанов (ИНУз, с. 204—216, 237—238; Якубовский, 1951б).

Концепция А. Ю. Якубовского нашла широкое признание среди историков и археологов и сыграла положительную роль в изучении среднеазиатского города, направив внимание исследователей на историческую топографию как объективное свидетельство развития города. Однако по мере накопления материала в связи с широким археологическим исследованием Средней Азии росло количество фактов, не укладывавшихся в ее рамки. Оказалось, что большинство шахристанов продолжало жить и после образования рабадов, что многие города состояли не из трех, а из большего или меньшего количества составных частей.

Это дало повод еще при жизни А. Ю. Якубовского высказать мнение, будто схема развития города, «вошедшая в науку со времени В. В. Бартольда . . . для всего феодального периода не приложима ни к одному из крупных городов Средней Азии» (М. Массон, 1950, с. 166; ср.: М. Массон, 1951б, с. 95). Со столь категорическим отрицанием научной ценности взглядов Бартольда—Якубовского нельзя согласиться даже при самом критическом отношении к ним. Важнейшее достижение А. Ю. Якубовского — вывод о специфическом характере домусульманского города и дихканстве как градообразующем населении — сохраняет свое значение до настоящего времени, хотя и нуждается в некоторых уточнениях. Самым слабым местом в его построениях является не триада кухендиз—шахристан—рабад, вокруг которой ведутся все споры, а недостаточная изученность социально-экономического строя города X—XII вв. Все разделы, посвященные ему, описательны и исходят из того, что внутренняя жизнь этого «характерного восточного города» достаточно ясна, поскольку мы хорошо знаем среднеазиатский город прошлого века. Не были даже сформулированы задачи, стоящие перед его исследователями.

После А. Ю. Якубовского исследовалась только количественная сторона развития города (территориальный рост, изменение характера застройки) и выявлялись новые памятники, если не считать одной статьи Б. А. Литвинского, в которой была предпринята попытка связать рост городов Южной Туркмении в XI—XII вв. с развитием феодальных отношений (Литвинский, 1953).[3] Объем материала, связанного с историей города, неизмеримо вырос, а теоретическое осмысление осталось на уровне 50-х годов.

В последнее двадцатилетие за рубежом началось интенсивное исследование общих проблем истории мусульманского города, прежде всего Ближнего Востока (Grünebaum, 1955; Cahen, 1958—1959; Ashtor-Strauss, 1956, 1959; Haurani, Stern, 1970, и др.). Правда, жизнь ближневосточного города лучше отражена в письменных источниках, имеется несколько обстоятельных средневековых историй отдельных городов, сведения которых хорошо интерпретируются благодаря сохранению в этих городах

[3] После 1953 г. сделано очень много для конкретного археологического изучения города, но все работы, в том числе и монографии, посвященные отдельным городам (Сухарева, 1958; История Самарканда, с. 78—158), не дают ничего нового в теоретическом отношении.

планировки и части древней топонимики. В Средней Азии только Бухара находится в сходном положении. Остальные города либо совершенно изменили свой облик и даже местоположение, либо если и сохранили древний костяк, то настолько обойдены вниманием средневековых авторов, что мы не можем судить о них без проведения обширных археологических работ.

Письменные источники по истории домонгольской Средней Азии достаточно полно охарактеризованы В. В. Бартольдом во введении к «Туркестану» (I). С тех пор появилось мало нового, и мы можем ограничиться только характеристикой источников, несущих наибольшую информацию о городе. Первое место среди них занимают географические сочинения. Географы IX—начала X в. — Ибн Хордадбех, ал-Йа'куби, Ибн Русте, Кудама — мало пишут о среднеазиатских городах, но их сведения могут быть использованы для изучения торговых путей и локализации многих населенных пунктов. Только в «Китаб ал-булдан» Ибн ал-Факиха (около 903 г.) имеется описание Самарканда, очень важное для суждения о его росте в IX в.

Основной материал дают три сочинения X в.: «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» ал-Истахри (около 930—933 гг., вторая редакция — около 950 г.), одноименное сочинение Ибн Хаукаля (до 967 г., вторая редакция — около 977 г.) и «Ахсан ат-такасим» ал-Мукаддаси (между 985 и 989 гг.). Ал-Истахри дает самые полные из известных нам описаний Бухары и Самарканда. Первое из них настолько точно, что могло быть сделано только жителем города.[4] Самарканд описан менее конкретно, хотя автор бывал в нем. Много сведений дает он о Мерве и более мелких городах. Интересный сравнительный материал для понимания терминологии предоставляет средневековый персидский перевод (Истахри, перс.).

Ибн Хаукаль значительно дополнил и переработал сочинение ал-Истахри, особенно в части, касающейся центра и запада мусульманского мира (ср.: Крачковский, 1957, с. 198—204); несколько обширнее у него и раздел о Мавераннахре. Обычно считается, что все дополнения этого раздела принадлежат Ибн Хаукалю и соответственно отражают состояние Мавераннахра во второй половине X в., но твердой уверенности в этом не было, так как известно, что существовала более полная редакция сочинения его предшественника, на которую указывали цитаты, сохранившиеся у других авторов.[5] После опубликования в Каире в 1961 г. нового издания ал-Истахри, с привлечением каирских рукописей, выяснилось, что многие дополнения по Мавераннахру, приписывавшиеся Ибн Хаукалю, имеются в рукописи, обозначенной в этом издании буквой «алиф». Хотя и после этого версия Ибн Хаукаля остается пространнее, за основу для исследования теперь лучше брать текст ал-Истахри (в его наиболее полной редакции) как исходный, тем более что Ибн Хаукаль опустил некоторые детали, имевшиеся у его предшественника.[6]

География ал-Мукаддаси совершенно оригинальна и мало зависит от сочинений предшественников.[7] Ее автор основывается прежде всего на собственных наблюдениях и старается как можно больше систематизировать свой материал и дать для каждой области однотипные сведения.

---

[4] Вероятно, оно восходит к ал-Джейхани.

[5] Некоторые из этих дополнений есть в готской рукописи ал-Истахри. Ср. дополнение о Дербенте у Йакута (I, с. 437—438) и в BGA (I, p. 184, n. *i*).

[6] Особенно много сведений, опущенных Ибн Хаукалем, в рукописи «алиф»: о правителях Сев. Кавказа (Истахри, К, с. 112, прим. 10); о шиизме жителей Каина (там же, с. 154, прим. 4); о рустаках Самарканда (там же, с. 181, прим. 4; имеется также в перс. пер.), и др. В некоторых случаях и в основном тексте ал-Истахри есть сведения, опущенные Ибн Хаукалем.

[7] Ал-Мукаддаси указывает среди своих источников не дошедшее до нас сочинение ал-Джейхани; заимствования из известных сочинений не обнаруживаются.

Он — единственный из географов, кто определил понятие «город» и в соответствии с этим определением дал перечень городов мусульманского мира по всем областям. Правда, описания городов и их характеристики у него противоречивы и не всегда достаточно понятны из-за склонности к стилистическим красотам, зато сведения о торговле, метрологии и обычаях жителей каждой страны не имеют себе равных.

Анонимная география конца того же века — «Худуд ал-алам» — не дает подробных описаний городов, но в ней есть некоторые детали, дополняющие картину, нарисованную предыдущими авторами.

Географические сочинения, написанные после X в., в разделах о Средней Азии обычно повторяют сведения географов IX—X вв. Это касается даже самого выдающегося из них — «Нузхат ал-муш так» ал-Идриси (до 1154 г.), повторяющего (со ссылками и без них) Ибн Хаукаля, хотя в некоторых случаях мы встречаем у него новый материал (в частности, самые подробные сведения о стране кимаков), датировать который, как правило, не удается.

Большие биографо-географические словари ас-Сам'ани (около 1155—1167 гг.) и Йакута (20-е годы XIII в.) также широко используют сведения предшественников, но их собственные сведения, особенно ас-Сам'ани о Мерве и Мервском оазисе, помогают проследить изменения в состоянии некоторых городов с X в. Кроме того, эти словари дают наиболее полный перечень населенных пунктов Средней Азии.

Другую группу важных для нас источников составляют истории городов. На первом месте среди них стоит «История Бухары» Наршахи (943-44 г.), содержащая богатейшие сведения о топографии и городской жизни. В 1128-29 г. она была переведена на таджикский язык и подверглась сильному сокращению, одновременно был добавлен материал по истории города в XI—XII вв. Это сочинение пользовалось большой популярностью, многократно переписывалось и переделывалось, из-за чего текст во многих местах оказался сильно искаженным.[8]

История второго крупнейшего города Мавераннахра, Самарканда, «Китаб ал-канд фи тарих Самарканд» («Кандийа») ан-Несефи подверглась еще большей переработке, так что мы не можем даже представить первоначальный характер сочинения. Вся историческая часть имеет полулегендарный и легендарный характер, лишь обрывок первоначального описания системы орошения представляет значительный интерес. Основное внимание редакторов «Кандийи» привлекали рассказы о подвигах благочестия самаркандских богословов. В результате история города свелась к описанию гробниц шейхов и чудес. Большинство других историй городов мусульманского мира также по существу является сборниками биографий выдающихся людей, история и топография города служат лишь введением к этой основной части.

Еще одна история Самарканда сохранилась в единственной рукописи Национальной библиотеки в Париже, но о ней мы можем пока судить лишь по ссылкам (Наршахи, Ф, с. 12). Остальные истории городов Средней Азии безвозвратно исчезли при монгольском завоевании, не оставив даже следов в более поздних сочинениях (Бартольд, I, с. 60—62).

Некоторым подспорьем могут служить истории иранских городов, прежде всего Нишапура, тесно связанного культурной и исторической общностью с Южной Туркменией. «История Нишапура», написанная по-арабски на рубеже X—XI вв., была позднее переведена на персидский язык и в этом виде дошла до нас (Нисабури). Несмотря на ее значительный

[8] Имеются два основных издания текста: Ш. Шефера (1892) и тегеранское (1938); в последнем привлечено много рукописей, но и оно не дает критического текста. Русский перевод Н. С. Лыкошина не отвечает современным требованиям, предпочтительнее пользоваться английским переводом Р. Фрая (Наршахи, Ф).

по сравнению с «Историей Бухары» объем, сведений об истории, экономике и социальных отношениях в ней немного. Но анализ списка более 3 тыс. ученых Нишапура помогает выяснить социальный состав городской интеллигенции. Много сведений об экономике и социальных отношениях содержат «История Кумма» Хасана б. Мухаммеда Кумми, написанная по-арабски в 988-89 г. (дошла в хорошем персидском переводе), и «История Бейхака» Ибн Фундука Бейхаки (XII в.). Широкое привлечение этих источников заманчиво, но использование их для исследования среднеазиатских городов требует больших оговорок, поскольку условия Южного Хорасана не во всем сходны со среднеазиатскими.

К сожалению, большинство письменных источников XI—XII вв. связано не с собственно Средней Азией, а с Хорасаном в широком смысле. Это «История Мас'уда» Абу-л-Фазла Бейхаки, «Тарих ал-Йамини» ал-Утби, «Житие» Абу Са'ида Мейхенейского, исторические труды Бундари, Джувейни и др. Среднеазиатские дела рассматриваются в них со стороны, взглядом из Хорасана и Ирана.

Особое значение имеют официальные документы, сохраненные в сборниках образцов официальной переписки, из которых мы использовали сборник документов канцелярии Санджара, составленный Мунтаджаб ад-дином в середине XII в., и аналогичное собрание документов 1182—1184 гг. из Хорезма. До последнего времени оставались неизвестными документы частного характера: купчие, вакфные пожертвования, завещания. Сейчас этот пробел начинает заполняться: в 1968 г. были опубликованы две вакфные грамоты Ибрахима Тамгач-хана (одна из которых датирована июнем 1066 г.; Khadr, 1967), а в Ташкенте готовится публикация нескольких частных актов XII в.

Представление о правовых и этических нормах, которыми регулировалась жизнь общества, дают юридические сочинения и наставления по хисбе.[9] Нами были использованы «Китаб ал-харадж» Абу Йусуфа Йа'куба, одноименное сочинение Йахйи б. Адама и разделы о налогообложении у Ибн ал-Факиха (изд. Бен Шемеша), «Ахкам ас-султанийа» ал-Маварди, «Ихйа улум ад-дин» и «Кимйа-йи са'адат» ал-Газали. Правда, пользуясь этим материалом, следует не забывать, что многие положения мусульманского права были просто благими пожеланиями теоретиков, не связанных с государственной службой.

Трактаты и наставления по хисбе больше отражают действительность, но все они связаны со Средиземноморьем и относятся к XII—XIV вв. Самый ранний (зейдитский) трактат из Северного Ирана имеет больше теоретический, чем практический характер. Единственный среднеазиатский трактат относится к XIII в.; он очень краток и содержит еще меньше конкретного материала (Синами).

Немало сведений о торговле, быте и взглядах горожан рассыпано в развлекательной литературе (адаб), но ограничить круг этих источников очень трудно.

Особняком стоит чисто беллетристическое произведение — «Роман об Абу Муслиме», написанный в конце XI или в XII в. В нем излагается легендарная история борьбы Абу Муслима с Насром б. Сейяром, развертывающаяся в основном в Мерве и его окрестностях. В. В. Бартольд, впервые использовавший его для изучения топографии Мерва, отметил, что все конкретные детали — сплошной анахронизм, но точно отражают топографию Мерва конца XI—начала XII в. (IV, с. 190). Первоначальный текст оброс бесконечными рассказами о победах сторонников Абу Муслима над врагами, заимствованными из городского фольклора, вос-

[9] Хисба — контроль за соблюдением предписаний ислама в быту, торговле и производстве.

хвалявшего проделки городских удальцов — аййаров. Эти рассказы незаменимы для воссоздания этического идеала городских низов. В огромном (свыше 1200 рукописных страниц) романе встречается немало интересных деталей городской жизни, упоминаются лица разных профессий и социального положения.[10] Другое произведение городского фольклора, посвященное аййарам, «Роман о Самаки-аййаре», еще недостаточно изучено и не привязывается к конкретному городу. Сведения о жизни горожан рассеяны и в поэтических произведениях, особенно в стихах поэтов-горожан, ремесленников и торговцев, но этот источник пока недостаточно исследован.[11]

Как мы видим, письменных источников, непосредственно связанных со Средней Азией, явно не хватает для глубокого исследования больших социально-экономических проблем истории города. Почти все они изучаются и используются в течение многих десятилетий, поэтому трудно надеяться найти в них принципиально новые сведения. Мало шансов и на выявление новых источников — рукописные собрания каталогизированы, новые поступления в них редки.

Единственный поставщик новых сведений — археология. И удельный вес ее данных о городе возрастает с каждым годом. Раскопки городов Средней Азии начались 100 лет назад, но более полувека археология оставалась иллюстратором сведений письменных источников, мастерски использованных В. В. Бартольдом. Серьезное профессиональное археологическое исследование Средней Азии началось только в 30-х годах. На первом этапе наибольший интерес исследователей вызывали древние, совершенно неведомые периоды ее истории — в сравнении с ними средневековье казалось хорошо известным. Возвращение к нему совершилось в 50-х годах (особенно важным событием оказалось начало систематических работ на Афрасиабе). Значительная часть материала раскопок последних 15—20 лет еще ждет публикации, но и то, что уже опубликовано, превосходит объем сведений, накопленных за предшествующий период.

Важнейшим достижением последних десятилетий явилось превращение археологического материала из иллюстративного придатка в самостоятельный источник объективных, зримых сведений о средневековом городе. Благодаря ему нам теперь известны особенности размещения, размеры и характер планировки основных городов нескольких исторических районов (Семиречье, Таласская долина, Чач и Ахангаран, Южная Туркмения, Средняя и Нижняя Сырдарья). По конфигурации и рельефу городищ мы можем судить о планировочной структуре примерно $^1/_3$ всех средневековых городов (главным образом крупных). В отношении десятка городов мы располагаем сведениями о росте территории, типе застройки, размещении некоторых ремесленных кварталов, уровне благоустройства. К сожалению, ни один город IX—XII вв. не раскопан столь полно, как Пенджикент, и все эти сведения разновременны и относятся к городам разных районов. Только благодаря раскопкам Афрасиаба можно надеяться связать их воедино и выявить степень типичности.

Значительный прогресс археологического изучения города, дающий нам массу конкретного материала, все же не привел еще к ощутимому сдвигу в теоретическом осмыслении истории города, его экономики и социальных отношений. Это в значительной степени объясняется особенностями археологического материала как исторического источника. Он безусловно более объективен, чем письменные источники, совершенно

[10] Из двух известных нам версий романа мы использовали ту, что представлена рукописью С 128 Института востоковедения АН СССР, но некоторые эпизоды извлечены и из рукописи С 129, представляющей другую версию.

[11] Эта тема была затронута Е. Э. Бертельсом в «Истории персидско-таджикской литературы».

свободен от классовой, религиозной и иной тенденциозности, которая так искажает картину прошлого, фиксируемую пером древних авторов, но он больше говорит сам о себе, чем об отношениях людей в обществе, его оставившем. Так, прогресс в общественных отношениях не всегда и не сразу отражается в прогрессе производства, внутригородская организация настолько слабо отражается в планировке, что это отражение может быть не обнаружено. Синхронизация известных исторических событий с изменениями, обнаруживаемыми на городище, не всегда надежна в силу неточности археологических методов датировки.

Увеличение объема раскопок и числа археологов не только ускоряет изучение прошлого, но и создает специфические трудности. Удельный вес личных археологических наблюдений каждого исследователя по сравнению с общей массой сведений быстро уменьшается, и возрастает доля материала, извлекаемого из публикаций. Между тем археологический документ (раскапываемый объект) в отличие от письменного не может быть идентично опубликован и содержать одинаковую информацию для раскопщика и исследователя, пользующегося публикацией. В процессе исследования он исчезает, сохраняясь лишь в графической документации, фотографиях, записях раскопщика и его воспоминаниях. Читателю же достается только то, что зафиксировано в документации, которая к тому же публикуется очень скупо. В первую очередь воспроизводятся вещи или эффектные архитектурные детали, а стратиграфия, на которой основывается датировка, в большинстве случаев остается в памяти раскопщика — инструменте неточном и недолговечном. Стратиграфические разрезы встречаются почти исключительно в отчетах о небольших раскопках. В остальных случаях стратиграфическая связь не документируется, а описывается словесно, как нечто второстепенное. В результате объективный по своей сущности материал гибнет в субъективном переложении. Нередко в публикациях отсутствуют даже такие традиционные формы документации, как планы; случается, что на планах городищ и раскопов отсутствует линейный масштаб, частные планы не привязываются к общим,[12] размеры на планах не соответствуют размерам, указанным в тексте.[13] Все это затрудняет использование археологического материала для исследования истории города.

Многие из этих недостатков — следствие отставания методики раскопок и публикации от резко расширившегося фронта работ, требующего более высокого уровня научной организации. Выработка единой методики археологического исследования города и надежного способа датировки, основанного на хорошо зафиксированной микростратиграфии больших площадей, установление единых требований к публикации являются насущными задачами среднеазиатской археологии.[14]

Как мы видим, состояние источников еще не позволяет создать стройную и всестороннюю историю среднеазиатского города и ответить на главный вопрос, занимающий сейчас умы урбанистов-востоковедов: в чем причина расхождения линий развития европейского и восточного города. Первым этапом на пути к его решению должно стать сведение воедино материала, касающегося среднеазиатского города, который разбросан по сотням статей, и пересмотр его в свете современной проблематики.

---

[12] В качестве свежего примера можно привести т. XIV «Трудов ЮТАКЭ» (1969), где ни один из описываемых объектов не привязан к плану городища. То же касается и сборника «Афрасиаб», в. 1 (1970). Еще удивительнее «Древняя Кува» (Булатова, 1972), где ни у одного плана нет масштаба.

[13] Этим нередко грешил А. Н. Бернштам (ср.: Кожемяко, 1959, с. 19).

[14] Первой попыткой коллективного обсуждения проблем археологического исследования города было совещание во Фрунзе в ноябре 1970 г., организованное Научным советом по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана (Большаков, 1971).

Применительно к среднеазиатскому городу можно наметить следующие направления исследования.

1. Количество городов и их изменения по районам и Средней Азии в целом, влияние арабского завоевания; пути возникновения новых и причины гибели старых городов; размеры и составные части города (вопрос о трехчленной структуре), темпы роста и периоды его наибольшей интенсивности, роль политических факторов, соотношение роста мелких городов и крупных центров; численность населения, соотношение городского и сельского населения.

2. Выявление первоначальной планировки и направление ее изменения; изменение типа застройки; размещение общественных и культовых построек, ремесленных и торговых кварталов, степень стабильности их размещения; соотношение жилых и торгово-ремесленных кварталов, степень их изолированности, благоустройство.

3. Ведущие отрасли ремесла, количество населения, связанного с различными видами экономической деятельности; удельный вес внутригородского спроса в общем объеме спроса на ремесленную продукцию; экономические связи город—сельская округа, город—кочевая степь, город—другие города, роль дальней транзитной торговли; организация ремесла и торговли, финансовое дело; соотношение ремесла, торговли, внутригородской и сельской ренты в сложении богатств города.

4. Государственно-правовое положение города, степень внутренней автономии, его взаимоотношения с государственной администрацией, налогообложение горожан; город как административный, культурный и религиозный центр; взаимоотношения города и деревни.

5. Классовое расслоение горожан, состав городской верхушки, соотношение свободного, наемного и рабского труда; объединения горожан, классовая борьба и ее идеологическое оформление, мировоззрение горожан и классовое самосознание.

Решение всего комплекса вопросов не под силу одному человеку. Мы попробуем лишь рассмотреть имеющийся археологический материал в свете названной проблематики и дать предварительный обзор истории среднеазиатского города с конца VIII по начало XIII в.[15]

[15] Автор пользовался только опубликованным материалом, причем поскольку работа была завершена в 1969 г., более поздние публикации использованы не систематически.

Глава II

ПОСЛЕДСТВИЯ АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Целое столетие в истории Средней Азии так или иначе связано с арабским завоеванием. Военные действия в течение такого долгого времени, появление новой политической силы и нового этнического элемента не могли не отразиться на жизни страны. Последствия завоевания оказались глубже, чем можно было ожидать от обычного нашествия кочевников, как иногда его квалифицируют: «Арабы в середине VII в., когда ими был завоеван Мерв, не представляли еще общества, перешедшего в оседлое состояние. В подавляющей массе они были кочевниками, сохранившими еще родо-племенные отношения, но уже являвшими собой классовое общество дофеодального типа» (ИНУз, с. 154). Иногда первобытнокочевое состояние арабов дотягивают до середины VIII в., считая, что если «арабы предпочитали жить в шатрах» и Абу Муслим, осаждая Мерв, жил в палатке, то это характеризует общество, враждебное оседлой цивилизации (Пугаченкова, 1958а, с. 144).

Естественно, что завоеватели-кочевники не могли ни содействовать развитию экономики Средней Азии, ни принести ей более развитые социальные отношения, так же как они не внесли существенных изменений в социально-экономические отношения Ирака, Сирии, Египта. Даже своеобразно оформленное мусульманское право оказывается в конце концов наследником римского и сасанидского. Налогообложение и аграрные отношения изменялись очень постепенно. Менялись не столько взаимоотношения между земледельцем и землевладельцем, сколько сами владельцы. Наиболее заметные изменения произошли в политическом и социально-правовом положении отдельных групп общества и в некоторых проявлениях повседневной жизни.

И все же, хотя появление арабов в Средней Азии не могло изменить социально-экономических основ общества, для современников оно было событием огромной важности, резко переломившим их жизнь. То, что для историка справедливо кажется частным моментом, не сравнимым по масштабам с большими эпохальными изменениями, то для современника является главным, заслоняющим остальное, поскольку эти частности повседневно касаются его лично. Приход завоевателей всегда неприятное событие, даже если он не несет с собой кардинальных изменений в строе общества и не сопровождается жестокостями, так как из-за него все слои общества опускаются в своем подчинении на ступеньку ниже.

Между арабским завоеванием Ближнего Востока и завоеванием Средней Азии имеется существенное различие. Ближний Восток был завоеван быстро и сравнительно мирно, без существенного ущерба для экономики, причем местные жители относились к завоевателям если не дружелюбно, то во всяком случае без резкой враждебности. Среднюю Азию арабы завоевывали 70—80 лет. Через Согд прошло больше десятка военных экспедиций; каждый раз они сопровождались грабежами и пожарами, следы которых нередко попадаются археологам. Десятки тысяч горожан были угнаны в рабство, десятки миллионов драхм безвозвратно уплыли в центр Халифата. Однако в пределах столетия, которое называется периодом арабского завоевания, наряду с разрушениями и упадком некоторых городов произошло несомненное развитие Мерва и Бухары, появились новые, неизвестные прежде учреждения (вроде государственной почты).

Все это трудно понять, если рассматривать данное столетие как единый и одинаковый для всех областей Средней Азии период, характеризующийся только вторжением диких кочевников. Начать хотя бы с того, что между арабами, завоевавшими Хорасан, и арабами Кутейбы была огромная разница. Первые не имели административного опыта, своего бюрократического аппарата, развитой правовой системы. Самое лучшее, что они могли сделать, — не трогать местную администрацию, лишь бы она обеспечивала поступление дани. Правда, и тогда в Хорасан вторглась не часть кочевого народа, переселявшаяся со всем имуществом и семьями, а армия, составленная в значительной части из бедуинов и разделенная по племенному принципу, но направляемая государством, во главе которого стояли горожане. Вся элита мусульманского общества — сподвижники Мухаммеда — состояла из торговцев, ремесленников, земледельцев, из кого угодно — только не из кочевников.

Лишь первые 5—10 лет после завоевания Мерва арабы жили военным лагерем вне города, но после 665 г. гарнизон обосновался в городе (Гардизи, с. 78; МИТТ, с. 227). Это был именно гарнизон, а не переселенцы, так как у многих семьи остались в Куфе и Басре. Для закрепления в стране нужно было заселить ее. Поэтому в 671 г. Му'авия распорядился переселить в Хорасан 50 тыс. арабов с семьями; одновременно и солдаты мервского гарнизона взяли к себе семьи (Балазури, с. 460; Табари, II, с. 155). К середине 70-х годов, когда начались набеги на Мавераннахр, арабы совершенно обжились в Мерве и соседних городках.[1]

Судьбы Северного Хорасана и Мавераннахра сложились различно. Хорасан был завоеван сразу и не подвергался многократным нашествиям и ограблениям; более того, когда началось систематическое завоевание Мавераннахра, Хорасан в какой-то мере богател за счет его ограбления. Поэтому трудно ожидать, чтобы запустение городов, отмечаемое в Южной Туркмении и связываемое с арабским завоеванием, могло относиться к концу VII—началу VIII в. Другое дело Мавераннахр: в течение нескольких десятилетий он был ареной ожесточенной борьбы, в результате которой ряд городов в 30-х годах VIII в. запустел. Иными были и завоеватели, захватившие Мавераннахр. Большинство их стало горожанами, за их спиной находилось мощное государство, создавшее за это время свою администрацию, свою монетную систему, свою систему налогообложения, имевшее хорошо организованную армию и службу связи. В рядах мусульман имелись теперь опытные администраторы, часто, правда, не из арабов, а из хорасанцев, выступавших по отношению ко вновь завоеванным областям как одно целое с арабами. Конечно, эти изменения не смягчили жестокостей войны, но у завоевателей появился новый взгляд на

[1] Арабские авторы упоминают 10 селений, заселенных арабами в конце VII—начале VIII в. (Табари, II, с. 1026; Ибн Са'д, VII, с. 2, 104, 109; Йакут, I, с. 565, 757; II, с. 11, 572; IV, с. 700; ср. ниже, с. 166).

вещи и влияние их на жизнь покоренных областей было иным, чем в середине VII в. В Хорасан арабы не могли принести ничего нового, в Мавераннахр же они пришли с освоенным и переработанным опытом сасанидской государственной системы, проводниками которой явились многочисленные мусульмане из Хорасана и Западного Ирана. И если политически Мавераннахр был завоеван арабами, то в культурном отношении его завоевали хорасанцы. Неизвестно, насколько культура Хорасана была выше согдийской или хорезмийской, но факт культурной и политической гегемонии Хорасана над Мавераннахром в VIII в. не оставляет сомнения.

Рассмотрим теперь изменения, которые могли произойти в социально-экономических отношениях Средней Азии в связи с арабским завоеванием. Северный Хорасан являлся частью империи Сасанидов, но о характере взаимоотношений между центральной властью и местными правителями можно только догадываться. Скорее всего здесь существовали полунезависимые феодальные княжества, платившие определенную дань,[2] но о государственных чиновниках, ведавших сбором дани, нет никаких сведений. Балазури (с. 404—405) упоминает «владетеля Нисы» (сахиб Ниса), мерзбана Серахса Задуе, мерзбана Туса, мерзбана Мерверруда (Балазури, с. 406; Табари, I, с. 2898, 2899) и известного мерзбана Мерва Махуе, предавшего Йездигерда III (Балазури, с. 316; Табари, I, с. 2873—2880; МИТТ, с. 92—96). Некоторые владетели называются неопределенным словом «азим» — «великий», «знатный», как например правители Абиверда и Герата (Балазури, с. 404). Что это не описательное наименование, а какой-то реальный титул, переданный по-арабски, свидетельствует употребление его в тексте договора арабов с Гератом: «. . . вот что повелел Абдаллах ибн Амир азиму Герата, Бушенджа и Бадгиса» (Балазури, с. 405; ср.: Смирнова, 1970, с. 39).

Город был средоточием власти, главным опорным пунктом, олицетворением всего владения. Завоевание его означало завоевание всей подчиненной ему округи. Подойдя к городу, арабы сначала предлагали признать их власть и выплачивать дань; в случае согласия заключали мирный договор, фиксировавший обязанности обеих сторон, если же город сопротивлялся, то после штурма его грабили, защитников обращали в рабство и назначали более высокую дань. Позднее мусульманские правоведы связывали со способом завоевания характер налогообложения, и поэтому мусульманские историки тщательно отмечают, как был завоеван город: «мирно» или «силой». На первых порах договор не затрагивал политического строя завоеванных областей: оставались прежние владетели, на которых возлагался сбор дани; это особо фиксируется в договорах. В кратком пересказе условий договора с Мервом функции договаривающихся сторон определены лаконично и выразительно: «На них лежит раскладка денег, а мусульмане должны только получать их» (Балазури, с. 405—406; МИТТ, с. 67). В этой формулировке, возможно, были заинтересованы не столько завоеватели, сколько сами местные феодалы, желавшие подтверждения своей власти над подданными, одной из важнейших прерогатив которой был сбор налогов. Недаром, когда при Али власть арабов в Хорасане пошатнулась, Махуе сам поехал в Куфу к халифу, чтобы получить подтверждение своих прав. Халиф «написал для него дихканам и всадникам, и дихсаларам, чтобы они платили ему джизью» (Балазури, с. 408). Местные владетели сохраняли за собой почти всю полноту власти, в некоторых случаях даже получали освобождение от налогов. Например, мерзбан Мерверруда и все его родственники были освобождены от хараджа (Табари, I, с. 2898).

---

[2] Когда Йездигерд прибыл в Мерв, то потребовал выплаты денег от мерзбана Мерва (Балазури, с. 316; МИТТ, с. 62).

Мусульманские историки сохранили ряд цифр, дающих представление о размерах дани, установленной арабами: Мерв — 2 млн 200 тыс. дирхемов (по другим сведениям — 6 млн 200 тыс.) (Табари, I, с. 2888; Балазури, с. 405); Нишапур — 1 млн (или 700 тыс.) (Балазури, с. 404); Самарканд — 2 млн 200 тыс. (или 700 тыс.) (Табари, II, с. 1245; Балазури, с. 421); Абиверд — 400 тыс. (Балазури, с. 405); Ниса — 300 тыс. (там же, с. 404); Рустак Ахнафа — 300 тыс. (там же, с. 406); Мерверруд — 60 тыс. или 600 тыс. (Табари, I, с. 2898—2899; Балазури, с. 406); Бухара — 210 тыс. (Наршахи, Ш, с. 51).

Разнобой в цифрах, характерный для средневековых источников, и склонность устной племенной традиции (на которую опираются наши авторы) к фантастическим преувеличениям во славу предков [3] заставляют отдавать предпочтение меньшим из приводимых цифр. В самом деле, выплата Самаркандом или Мервом 2 млн 200 тыс. дирхемов ежегодно должна была в кратчайший срок полностью разорить население. Однако соображения подобного рода еще не являются доказательством и, главное, не помогают выявить истину.

Ясность внес текст договора Кутейбы с Самаркандом, опубликованный в 1948 г. (Ибн ал-Аʿсам, с. 419—420; Смирнова, 1957; 1960; 1970, с. 206—212). Оказалось, что Самарканд должен был внести 2 млн контрибуции и затем ежегодно платить по 200 тыс. При переписках эта фраза была искажена и получилось «2 млн 200 тыс. ежегодно». По-видимому, это справедливо и в отношении Мерва. Реальность ежегодной дани в 200 тыс. с большой области подтверждается взиманием аналогичной суммы с Бухары. В таком случае сумма, получаемая с Нисы и Абиверда, скорее всего соответствует контрибуции, а не ежегодной дани.[4]

Вряд ли размеры дани были случайными, можно думать, что в Хорасане они в основном соответствовали суммам, выплачивавшимся Сасанидам. Если это так, то положение завоеванных ухудшалось только из-за необходимости уплаты огромной контрибуции и предоставления постоя вражеским войскам, что вменялось в обязанность населению по договору. Уже в договоре с Мервом оговаривается, что жители должны «дать место мусульманам в своих домах»; вероятно, сначала имелся в виду только кратковременный постой [5] (поскольку впервые арабы поселились в городе только в 665 г.), но потом они стали конфисковывать часть домов в городе и селиться в них. Во время завоевания Мавераннахра одним из условий договоров стала передача завоевателям половины домов в городах, как например в Бухаре (Наршахи, Ш, с. 51).

До самого конца VII в. сбором налогов в Хорасане ведали местные владетели, поэтому иногда создавались совершенно недопустимые с точки зрения арабов-мусульман ситуации, когда им приходилось платить налоги дихканам. В 696 г. в соборной мечети Мерва арабы племени Темим поносили наместника, говоря: «Он отдал нас во власть дихканов при сборе подати [джибайа] » (Табари, II, с. 1029). По-видимому, Умейя впервые провел в Хорасане принцип мусульманского права, опирающийся на авторитет Омара, что хараджная земля при перемене владельца не меняет налогового статуса. Арабы, купившие землю у местных жителей, должны

---

[3] По бахилитской традиции, Кутейба вывез из Самарканда 100 тыс. рабов (Табари, II, с. 1246), по аздитской традиции, ал-Мухаллаб захватил в Хорезме 50 млн дирхемов (Табари, II, с. 394), тогда как у Балазури говорится только о 400 тыс. дирхемов (Балазури, с. 413). К сожалению, такие тенденциозные цифры иногда используются без всяких оговорок (Смирнова, 1970, с. 260, 265).

[4] Это подтверждается тем, что в начале IX в. округ Серахса, примерно равный абивердскому, платил 98 тыс. дирхемов (BGA, VI, p. 35—36; МИТТ, с. 145—146).

[5] Трехдневный постой с обеспечением постояльцев питанием и фуражом предусматривался договорами с жителями Сирии (Балазури, с. 125) и Египта (Ибн Абд ал-Хакам, с. 152).

были платить за нее налог, а сбором его по-прежнему ведали дихканы. Таким образом, мы узнаем, что процесс обзаведения арабов домами и другой недвижимостью, начавшийся при Сa'иде б. Османе, не ограничился территорией города, завоеватели начали скупать хараджные земли и превращаться в землевладельцев.

На рубеже VII и VIII вв., когда началось систематическое завоевание Мавераннахра, Хорасан был уже в значительной степени исламизирован и обжит арабами, по образу жизни значительно сблизившимися с хорасанцами. Арабы уже хорошо ознакомились с Мавераннахром, в котором они не раз побывали во время набегов; можно даже предполагать наличие у них примитивных карт местности. В 708 г. после неудачного похода Кутейбы на вардан-худата разгневанный ал-Хаджжадж приказал ему прислать карту, на основании которой был разработан план кампании (Табари, II, с. 1199; Бал'ами, с. 684).

Арабское завоевание не было для Мавераннахра чем-то неслыханным: за предшествующие 250 лет он дважды надолго оказывался под властью пришлых завоевателей — сначала эфталитов, а потом тюрок. Владычество последних прекратилось почти одновременно с появлением арабов в Средней Азии. По существу оазисы Мавераннахра лишь с 630 по 700 г. пользовались фактической независимостью.

С падением тюркского каганата исчезла видимость политического единства страны. Мавераннахр распался на десятки княжеств, состоявших из еще более мелких вассальных владений. Единственным крупным объединением, представлявшим реальную военную и политическую силу, была согдийская конфедерация. То, что мы знаем, позволяет думать, что в ней господствовала характерная феодальная структура общества, с многостепенной системой вассалитета, на вершине которой стоял ихшид Согда. Особенностью ее, вероятно, было не условное, а вотчинное владение уделами. Арабам противостояла профессиональная, хорошо вооруженная армия дихканов, гораздо более стойкая, чем сасанидская. Сила ее была не в количестве, а в качестве воинов, в отличной индивидуальной выучке каждого рыцаря-дихкана и его дружинников — чакиров. Показательно, что отряд чачских дихканов, присланных на помощь Гуреку в 712 г., на который возлагались большие надежды, состоял всего из нескольких сот человек (Табари, II, с. 1213; Бал'ами, с. 683; Ибн ал-А'сам, с. 417).

Тяжеловооруженная рыцарская конница согдийцев, которую мы хорошо представляем по пенджикентским росписям, ни по вооружению, ни по численности не уступала арабской; возможное превосходство арабов в пехоте и легкой кавалерии сводилось на нет участием в борьбе против них многочисленной тюркской конницы.

Исход борьбы решила политическая раздробленность. В Мавераннахре в ту пору еще не существовало такого этно-политического единства, которое могло бы объединить его жителей как народность. С арабами боролся не народ (в национальном смысле), а феодальное дихканство; в системе многостепенного вассалитета этническая принадлежность дихкана не играла почти никакой роли.[6] И без того малая общность интересов правителя и подданных исчезала совсем, если они принадлежали к разным этническим группам.[7]

---

[6] Исключение составляют государства кочевников, в которых племенная принадлежность имеет решающее значение.

[7] По-видимому, значительная часть согдийских феодалов — тюрки. Предшественник Диваштича носил тюркское имя Чакин Чур Бильга (Лившиц, 1962, с. 47; о большой роли тюрок в Согде см. с. 133), правителем Усрушаны был несомненный тюрок Карабугра, прадед знаменитого Афшина, Хайдара (Табари, II, с. 1613).

Среднеазиатские феодалы боролись с арабами не ради защиты национальной [8] независимости, а ради сохранения своей политической власти. Поэтому мы видим много случаев, когда одни среднеазиатские феодалы заключали союзы с арабами против других: к их помощи прибегали для расправы с соперниками, для устранения претендентов на престол (Табари, II, с. 1180, 1237); согдийские купцы однажды дали займ арабскому наместнику для похода на Согд (там же, с. 1021). Феодальные представления о доблести, чести и верности не включают понятия верности родине; верность вассала сюзерену выше интересов родного народа. Видимо, во многих случаях согдийским феодалам арабская знать была ближе своих подданных. Бухарцы и хорезмийцы помогали Кутейбе осаждать Самарканд, бухарцы, хорезмийцы и самаркандцы вместе с арабами завоевывали Фергану и Чач. Делали они это не за страх, а за совесть; это явствует хотя бы из того факта, что согдийские царевичи, составлявшие гвардию Кутейбы, остались ему верны до последнего момента вместе с горсткой его ближайших родственников (там же, с. 1152).

Общие представления о доблести роднили арабскую и среднеазиатскую знать. Между ними нередко возникали дружеские и уважительные отношения. Салих, брат Кутейбы, был другом царя Шумана (Табари, II, с. 1227). Сабит б. Кутба ал-Хуза'и пользовался таким уважением дихканов, что они клялись его именем и никогда не нарушали эту клятву (там же, с. 1152).[9] Конечно, их отношения не были идиллическими. Арабы обычно презрительно относились к немусульманам, что вызывало ответную реакцию, но важно не это, а то, что арабы не были для среднеазиатских феодалов таким непримиримым врагом, как это порой представляется. Огромные же массы крестьянства, на которых ложилась основная тяжесть арабского завоевания, были бессильны, и никто не спрашивал их мнения.

Наибольшие изменения в связи с арабским завоеванием происходили в городах. В них стояли большие гарнизоны, селились арабские переселенцы. В них в первую очередь начиналась исламизация и арабизация, устанавливались новые нормы взаимоотношений и быта.

Город VII—VIII вв. занимает очень своеобразное место в социально-экономической структуре общества, он прежде всего резиденция, но не в том смысле, что город — посад при замке (Лавров, 1950, с. 50—51), а в том, что вся его торгово-ремесленная деятельность носит второстепенный характер, являясь не причиной появления города, а следствием. А. Ю. Якубовский был прав, когда писал, что «определяющим населением шахристанов в VI—VIII вв. все же были владетель города, его двор и слуги, богатые дихканы, жившие в своих больших домах-усадьбах, купцы и, наконец, служители культа» (1951, с. 10). Правда, под влиянием идей С. П. Толстова он несколько архаизировал общественные отношения, преувеличивая силу общинного уклада, что впоследствии привело других исследователей к утверждению, будто Бухара VIII в. имела полусельский облик (Сухарева, 1958, с. 28). Но мысль о примате административно-политического значения города над экономическим, выраженная еще не очень определенно в приведенной выше цитате, остается плодотворной.

Город VII—VIII вв. — не просто резиденция правителя и его двора, вокруг которого кормятся купцы и ремесленники, он также своеобразный refugium землевладельцев-дихканов. Глинобитные касры не были столь надежной защитой, как каменные замки европейских феодалов, и необходимость совместной обороны объединяла дихканов в городе. В их лице город оказывался хозяином прилегающего земледельческого района, как

[8] Имеется в виду, конечно, не нация, а народность.

[9] Даже в очень трудный для арабов момент в 728 г., во время осады Кемерджи, араб — посланец из Кемерджи в Самаркапд пробирается туда с помощью своего друга-дихкана (Табари, II, с. 1522—1523).

античный полис в лице куриалов был хозяином сельской округи (эта аналогия чисто внешняя, поскольку положение и роль дихканов в системе феодального общества совершенно иная, чем куриалов). В одновременной политической и экономической власти над деревней характерная черта раннефеодального города Средней Азии.

В первой части уже говорилось о значительном числе ремесленных мастерских и лавок в Пенджикенте, которые не спрятаны от взоров посторонних «глинобитными стенами замков дихканов и купцов» (Толстов, 1948б, с. 274), а повернуты в сторону улицы и часто вообще не имеют связи с расположенными за их задней стеной домами. Конечно, в хозяйствах крупных феодалов могли быть рабы-ремесленники, работавшие на нужды дома (Якубовский, 1951б, с. 13), но они не определяли характера торгово-ремесленной жизни города. Основная масса ремесленников была лично свободна и работала на рынок, где главным потребителем являлась городская знать.

Совершенно справедливо указывается, что в согдийском городе не имелось четкой границы между купечеством и дихканством (Якубовский, 1951б, с. 15). Дихканы были тесно связаны с городской торговлей и извлекали из нее немало прибыли, но не личным участием в ней, а посредством арендных отношений, владея землей в городе. Эта сторона экономических отношений в среднеазиатском городе не привлекала внимания историков и осталась малоизученной.

Арендные отношения и работа по найму были, видимо, достаточно широко распространены в Согде, если даже в сравнительно небольшом архиве с горы Муг мы встречаем договор об аренде у Диваштича трех мельниц сроком на год (Лившиц, 1962а, с. 53—63, док. В-4). Отношения собственника и арендатора — основная форма зависимости в городах Согда. Примечательно, что даже владетельный князь, который мог привлекать подданных для выполнения различных трудовых повинностей и несомненно имел рабов и зависимых крестьян, пользовался наемными рабочими (там же, с. 172—173, 175—178).[10]

Одним из путей появления внутригородской собственности на землю могло быть наделение при закладке города будущих его жителей участками, которые они должны были застраивать по своему вкусу, сообразуясь лишь с общей планировкой города. Так застраивалась, например, Самарра. Владелец участка мог занять его под дом с садом или застроить полностью жилыми домами либо мастерскими и лавками, сдавая их в аренду купцам и ремесленникам. Такие наделы лежат в конце концов в основе земельной собственности многих среднеазиатских городов, особенно таких, которые, подобно Бухаре и Пенджикенту, были застроены по единому плану, что предполагает раздел территории застройки на правильные участки кварталов (см. ниже, с. 236—237). Как показывает пример Сасанидов, основателями городов чаще всего были монархи, возводившие их на своих землях. Возможно, что многочисленные города Средней Азии, основанные в IV—VI вв., родились как резиденции князей, построенные на княжеских землях.

В дальнейшем участки дробятся, переходя из рук в руки, и иногда возникают огромные земельные владения. О наличии крупных земельных владений в Бухаре в VIII в. сообщает нам Наршахи. По его словам, один из дихканов, некий Хине, владел всей юго-восточной четвертью шахристана (8—9 га);[11] это владение, незаконно конфискованное при Омейя-

[10] Среди расходов Диваштича упоминается выплата денег строителям за возведение крыши и пастуху (Лившиц, 1962а, с. 182); какие-то наемные рабочие упоминаются также в документе В-9 (там же, с. 157—160).

[11] Кроме того, ему принадлежало много лавок в пригородных базарах (по Наршахи, 1 тыс., что явно преувеличено).

дах, было возвращено в 767 г. ал-Мансуром по иску наследников владельца (Наршахи, III, с. 52—53; Смирнова, 1969, 1970, с. 141).

Естественно, что только часть такого обширного участка была занята дворцом, остальное служило источником доходов в форме земельной ренты или арендной платы за постройки.

Случай, когда один человек владел землей четверти шахристана, несомненно редкое явление, поэтому он и отмечен у Наршахи, но ясно, что крупные земельные владения в городе не были редкостью. Можно думать, что прямоугольные кварталы Пенджикента в момент заселения и застройки города являлись наделами богатых дихканов и купцов. Конечно, к VIII в., за два века существования города, могло произойти заметное перераспределение земельной собственности и границы кварталов не определяли уже границ владений. Пенджикент позволяет судить о том, что собой представляли касры (или кахи) дихканов в городе; это не отдельные зáмки, а дворцы, сливающиеся со всем массивом квартала. Таков, например, дворцовый комплекс (объект VII; см. рис. 9), являющийся частью огромного квартала (объект III).[12] Подобного рода соотношение было, видимо, и между дворцом Хине и «улицей дворца», которая вся принадлежала ему.

Крупные землевладельцы города были его фактическими хозяевами, независимо от своего политического положения составляя городской патрициат. Организация внутренней жизни домусульманского города остается еще загадкой. Несомненно, что большую роль играли храмы и жречество, выполнявшие различные функции, в том числе гарантов юридических актов, но должна была существовать и какая-то организация, представлявшая интересы городского патрициата и олицетворявшая город во взаимоотношениях с владетелями.

Мы знаем один случай, когда город управлялся патрициатом и являлся самостоятельной политической единицей. Средневековые мусульманские авторы, довольно подробно излагая историю завоевания Пайкенда, ни разу не упоминают правителя или владетеля города. Это можно было бы счесть случайностью, если бы в дополнение к нашему наблюдению не существовало сообщения китайской хроники, где говорится, что в городе Би (Пайкенд) нет правителя. Этим, вероятно, отчасти объясняется эпитет Пайкенда — «город купцов», встречающийся у разных авторов (Табари, II, с. 1186; Бал'ами, с. 682; тот же эпитет у Наршахи ошибочно отнесен к Бухаре: Наршахи, III, с. 20).

Пайкенд скорее всего был единственным в Средней Азии «вольным городом», купеческой республикой, но какие-то элементы организации городского патрициата должны были существовать и в других городах. Пока единственное более или менее достоверное упоминание такой организации можно усмотреть в одном из документов архива с горы Муг, написанном от лица «пенджикентского сборщика податей и от народа [наф]» (Лившиц, 1962а, с. 69). Последний термин В. А. Лившиц считает возможным понимать как «община» (там же, с. 23). Однако, на наш взгляд, здесь нужно подразумевать не просто соседскую общину, а город как самостоятельный политический организм, представленный каким-то советом. Сама формулировка напоминает формуляры документов, касающихся самоуправляющихся эллинистических городов. Прямой аналогии здесь нет, но совпадение вряд ли случайно.

Во всяком случае если в Мавераннахре и отсутствовала муниципальная организация, то городской патрициат все равно участвовал в решении гордских дел. Кроме того, горожане-землевладельцы являлись той группой населения, ради которой в значительной мере существовал город: ремесло

[12] Естественно, мы не можем сейчас утверждать, что дворец объекта VII в Пенджикенте принадлежал владельцу всего квартала, но выяснение подобных проблем должно стать обязательным во время будущих археологических исследований городов.

и городская тороговля были призваны обслуживать их потребности; торговля с сельской округой и товарообмен с другими районами вряд ли были сильно развиты.

Арабское завоевание резко изменило соотношение сил в городах и в конце концов повлияло на их положение в социальной и экономической структуре общества. Военные действия в большинстве случаев не нанесли городам серьезного ущерба. Разграбление их и увод жителей в плен практиковались лишь в случае штурма. Зная это, города предпочитали в трудных случаях заключение самого тяжелого мирного договора обороне до последнего. Во всяком случае ни Бухара, ни Самарканд не были взяты штурмом и разграблены. Разрушению подвергались только языческие храмы, имущество которых рассматривалось как обязательная добыча мусульман.[13] Гибель храмов произвела огромное впечатление на согдийцев. Гурек на коленях умолял Кутейбу не сжигать идолов, чтобы не случилось беды. Но идолы были сожжены, святотатцы не пострадали, и это не могло не поколебать веру в старых богов. Храмы после разграбления обычно превращали в мечети; так было в Бухаре (Наршахи, Ш, с. 47) и в Самарканде (Табари, II, с. 1245). Лишенное богатства и привилегированного положения жречество утратило прежнюю роль в городе.

Средневековые историки сохранили содержание договоров, заключенных арабами с двумя городами Мавераннахра, Самаркандом и Бухарой. Первый договор, подтверждая сюзеренитет ихшида и его потомков над всем Согдом (включая долину Кашкадарьи), возлагал на него выплату 2 млн дирхемов контрибуции и ежегодной дани в размере 200 тыс. дирхемов и 3 тыс. рабов. Эта ежегодная дань, по-видимому, собиралась только с непосредственных владений ихшида, Самаркандского Согда. Договор с Бухарой определял ежегодную дань в 210 тыс. дирхемов и также касался всех владений бухар-худатов, а не одной столицы, как можно подумать по пересказу Наршахи (Ш, с. 51), поскольку тот же автор говорит, что после пересчета хараджа Бухарского оазиса с драхм на дирхемы гитрифи (по курсу 1 : 5) сумма его составила несколько более 1 млн дирхемов (Наршахи, Ш, с. 31, 35).

Оба договора содержали существенные для нас условия: постой арабов и раздел домов. В Бухаре жители должны были дать мусульманам «половину домов и имений [зийаха] и чтобы также люди, которые живут вне города, давали корм для верблюдов арабов, и дрова, и что потребуется» (Наршахи, Ш, с. 51—52). Позже появилась версия, что Кутейба это сделал ради повседневного контроля за бухарцами и для наставления их в нормах мусульманского быта (там же, с. 46). Наиболее богатые горожане предпочли оставить дома в городе и выселиться за его пределы, чтобы не жить совместно с завоевателями (там же, с. 23; см. ниже, с. 239). Упоминание «имений» наводит на мысль о том, что речь шла не просто об уплотнении горожан для постоя войск, но о присвоении половины земельных владений в городе. Арабы расселились по всему шахристану. Первый наместник Бухары жил в конфискованном дворце Хине, арабы племен Са'д и Асад — в юго-западной четверти шахристана, йемениты — в северо-восточной четверти (там же, с. 52—54).[14] Трудно сказать, действительно ли арабы селились буквально в каждом доме или занимали отдельные кварталы; последнее вероятнее. Распоряжение Кутейбы о расселении по домам с целью контроля могло иметь место в первый период после завоевания.

---

[13] В храме Пайкенда был захвачен серебряный идол весом 4 тыс. дирхемов, т. е. несколько более 12 кг (Наршахи, Ш, с. 43). В Самарканде серебро из храма составило 50 тыс. мискалей (Табари, II, с. 1246), т. е. 225 кг (71 тыс. дирхемов). Цифры эти совершенно реальны, а не преувеличены, как полагал А. Ю. Якубовский (ИНУз, с. 213).

[14] Существовала даже особая мечеть йеменитов.

В договоре с Самаркандом фигурировал лишь трехдневный постой — условие, распространенное в арабской практике со времени завоевания Сирии и Египта. Но, оказавшись в городе, Кутейба, как известно, выселил жителей из медины, оставив там многочисленный арабский гарнизон (Табари, II, с. 1254—1256; Ибн ал-Аʿсам, с. 420). Этот случай нарушения договора осуждали даже сами арабы. Относительно гарнизонов в других городах мы имеем очень мало сведений.

Главной заботой арабов было удержать Бухару, Самарканд и важную дорогу между ними, которая охранялась большими арабскими гарнизонами, поставленными в замках вдоль нее. Численность гарнизонов в этих городах достаточно велика. В 731 г. в Самарканде было более 12 тыс. арабских воинов (Табари, II, с. 1540),[15] в Дабусии — 10 тыс. (там же, с. 1524; цифра, возможно, преувеличена). В районе Дабусии упоминаются три крепости с арабскими гарнизонами: Каср ал-бахили (замок бахилитов) (там же, с. 1420—1425), Каср ар-рих (замок ветра) в 2 фарсахах (около 15 км) от Дабусии и Кемерджа (там же, с. 1441—1442). Эти крепости контролировали большую дорогу и могли служить почтовыми станциями. Таким образом, число арабов в Самарканде и Бухаре достигало 10—20 тыс.; часть из них составляла гарнизон, который мог меняться, часть являлась постоянными жителями. Число последних установить трудно. Впоследствии в источниках иногда называются «бухарцы» и «самаркандцы» в отличие от армии, приходившей из Хорасана.

С появлением арабов местный городской патрициат и дихканство отошли на второй план. Особенно оскорбительным для дихканов, не знавших прежде никаких повинностей, кроме несения вассальной службы, было то, что завоеватели заставляли их платить налоги (Табари, II, с. 1509—1510). Морально для них это было тяжелее, чем увеличение налога для рядовых плательщиков. Поэтому инициаторами известных восстаний согдийцев в 20-х годах были дихканы.

Оба восстания этих лет связаны с налоговой политикой Халифата. Как известно, в Халифате существовали два основных налога: поземельный (харадж) и подушная подать с иноверцев (джизья). Харадж касался в основном земледельческого населения, и мы поэтому не будем останавливаться на его характеристике, подушная же подать лежала на всех иноверцах: от крестьянина и ремесленника до богатого купца и дихкана (Балазури, с. 271; Большаков, 1969, с. 89). Освободить от нее могло только принятие ислама. В Мавераннахре освобождение новообращенных столкнулось с большими трудностями.

К правлению Омара II (717—720 гг.) в Мавераннахре многие местные жители приняли ислам, но продолжали платить джизью. Халиф распорядился освободить их от налога; тотчас же начался массовый переход в ислам и резко сократились поступления в казну. Наместник усложнил переход в ислам и был за это смещен (Табари, II, с. 1354—1355). Что произошло после этого — не совсем ясно; ат-Табари пишет только, что в период правления следующего наместника согдийцы «стали неверующими» (там же, с. 1418). Судя по всему, после Омара II и до 728 г. с новообращенных продолжали взимать джизью. В 728 г. наместник ал-Ашрас послал к согдийцам группу проповедников с призывом принять ислам при условии освобождения от джизьи. «И поспешили люди принять ислам» (там же, с. 1508). Ихшид Согда Гурек написал ал-Ашрасу, что ему не с кого собирать налоги, и ал-Ашрас возобновил взимание налогов в прежних размерах. Интересно, что отказ от обещания снять налог с новообращен-

[15] Савра выступил на помощь Джунейду с 12 тыс. воинов, но несомненно оставил какой-то отряд в Самарканде, так как тюрки его не захватили, и Джунейд потом беспрепятственно вошел в город.

ных вызвал возмущение не только согдийцев, но и значительной части арабов, присоединившихся на некоторое время к восставшим согдийцам. Среди арестованных за противодействие указу, восстанавливавшему джизью, кроме мавли Абу-с-Сайда, не первый раз выступавшего против привилегированного положения мусульман-арабов,[16] оказался один из известнейших воинов хорасанской армии арабов, поэт-витязь Сабит Кутна, отсидевший за это в тюрьме около года (Табари, II, с. 1509).

Наши историки немало писали об этих восстаниях и их причинах (ИНУз, с. 166—170; ИУз ССР; Джалилов, 1961, с. 134—152; Кадырова, 1965, с. 68—92), но до сих пор нет ясности, от какого налога обещали освободить новообращенных (одни пишут о джизье, другие — о джизье и харадже) и почему освобождение новообращенных от джизьи, спокойно проходившее в центре Халифата, в Мавераннахре вызывало трудности и каждый раз грозило прекращением поступления харадж?

Неоднократно отмечалось, что мусульманские авторы называют дань, взимавшуюся с областей Средней Азии, то хараджем, то джизьей.[17] Исходя из этого, В. В. Бартольд считал, что при Омейядах эти термины еще не различались (VI, с. 523). Однако в Ираке уже в первое десятилетие арабской власти существовали оба налога и арабы не могли не знать различие между ними, тем более не могли их спутать информаторы VIII в., к которым в конце концов восходят все наши сведения об арабском завоевании.

Эта неясность объясняется фискальной автономией Мавераннахра в первые десятилетия после завоевания. Сбор дани, обусловленной договорами, лежал на местных владетелях, и способ ее раскладки не касался арабов. Формально и по названию эта дань была хараджем, но как налог с иноверцев могла считаться и джизьей.[18] Поэтому так трудно было отменить джизью, что ее не существовало, а была дань, которую, видимо, раскладывали подушно местные дихканы. Это подтверждается словами Абу-с-Сайда, отправившегося проповедывать ислам в Мавераннахр: «Я отправляюсь на условии, что с того, кто примет ислам, не будут брать джизьи, ведь харадж Хорасана на головах людей» (Табари, II, с. 1507). Естественно, что в этих условиях отмена джизьи как подушной подати означала полную отмену налога, что и вызвало беспокойство налоговых чиновников.

В некоторых случаях во время сбора подати налогоплательщикам приходилось носить на шее бирки — квитанции об уплате налога. Эта практика, заимствованная арабами у Сасанидов, применялась в чрезвычайных случаях (Большаков, 1969). Для Мавераннахра она оказалась неприятным нововведением, которое могло быть одной из причин возмущения податного населения. В ходе подавления этих восстаний города Мавераннахра неоднократно переходили из рук в руки. Бухара вышла из повиновения в период правления ал-Ашраса и была захвачена вновь в 110/728-29 г. (Табари, II, с. 1516). Самарканд изгнал арабов в конце правления Саʿида б.Абд-ал-Азиза, но был взят снова, видимо, во время похода Саʿида ал-Хараши в 722 г., а может быть, и раньше.[19] В 728 г. Наср б. Сейяр, тогдаш-

---

[16] Абу-с-Сайда в 719 г. предъявлял претензии мавлей Хорасана Омару II (Табари, II, с. 1354).

[17] Так, Абу-с-Сайда жаловался Омару II, что «с зиммиев, принявших ислам, берут харадж». Омар в ответ посылает ал-Джаррраху распоряжение снять джизью с новообращенных (Табари, II, с. 1354). В 110 /728-29 г. ал-Ашрас пишет финансовым чиновникам: «Берите харадж с тех, с кого брали». «И возложили они вновь джизью на тех, кто принял ислам» (там же, с. 1508).

[18] Такое же смешение употребления терминов характерно и для Египта второй половины VII в., пока налог не стал индивидуальным (Becker, 1903, S. 87).

[19] Определенных сведений об этом нет. А. Джалилов считает, что Самарканд был занят в начале 720 г. (1961, с. 135—136), однако описываемые им события относятся

ний наместник Самарканда, сидел в осаде, но город, по-видимому, остался в руках арабов (там же).В 730 г. (или 731 г.) Джунейд после жестокого сражения с согдийцами и тюрками вывез в Мерв семьи 11 тыс. погибших воинов самаркандского гарнизона, оставив в городе только 800 воинов (там же, с. 549); этот гарнизон, конечно, не мог удерживать город в неблагоприятной обстановке и, вероятно, вскоре был изгнан оттуда. Ясно одно, что в 735 г. город находился в руках самаркандцев.[20] В 735 г. Асад б. Абдаллах осадил Самарканд и построил в Варагсаре плотину, чтобы отвести воду (там же, с. 1586); о взятии города арабами не сообщается, он был захвачен, очевидно, в 736 г. после разгрома хакана, так как ат-Табари пишет, что в этом году «пришел хакан в свою страну и стал готовиться к войне и осаде Самарканда» (там же, с. 1613). О его походе на Самарканд ничего не говорится, но, видимо, он был успешным, потому что в 739 г. Наср б. Сейяр снова осаждал Самарканд и пытался отвести воду в Варагсаре (там ж, с. 1689).

Судьба Самарканда, должно быть, характерна для большинства городов Мавераннахра: в течение 20 лет, с 719-20 по 739 г., почти каждый год многочисленные армии арабов, согдийцев, тюрок пересекали страну то с запада на восток, то с востока на запад, топча посевы, грабя деревни, осаждая и громя города. Именно на эти годы должны приходиться основные разрушения в городах. Во всяком случае в Пенджикенте в это время наблюдается глубокий упадок (Большаков, 1964, с. 118—119).

Перелом произошел после того, как было сокрушено могущество тюрок в Мавераннахре и наместником Хорасана стал Наср б. Сейяр, старый рубака и опытный политик. По словам ат-Табари, он «привел Хорасан в такой порядок, какого до этого не было, организовал харадж, наилучшим образом управлял и собирал налоги» (II, с. 1664—1665). При нем впервые в Хорасане был упорядочен сбор налогов, харадж, по-видимому, был четко отделен от джизьи, что позволило освободить от нее новообращенных мусульман (там же, с. 1688—1689). [21] Вторым важным мероприятием было разрешение мятежным дихканам вернуться в свои владения без уплаты недоимок и наказания за отступничество от ислама (там же, с. 1717—1718). Короткая передышка благоприятно сказалась на положении по крайней мере некоторых городов; в Пенджикенте, например, в 40-е годы происходят оживление жизни и частичное восстановление города.

Возвратимся к переменам во внутренней жизни городов. Мы уже говорили о конфискации домов для размещения переселенцев и арабского гарнизона. Один этот акт лишал землевладельцев в городе значительной части богатства. Обычной была конфискация эмирами лучших зданий под свои резиденции. В Бухаре, как мы видим, резиденцией эмира стал дворец дихкана Хине, в Кумме тоже были конфискованы дворцы двух дихканов (Кумми, с. 32). Вероятно, и в Самарканде дворец ихшида был занят арабским наместником, поскольку мы знаем, что Гурек перенес свою резиденцию в Иштихан (Балазури, с. 421) или, по другим сведениям, в Афаринкет (Несефи, с. 241). Но конфискация по договору не была единственным фактором появления в городах крупных землевладельцев-арабов. Земли и дома, конфискованные по договорам для размещения гарнизона и переселенцев, делились скорее всего поровну, и каждой арабской семье доста-

к осаде Каср ал-бахили. В момент осады замка бахилитов в Самарканде еще находился арабский наместник (Табари, II, с. 1421).

[20] Возможно, что город сдали сторонники Хариса б. Сурейджа, так как Асад б. Абдаллах, отправляясь в поход на Самарканд, хвалил коменданта крепости около Земма, сторонника Хариса, за то, что он не придерживался крайних взглядов и не допустил «одоления неверных, как в Самарканде» (Табари, II, с. 1585).

[21] Возможно, что с переходом финансовой системы в руки мусульманской администрации связан перевод делопроизводства в канцеляриях Мерва с пехлеви на арабский язык (Джахшийари, с. 64—65).

валось сравнительно немного. Если допустить, что в Бухаре было поселено около 2 тыс. воинов (около 6 тыс. человек, или 1200—1500 семей),[22] то при разделе половины шахристана (17—18 га) каждой семье достался бы участок в 120—150 м², т. е. только место для проживания. Землевладение такого рода не могло быть основой коммерческой деятельности и получения земельной ренты. Гораздо более важным фактором была покупка земель. В руках арабской верхушки скапливались большие средства — жалованье и доля добычи. Жалованье мелких военачальников было сравнительно небольшим и не превышало дохода хорошего ремесленника (см. ниже, с. 305), но высшее чиновничество и крупные военачальники (разницы между ними тогда еще не было) имели не только большое жалованье, но и накапливали огромные состояния путем всяких махинаций или простого утаивания части податей. Они скупали земли у местных землевладельцев как в деревне, так и в городе. Этот процесс начался очень рано. Уже «во время правления Саʿида арабы в Мерве стали заводить поместья, мустагаллы и дома» (Гардизи, с. 70). К концу VII в. в Мерве несомненно имелась большая группа крупных землевладельцев-арабов. К сожалению, наши источники не всегда позволяют установить способ приобретения поместий, таких как сад Йезида б. ал-Мухаллаба, обращенный Кутейбой в выпас для верблюдов (Гардизи, с. 83; Саʿалиби, Латаиф, с. 128; Байхаки, с. 108).

Кроме официальной конфискации по договору и покупок были и иные способы приобретения земельных владений. Хорошо известны факт получения Насром б. Сейяром земель в приданое от бухар-худата и упоминающиеся в связи с этим вымогательства арабского наместника Бухары, пользовавшегося своей властью для приобретения поместий мелких дихканов, в чем ему помогал бухар-худат (Наршахи, III, с. 59). Сведения Наршахи как нельзя более убедительно свидетельствуют о постепенном слиянии интересов крупных дихканов и арабской верхушки и превращении их в один класс.[23] Одновременно происходило отмежевание массы рядовых арабских воинов и поселенцев от аристократической верхушки. К середине VIII в. единственным препятствием на этом пути было привилегированное положение всех арабов по отношению к покоренному населению.

Антиомейядское движение объединило всех недовольных: арабов и неарабов, крупных землевладельцев и крестьян, но после свержения Омейядов их пути разошлись. Начало 50-х годов ознаменовалось ожесточенной политической и социальной борьбой. В 751 г. значительная часть Мавераннахра вышла из повиновения. В Бухаре вспыхнуло шиитское восстание Шерика б. Шейха, поддержанное всеми горожанами. Одновременно отложились Самарканд и Кеш; это была последняя решительная попытка восстановления независимости, возглавленная дихканами. После подавления восстания в Бухаре, в ходе которого город сгорел и погибло много жителей, Зийад б. Салих и Абу Муслим двинулись на Самарканд.[24] Никаких подробностей об усмирении Самарканда источники не сообщают.

---

[22] Мы принимаем средний состав малой семьи за 6 человек, но число воинов было больше одного на семью.

[23] Совпадение их интересов намечается довольно рано. Уже во время восстания мервцев в 665 г. против арабов выступают рядовые горожане, «люди базара», а мерзбан Мерва Бераз б. Махуе помогает арабам подавить это восстание (Гардизи, с. 78; Бартольд, 1898, с. 1).

[24] Восстание Шерика б. Шейха датируется 133 г. х. (9 августа 750 г.—29 июля 751 г.) (Табари, III, с. 74). По рассказу Наршахи можно установить, что решительное поражение восставших у Науканде произошло в период, когда начали созревать виноград и дыни. Описываемое событие нельзя отнести к июлю 751 г., так как пришлось бы допустить, что в течение месяца Зийад б. Салих успел подавить восстание в Бухаре, занять Самарканд и разгромить китайцев под Таразом. Вероятнее, что восстание Шерика б. Шейха было подавлено в июле—августе 750 г., после чего Зийад и Абу Муслим заняли Самарканд и укрепились в нем. Гардизи (с. 93) относит гибель Шерика к зу-л-хиджжа 132 г. х. (22 июля—8 августа 750 г.).

Ясно только, что город был превращен в опорный пункт Абу Муслима, который отремонтировал стену вокруг рустака Самарканда (Табари, II, с. 80; ср. ниже, с. 226) и обосновался здесь с большой армией, рассылая отряды для подавления мятежных дихканов. Положение Абу Муслима осложнялось вторжением китайских войск на территорию Семиречья. Поражение, нанесенное Зийадом б. Салихом армии Гао Сян-чжи в июле 751 г. под Таразом (Ибн ал-Асир, V, с. 344; Chavannes, 1903, p. 142, n. 2), укрепило положение Абу Муслима, и он смог решительно расправиться с мятежными дихканами. «Простер он руку на царей Мавераннахра и их дихканов, рубил им головы, взял в плен их детей и конфисковал их имущество» (Макдиси, с. 74). У ат-Табари сохранились сведения о казни и конфискации имущества царя Кеша Ихрида (III, с. 79—80).

Жестокая расправа с восставшими и разгром китайцев, на помощь которых рассчитывали некоторые правители Мавераннахра, заставили крупных дихканов пойти на примирение с новой династией и стать ее верными вассалами. Положение дихканов в мусульманском обществе заметно улучшилось: имущество их было ограждено от посягательства солдатни, им даже возвращали недвижимую собственность, захваченную при Омейядах сверх договора, как это было в случае с бухарским дихканом Хине. Оставаясь крупнейшими землевладельцами, дихканы сохраняли возможность содержать большие дружины чакиров, но их политическое значение неуклонно падало. Первыми лицами в городе стали наместник и глава финансового ведомства. С 760 г. ихшид Согда утрачивает одну из важнейших прерогатив власти — право самостоятельной чеканки монет (Смирнова, 1963, с. 47), согдийская монетная система сменяется мусульманской, общей для всего Халифата. В Бухаре первые мусульманские монеты датированы 148/765-66 г., хотя возможно, что более ранние выпуски нам пока не известны.

Чтобы иметь положение в обществе, надо было идти на службу новому государству. Так начинается слияние родовой землевладельческой аристократии Средней Азии со служилой знатью Халифата, облегчавшееся тем, что в государственном аппарате Средней Азии к этому времени было много хорасанцев, более близких согдийцам по культуре и взглядам, чем арабы. Теперь все более четко намечается линия раздела между знатью (независимо от ее этнической принадлежности) и рядовыми горожанами и землевладельцами. Поэтому во второй половине VIII в. восстания в Средней Азии приобретают более определенный социальный характер, переставая быть только восстаниями завоеванных против завоевателей.

Социальный конфликт обострялся ухудшением положения многих рядовых налогоплательщиков. Местные мусульмане получили при Аббасидах податное равенство с арабами,[25] но общая сумма налогов осталась прежней. Облегчение их положения можно было компенсировать только увеличением налогов на немусульман. Последние и так платили подушную подать (джизью), минимальный размер которой составлял 12 дирхемов, что равнялось месячному заработку среднего ремесленника (см. ниже, с. 306). Такое неравенство, не существовавшее прежде, когда дань раскладывалась на всех, вызывало антагонизм между согдийцами мусульманами и немусульманами. Увеличение налога на немусульман могло не полностью компенсировать образовавшийся дефицит, и его, вероятно, приходилось покрывать увеличением ставок хараджа. Возможно, что именно этим объясняется увеличение хараджа при Абд ал-Джаббаре в 767 или 768 г. (Гардизи, с. 85). Но одним только усилением эксплуатации и ухуд-

[25] Арабы по-прежнему пользовались привилегией платить ушр (десятину) за земли, полученные в надел.

шением положения трудящихся трудно объяснить широкий размах народных движений в Средней Азии во второй половине VIII в. Другой причиной социальной напряженности могли оказаться огромные потрясения, происшедшие в жизни одного поколения, ломка привычных устоев. Нам сейчас трудно представить себе настроение общества того далекого времени и понять, как повлияли на общественную психологию низвержение могущества прежних владык и появление чуждой централизованной власти огромного государства, унижение старых культов, закрадывающееся сомнение в истинности прежних верований и неприятие новой веры, принесенной завоевателями. Обжитый мир ломался на глазах — все было ново, необычно и зыбко. Сломался стереотип социального мышления, поддерживавший стабильность общественных отношений. Было плохо, но рождалось убеждение, что все это новое зло не так незыблемо, как казалось прежде. Восстание Абу Муслима показало народу его возможности, недаром имя Абу Муслима сразу же после его смерти стало знаменем ряда народных восстаний.[26] На наш взгляд, не случайно, что наиболее мощное восстание произошло не в Хорасане, а в Мавераннахре, где все эти общественные потрясения ощущались острее.

О восстании Муканны и его идеологии у нас уже писали достаточно подробно (Якубовский, 1948; ИНУз, с. 192—203; Кадырова, 1965, с. 117—132), поэтому мы не станем здесь повторять имеющиеся в соответствующих работах характеристики учения маздакитов и его отражения в учении хуррамитов и «людей в белых одеждах». Можно только отметить, что движение Муканны было противоречивее и пестрее, чем его изображают.[27]

Наршахи сохранил сведения о том, что Муканна был везиром Абд ал-Джаббара и объявил себя пророком; через некоторое время его арестовали и заточили в тюрьму в Багдаде (Наршахи, Ш, с. 64). Из этого делается вывод, что Муканна стал везиром Абд ал-Джаббара во время восстания последнего и тогда же объявил себя пророком (Кадырова, 1965). Несмотря на кажущуюся обоснованность такого заключения, опирающегося на недвусмысленное свидетельство источника, многое в нем вызывает сомнение. Если Муканна действительно уже тогда объявил себя пророком, то мог ли он быть везиром Абд ал-Джаббара? Если же везиром он был только сначала, а потом решил стать главой восстания, то странно, что наместник был казнен, а духовный вождь восстания только заточен в тюрьму.

Несомненно одно, что Хаким, отец Муканны, участвовал в движении Абу Муслима, возможно, что с ним был и Хашим.[28] Мусульманские историки сектантства утверждают, что Муканна первоначально был ризамитом (А. Багдади, с. 243; Шахрастани, I, с. 173), т. е. шиитом, верившим в переход имамата от Алидов к Абу Муслиму. О шиитском прошлом свидетельствует также замечание Ибн ал-Асира (VI, с. 26), что Муканна отрицал смерть Йахйи б. Зейда, т. е. был близок зейдитам, которые активно участвовали в движении Абу Муслима. Все это заставляет думать, что до заключения в тюрьму Хашим б. Хаким был одним из многочисленных шиитов, почитателей Абу Муслима, оппозиционных Аббасидам. Именно в тюрьме могла возникнуть мысль объявить себя воплощением божества; возможно, это было даже искренним убеждением человека, доведенного тюрьмой до исступления. Земляки отнеслись к откровению Хашима скептически, и это заставило его искать поддержки в другом месте.

---

[26] О народных движениях VIII в. см.: Кадырова, 1965.

[27] Лучшее изложение истории восстания с анализом источников см.: Sadighi, 1938, p. 163—185.

[28] Наршахи и А. Багдади называют Муканну Хашимом б. Хакимом, Гардизи и Ибн ал-Асир — Хакимом б. Хашимом, но сообщают, что боевой клич его сторонников был «Помоги нам, Хашим!». Из этого можно сделать вывод, что его имя все-таки Хашим.

Благодатной почвой для пропаганды такого рода оказался Мавераннахр, где исламизация была поверхностной и встречала у многих внутренний протест, а наличие значительной колонии манихеев могло к тому времени создать многочисленную группу последователей их учения. Возможно, что «люди в белых одеждах» и были адептами какой-то местной разновидности манихейства. Муканна направил в Согд своего тестя-араба, и весть о появлении нового пророка всколыхнула Мавераннахр. Ранней весной 776 г. восставшие овладели рядом рустаков Кеша, захватили селения Сангардак, Невакет и Субах (Ибн ал-Асир, VI, с. 26;Гардизи, с. 99). Не позже мая 776 г.[29] Муканна тайно перебрался в район Кеша, избрав своей резиденцией крепость в горах Санам, где-то в районе верховьев Кашкадарьи.

Мусульманские историки, непременно упоминающие о том, что Муканна объявил себя воплощением божества, совершенно умалчивают о социальной или политической стороне его учения. Привычное представление, будто Муканна проповедовал идеи первобытнообщинного равенства и возвращения к групповому браку, опираются на шаткую основу — пикантные рассказы мусульманских авторов, враждебно настроенных к Муканне. Еще меньше оснований для вывода о маздакитской направленности учения Муканны дает рассказ Наршахи о том, что Муканна забирал в свой гарем всех понравившихся ему женщин (III, с. 71); на этом основании мы могли бы многих мусульманских владык причислить к маздакитам.

Как показал З. Буниятов, утверждения средневековых авторов о половой распущенности хурремитов Азербайджана, принятые на веру исследователями, основывались на праздничном обряде, совершавшемся раз в году (1965, с. 231—234). Видимо, и в Средней Азии во время восстания Муканны вновь стало возможно следовать старым обычаям, запрещенным исламом. Это и дало повод утверждать, что призыв к общности женщин был частью учения Муканны. Туманные выражения мусульманских авторов, что Муканна «разрешил своим последователям все запрещенное и запретил им речь о запрете» (А. Багдади, с. 243), говорят только о том, что он отменил предписания шариата, т. е. восстановил прежние обычаи, но отнюдь не о возрождении коллективной собственности. Вряд ли случайно отсутствие в источниках упоминаний о разделах имущества; при общем враждебном отношении к восставшим они были бы непременно отмечены. Неоднократные упоминания фактов разграбления имущества мусульман следует понимать буквально.

При всем этом какая-то группа участников восстания могла руководствоваться учением маздакитов, например «люди в белых одеждах», по-видимому, наиболее организованная и активная часть восставших. В нескольких случаях сообщается, что Муканну поддержали «люди в белых одеждах», но не говорится, что они были последователями его учения. Все свидетельства о том, что они его последователи, относятся к концу X—XI в., ко времени, когда потомки повстанцев, сохранившиеся в некоторых районах (Худуд, л. 24а; А. Багдади, с. 244—245), действительно стали считать себя последователями Муканны.

В апреле—мае 776 г. восстание было в полном разгаре, восставшие заняли почти всю долину Кашкадарьи, весь Согд, поднялись «люди в белых одеждах» в Бухарском оазисе. Попытки местных арабских гарнизонов справиться с восстанием оказались бесполезными, в борьбе погибло несколько знатных арабов, в том числе внук и сын Насра б. Сейяра. В Бухарском оазисе центром восставших были городки Бемиджкет и Наршах около Вабкены. В апреле—мае был взят Нершах, но жители его восстали

---

[29] Ибн ал-Асир и Наршахи говорят, что восстание началось при Хумейде б. Кахтабе, умершем в июне 776 г.

вновь и Джабриилу б. Йахйе, направленному против Муканны, пришлось 4 месяца осаждать этот городок. В конце года Джабриил разбил восставших согдийцев, убил их вождя Согдиана и подошел к Самарканду (Наршахи, Ш, с. 69; Ибн ал-Асир, VI, с. 26). Среди самаркандцев не было единства. Джабриил расправился со сторонниками Муканны и вступил в город.

В течение 777 г. Муканна пытался вновь овладеть Самаркандом. Джабриил отсиживался в городе и не мог вести активных действий (Бал'ами, с. 741). Муканна пытался занять Нахшеб, но жители отстояли город (там же, с. 742).[30] Подкреплений из Хорасана не было, так как в Бушендже поднял восстание хариджит Йусуф ал-Барм [31] и все силы были брошены туда. 777 г. окончился значительной победой Муканны: ему удалось выманить Джабриила из Самарканда. Призванные на помощь тюрки обратили правительственные войска в бегство, затем захватили Самарканд и разграбили его (там же, с. 743).

В январе 778 г. новый наместник Хорасана Му'аз б. Муслим прибыл в Нишапур, собрал огромную армию с большим количеством осадной техники и двинулся на Согд. Ему удалось разгромить 15-тысячный отряд восставших под Самаркандом и снова занять город. В восстании произошел перелом. Муканна заперся в своей крепости с большим числом сторонников (Бал'ами, с. 743; Ибн ал-Асир, VI, с. 34; Гардизи, с. 100; Наршахи, Ш, с. 72). Осада крепости Са'идом ал-Хараши длилась весь 779 г. В начале 780 г. часть осажденных вступила в переговоры с Са'идом и сдала внешнюю крепость (Ибн ал-Асир, VI, с. 34; Гардизи, с. 100; Бал'ами, с. 744; Наршахи, Ш, с. 72). Положение Муканны, оставшегося с 2000 сторонников, стало безнадежным, и он покончил с собой, бросившись в огонь. Произошло это, видимо, в первой половине марта.[32]

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что восстание длилось ровно 4 года, а не 7 и тем более не 14, как утверждали некоторые авторы. Никаких сведений о том, что восстание продолжалось после гибели Муканны, у нас нет; косвенно это подтверждается тем, что Мусейяб б. Зухейр вскоре после подавления восстания увеличил харадж (Гардизи, с. 101); вряд ли он пошел бы на это, имея неусмиренный Мавераннахр.

Для нас особенно важно выяснить социальную основу участников восстания и отношение к нему городского населения. Имеющиеся сведения не подтверждают антифеодальной направленности движения. На стороне Муканны выступает не только бухар-худат Буниат (его участие пытались объяснить случайными обстоятельствами; Якубовский, 1948, с. 48), но и ряд других дихканов. Разделение происходит не столько по социальной линии, сколько по религиозной. Бал'ами упоминает дихканов и на стороне Муканны, и среди его противников, но показательно, что дихкан, замок которого пытались разгромить муканновцы, был мусульманином, а дихканы, присоединившиеся к восставшим, носили немусульманские имена.[33] В Субахе восстание возглавил михтар [34] городка, мусульманский

---

[30] Т. Кадырова, основываясь на ташкентских рукописях, пишет, что жители Нахшеба сдались без боя (1965, с. 123). Садиги считает, что восставшим не удалось взять город (Sadighi, 1938, p. 173).

[31] В. В. Бартольд неверно понял слова ал-Йа'куби и написал, что восстание произошло в Бухаре (I, с. 256), теперь эта ошибка кочует из работы в работу.

[32] В конце марта 780 г. в Бухару прибыл наместник Хорасана Мусейяб б. Зухейр и там получил известие о гибели Муканны.

[33] Имена приводятся в нескольких вариантах, восстановить их истинное звучание не просто.

[34] А. Ю. Якубовский считал, что михтар — нечто вроде сельского старосты (1948, с. 46—47). В других случаях этим словом называются видные люди, главы чего-то. Возможно, что в отличие от владетеля, дихкана, михтар был главой общинного или городского совета, о возможности существования которого говорилось выше (с. 150).

эмир-араб был убит (Наршахи, III, с. 65). В Бемиджкете восставшие убили муаззина и мусульман, находившихся в мечети (там же, с. 66). Горожане в массе своей относились к восстанию враждебно. Бухарцы помогали наместнику подавлять восстание в Бемиджкете, в Нахшебе (Несефе) горожане дали друг другу клятву отстаивать город от муканновцев. В Самарканде, единственном крупном городе, захваченном восставшими, имелась значительная группа противников Муканны, на которую опирался Джабриил б. Йахйа. Позиция горожан объяснялась, видимо, тем, что они были в большинстве своем мусульманами, причем в Бухаре исламизация зашла дальше, а в Самарканде, долго сопротивлявшемся арабам, результаты ее были менее ощутительными. Показательно, что в Бухарском оазисе борьбу с восставшими возглавил наряду с наместником кади Бухары, как наиболее авторитетное лицо мусульманской общины.

Таким образом, одна из характерных черт восстания Муканны — антиисламская направленность. Она определялась не только наличием у Муканны и «людей в белых одеждах» специфического вероучения, несовместимого с исламом, но главным образом стремлением широких масс населения Мавераннахра изгнать новую религию, ломавшую привычный образ жизни, заставлявшую отказаться от многих обычаев и даже бытовых привычек. Кроме того, ислам олицетворял чужую власть, все беды и тяготы, связанные с ней. Восстание Муканны объединило все силы Мавераннахра, недовольные новой властью, в последней мощной попытке избавиться от нее. Этой направленностью объясняются некоторые особенности в распределении сил. Из 11 имен сторонников Муканны (кроме Муканны и его тестя-араба), сохранившихся в разных источниках, только два мусульманского происхождения, остальные (хотя точное чтение их затруднено искажениями) несомненно немусульманские.

Антимусульманская направленность движения и неприятие его большинством городов позволяют думать, что основной состав повстанцев — крестьяне, менее исламизированные, дольше сохранявшие старые традиции, и население районов, где ислам не имел еще успеха, вроде горных районов к востоку от Кеша.

Не было ли восстание Муканны благодаря этому антифеодальным проявлением борьбы разорявшихся крестьян-общинников с феодализацией за возврат к общинным порядкам? Имеющиеся сведения не позволяют пока этого утверждать. Даже враждебные Муканне мусульманские авторы нигде не говорят о преследовании дихканов. Единственное место у Ибн ал-Асира, которое могло бы быть истолковано как нападение на замки феодалов: «Собрались они в Кеше и овладели некоторыми из его замков и крепостью Невакет» (VI, с. 26), не доказывает этого, поскольку мы не знаем, кому принадлежали названные замки. Одно нападение на замок дихкана упоминает Бал'ами, но владелец замка — мусульманин, зато два других дихкана, называемых тем же автором, сражаются вместе с Муканной и один погибает в бою (с. 742).

И все же, хотя в проповеди Муканны и действиях его сторонников мы не можем найти убедительных доказательств антифеодальной направленности, это движение имело социальную окраску, резко отличавшую его от предыдущих антиарабских, антимусульманских восстаний 20—30-х годов. Восстания согдийцев в 721—722, 727—737 гг. и даже антиаббасидские выступления 751—752 гг. в Согде возглавлялись дихканами, дихканы и их дружинники были их основной вооруженной силой. Народ несомненно поддерживал своих правителей, но не был движущей силой этих восстаний. Здесь же поднялась крестьянская масса, разоренная и ограбленная двойными налогами и эксплуатацией землевладельцев. Понятно, что ее гнев обрушился в первую очередь против властей и официального ислама, а не против дихканов; мелкие дихканы, не связанные с этой властью, счи-

тались своими. Для многих из них участие в антимусульманском восстании было вполне естественным, ведь таким путем они могли возвратить себе прежнее привилегированное положение, отомстить за унижение, которое испытывали, превратившись в налогоплательщиков. Зато крупное дихканство, принявшее ислам, поступившее на государственную службу и приобщившееся к доходам государства, решительно поддержало правительство. В этом отношении позиция бухар-худата Буниата, конечно, может быть определена какими-то неизвестными нам случайностями.

Разгром Муканны означал окончательное утверждение ислама в Мавераннахре. Все последующие восстания уже не имели антимусульманской направленности.

Жестокая четырехлетняя война сказалась на экономическом состоянии Мавераннахра. Больше всего от нее пострадали Самаркандский Согд и район Кеша. Самарканд, трижды переходивший из рук в руки, должен был быть опустошен не меньше, чем в самый тяжелый период 30-х годов. Археологически следы разрушений обнаружены пока лишь в Пенджикенте, который после этого прекратил свое существование (Большаков, 1964, с. 119) и был восстановлен в другом месте.

Опустошение страны и связанный с этим недостаток серебра принудили Мусейяба б. Зухейра прибегнуть к чеканке в Самарканде неполноценных дирхемов с принудительным курсом, так называемых мусейяби; несколько позже, при Гитрифе б. Ата, такую же монету, прозванную «гитрифи», стали чеканить в Бухаре (о ней см. ниже, с. 294—295).

В конце VIII в. в Мавераннахре предпринимаются строительные работы, свидетельствующие о начале экономического подъема. Фадл б. Сулейман Туси (783—787 гг.) упорядочил сбор хараджа (вероятно, отменил прибавку, введенную Мусейябом) и возвратил жителям Мерва воду, захваченную у них знатью (Гардизи, с 101). При нем же в Бухарском оазисе началось строительство знаменитого Кампир-Дувала, затянувшееся до 830-31 г. (Наршахи, III, с. 32-33). В 794-95 г. в Бухаре была построена новая соборная мечеть между арком и шахристаном — количество мусульман увеличилось настолько, что старая не вмещала их в пятницу (там же, с. 48). Конечно, и тогда еще в городах оставалось некоторое число немусульман, но они уже не определяли лица города и не представляли опасности для государства. О переменах, происшедших за 20—25 лет со времени Муканны, свидетельствуют два крупных восстания в Хорасане и Мавераннахре, вызванных жестокой налоговой политикой и незаконными поборами наместника Али б. Исы (Ибн ал-Асир, VI, с. 130; Бейхаки, пер., с. 371): Исы Абу-л-Хасиба (799—801 гг.) и Рафи б. Лейса, внука Насра б. Сейяра (805-6—810 гг.). Несмотря на огромный размах — Абу-л-Хасиб в 701 г. захватил Тус, Нишапур и даже осадил Мерв (Табари, III, с. 650), а Рафи б. Лейс несколько лет фактически правил всем Мавераннахром, они не сопровождались активизацией антимусульманских настроений. Это были восстания мусульман против несправедливостей властей, а не против религии, нормы которой теперь стали привычными для большинства населения.

В пору наместничества Мамуна в Мерве Средняя Азия впервые за полтора века перестала быть колонией, из которой выкачивали деньги, не заботясь о ее процветании. Для Мамуна она стала опорой государства; чтобы обеспечить поддержку хорасанцев, он снизил харадж на $^1/_4$ и приблизил к себе среднеазиатских феодалов. При нем завершилось завоевание Средней Азии: окончательно присоединены к Халифату Усрушана, Фергана и Чач. С Мамуном в Багдад вернулось множество дихканов, занявших ответственные посты, отряды хорезмийцев и ферганцев заселили целый район Багдада. Эти среднеазиатские приближенные выполняли при Мамуне ответственные задания. В 811-12 г. Тахир б. Хусейн, владе-

тель Бушенджа, был послан усмирять мятежного наместника Ахваза. В трудный момент Тахир созвал на военный совет Мухаммеда б. Талута (будущего наместника Бухары), Мухаммеда б. Ала [35] и бухар-худата ал-Аббаса (Табари, III, с. 852, 859); по крайней мере двое из трех советников были связаны с Бухарой. Позднее афшину Усрушаны было поручено усмирение восстания Бабека, и среди крупнейших военачальников его армии был бухар-худат Мухаммед б. Ахмед, внук Буниата. [36] Многим из согдийских и ферганских дихканов не по карману была дорогая жизнь столицы и приходилось прибегать к помощи Фадла б. Сахля, чтобы походатайствовать перед Мамуном о погашении векселей (Байхаки, с. 467—468).

Происходит интенсивное сближение Средней Азии и Ближнего Востока, отразившееся также в материальной культуре. Согдийцы начинают утрачивать обособленность от Хорасана и Ирана; персидский язык (дари), второй разговорный язык аббасидской знати, становится языком высшего общества Мавераннахра. Согдийская, усрушанская, ферганская знать начинает воспринимать себя наследницей сасанидских культурных традиций. Назначение в Мавераннахр вместо сменяемых наместников балхских дихканов из рода Самана означало переход политической власти в руки местных феодалов.

Восстановление независимости Средней Азии не было механическим возвращением к прошлому. За 100 лет произошли глубокие необратимые изменения. Вместо множества мелких княжеств, объединенных отношениями вассалитета и союзов, появилось централизованное государство с развитым административным и фискальным аппаратом. Место человека в обществе все больше стало определяться его положением в этом аппарате. Ислам отверг сословные привилегии, подорвав основу существования дихканства как сословия. Дихканам пришлось идти на службу к государству или уступать позиции служилой знати.

Изменилось и положение города. Из резиденции феодала он превратился в административный центр, резиденцию властей, представляющих государство. Включение Средней Азии в состав обширной империи способствовало расширению торговых и культурных связей (которые продолжали развиваться и после ее распадения) и быстрому росту городов. К началу IX в. сложился тот тип города, который без принципиальных изменений просуществовал почти все средневековье.

---

[35] Возможно, что это один из братьев Хасана б. Ала Са'ди.

[36] У ат-Табари (III, с. 1197, 1203, 1204, 1207—1209, 1211—1215) не упоминается имя, его приводит ат-Динавари (с. 398).

Глава III

КОЛИЧЕСТВО ГОРОДОВ

О подавляющей массе среднеазиатских городов мы имеем отрывочные сведения: краткую характеристику средневековых географов, зачастую сводящуюся к нескольким эпитетам; план городища, дающий контур стен и представление о его размерах. Многие города, упоминаемые средневековыми авторами, остаются не только не привязанными к конкретным городищам, но даже не локализованными приблизительно. Но анализ количества известных городов по районам, их размеров, особенностей планировки и условий возникновения может дать важный материал для суждения о городской жизни Средней Азии.

Проделать эту работу невозможно, не определив, что мы будем считать городом. Это не праздный и не очень простой вопрос. Даже в наше время при выделении городов из числа прочих населенных пунктов допускается ряд условностей (Боже-Гарнье, Шабо, 1967, с. 36—40). Тем более трудно решить этот вопрос применительно к исчезнувшим городам. Понятие «город» в разное время, в разных обществах имело отличное содержание. В одних случаях оно связывалось с укрепленным селением, как например в русском языке и в сирийском (карка); для античного полиса главное — не наличие крепостной стены, а особый политический статус. С точки зрения экономики город отличается от деревни тем, что его жители занимаются не сельским хозяйством, а ремеслом и торговлей. Нас город интересует с такой позиции, но отделить по этому принципу городские поселения от сельских, зная их только по названиям, совершенно невозможно. Остается положиться на определения средневековых авторов, хотя и они часто колебались, как назвать тот или иной населенный пункт. «Неустойчивость терминов, прилагаемых к тому или иному населенному пункту, нередко встречающаяся замена одного термина другим — частое явление в средневековой мусульманской литературе. Причиной такого рода неопределенности в применении обозначений является не только изменение значения того или иного населенного пункта, что, конечно, тоже имеет место, но и то обстоятельство, что самое понятие „город“ и противостоящее ему в средневековой европейской лексике „деревня“, по-видимому, в значительной мере были чужды средневековому мусульманскому мышлению» (Заходер, 1945, с. 123—124).

Действительно, в средневековой географической литературе нет единства в определении одних и тех же пунктов, и все-таки нельзя говорить о том, что представления о различии города и деревни были «в значительной мере чужды» мусульманскому средневековью. На мусульманском Востоке господствовало представление о городе как административном центре. Оно отражено в арабском слове «медина», восходящем к сирийскому «мединта» (от «дан» — «судить», «разбирать»), — место, где производится суд, т. е. административный центр; аналогичное понятие содержится в иранском слове «шахристан» — центр шахра (области).

В системе централизованного бюрократического государства, каким был Халифат и государства, возникшие на его территории, главным являлось не экономическое или правовое положение населенного пункта, а его место в системе управления государством. Поэтому мусульманские географы выделяют города по их административному значению. Наиболее определенно и последовательно этот принцип проведен ал-Мукаддаси. Он делил все города на три категории: миср, касаба и медина. Взаимоподчиненность городов разных разрядов он подчеркивает таким сравнением: «Мисры как цари, касабы как военачальники [хаджиб],[1] а медины как воины» (BGA, III, p. 47). Самое полное определение он дает мисру: «Мы определяем как миср каждый город [балад], в котором пребывает великий султан, в котором собраны диваны и из которого назначают чиновников, сюда относятся также главные города больших областей [иклим],[2] вроде Дамаска, ал-Кайрувана и Шираза» (там же). Города второго разряда не получили точного определения, они — центры округов, из которых состоят климаты. «В каждом иклиме непременно есть округá [кувар], а у каждого округа есть касаба, а у каждой касабы — города [мудун] . . . миср является главным городом [касаба] своего округа, но не всякий главный город является мисром» (там же). Далее ал-Мукаддаси перечисляет 16 мисров мусульманского мира, 77 касаб и города, подчиненные этим центрам (там же, с. 47—57).

Классификация ал-Мукаддаси условна и не исключает колебаний в отнесении городов к той или иной категории. Даже сам автор отступает иногда от принципов, объявленных им в начале сочинения. В этом отношении очень характерны его рассуждения о том, почему он считает мисром Мавераннахра Самарканд, а не Бухару: «Мы делаем его мисром этой стороны потому, что он древнейший и самый обширный и имеет много рустаков. А если спросит кто-нибудь, почему не считаешь Бухару мисром, хотя она столица государства и местопребывание диванов, то следует ему сказать, что пребывание в ней царей не делает ее непременно мисром, поскольку хотя Бухара город, благословенный пребыванием Саманидов, но переехали они туда из Самарканда; к тому же нельзя нам делать Самарканд и Нишапур подчиненными Бухаре из-за их величины, ибо упомянутая причина делает необходимым, чтобы Нишапур превосходил Бухару» (BGA, III, p. 270).

Гораздо меньше занимает ал-Мукаддаси вопрос об определении города вообще (в противоположность селу); главным признаком здесь для него является наличие соборной мечети. Впрочем, в этом случае он отмечает несоответствие характера некоторых населенных пунктов формальному признаку, принятому им для выделения городов. Например, перечисляя города Бухарского оазиса, он писал: «В нем есть много селений, которые больше городов: Варахша, Баррания, Афшина . . . чтобы быть

---

[1] Хаджиб — первоначально придворная должность, нечто вроде камергера, затем так стали называть некоторые категории военачальников.

[2] Всего ал-Мукаддаси насчитывает 14 климатов (*иклим*).

городами им недостает только соборной мечети» (BGA, III, p. 268, n. *c* — вариант константинопольской рукописи). В другом месте он замечает: «А остальные города подобны тому, что мы сказали; и есть там большие селения, которым из признаков городов недостает только соборной мечети [мимбар]. Это потому, что эмир, главы правления и его советники — сторонники Абу Ханифы, а по нашему учению, пятничная молитва и торжественные церемонии [ташриф] могут быть только в большом городе [миср], в соборной мечети, относительно которой существуют предписания [хадд]. И сколько пришлось помучиться жителям Пайкенда, прежде чем они установили мимбар!» (там же, с. 282).

Употребление слова «мимбар» вместо «соборная мечеть» для обозначения города не метонимия или замена одного синонима другим. Мимбар был связан с хутбой, имевшей важное политическое значение, со времени Муавии он символ не только религиозной, но и политико-административной власти.

Принцип выделения города по наличию соборной мечети исходит из восприятия его в первую очередь как административного центра. Именно он положен в основу перечней городов у ал-Истахри, Ибн Хаукаля и ал-Мукаддаси, которые позволяют судить о числе городов в различных районах Средней Азии. Естественно, что какая-то часть населенных пунктов городского типа, не имевших соответствующего административного статуса, осталась вне этих перечней, к тому же нам было бы важнее установить количество населенных пунктов, отвечающих определению города как крупного поселения, основное занятие жителей которого не связано с сельским хозяйством, а не число селений с соборными мечетями. Однако в подавляющем большинстве случаев в нашем распоряжении нет достаточных объективных данных. Археология сама по себе также не в состоянии выручить нас, поскольку до больших раскопок городища нельзя говорить о занятиях его жителей, а предварительное ознакомление дает только внешние признаки (форму городища, размеры, наличие или отсутствие городской стены). Даже если мы найдем самое оптимальное сочетание этих признаков для выделения городских поселений, то и тогда не будем уверены, что знаем городища всех существовавших в данный период городов, так как многие из них бесследно исчезли (особенно в орошаемых густонаселенных районах). К тому же неравномерная изученность разных городов не позволяет судить о степени развития в них городской жизни. Гораздо важнее взять за основу списки городов упомянутых авторов, чтобы иметь однородный материал для сравнения количества городов в разных районах, конкретизировать сведения географов с помощью археологического материала. Сделать это удобнее всего в виде таблиц, наглядно демонстрирующих степень изученности отдельных городов и целых районов (см. ниже). Целесообразно использовать сведения двух почти одновременных авторов: ал-Истахри и ал-Мукаддаси, у которых наиболее последовательно проводится единый принцип выделения городов. Другие авторы, того же времени и более поздние, не столь последовательны, и привлечение для сравнения их сведений может даже запутать картину. Разумеется, что они должны быть использованы, но вне таблиц.

Для археологической характеристики городов привлечены только опубликованные материалы. Исследователи отдельных районов, конечно, найдут эти таблицы неполными, но неполнота их будет иметь по крайней мере то достоинство, что обнаружится степень освещенности в печати результатов работ. Этот очерк имеет целью установление численности и размеров городов по областям и ни в коей степени не претендует быть исчерпывающим историко-топографическим исследованием соответствующих областей Средней Азии.

Южная Туркмения

Эта область выделяемая исходя из современных географических представлений, в раннем средневековье не составляла чего-то единого. Здесь можно отметить два района, издавна различавшихся уровнем развития экономики и городской жизни. Основная масса орошаемых земель, оседлого населения и большинство городов приходится на сравнительно небольшую площадь долины Мургаба, в основном на его дельту. Остальная территория — северные предгорья Копетдага от Теджена до Каспийского моря — занята сухими степями с вкрапленными в них небольшими оазисами у низовьев горных речек.

Северный Хорасан первым подвергся арабскому завоеванию, и здесь раньше, чем в других районах Средней Азии, должны были проявиться его последствия. Письменные источники не дают материала для суждения о состоянии городов в VII—VIII вв., кроме Мерва. Археологическое обследование как будто свидетельствует об упадке и запустении значительной части селений. «Обследование городищ в различных областях Южного Туркменистана выявило выразительную картину заброшенности при арабах большей части поселений и городов, вновь сложившихся после кризиса IV—V вв. Жизнь в них при арабах или угасает совсем, или перемещается на другую территорию» (Пугаченкова, 1958а, с. 143; ср.: М. Массон, 1966, с. 17).

Конечно, арабское завоевание и междоусобицы последовавшего за ним столетия должны были тяжело сказаться на судьбах части селений Северного Хорасана, но пока трудно делать категорические выводы о масштабах запустения. Во-первых, без раскопок, по одному подъемному материалу и впечатлению от городища, трудно сказать, запустело оно в первой или второй половине VII в.; во-вторых, обследование сасанидских городищ, не перекрытых поздними слоями, т. е. таких, которые заведомо прекратили существование в VII в., не даст представления о масштабах упадка, пока не будет сведений о числе поселений, продолжавших жить в VIII в. и позже; наконец, запустение некоторого количества селений не обязательно свидетельствует об общем упадке, поскольку оно могло компенсироваться ростом других или возникновением новых.

Сейчас известна дюжина средней величины городищ (от 2 до 12 га), запустевших в VII—VIII вв., и около 60 замков (Губаев, 1967, с. 4—6). Это очень немного по сравнению с сотнями селений, продолжавших жить и развиваться. Средневековые авторы упоминают в связи с арабским завоеванием 9 крупных городов (Мерв, Серахс, Абиверд, Ниса, Кейф, Бабан, Багшур, Мерверруд, Синдж), которые, как мы знаем, существовали до начала XIII в. Кроме того, в одном только Мервском оазисе при описании событий первой половины VIII в. названы 22 населенных пункта, в том числе известные в X—XII вв. города Хурмузферра, Гиренг, Харак, Пашан. Добавим сюда 8 селений, в которых жили передатчики хадисов первого поколения (так называемые таби'ун — конец VII—начало XIII в.), и получим для сравнительно небольшого района внушительный (и, конечно, неисчерпывающий) список поселений, определенно доживших с VII до XII в. Это мало согласуется с картиной глубокого упадка городской жизни.

Даже первая половина VIII в. не была только временем разрушений. Уже в конце 20-х годов, в разгар военных действий в Мавераннахре, в Хорасане началось строительство рабатов, продолжавшееся и в следующем десятилетии (Табари, II, с. 1504, 1967). Политическая и экономическая стабилизация, наступившая во второй половине VIII в., должна была способствовать развитию городов, но, к сожалению, ни археология, ни письменные источники не дают материала для суждения о масштабах этого подъема (кроме Мерва, о развитии которого см. ниже, с. 212—224).

Можно только отметить создание нескольких крепостей на границе с пустыней (в первой половине IX в.), которые потом обросли посадами. Нам приходится сразу переходить к сведениям ал-Истахри и ал-Мукаддаси, которые хорошо сочетаются с данными археологии (табл. 1; рис. 69, 70).

Табл. 1 показывает, как недостаточно изучены города даже в Мервском оазисе, где много лет работала большая археологическая экспедиция: из 12 только 6 точно привязаны к городищам.[3] Впрочем, сведения

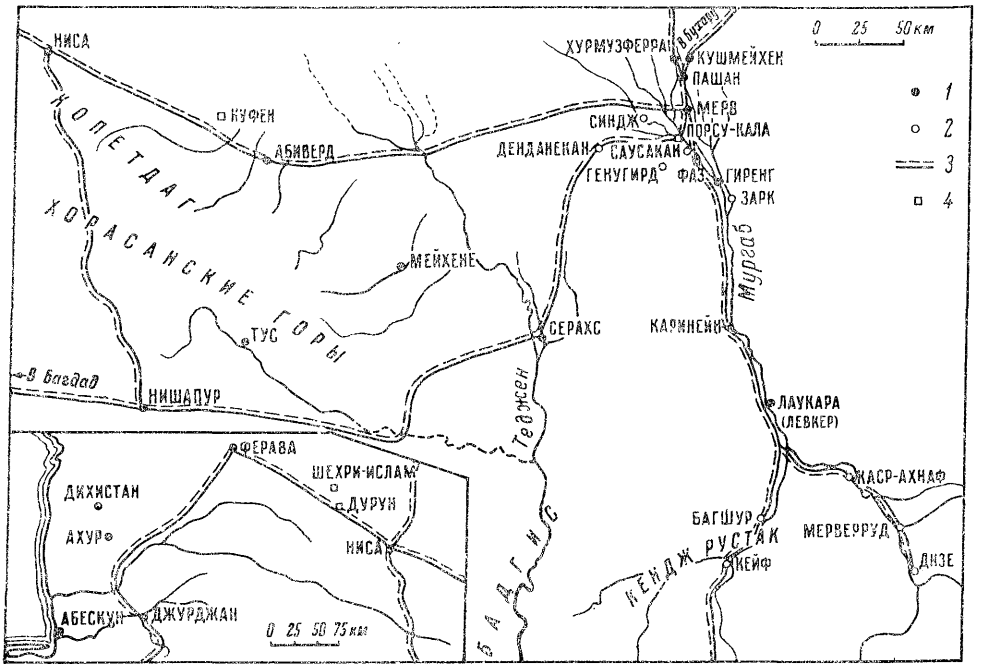

Рис. 69. Города Южной Туркмении.

1 — точно локализованные города; *2* — приблизительно локализованные города; *3* — средневековые почтовые и караванные пути; *4* — городища.

о половине городов, существовавших в X в., можно считать достаточно представительными для обоснованных выводов об истории городов данного района, если только ал-Истахри и ал-Мукаддаси упомянули все населенные пункты, считавшиеся в их время городами (они оба пользовались одним критерием — наличием соборной мечети). Для проверки этого полезно привлечь относящиеся к тому же времени данные «Худуд ал-алам», автор которого, кажется, не придерживается этого принципа. Он дает пять градаций: 1) «большой город» — Мерв; 2) «город» (шахр) — Серахс, Ниса, Мерверруд, Синдж-Аббади; 3) «маленький город» — Гиренг; 4) «городок» (шахрак) — Денданекан, Мейхене, Бабан (Баван), Каср Ахнаф (Дари Ахнаф), Дизе; 5) «маленькие городки» — Саусакан, Фашан, Зарк, Кушмейхен, Хурмузферра (Мусфари), Шабарандж и Кейф

[3] М. Е. Массон (1965) связывает Харак с Порсу-Кала, а Саусакан помещает в 6 км юго-юго-восточнее, но Порсу-Кала отождествляют также с Синджем, расположенным в той же части Мервского оазиса. Отождествление М. Е. Массона больше соответствует данным средневековых географов о расстояниях между пунктами Мервского оазиса. К. А. Адыков связывает Гиренг с городищем на Мургабе в 10 км юго-восточнее станции Талхатан-Баба (1962, с. 54, 55), тогда как, по сведениям Хафизи Абру, Гиренг находился на канале, отведенном к Мерву в 25—30 км (50 950 газах) от последнего (Жуковский, 1894, с. 67).

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (BGA, I, p. 263, 269—270)	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 50, 299, 308, 312—314, 320—321)	Локализация	Городище	Размер города, в га [а]	План	Раскопки [б]
			Мервский оазис				
1	Кушмайхан	—	+	Койне-Кишман	78.5 (нет)	+	+
2	Хурмузфарра	Хурмузфарра	+	Улу-Кишман (Тязе-Кишман)	80—85 (нет)	+	—
3	Синдж	Синдж	?	Порсу-Кала?	Более 100 (25)	—	—
4	—	Синк-'Аббади [в]	—	—	—	—	—
5	Джирандж	Кирank [г]	В 10 км ю.-в. Талхатан-Бабы	—	—	—	—
6	Дандānақān	Дандānақān	—	Даш-Рабат	Не менее 20 (4.5)	+	+
7	Карīнайн (Баркдиз)	—	Имам-Баба	—	—	—	—
8	Бāшān	Бāшān	Куртлы-Депе	Куртлы-Депе	52 (нет)	+	—
9	Харақ	Харақ	?	Порсу-Кала?	—	—	—
10	Саусақān [д]	Саусақān	?	—	—	—	—
11	—	Сахба	?	—	—	—	—
12	—	Санджān	?	—	—	—	—
			Верхний Мургаб				
13	Марварӯз	Марварӯз	Баламургаб	—	—	—	—
14	Қаср Ахнаф	Қаср Ахнаф	Меручак	—	—	—	—
15	Дизе (Дизах?)	Дизе (Дизах?)	У впадения Кушки в Мургаб	—	—	—	—
16	—	Неразборчиво	?	—	—	—	—
17	—	Лаукарā	Напротив Сары-Язы	—	—	—	—
			Кандж Рустāқ				
18	Бабан	—	—	—	—	—	—
19	Бағшӯр	Бағшӯр	Калаи-Мор	—	+	+	—
20	Кайф	Кайф	Чемени-Бит	—	—	—	—
			Другие районы				
21	Сараҳс	Сараҳс	Серахс	Койне-Серахс	Ок. 300 (26)	+	+
22	Насā	Нāсā	Багир	Ниса	300 (20)	+	+
23	—	Асфīнақān	?	Шехри-Ислам?	—	—	—
24	—	Джармақān	?	—	—	—	—
25	Абивард	Абīвард	Пештак	Пештак	(5)	+	—
26	—	Махана (Мейхене)	Меана	—	—	—	—

[а] В графе 6 в табл. 1—17 первая цифра — площадь всего города, цифра в скобках — площадь шахристана, слово «нет» в скобках означает отсутствие шахристана.

[б] В графе 8 в табл. 1—17 разведывательные раскопки, шурфы и зачистки не учитываются.

[в] Йакут (III, с. 599) дает два чтения: Шинк (Шинг) и Синдж-Аббади, оговаривая, что «это не тот известный Синдж» (МИТТ, с. 429).

[г] Здесь и во многих других случаях ал-Мукаддаси передает звук «г» через «каф».

[д] У ас-Сам'ани (л. 317а) Шаусакан, у Йакута (III, с. 245 Шавашкан.

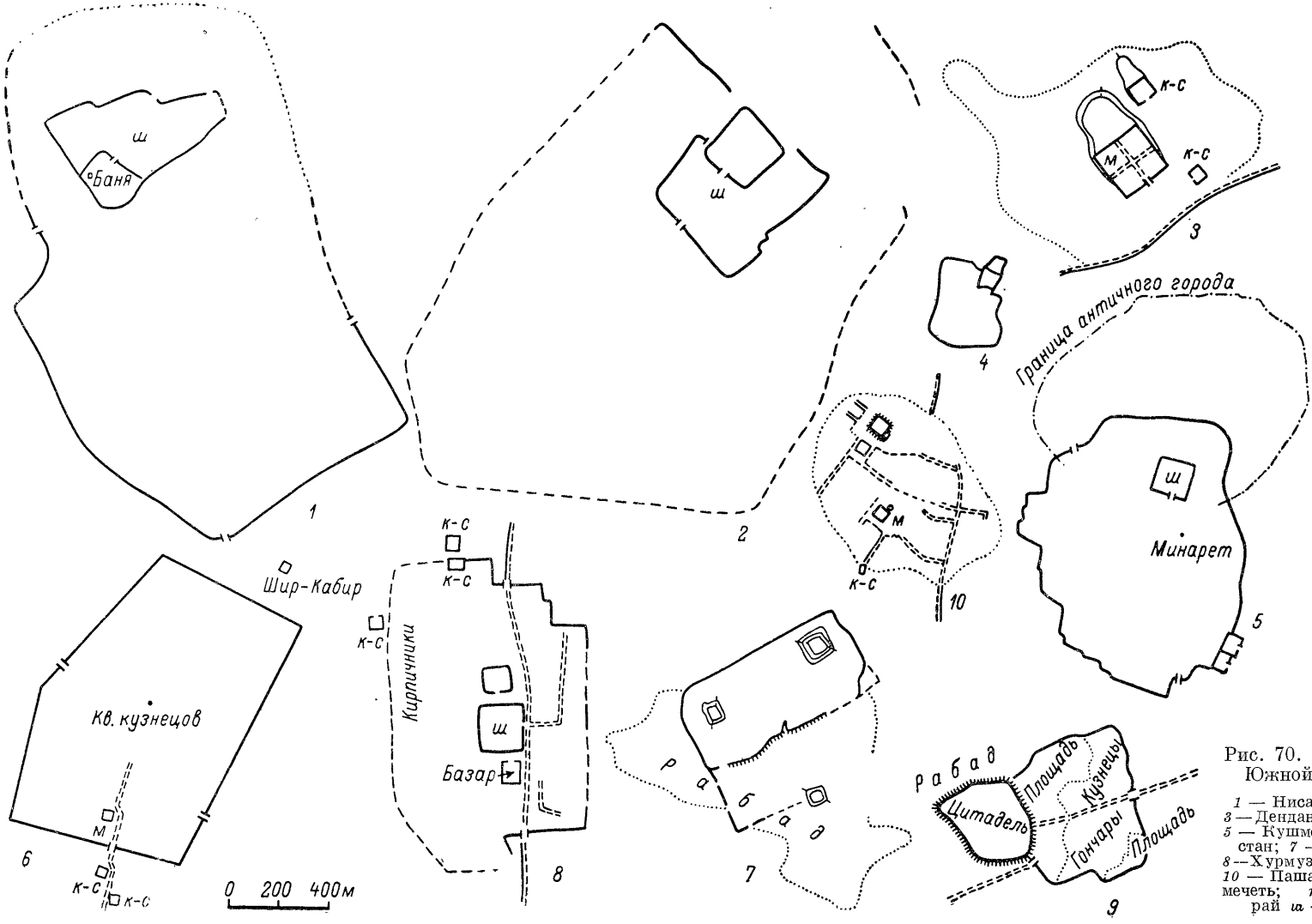

Рис. 70. Планы городов Южной Туркмении.

1 — Ниса; *2* — Абиверд; *3* — Денданекан; *4* — Дурун; *5* — Кушмейхен; *6* — Дихистан; *7* — Шехри-Ислам; *8* — Хурмузферра; *9* — Серахс; *10* — Пашан; *м* — соборная мечеть; *к-с* — караван-сарай *ш* — шахристан.

(Худуд, л. 19б—20б). Перед нами по существу тот же список, только добавлены Зарк (Разик) и Шабарандж, которые, возможно, из-за незначительной величины могли быть опущены другими авторами.

Совпадение трех списков мало зависимых друг от друга авторов свидетельствует о существовании в X в. четкого представления о том, какие именно населенные пункты считались городами. Их совокупные данные можно считать практически исчерпывающим перечислением городов Южной Туркмении.

Из четырех больших городов области (мы не придерживаемся в данном случае определений «Худуд ал-алам») мы хорошо знаем два: Нису и Серахс. Первый состоял из небольшого шахристана, соответствовавшего домусульманскому городу, и укрепленного рабада, превосходившего его по площади в 15 раз (рис. 70, *1*). Это, конечно, не означает, что население выросло пропорционально площади: рабад был застроен менее плотно, к тому же здесь и прежде существовала какая-то пригородная застройка. Но мы не ошибемся, сказав, что население Нисы с VIII по X в. выросло в 3—5 раз. Примерно таковы же пропорции роста Серахса (рис. 70, *9*); границы его рабада точно не установлены, но город был значительнее Нисы. В X в. даже небольшие городки, такие как Кушмейхен и Хурмузферра, занимали площадь в несколько десятков гектаров (рис. 70, *5*, *8*; М. Массон, 1966, с. 36—111). Правда, собственное население последних было невелико, так как бóльшую часть территории занимали караван-сараи (М. Массон, 1966, рис. 12). Но при всех оговорках несомненно значительное укрупнение городов X в. по сравнению с сасанидскими.

Существует, однако, точка зрения, что «число городов Туркменистана в IX—X вв. сравнительно невелико и масштабы их скромны» (Пугаченкова, 1958а, с. 144), а интенсивный рост начинается только в XI в.; в качестве примера приводят Нису, Серахс, Шехри-Ислам, Дихистан, Ахур, Абиверд, Мейхене и Куфен (Литвинский, 1953, с. 57, 58; Пугаченкова, 1958а, с. 190). Действительно, в XI—XII вв. складывается несколько новых городов на базе рабатов и крепостей на краю степей от Абиверда до Каспия — Куфен, Дихистан (М. Массон, 1951а, с. 49, 50, рис. 42). В основных же земледельческих районах появление новых городов не зафиксировано; несомненно, что там продолжают расти старые города, но темпы их роста не установлены. Даже в Нисе не выявлено районов, вновь застроенных в этот период. Раскопки Серахса тоже пока не дали доказательств особенно интенсивного роста в XI—XII вв. (Марущенко, 1956; Оразов, 1970). Единственным свидетельством можно считать появление в Мервском оазисе «длинных городов» (Генугирд — В. Массон, 1951; Яз-Депе — Пугаченкова, 1958а, с. 104), по площади приближавшихся к Нисе. Но города это или агломерация нескольких разросшихся деревень — остается неясным. М. Е. Массон полагает (1966, с. 34), что ас-Сам'ани и Йакут не называют Генугирд городом из-за отсутствия стены. Однако Харак, имевший стену, также назван у них селением, как и Синдж, Гиренг, Пашан, Кушмейхен, Хурмузферра.

В этом, с одной стороны, отразилась характерная для XI—XII вв. трансформация понятия «город», когда соборные мечети из-за их широкого распространения перестали служить определяющим признаком (Grabar, 1969, p. 38—42; Lapidus, 1969, p. 70—73), а с другой — затенение гигантским Мервом значения соседних городков. Теперь в Мервском оазисе соборные мечети упоминаются в селениях, которые их прежде не имели, и в то же время в оазисе не остается ни одного селения, удостоенного названия «город», хотя за пределами оазиса Ферава и Каринейн, явно уступавшие многим мервским селениям, считались городками.

Отсутствие надежного критерия для определения города вызывало колебания в оценках авторов XII в. Ас-Сам'ани (л. 417а) называет Фаз

селением, а Йакут (III, с. 846) — городом; последний в одной и той же статье называет Синдж и «карйа», и «мадина азима» (большой город). По-видимому, для XII в. нужно искать иные критерии выявления городов, чем оценки современных им авторов, а проблему «длинных городов» отложить до выяснения археологией основного занятия их жителей.

Заключая обзор, можно только повторить, что имеющиеся данные позволяют говорить о скачке в развитии южнотуркменских городов в IX—X вв. и продолжающемся росте в XI—XII вв., который, однако, сочетался с упадком отдельных городов (М. Массон, 1966, с. 55 — Хурмузферра и Кушмейхен) и не принес таких принципиальных изменений, как первый период. В середине XII в. многие города района сильно пострадали во время «гуззской смуты».

Хорезм

Как ни удивительно, но в Хорезме, на материале которого родилась единственная цельная концепция развития города от древности до средневековья, средневековые города археологически изучены хуже, чем в Южной Туркмении.

По мнению С. П. Толстова, в VII—VIII вв. города в Хорезме исчезают почти полностью и в VIII—IX вв. слагаются на новой основе в виде торгово-ремесленных посадов у замков феодалов, в силу чего большинство городов Хорезма не имеет шахристанов (1948б, с. 352). Археологически число городов в VIII в. не установлено. Считается, что их было всего несколько, так как ат-Табари и другие авторы говорят о «трех городах» в Хорезме: Фил (Кят), Хазарасп и Ургенч (Толстов, 1948а, с. 235—236; 1948б, с. 351).

Представление о «трех городах» в Хорезме основывается на недоразумении. Действительно, ат-Табари, рассказывая о завоевании Хорезма, говорит о ключах «от трех городов Хорезма» и что «у хорезмшаха три города, окруженных одним рвом, и город Фил — укрепленнейший из них» (III, с. 1237—1238). Из контекста явствует, что Хазарасп не входил в число «трех городов». Судя по изложению событий у Ибн ал-Аʿсама (с. 416), имеются в виду не три города, а три медины одного города — Кята, расположенные концентрически, с цитаделью (Фил) в центре, о которых писал С. П. Толстов в другой связи (1948, с. 127). Таким образом, ат-Табари вообще ничего не говорит о числе городов в области; кроме Кята, Хазараспа и Ургенча (вариант Балʿами) он упоминает еще Курдер (II, с. 1252).

В IX в. Хорезм остается вне поля зрения мусульманских авторов. Все наши сведения начинаются с X в. Описания Кята, столицы Хорезма, не связываются с конкретной топографией городища (Бартольд, I, с. 199—200; Манылов, 1966), поэтому размеры его устанавливаются очень приблизительно. Ал-Истахри говорит, что диаметр медины равнялся $^1/_3$ фарсаха (несколько менее 2 км), не указывая, имелся ли рабад (BGA, I, p. 301; МИТТ, с. 178). Исходя из этих данных, можно допустить, что площадь всего города была не менее 500 га. Ал-Мукаддаси не упоминает медину Кята, к его времени, вероятно, сильно подмытую рекой, но говорит, что город по величине близок Нишапуру.[4]

Об Ургенче, ставшем в конце X в. главным городом Хорезма, известно и того меньше. При ал-Мукаддаси он имел четверо ворот и интенсивно застраивался (BGA, III, p. 289). Границы города на местности не установлены, так как их перекрыли постройки XIII—XIV вв.

---

[4] Медина Нишапура была длиной около мили, а диаметр всего города — фарсах.

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (BGA, I, p. 299—300)	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 49, 286—289)	Локализация	Городище	Размер города, в га	План	Раскопки
			Города левого берега				
1	Дарг̣ān	Дарг̣ān	Дарган-Ата	Дарган-Ата	Не менее 50 (6)	+	—
2	Хазārāсб	Хазārāсб (Хазārāсф)	Хазарасп	Див-Салган	(10)	+	+
3	Х̣ӣва	Х̣ӣва	Хива	Ичан-Кала	(26)	+	—
4	Х̣ушмӣсан	Х̣ушмӣсан	—	—	—	—	—
5	Ардаҳушмӣсан	—	Амбар-Манак	Ваянган-Кала	—	—	—
6	Сāфардаз	—	Ханки?	—	—	—	—
7	Кардарāнх̣āш	Кардарāнх̣ас	Каладжик?	—	—	(2)	—
8	Нӯзвāр	Нӯзвāр	Булдумсаз?	Булдумсаз	—	—	—
9	—	Кāрдāр	?	—	—	—	—
10	—	Замаҳшар	?	Змухшир	18	+	+
11	—	Рӯзванд (Рӯзӯнд)	?	—	—	—	—
12	—	Зāрманд	?	—	—	—	—
13	—	Даскāҳанх̣ас	Гурлен?	—	—	—	—
14	—	Мадāмӣсан	?	—	—	—	—
15	—	Джикарбанд	Джигербент	Джигербент	(9?)	—	—
16	—	Джāз	?	—	—	—	—
17	Кӣт[a] (Гӣт)	Джӣт	22 км. южн. Куня-Ургенча	Пульджай	—	—	—
18	—	Малая Джурджāнийа	?	Етти-Аулия	—	—	—
19	—	Джӣт (другой)	?	—	—	—	—
20	—	Садфар[б]	Садвар	Чаш-Кала	Более 20 (2)	+	—
21	Андарастāн[a] (Андарасбан)	Андарастāн	Район Калинина	—	—	—	—
22	—	Масāсāн (?)	?	—	—	—	—
			Города правого берега				
23	Қарйа Барāтакӣн	Қарйа Барāтакӣн	10 км сев. Кунграда или Кушканатау	Кыз-Кала? или Куюк-Кала	4	+	+
24	Курдар	Курдар	Чимбай или Хайван-Кала	Хайван-Кала?	—	—	—
25	Мəзмӣнийа	Мадкамӣнийа	17 км сев. Кунграда	Бограхан	Ок. 15 (3.5)	—	—
26	Мардāджқāн (Миздахкан)	Маздāҳқāн	30 км вост. Куня-Ургенча	—	—	+	+
27	—	Г̣ардмāн	?	—	—	—	—
28	—	Вайхāн	?	—	—	—	—
29	—	Арзаҳӣва (Ардхива)	?	—	—	—	—
30	—	Нӯкфāр̣	Порсу?	—	—	—	—
31	—	Джашӣра	?	—	—	—	—
32	—	Садӯр	?	—	—	—	—
33	—	Зардӯх̣	?	—	—	—	—

[a] Селение (қарйа).

[б] После Садфара следует не встречающееся нигде больше название — Харāса (BGA, III, p. 49), которое, быть может, нужно читать слитно с предыдущим.

Списки городов Хорезма у ал-Истахри и ал-Мукаддаси сильно различаются (табл. 2; рис. 71, 72), поэтому С. П. Толстов считал, что с начала X в. до его последней четверти возникло много новых городов (1948а, с. 235—236; 1948б, с. 351).

Из табл. 2 явствует, что из 33 средних и мелких городов Хорезма, исключая Кят и Ургенч, только 8 бесспорно отождествляются с опреде-

Рис. 71. Города Хорезма.

1—4 — как на рис. 69; *5* — современные населенные пункты; *6* — древние каналы; *7* — сухие русла; *8* — русло Амударьи в IX—X вв.

ленными городищами, отождествление 7 других вызывает возражения, а 18 городов, т. е. более половины, известны только по названиям. Отчасти такое положение объясняется катастрофическими перемещениями русла Амударьи, уничтожившими остатки городов, отчасти ориентацией Хорезмской экспедиции на более ранний период и недостаточным вниманием к средневековым памятникам в зоне современного орошения, которых

несомненно гораздо больше, чем отмечено на картах, опубликованных экспедицией (Толстов, 1948а, цветная карта-вкладка; 1962, цветная карта-вкладка).

Отсутствие полной картины расположения городищ и их размеров делает затруднительным отождествление известных городищ со средневековыми городами. Вызывает сомнение локализация городов даже в северной, малообжитой части Хорезма. Так, Курдер (Кердер) С. П. Толстов отождествляет с Хайван-Калой, находящейся в 10 км западнее Кегейли

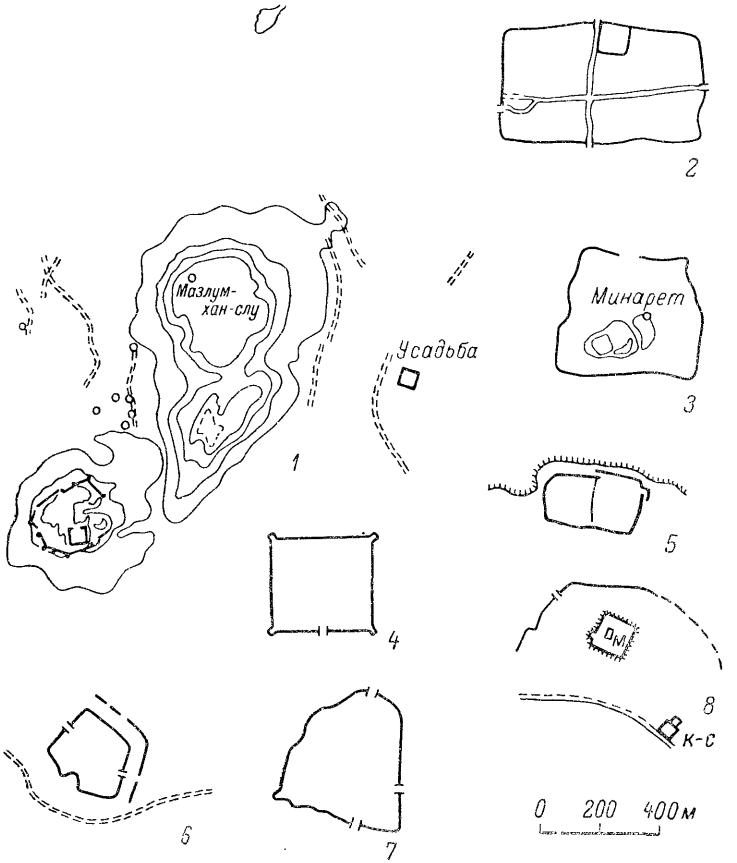

Рис. 72. Планы городов Хорезма.

1 — Миздахкан; *2* — Хива; *3* — Варагдех; *4* — Хазарасп; *5* — Дарган; *6* — Шахсенем; *7* — Замахшар; *8* — Садвар; *к-с* — караван-сарай; *м* — соборная мечеть.

(1948а, карта-вкладка), Я. Г. Гулямов считает, что он расположен в районе Чимбая (1957, с. 150), но на карте в его же книге Курдер помещен в 40 км северо-восточнее Чимбая (1957, рис. 10). Не соответствует сведениям географов отождествление городища Бограхан (17 км севернее Кунграда) с Мадминией (Гулямов, 1957, с. 152; Ягодин, 1963, с. 83), так как ал-Истахри определенно пишет, что Мадминия отделена от Джурджании рекой: «Напротив Гита, в пустыне, в фарсахе к северу находится город, называющийся Мадминия, он в четырех фарсахах от Джейхуна, но относится к Джурджании. Так получилось потому, что река повернула от Курдера и стала течь между Гитом и Мадминией» (BGA, I, p. 303; МИТТ, с. 179). Ал-Мукаддаси относит ее к правобережным городам (BGA, III, p. 286). На карте ирригационной сети Хорезма, составленной Я. Г. Гулямовым (1957, рис. 10), новое русло Амударьи показано восточ-

нее Мадминии. Местоположение Мадминии уточняется другим указанием ал-Истахри: «А Мадминия и Карйа Баратекин близки по величине, только Мадминия ближе к Джейхуну; от Мадминии до реки Джейхун четыре фарсаха» (BGA, I, p. 341; МИТТ, с. 181).[5] Но и Баратегин локализуется произвольно. Я. Г. Гулямов отвергает локализацию В. В. Бартольда [6] и отождествляет его с городищем Кыз-Кала, находящимся в 10 км к северо-востоку от Кунграда (Гулямов, 1957, с. 15), западнее Амударьи, несмотря на единодушное указание географов, что Баратегин расположен к востоку от Амударьи.

Естественно, что в центральной, более населенной и богатой городами части Хорезма при таком состоянии изученности средневековых памятников еще труднее локализовать города, упомянутые географами X в.

Замечания ал-Мукаддаси о величине городов Хорезма позволяют расположить их в следующем порядке: Кят и Гургандж; Миздахкан; Дарган; большими городами названы Баратегин, Джаз, Джашира, Зардух, Курдер и Джит; средним — Рузванд, остальные были меньше; Замахшар, городище которого известно, назван маленьким городом, и это помогает в оценке величины других городов.

О размерах Кята и Ургенча мы уже говорили. Третий по величине город Хорезма, Миздахкан, до сих пор недостаточно обследован. Первое и в течение 30 с лишним лет единственное описание городища Миздахкана, принадлежавшее А. Ю. Якубовскому (1930а), не сопровождалось планом. План и отчет о разведывательных работах в Миздахкане были опубликованы совсем недавно (Ягодин, 1968). Но ни этот план (рис. 72, *1*), ни текст статьи не помогают определить границы домонгольского города. Крепость, построенная в IX в. на холме Гяур-Кала, очень невелика (немногим больше 4 га) и не может быть шахристаном; никаких остатков какой-либо другой стены не отмечено. Восточный холм с мавзолеем Маслум-хан-слу гораздо больше (около 45 га), но целиком занят кладбищами (начиная с домусульманского времени), поэтому также не может считаться шахристаном, пока не будет доказано, что основная его часть в домонгольское время не служила кладбищем. К северу от обоих холмов находятся остатки золотоордынского города без всяких следов крепостной стены. К югу от холмов никаких остатков городской застройки также не обнаружено. Между тем ал-Мукаддаси определенно говорит, что в Миздахкане часть города, обнесенная стеной, почти такая же, как в Джурджании (BGA, III, p. 288). Возможно, что остатки городской стены или какие-то признаки границы города не были на первых порах обнаружены, поскольку перед исследователем не стояло такой задачи.

Следующий по величине город, Дарган, имел очень небольшой шахристан (6 га), а застроенная площадь вне стен немного превышала 50 га (М. Массон, 1966, с. 225; рис. 72, *5*). Если судить по шахристану, то Дарган меньше Хивы (26 га), Хазараспа (10 га) и «маленького» Замахшара (18 га). Возможно, ал-Мукаддаси, определяя величину города, учитывал всю площадь застройки, а не только шахристан.

С. П. Толстов утверждал, что для хорезмийских городов нехарактерно деление на шахристан и рабад, поскольку они не вырастали на основе старых городов, а возникали заново, как торгово-ремесленные посады при замках феодалов (1948б, с. 240). При нынешнем состоянии изученности средневековых городов Хорезма трудно еще говорить о пу-

---

[5] Я. Г. Гулямов пользуется неправильным переводом, в котором слово «шимал» переведено как «левобережье» (1957, с. 130).

[6] В. В. Бартольд считал возможным искать его в районе возвышенности Кушканатау (I, с. 207, прим. 1); это предположение становится еще более правдоподобным после обнаружения там большого городища Куюк-Кала площадью 4 га (о раскопках см.: Неразик, Рапопорт, 1959, с. 196).

тях их сложения, но все, что до сих пор известно, свидетельствует против указанного утверждения. Как мы видели, шахристан и рабад имелись у Кята, Ургенча и Даргана; ал-Мукаддаси упоминает рабад и хисн (крепость) Садвара, медину Нузвара и Джаза (BGA, III, p. 288—289). Хазарасп и Хива, судя по плану, существовали в рамках стен античных городов (Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963, с. 198—200) и никак не могут быть названы вновь возникшими посадами у замков. Планировку же остальных городов мы совершенно не знаем.

Насколько можно сейчас судить, особенность многих городов Хорезма — отсутствие у них большого укрепленного рабада и незначительные размеры шахристана. Все это как будто говорит о менее интенсивной городской жизни в нем по сравнению с Хорасаном или Согдом. Но возможно, что это ложное впечатление, возникающее из-за того, что стены рабадов и остатки построек разобраны для удобрения полей. О каком-либо заметном увеличении количества городов в Хорезме на протяжении X в. достоверных сведений не имеется. Разница списков городов у ал-Истахри и ал-Мукаддаси, на которую нередко ссылаются, объясняется не интенсивным градообразованием, а более полным и систематическим изложением материала у последнего. Для сравнения можно указать, что современный ал-Мукаддаси анонимный автор «Худуд ал-алам» упоминает только 9 городов, причем опущены даже большие города — Миздахкан, Джаз, Зардух и др. (л. 25б—26а).

В X в. левобережный Хорезм превосходил правобережный не только по площади орошенных земель, но и по количеству городов. После X в. это превосходство становится еще более значительным в связи с возвышением Ургенча и превращением его в столицу Хорезма. Быстрое развитие и обогащение Хорезма происходит в XII—начале XIII в., когда он становится центром большого государства, куда стекались, огромные средства, поступавшие в виде налогов или добычи, награбленной в завоеванных городах.[7] Особенно быстро росла столица — Ургенч, превратившийся в один из крупнейших городов Востока. Восторженное описание Ургенча у Йакута не содержит конкретных указаний на его размеры и структуру (Йакут, II, с. 64; МИТТ, с. 415). Ряд построек Ургенча XII—начала XIII в. (мавзолей Текеша, мавзолей Фахр ад-дина Рази, соборная мечеть, минарет которой заложен в 1011 г.) расположен на территории города XIV в., почти в 1 км к северу от Дарьялыка, за которым также находилась часть города (Якубовский, 1930б, с. 68). Таким образом, диаметр города был не менее 2—3 км, а площадь около 1000 га.

Археологически зафиксировано интенсивное строительство в XI—XII вв. крепостей по границе оазиса и возникновение новых городов (Толстов, 1948б, с. 167—170; Гулямов, 1957, с. 158—160). Впрочем, размеры последних очень невелики. Из всех этих городов (Гульдурсун, Кават-Кала, Дауран-Кала, Джанпык-Кала) (Толстов, 1948а, с. 240) только Гульдурсун (площадь 7.7 га) может быть назван городом, остальные — крепости. Городище Шахрлик, отождествляемое с Яны-Шехром, занимает 15 га и не имеет укреплений (Вактурская, 1963, с. 45—53); Ярбекир-Кала — крохотный городок (4.8 га) на территории укрепленного античного поселения (там же, с. 41—45).

Нам думается, что в Хорезме, как и во всей Средней Азии, развитие городов в VIII—XII в. шло не по линии возникновения новых центров, а в основном за счет роста старых. Пока мы можем судить об этом лишь по городам периферии оазиса, вроде Субурны (Шахсенем), города, существовавшего с античного времени, но особенно разросшегося в XII в.,

[7] Равенди сравнивал бесчинства хорезмийских солдат в Хорасане и Иране с монгольскими (с. 285).

когда его обнесли стеной (Рапопорт, 1958; рис. 72, *6*). Развивается Наринджан, не упоминаемый в X в., но уже существовавший в каком-то виде. К сожалению, о процессе развития мы вынуждены судить по третьестепенным городкам, а не по важнейшим центрам, что искажает общую картину.

Характерной особенностью размещения городов Хорезма в XI—XIII вв. С. П. Толстов считает концентрацию их внутри оазиса, тогда как в античности города располагались на периферии, защищая его от нападений извне (Толстов, 1962а, с. 251).[8]

Верхнее и среднее течение Амударьи

По берегам Амударьи в ее среднем течении никогда не было крупных городов. На протяжении более 700 км от Даргана до Термеза в средние века располагалось всего пять второстепенных городов (табл. 3), возникновение и существование которых определялось расположением в местах удобных переправ (рис. 73), поэтому, несмотря на все изменения в политическом и экономическом положении Средней Азии, четыре из пяти городов существуют на том же месте. Их собственная земледельческая округа была слишком незначительной.

Таблица 3

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (BGA, I, p. 281, 297)	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 49, 291)	Локализация	Городище	Размеры города, в га	План	Раскопки
1	Āмул	Āмул	Чарджоу	Чарджоу	150—175 (9 га)	+	—
2	Фирабр	Фарабр (Феребр)	Фараб	Фараб	Около 70 (1.5)	+	—
3	—	Навидах	?	—	—	—	—
4	Замм	Замм	Керки	—	—	—	—
5	Кāлиф	Кāлиф	Келиф	—	—	—	—

Крупнейшим городом в верхнем течении Амударьи был Термез, обычно составлявший вместе с небольшим подчиненным ему районом самостоятельную политическую или податную единицу (рис. 74, *2*). После Мерва, Бухары и Самарканда — это один из наиболее изученных городов Средней Азии (Бартольд, III, с. 504—508; ТТАКЭ, I, II). Мы не будем пытаться пересказывать результаты работ Термезской археологической экспедиции, остановимся лишь на вопросе о размерах Термеза. К моменту арабского завоевания он состоял из прямоугольной медины площадью около 10 га и большого пригорода, окруженного стеной.[9] По мнению В. А. Шишкина, город до VIII в. занимал участки «А», «Б» и I (1940б, с. 150—151), что равняется примерно 70 га. Окрестности города площадью 400—450 га (вместе с городом) защищала большая стена, относящаяся, вероятно, к кушанскому времени. Но территория пригорода была значительно меньше; на основании имеющихся данных трудно сказать, была ли особая стена у собственно рабада, т. е. пригорода, застроенного по-городскому, или

[8] На наш взгляд, такое представление объясняется меньшей изученностью памятников центра оазиса и тем, что древние города запустевшей окраины оазиса не обживались в средние века и поэтому дают четкий материал для датировки, в центре же древние слои замаскированы средневековыми. Кроме того, освоение оазиса шло от периферии к центру и более древние памятники, естественно, находятся по краям оазиса.

[9] Рабад Термеза упоминается в повествовании об осаде Мусы б. Хазима (Табари, II, с. 1153).

только у участка I. Существование ее заставляет предполагать свидетельство Сюань Цзана, согласно которому окружность Термеза составляет 20 ли, т. е. около 6 км. Эта цифра не может относиться ни к кале периметром менее 2 км, ни к площади, защищенной длинной стеной, периметр которой доходит до 10 км (впрочем, длина стены составляет 6—6.5 км, остальное приходится на берег реки). Скорее всего она относится к площади, указанной В. А. Шишкиным. Впоследствии только восточная часть этого рабада превратилась в город, западная часть пригорода запустела, город стал расти к востоку, вверх по оросительным каналам.

Географы X в. сообщают, что Термез состоит из кухендиза, медины и рабада. Кухендизом названа бывшая медина — кала на берегу Аму-

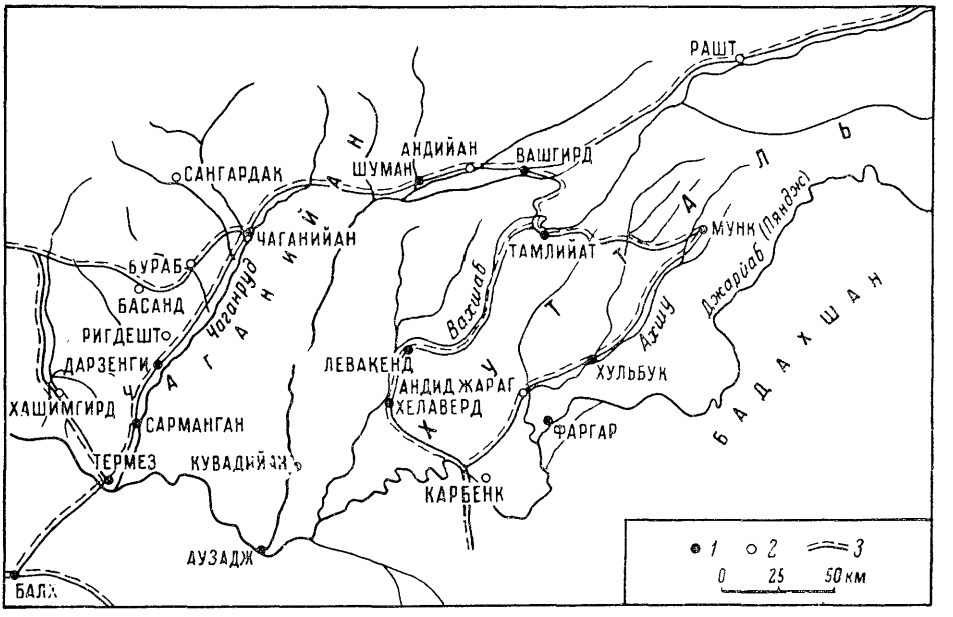

Рис. 73. Города верховьев Амударьи.

1—3 — как на рис. 69.

дарьи, а бывший рабад, участок I, площадью 35 га[10] превратился в медину (аналогичное явление — слияние бывшего рабада с мединой мы видим в Самарканде; см. ниже, с. 225). Рабад занимал участок II площадью 175—180 га; здесь находились базары и различные ремесленные кварталы. Работами Термезской археологической экспедиции в северной части участка II обнаружен квартал гончаров (Шишкин, 1940б, с. 144, 145), а в южной — квартал металлистов и стеклодувов (там же, с. 146, 151; Князев, 1945). Рабад, по словам ал-Истахри, также был окружен стеной.

Описание ал-Мукаддаси любопытно в том отношении, что в нем наряду с терминами «медина» и «рабад» употреблен обычный для него термин «хисн» в смысле «медина» (шахристан): «У него есть хисн и есть кухендиз, а соборная мечеть находится в хисне; кухендиз находится вне его [хисна], у него одни ворота, а у медины трое ворот; и есть у него рабад» (BGA, III,

[10] Цифры не очень точны, поскольку план городища в 1-м томе «Трудов ТАКЭ» не имеет масштаба, а масштабы планов в книге Лаврова (1950, рис. 131, 147, 152, 154) не совпадают друг с другом. Подсчеты сделаны нами, исходя из величины ограды дворца на участке III (Шишкин, 1940б, рис. 75), обозначенной и на общем плане.

р. 291). По описанию ал-Истахри, мечеть находилась среди базаров в мединe, следовательно, здесь «хисн» у ал-Мукаддаси означает «медина», «городская стена», а не «крепость».

В XI в. был защищен стеной еще один участок восточнее рабада X в., площадью около 190 га (Шишкин, 1940б, с. 149). Эта часть рабада носила иной характер: в ней среди садов располагались дворцы знати и замок

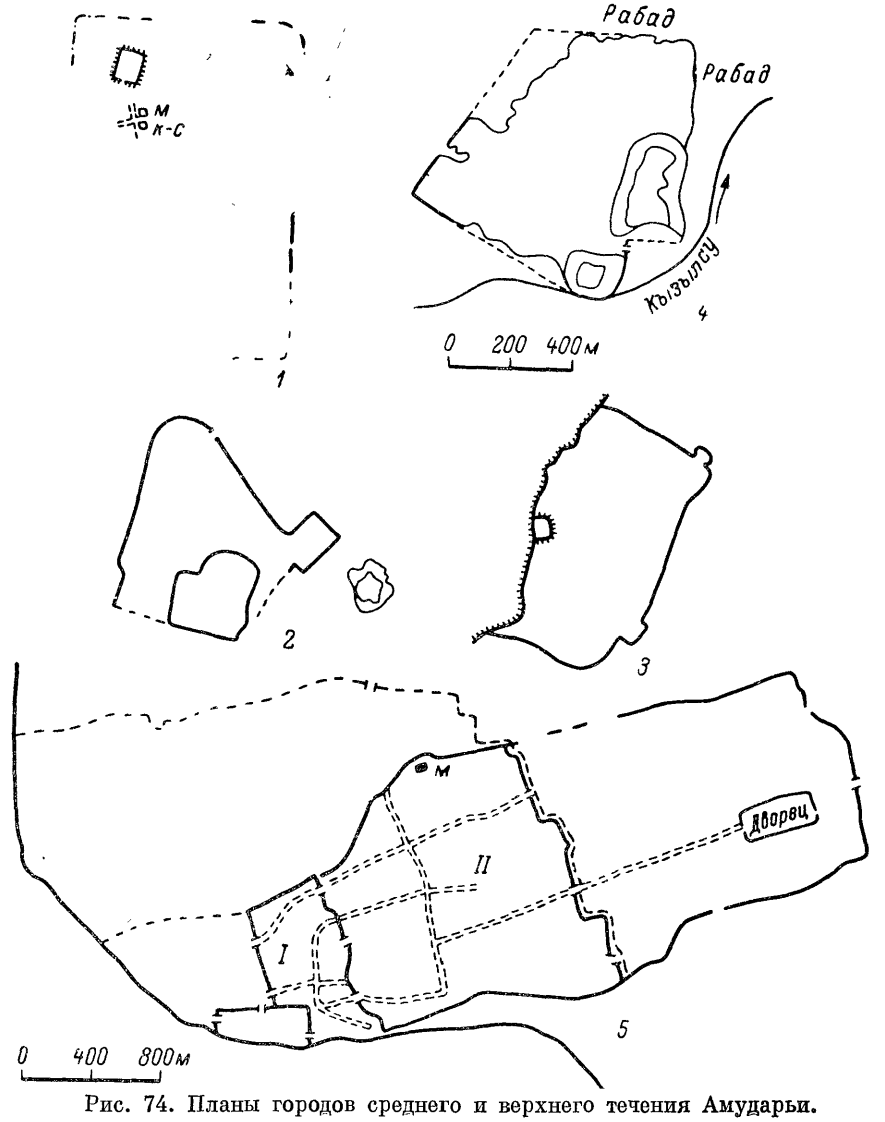

Рис. 74. Планы городов среднего и верхнего течения Амударьи.

1 — Феребр; *2* — Амул; *3* — Хелаверд; *4* — Чаганиан (городище Бедрач); *5* — Термез.

правителя. После этого общая площадь города достигла 400—410 га. Таким образом, Термез, в VIII в. равнявшийся Бухаре, затем отстал от нее в развитии и в X—XII вв. значительно уступал ей по величине (особенно с учетом плотности застройки), хотя и продолжал оставаться в числе крупных городов.

В округе Термеза находились два городка — Сарманган (Чарманган), который В. В. Бартольд (I, с. 123) помещал в районе Джар-Кургана, и Хашимгирд (Хашимджирд), располагавшийся в районе Ширабада.

Чаганиан. В VIII в. Чаганианом называлась область по Сурхандарье; в X в. в состав ее включали Ахарун и Шуман (Бартольд, I, с. 123; III, с. 559). Главный город носил то же название — Чаганиан (Саганиан). Описания географов не дают точного представления о планировке города. По словам ал-Мукаддаси, он похож на Рамлу, но больше; в нем были крытые базары, посреди находилась соборная мечеть с колоннами из обожженного кирпича, на которых непосредственно лежала кровля (BGA, III, p. 283). Ал-Истахри говорит только, что Чаганиан по площади больше Термеза, хотя последний превосходит его по населенности и богатству, и что он имел цитадель (BGA, I, p. 298).

Единого мнения о локализации Чаганиана нет. М. М. Дьяконов отождествляет его с городищем около Денау, на берегу Сурхандарьи, размером 1700 × 800 м (1950, с. 180, 181),[11] т. е. 136 га. Г. А. Пугаченкова не соглашается с ним и считает, что ему соответствует городище Бедрач, находящееся в 6 км юго-восточнее Денау, при впадении Кызылсу в Сурхандарью, на левом берегу первой (1963, с. 59—61). Это городище также значительно по размерам и вполне может быть столицей большой области. Однако близкое соседство двух больших средневековых городищ вызывает большие сомнения, и до более детального археологического обследования вопрос о локализации Чаганиана нельзя считать окончательно решенным.

Таблица 4

№ п. п.	Сведения ал-Истахри [a] (BGA, I, p. 340—341)	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 49, 268, 283—284)	Локализация	Городище	Размер города, в га	План	Раскопки
1	Дāрзанджӣ (Дарзенги)	Дāрзанджӣ	Ок. Джар-Кургана	—	—	—	—
2	Бāсанд	Бāсанд	?	—	—	—	—
3	—	Бахāм	?	—	—	—	—
4	Зӣнвар	Зӣнвар	?	—	—	—	—
5	Бӯрāб	Бӯрāб	?	—	—	—	—
6	Рӣкдашт (Ригдешт)	Рӣкдашт	?	—	—	—	—
7	Бāнйāб?	Бāнйāб?	?	—	—	—	—
8	—	Хунбāн	?	—	—	—	—
9	—	Дастаджирд (Вашджирд?)	?	—	—	—	—
10	Шӯмāн	Шӯмāн	Район Душанбе	—	—	—	—
11	Андийāн	Андийāн	Район Орджоникидзеабада	—	—	—	—
12	—	Санкарда [б] (Сангардак?)	Сангардак	—	—	—	—

[a] Все населенные пункты Чаганиана, приведенные в данной графе, упомянуты при описании маршрутов без указания на то, что они являются городами. Порядок перечисления — по BGA, III, p. 268.

[б] Упомянут только в общем списке (BGA, III, p. 49).

По словам ал-Мукаддаси, в Чаганиане насчитывалось 16 000 селений, но городов на всей территории, включая Ахарун и Шуман, он называет только 12 (кроме столицы) (табл. 4).

Иногда к Чаганиану присоединяли область Кувадийан (Кобадиан), располагавшуюся в долине Кафирнигана. В ней кроме одноименной столицы насчитывалось еще пять городов (табл. 5).

Хутталь (Хуттaлан). В эту область входили земли между Вахшем и Пянджем, но административно ее иногда объединяли с долиной Вахша. Главным городом Хутталя был Хульбук, а Вахша — Вашджирд (Ваш-

[11] План не снят из-за плохой сохранности городища.

гирд) (BGA, I, p. 295—297; Бартольд, III, с. 555—557; Беленицкий, 1950а, 1950б). Всего в этих двух областях насчитывалось 12 городов (табл. 6).

Таблица 5

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (BGA, I, p. 298)	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III; p. 49, 289—290)	Локализация	Городище	Размер города в га	План	Раскопки
1	Кувāдийāн	Кувāдийāн	Кобадиан	—	—	—	—
2	Наудиз	—	?	—	—	—	—
3	—	Нӣр [а]	?	—	—	—	—
4	—	Сакāрā	?	—	—	—	—
5	—	Аузадж [б]	Айвадж	—	Ок. 20	—	—
6	—	Бӯрам	?	—	—	—	—

[а] Самый большой после Кувāдийāна.
[б] О нем см.: Дьяконов, 1953, с. 270—272.

Таблица 6

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (BGA, I, p. 279, 297)	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 49, p. 290—291)	Локализация	Городище	Размер города, в га	План	Раскопки
1	Хулбук (Хульбук)	Хулбук	Ок. кишлака Курбан-Шиид	Хишт-Тепе	Не менее 70 га	—	+
2	Мунк	Мунк	Район Ховалинга	Шахри-Минг	—	+	—
3	Тамлийāт	Тамлийāт	Туткаул	Туткаул	—	+	+
4	Фāрғар (Паргар)	Фāрғар	Пархар	+	—	—	—
5	Кāрбандж (Карбанг)	Кāрбанк	?	—	—	—	—
6	Андӣджāрāғ	Андӣджāраг	?	—	—	—	—
7	Рустāқ Бӣк?	Банк (Бик?)	?	—	—	—	—
8	Халāвард	Халāвард (больше Хулбука)	Ок. кишлака Узун	Лягман	(42.5)	+	—
9	Лāваканд	Лāваканд	10 км. зап. Курган-Тюбе	Каун-Тепе?	(2.2)	—	—
10	Сикандара	Аскандара	?	—	—	—	—
11	—	Маранд	?	—	—	—	—
12	Вāшджирд (центр отдельн. области)	—	Сари-Мазар	Калаи-Сангин	Ок. 80 га	+	—

В Хульбуке несколько лет велись раскопки в цитадели, вскрывшие дворцовое здание (Гулямова, 1964, 1969). Территория самого города не исследована, плохая сохранность не позволила снять план, который дал бы представление о его размерах.

Крупнейшие города Хутталя и Вахша, такие как Хелаверд, Левакенд, Вашгирд, восходят к античности, сохраняя первоначальную геометрически-прямолинейную планировку шахристана (МИА, № 15, 1950, табл. 71, *3*, *6*, *7*).

Суммируя сведения о городах верховьев Амударьи, любопытно сравнить относительные размеры городов этого района, указанные средневековыми географами, с реальной величиной городищ. Самым большим счи-

тался Чаганиан, за ним следовали Термез и Вашгирд, который, по словам ал-Истахри, равен Термезу. Отдельно сравниваются города Хутталя: крупнейший — Мунк, за ним следуют Хелаверд и Хульбук. По размерам же городищ они располагаются следующим образом (рис. 74): Термез (210—215 га, в границах города X в.), Чаганиан (136 га; Дьяконов, 1950, с. 180—181), Вашгирд (80 га), Хульбук (не менее 70 га), Хелаверд (42.5 га).

Об изменении численности городов в верховьях Амударьи и их росте с VIII по X в. и в последующий период пока нельзя сказать ничего определенного. Судя по имеющимся археологическим данным (Термез, Хульбук), в XI—XII вв. продолжается развитие городов и наблюдается некоторый экономический подъем.

Долины Зеравшана и Кашкадарьи

Бухарский оазис. Благодаря «Истории Бухары» Наршахи мы не только хорошо представляем столицу, но и о небольших городах оазиса знаем больше, чем о городах какого-либо другого района. Упоминание ряда пунктов в связи с арабским завоеванием помогает составить представление об относительной значимости их в VIII в. В исторических сочинениях (кроме «Истории Бухары») называются Пайкенд,

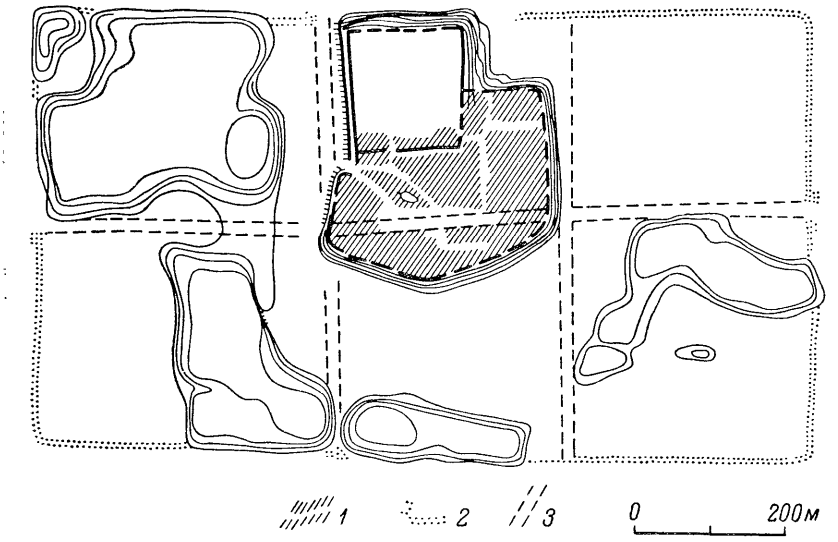

Рис. 75. Реконструкция плана Рамитана.

1 — Современное селение; *2* — предполагаемая граница города; *3* — предполагаемое направление основных улиц.

Рамитан, Тававис и Вардана. Вторым после Бухары был Пайкенд, богатый торговый город, состоявший из шахристана площадью 20 га, перегороженного надвое внутренней стеной (Якубовский, 1940б; Кесати, 1947; рис. 77, *2*).

Рамитан, согласно местной традиции, в древности был центром оазиса. В период арабского завоевания он выступал как самостоятельная политическая единица и заключал договор с Кутейбой отдельно от Бухары (Табари, II, с. 1198).[12] Остатки городища Рамитан около одноименного селения как будто не свидетельствуют о значительных размерах города.

[12] Рамдин, упоминаемый в рассказе ал-Балазури (с. 410) о походе Убейдуллаха б. Зийада в 54/674 г., вероятно, не Рамитан, а какое-то иное селение.

Центральная часть, занятая селением, состоит из высокого квадратного холма цитадели (140×165 м), наполовину выступающего из большого пятиугольного укрепления, которое считается шахристаном (около 5 га), и трех холмов к югу, западу и востоку от него, которые В. А. Шишкин называл остатками рабада (1940а, рис. 17; рис. 75). Однако некоторые особенности городища (в том виде, как оно зафиксировано в плане) вызывают сомнение в такой интерпретации. Прежде всего обращает на себя внимание равная высота центрального холма (южнее цитадели), северо-западного, юго-западного и южного холмов, свидетельствующая об одинаковой в древности продолжительности их обживания (цитадель, как обычно, выше —

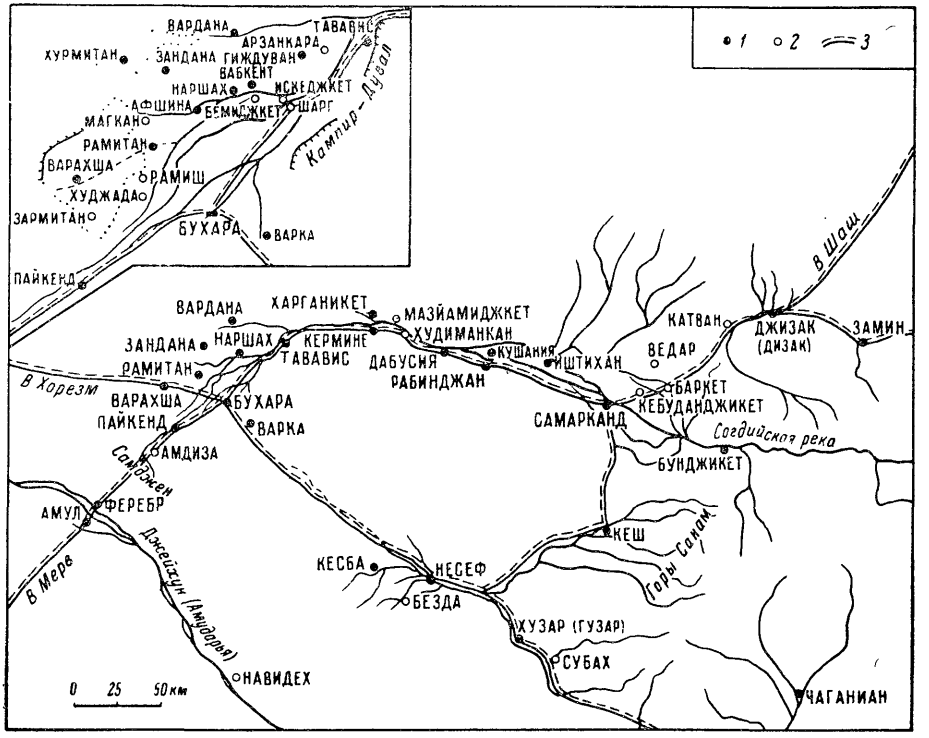

Рис. 76. Города Согда и Бухары.

1—3 — как на рис. 69.

по плану на две горизонтали). Такого равенства уровней никогда не бывает между шахристаном и рабадом, пусть даже очень интенсивно обжитым. Вторая особенность — былая правильность конфигурации, которая угадывается даже в нынешних остатках. Северо-западный холм сохранил прямолинейные очертания угла городища; южная его граница зафиксирована краем южного и юго-западного холмов. Продолжив их, мы получаем отсутствующий ныне юго-западный угол. Хуже обстоит дело с восточной частью городища, но и там восточный край холма, очевидно, сохранил направление стены, так как вряд ли случайно, что расстояние от середины центрального холма до края северо-западного и восточного практически одинаково. Таким образом, мы получаем прямоугольник 1020×550 м (56 га) с пропорциями 2 : 1. Такая форма городищ характерна более всего для городов античного времени[13] и совсем не свойственна рабадам.[14]

[13] Кей-Кобад-шах, Кухна-Кала, Топрак-Кала, Лягман, шахристан Термеза, шахристан Ахсикета и др.

[14] Исключение представляет правильный прямоугольный рабад Тараза.

Более того, нам кажется, что по плану можно угадать некоторые элементы внутренней планировки. Правильное деление пополам северо-западного и юго-западного холмов и продолжение этой линии в восточной части наводит на мысль, что здесь проходила главная магистраль города; две меридиональные улицы делили город на три равные части, хотя, конечно, число поперечных улиц было по крайней мере в 5—10 раз больше.

Если наша догадка верна, то домусульманский Рамитан в какой-то период действительно был первым городом оазиса и стоял в одном ряду со столицами областей: Термезом, Ахсикетом и Чаганианом.

Таким образом, Бухара VIII в. не была крупнейшим городом оазиса или во всяком случае не имела столь разительного превосходства над другими, какое было у Мерва, Кята или Чаганиана в подчиненных им областях. Это, видимо, точно отражало ее политическую роль в момент арабского завоевания. Как мы увидим дальше, в IX в. Бухара значительно перерастает и Рамитан, и Пайкенд.

Арабские географы X в. называют почти три десятка городов Бухарского оазиса (табл. 7; рис. 76).

Таблица 7

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (BGA, I, p. 313—315)	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 49, 266—268, 281—282)	Локализация	Городище	Размер города, в га	План	Раскопки
1	Ṭавāвӣс	Ṭавāвӣс	Бустон	Шахри-Вайрон	—	+	—
2	Ḫуджāдā	Ḫуджāдā	?	—	—	—	—
3	Маṛкāн	Маṛкāн	?	—	—	—	—
4	Бамиджкаc̱	Бамиджкаc̱	Ок. Вабкента	—	—	—	—
5	Зандана	Зандана	Зандани	—	—	—	—
6	Байканд (Пайкенд)	Байканд	—	Пайкенд (Шахри-Хайбар)	(20)	+	+
7	Вардāна	Аварзāна [а]	Варданзи	—	—	—	—
8	Рāмӣc̱ана	Арйāмӣc̱ан	Чоршамбеи-Ромитан	Ромитан	(56)?	+	—
9	—	Ṛарвāн (ʿУрвāн)	?	—	—	—	—
10	—	Ваḫсӯн (Баḫсӯн)	?	—	—	—	—
11	—	Сӣкаc̱	?	—	—	—	—
12	Шарṛ [б]	Джаргар [а]	?	—	—	—	—
13	—	Сӣшакаc̱ (Сӣджакаc̱) Искēджкет?	? ? —	—	—	—	—
14	Фараҳша [б]	Вараҳша [а] (Барахша)	—	Варахша	6.5	+	—
15	—	Зармӣc̱ан (Зармитан)	?	Ялпак?	2.5	+	—
16	—	Камиджкаc̱	?	—	—	—	—
17	—	Фаṛарсӣн	?	—	—	—	—
18	—	Кашуфаṛн	?	—	—	—	—
19	—	Нувайдак (Навӣдак)	Ходжа-Барги	—	—	—	—
20	Варкā [б]	Варкā	Афсана	—	—	—	—
21	—	Афшана (Афшина) [в]	?	—	—	—	—
22	—	Амдӣзā	?	—	—	—	—
23	—	Авшар (Ӯшар)	?	—	—	—	—
24	—	Барранийа [а]	?	—	—	—	—
25	—	Авдана [а]	Гиждуван	—	—	—	—
26	—	Ṛудждувāр [а]	?	—	—	—	—
27	—	Арзанкара? [а]	?	—	—	—	—
28	—	Анкана? [а]	?	—	—	—	—
29	Бāнаб [б]	Бāнаб [а]		—	—	—	—

[а] В константинопольской рукописи (BGA, III, p. 267, n. c.): «Селение, подобное городу».
[б] Упоминается при описании каналов без определения «город».
[в] Называется то городом, то селением.

Как мы видим, по числу городов Бухарский оазис немногим уступал такой большой области, как Хорезм. Большая разница между списками ал-Истахри и ал-Мукаддаси в данном случае тоже не может служить доказательством появления новых городов в течение X в., так как некоторые из городов, отсутствующих у ал-Истахри, имеются у Наршахи (Афшина, Искеджкет), который к тому же описывает еще несколько городков, отсутствующих у обоих географов, оговаривая, что они древние. По-видимому, большинство городков VIII—X вв. было небольшими укрепленными резиденциями дихканов и не играло важной роли в жизни оазиса (хотя об одном из них, Вахсуне, ал-Мукаддаси говорит, что это большой город). С другой стороны, Наршахи, упоминая многие мелкие селения, ни словом не обмолвился о Магкане, названном обоими географами (по определению ал-Мукаддаси, большой город с рабадом), и Бемиджкете. Несомненно, что различие определяется в какой-то мере случайностью, а в основном — степенью осведомленности автора. Что ал-Мукаддаси имел точные сведения о Бухарском оазисе, подтверждает отнесение им Шарга и Искеджкета к числу селений, подобных городам; это совпадает с их характеристикой у Наршахи.

Все же, хотя благодаря Наршахи мы имеем о некоторых небольших городах Бухары поистине несравненные сведения, невозможно конкретно проследить их рост и развитие. Из двух десятков городов известно точное местонахождение шести, сохранивших древнее название, и трех, известных по городищам. Но даже из этих девяти пунктов о пяти — Зандане, Вардане, Варке, Афшине и Гиждуване — мы не знаем ничего, кроме точки их расположения, так как городища не обследованы и размеры их не установлены. По существу оазис не изучен. В археологически обследованной запустевшей западной окраине оазиса находился только один город — Варахша, остальные располагались в обжитой части. Предпринять сплошное обследование оазиса не только интересно и важно, но и не слишком сложно — оно менее трудоемко и дорого, чем средние по объему стационарные раскопки на одном городище.

Остановимся на локализации некоторых городов.[15] Бемиджкет, один из важных городов оазиса (известный, в частности, в связи с восстанием Муканны [16]), по словам ал-Истахри, находился «в четырех фарсахах слева от едущего в Тававис, а между ним и дорогой — около половины фарсаха» (BGA, I, p. 315). Рядом с ним располагались городок Шарг и селение Ширван (Йакут, III, с. 352; Бартольд, I, с. 187). Местоположение Шарга не установлено, известно только, что он стоял на канале Харамкам, напротив Искеджкета (Наршахи, Ш, с. 12—13), в 4 фарсахах (25—30 км) от Бухары, на почтовой дороге в Самарканд, т. е. на Зеравшане,[17] где-то около истоков магистрального канала, орошающего Бухару. Селение Ширван, сохранившее до сих пор свое название, находится между Гиждуваном и Вабкентом. Если учесть, что на средневековых картах Бемиджкет помещается на правой стороне Зеравшана,[18] то можно довольно точно локализовать его: в полуфарсахе (3—4 км) от правого берега Зеравшана, у истока Шахруда, где-то в 5 км восточнее или юго-восточнее Вабкента (рис. 76).

Крупнейшим городом оазиса после Бухары в X в. считался Тававис,

---

[15] Топография Бухарского оазиса хорошо изложена В. А. Шишкиным (1963, с. 19—31) и иллюстрирована интересной картой.

[16] Упоминается у Ибн ал-Асира (см. выше, с. 158).

[17] Об идентификации Харамкама (Самджена) и Зеравшана см.: Большаков, 1956; Шишкин, 1963, с. 23; Мухамеджанов, 1969, с. 135—136.

[18] Автор в одной из статей (Большаков, 1956, с. 20) принял идентичное по начертанию слово Бемиджкет за Нумиджкет, т. е. Бухару, и решил, что Нумиджкет и Бухара — названия двух частей города.

но его городище настолько разрушено, что не удается установить даже примерную величину шахристана. Рабад упоминается только у Занданы и Магкана; можно предполагать существование его у Рамитана, где в 250 м к югу от городища обнаружены остатки стены (Шишкин, 1940а, с. 38), и Варахши (рис. 77, *3*). Подавляющее же большинство городов оазиса, представлявших укрепленные резиденции дихканов, не только не имели рабада, но и шахристаны их ненамного превосходили по площади замок владетеля (ср.: Ялпак, Катта-Ходжа-ишан, Тараб, Рамиш; Шишкин, 1940а, с. 6—7, 31—34, рис. 5, 15). С утратой политического значения эти городки превращаются в селения.

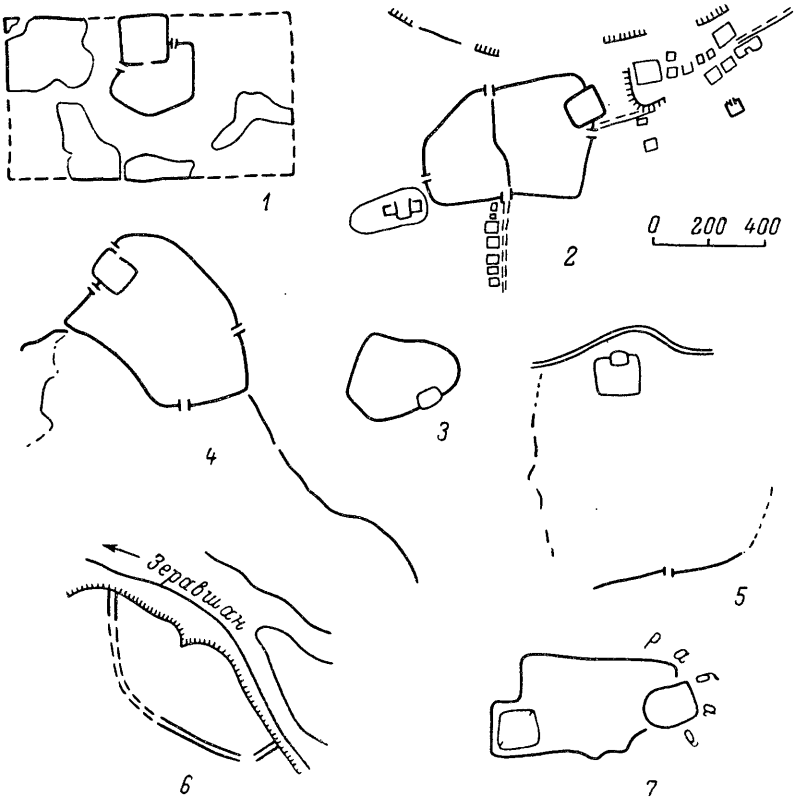

Рис. 77. Планы городов Согда и Бухары.

1 — Рамитан; *2* — Пайкенд; *3* — Варахша; *4* — Дабусия; *5* — Рабинджан; *6* — Варагсар; *7* — Наукад Курайш.

Пять городов, административно подчинявшихся Бухаре, лежали за пределами оазиса; один из них, Феребр, уже упоминался выше, остальные находились между Согдом и Бухарой (табл. 8).

К XII в. некоторые города и селения Бухары запустели. Погибли Варахша из-за усыхания западной окраины оазиса и Пайкенд.[19] Еще несколько заброшенных селений упоминает ас-Сам'ани (не всегда удается выяснить, находились ли они в запустевшей части оазиса). На смену угасавшим старым городам поднимаются новые — Гиждуван и Вабкент; последний, судя по прекрасному минарету XII в., из небольшого селения превратился в процветающий город.

[19] О водоснабжении Пайкенда см.: Гулямов, 1966.

Таблица 8

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (BGA, I, p. 313)	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 49, 266—267)	Локализация	Городище	Размер города, в га	План	Раскопки
1	Кармӣнийа	Кармӣнийа [a]	Навои	—	—	—	—
2	Ху̇дӣманкан	Ху̇дӣманкан	?	—	—	—	—
3	Ху̇арга̄нка̄с (Харганикет)	Ху̇арга̄нка̄с	?	?	—	—	—
4	Маз̇йа̄миджка̄с	—	?	—	—	—	—

[a] Отнесена к Согду.

Согд. Письменные источники при описании событий VIII в. упоминают в Согде города Иштихан, Рабинджан, Дабусию, Пенджикент, Баркет (Абаркет), Варагсар, крепость Кемерджу, селение Зерман. В это время не только Самарканд, но, вероятно, также Иштихан (одно время резиденция ихшидов) и Кушания превосходили по величине Бухару, так как даже менее значительная, чем они, Дабусия имела шахристан площадью 22—23 га (рис. 77, *4*). Как и Бухарский оазис, Согд распадался на множество небольших княжеств, центр каждого из которых был небольшим городком; городища некоторых из них нам известны; таковы Кафир-Кала на Нарпае (Шишкин, 1940б, с. 19), Чилек (Маршак, Крикис, 1969), Кулдор-Тепе (Ставиский, 1960). Городов в Согде в VIII в. не могло быть меньше, чем в Бухарском оазисе. В X в. это соотношение меняется. Ал-Истахри и ал-Мукаддаси вместе называют только 12 городов (табл. 9).

Таблица 9

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (BGA, I, p. 323)	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 49, 266, 279)	Локализация	Городище	Размер города, в га	План	Раскопки
1	Бунджӣка̄с	Бунджӣка̄с	Пенджикент	—	—	—	—
2	Варагсар	Варагсар	У головы Даргома	+	12	+	—
3	Ба̄рка̄с (Баркет)	Аба̄рка̄с	Район Красногвардейска	—	—	—	—
4	Кабӯзанджака̄с	Кабӯзанджака̄с	?	—	—	—	—
5	Вазда̄р (Ведар)	Вазда̄р	?	—	—	—	—
6	Иштӣха̄н	Иштӣха̄н	Иштихан	—	—	—	—
7	Куша̄нийа	Куша̄нӣ	?	—	—	—	—
8	Дабӯсийа	Дабӯсийа	+	Калаи-Дабус	Ок. 70 (22—23)	+	—
9	Арбинджа̄н	Рабинджа̄н	+	Рабинджан	Ок. 75	+	—
10	—	Абгар [a]	?	—	—	—	—
11	—	Рӣвдад	Раванак	Тали-Барзу ?	—	+	+
12	—	Катава̄на [б]	Район ж.-д. ст. Галляарал	—	—	—	—

[a] Ал-Истахри отмечает, что в рустаке Абгар нет города.
[б] В общем списке (BGA, III, p. 49) отнесена к Усрушане.

Расхождение между сведениями ал-Истахри и ал-Мукаддаси минимальное, они лишь дополняют друг друга. На обширной территории плодородного оазиса в X в. оказывается вдвое меньше городов, чем в Бухарской долине, и не выдвигается ни одного нового центра. Правда, старые значи-

тельно выросли, если судить по Дабусие, у которой появился рабад площадью более 50 га, и Рабинджану, величина которого в то время была не менее 70 га, но все это нельзя сравнить с ростом Нисы или Термеза. В общем Самаркандский Согд предстает по преимуществу сельскохозяйственным районом, обслуживающим большой торгово-ремесленный центр (Самарканд). Это явление можно объяснить двояко: 1) Самаркандский Согд был населен менее плотно, и городская жизнь была менее развита; 2) соседство такого крупного торгово-ремесленного центра, как Самарканд, подавило развитие соседних городов, превратившихся в обычные селения. Но точный ответ можно будет получить только после детального изучения нескольких городов Самаркандского Согда. О развитии городов этого района после X в. также слишком мало сведений; по-видимому, новых городов в XI—XII вв. здесь не появилось.

Долина Кашкадарьи. Ту же картину мы наблюдаем в другом центре согдийской цивилизации, в долине Кашкадарьи. Здесь в VIII в. кроме Кеша и Несефа упоминаются Хузар (Гузар), Субах, Невакет и Сангарде (Табари, II, с. 1465; Наршахи, Ш, с. 65; Гардизи, с. 99; Ибн ал-Асир, VI, с. 25). Географы X в. немногим дополняют этот список (табл. 10).

О городах Кашкадарьи мы знаем еще меньше, чем о зеравшанских. До сих пор не опубликовано никакого плана Шуллюк-Тепе, городища Несефа. По-прежнему о местоположении Кеша известно только, что он был в районе Шахрисябза. В 1963 г. в долине Кашкадарьи начала работу экспедиция под руководством М. Е. Массона, задача которой — изучить средневековые памятники, но пока в печати появилась лишь предварительная, очень краткая информация о достигнутых результатах (Массон, Лунина, 1968; Крашенинникова, 1968).

Ибн Хаукаль [20] дает наиболее полное описание Кеша: «А Кеш — город, у которого есть кухендиз и крепость [хисн], и рабад, и есть другая медина,

Таблица 10

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (К, с. 182, прим. 3, 6) [а]	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 49, 268)	Локализация	Городище	Размер города, в га	План	Раскопки
			Города Кеша				
1	Науқад Қурайш	Науқад Курайш	Камай-Тепе	+	(24—25) [б]	+	+
2	Сӯнадж (Сӯбаҳ) [в]	Сӯнадж (Сӯбаҳ)	?	—	—	—	—
3	Искӣфағн	Искӣфағн	?	—	—	—	—
			Города Несефа				
4	Базда	Базда (Безда)	К югу от Каучина, холмы Бабакент и Чардара	—	—	—	—
5	Касба	Касба (Кесба)	Касби	—	—	—	—
6	—	Сиркас [г]	?	—	—	—	—

[а] В BGA (I, p. 325) не упоминается.

[б] Схематический план опубликован без масштаба (Лунина, 1966); размеры городища (700 × 350 м) указаны в тексте (рис. 77, 7).

[в] Правильное чтение Сӯбаҳ приведено у Йакута (III, с. 182). М. Е. Массон и С. Б. Лунина (1968) пишут, что ими установлено местонахождение Сӯбаҳа и Искӣфағна, но не сообщают никаких сведений.

[г] У Йакута (III, с. 352) — Ширкас.

[20] В BGA (I) описание Кеша и Несефа очень кратко, в тексте каирской рукописи «алиф» много лакун, поэтому здесь мы берем вариант Ибн Хаукаля.

примыкающая к рабаду. А внутренняя медина, в которой кухендиз, разрушена, а внешняя — заселена. Резиденция правителя находится вне медины и рабада, в местности, известной под названием „ал-Мусалла", а тюрьма и соборная мечеть находятся в разрушенной внутренней медине. А базары его находятся в его рабаде. Это город [медина], размер которого треть фарсаха на столько же. Постройки его из глины и дерева. . . У внутренней медины четверо ворот; к ним относятся Железные ворота, за ними следуют Ворота Убайдаллаха, а третьи — Ворота Мясников, а четвертые Ворота Внешней медины. А у внешней медины двое ворот, одни из них Ворота Внутренней медины, а вторые — Баркананские ворота, а Барканан — селение, относящееся к нему [Кешу]. В городе есть две большие реки: одна, известная под названием „река отбельщиков тканей",[21] вытекающая из гор Сийам (или Санам, — *О. Б.*) и текущая на юг от города, и другая — река Асруд, вытекающая из рустака Кашк-руд и текущая севернее города; эти две реки текут у ворот города [медина], а у рустака другие каналы. . . А в медине и рабаде в большинстве домов есть текущая вода и прекрасные сады» (BGA, II, p. 375—376).

Описание ал-Мукаддаси короче и, кажется, находится в зависимости либо от ал-Истахри, либо от Джейхани, у которого ал-Истахри также мог почерпнуть свои сведения: «А Кеш — большой город, у него есть медина и рабад, а другая медина, примыкающая к рабаду, внутренняя, с кухендизом, разрушена, а внешняя заселена. Резиденция правителя — вне медины; соборная мечеть находится в разрушенной медине, а базары в рабаде. Его постройки из глины и дерева, как в Бухаре. Он плодороден, из него вывозят ранние фрукты. У внутренней медины четверо ворот: Железные ворота, Ворота Убейдуллаха, Ворота Мясников, Ворота Внутренней медины; а у внешней — двое ворот: Ворота Внешней медины и Баркананские ворота. У него две большие реки: „река отбельщиков" и река Асруд, протекающие у ворот города [медина]. Это был бы город веселый, если бы не был нездоровым» (BGA, III, p. 282).

Из обоих описаний явствует, что город состоял из трех частей: старой запустевшей медины с кухендизом, второй, живой медины и рабада, о котором не сообщается никаких сведений (вероятно, он не был обнесен стеной). В. В. Бартольд (I, с. 189) считал внешнюю медину рабадом («населен был только рабад с двумя воротами»). Если думать, что размеры, указанные ал-Истахри—Ибн Хаукалем, относятся к городу в целом, то из его площади в 400 га следует вычесть площадь старой медины, размеры которой должны были быть достаточно велики, так как она относилась ко времени, когда Кеш являлся столицей Согда.

Несефу соответствует описанное А. А. Зиминым городище Шуллюк, расположенное в 8 км к северо-западу от Карши (1927). В печати пока не появилось сведений о размерах городища Несефа, установленных археологически. Описание города у ал-Истахри никак не увязывается с реальной топографией. Ал-Истахри и ал-Мукаддаси пишут только о рабаде и разрушенном кухендизе, не упоминая шахристана. Река (Кашкадарья) рассекала город надвое (цитадель, судя по описанию Зимина, находилась в южной половине). В городской стене имелось четверо ворот: Неджарийские (Бухарские?), Самаркандские, Кешские и Губдинские. Поскольку Самаркандские ворота должны были находиться в северной или северо-восточной стороне, а Кешские восточнее их, то перечисление ворот идет по часовой стрелке; следовательно, Губдинские ворота южные, а Неджарийские — западные. Южная половина города была центральной. Здесь,

---

[21] В. В. Бартольд, вероятно, переводил это название как «река мясников», так как писал в «Туркестане»: «. . .только название реки заставляет предполагать, что „ворота мясников" находились на южной стороне» (I, с. 188, прим. 2).

у моста, находились дворец правителя и тюрьма, около южных ворот — соборная мечеть, а между ними важнейшие базары. Ал-Мукаддаси замечает, что жители Несефа — смутьяны (гага) и в нем царят дикие междоусобные распри (BGA, III, p. 283). По величине Несеф уступал Кесбе, о которой не сообщается никаких подробностей (Истахри, К, с. 182, прим. 6; BGA, III, p. 283; М. Массон, 1935, с. 23; Массон, Лунина, 1968).

Район Кеша и Несефа лежал в стороне от основных исторических событий XI—XII вв., поэтому письменные источники не дают сведений для суждения о состоянии их городов. Археологические данные пока отсутствуют.

Усрушана

Ал-Истахри и ал-Мукаддаси дают идентичные списки городов этой области, различающиеся из-за отнесения некоторых городов к другим областям (табл. 11).

Таблица 11

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (BGA, I, p. 325—326)	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 49, 265)	Локализация	Городище	Размер города, в га	План	Раскопки
1	Арсйа̄нӣкас̣	Арсуба̄нӣкас̣	Район Исфаны (или городище Карабулак)	—	—	—	—
2	Куркас̣	Курдакас̣	Куркат	—	—	—	—
3	Ґазак̣	Ґазак̣	Газандарак	—	—	—	—
4	Ва̄ґкас̣	Фаґкас̣	Вагат	—	—	—	—
5	Са̄ба̄т̣	Са̄ба̄т̣	Иски-Сават	—	—	—	—
6	За̄мӣн	За̄мӣн	Заамин	—	—	—	—
7	Дӣзак	Дӣзак	Джизак	—	—	—	—
8	Нӯджакас̣	Нӯджакас̣	Район селений Мугал и Бахмал	—	—	—	—
9	Ха̣рка̣на	Ха̣рка̣на	Район ж.-д. ст. Куропаткино и Галляарал	—	—	—	—
10	—	Ха̣шт	—	—	—	—	—
11	Марсманда [а]	Марсманда	Район Сулюкты	—	—	—	—
12	—	Ка̣тва̄ндиза [б]	—	—	—	—	—

[а] В каирской рукописи «алиф» отнесена к Буттаму.

[б] Перечисление городов у ал-Мукаддаси идет без союза «ва» («и»), поэтому трудно сказать, следует разделять Катва̄ндиза на Ка̣тва̄н и Диза или считать одним городом. В списке на с. 49 (BGA, III) Диза упоминается вслед за Нуджкетом, а Ка̣тва̄н стоит отдельно.

Как мы видим, большинство городов довольно точно привязывается к определенным пунктам, но о их величине говорить не приходится, так как их городища не выявлены или не изучены. В отношении их локализации мы не можем ничего добавить к существующим по этому вопросу исследованиям (Смирнова, 1953; Негматов, 1953, 1957а), остановимся только на вопросе о местонахождении столицы Усрушаны, которое еще не установлено окончательно. Начнем с описания ее у Ибн Хаукаля (поскольку в пересказе его у В. В. Бартольда есть неясные места).

«Ее главный город, в котором живут правители, — Бунджикет. Это город, в котором, по-видимому, около десяти тысяч мужчин. Постройки его из глины и дерева. У него есть внутренняя медина, у которой отдельная стена,[22] и стена вокруг рабада, и вокруг них обоих — другая. У внутрен-

[22] В каирском издании ал-Истахри (К, рис. 183): «Это город [медина], внутри которого другой город [медина], вокруг каждого из них стена».

ней медины двое ворот, одни из них ворота, называемые Верхними, а другие — Ворота Медины. Внутри медины соборная мечеть и кухендиз, а резиденция в рабаде в „чорсу эмира".[23] Во внутренней медине течет большой канал, на котором стоят мельницы. Тюрьма в кухендизе медины, а соборная мечеть вне кухендиза. А его базары находятся и во внутренней медине, и в рабаде. Стена рабада охватывает примерно фарсах, охватывает и сады, и виноградники, и посевы; все это — по эту сторону стены и причисляется к городу, а то, что вне стены, относится к рустаку. В ней четверо ворот; одни из них — Заминские ворота, и Марсмандские ворота, и Нуджакетские ворота, и Кахлабадские ворота» (BGA, II, p. 379).[24]

Ал-Мукаддаси сообщает следующее: «Бунджикас — это столица Ушрусаны, город большой, плодородный, важный, воды обильны, люди многочисленны, окруженный садами, прекрасный домами, подобен тому, что мы говорили о Шаше, но только эти [усрушанцы] здоровее грудью и [у них] меньше лихорадки. У него есть медина с двумя воротами: Ворота Медины и Верхние ворота, и в ней соборная мечеть, а кухендиз вне ее. У него есть обширный рабад с четырьмя дарбами: Заминский дарб, Марсмандский дабр, Нуджакетский дарб, Кахлабадский дарб, в нем шесть каналов, пересекающих его, кроме большой реки, которая течет к нему [?]. Он очень хорош и отраден» (BGA, III, p. 277).

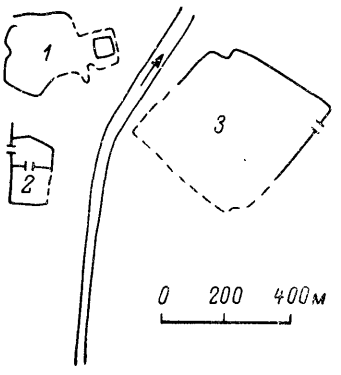

Рис. 78. Схема расположения городищ у Шахристана.

1 — Кахкаха I; *2* — Кахкаха II; *3* — Кахкаха III.

Сопоставить средневековое описание с объективными топографическими данными до сих пор не удается. Город локализовали то в районе Ура-Тюбе, то в районе Шахристана, хотя в обоих случаях конкретные топографические условия не во всем совпадают с описаниями географов. Н. Н. Негматов, считавший сначала вслед за О. И. Смирновой, что Бунджикет-Пенджикент находился на месте Ура-Тюбе (Негматов, 1953, с. 241; 1957а, с. 30—34), пришел в конце концов к выводу, что ему соответствуют городища Кахкаха I, II и III около Шахристана (рис. 78). Первое из них он считает мединой, второе — кухендизом, а третье — рабадом (Негматов и Хмельницкий, 1966, с. 194); внешняя стена, защищавшая окрестности, не обнаружена.

В отождествлении Н. Н. Негматова вызывают сомнение три пункта: слишком малые размеры шахристана — 4.2 га; то, что на его территорию не могла подаваться вода, а географы говорят о большом канале в медине и 6 каналах в рабаде; Кахкаха III слишком мала, чтобы быть рабадом, — около 20 га.[25] Трудно допустить, чтобы заведомо большой город X в. занимал пространство в 25—30 га.

Нам кажется, что описания Бунджикета у арабских географов больше подходят к Ура-Тюбе, чем к городищам Шахристана, которые не могут быть остатками большого города.

---

[23] Мурабба'а обычно переводят «квадратная площадь», но персидские переводы ал-Истахри показывают, что этому арабскому слову соответствует «чарсу»—«чорсу», имеющее конкретный смысл. В. В. Бартольд переводит это место — «дворец в рабаде, в казенном имении» (I, с. 223).

[24] Далее идет описание каналов рабада.

[25] В книге приведен план только северной части городища (шириной 450 м), установить по нему длину невозможно (Негматов, Хмельницкий, 1966, рис. 46), в тексте она также не указана.

Вторым по величине городом Усрушаны в X в. считался Замин. Его медина в то время была заброшена,[26] а новая часть города, уже окруженная стеной, называлась Сусанда, или Сарсанда. Остатки городища находятся около современного Заамина, но его конфигурация и размеры не установлены (Аминджанова, 1969).

Остальные города Усрушаны были незначительны, городища большинства из них не обнаружены, планы остальных пока не опубликованы. Все это не позволяет охарактеризовать развитие городов данного района.

Нижнее и среднее течение Сырдарьи

Здесь выделяются два района: дельтовая часть долины и среднее течение, включая бассейн р. Арыси и горы Каратау (рис. 79). Города в этой области возникли позже, чем в центральной части Средней Азии, только в V—VI вв. н. э., но в той же форме хорошо укрепленных шахристанов с цитаделью (Агеев, Пацевич, 1958, с. 72—74). Некоторые из них сопоставимы с крупными городами Согда и Хорезма, например

Рис. 79. Города нижнего и среднего течения Сырдарьи.

1—4 — как на рис. 69; *5* — сухие русла.

Исфиджаб (Сайрам) с его шахристаном в 28 га и Сауран (33 га) (рис. 80, *2*, *5*).

В письменных источниках в связи с событиями VIII в. упоминаются только два города (Шавгар и Тарбенд); по археологическим данным, в это время существовало большинство городов, названных географами X в. Ал-Истахри и ал-Мукаддаси насчитывают в общей сложности 20 городов (табл. 12), но, в силу того, что эта окраина тогдашнего мусульманского мира была им сравнительно плохо известна, трудно поручиться, что они упомянули все населенные пункты, которые, по их критериям, могли бы считаться городами.

Первые три города располагались в дельте Сырдарьи, центре огузского объединения племен. Янгикент был резиденцией огузского ябгу (Толстов, 1947). Его городище отличается геометрически правильными очертаниями и такой же внутренней планировкой (рис. 80, *8*). С. П. Толстов сравнивал

[26] М. Аминджанова считает, что «медина» — название города; предлагаемое ею отождествление средневекового Замина с одним из городищ по Заамину (1969, с. 139—140) неосновательно.

ее с планировкой Топрак-Калы и считал, что большие жилые массивы, прослеживаемые в Джанкете, свидетельствуют о сохранении здесь архаических общинно-родовых традиций (там же, с. 171). На наш взгляд, четкая планировка Янгикента, не искаженная многократными перестройками, свидетельствует о единовременности его сооружения и сравнительной молодости города, а большие жилые массивы являются обычными кварталами, состоящими из нескольких домов.

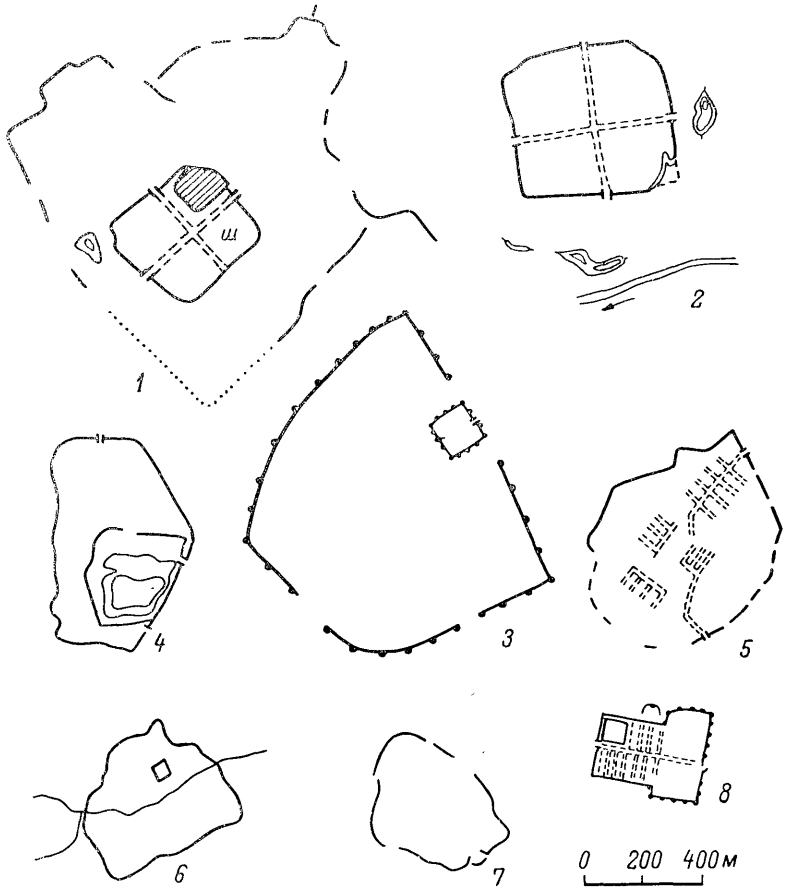

Рис. 80. Планы городов нижнего и среднего течения Сырдарьи.

1 — Отрар; *2* — Сайрам (Исфиджаб); *3* — Сюткенд I; *4* — Сыгнак; *5* — Сауран; *6* — Дженд; *7* — Аснас; *8* — Янгикент; *ш* — шахристан.

В XI в. на первое место в низовьях Сырдарьи выдвинулся Дженд, сохранивший свое значение до монгольского завоевания (Толстов, 1948а, с. 60—61; Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 86—88; рис. 80, *6*).

Главным городом и крупнейшим торговым центром в бассейне среднего течения Сырдарьи был Исфиджаб [27] (П. Иванов, 1923, 1927; М. Массон, 1928). Он долгое время являлся форпостом ислама на северо-востоке Средней Азии. Географы X в. особо подчеркивают присутствие в нем большого числа газиев (борцов за веру). Вне шахристана у каждых из четырех его ворот стояли рабаты с газиями из Бухары, Самарканда и Несефа (BGA. III, p. 273). Возможно, что их остатки в виде продолговатых холмов отмечены на планах у южных и восточных ворот городища (рис. 80, *2*).

[27] В X в. к области Исфиджаба причисляли также долину Таласа и Семиречье.

Таблица 12

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (К, с. 186, прим. 1)	Сведения ал-Мукаддаси [а] (BGA, III, p. 48, 263, 272—274)	Локализация	Городище	Размер города, в га	План	Раскопки
1	Қарйат ал-ҳадӣса (Янгикент)	—	У устья Сырдарьи	Джанкет	9.7	+	—
2	Джанд (Дженд)	—	+	Джан-Кала	19	+	—
3	Ҳувāра	—	?	—	—	—	—
4	Исбӣджāб	Исбӣджāб	Сайрам	Сайрам	(28)	+	—
5	—	Ҳурлӯғ	?	—	—	—	—
6	—	Джумушлāғӯ	?	—	—	—	—
7	Сабāнӣкас (Усбаникас)	Арсубāнӣкас	Мамаевка	Джуван-Тепе	—	—	—
8	—	Бāрāб (Фирāб)	Тимур	Отрар	90 (18)	+	+
9	Васӣдж	Васӣдж	Лев. берег Сырдарьи в 10 км ниже Отрара	Оксус	—	+	—
10	Кадар	Кадар (Кедер) [б]	?	—	—	—	—
11	Шāвғар	Шāвғар	Туркестан	Чуй-Тепе	7.5	+	—
12	Сабрāн	Саврāн	Сауран	Сауран	(33)	+	—
13	—	Турāрзарāн	+	Мыр-Тепе	—	—	—
14	—	Шағлуджāн	Ата-Бай	Ишкан	—	+	—
15	—	Балāдж	?	—	—	—	—
16	—	Барӯкат	?	—	—	—	—
17	—	Барӯх	?	—	—	—	—
18	—	Йакāникас	?	—	—	—	—
19	Бӣсканд [в]	—	+	Сюткенд I	(49)	+	—
20	Бадахкас (Бадахкет)	—	?	—	—	—	—

[а] Перечисление дается в том порядке, как у ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 263, 272—274).

[б] В списке на с. 263 отсутствует. О соотношении Кедера и Фараба (Отрар) см.: Бартольд, I, с. 525; Агеева и Пацевич, 1958, с. 81; Байпаков, 1964.

[в] В «Худуд ал-алам» (л. 24б): — Сюткенд.

Квадратный шахристан Исфиджаба окружал обширный рабад, имеющий около фарсаха в поперечнике, защищенный стеной.[28] Однако ал-Истахри (К, с. 186, прим. 1) считал, что Исфиджаб втрое меньше Бинакета, имевшего те же размеры (см. ниже, с. 195—197). Видимо, сравнение касалось только плотно застроенной части.

Ряд городов — Отрар, Сюткенд, Сауран — приближался по величине к Исфиджабу (рис. 80, *1*, *3*, *5*). Все эти и многие более мелкие города хорошо отождествляются с известными городищами; они состоят из шахристана с цитаделью, в X в. обычно заброшенной (Агеева и Пацевич, 1958, с. 72), и рабада. Важным центром оседлой культуры был оазис Фараб в устье р. Арыси (Бернштам, 1950). Его главным городом был сначала Кедер, а потом Отрар.[29]

Местоположение городов Баладж, Барукет, Барух и Йаканикет совершенно неизвестно. Косвенным указанием является их место в списке городов, перечисление которых у ал-Мукаддаси идет от Исфиджаба вниз по Арыси и Сырдарье до Шаглуджана или Баладжа; в связи с последним он замечает: «Мы возвратились к столице», затем называет указанные города и после них — города Таласа (BGA, III, p. 274). Видимо, от Баладжа автор начинает перечислять города в обратном порядке — к Исфиджабу.

[28] В. В. Бартольд считал, что имеется в виду не диаметр, а окружность стены, (I, с. 232).

[29] О разных мнениях по поводу главных городов Фараба см.: Байпаков, 1964.

В таком случае эти 4 города следует искать на северных склонах Каратау от Сузака и далее на юго-восток, где имеется несколько значительных городищ (Агеева, Пацевич, 1958, с. 111—115; Агеева, 1960, 1962).

Города нижней и средней Сырдарьи (так же как семиреченские), большие и малые, играли особую роль в истории среднеазиатской культуры и экономики: по ним проходила многовековая граница мира городских цивилизаций, частью которых была Средняя Азия, и бескрайних просторов степей и лесов, тянувшихся до Северного Ледовитого океана. Было бы неправильно видеть в них только торговые фактории, где совершался обмен продукцией этих двух миров, они возникли на почве земледельческих оазисов, заселенных тюркским населением, но особое географическое положение в немалой степени способствовало их более быстрому росту. В отличие от центральной части Средней Азии, где после X в. рост городов замедлился, если не прекратился, здесь в XI—XII вв. появляется много новых городов, упоминаемых Махмудом Кашгарским, ал-Идриси и историками монгольского завоевания. К их числу относятся Карнак, Карачук, Ашнас (Аснас), Барчанлыгкент (Кыз-Кала) и Сыгнак (Бартольд, III, с. 226—229; Каллаур, 1900). Последний упоминался еще в «Худуд ал-алам», но в то время еще не имел особого значения; в XI—XII вв. он становится одним из крупнейших городов (Якубовский, 1929; рис. 80, *4*). Возвышается и Отрар, затмевая собой Исфиджаб. Рост здесь городов в XI—XII вв. объяснялся как усилением процесса оседания кочевников, так и возросшей политической ролью этой области после караханидского завоевания Средней Азии.

Долины Чирчика и Ангрена

Шаш (Чач). Долина Чирчика и прилегающая часть правобережья Сырдарьи, составляющие эту область, являют своего рода «урбанистический феномен» Средней Азии. Здесь на площади в 4—5 тыс. км^2 (не считая горных районов) находилось 40 городов (рис. 81). «Размеры их [Шаша и Илака] — два дня пути на три дня, но нет в Хорасане и Мавераннахре области, в которой при таком же размере площади было бы больше мимбаров и больше деревень» (BGA, II, p. 384).[30]

Мусульманские авторы неоднократно упоминают Шаш в связи с событиями VIII в., но не называют ни одного города. Существует мнение, что столицей Шаша в VIII в. был Тарбенд, отождествляемый с городищем Минг-Урюк, расположенным на канале Салар в 4.5 км к юго-востоку от центра старого Ташкента (Буряков, 1956; Буряков-Зильпер, 1962). Серьезных доводов в пользу отождествления нет, так как совершенно неясно, где именно находился этот город. Нам представляется, что главным городом оазиса тогда, как и в IX—XII вв., был Бинкет (нынешний Ташкент), который арабы в VIII в. по имени области называли Шашем, как Нумиджкет — Бухарой, а Кят — Хорезмом. Даже в начале X в. иногда употреблялось это название (BGA, V, p. 327, *9—11*).

Городище Бинкета совершенно стерто послемонгольским городом. Лишь контуры шахристана сохранились в планировке города до XX в., на что обратил внимание М. Е. Массон. Согласно реконструируемому им плану, шахристан представлял трапецию площадью около 16 га с треугольной цитаделью (3 га), примыкавшей к ее вершине (М. Массон, 1954, рис. 13). Размеры шахристана и цитадели (периметр около 2 км) примерно соответствуют сведениям Сюань Цзана, что окружность столицы Ши 10 ли. Правда, 10 ли составляют примерно 3 км, но это может объясняться при-

[30] Эта фраза в несколько ином виде имеется в каирской рукописи «алиф» (Истахри, К, с. 184, прим. 9).

близительностью определений Сюань Цзана, который всюду приводит круглые цифры: 5, 10, 20 ли. Во всяком случае Минг-Урюк с его шахристаном в 7.5 га еще меньше соответствует сведениям о размерах столицы Шаша.

К началу X в. Бинкет значительно вырос. Вокруг шахристана сложились два пояса рабадов, защищенных отдельными стенами (Истахри, К, с. 185, прим. 4; BGA, II, p. 386; III, p. 276; Бартольд, I, с. 228). Диаметр города в пределах внешней стены равнялся фарсаху. Ал-Истахри называет 10 ворот внутреннего рабада (ал-Мукаддаси — 8) и 7 ворот внешнего. Мы не приводим их названий, поскольку они не сохранились в топонимике города и местоположение их никак не определяется. М. Е. Массон впервые попытался реконструировать границы внутреннего рабада, руководствуясь

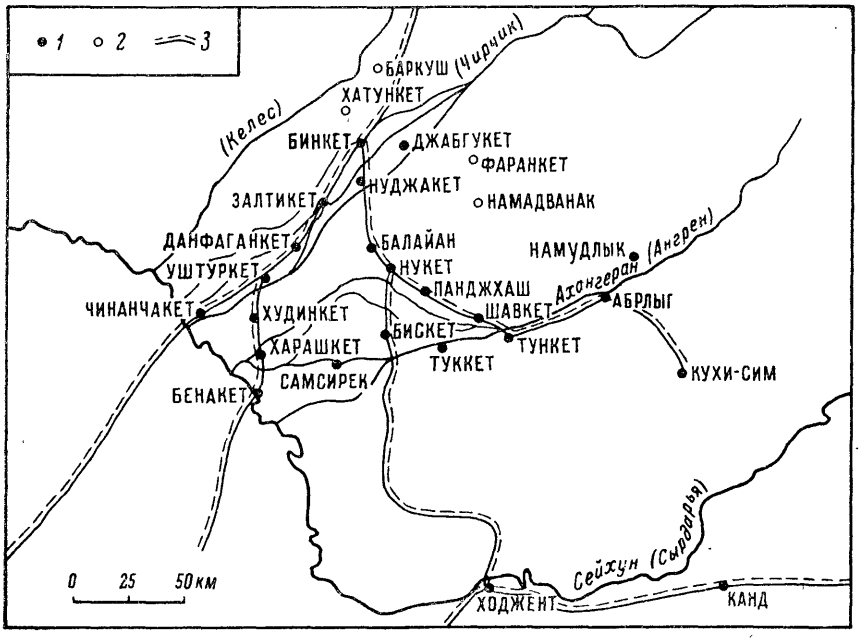

Рис. 81. Города Шаша и Илака.

1—3 — как на рис. 69.

характером планировки города и хорошим знанием археологической ситуации Ташкента. На его плане рабад образует почти правильный квадрат площадью около 400 га (М. Массон, 1954, рис. 11).

Во время археологических работ на территории старого города Ташкента после землетрясения 1966 г. удалось установить, что наиболее заселенные части рабада располагались к северо-западу и западу от шахристана, где были обнаружены остатки металлургических и стеклодувных мастерских (Булатова и др., 1970, с. 25—26). На основании этих данных участники работ в Ташкенте реконструировали границы обоих рабадов совершенно иначе, чем М. Е. Массон. Впрочем, данная реконструкция также не имеет под собой бесспорно твердой почвы, поскольку нигде не был зафиксирован ни один обрывок стены. Пока этого не будет, наиболее вероятными останутся реконструкции на основе существующей планировки.

При ознакомлении с первыми планами Ташкента (конец прошлого века) мы можем обнаружить несколько деталей, сохранивших элементы древней планировки (рис. 82, *I*). Отчетливо вырисовывается контур шах-

ристана и кухендиза, замеченный еще М. Е. Массоном (в отличие от него нам кажется, что шахристан имел почти правильную форму квадрата и, по-видимому, обычную для таких шахристанов планировку с двумя накрест пересекающимися магистралями). Средневековые географы говорят о трех воротах шахристана. Они скорее всего располагались посередине каждой стороны, северные же ворота, ведшие в кухендиз, упомянуты как ворота, ведущие из кухендиза в шахристан. В современном плане сохранилась только магистраль запад—восток, а магистраль север—юг, которая имела гораздо меньшее значение, растворилась при перестройках (рис. 82, *II*). От центрального ядра отходит 11 магистралей, которые соответствуют 10 (а может быть, 11?) дарбам внутреннего рабада. Нам кажется, что в нескольких случаях можно даже наметить места, где на этих маги-

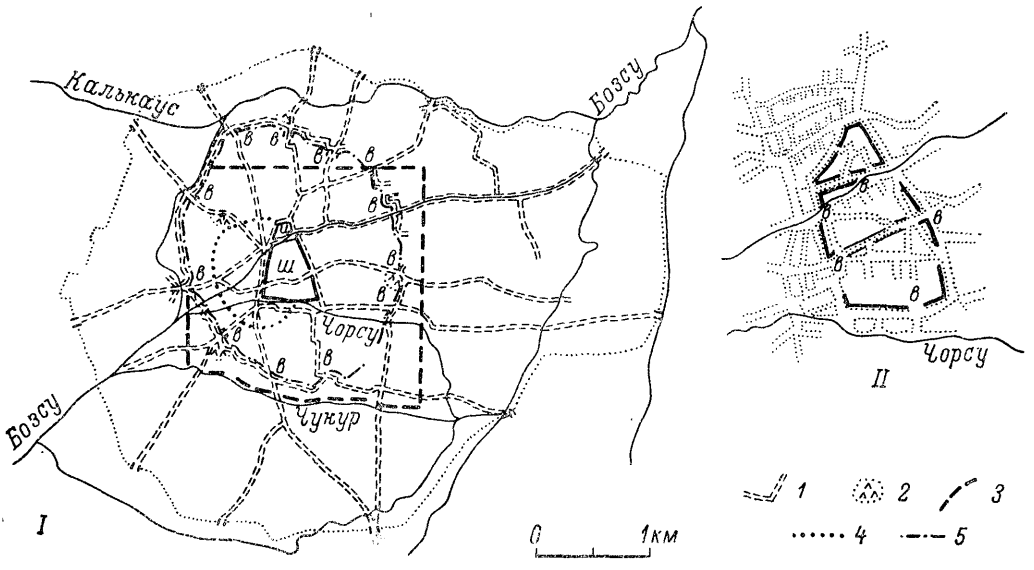

Рис. 82. Схема плана Бинкета X в.

I — расположение рабадов; *II* — реконструкция шахристана; *1* — улицы, отражающие средневековый план; *2* — кладбища; *3* — граница внутреннего рабада по М. Е. Массону; *4* — то же по В. Н. Куренному; *5* — то же по нашему предположению; *в* — предполагаемое расположение средневековых ворот; *ц* — цитадель; *ш* — шахристан.

стралях находились ворота. Такие места обычно засвидетельствованы пучками улиц, расходящихся от магистрали сразу при выходе из ворот. На юге подобный пучок имеется при пересечении Бешагачской улицей канала Чукур-Купрюк. Некоторые улочки, отходящие от магистрали почти под прямым углом, могли идти вдоль стен снаружи. Одной из них, видимо, является улица Алмазар (рис. 82, *I*). Западная граница внутреннего рабада, на наш взгляд, прослеживается без особых сомнений. В нескольких метрах за линией этой границы располагаются кладбища, лишний раз подтверждая ее реальность. На севере границу отмечает дуга улиц, идущих в 400—500 м к югу от канала Калькаус. Восточная граница рабада не оставила четкого следа в планировке города, но легко реконструируется соединением концов намеченной выше дуги. В этих границах внутренний рабад достигает 300 га. Стена внешнего рабада X в., вероятно, проходила близко к линии стены города XV—XIX вв., с той только разницей, что на востоке вряд ли заходила восточнее Анхора. Огромная площадь внешнего рабада была редко заселена. Ал-Мукаддаси особо отмечает, что при большинстве домов рабада есть сады, виноградники и конюшни. Указы-

вая на большие размеры города, он еще раз оговаривает это обстоятельство (BGA, III, p. 276). Здесь, как и в пригороде Самарканда, застройка могла образовывать сгустки вдоль магистралей. Кстати, именно на этих магистралях «у большинства городских ворот XIX в.» обнаружена концентрированная застройка (Булатова и др., 1970, с. 26).

Таким образом, Бинкет был одним из крупнейших городов Средней Азии, следуя сразу за такими гигантами, как Мерв, Самарканд и Бухара.[31]

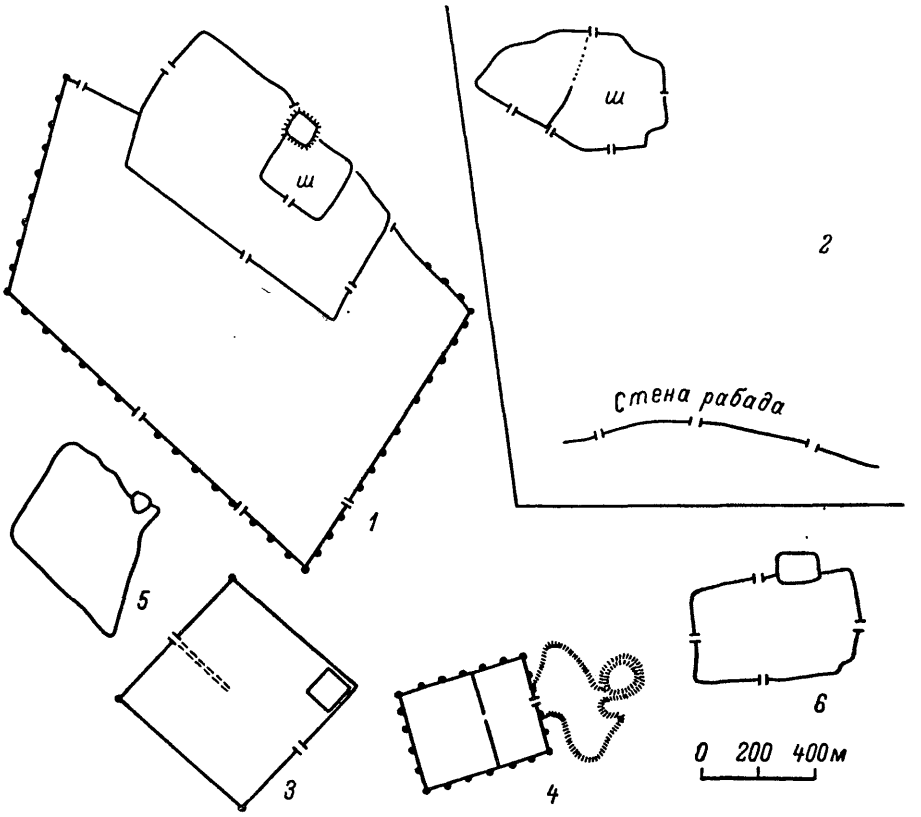

Рис. 83. Планы городов Шаша и Илака.

1 — Харашкет; *2* — Тункет; *3* — Нуджакет (Ханабад); *4* — Данфаганкет; *5* — Залтикет (Зенги-Ата); *6* — Нукет; *ш* — шахристан.

Об остальных городах оазиса имеется мало сведений (табл. 13.) Ал-Мукаддаси описывает только три города Шаша. Уштуркет, по его словам, размерами равен Бинкету, защищен стеной, имеет проточную воду и красивые торговые ряды (тимы). Бенакет «по величине вроде Уштуркета, жители смутьяны, крепостной стены нет». Чинанчакет (Джинанджакас) не имеет стены, «постройки из дерева и войлока» (BGA, III, p. 276—277). Ал-Истахри сообщает только соотношение размеров: за Бинкетом следует Харашкет, за Харашкетом — Шутуркет, остальные города меньше их по величине (К, с. 185, прим. 5). Следует признать, что сведения ал-Иста-

[31] Уже после завершения работы автор познакомился со статьей В. Н. Куренного (1971), в которой он, пользуясь тем же методом реконструкции древнего плана, совершенно независимо пришел к выводам, во многом совпадающим с нашими. Однако его локализация внутреннего рабада только к западу от шахристана совершенно неубедительна (там же, рис. 2), за западную стену внешнего рабада принята стена внутреннего.

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (BGA, I, p. 328—331)	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 48, 264—265)	Локализация	Городище	Размер города, в га	План	Раскопки
1	Данфағāнкас	—	Янгиюль	Югон-Тепе	(16.5)	+	—
2	Джӣнāнджкас (Чинанчакет)	Джӣнāнджкас	Чиназ	Чиназ	Городище разрушено	+	—
3	Наджākас	Наджākас	—	—	—	—	—
4	Банāкит (Бенакет)	Банāкас	+	—	—	—	—
5	Ҳарашкат	Ҳарашкас	+	Канка	120 (45)	+	—
6	Ашбӣнгӯ ?	—	—	—	—	—	—
7	Ардлāнкат [a]	—	У впадения Аксу в Чаткал	Кюльбесхан	15	+	—
8	Ҳудӣнкат	—	1 фарсах сев. Ҳарашкаса	—	—	—	—
9	Канкарāк	—	—	—	—	—	—
10	Калашджак ?	—	—	—	—	—	—
11	Ғарджанд	Ғарджанд	—	—	—	—	—
12	Ғаннāдж	Ғаннāдж	—	—	—	—	—
13	Джабӯзан	Джабӯзан	—	—	—	—	—
14	Вардӯк	Вардук	—	—	—	—	—
15	Кабрана (Гебране?)	Кабарна	—	—	—	—	—
16	Ғадрāнак	—	—	—	—	—	—
17	Нӯджакас	Нӯджакас	+	Ханабад	(33.6)	+	—
18	Ғазак	Ғазак	—	—	—	—	—
19	Анӯзкат	Анӯзкас	—	—	—	—	—
20	Бағункас	—	—	—	—	—	—
21	Баркӯш	Баркӯш	—	—	—	—	—
22	Ҳātӯнкас	Ҳātӯнкат	—	—	—	—	—
23	Джӣгӯкас (Джабгукет)	Джӣгӯкас	+	Тугай-Тепе	(9.5)	+	—
24	Фаранкас	Фаранкад	Паркент?	—	—	—	—
25	Кадāк	Кадāк	—	—	—	—	—
26	Накāлик	Накāлик	—	—	—	—	—
27	—	Намадвāнак ?	—	—	—	—	—
28	—	Бишкас	—	—	—	—	—
29	—	Бāрскас	Паркент?	—	—	—	—
30	Сутӯркас [б]	Уштӯркас	Ок. Садового	Иски-Ташкент	—	—	—
31	—	Албӣкас	—	—	—	—	—
32	—	Кабāшкас ?	—	—	—	—	—
33	—	Дих Кӯрāн (Каврāн?)	—	—	—	—	—
34	—	Телл-Ӯш	—	—	—	—	—
35	—	Ғузкард	—	—	—	—	—
36	—	Зарāнкас	Заркент?	—	—	—	—
37	—	Дарвā	—	—	—	—	—
38	—	Фардкас	—	—	—	—	—
39	—	Аджиҳ (Уджиҳ)?	—	—	—	—	—

[a] Ал-Мукаддаси относит Ардланкет к Фергане.

[б] Ал-Истахри, К, с. 185, прим. 5; добавление по рукописи «алиф»: «. . . за Бинкетом по величине следует Харашкас, за Харашкасом следует Сутӯркас».

хри точнее. Городище Канка, отождествляемое с Харашкетом (М. Массон, 1953, с. 114), имеет внушительные размеры: цитадель 6.5 га, первый шахристан 45 га, второй — 120 га (рис. 83, *1*); за его стенами располагался рабад (М. Массон, 1953а, с. 110—112). Это старый, хорошо укрепленный город, который трудно сравнить с Чинанчакетом, не имевшим стен и в котором дома перемежались с юртами.

Насколько можно судить по имеющимся археологическим данным, следом за Шутуркетом можно поставить Нуджакет, у которого имеется большой квадратный шахристан, по форме и величине аналогичный шахристану Бухары, — 33.6 га (570×590 м) (М. Массон, 1954, с. 41—43, рис. 24),[32] рабад отсутствует (рис. 83, *3*). По мнению В. М. Массона, город в таком виде возник в конце IX—начале X в. (1951а, с. 79). Этот вывод основывается только на впечатлении от подъемного материала и на аналогии с Хорезмом. Остальные города значительно меньших размеров, типа Джабгукета (Баишев, Массон, 1956, с. 134—137) или Данфаганкета (Григорьев, 1935; рис. 83, *4*).

Пока мы знаем планы и размеры только 7 городищ, трудно делать выводы о характере всех городов Шашского оазиса. Но вряд ли можно сомневаться в том, что их необычная многочисленность объясняется не столько высоким уровнем развития ремесел и торговли, сколько иными обстоятельствами, в первую очередь тем, что эти городки «являются поселениями во многом сельскохозяйственного характера» (В. Массон, 1951б, с. 78). Иначе говоря, многие из них — укрепленные селения с резиденцией дихкана, городки, но не города. В Согде аналогичное состояние было, видимо, в VII в., но там с развитием крупных городов в IX в. большая часть мелких городков превратилась в селения. Здесь же процесс разделения функций в X в. еще не был завершен. К сожалению, компилятивный характер более поздних географических сочинений, повторяющих наряду с новыми сведения, заимствованные у авторов X в., не позволяет проследить дальнейшие судьбы городов данного района и проверить правильность нашей гипотезы. Преобладающий подъемный материал обследованных городищ района Ташкента датируется XI—XII вв., из чего можно сделать вывод, что это — время расцвета городов. Но, конечно, в отдельных случаях такой состав находок может объясняться тем, что на городищах, запустевших после монгольского нашествия, неперекрытые верхние слои дают больше находок, чем более ранние, перекрытые. К тому же судьбы большинства из 39 городов Шаша в XI—XII вв. совершенно неизвестны. В послемонгольское время Ташкентский оазис по числу городов не отличался от других районов Средней Азии.

Илак. Число городов Илака до арабского завоевания неизвестно. Первые сведения о некоторых из них сообщают дорожники IX в.; в X в. географы насчитывают в этой сравнительно небольшой области 17 городов (табл. 14).[33]

Важнейший градообразующий фактор в этом районе — добыча и обработка цветных металлов. Городки, возникшие в раннем феодализме как центры княжеств, вроде Тункета, Туккета и Нукета, очень скоро превращаются в крупные металлургические центры. Особенно заметен подъем городов в IX—X вв. (Буряков, 1966, с. 6—8), когда этот район стал одним из главных поставщиков серебра для Халифата. В то же время образуются города в непосредственной близости от рудников (Арбилах, Намудлыг, Кухи-Сим) (там же, с. 8, 13).

До XI в. столицей и крупнейшим городом Илака был Тункет, рабад которого, судя по плану М. Е. Массона, равнялся почти 180 га (1953а, рис. 46).[34] Археологическое изучение показывает, что ведущее занятие

[32] Размеры городища указаны неточно (не совпадают с планом, так как план в саженях, а автор перевел их в метры приближенно — 2 м, а не 2.13 м). Площадь названа совершенно неверно — 13.5 га; правильно — у В. М. Массона (1951а, с. 74).

[33] Сводную таблицу городов Илака с привлечением данных «Худуд ал-алам» и ал-Идриси см.: М. Массон, 1953а, между с. 36 и 37; к ней мы и отсылаем читателей.

[34] Ю. Ф. Буряков (1966, с. 6) определяет площадь рабада в 30 га. Говорить о неправильности масштаба не приходится, так как размеры шахристана, указанные Ю. Ф. Буряковым, сходятся с размерами, устанавливаемыми по плану М. Е. Массона. Видимо, он учитывает не всю площадь внутри стены, а только застроенные участки.

Таблица 14

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (К., с. 185, прим. 6)	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 49, 265)	Локализация	Городище	Размер города, в га	План	Раскопки
1	Тӯнкат	Тӯнкаҫ	+	Имлак	190 (12)	+	+
2	Сакāкат	Шāвакаҫ	+	Уваит-Тепе	(2)	+	—
3	Бāнджхāш	Бāнхāш	+	Джумишказы-Тепе	—	+	—
4	Нӯкаҫ (Нукет)	Нӯкаҫ	+	Улькантой-Тюбе	(19.5) большой рабад	+	+
5	Бāлāйāн	Бāлāйāн	+	Кулькара-Тепе	—	—	—
6	Арбӣлахх	Арбилахх (Абрлыг)	Аблык	—	50	—	+
7	Намӯзлиг	Намӯзлиг	+	Дукент	50	—	—
8	Туккаҫ	Туккаҫ	+	Куль-Ата	—	+	—
9	Хумрак	Хумрак	?	—	—	—	—
10	Бискат	Бискат	Пскент	Пушти-Махмуд	—	—	—
11	Кухсӣм	Кухсӣм	У устья Ниишбашсая	Курган-Тепе	—	—	—
12	Дахкаҫ	Адахкаҫ	?	—	—	—	—
13	Хāш	Хāс	Хас ?	—	—	—	—
14	Харджāнкат	Худжāкаҫ	?	—	—	—	—
15	Гарджанд [a]	Гарджанд	?	—	—	—	—
16	Сāмсирак [a]	Сāмсирак	Бука	Бука	—	—	—
17	—	Сӣкаҫ	?	—	—	—	—

[a] Упоминается в дорожнике.

его жителей — переработка руд с целью извлечения золота, серебра, меди и их обработка. В XI в. Тункет начинает уступать ведущее положение Нукету и, по мнению Ю. Ф. Бурякова, даже прекращает свое существование. Причину он усматривает в борьбе Караханидов против дихканов и в введении системы икта (Буряков, 1963а, с. 261; 1966, с. 7, 15). Оба этих явления, обычно связываемые с приходом Караханидов, не могут быть причиной, поскольку существование их еще твердо не доказано; все же ясно, что при Караханидах добыча руд драгоценных металлов в Илаке пришла в упадок и никогда более не поднималась на уровень X в. Естественно, что это должно было иметь роковые последствия для некоторых городов, особенно тесно связанных с металлургией, но часть городов продолжает расти (Буряков, 1966, с. 15).

Систематическое изучение городов Илака, проводимое в последние годы, позволяет надеяться, что вскоре мы будем иметь возможность судить о числе городов также в XI—XII вв.

Фергана

В период арабского завоевания письменные источники упоминают здесь только 4 города: Касан, Ахсикет, Урест и Ходженд. Последний уже тогда имел рабад, защищенный стеной (Табари, II, с. 1443). Кроме них, конечно, существовали все те города, которые в X в. имели шахристан (подобно Куве).

Географы X в. насчитывают в Фергане 39 городов (табл. 15; рис. 84).

Большинство городов Ферганы археологически почти не исследовано, и мы мало что можем добавить к их описанию, имеющемуся у В. В. Бар-

тольда (I, с. 211—221; III, с. 530—535). Некоторые уточнения можно внести только в описание Ахсикета, Кувы, Ходжента и Узгенда (Узгена).

Столица Ферганы, Ахсикет, состояла из медины с кухендизом и рабада, защищенного стеной. Общая величина города (длина или диаметр) равнялась $^1/_3$ фарсаха (Истахри, К, с. 186, прим. 1),[35] по оценке же ал-Мукаддаси, он был в 1.5 раза больше Рамлы (BGA, III, p. 271). В настоящее время хорошо сохранились только остатки прямоугольного в плане шахристана площадью 27 га с большой квадратной цитаделью в юго-западном углу (около 8 га),[36] которая, видимо, когда-то была собственно городом (рис. 85, *I*). Раскопки, проводившиеся на городище, дали немного материала для суждения о городе. Наиболее интересно обнаружение бани

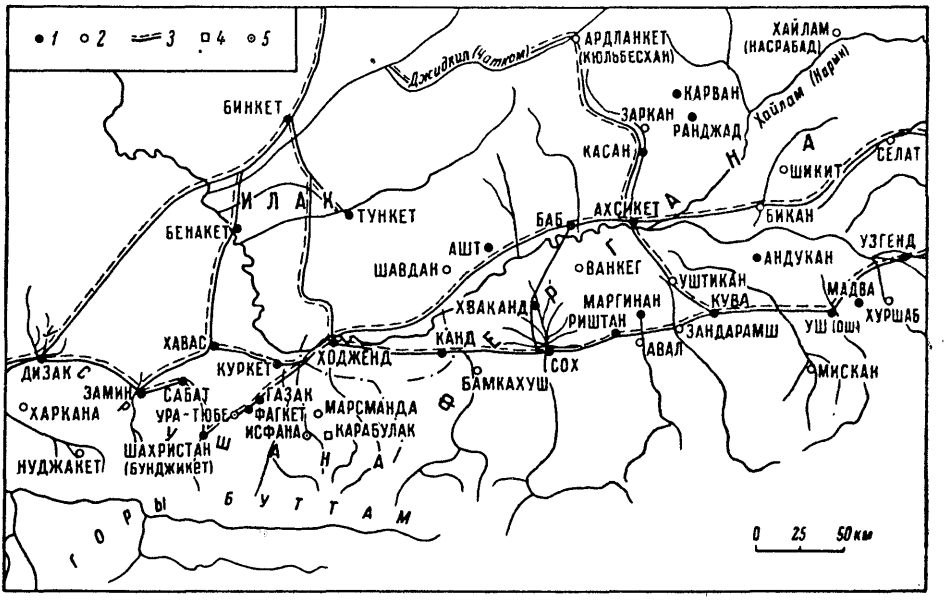

Рис. 84. Города Усрушаны и Ферганы.

1—5 как на рис. 69.

XI в. (Ахраров, 1962а). В отличие от большинства других городов, где рынки находились или преимущественно в рабаде, или в рабаде и медине, об Ахсикете говорится, что его главный базар был в медине. Ничего нельзя сказать о размерах всего города, так как стена рабада не обнаружена, но остатки его построек тянутся на восток и на запад на 2—2.5 км (Чуланов, 1963, с. 199), что примерно соответствует $^1/_3$ фарсаха.

Об относительности имеющихся у нас определений размеров городов свидетельствует такое сравнение: по ал-Мукаддаси, Чаганиан равен Рамле и больше Термеза, Ахсикет же в 1.5 раза больше Рамлы (BGA, III, p. 283, 271), отсюда следует, что Ахсикет был в 1.5 раза больше Термеза, но городище шахристана Ахсикета и размеры всего города, указанные ал-Истахри,

[35] В. В. Бартольд ошибочно пишет, со ссылкой на Ибн Хаукаля, что город простирался на 3 фарсаха (I, с. 218), тогда как в тексте определенно написано «треть» (BGA, II, p. 393).

[36] По плану А. Н. Бернштама (1952, рис. 102) получается 38—40 га, хотя размеры, приводимые им же, не согласуются с планом (там же, с. 244). Ю. Г. Чуланов оценивает площадь шахристана в 27 га (1963, с. 199), а Ахраров — в 25 га (1962а, с. 55), однако план в статье последнего (там же, рис. 1) настолько непрофессионален, что на него трудно положиться. Такой разнобой в оценке размеров городищ явление, к сожалению, не редкое (ср.: Кожемяко, 1959, с. 19).

Таблица 15

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (BGA, I, p. 328—331; K, с. 186, прим. 7)	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 48, 262, 271—272)	Локализация	Городище	Размер города, в га	План	Раскопки
1	Вāнкаṣ	Вāнкат	?	—	—	—	—
2	Судж (Суӯ-Сох)	—	Сары-Курган	—	—	—	—
3	Ӽвāқанд (Коканд)	—	Коканд	—	—	—	—
4	Риштāн	Риштāн	Риштан	—	—	—	—
5	Марғӣнāн (Маргелан)	Марғӣнāн	Маргилан	—	—	—	—
6	Зандарāм[и]ш	Зарандāрамш	?	—	—	—	—
7	Баранк	Баранк	?	—	—	—	—
8	Уштӣқāн	Уштӣқāн	?	—	—	—	—
9	Тамаӽаш	—	?	—	—	—	—
10	Авāл	Авāл	Авал (южн. Маргилāна)	—	—	—	—
11	Мискāн	Мискāн	?	—	—	—	—
12	Ӯш (Ош)	Ӯш	Ош	—	—	—	—
13	Қубā (Кува)	Қубā (больше столицы)	Кува	Кува	(9)	+	+
14	Мадва	—	Мады	—	(1.5)	+	—
15	Ӯзканд (Узген)	Ӯзканд	Узген	Узген	(2.8)	+	+
16	Касāн (Касан)	Кāсāн	Касансай		(2.5)	+	—
17	Ардланкаṣ [a]	—	См. табл. 13, № 7	—	—	—	—
18	Ӽайлāм	Ӽайралāм	Кетмень-Тюбе	—	—	—	—
19	Карвāн	—	Карван	—	—	—	—
20	—	Насрабāз (Насрабад)	?	—	—	—	—
21	—	Манāра	?	—	—	—	—
22	—	Ранджад	Ренжит (Ренджит)	—	—	—	—
23	—	Шикит	Ок. Арслан-боба	—	—	—	—
24	—	Тасӽан [a]	?	—	—	—	—
25	—	Зāркāн	Заркент	—	—	—	—
26	—	Башбашāн (Вашбашāн)	?	—	—	—	—
27	—	Канд	Канибадам	—	—	—	—
28	—	Бӯканд	?	—	—	—	—
29	—	Бāб	Пап	—	—	—	—
30	—	Джāрак	?	—	—	—	—
31	—	Ашт	Ашт	—	—	—	—
32	—	Тӯбкāр	?	—	—	—	—
33	—	Дакаркард?	?	—	—	—	—
34	—	Науқāд	Иски-Наукат	+	—	+	—
35	—	Бӣкāн	?	—	—	—	—
36	—	Уштӣӽāн	?	—	—	—	—
37	—	Джидғил	Чаткал	—	—	—	—
38	—	Шāвдāн	?	—	—	—	—
39	Ӽуджанда	Ӽуджанда	Ленинабад	—	—	—	—

[a] В списке городов (с. 262) отсутствует, но описывается на с. 271.

как будто не дают оснований для такого заключения. Вероятно, впечатление о большей величине Ахсикета создавалось за счет садов, начинавшихся от стен рабада и тянувшихся на много километров.

Кува (Куба) при ал-Истахри приближалась по величине к Ахсикету (по ал-Мукаддаси, даже несколько превосходила его). Однако шахристан Кувы сравнительно невелик, немногим больше 9 га (Жуков, 1960); город вышел за его пределы уже в VII—VIII вв.[37] Следовательно, Кува превос-

[37] Об этом свидетельствует размещение к северу от шахристана буддийского храма и ряда построек (Булатова-Левина, 1961).

ходила Ахсикет размерами плотно застроенной части рабада. Его стена сохранилась лишь на незначительном отрезке в 300 м к северу и северо-востоку от шахристана (Булатова, 1966, рис. 1). Если она и в других частях проходила примерно на таком же расстоянии, то площадь рабада была не менее 80 га (рис. 85, *2*). В X в. шахристан играл незначительную роль в жизни Кувы: все базары находились в рабаде, там же размещались административные здания и тюрьма (Истахри, К, с. 186, прим. 1). В Куве более 10 лет ведутся раскопки, но основное внимание до сих пор уделялось домусульманскому периоду. В средневековом слое открыты остатки кирпичеобжигательной печи и стекольной мастерской (Ахраров, 1962а;

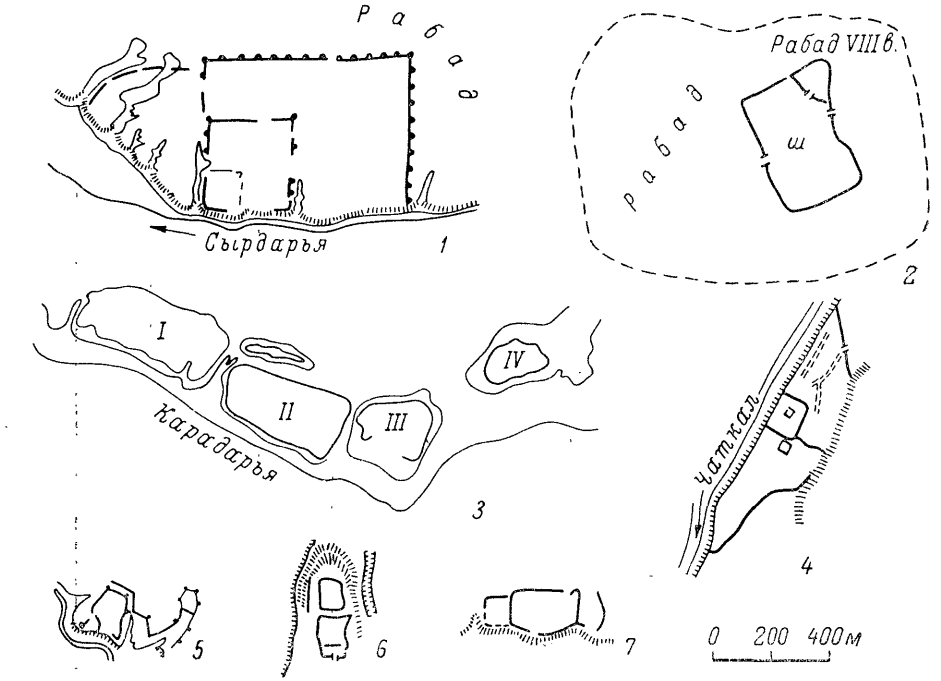

Рис. 85. Планы городов Ферганы.

1 — Ахсикет; *2* — Кува; *3* — Узгенд I—IV; *4* — Ардланкет (Кюльбесхан); *5* — Касан; *6* — Мадва; *7* — Хайлам (Ничке); *ш* — шахристан.

Аминджанова, 1960), но новых сведений о развитии города с VIII по XII в. получено мало.

Третьим по величине городом считался Ош (Истахри, К, с. 186, прим. 1), также имевший медину с кухендизом и рабад, окруженный стеной. Но городище его, видимо, полностью разрушено современным городом, расположенным на том же месте, и судить о его истинных размерах невозможно.

На $^1/_3$ меньше Оша был Узген. Его значение определялось пограничным положением и большим объемом торговли с тюрками. Городище Узгена, состоящее из четырех изолированных частей (рис. 85, *3*), не настолько велико, чтобы его можно было сравнивать с Ахсикетом (Бернштам, 1952, рис. 109; Заднепровский, 1960, рис. 43). Невозможно также считать одну из этих частей мединой, другую рабадом. Видимо, стена, окружавшая рабад, совершенно разрушилась. Узген возвысился при Караханидах, будучи одно время столицей крупного удела. От этого периода сохранились великолепные мавзолеи и минарет, однако имеющиеся археологические данные не говорят о том, вырос ли город в XI—XII вв.

О многих городах Ферганы, местоположение которых известно, мы не можем ничего сказать, потому что за много веков их существования на одном и том же месте остатки домонгольского города совершенно исчезли. Это в равной мере относится как к Ошу, так и к Ходженду, Риштану и др.

От древнего Ходженда сохранился лишь большой кухендиз (320××200 м), построенный не позже VII в. н. э. (Негматов, 1956; 1962). Судя по нему, шахристан также должен был иметь значительные размеры. Весь город в X в. простирался на фарсах, т. е. был вдвое больше, чем в XIX в.

Для истории развития городов Ферганы в VIII—X вв. большое значение имеет замечание ал-Истахри, что «нет в Фергане города без кухендиза и укрепленной медины» (Истахри, К, с. 286),[38] из чего следует, что большинство их выросло из укрепленных городов-резиденций. Только один город, Насрабад, несомненно был построен в IX в.

В XI—XII вв. происходят некоторые изменения в значении отдельных городов: Кува постепенно угасает, теряет значение Риштан, но возвышается Маргинан (Бартольд, III, с. 534). О развитии других городов или изменении их численности нельзя сказать ничего определенного.

Таласская долина

Район делится на две части: дельтовую, земледельческую, и горно-долинную, в которой, как в Илаке, большую роль играли горные промыслы. Главный город области, Тараз, упоминается (как

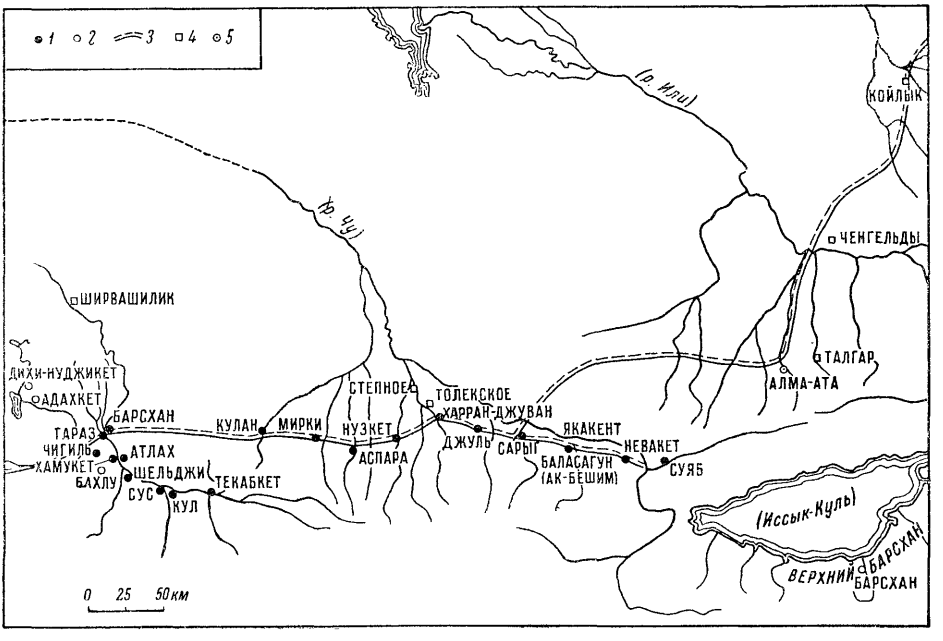

Рис. 86. Города Таласской долины и Семиречья.

1—5 — как на рис. 69.

и Атлах) в VIII в. в связи с известной битвой между арабской и китайской армиями (Макдиси, с. 24; Ибн ал-Асир, V, с. 344). В X в. здесь насчитывалось 12 городов (подробнее см.: Бартольд, IV, с. 34—35) (табл. 16; рис. 86).

[38] У ал-Мукаддаси, видимо, вследствие какой-то описки сказано об Узгене: «Среди городов этой области я знаю кухендиз только у него» (BGA, III, p. 272). То, что мы знаем о городищах Ферганы, скорее подтверждает слова ал-Истахри.

Таблица 16

№ п. п.	Сведения ал-Истахри (К, с. 186, прим. 6)	Сведения ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 48, 263, 274—275)	Локализация	Городище	Размер города, в га	План	Раскопки
1	Ṭarāz	Tarāz	Джамбул	+	90 (17.6)	+	+
2	—	Джикил (Чигиль)	?	Кош-Тобе (или Желпак-Тобе)	(13)	+	+
3	—	Барсḫān	На правом берегу Таласа, напротив Джамбула	Турткуль-Тепе (или Торт-Тепе)	—	—	+
4	—	Бахлӯ	?	—	—	—	—
5	Aṭlaḫ	Aṭlaḫ	Солдатское	Джуван-Тюпе	—	—	—
6	—	Джамӯкат (Хамукет)	Май-Тюбе	Май-Тюбе	—	—	—
7	Шалджӣ (Шельджи)	Шалджӣ	Кировское	Садыр-Курган	Ок. 20 (5)	+	+
8	—	Кӯл	Орловское	Ак-Тепе I (Ак-Тобе)	(4.5)	+	+
9	—	Сӯс	Зап. Орловского	Чалдывар	(7)	+	—
10	—	Такābкат	Талас	Ак-Тепе II	300 (17.5)	+	+
11	—	Азаḫкат (Адахкет)	?	—	—	—	—
12	—	Дихи Нӯджӣкат	Шарвашилик (или Майтобе ок. оз. Бийликоль)	—	—	—	—

Тараз состоял из правильной квадратной формы шахристана (450× ×420 м) с цитаделью в северной части (рис. 87, *1*). Постройка его восходит, по-видимому, к VI—VII вв. (Сенигова, 1966, с. 72—73). С трех сторон к шахристану примыкал укрепленный пригород, также правильных прямоугольных очертаний, из чего явствует, что стены возводились на мало застроенном месте. В шахристане неоднократно производились раскопки (Бернштам, 1941а; Пацевич, 1956б; Сенигова, 1966), но археологи были связаны тем, что его территория застроена. В настоящее время раскопки стали вообще невозможными.

Из всех городов Таласской долины уверенно локализуются только находящиеся в горной части долины. Они появились в VII—VIII вв. как центры земледельческих районов. В IX—X вв. происходил бурный рост городов и поселков городского типа, вызванный разработкой серебро-свинцовых месторождений (возникает 11 поселков). На той же основе интенсивно развиваются ранее существовавшие города. Особое значение горнодобывающая промышленность этого района приобрела после X в., после сокращения добычи руд в Илаке. XI в. был временем наивысшего расцвета также и для Тараза, торгового и административного центра всей долины. В XII в., после истощения серебряных рудников, города горной части Таласа испытывают упадок (Бубнова, 1963а; Кожемяко, 1963а, 1963б).

Остальные города локализуются менее уверенно. Даже Чигиль и Атлах, местоположение которых хоть как-то указано ал-Мукаддаси, А. Н. Бернштам и Л. И. Ремпель отождествляют с разными городищами, а их определения местонахождения Адахкета и Дихи-Нуджикета расходятся на добрую сотню километров (Бернштам, 1939, с. 175—176; Ремпель, 1956, с. 71—72). Сопоставление сведений различных исследователей за-

трудняется привязкой городищ к территории колхозов, названия которых нередко меняются.

По-видимому, города среднего и нижнего течения Таласа также наиболее интенсивно развивались в X—XII вв., но среди них так и не появилось значительных центров, подобных Текабкету.

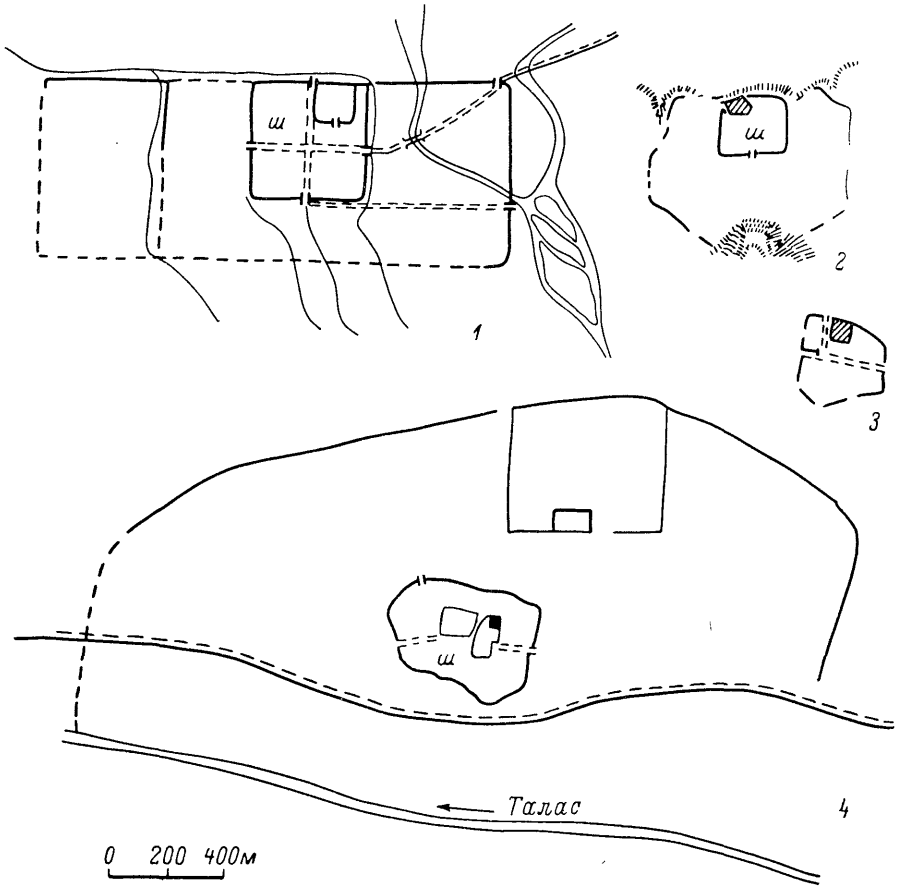

Рис. 87. Планы городов Таласской долины.

1 — Тараз; *2* — Шельджи; *3* — Сус; *4* — Текабкет; *ш* — шахристан.

Для городов Таласской долины характерно наличие стен, защищавших пригородные земли, во много раз превосходившие город по площади (например, шахристан Кула 4.5 га, а площадь защищенных земель не менее 550 га). Такие же стены, как мы увидим, распространены и в Семиречье.

Семиречье

Исторически и географически здесь выделяются две области: долина Чу и долина Или. У ал-Истахри и Ибн Хаукаля отсутствуют всякие сведения об области к востоку от Тараза. Ал-Мукаддаси перечисляет 22 города Семиречья в ряду других, входивших во владения Исфиджаба. Мы можем их отделить только по порядку перечисления (табл. 17; рис. 88).

Другие авторы называют еще два несомненно значительных города — Суяб и Сарыг. Первый из них А. Н. Бернштам отождествляет с городи-

Таблица 17

№ п. п.	Сведения ал-Мукаддаси [а] (BGA, III, p. 48, 263—264)	Локализация	Городище	Размер города, в га	План	Раскопки
1	Дихи-Навӣ	?	—	—	—	—
2	Кӯлāн	Луговое	Луговое	21 (4)	+	—
3	Мӣркӣ	Мерке	—	—	—	—
4	Нӯшкат (Нузкет)	Карабалты	Шиш-Тюбе	(27) 12	+	—
5	Лақарāджамӯк	?	—	—	—	—
6	Урдӯ	?	—	—	—	—
7	Навӣкас (Невакет) [б]	Орловка	—	—	+	—
8	Балāсакӯн (Баласагун)	+	Ак-Бешим (Ак-Пешин)	—	+	+
9	Лабāншӯй	?	—	—	—	—
10	Абāлиғ	?	—	—	—	—
11	Мāдāнкат	?	—	—	—	—
12	Барсайāн (Барсхан)	+	Барскаун	—	—	—
13	Балиғ	?	—	—	—	—
14	Джикаркāн	?	—	—	—	—
15	Йағ	?	—	—	—	—
16	Йакāлиғ [б]	+	Кысмычи	—	—	—
17	Равāнджим	?	—	—	—	—
18	Катāк	?	—	—	—	—
19	Шӯрджашма (Шур-Чашме)	?	—	—	—	—
20	Дилавāс	?	—	—	—	—
21	Джаркард	?	—	—	—	—
22	Ҳаррāн (Харран-Джуван?)	+	Ак-Тюбе (Чалдывар)	—	+	—

[а] У ал-Истахри и Ибн Хаукаля сведений о городах Семиречья нет.
[б] Байпаков (1966а, с. 9) отождествляет Невакет с Кысмычи, а Йакāлиғ с Ташуткулем.

щем у с. Новороссийского (Чуйская долина, с. 21), а второй с Краснореченским городищем (там же, с. 20).

Ал-Мукаддаси не дает никаких указаний о местоположении перечисленных городов. Некоторым подспорьем является дорожник Ибн Хордадбеха и Кудамы, но из него только 5 городов встречаются у ал-Мукаддаси. Со времени В. В. Бартольда, начавшего археологическое изучение Чуйской долины в 1893—1894 гг. (IV, с. 280—283), и до наших дней локализация средневековых поселений этого района не перестает занимать археологов (Бернштам, 1940б, 1941а; Чуйская долина; Кожемяко, 1959). Но до сих пор локализованы только поселения, названные в дорожнике Ибн Хордадбеха и Кудамы, т. е. 10—12 пунктов, тогда как в настоящее время здесь известно 18 больших городищ. «Для отождествления новых названий поселений, упоминаемых в списке Макдиси, с ныне существующими развалинами в настоящее время нет никаких данных» (Кожемяко, 1959, с. 22). Если со временем будет выявлено примерно то число поселений городского типа, которое упоминает ал-Мукаддаси, отождествить их все же не удастся. Даже отождествление крупных городов вроде Баласагуна вызывает затруднение (Кожемяко, 1959, с. 18; Кызласов, 1959).

Часть городов, названных ал-Мукаддаси, связана с районом Верхнего Барсхана (южный берег оз. Иссык-Куль), где обнаружено несколько значительных городищ, из которых несомненно отождествляется Барскаун, сохранивший древнее название (П. Иванов, 1957; Винник, 1967).

Раскопки средневековых слоев коснулись в основном пригородных домов, расположенных очень свободно и далеко друг от друга (Чуйская долина, с. 38—46; Кожемяко, 1967); раскопки же центральных частей городищ не дают пока представления о характере застройки, но, видимо,

она мало отличалась от застройки шахристанов в других частях Средней Азии (Кызласов, Смирнова, Щербак, 1958).

Возникнув в VI—VII вв. на международном торговом пути из Средней Азии в Центральную и далее на восток, города Чуйской долины к X в. превратились в значительные торгово-ремесленные центры. Исходная форма поселений, на базе которых они развивались, была различной, поэтому наряду с городским ядром — шахристаном (Ак-Бешим, Краснореченское городище, Шиш-Тюбе) в основе многих городов лежит большой замок. Особенностью городов Чуйской долины является их тесная связь с земледелием, внешне выражающаяся в обнесении стенами больших

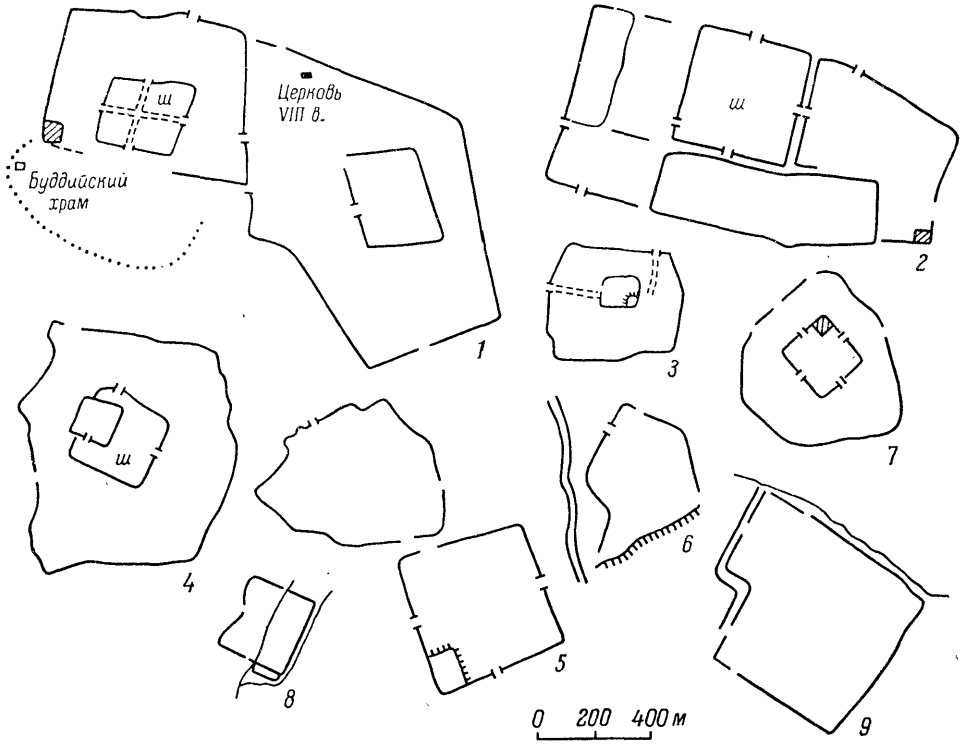

Рис. 88. Планы городов Семиречья.

1 — Баласагун (Ак-Бешим); *2* — Сарыг; *3* — Джуль; *4* — Аспара; *5* — Нузкет; *6* — Харран-Джуван; *7* — Кулан; *8* — Талгар; *9* — Койлык; *ш* — шахристан.

участков обрабатываемых земель, по площади в десятки раз превосходящих сам город. П. Н. Кожемяко, впервые установивший значение этих стен, справедливо указывал, что пространство внутри их нельзя называть рабадом (1959, с. 174—177). В силу этого границы городов Чуйской долины очень расплывчаты. До проведения больших стационарных раскопок остается также открытым вопрос о развитии их в период после X в.

Северо-восточное Семиречье втягивается в процесс урбанизации последним. Городские поселения в нем появляются только в IX в. в связи с процессом интенсивного оседания кочевников, одновременно с появлением большого числа селений и крепостей типа турткулей (Байпаков, 1968, с. 81—82). Наибольший подъем наблюдается в XI—XII вв. Среди больших городов можно назвать Койлык (городище Дунгене около Талды-Кургана, около 45 га), Еки-Огуз (Эквиус) около Ченгельды.[39] Другие поселе-

[39] А. Н. Бернштам вслед за В. В. Бартольдом отождествлял Эквиус с Илибалыком (1948, с. 89); А. Х. Маргулан считает, что они находились в разных местах (1950, с. 59).

ния этого района трудно назвать городами. Так, Талгар, считающийся значительным центром, был небольшим укреплением площадью 7 га (Маргулан, 1950, рис. 32), уступая многим городкам Чуйской долины (естественно, что здесь города не имеют исторического деления на шахристан и пригород), остальные же были просто укрепленными ставками ханов, и городами их можно называть очень условно. Одно из крупнейших городищ дельты Или, Ак-Там, имеет площадь около 4 га (Байпаков, 1968, с. 70—71).

* * *

Наш беглый обзор, не претендующий на полноту картины, позволяет все же получить представление о количестве городов Средней Азии и состоянии их изученности. Из названных географами 250—270 городов мы знаем по описаниям средневековых авторов или по городищам около половины, что позволяет считать достаточно достоверными выводы о размерах городов, их структуре и путях сложения.

Для Средней Азии в целом IX в. ознаменовался взрывом градообразования. Вместо небольших городков-резиденций площадью 5—15 га, характерных для VIII в., к началу X в. появляется несколько десятков крупных торгово-ремесленных центров. В старых земледельческих оазисах количество городов остается неизменным, развитие их идет за счет обрастания шахристанов торогово-ремесленными пригородами, которые в одних случаях с течением времени сливаются с шахристаном, в других (когда почему-либо жизнь на территории шахристана становится неудобной) превращаются в собственно города. Нет никаких оснований отвергать выводы В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского о закономерности трехчастного деления среднеазиатского города, хотя оно и не было обязательным. Наличие или отсутствие в городе шахристана имеет значение только как топографическое свидетельство истории данного города. Пути сложения городов в IX—X вв. были различными (хотя более характерно развитие на основе существовавших ранее шахристанов), но их сущность была одинаковой.

В XI—XII вв. развитие городов замедляется, но продолжается на всей территории Средней Азии. Наиболее интенсивно оно в районах оседания кочевников: в Семиречье, предгорьях Копетдага и Каратау. К концу указанного периода города достигают наибольшей величины, которая была превзойдена только в XIX в.

Глава IV

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА

Из двух с половиной сотен городов, существовавших в Средней Азии в IX—XII вв., только о трех (правда, самых больших) мы имеем сведения, достаточные для того, чтобы проследить их индивидуальные черты, особенности планировки, размещение кварталов разного назначения, темпы роста, сопоставить материальные остатки, изучаемые археологией, с оценками средневековых очевидцев и через индивидуальное выявить общее в их развитии. Исследование исторической топографии городов, не сохранивших ни древних построек, ни топонимики, которые могли бы служить ориентирами, требует столь детального разбора всех источников, какого мы здесь себе не можем позволить. Остановимся лишь на тех деталях, которые помогают проследить рост городской территории и выявить размещение торгово-ремесленных и административных районов города.

Мерв

В. А. Жуковский и В. В. Бартольд сделали все, что возможно, для интерпретации сведений письменных источников о Мерве без археологических работ. Следующий этап исследований связан с Южно-Туркменистанской экспедицией, в первую очередь с работами М.Е. Массона, Г. А. Пугаченковой и их учеников (достаточно упомянуть тома II, VI, XI, XII, XIV «Трудов» этой экспедиции, не говоря о других изданиях).

Археологически установлено, что в сасанидское время Мерв находился в упадке (М. Массон, 1955, с. 216), который не был преодолен даже к середине VII в.: «Ко времени арабского завоевания далеко не вся площадь Гяур-Калы имела сколько-нибудь плотную застройку» (М. Массон, 1963а, с. 14). В частности, совершенно незастроенным остался северо-восточный угол города (Кацурис, Буряков, 1963).

Квадрат Мерва накрест рассекали две магистрали, и соответственно этому в каждой стороне имелись ворота. М. Е. Массон, выявивший эту планировку, считал ее восходящей к античности, однако трудно сказать, насколько точно средневековая планировка, отмеченная в плане Гяур-Калы (М. Массон, 1951б, с. 96), отражает первоначальный план города.[1]

[1] Крестообразная планировка характерна не столько для селевкидских городов, сколько для раннесредневековых (сасанидских?): в Иране — Нишапур (Нисабури, с. 119—120), в Средней Азии — Тараз, Исфиджаб, Бухара. Быть может, Мерв был перепланирован при Сасанидах одновременно с ремонтом стен.

По-видимому, перед арабским завоеванием Мерв не выходил за пределы Гяур-Калы, хотя, конечно, его окрестности были интенсивно заселены. Прямо к стенам города подходили пригородные деревни: Фанин у юго-западного угла Гяур-Калы, Мирмахан у северо-западного угла (?); наиболее плотную застройку можно ожидать у западных (Серахсских) ворот (рис. 89, *1*).

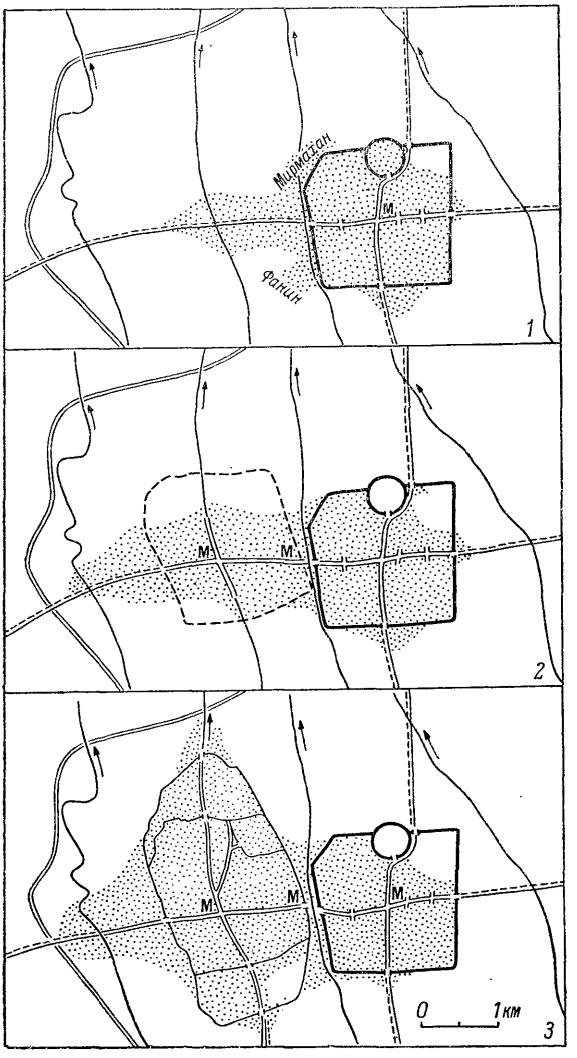

Рис. 89. Территориальный рост Мерва.

1 — Мерв в середине VIII в. *2* — Мерв в конце IX—начале X в.; *3* — Мерв в середине XII в.; *м* — соборная мечеть.

По мнению М. Е. Массона (1963а, с. 14), арабское завоевание на целое столетие задержало развитие Мерва, и только в середине VIII в., при Абу Муслиме, начался его подъем. Конечно, погромы, сопровождавшие подавление неоднократно восставших мервцев в первые полтора десятилетия арабской власти (Булгаков, 1963, с. 216), нанесли городу урон, но оправляться от него он начал намного раньше середины VIII в. Превращение Мерва в столицу наместничества, где оседала значительная часть добычи и дани Хорасана и Мавераннахра, поселение в нем после 671 г. нескольких десятков тысяч арабов (Балазури, с. 410; Гардизи, с. 79), предъявлявших большой спрос на ремесленную продукцию,[2] — все это притягивало сюда ремесленников и торговцев, рассчитывавших на хорошие барыши, особенно когда солдаты, возвращавшиеся из похода с хорошей добычей, тратили деньги, не задумываясь.[3]

Арабы поселились в шахристане Мерва вскоре после завоевания (Гардизи, с. 75; МИТТ, с. 227);[4] в самом его центре, на перекрестке глав-

[2] В столицу тянулись и феодалы из других областей, обзаводившиеся в ней домами. Ат-Табари неоднократно упоминает замок бухар-худата (II, с. 1888, 1918, 1987; МИТТ; с. 120, 121, 136).

[3] Сошлемся на известный эпизод, как воины Кутейбы, возвратившись из Пайкенда, взвинтили цены на оружие (Табари, II, с. 1189).

[4] Ш. С. Ташходжаев считает, что арабы жили только в цитадели и поэтому не ремонтировали стены шахристана, «которые могли быть использованы против них самих» (1963, с. 115). В. Н. Куренной, напротив, полагает, что арабы жили в лагере западнее шахристана и из этого лагеря вырос рабад (1970).

ных магистралей, была построена мечеть (М. Массон, 1955, с. 217; см. рис. 90) и где-то там же должна была быть правительственная резиденция (дар ал-имара), о которой говорится в связи со взятием города Абу Муслимом. При описании междоусобиц 40-х годов VIII в. внутри шахристана упоминаются дома некоторых арабов и названные по ним улицы. В цитадели находились тюрьма и арсенал (Табари, II, с. 1419, 1860, 1920).

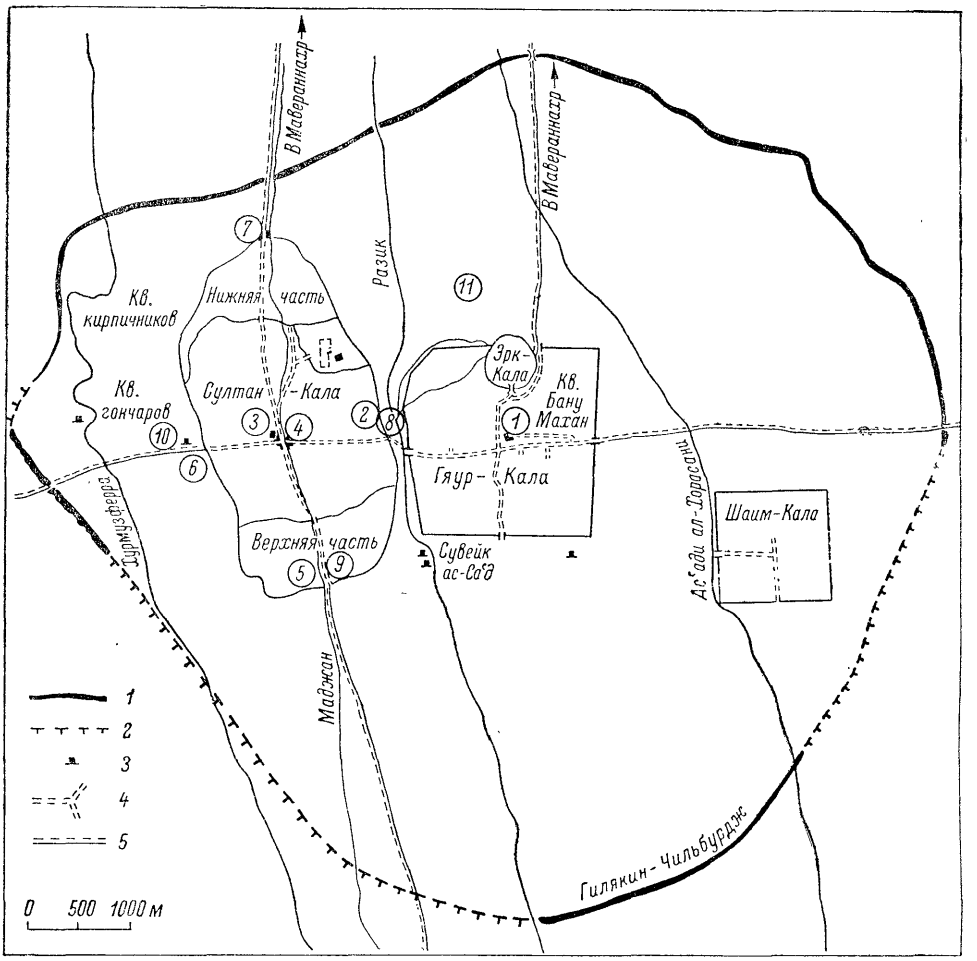

Рис. 90. Мерв и его окрестности в VIII—XII вв.

1 — сохранившиеся части стены; *2* — несохранившиеся части стены; *3* — развалины касров; *4* — улицы; *5* — дороги; *6* — ворота. Цифры в кружках: *1* — мечеть Бану Махан; *2* — Старая мечеть; *3* — мечеть Абу Муслима; *4* — чарсу; *5* — Ворота Знаменосца; *6* — Фирузи; *7* — Кушмейхенские ворота; *8* — Шахристанские; *9* — мавзолеи ал-Аслами и ал-Гифари; *10* — мавзолей Замчи; *11* — ставка ал-Мамуна;

Значительная часть арабов жила в западном пригороде у Серахсских ворот (там находились базар, дворец Насра б. Сейяра, вторая соборная мечеть, называвшаяся в X в. Старой) и в селениях Фанин и Мирмахан. Дорога на запад была обжита до канала Хурмузферра, где находился «майдан Йазида», на котором проводились военные смотры (Табари, II, с. 1477), а позже располагался намазгах. Абу Муслим перенес административный центр из шахристана в западный пригород, на канал Маджан, построив там соборную мечеть, правительственную резиденцию и базар.

Но это было не началом подъема Мерва, как полагает М. Е. Массон, а официальным признанием значения нового района города. Считается, что перенос административного центра из шахристана вызвал его упадок, жители его начали покидать, и уже в конце VIII в. стена стала разрушаться. В доказательство этого приводят два факта: появление в конце VIII в. керамических печей на гребне южной стены Гяур-Калы (Заурова, 1962) и обнаружение в ее фасе двух мусульманских погребений того же времени (Ташходжаев, 1963, с. 115). Последнее мы оставим в стороне, поскольку столь точная датировка погребений без инвентаря слишком сомнительна, и остановимся на датировке печей. Они появляются не раньше 50—60-х годов VIII в., судя по неопределенному аббасидскому фельсу, найденному в кладке одной из печей, но возможная верхняя граница появления — вплоть до начала IX в. Время разрушения как будто определяется двумя фельсами 155/771-72 г., но их залегание в слое неясно («в печах» — Заурова, 1962, с. 189), поэтому они не могут датировать время разрушения и быть terminus post quem для датировки постройки. Во всяком случае мы должны признать, что не позднее рубежа VIII и IX вв. за сохранностью стен шахристана перестали следить.

Любопытный рассказ, характеризующий состояние городской стены во второй половине VIII в., приводит Ибн ал-Факих (BGA, VI, p. 320). К известному богослову Абдаллаху б. Мубараку (736—797-98 гг.) приехал из Самарканда ученик; Абдаллах взял его за руку, «обвел вокруг стен медины» и спросил, знает ли он имя строителя. Рассказ этот, призванный подчеркнуть бренность деяний человеческих, не связанных с исламом, свидетельствует о том, что в 70—80-х годах [5] стена медины была еще в хорошем состоянии, если ее приводили в пример величественной постройки.

Разрушение стен еще не означало запустения шахристана. Ш. С. Ташходжаев справедливо разделяет эти два явления, относя последнее ко второй четверти IX в. Действительно, начало IX в., когда Мерв стал резиденцией Мамуна, второй столицей Халифата, — один из блестящих периодов в истории города, и трудно ожидать в это время угасания какой-то его части. Показательно, что Мамун по настоянию ханбалитов и шафиитов восстановил заброшенную из политических соображений мечеть Бану Махан (BGA, III, p. 311, n. *s*; МИТТ с. 194, прим. 9),[6] что не имело смысла, если бы шахристан был в запустении. Последние археологические данные свидетельствуют, что даже Эрк-Кала, вопреки господствовавшему до сих пор мнению, была частично обжита в IX в. (Усманова, 1969, с. 39). Упадка города скорее можно ожидать после отъезда Мамуна в Багдад и переноса Тахиридами резиденции правителей Хорасана в Нишапур, т. е. во второй четверти века. Однако и после этого продолжался рост пригорода в западном направлении. В конце 70-х годов IX в. эмир Мерва Хусейн б. Тахир построил ряд зданий на канале Хурмузферра, намереваясь перенести туда базары и административный центр (BGA, I, p. 259; МИТТ, с. 173). Ему не удалось завершить задуманное, но район на Хурмузферра остался значительным ремесленным центром. Быть может, в связи со строительством, предпринятым Хусейном, около Хурмузферра севернее дороги в Хорасан в IX в. появились кирпичеобжигательные печи (Лунина, 1962, с. 218). Во второй половине IX в. интенсивно застраиваются районы к северу и югу от административного центра Абу Муслима (там же, 1969, с. 113, 127), но юго-западный угол будущей Султан-Калы и ряд уча-

---

[5] Ясно, что этот случай относится ко времени, когда Абдаллах пользовался известностью, т. е. не раньше 70-х годов.

[6] Возможно, что с восстановлением этой мечети при Мамуне связано появление вокруг минарета облицовки из обожженного кирпича (Усманова, 1969, с. 40).

стков в ее северной части застраиваются не раньше X в. (там же, с. 131, 142, 150).

Таким образом, в конце IX в. в Мерве была обжита значительная часть шахристана, интенсивно застроен район вдоль главной магистрали пригорода, дороги в Серахс, от ворот шахристана до намазгаха, и началась застройка участков к северу и югу от этого ядра. О застроенности районов к югу, северу и востоку от шахристана нет достоверных сведений.

Лучше всего мы знаем Мерв X в. благодаря описаниям ал-Истахри и ал-Мукаддаси (BGA, I, p. 258—263; III, p. 310—312; МИТТ, с. 172—174, 193—195). Ал-Истахри перечисляет каналы, орошавшие Мерв, упоминает «внутреннюю мединy» с четырьмя воротами,[7] ни слова не говоря о ее запустении; в ней имелись хаузы, наполнявшиеся из Разика, действовала мечеть, хотя пятничные моления прекратились. Для него центром города является западная часть, между Разиком и Хурмузферра, где находились все административные здания и большинство базаров. Ал-Мукаддаси называет эту часть рабадом, но не пишет, была ли она защищена стеной, хотя, по сведениям Ибн ал-Асира, между 914 и 919 гг. Ахмед б. Сахл, мятежный приближенный Саманидов, построил в Мерве стену (Ибн ал-Асир, VIII, с. 88).[8] Ал-Мукаддаси указывает, что соборная мечеть на Маджане находилась в квартале менял и рядом с ней помещались диваны хараджа и городской стражи. На западе город доходил до канала Хурмузферра; намазгах в квартале «Начало площади» был со всех сторон окружен постройками.

Ал-Мукаддаси в отличие от ал-Истахри отмечает упадок города: в шахристане около мечети мало жилищ, рабад также на $^1/_3$ разрушен. По-видимому, конец X в. — период наибольшего запустения шахристана, объяснявшегося общим состоянием города.

Оба автора ограничиваются похвалами чистоте базаров (ал-Истахри отмечает их специализированность; BGA, I, p. 236), но не говорят, где они располагались.[9] Можно думать, что они существовали на том же месте, что и в XII в. (о них речь пойдет ниже). В X в. возникает квартал керамистов и кирпичников в юго-западной части Султан-Калы, в $^1/_4$ км от ее западной стены (Лунина, 1969, с. 219), продолжает развиваться возникший в IX в. большой квартал керамистов и кирпичников к западу и северо-западу от мавзолея Замчи (там же, 1962, с. 218—219, 222). Еще один центр керамического производства обнаружен юго-восточнее южных ворот шахристана (М. Массон, 1963, с. 15; Пилипко, 1969).

Размеры центрального ядра Мерва не вызывают особых сомнений, это территория Гяур-Калы и Султан-Калы. Сложнее с определением границ застройки городского типа вне названных городищ. Формально территорией Мерва могла считаться вся площадь внутри стены Гилякин-Чильбурдж независимо от характера застройки и способа использования земли. Поэтому иногда можно встретить утверждение, что Мерв уже в X в. не только занимал все это пространство, но и вышел за его пределы. Однако ни один автор X в. не называет Гилякин-Чильбурдж стеной рабада Мерва (в отличие от Дивари-Киямат вокруг Самарканда, которая, впрочем,

---

[7] О их локализации см.: Бартольд, VI, с. 178—179; Пугаченкова, 1958а, с. 191 (план). Некоторые из отождествлений еще не окончательно доказаны. Например, восточные ворота отождествляют с Воротами Синджан, так как ал-Истахри говорит, что канал Ас'ади ал-Хорасани, самый восточный в округе Мерва, орошает кварталы «Ворота Синджан» и Бану Махан. Однако это не исключает возможности локализации этих ворот в южной стене. Кстати, и квартал Бану Махан естественнее искать в шахристане около мечети Бану Махан, а не на канале Ас'ади.

[8] Возможно, что он просто отремонтировал стену шахристана, но следов такого ремонта не обнаружено.

[9] В одной из рукописей ал-Истахри отмечается, что рядом с соборной мечетью на Маджане находятся базары (К, с. 148, прим. 3).

тоже не определяет границ города). Для ал-Мукаддаси рабадом является только участок от Разика до канала Хурмузферра. Ал-Истахри не определяет территорию рабада столь же четко, но тоже не называет Гилякин-Чильбурдж стеной рабада, отмечая только, что она окружает постройки Мерва и обработанные земли (BGA, I, с. 260; МИТТ, с. 173).

Видимо, рабадом в X в. был действительно только участок между Султан-Калой и Хурмузферра. Высказанное на основании предварительного археологического обследования мнение, что вал разрушившихся построек вдоль Маджана от северной стены Султан-Калы до Гилякин-Чильбурджа является остатками рабада X—XI вв. (Альхамова, 1953, с. 406), не подтвердилось. По последним данным, даже территория внутри северного обвода Султан-Калы была слабо заселена (Лунина, 1969, с. 166).

Наивысшего расцвета Мерв достигает при Сельджукидах, особенно в царствование Санджара, сделавшего его своей резиденцией. При Меликшахе (1072—1092 гг.) была построена (или капитально перестроена) стена рабада (центральная квадратная часть Султан-Калы); после двукратных разрушений (в 1093 и 1095 гг.) Санджар капитально ее отремонтировал (Альхамова, 1953, с. 409), при нем же, вероятно, были защищены стенами участки к югу и северу от Султан-Калы (северный и южный обводы).[10] Город не только вырос к северу и югу от бывшего рабада, активизировалась также жизнь в шахристане; здесь, по археологическим данным, появились кварталы медников и железоделателей, в центре было построено монументальное здание с богатым архитектурным декором (М. Массон, 1963а, с. 15; Ходжаниязов, 1965). Ас-Самʿани не упоминает улиц и кварталов, находящихся в шахристане, но в «Романе об Абу Муслиме», отражающем состояние города во время, близкое ас-Самʿани, несколько раз назван «квартал [махалла] Шахристан» с отдельным раисом (Тартуси, л. 58а, 62а, 63б, 65а, хаким Шахристана — л. 377б).

Этим двум источникам мы обязаны большинством сведений о Мерве XII в. (рис. 91). Пожалуй, наиболее связное представление можно получить при чтении «Романа об Абу Муслиме», сведения которого были использованы В. В. Бартольдом (IV, с. 172—195). В центре находится чарсу, где происходят важнейшие официальные акты: от оглашения распоряжений властей до публичных казней, рядом — соборная мечеть, дом правителя (замок Насра б. Сейяра) [11] и квартал менял (Тартуси, л. 121а, 148а, 158б, 186б и др.). Передвижения героев романа по городу позволяют примерно разместить некоторые кварталы и улицы. От северных ворот до чарсу находились следующие из них: квартал ювелиров (там же, л. 186а), улица Кожевников (л. 189б, 198а, 199а), улица Шадурван (л. 198). Между южными воротами и чарсу — улица Сельма (л. 187а). Две улицы: улица Зурнук и улица Риндов [12] названы в контексте, который не позволяет определить их местоположение (л. 89б, 90а). Несколько раз упоминается неприступная кала, в которой находится зиндан. Автор несомненно имел в виду старый кухендиз, Эрк-Калу, так как говорит, что кала построена Тахамурсом (л. 372б). Как известно, уже в X в. кухендиз был разрушен и не использовался как крепость; по-видимому, автор, наложив все события романа на реальную топографию города XI—XII вв., сделал исключение для цитадели, так как знал, что в древности в ней находилась тюрьма (в X в. тюрьма находилась у чарсу в Султан-Кале).

Уроженец Мерва ас-Самʿани приводит около двух десятков названий улиц и кварталов; в сочетании с данными Тартуси это могло бы дать хоро-

[10] Г. А. Пугаченкова датирует их появление началом XII в. (1958а, с. 192).

[11] Г. А. Пугаченкова отождествляет замок Насра с кешком в юго-западной части Гяур-Калы (1958а, с. 150), не приводя никаких доказательств. Ат-Табари определенно говорит, что он находится на Маджане (II, с. 1846).

[12] Зурнук — вид водоподъемного сооружения; о риндах см. ниже, с. 238.

шее представление о городе, но, к сожалению, лишь немногие из них привязываются к известным нам ориентирам. В большинстве случаев указывается только, находится тот или иной пункт в верхней части Мерва или в нижней. Как справедливо полагает Г. А. Пугаченкова (1958а, с. 189), эти районы города соответствуют южному и северному участкам Гяур-Калы. В нижней (северной) части находились квартал Пабан (Па-и бабан), квартал и улица Баджвар (вододелитель) (Сам'ани, л. 66б; МИТТ, с. 327). В верхней части упоминаются кладбище Таннургаран (печников) на месте бывшего квартала Джассин, с могилами Бурейды ал-Аслами и ал-Хакама ал-Гифари (они сохранились до сих пор, облегчая локализацию ряда топонимов), улица Сабир в квартале «Улица Саламы» (Сам'ани, л. 346б; МИТТ, с. 337),[13] улица Анбар; здесь же у ворот «Начало Маджана» находилась улица Тухаранбих (Сам'ани, л. 104а; МИТТ, с. 329); где-то в южной части города лежал квартал Махиабад («в верхней части города, вроде отдельного селения»; Сам'ани, л. 504б; МИТТ, с. 341). Йакут добавляет к этому: «...отделяется от стен города с восточной стороны» (IV, с. 407); добавление Йакута допускает предположение, что квартал располагался вне городской стены.

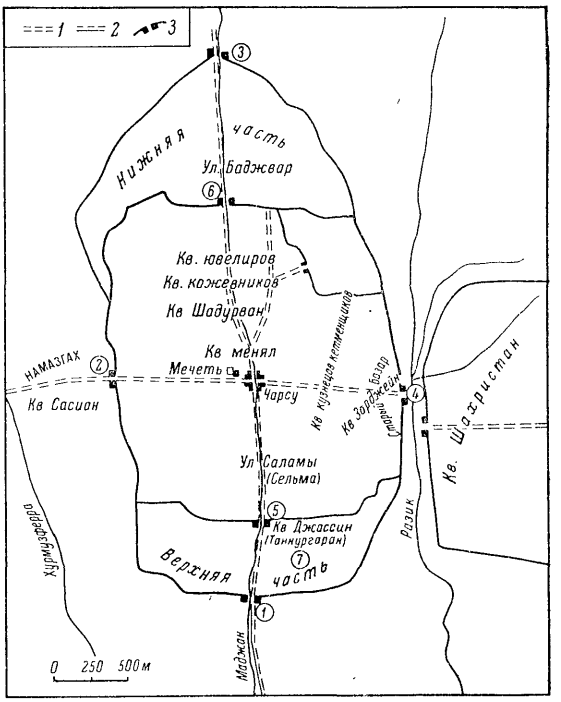

Рис. 91. Мерв XI—XII вв. по сведениям ас-Сам'ани и Тартуси.

1 — улицы; *2* — дороги; *3* — ворота. Цифры в кружках: *1* — Ворота Знаменосца; *2* — Фирузи; *3* — Кушмейхенские ворота; *4* — Шахристанские; *5* — «Начало Маджана»; *6* — «Конец Маджана»; *7* — мавзолеи ал-Аслами и ал-Гифари.

В самом городе сравнительно точно локализуются четыре пункта: квартал и улица Зарджейн (у Старого рынка, против соборной мечети у Шахристанских ворот), где продавали пшеницу; квартал Барнабад у Шахристанских ворот; улицы Карикли и Исхак-и Кауса (у северных ворот, у спуска к низовьям Маджана) (Сам'ани, л. 272б, 59а, 589б; МИТТ, с. 333, 327, 340). Без указания местоположения названы улица Сукновалов, квартал Тувик (где были похоронены первые мусульмане), улица Разабад, хауз Ризама, улицы Харунабад, Абд ал-Карима, Хуббин, Абу Му'аза, Диван, Садака, Аски [14] (МИТТ, с. 325—343). Вне города названы квартал Сасиан (около намазгаха) (Сам'ани, л. 285б; МИТТ, с. 334) и «базарчик Са'да» [15] (Сам'ани, л. 318а; МИТТ, с. 336).

В разной связи Тартуси называет пять ворот Мерва, которые были впервые локализованы В. В. Бартольдом; некоторые уточнения внесены Г. А. Пугаченковой (1958а, с. 191, план).

---

[13] Возможно, идентична улице Сельма у Тартуси.

[14] В МИТТ (с. 336) — Аскари, но в издании ас-Сам'ани (л. 326) отчетливо написано Аски.

[15] У Йакута — Согди, но нам кажется, что скорее следует ожидать название базара по имени владельца.

Для нас очень важно установить размеры города в период наивысшего расцвета. Сведения письменных источников, как мы видим, почти не выходят за пределы обоих городищ. Ответ на это можно ожидать только от археологии. М. Е. Массон считает (и это мнение разделяют другие сотрудники ЮТАКЭ), что в период наибольшего подъема Мерв занимал все пространство внутри Гилякин-Чильбурджа и даже выходил за его пределы, раскинувшись на площади 60 км² (М. Массон, 1963а, с. 15; Пугаченкова, 1958а, с. 193).

Думается, что здесь смешаны два разных понятия: территория города и территория с большим количеством археологических памятников, прилегающая к городу. До проведения обширных раскопок некоторым подспорьем для определения площади городской застройки мог бы служить подробный инструментальный план Мерва и его окрестностей с частым сечением горизонталей, который позволил бы выделить участки с искусственно всхолмленным приподнятым рельефом на месте сплошной застройки. Но такого плана нет,[16] а единственный доступный топографический план, приложенный к монографии В. А. Жуковского, слишком мелок для этой цели (1 : 420 000) и не совсем точен, к тому же рельеф передан горизонталями только в пределах Гяур-Калы, а вне ее — очень приблизительно бергштрихом.

О значительном распространении города за пределами Гяур-Калы и Султан-Калы можно говорить только в отношении участков по Маджану (вверх и вниз по течению) и между Султан-Калой и каналом Хурмузферра, где археологически выявлены производственные кварталы. Но они явно находились на окраине города с момента возникновения и до конца существования. Вряд ли этот грязный и дымный район с огромными пустырями отвалов брака мог оказаться в середине городской территории (если допустить, что город простирается на запад от Хурмузферра); западнее его вдоль дороги на Хорасан могло находиться лишь некоторое количество караван-сараев.

На участке по Маджану ниже города обнаружена узкая полоса сплошной застройки, уходящая за Гилякин-Чильбурдж. Каков бы ни был характер этих зданий, их можно все-таки отнести к городу. Зато вверх по Маджану и Разику вне Султан-Калы не зафиксировано следов сплошной застройки, которая уходила бы на большое расстояние от стены города. Представление о том, что выше по Разику находился большой пригородный квартал Разикабад (Пугаченкова, 1958а, с. 191, план; М. Массон, 1963а, с. 16), основано на недоразумении: местность Разикабад упоминается только в послемонгольское время без указания расстояния от города, к тому же это был всего лишь султанский дворец; о существовании рядом поселения, тем более квартала, ничего не говорится (Бартольд, III, с. 151). Селение Разик также не может быть включено в территорию города, потому что находилось от него на расстоянии 6 фарсахов (BGA, I, p. 261).

В другую сторону, восточнее Гяур-Калы, город распространялся незначительно. Об этом свидетельствует сообщение ас-Самʿани, что селение (карйа) Мирмахан соприкасается с внутренней мединой (Самʿани, л. 548а; МИТТ, с. 342), т. е. Гяур-Калой. Тот же автор добавляет, что Мирмахан расположен рядом с селением Дарваза (вероятно, Дарваза- и Масарджасан, находившееся в фарсахе от Мерва; Табари, II, с. 1925; Самʿани,

---

[16] Сообщения о том, что М. Е. Массон провел «археолого-топографическую съемку» на площади 50 км², позволившую выявить древнюю планировку города (М. Массон, 1963а, с. 12; Ташходжаев, 1963; Лунина, 1969, с. 146), имеют в виду визуальное выявление отдельных элементов рельефа городища, в результате которого было установлено местоположение городских ворот и главных улиц, отмеченных на упоминавшихся планах Мерва, однако все это не может заменить подробный план, основанный на инструментальной съемке.

л. 225б; Йакут, II, с. 570). К сожалению, местоположение этого селения также неизвестно (Бартольд, IV, с. 186, прим. 96), но в любом случае несомненно, что с какой-то из трех сторон (кроме западной) к Гяур-Кале примыкало селение, следовательно, постройки, остатки которых имеются за пределами городища, не обязательно относятся к городу.[17] Естественно, что окрестности Мерва, особенно внутри Гилякин-Чильбурджа, были более плотно обжиты и застроены, чем любой другой район оазиса. Вокруг крупных городов всегда и всюду концентрируется население, не живущее в них, но так или иначе с ними связанное. В условиях земледельческого оазиса, где промежутки между селениями минимальны, такая концентрация еще более интенсивна, однако это не дает оснований для включения в территорию города примыкавших к нему деревень. Точно так же отсутствие четко выраженной незастроенной полосы между городом и сельскими окрестностями не означает отсутствия принципиальной разницы между городом и деревней, как иногда считают (Пугаченкова, 1958а, с. 189).

В стороне от основного массива города в 1.5 км к юго-востоку от Гяур-Калы находился укрепленный лагерь сельджукских войск (городище Шаим-Кала). Из общей его площади, составляющей более 120 га, постройками было занято только около 10% (Гаврюшенков, 1969). Возможно, что участки вдоль дороги из Шаим-Калы в город были застроены интенсивнее окружающей местности. Но, на наш взгляд, включать весь этот район в состав города нельзя, пока не будет бесспорных археологических доказательств. Таким образом, если учитывать только территорию со сплошной городской застройкой и принимать во внимание, что́ именно считали городом современники, то площадь Мерва XI—XII вв. окажется около 1500—1800 га (рис. 89, *3*). Это меньше, чем принято думать, но и в таких пределах Мерв остается крупнейшим городом Средней Азии и одним из крупнейших на мусульманском Востоке.

В 1153 г. Мерв был захвачен гузами и жестоко разграблен. От этого разгрома он не смог больше оправиться, тем более что восстановлению мешали войны между хорезмшахами и Гуридами за обладание Хорасаном. Прекрасной иллюстрацией состояния города в конце XII—начале XIII в. являются огромные кучи керамического брака и мусора, обнаруженные во многих местах Султан-Калы (Лунина, 1969, с. 142—145). Быть может, только ко времени монгольского завоевания, когда в Мерве был Йакут, оставивший восторженную характеристику города, раны от этих войн были залечены. Не исключено, что в этот период шахристан запустевает в наибольшей степени, превращаясь в пустырь, кое-где используемый горожанами для различных целей.

Из всего сказанного мы видим, что в VIII—XI вв., несмотря на отдельные периоды упадка, территория Мерва неуклонно увеличивалась. Шахристан его, утратив в середине VIII в. роль центра города, не прекратил существования вплоть до середины XI в. Причиной запустения кроме удара, нанесенного гузами или хорезмшахом, могли быть затруднения с водоснабжением этой старой части города (Ташходжаев, 1963, с. 115), поверхность которой за 3—4 века могла подняться на несколько метров. Во всяком случае в нашем распоряжении нет никаких доказательств, что запустение Гяур-Калы вызвано какими-либо социально-экономическими причинами.

Самарканд

Исследование Самарканда имеет почти вековую историю. Первые раскопки на Афрасиабе относятся к 1874 г., но до появления «Туркестана» В. В. Бартольда можно говорить только о любительском ин-

[17] О замках в окрестностях Мерва см.: Пугаченкова, 1958а, с. 150—159.

тересе к древностям, а не о серьезном изучении города. В. В. Бартольд дал развернутое описание домонгольского Самарканда на основании сведений средневековых авторов и наметил некоторые линии, по которым должно было идти дальнейшее изучение. Проблемы истории Самарканда настолько заинтересовали В. В. Бартольда, что он решил возглавить археологические работы на Афрасиабе. Пребывание в Самарканде, личное знакомство с топографией местности способствовали уточнению представлений В. В. Бартольда о планировке домонгольского Самарканда и системе его орошения (Бартольд, III, с. 274—276), помогли появлению первых наметок концепции развития средневекового среднеазиатского города, сформулированных в статье «К истории Мерва» (там же, IV, с. 134, 139).

Широкая постановка проблемы изучения городов Средней Азии, характерная для В. В. Бартольда, оказала мало влияния на археологические работы в Самарканде. Раскопки В. Л. Вяткина носили случайный характер, итоги их оказались недостаточными для существенного уточнения истории города (Бартольд, IV, с. 290—292). Тем не менее его «Афрасиаб» (Вяткин, 1927) более четверти века служил археологам и историкам незаменимым источником сведений о городище домонгольского Самарканда. В. Л. Вяткин впервые дал отчетливое описание городища и поставил вопрос о том, что внутренние стены могут отмечать этапы развития города. После его работ Самарканд на некоторое время оказался вне поля зрения археологов.[18]

Некоторый сдвиг наметился в первые послевоенные годы благодаря усилиям А. И. Тереножкина. Обладая незначительными средствами, он сумел, пользуясь наблюдениями при строительстве на Афрасиабе и с помощью небольших расчисток и шурфов, создать стратиграфическую шкалу археологического материала с древнейших времен до средневековья. Его вывод о том, что древнее поселение занимало всю территорию городища (Тереножкин, 1950б, с. 156), вызвал возражения, но был подтвержден последними работами (Кабанов, Шишкина, 1968; Буряков и Тагиев, 1968). Раскопки А. И. Тереножкина в какой-то мере послужили причиной появления статьи М. Е. Массона, суммировавшей сведения об истории Самарканда с древности до XIII в.

В 1958 г. на территории Афрасиаба впервые начались большие систематические раскопки. Особенный размах они приобрели после открытия стенных росписей прекрасной сохранности. Хронологически раскопки охватили все периоды жизни Афрасиаба, но наибольший объем работ приходится на слой IX—XII вв. (Шишкин, 1969б; Гулямов и Буряков, 1969). Сейчас еще трудно, основываясь только на публикациях, суммировать то новое, что дали раскопки для понимания жизни средневекового города, тем более что в большинстве публикаций по Афрасиабу отсутствуют планы, без которых очень трудно ориентироваться.[19] Так же как в разделе о Мерве, мы не будем стремиться дать монографическое описание домонгольского города, а ограничимся исследованием развития городской территории.

До последнего времени существовали разногласия по поводу размеров Самарканда к моменту арабского завоевания (рис. 92). В. В. Бартольд считал, что он совпадал с Афрасиабом, М. Е. Массон, исходя из сообщения Сюань Цзана, что окружность Самарканда составляла 20 ли, полагал, что Самарканд в середине VII в. выходил за пределы городища (М. Массон,

[18] История археологического изучения Самарканда см.: Якубовский, 1940в; более подробно: Шишкин, 1969а, 1969б.

[19] В сб. «Афрасиаб» имеется лишь один план со схематическим обозначением расположения некоторых раскопов, приводимый Г. А. Шишкиной (1969б, рис. 1) для иллюстрации своей статьи. В общих обзорах раскопок в том же сборнике нет никаких планов.

1950, с. 160, рис. 4), наконец, в ходе археологических работ появилось представление, будто внешняя (четвертая) стена Афрасиаба в VIII в. еще не существовала и весь город умещался за второй стеной, на площади около 70 га (Пачос, 1967, с. 69; 1968, с. 165). Свидетельство Сюань Цзана

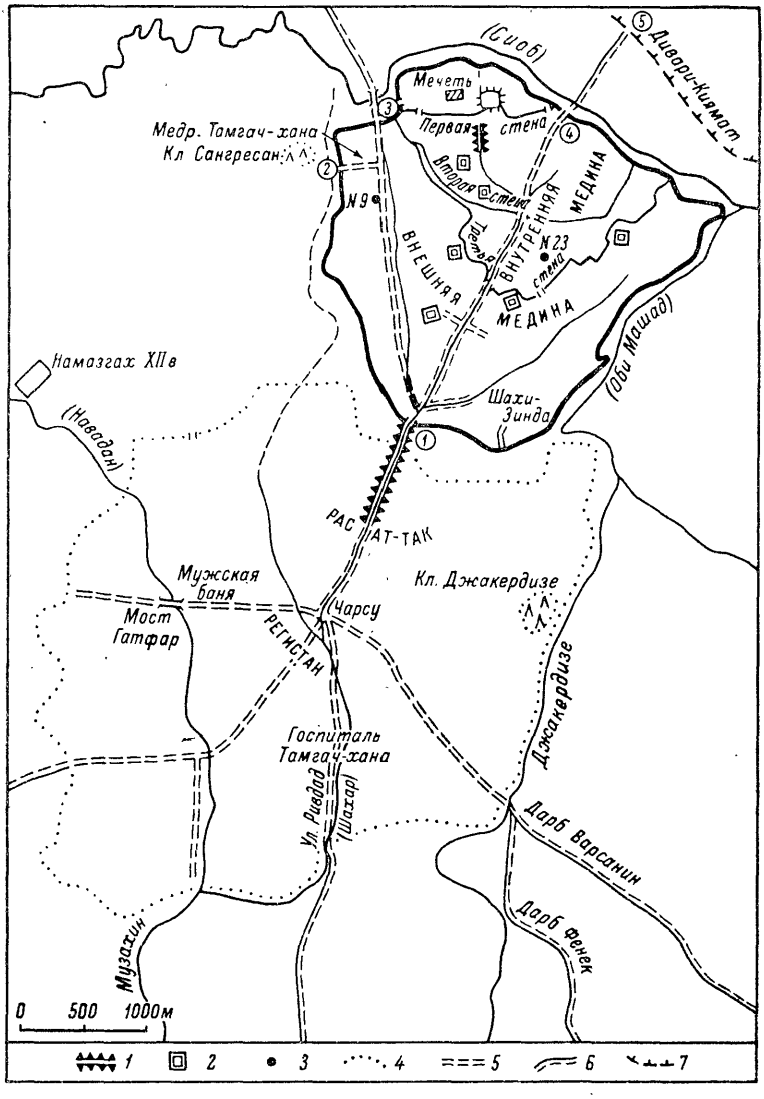

Рис. 92. План Самарканда IX—XII вв.

1 — акведуки; *2* — хаузы; *3* — раскопы; *4* — стена XIV—XIX вв.; *5* — улицы; *6* — дороги; *7* — предполагаемое направление стены. Цифры в кружках: *1* — Кешские ворота (Большие); *2* — Наубехарские (Железные?); *3* — Бухарские; *4* — Китайские; *5* — Ворота Кухак.

отвергалось ссылками на то, что он обычно преувеличивает размеры городов.

Основанием для вывода об отсутствии в VIII в. внешней стены Афрасиаба послужила редкая застройка пространства между четвертой и третьей стенами Афрасиаба в VIII в., где, как казалось, здания VIII—начала IX в. стоят прямо на материке (Крикис и др., 1963, с. 235—236; Пачос,

1963, с. 276). Разрезы внешней стены, по мнению М. К. Пачоса, также бесспорно свидетельствовали о ее возведении в начале IX в. (1967, с.69; 1968, с. 16), хотя археологическое обоснование этого вывода было совершенно неубедительным. Как выяснилось впоследствии, М. К. Пачос не понял стратиграфии и игнорировал очевидные остатки очень древних стен (Шишкина, 1969б, с. 222, прим. 4, 5; Кабанов и Шишкина, 1968). Оказалось также, что древние слои, правда, сильно нарушенные, а местами уничтоженные, встречаются на всей территории Афрасиаба.[20]

Сообщения арабских историков и географов свидетельствуют о существовании внешней стены Афрасиаба в начале VIII в. По словам Ибн ал-Аʿсама ал-Куфи, Кутейба, заключив договор с Гуреком, прошел с войском через весь город от Кешских ворот до Китайских (Ибн ал-Аʿсам, с. 419; Йаʿкуби, II, с. 344). Соответствие Кешских ворот VIII в. Кешским воротам X в. (в южном углу треугольника Афрасиаба) подтверждается наличием на последних железной плиты с надписью, которая к началу X в. была совершенно непонятна местным жителям, и ее принимали за химйарскую (BGA, I, p. 318). Такая надпись не могла появиться на стене, построенной в мусульманское время. Более того, можно думать, что надпись не была даже согдийской, так как содержание ее было неясно уже в VIII в.[21] Мы полагаем, что внешняя стена Афрасиаба существовала уже в VII в., но внешняя часть города была в то время и вплоть до арабского завоевания редко застроена и считалась пригородом.

После вступления в Самарканд арабы заняли мединy и выселили оттуда согдийцев. Вход и выход из нее разрешался только по особому пропуску (Табари, II, с. 1252). Можно думать, что мединой в то время считалась только часть внутри второй (или третьей) стены. После неудачного восстания 713 г., о котором имеются лишь глухие упоминания (Йаʿкуби, II, с. 344; Кляшторный, 1954), Гурек с приближенными переселился во Фринкет или Иштихан, оставаясь там не менее 20 лет (Несефи, с. 242, 250; Бартольд, I, с. 135, 136). Самарканд стал основным опорным пунктом арабов в Мавераннахре. Общая численность арабов, живших в нем, была велика, один только гарнизон порой достигал 12 000 человек (Табари, II, с. 1540). Благодаря этому арабы неизменно удерживали его в своих руках; только в 30-х годах (с 734 или даже с 731 г.) они оставили его под давлением превосходящих сил тюргешей (до 739 г.). Эти годы были временем наибольшего упадка города; возрождение его началось только после 741 г., когда Наср б. Сейяр разрешил всем бежавшим согдийцам возвратиться на родину (Табари, II, с. 1717—1718).

В течение всего периода арабских завоеваний ни разу не упоминается стена вокруг рустака — Дивари-Киямат.[22] Впервые о ней определенно идет речь в связи с пребыванием Абу Муслима в Самарканде в 751—752 гг. после подавления восстания согдийцев. В это время на Талас вторглась китайская армия, и, видимо, существовали опасения, что Зияд б. Салих не сможет ее сдержать, поэтому была построена, вернее, восстановлена эта стена (Табари, III, с. 80).

Через четверть века Самарканд оказался в центре восстания Муканны и должен был сильно пострадать, трижды перейдя из рук в руки. Лишь

[20] Несмотря на это, М. Н. Федоров (1969, с. 255) по-прежнему считает, что даже вторая крепостная стена была сооружена только в VII в.; естественно, что это исключает возможность существования в то время четвертой стены. В «Истории Самарканда» (с. 146) сооружение последней отнесено ко второй половине VIII—началу IX в.

[21] Надпись упоминается уже в «Ахбар Абид» (с. 430) с таким же легендарным переводом. Возможно, что надпись была эфталитской или тюркской (рунической), и поэтому содержание ее было непонятно даже согдийцам.

[22] Глухое упоминание «стены [хаит] Самарканда» имеется у ат-Табари в рассказе о «битве в ущелье» 731 г. (II, с. 1540). Тот же термин «хаит» прилагается и к Гилякин-Чильбурджу (там же, II, с. 1934).

в конце VIII в. для него наступает спокойная пора. Но, оставшись в стороне от крупнейших событий, волновавших Халифат, Самарканд оказался вне поля зрения историков и редко упоминается в письменных источниках, поэтому невозможно судить о его состоянии в IX в. (географ середины IX в., Ибн Хордадбех, лишь называет Самарканд в ряду других городов, но не дает ему никакой характеристики). В течение этого века Самарканд был неизменно то резиденцией наместника, то (позже) столицей первых Саманидов. Это должно было способствовать его процветанию и территориальному росту. Первое сравнительно подробное описание Самарканда относится к концу IX—началу X в. и принадлежит перу Ибн ал-Факиха. Он отмечает, что у Самарканда четверо ворот: Кешские, Китайские, Усрушанские и Железные (BGA, V, p. 322),[23] а через несколько страниц дает следующее известное описание Самарканда: «Говорят, что Самарканд построил ал-Искандер. А окружность его стены 12 фарсахов, и в ней 12 ворот; от ворот до ворот фарсах. А на стене есть зубцы и башни для ведения войны. И эти 12 ворот — деревянные, двустворчатые, а на некотором расстоянии от них имеются другие двое ворот, и между этими двумя воротами — жилище привратника.

И когда пройдешь посевы, то окажешься в рабаде, в котором постройки. А его рабад и орошенные земли занимают 6000 джерибов. Стена окружает его рустаки и его сады, и его парки, и в ней эти 12 ворот. Затем входишь в медину, которая занимает 5000 джерибов, и в ней четверо ворот, которые мы уже назвали в этой главе; затем входишь во внутреннюю медину, площадь которой 2500 джерибов. Соборная мечеть находится в этой медине, и в ней кухендиз, и в ней местопребывание власти. В медине есть текущая вода.

А что касается пространства внутри большой стены, то в ней есть реки и каналы. А в кухендизе есть железные ворота в начале и железные ворота в конце» (BGA, V, p. 325—326).

Мешхедская рукопись дает более краткий вариант описания и в то же время содержит несколько иные сведения: «Говорят, что Самарканд — постройка ал-Искандера. А окружность его стены 12 фарсахов, и внутри ее сады и посевы, и мельницы, и в ней 12 ворот; от ворот до ворот фарсах. А на верху стены есть зубцы и башни для ведения войны. И эти 12 ворот — из железа, и между каждыми из двух ворот находится жилище привратника.

И когда пройдешь посевы, то окажешься в рабаде, в котором постройки и базары. В его рабаде 10 000 джерибов посевов. Затем входишь в медину, площадь которой 2500 джерибов, а в ней находятся соборная мечеть и кухендиз, и местопребывание власти. И в этой внутренней медине есть текущий канал.

А что касается пространства внутри большой стены города, то там есть реки, и каналы, и источники, и горы. А в кухендизе есть железные ворота, за которыми находятся другие железные ворота» (Ибн ал-Факих, л. 163б).

Эти сведения давно привлекались исследователями (Бартольд, I, с. 135), но очень важные для нас цифры, по которым можно составить сравнительно точное представление о размерах города в конце IX—начале X в., не были в достаточной мере использованы. М. Е. Массон считал, что их возможно привлекать только для определения соотношения отдельных частей города, но не для установления абсолютной их величины, поскольку не известна величина джериба, которым измерена площадь (М. Массон, 1950, с. 163).

---

[23] В мешхедской рукописи (л. 161б): Большие, Китайские, Усрушанские и Железные ворота.

Автор этих строк пытался установить размер джериба, исходя из предположения, что внутренняя и внешняя медина занимает площадь Афрасиаба (Большаков, 1956, с. 18), но подсчеты были сделаны без учета варианта мешхедской рукописи. Последний, не меняя наших выводов, дает кое-что новое для понимания эволюции частей города. По Ибн ал-Факиху (см. выше), внутренний город занимал площадь 2500 джерибов, внешний — 5000 джерибов, а рабад — 6000 джерибов. Если исходить из обычного размера джериба в 3600 кв. локтей, что составит от 900 до 1800 м²(в зависимости от размера локтя), то мы получим для одной только внутренней медины площадь не менее 240 га, а для всего города — не менее 1200 га. В этом случае нам пришлось бы допустить, что за IX в. Самарканд вырос более чем в 5 раз.

На наш взгляд, внутренней медине соответствует часть Афрасиаба внутри второй стены площадью около 70 га, а внешней — южная часть городища площадью около 140 га (рис. 93). Соотношение этих частей хорошо отвечает пропорциям, указанным у Ибн ал-Факиха (2500 : 5000= =70 : 140), лишний раз подтверждая справедливость нашего предположения. Таким образом, общая площадь Самарканда конца IX в. 7500 джерибов. Зная площадь Афрасиаба (218 га), мы можем вычислить размер джериба — 2 180 000 м² : 7500=290 м². Полученная таким образом величина оказывается необычно малой и вызывает сомнение в справедливости наших отождествлений.

Однако малые размеры самаркандского джериба IX в. не должны нас смущать. В Исфахане «дихканский» джериб равнялся 1440 кв. локтям (BGA, VII, p. 160) ($^1/_{10}$ квадрата со стороной в 120 локтей). По-видимому, и в Самарканде мы имеем дело с такой же системой единиц: большой джериб 120×120 локтей делится на десятые доли. Архитектурные пропорции построек Пенджикента показывают, что локоть был менее полуметра, в пределах 45—50 см.[24] Если исходить из минимальной величины — 45 см, то 120 локтей составят 54 м, а квадрат со стороной 54 м — 2916 м², следовательно, малый джериб (в $^1/_{10}$ большого) составит 291.6 м², что поразительно совпадает с расчетом джериба по площади Афрасиаба.[25]

Текст мешхедской рукописи сочинения Ибн ал-Факиха, восходящей к первоначальной, более полной редакции, содержит иные цифры: там говорится, что внутренняя медина занимает 2500 джерибов, а рабад — 10 000. Эти пропорции не отвечают соотношению части Афрасиаба внутри второй стены и остальной его территории, и можно предполагать, что внутренняя медина в 2500 джерибов соответствует всему Афрасиабу. Тогда рабад конца IX в. должен быть в 4 раза больше Афрасиаба, т. е. около 800—900 га. Но нам кажется, что расхождение между обоими текстами объясняется тем, что в версии мешхедской рукописи внешняя медина отнесена к рабаду. Это совершенно естественно, поскольку внешняя медина в какой-то период была пригородом и в некоторых случаях могла рассматриваться как одно целое с рабадом к югу от Афрасиаба. Даже если в исходном тексте действительно было 10 000 джерибов, а не 11 000, то и тогда сюда должны входить внешняя медина и рабад вне Афрасиаба. В этом случае площадь собственно рабада, за вычетом внешней медины, составит 5000 джерибов, т. е. практически то же число, что и в печатном тексте Ибн ал-Факиха.

Таким образом, можно говорить, что в IX в. за пределами Афрасиаба, скорее всего к югу от него, сложился большой пригород (5—6 тыс. джерибов=145—175 га); в границах Афрасиаба еще различались собственно город

---

[24] В. Л. Воронина выводит для Средней Азии VII—VIII вв. размер строительного локтя (или его половины) в 50—54 см, но указывает и на существование меры длины в 44.46 см, т. е. практически в 45 см (1951, с. 66).

[25] Ибн Хаукаль, говоря о низких ставках хараджа на джериб в Мавераннахре, замечает, что джерибы там маленькие (BGA, II, p. 2, 469).

и бывший пригород, который то отделяли от рабада, то включали в его состав. Через несколько десятилетий деление города на внутренний и внешний совершенно забудется и весь Афрасиаб станут считать мединой.

Наиболее подробное описание Самарканда X в. мы находим у ал-Истахри. Оно во многом совпадает со сведениями Ибн ал-Факиха, хотя некоторые ворота медины названы иначе: Кешские ворота названы Большими.

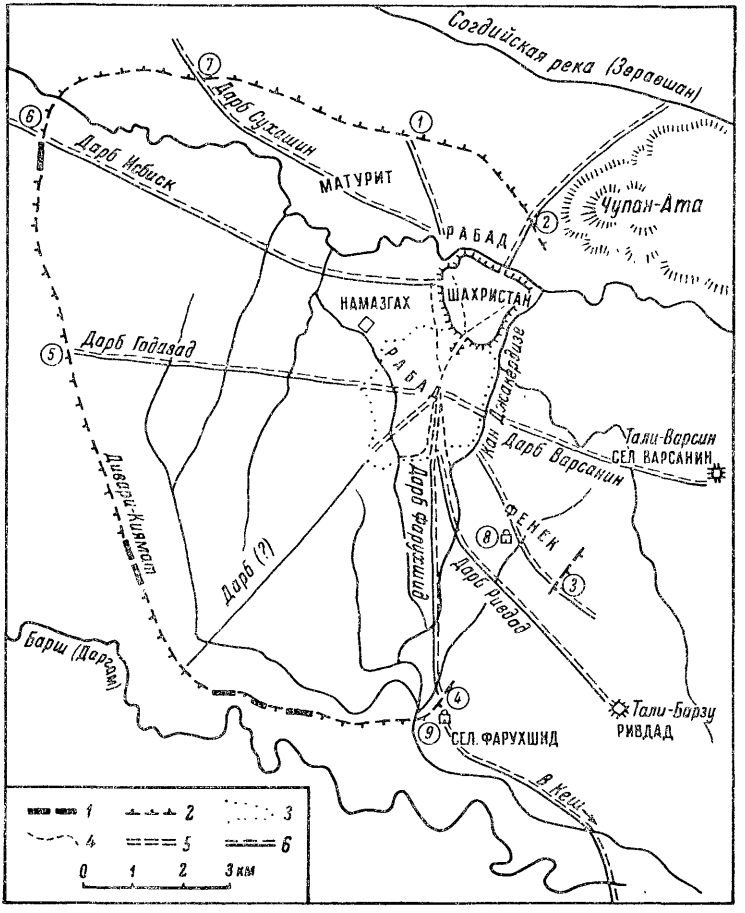

Рис. 93. Самарканд и его окрестности в IX—XII вв.

1 — сохранившиеся части стены; *2* — предполагаемое направление стены; *3* — стена XIV—XIX вв.; *4* — предполагаемое течение каналов; *5* — улицы; *6* — дороги. Цифры в кружках: *1* — Ворота Афшине; *2* — Кухак; *3* — Фенек; *4* — Фарухшид; *5* — Гадавад; *6* — Исбиск; *7* — Сухашин; *8* — мавзолей ходжи Абди Даруна; *9* — ходжи Абди Бируна.

Железные — Наубехарскими, Усрушанские — Бухарскими. За истекшие полвека часть прежнего рабада (внешняя медина) неразрывно слилась с внутренним городом; возможно, что и стена между ними была в это время разрушена за ненадобностью. Слияние бывшего рабада с шахристаном в одно целое — лучшее свидетельство отсутствия принципиальной разницы между ними. Однако это вовсе не опровергает вывода В. В. Бартольда, что мединой называли не весь город, а только определенную его часть, размеры которой, как мы видим, могли изменяться.

По описаниям географов X в. трудно судить, насколько вырос пригород за пределами Афрасиаба. В отличие от Ибн ал-Факиха они не указы-

вают границ или площади городской застройки рабада. Для них рабадом является все пространство внутри Дивари-Киямат, в которой они называют только 9 ворот: Афшине, Кухак, Варс[ан]ин, Фенек (у ал-Мукаддаси опущены), Ривдад, Фарухшид, Гадавад, Исбиск и Сухашин.

Остатки Дивари-Киямат в некоторых пунктах были отмечены В. Л. Вяткиным на основании старых карт (Вяткин, 1902, с. 21; Несефи, с. 277 — 278). Вся западная половина ее легко восстанавливается простым соединением сохранившихся участков, восточная же реконструируется очень гипотетически (рис. 93).

Основными вехами здесь являются мавзолеи ходжа Абди Даруна (внутренний) и Абди Бируна (внешний); последний, по словам Несефи, автора «Кандийи», находился вне стены, на краю селения Фарухшид.[26] Внутренний же мавзолей, по словам автора XVIII в., находится в квартале (махалла) Мулиян, «в месте, которое в древности называли Фана фатх, внутри крепости Искандера примерно в 1300 шагах» (Абу Тахир, с. 49). Фарухшид соответствует кишлаку Каучинон (Несефи, с. 279), и, следовательно, здесь стена проходила севернее его, а далее — примерно в 1 км восточнее или юго-восточнее мавзолея ходжи Абди Даруна (северо-восточнее Ак-Мечети, за каналом Даштак). Одновременно свидетельство «Самарийи» позволяет наметить местоположение района Фенек, так как Фана (Фена), вероятно, является искажением этого старого названия.

Исходя из этих отождествлений и того несомненного факта, что Ворота Кухак (горка) должны были находиться около Чупан-Аты, попробуем локализовать ворота Дивари-Киямат, а затем и некоторые из кварталов большого рабада Самарканда. Холм Тали-Варсин находился в 4.5 км от Самарканда, севернее дороги на Пенджикент. Следовательно, Ворота Варсин (или Варсанин) лежали на пересечении стены дорогой в Пенджикент. Ворота Фенек, как мы видели, локализуются около кишлака Ак-Мечеть. Селение Ривдад, загородная резиденция ихшидов Согда, находилось в фарсахе к югу от города (его принято отождествлять с городищем Тали-Барзу).[27] В таком случае одноименные ворота лежали на дороге, ведущей ныне из Самарканда в Раванак. О селении Фарухшид мы уже говорили. Ворота Фарухшид следует искать где-то около входа канала Шавдар внутрь стены. Ворота Гадавад находились в западной стороне стены; Исбиск (или Исбаск) — за каналом Сиаб, между селениями Узбек-Кенты и Кундуз-Суфи (Вяткин, 1902, с. 279); Сухашин и Афшине — между Исбиском и горой Чупан-Ата, где находились ворота Кухак.

Площадь, охваченная этой стеной, составляет примерно 11 000 га, что вдвое больше Самарры и в несколько раз больше Мерва. В. В. Бартольд объяснял гигантские размеры города редкой застройкой с большим количеством садов: «Количество населения, конечно, не соответствовало нашим понятиям о таком городе; значительная часть пространства была занята садами». Тем не менее он считал: «Можно без преувеличения предположить, что в саманидском Самарканде было более 500 000 жителей»

---

[26] Возможно, что вторую часть слова надо читать «ихшид». Название местности, связанное с именем царя, могло объясняться тем, что здесь находилось какое-то имение ихшидов; его естественно видеть там, где стену пересекал большой канал, орошавший всю округу Самарканда, и находился вододелитель, деливший канал на четыре ветви. Фарухшид (или Фарихшид) впервые упоминается в связи с битвой арабов с тюрками в 730 г. как местность на дороге из Самарканда к лагерю Джунейда (Табари, II, с. 1540).

[27] Вслед за В. В. Бартольдом принято считать Ривдад центром рустака Маймург (III, с. 187), однако ал-Истахри, на которого при этом ссылаются, писал лишь: «. . .Маймург — в месте, известном под названием Ривдад, была резиденция ихшида, царя Самарканда, это — селение, в котором ихшидские замки» (BGA, I, p. 321). После работ Г. В. Григорьева (1940а, с. 99—100) Ривдад отождествляют (и, по-видимому, справедливо) с Тали-Барзу. Центр же рустака Маймург, по Сюань Цзану, был в 100 ли (30 км) от Самарканда, т. е. где-то около городища Кулдор-Тепе (Ставиский, Урманова, 1958).

(Бартольд, I, с. 139). Даже при редкой застройке пригорода такой быстрый рост рабада (от 400 до 11 000 га за полвека) кажется невероятным.

Для ал-Истахри, Ибн Хаукаля и ал-Мукаддаси вся территория внутри стены является рабадом в административном понимании слова, так как, по их же описанию, большая часть ее не была настоящим рабадом. Так, ал-Истахри пишет: «Диаметр стены, окружающей рабад Самарканда, фарсах, однако орошение рабада [28] и средоточие базаров — Рас ат-так; затем примыкают к нему базары и улицы, и кварталы, а в пространстве между ними расположены замки и сады» (BGA, I, p. 317).

Таким образом, на этой территории выделялся плотно застроенный рабад вокруг Рас ат-так, а далее среди садов были разбросаны отдельные селения, рассматривавшиеся как кварталы (махалла) города. Они концентрировались вдоль магистральных дорог, шедших от шахристана и центральной части рабада к упомянутым 8 или 9 воротам. Ал-Мукаддаси упоминает 8 дарбов рабада, названия которых совпадают с названием ворот у ал-Истахри—Ибн Хаукаля. Поэтому В. В. Бартольд переводил это слово как «ворота», полагая, что дарбами арабские географы называли «ворота внешних стен, окружавших город вместе с его пригородами», и упрекал Ле Стрэнджа за двоякий перевод термина: то как «ворота», то как «улица» (III, с. 278—279). Вопреки обыкновению в данном случае оказался прав Ле Стрэндж, а не В. В. Бартольд.

М. Е. Массон на примере Нисы показал, что дарбы, упоминаемые ал-Мукаддаси, это не ворота, а уличные магистрали рабада (1949, с. 57). Действительно, можно найти много примеров подобного словоупотребления: в описании Фустата у Ибн Дукмака (Casanova, 1919, p. XXXIII), Дамаска у Ибн Асакира (карта), хотя иногда это слово встречается и в смысле «ворота». М. Соваже отмечает, что в Алеппо дарбами называют ворота, закрывающие главную улицу квартала, откуда происходит и второе название — «улица» (Sauvaget, 1941, p. 105).

В «Истории Кумма» при переводе на арабский язык слово «дарб» оставлено без перевода и употребляется в качестве синонима дороги. «В Кумме шесть дорог: первая — Хорасанская дорога, которая является Рейским дарбом . . . а четвертый дарб — дорога в Ирак» и т. д. (Кумми, с. 26—27). В том же смысле употребляет это слово и ал-Йа'куби, когда пишет, что в Кумме «тысяча дарбов» (BGA, VII, p. 273). Несколько позже Хамдаллах Казвини писал о Самарканде: «В большинстве его дарбов имеется проточная вода» (II, с. 306); ясно, что и в этом контексте дарб — не ворота.

У ал-Истахри в некоторых случаях можно допустить двоякое понимание. Он пишет о внутреннем рабаде Бухары: «. . .а в середине рабада, в его базарах, имеются дарбы, к ним относятся Железные ворота [баб ал-хадид]». Здесь «дарб» и «баб» как будто равнозначны; такого мнения придерживается Мухаммед ал-Хини, издатель нового текста ал-Истахри, который делает примечание: «Так во всех рукописях, а правильнее — ворота [абваб]» (Истахри, К, с. 172, прим. 5).

Сопоставление описаний Самарканда и Бухары у ал-Истахри и ал-Мукаддаси приводит к выводу, что дарбами назывались большие магистральные улицы рабадов, возникшие при застройке участков вдоль дорог, шедших от шахристана. По-видимому, они отличались от улиц старой части города большей шириной и иным характером застройки. Что связь с дорогой играет важную роль в выделении дарбов как особого типа улицы, свидетельствует сбивчивое употребление этого термина в отношении внутреннего рабада Бухары, ставшего в X в. собственно городом: данный тер-

[28] Быть может, точнее вариант Ибн Хаукаля (BGA, II²): сурратуху — «его пуп» (т. е. его центр).

мин иногда заменяется обычным — «сикка» (улица). В наши дни аналогичный процесс изменения названия происходит при застройке шоссе, которые, превратившись в обычные улицы, продолжают называться «шоссе» и лишь через некоторое время переименовываются в проспекты. Улицы среднеазиатских городов, возникавшие вдоль дорог, считались сначала дарбами и носили название той местности, куда вела данная дорога. Таким образом, одно и то же название могло обозначать три объекта: селение, дорогу, ведущую в него, и ворота рабада, стоявшие на этой дороге. В Самарканде мы знаем селение Ривдад, улицу вдоль дороги в это селение — дарб Ривдад — и Ворота Ривдад, через которые шла эта дорога. Но в других случаях мы не можем с такой же определенностью различить, о чем идет речь: о квартале внутри большой стены или о селении, по которому был назван соответствующий дарб. Например, в окрестностях Самарканда были селение Исбиск (или Исбискет), находившееся в 2 фарсахах от города (около 15 км) (Йакут, I, с. 238), и Ворота Исбиск, но существовал ли одноименный квартал рабада около этих ворот, где-то между кишлаками Кундуз-Суфи и Узбек-Кенты, — нельзя сказать определенно. Но если мы можем говорить о том, что селение Исбиск лежало за пределами большой стены, поскольку от центра территории, окруженной большой стеной, до любой ее точки не более фарсаха, то в других случаях мы лишены такой возможности. Йакут пишет о Фенеке: «Селение. Между ним и Самаркандом половина фарсаха» (III, с. 920). Казалось бы, что здесь нет никаких поводов сомневаться в расположении этого пункта вне рабада, но сравним с тем, что пишет тот же автор о другом пункте в окрестностях города: «Гадавад. Квартал [внутри] стены [29] Самарканда, в фарсахе от Самарканда»; в данном случае ясно, что расстояние «от Самарканда» есть расстояние от его шахристана, от Афрасиаба. Такой вывод подтверждается сведениями о расстоянии до некоторых других пунктов в окрестностях Самарканда: ал-Истахри считает расстояние между Ривдадом и Самаркандом за фарсах (BGA, I, p. 321), тогда как от Тали-Барзу, отождествляемого с этим селением, до стены рабада около 2 км. Зато от Афрасиаба до Тали-Барзу как раз фарсах, и, значит, расстояние указывалось от шахристана. Следовательно, и Фенек мог находиться не в половине фарсаха от рабада, а в половине фарсаха от Афрасиаба, где-то между Ишратханой и мазаром ходжи Абди Даруна. То же самое можно сказать и о дарбе Варсин: холм Тали-Варсин находится за пределами Дивари-Киямат, восточнее кишлака Чимчиклы, но дарб Варсин был частью рабада и, следовательно, находился внутри стены на дороге, ведущей в пригородное селение Варсин.

Таким образом, Самарканд X в. состоял из старого города, медины, в пределах Афрасиаба, торгово-ремесленного рабада к югу от Афрасиаба (южную границу которого не удается установить) и огромной пригородной сельской зоны внутри Дивари-Киямат. В этой зоне выделялось несколько сгущений застройки, бывших селений, которые стали считаться кварталами (махалла) рабада. От настоящего рабада отходили вдоль магистральных улиц-дорог (дарбов) языки более плотной застройки; пространство между ними занимали поля и сады, это именно те «пространства, в которых находятся замки и сады». Говоря о размерах города, мы должны учитывать только районы с плотной городской застройкой.

Первая половина XI в., с момента падения Саманидов, ознаменовавшаяся многочисленными войнами, передвижениями кочевников и отсутствием политической стабильности, не была благоприятна для развития

[29] من حائط, т. е. находящийся на территории, окруженной стеной; ср.: ماتوريت محلة من حائا سمرقند. Квартал Матурит (или Матырид) определенно находился внутри стены.

городской жизни в центральном Мавераннахре, в том числе и в Самарканде. Археологические работы на Афрасиабе свидетельствуют о запустении некоторых участков в первой половине XI в. В одних случаях это запустение было преодолено (Брусенко, 1969, с. 122—123), в других — нет (Немцева, 1969, с. 193).

Новый подъем города несомненно связан с долголетним правлением Ибрахима Тамгач-хана (1046—1068 гг.), избравшего Самарканд своей резиденцией. Рассказы характеризуют его как образцового государя, заботящегося о подданных (Бартольд, I, с. 374—375), и поборника ортодоксальной религии (Ибн ал-Асир, IX, с. 212). Долгое время для суждения о состоянии Самарканда в этот период не имелось почти никаких сведений. Сейчас благодаря публикации двух вакфных документов Тамгач-хана мы получили сведения о топографии Самарканда, которые в некоторых отношениях превосходят сведения географов X в.

Один из этих документов сообщает об учреждении ханифитского медресе вблизи Железных ворот [30] «внутри медины Самарканда», т. е. где-то около раскопа № 9 на Афрасиабе. Документ описывает соседние здания: площадь Хатун-Малки дочери Тархан-бека, дом-вакф студентов медресе, дом Ахмеда ал-Мукассаса, дом Абу-л-Касима б. ал-Ата, хан (караван-сарай) Хатун-Малки, дом «хаули хайлташи», ханака эмира Низам ад-Даули и еще дом той же Хатун-Малки (Khadr, 1967, p. 325, 331).

По второму акту в середине июня 1066 г. в районе улицы Ривдад был учрежден госпиталь. Название улицы и квартала, где помещалось здание, пожертвованное под госпиталь, в сочинении, из которого извлечен текст документа, опущено, но в описании границ участка указывается, что он соприкасается с мечетью на улице Ривдад (Khadr, 1967, p. 316, 321). Как мы видели, Ривдадская улица (дарб), упоминавшаяся географами X в., шла от центра рабада к Ривдаду (Тали-Барзу), примерно соответствуя Сузангаранской улице. Однако определить положение госпиталя на этой магистрали можно только предположительно.

Прежде всего следует отметить, что госпиталь находился в центре квартала, застроенного по-городскому. С одной стороны его располагались два хана и жилой дом; со второй — мечеть на Ривдадской улице, 8 участков с жилой застройкой (в каждом из владений упоминаются дома, а не один дом) и одна конюшня; с третьей стороны к госпиталю примыкал еще один хан. Характер застройки свидетельствует, что госпиталь Тамгач-хана следует искать в пределах собственно рабада, не выходя за линию южной стены тимуровского города.

Почти все объекты, перечисленные в списке вакфов медресе и госпиталя, находились в торговом районе города, названном базаром Самаркандского Согда. Видимо, в глазах современников он был базаром не только города, но и всех 12 рустаков Самарканда. Только один или два пункта, названных здесь, были известны прежде, остальные упоминаются впервые.

К числу известных относится квартал Рас ат-так, располагавшийся у начала акведука, где-то в районе Центрального рынка и мечети Бибиханум. Здесь был хан в переулке (зукак) Торговцев молоком (ширфурушан), хан на улице (сикка) ʿАббада, хан Саманидов на улице (дарб) Минарета.

Другой квартал соответствует, видимо, «Началу моста Гатфар», упомянутому у ас-Самʿани (л. 404б).[31] Гатфар находился на западном берегу

---

[30] У Хадра: баб ал-джадид — «новые ворота» (Khadr, 1967, p. 325); мы предлагаем другое чтение: баб ал-хадид — «железные ворота» (см. выше, с. 225).

[31] В издании: راس قنطرة عاهرة (начало моста проституток). Хадр читает последнее слово как Aḥira (Khadr, 1967, p. 332). Мне кажется, что это искаженное

Навадана, севернее тимуровской цитадели (Вяткин, 1902, с. 15). Соответственно квартал «Начало моста Гатфар» скорее всего должен был быть на восточном берегу того же канала. Здесь на улице Хаммада находилась мужская баня.

Большая группа вакфов располагалась в местности «Песок торговцев дровами (?)»,[32] которую, быть может, следует отождествить с Регистаном. Здесь кроме разных лавок (хлебников, продавцов дерева) были две бани: баня Мервана и женская на улицах Дауда и Тимак. Часть лавок была вакфом на поддержание Ворот Чахарсук. Любопытно, что в районе Регистана в XVI в. также имелись мужские бани (М. Массон, 1950, с. 83). Трудно ручаться, что они находились на том же месте с XI в., но, зная консервативность топографии средневековых городов и привязанность бань к мало меняющейся ирригационной системе, такое предположение не кажется совсем необоснованным.

У ворот бани Мервана располагались две лавки, задняя сторона которых выходила на канал (название искажено и не поддается идентификации). Это также соответствует топографической ситуации X—XI вв. в районе Регистана, где в то время протекал большой канал (М. Массон, 1925, с. 1—2). Быть может, также не случайно, что в районе «Песка» находились лавки, доход с которых шел на поддержание Ворот Чарсу (бабаи Чахарсук), так как обычно вакфные заведения старались иметь поблизости от объекта, который они обеспечивали. А Чарсу, видимо, и тогда было где-то по соседству с Регистаном.

Возможна и другая интерпретация: Ворота Чахарсук — не само Чарсу, а ворота стены рабада. В XVI в. ворота с таким названием были в западной стене Самарканда, южнее цитадели (Вяткин, 1902, с. 16). В этом случае все равно можно предполагать, что Чарсу находилось там же, где в XVI в.

О состоянии города в XII в. некоторые сведения имеются в «Кандийи» и в словарях ас-Сам'ани и Йакута. «Кандийа» в первоначальной редакции, видимо, содержала связное описание города, опиравшееся на официальные материалы. Но после многочисленных переработок от него остался небольшой отрывок, касающийся системы орошения города.

По свидетельству Несефи (с. 287—288), при входе в город вода растекалась по четырем каналам: Джакердизе, Музахин, Искандергам и Асенгин (Сангресан), каждый из которых в свою очередь делился на два. Все вместе они орошали площадь в 14 600 хаблей. Автор называет длину канала Джакердизе (первоначально, вероятно, названа была длина всех четырех) и площадь орошения каждого из каналов.

При взгляде на карту (рис. 93) становится ясно, что система орошения XII в. в основных чертах сохранилась неизменной до начала XX в. Действительно, магистральный канал, подходящий к городу с юга, после пересечения Дивари-Киямат разделяется на четыре рукава. Канал Джакердизе должен был быть как-то связан с кладбищем Джакердизе; возможно, он идентичен каналу, протекающему вдоль восточной стены «старого города». В этом отождествлении есть только один слабый пункт: как сообщается, из канала Джакердизе брал воду знаменитый акведук, снабжавший водой Афрасиаб, однако местность, где он начинался, орошается каналом, входящим в город через Сузангаранские ворота. Правда, головы второстепенных каналов за семь веков могли изменить первоначальное расположение, перенос их довольно частое явление.

Канал Сангресан, судя по названию, должен был протекать мимо кладбища с тем же названием, расположенного западнее Афрасиаба. Ему более

غاتغر. Первая точка исчезла при переписках, а «та» и «фа», утратив точки, слились в букву «ха».

[32] В издании رمل فروشان هرم

всего соответствует канал, входящий через Сузангаранские ворота, протекающий через центр города и кончающийся западнее Афрасиаба. Но если это так, то перечисление каналов у Несефи не следует какому-то определенному порядку, поскольку Сангресан назван им последним.

Длина канала Джакердизе, по словам Несефи, составляет 17 240 гязов. Длина канала, отождествляемого с ним, по обмеру на карте около 7000 м, а с учетом мелких изгибов на местности не менее 8000 м (или около 16 000 гязов). Следовательно, можно говорить о реальности цифр Несефи и даже утверждать, что они заимствованы из каких-то официальных источников.

Такого же доверия заслуживают и сведения о площади, орошаемой указанными каналами (особенно убедительно то, что приводятся не округленные числа). Канал Джакердизе орошал 1067 хаблей,[33] Музахин — 2900 хаблей, Искандергам — 1900 хаблей, Сангресан — 275 джуфтов.

Цифры «Кандийи» отрывочны и искажены. Несомненно, что в первой редакции указывалась длина всех каналов, а не одного только Джакердизе, имелись и другие цифры. Те, что дошли до нас, не увязываются друг с другом. Например, площадь земель, орошаемых указанными каналами, равняется 4800 хаблей плюс 275 джуфтов, т. е. около 5000 хаблей, но говорится, что все вместе каналы орошают 14 600 хаблей (Несефи, с. 290).

К сожалению, мы не можем вычислить размеры джуфта и хабля Самарканда в XII в., так как 14 600 хаблей — только площадь земель, подлежащих хараджу, «остальное принадлежит шейхам и сеййидам» (Несефи, с. 290). На этих землях лежало 338 тыс. дирхемов хараджа, т. е. в среднем по 22 дирхема на хабл-джериб. С учетом разницы ставок налога на зерновые и технические культуры можно говорить о колебании от 10 до 50 дирхемов с джериба, что соответствует данным «Тарихи Кумм» (Кумми, с. 112—121).

Сведения «Кандийи» о мавзолеях и местах поклонений в Самарканде не дают представления о размерах города и состоянии отдельных его частей. То же можно сказать и о сведениях ас-Сам'ани и Йакута. Любопытно только свидетельство Сам'ани, что квартал «Начало моста Гатфар» находится «в самом городе» (л. 404б). Следовательно, южный пригород в то время считался собственно городом. Можно думать, что этот пригород занимал всю территорию тимуровского города. Во всяком случае Чан Чунь, посетивший Самарканд в 1221 г., сразу после монгольского разгрома, писал, что вода входила в город двумя потоками, а это, как отмечал В. В. Бартольд (III, с. 191), соответствует условиям орошения территории тимуровского города, в который действительно входят два канала.

М. Е. Массон считает, что стена, окружавшая тимуровский город, существовала еще в домонгольское время, Тимур же только восстановил ее (1950, с. 164). Остатки какой-то монументальной стены домонгольского времени из обожженного кирпича были обнаружены при рытье котлована для нового здания Пединститута (Гулямов, Буряков, 1969, с. 293), однако отождествление ее с городской стеной пока преждевременно.

Старый шахристан в XII в. перестал быть центром города. Степень его обжитости в это время значительно меньше, чем в X—XI вв. При рас-

---

[33] В. Л. Вяткин неверно переводит это слово — «участки» (Несефи, с. 252—253). Хабл по арабски «веревка», в данном случае — мерная веревка, длина которой не была одинаковой во всех областях. В. Хинц (1970, с. 72) определяет ее длину в 40 локтей (21.616 м). Багдадский хабл — 40 м (Lassner, 1963). Хаблем называлась также единица площади: квадрат со стороной в 1 хабл, т. е. джериб. Параллельные цифры в хаблях и джуфтах, приводимые в «Кандийи», позволяют проверить соответствие между ними. 2900 хаблей=2785 (или 2750) джуфтам, а 1900 хаблей=1486 джуфтам. Из чего можно заключить, что хабл=0.8—0.9 джуфта.

копках Афрасиаба слой XII—начала XIII в. всюду невелик. В значительной мере это могло объясняться ухудшением водоснабжения: сильно поднявшийся в IX—XI вв. уровень улиц затруднял самотечную доставку воды. В некоторых местах города приходилось даже применять водоподъемные устройства (Немцева, 1969, с. 203). Южный пригород представлял больше удобств для жизни, и туда постепенно переселялось население. В этом отношении между судьбами Гяур-Калы и Афрасиаба много общего.

В. В. Бартольд считал, что к моменту монгольского завоевания Афрасиаб был только крепостью (III, с. 191), но описание взятия Самарканда монголами (I, с. 480—481) не дает бесспорных оснований для такого вывода. Кроме того, если бы Афрасиаб к тому времени совершенно запустел, то не было бы смысла, ожидая монголов, ремонтировать его внутреннюю, третью стену (Пачос, 1967, с. 70; Шишкин, 1969а, с. 140, 142). По нашему мнению, Афрасиаб в то время еще имел значительное население, хотя и меньшее, чем в период расцвета — в X—XI вв.

Разрушение акведука лишило Афрасиаб орошения, и он был навсегда покинут жителями. С 20-х годов XIII в. и до середины XIX в. размеры Самарканда оставались неизменными. Даже при Тимуре и Улугбеке город был меньше, чем в XI—XII вв.

Бухара

Бухара долгое время была недоступна для историков и археологов. Сравнительно многочисленные сведения о Бухаре у средневековых авторов, особенно у Наршахи, оставались недопонятыми, так как не была изучена историческая топография. Так, в 1901 г. В. В. Бартольд не знал еще ни одного памятника домонгольского времени в Бухаре (III, с. 245);[34] лишь после падения эмирата он смог посетить этот город и сразу отметил, что в центре по рельефу можно проследить границы шахристана (III, с. 256). Точное определение их было сделано только в вышедшей в 1936 г. работе В. А. Шишкина (1936), с которой началось серьезное изучение Бухары.

Огромную роль в изучении средневековой Бухары сыграла этнографическая экспедиция 1940 г.[35] В городе, долго сохранявшем средневековый облик и уклад жизни, осталась часть средневековой топонимики; оказалось, что значительная часть названий кварталов восходит по крайней мере к XVI в., а некоторые сохранились с домонгольского времени.

Пересмотр прежних представлений о топографии домонгольской Бухары на основе этнографического материала был предпринят О. А. Сухаревой, использовавшей также сведения Наршахи и ряд вакфных документов (Сухарева, 1958). В результате было локализовано несколько пунктов домонгольского города, и только то обстоятельство, что О. А. Сухарева была лишена возможности пересмотреть в этом свете сведения арабских географов, не позволило ей дать исчерпывающее описание Бухары до XIII в. Интересный материал той же экспедиции был опубликован Л. И. Ремпелем (1962), но его отождествления домонгольской топонимики гораздо менее убедительны, чем у О. А. Сухаревой.

Древнее название Бухары, сообщаемое рядом авторов, — Нумиджкет. У ат-Табари и ал-Балазури Бухарой чаще всего называется оазис в целом. Например: «Он [Кутейба] вошел в Бухару и остановился в Нижней Харкане южнее Варданы» (Табари, II, с. 1198). У ал-Балазури дважды упоминается «медина Бухары», но не как город Бухара, а как столица Бухары

---

[34] Даже позже И. И. Умняков (1923) не смог сколько-нибудь значительно дополнить или исправить выводы В. В. Бартольда.

[35] Экспедицией руководил М. С. Андреев.

(с. 410, 411); в таком же смысле говорит ал-Балазури об Ахсикете: وهي مدينتها قديمة — «А это ее [Ферганы] древняя столица» (с. 420).

В это время Бухара, считаясь центром оазиса, ненамного превосходила по величине и политическому значению такие города, как Пайкенд, Рамитан и Вардана. Лишь после того, как арабы овладели всем оазисом и поддержали своим авторитетом бухар-худата, Нумиджкет как подлинный политический центр оазиса оставил далеко позади себя остальные города. Постепенно Нумиджкет, «столица Бухары», стал называться просто Бухарой,[36] так же как когда-то Бухарой называли Рамитан (Наршахи, III, с. 23). Аналогичный процесс перенесения названия области на ее столицу мы знаем по Джурджании, которую часто называли Хорезмом.

Бухара в VIII в. была значительно меньше Самарканда. Территория города VII—VIII вв., которая позже стала называться шахристаном (или по-арабски «мединой»), легко угадывается в рельефе в виде значительного возвышения (на 5—6 м) в центре города. В. А. Шишкин уточнил западную границу шахристана (1936, с. 11). Восточную, менее ясно выраженную в рельефе границу определила О. И. Сухарева по этнографическим данным: она проходила между кварталами Дегрези и Мехчагарон (1958, с. 26). Наглядный план центральной части Бухары с рельефом, обозначенным горизонталями, опубликован Л. И. Ремпелем (1962, с. 216, рис. 1).

Благодаря всем этим исследователям мы можем составить себе достаточно точное общее представление о размерах Бухары и схеме ее планировки в VIII в. Это был небольшой (33—35 га) город, почти квадратный в плане, со сторонами около 575—600 м. В центре каждой из сторон находились ворота, и только в западной стороне, обращенной к цитадели, было четверо ворот. Две перпендикулярные, пересекавшиеся в центре магистральные улицы делили его на четыре четверти (рис. 94).

Порядок расположения ворот и их названия сохранились в «Истории Бухары» Наршахи, у ал-Истахри и ал-Мукаддаси. Почти все они сейчас хорошо локализованы и отождествлены О. А. Сухаревой. Повторять здесь ее аргументы совершенно излишне, мы остановимся только на некоторых деталях, которые остались неясными из-за того, что ею не были использованы сочинения географов X в.

Начнем с тех ворот шахристана, название которых опущено во всех известных списках «Истории Бухары». Наршахи дает такой перечень (по часовой стрелке): Ворота Парфюмеров (или Ворота Базара), Ворота Бану Са'д, Ворота Бану Асад (а также Михре или Мухре), Ворота Гебров, Ворота Хакрах и Новые ворота (Нау). Но известно, что ворот было семь. О. А. Сухарева считает, что пропущенные ворота находились между Воротами Кухендиза (Ворота Гебров) и Хакрах (1958, с. 24—25), не отождествляя их ни с одними из названных географами. Л. И. Ремпель помещает их между Воротами Парфюмеров и Бану Са'д и считает, что они назывались Воротами Шахристана (1962, с. 217, прим. 4, рис. 1). Ответ на это дают географы X в.: ал-Истахри — Ибн Хаукаль и ал-Мукаддаси. Они приводят одинаковые перечни ворот шахристана (против часовой стрелки): Ворота Медины, Ворота Нур, Ворота Подкопа (Хуфре), Железные ворота, Ворота Бану Асад и Ворота Бану Са'д (BGA, I, p. 306; Истахри, К, с. 171; BGA, II, p. 356; BGA, II ², p. 483; BGA, III, p. 280).

При сличении перечней Наршахи и географов не остается сомнения, что Ворота Медины арабских географов соответствуют Воротам Парфюмеров и что у Наршахи пропущены Железные ворота, располагавшиеся между Воротами Кухендиза и Воротами Подкопа. Таким образом, О. А. Сухарева была совершенно права, когда помещала пропущенные

[36] Лишь при Саманидах Бухара стала одним из известнейших городов Востока, и тогда родились хадисы о ней, которые приводит Кубави.

ворота в северо-западном углу шахристана, она только не отождествила их с Железными воротами арабских географов (1958, с. 21).[37] Остальные же выводы не вызывают никаких сомнений. Как ни странно, они встретили решительные возражения у Л. И. Ремпеля (1962, 217, прим. 4), назвавшего их неубедительными и требующими особого рассмотрения. Взамен он предложил свою схему, гораздо более сомнительную, чем критикуемая. Согласно ей, ворота, пропущенные у Наршахи, располагались в южной стороне города между Воротами Парфюмеров и Бану Са'д. Он называет их вслед за В. В. Бартольдом Воротами Шахристана (Бартольд, I, с. 152). Название это возникло из неправильного перевода текста Наршахи — перевода, убедительно исправленного О. А. Сухаревой (1958, с. 27); восстанавливать исправленную ошибку, не приводя никаких доводов, вряд ли стоило. Также безосновательно отождествлены Л. И. Ремпелем Ворота Аханин (Железные) и Ворота Парфюмеров.

Еще одно уточнение, которое можно сделать, привлекая сочинения географов, касается северных ворот шахристана, которые все исследователи называют Хакрах (дорога истины). Это название основано на народной этимологии, приводимой в «Истории Бухары»: «Эту местность потому называют حقره, что люди получали там фетву от ходжи Абу Хафса (милость Аллаха да будет над ним!), а фетву называли حق, поэтому утвердилось (название) حقره (т. е. дорога к фетве)» (Наршахи, Ш, с. 56). Несмотря на кажущуюся убедительность этой этимологии, многое вызывает в ней сомнение. Прежде всего странно, что всюду вторая часть названия «дорога» (راه) пишется без «алифа». Даже допустив возможность такого написания, нельзя не удивиться, почему только в этом случае оно проводится систематически, а в других случаях в той же «Истории Бухары» употребляется обычное написание, с «алифом». У арабских географов, рукописи сочинений которых гораздо древнее известных рукописей «Истории Бухары», встречается только одно написание — حُفرة — «подкоп»,[38] которое, кстати, приводится в тегеранском издании «Истории Бухары» в качестве разночтения по одной из рукописей (Наршахи, Т, с. 66, прим. 3). Что название Ворота Подкопа могло существовать, подтверждается наличием Ворот Бреши (رخنة) в рабаде Бухары. Позднее переписчики, не знавшие арабского языка, по-своему осмыслили арабское название и узаконили свою этимологию, поставив две точки вместо одной.

Последние, седьмые, ворота шахристана — Нау находились в восточной стене в конце главной широтной магистрали города около мазара хаджи Хафизи Бухари (Сухарева, 1958, с. 26).

Труднее дается попытка представить себе планировку самого шахристана и характер его застройки. Текст Наршахи, искаженный при переводах и сокращениях, не позволяет составить определенное мнение на этот счет. Неясное выражение Наршахи: «. . . а в городе [шахр] [39] были кешки и некоторые кварталы были отделены друг от друга, подобно селениям» (Наршахи, Ш, с. 52; Т, с. 63; пер., с. 69), может создать впечатление, что в городе имелись изолированные кварталы, запиравшиеся на ночь (Сухарева, 1958, с. 28), а некоторая часть территории вообще не была застроена и использовалась под посевы (там же, 28—29). Последнее ут-

[37] По ее мнению, Ворота Парфюмеров тождественны Воротам Охангарон (Ахангаран), но не тождественны Железным воротам арабских географов, как это полагал И. И. Умняков (1923, с. 150).

[38] В персидском переводе ал-Истахри, сделанном в XI—XII вв. (перс., с. 239), название этих ворот переведено как «прокопанные ворота» — در کنده.

[39] А. Ю. Якубовский справедливо полагал, что под словом «шахр» разумеется не шахристан, а весь город (ИНУз, с. 210, прим. 1).

верждение, основанное на неверном понимании термина «мустагалл» (употребленного к тому же в рассказе, относящемся к IX в.), должно быть отвергнуто.[40]

Единственный синхронный шахристану Бухары среднеазиатский город, планировка которого сейчас известна, Пенджикент, может дать представление только о типе застройки, но не может служить основанием для реконструкции планировки Бухары, так как в отличие от нее он не имеет четкого крестообразного плана. Другие же города, имеющие квадратный шахристан с крестообразно пересекающимися магистралями (Мерв, Исфиджаб, Тараз), не настолько раскопаны, чтобы можно было говорить о направлении улиц.

Можно ли вообще пытаться сейчас, до раскопок, судить о плане города в VIII в.? Сохранялась ли схема плана в течение многих веков или совершенно менялась в ходе восстановления городов после многочисленных пожаров и разгромов? Этот вопрос имеет принципиальное значение и выходит за рамки исследования исторической топографии одной только Бухары. В. В. Бартольд считал, что план Бухары настолько консервативен, что в основном сохраняет свои черты с X по XIX в., и на основании этого отождествлял ворота рабада, упоминаемые географами X в., с воротами стены XIX в. (I, с. 154). Последующие исследования показали, что границы Бухары X и XIX вв. совпадают лишь частично. Отождествления В. В. Бартольда были отвергнуты, и вместе с этим в какой-то мере стала сомнительной сама возможность судить о плане города X в. по его состоянию в новое время. Особенно это касается шахристана — части города, пережившей наибольшее количество перестроек.

Пример античных городов с четкой геометрически правильной сетью улиц, которые затем превратились в типичные средневековые города с запутанной сетью кривых улочек и тупиков (Дамаск, Алеппо, Латакия), как будто свидетельствует о том, насколько безнадежна попытка выявить в планировке позднесредневековой Бухары то, что относится к раннему средневековью. Но именно эти города показывают, что такая реконструкция вполне возможна; методика реконструкции древней планировки на основе современной сети улиц была хорошо разработана Ж. Соваже (Sauvaget, 1934, fig. 6; 1941, p. 40, fig. 13; 1954, p. 114—118). Его задача облегчалась тем, что многие древние постройки, воздвигнутые из камня, сохранились включенными в более поздние здания и могли служить надежными ориентирами. В Средней Азии дело обстоит хуже. Сырцовые постройки быстро разрушаются, при перестройках остатки старых стен обычно срубают и используют для заравнивания участка под новое строительство или для изготовления новых кирпичей и глинобитной массы, поэтому в Бухаре у нас нет ни одного опорного пункта, который позволил бы утверждать, что та или иная улица шахристана дожила до наших дней. Самая ранняя сохранившаяся постройка в шахристане восходит к XII в.,[41] все остальные — послемонгольского времени.

В нашем распоряжении остаются только закономерности плана, сохранившиеся до нашего времени. Если мы, пользуясь методикой Ж. Соваже, выделим на современном плане те его элементы, которые сохраняют следы регулярности, то получим схему былой планировки, пригодную для реконструкции. За основу для реконструкции мы берем «план Фенина» (в прорисовке, опубликованной О. А. Сухаревой), снятый в конце XIX в. и лучше других отражающий ее состояние до перестроек нового времени. В центральной части города, соответствующей древнему шахристану,

---

[40] Разбор этого текста см. ниже, с. 312—314.

[41] Мечеть Калан; в нынешнем виде построена в 1514 г., но сохранила старую конфигурацию.

удается наметить остатки регулярной планировки, особенно очевидные в юго-западной и северо-восточной четвертях (рис. 94, *I*, выделены жирными линиями). При всей обрывочности эти остатки свидетельствуют об определенной закономерности: улицы север—юг расположены чаще, чем улицы запад—восток, и поэтому кварталы вытянуты в меридиональном направлении.

При переносе выделенных линий на отдельную схему получается еще более отчетливая картина, по которой без особого труда можно реконструировать первоначальный план (рис. 94, *II*). Мы можем установить, что в городе было пять широтных улиц (А—Д) и девять меридиональных (1—9). Размер кварталов 130—140×45—50 м. В северной половине шахристана кварталы длиннее, чем в южной (если только это не неточность плана). Форма кварталов, прилегающих к городской стене, дана условно; возможно, что здесь постройки шли вдоль стены, прерываясь только около ворот. Четверо ворот в западной стене дают выход четырем широтным улицам. В справедливости нашего предположения убеждает то, что реконструированное продолжение улицы Г от пересечения ее с центральной (5-й улицей) на запад, к цитадели, выводит ее прямо к центру восточной стены цитадели, где в древности находились Ворота Гурийан, ныне заложенные (Сухарева, 1958, с. 23, 58, 59). Точно так же улица Д, в современном плане не прослеживаемая, в западной части выходит к месту, где, по другим данным, предполагается местоположение ворот (там же, с. 24).

Некоторые причины искажения первоначального плана можно даже указать конкретно. Так, перекресток улицы 2 при выходе ее на улицу В с юга исчез после постройки соборной мечети при Арслан-хане, занявшей северные половины двух кварталов. Отрезок улицы Б между улицами 5 и 6 замаскирован тимом Абдулла-хана. Другие искажения накапливались постепенно рядом последовательных скривлений или застройкой части улиц после появления объездов через переулки. Большую роль играла конфигурация участка, принадлежавшего одному владельцу. Видимо, не случайно более всего искажена юго-восточная четверть шахристана, принадлежавшая в VIII в. одному хозяину;[42] она могла уже тогда претерпеть изменения, которые были невозможны в других частях города.

Показательно, что ориентировка кварталов и их размеры находят себе близкие аналогии в планировке античных городов Сирии (Sauvaget, 1954, p. 114—118, 131—139). Было бы рискованно на этом основании датировать время постройки шахристана Бухары. Скорее всего несомненная связь с античными принципами планировки города проявилась здесь опосредствованно: город был построен по образцу античных городов, но не одновременно с их постройкой. Посредниками скорее всего были города, которые в большом количестве основывали сасанидские цари.

Может возникнуть вопрос, не сказалось ли в нашей реконструкции, предполагающей очень большие размеры кварталов, невольное стремление сблизить план с античными образцами, ведь большая часть реконструированных современных кварталов рассечена переулками. Есть ли гарантия, что подобных переулков (пусть даже более симметрично и ритмично расположенных) не было в древности? На наш взгляд, гарантию дает Пенджикент, где мы встречаемся с такими же большими кварталами (хотя план в целом не регулярен). По-видимому, большие кварталы — характерная особенность раннесредневекового города Средней Азии.

Регулярная планировка шахристана Бухары, в существовании которой нет оснований сомневаться, свидетельствует об одновременной застройке, а не о постепенном стихийном сложении его в качестве торгово-ремесленного посада при замке феодала (цитадели) (Толстов, 1948а,

[42] Подробнее об этом см. выше, с. 149—150.

с. 352). Это не исключает возможности существования более раннего поселения на том же месте, но шахристан в том виде, как мы его знаем по средневековым описаниям, был построен одновременно, по единому плану. Сплошная регулярная застройка, примерно такая же, как в Пенджикенте, исключает всякую возможность говорить о существовании

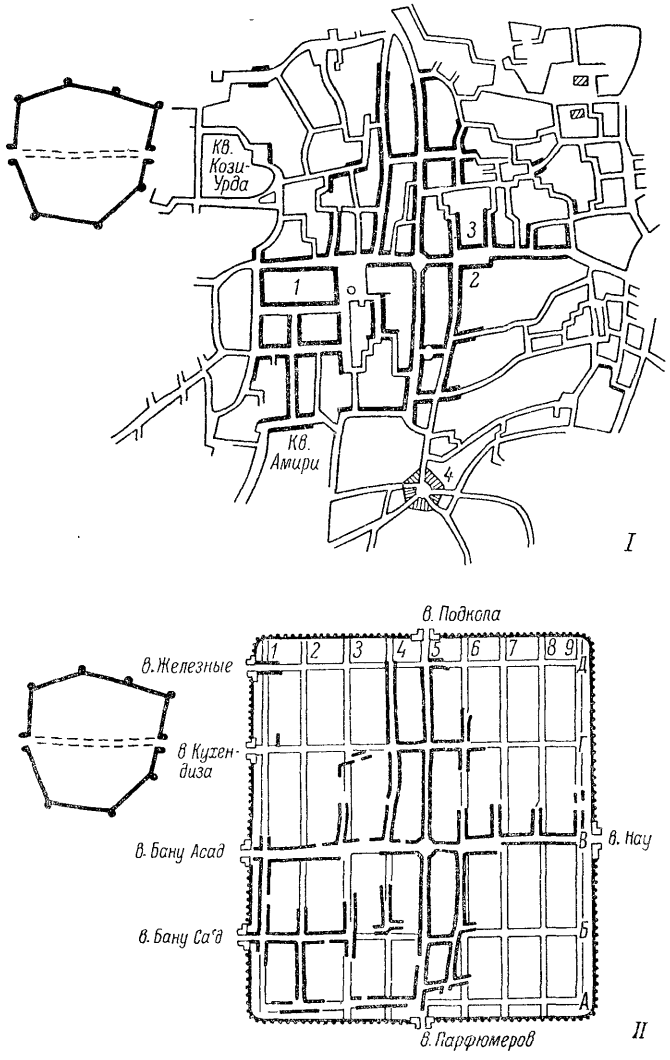

Рис. 94. Реконструкция первоначального плана шахристана Бухары (схема).

I — план центральной части города XIX в.: *1* — мечеть Калан; *2* — медресе Абдулазиз-хана; *3* — медресе Улугбека; *4* — Таки-Тилпак-фурушан; *II* — первоначальный план шахристана: *А—Д*, *1—9*— улицы.

в VIII в. в Бухаре изолированных замкнутых усадеб, удаленных друг от друга подобно селениям.

Составив предварительное суждение о характере древней планировки Бухары, еще мало искаженной в VIII в., попробуем на его основании пересмотреть описание шахристана у Наршахи. Он знакомит с ним читателя начиная с южных ворот, а затем мысленно обходит его снаружи вокруг по часовой стрелке, характеризуя часть города почти у каждых ворот.

Наршахи сначала вводит читателя в южные ворота: «Ближайшая улица слева, как войдешь в шахристан, называется улицей Риндов, а за ней была церковь христиан, и есть там мечеть, которая называется „мечеть Бану Ханзала“» (Наршахи, Ш, с. 52; пер., с. 70). Первая улица от Ворот Парфюмеров, с которых начинает Наршахи, — западная половина нашей улицы А, проходящей очень близко от городской стены; такое место считалось неудобным для проживания, поэтому около стены жили люди победнее. Это прекрасно согласуется с названием улицы. Н. Лыкошин переводил его как «улица развратников», следуя обычному словарному значению. Но «ринд», как показывают последние исследования, один из вариантов понятия, передававшегося также словами «шатир», «аййар», «фатан» (Cahen, 1958—1959, 2, с. 34). Последнее значение — «молодец», наименее специализированное, в какой-то мере позволяет кратко, одним словом, охарактеризовать эту своеобразную группу молодежи из городских низов, объединявшихся в какие-то союзы или братства. Они были самым беспокойным элементом в городе и активными участниками всех народных волнений. Естественна ненависть к ним добропорядочных горожан, превративших слово «ринд», так же как «аййар», в ругательство — «разбойник», «мошенник»; такому пониманию слова могло способствовать и то, что среди риндов — аййаров несомненно были представители городского дна, бродяги, мошенники, люди без определенных занятий. Но если среди риндов и встречались мошенники и воры, то это не значит, что все они были ими.[43] Интересно, что в другой части Бухары, также на окраине шахристана, но в северо-восточном углу, в XII—начале XIII в. была известная «башня аййаров» (Сухарева, 1958, с. 51). Далее в шахристане, также влево от главной улицы, находилась когда-то церковь. Не совсем определенное از پسی آن нужно, вероятно, понимать как «за этой [улицей]». В таком случае церковь можно поместить на улице Б. Мечеть племени Ханзала скорее всего располагалась в здании бывшей церкви, о которой в отличие от мечети говорится в прошедшем времени. Справа от главной улицы шла улица везира Ибн Аййуба б. Хасана или улица Дворца (куй-и ках). Ею могла быть только восточная половина улицы Б. Все ее постройки принадлежали одному лицу, дихкану Хине (Наршахи, Ш, с. 52; пер., с. 70).

Затем Наршахи мысленно выходит из шахристана, огибает его с запада и подводит нас к Воротам Бану Са'д. «Когда выйдешь из Ворот Парфюмеров, пойдут Ворота Бану Са'д и мечеть Бану Са'д, а Хасан ибн Ала Са'ди был знатным человеком и у него был очень высокий дворец [кушк] в шахристане» (Наршахи, Ш, с. 53; пер., с. 71). Здесь речь идет о западном конце той улицы, где располагалась мечеть племени Ханзала, и примыкавших к ней кварталах. Текст Наршахи здесь, как и во многих других местах, испорчен при сокращениях, так что иногда в одно предложение стягиваются обрывки разных фраз, логически не связанных друг с другом.

Интересно описание участка города между шахристаном и цитаделью. «Когда пройдешь Ворота Бану Са'д, будут Ворота Бану Асад. Эти ворота до ислама называли Ворота Михре. Когда выйдешь из этих ворот наружу и спустишься вниз, то будет дворец эмира Хорасана. А другие ворота называют Воротами Гебрийе,[44] потому, что когда выйдешь из ворот на-

[43] Подробное исследование сведений об аййарах см. ниже, с. 340—345.

[44] در کبریده —так во всех изданиях. Н. Лыкошин переводил «ворота гербов» (Наршахи, пер., с. 72). Из текста явствует, что их называли так потому, что перед ними находилась цитадель, но как связано название с этим обстоятельством, понять нельзя. Либо переводчики пропустили часть текста, где как-то связывались эти ворота с местом древнего культа в цитадели, либо в чтение следует внести конъектуру, поскольку сама форма کبریده необычна.

ружу, то напротив будет цитадель [хисар]. А эти ворота самые укрепленные из ворот, они имеют большую арку (عمر), длина которой достигает 60 камов. Под ней много домов, и эту постройку (ابن عمارت) возвел эмир по имени Сюбаши-тегин» (Наршахи, Ш, с. 54; пер., с. 72).

Цитадель Бухары площадью 3.5 га [45] отстояла от шахристана на 120 м. Ни в одном источнике не говорится о какой-либо системе укреплений, связывавших шахристан с цитаделью, хотя наличие укреплений вряд ли может вызвать сомнение — без них при любой осаде цитадель оказалась бы отрезанной от города. В Пенджикенте, где цитадель также расположена в стороне от шахристана, проход между ними защищен стенами. Отсутствие таких сведений объясняется, по-видимому, тем, что после постройки стены рабада необходимость в укреплениях отпала и они за 100 лет совершенно разрушились. Арка же, о которой сообщает Кубави, была арочным виадуком для сообщения между шахристаном и цитаделью.

Цитадель имела двое ворот, которые соединялись дорогой. В цитадели помещались дворец бухар-худатов, места древних культов, связанных с Сиявушем, и храм, который Кутейба превратил в мечеть (Наршахи, Ш, с. 47; пер., с. 66). Вряд ли можно думать, что арабы, взяв город, не заняли цитадель, где гарнизон мог чувствовать себя наиболее спокойно. Во всяком случае в середине VIII в. дворец бухар-худата находился уже не в цитадели, а на Регистане; в нем останавливался Зияд б. Салих, осаждая Бухару (там же, с. 63; пер., с. 84).

Раздельное расположение шахристана и цитадели, не объясняемое условиями рельефа, связано скорее всего с разновременностью их возникновения; мне кажется, что цитадель древнее и могла даже быть небольшим укрепленным селением, а когда сюда была перенесена столица, то возник Нумиджкет (новый город?), построенный сразу по единому плану.

Остальная часть описания шахристана посвящена прославлению святости известного богослова Абу Хафса, умершего в 839 г. Из нее мы узнаем только о существовании в северо-восточной четверти мечети корейшитов. Уже в середине VIII в. части базаров, в первую очередь требовавшие большого свободного пространства (торговля скотом и т. д.), располагались за пределами шахристана к югу и юго-востоку от него. Как явствует из документа о земельных владениях Хине, к югу от шахристана (восточнее Ворот Парфюмеров) находился зеленной базар, а к востоку от него — базар торговцев фисташками. После захвата города арабами, когда жители были принуждены отдать гарнизону половину своих жилищ, наиболее состоятельные горожане переселились в загородные дома. По словам Наршахи, богатые купцы, кашкушаны, построили в окрестностях Бухары 700 замков. Этот пригород, называвшийся у бухарцев Кушки-Муган, находился к северо-востоку от шахристана.[46] В начале IX в. здесь также появился базар Харкан (Наршахи, Ш, с. 56; пер., с. 75). В 849-50 г. рабад Бухары, ставший важной частью города, был обнесен оборонительной стеной с 11 воротами.[47] В пределах этой стены, как мы увидим дальше, город был в 5 раз больше, чем в начале VIII в.

Превращение Бухары в столицу саманидского государства дало новый толчок ее росту. К концу X в. она превращается в один из крупнейших

---

[45] Любопытно, как неправильные цифры иногда переходят из работы в работу. В статье «Бухара» в «Энциклопедии ислама» Бартольд пишет (III, с. 381), что размер цитадели 9.2 га, затем эта цифра появилась у Л. И. Ремпеля (1962, с. 215), хотя по планам, приведенным у него же, цитадель гораздо меньше, чем $^1/_4$ шахристана (шахристан около 35 га). Правильно у А. Ю. Якубовского (ИНУз, с. 207).

[46] О локализации Кушки-Муган см. ниже, с. 250 и рис. 95.

[47] Л. И. Ремпель ошибочно полагает, что в 849-50 г. была построена вторая стена рабада (1962, с. 217).

городов Средней Азии. К этому блестящему периоду истории Бухары относятся самые подробные ее описания: ал-Истахри—Ибн Хаукаля и ал-Мукаддаси (рис. 94).

Текст ал-Истахри повторяется без существенных изменений в обоих изданиях Ибн Хаукаля. Поэтому мы берем его за основу: «Что касается Бухары, то она называется Нумиджкас. Это город, расположенный на равнине; постройки его из дерева, примыкающие друг к другу». Далее упоминается внешняя стена Бухары, поперечник которой примерно фарсах на фарсах.[48] «Внутри этой стены у нее [Бухары] есть медина, окруженная крепкой стеной, и есть у нее кухендиз,[49] примыкающий снаружи к мединe. . . а в нем — другое укрепление [кал'а].[50] Местопребывание правителей Хорасана из рода Самана — в этом кухендизе. В ней [Бухаре] есть рабад. Соборная же мечеть находится в медине у Ворот Кухендиза. Ее тюрьма в кал'а,[51] а ее базары в рабаде. И нет в Хорасане и Мавераннахре города, более плотно застроенного, чем Бухара, и более населенного, чем она.

У них в рабаде течет Согдийская река, которая пересекает рабад и ее [Бухары] базары (а это — конец Согдийской реки) и течет на мельницы и поместья, и посевы, а остаток ее стекает в водоем за Пайкендом около Фарабра, называющийся Самхаш.[52] Что же касается медины, то у нее семь ворот (следует их перечисление; ср. выше, с. 233). А у ее цитадели двое ворот: одни — Регистанские, а другие — Ворота Соборной мечети, ведущие к соборной мечети.

А в рабаде имеются дарбы. В том числе дарб, из которого выезжают в Хорасан, называющийся дарб Майдан, за ним восточнее следует дарб, называющийся дарб Ибрахим, а за ним дарб, называющийся дарб Риве, за ним дарб, называющийся Мардакаше, за ним дарб, называющийся дарб Калабад (из этих ворот и ворот Мардакаше выезжают в Несеф и Балх), а за дарбом Калабад дарб Наубехар, за ним дарб Самарканд, ведущий в Самарканд и остальной Мавераннахр, а за ним дарб Фегаскун, затем дарб Рамитан, затем за ним дарб Хадшарун (а это — дорога в Хорезм), затем за ним ворота Гушедж. И в середине рабада, на его базарах, есть дарбы.[53] К ним относятся Железные ворота, а за ними Ворота моста Хассана, а за ними двое ворот у мечети Мах, а за ними ворота, называемые Ворота Рухне,[54] а за ними ворота у замка Абу Хишама ал-Кинани, а за ними ворота у моста Маленького базара, а за ними Ворота Фараджек, а за ними Ворота Дарвазаче, а за ними Ворота улицы Магов, а за ними дарб Самарканд, внутренний.

И нет ни в ее медине, ни в ее кухендизе проточной воды из-за их приподнятости. Вода у них из главного канала, от которого в городе [55] ответвляются малые каналы» (BGA, I, p. 306—307). Далее следует их перечень. Фашидизе вытекает у Варага, течет по дарбу Мардакаше, мимо джуйбара Абу Ибрахима, мимо «ворот славного шейха Абу Фадла» [56]

---

[48] В персидском переводе «полфарсаха» (Истахри, перс., с. 239); если эта цифра верна, то речь идет о стене внешнего рабада.

[49] В BGA, I вместо кухендиза — «кал'а».

[50] В персидском переводе добавлено: «. . .в нем несколько улочек [кучак] и кал'а» (Истахри, перс., с. 239).

[51] Неясно, имеется ли в виду замок в кухендизе или кухендиз вообще.

[52] Правильнее — Самджан (ср.: Бартольд, III, с. 200; о возможной этимологии см.: Смирнова, 1950, с. 57).

[53] Издатель текста ал-Хини замечает: «Так во всех рукописях, а правильнее — «ворота [66] [абваб]» (Истахри, К, с. 172, прим. 5).

[54] По-арабски «брешь».

[55] В тексте «медина», но поскольку мы знаем, что в медине не было ни одного канала, то ясно, что здесь мединой называется город вообще.

[56] В константинопольской рукописи: «Пока не достигнет ворот Бал'ами» (BGA, II², p. 484).

и сливается в Науканде, орошая на протяжении полуфарсаха 2000 садов и замков, не считая пашен.[57] Джуйбар Бекар берет начало посередине города около мечети Ахид [58] и изливается в Науканде, орошая кроме пашен около тысячи садов и замков. Джуйбар Бутылочников более многоводный, чем предыдущий, начинается около мечети Арид. Начинающийся там же канал Джуи Гушедж (или Джуйбар Арид) протекает через рабад и сливается в Науканде. Канал Байканд вытекает у начала улицы Хута, проходит через рабад и стекает в Науканде. Науканде вытекает из магистрального канала около дома Хамдуна [59] и служит для сброса вод. Мельничный канал начинается в городе, в Наубехаре, и достигает Пайкенда; на нем стоят мельницы. Там же начинается канал Кушне, который орошает «Наубехар в городе» и протекает мимо Кушне к Маймургу. Около Регистана начинается канал Рабах, орошавший часть рабада, пашни и около тысячи садов и замков. Начинающийся там же канал Регистан снабжает водой административный центр города и кухендиз. Около моста Хамдуна [60] начинается подземный канал, снабжающий водой водоемы около Ворот Бану Асад; остатки воды сливаются в ров кухендиза. Зугарканде начинается у Варага, течет через Ворота Дарвазаче и базар Дарвазаче к Самаркандским воротам, к Сапидмаше и далее еще на фарсах (BGA, I, p. 308—309).

Описание Бухары у ал-Мукаддаси во многом совпадает с описанием, данным ал-Истахри: «Нумуджкас — столица Бухары. Он напоминает Фустат гнилью и чернотой почвы, обширностью базаров и походит на Дамаск постройками, и окрестностями, и теснотой домов, и множеством балконов.[61] Он находится на равнине, каждый день увеличивается. А его медина чрезвычайно застроена;[62] у нее семь обитых железом ворот: Ворота Нур, Ворота Подкопа, Железные ворота, Ворота Кухендиза, Ворота Бану Са'д, Ворота Бану Асад, Ворота Медины. А за ней находится кухендиз, которым завладел султан, в нем их сокровища и темницы. В нем двое ворот: Ворота Равнины и Ворота Соборной мечети. А соборная мечеть находится в медине, в ней несколько чистых дворов; все они и все его [Нумуджкаса] мечети великолепны, а базары его приятны.

А в рабаде есть 10 дарбов: дарб ал-Майдан, дарб Ибрахим, дарб Мардакашан, дарб Калабаз, дарб Наубехар, дарб Самарканд, дарб Фегаскун, дарб ар-Рамисанийа, дарб Хадшарун, дарб Гушедж, и тянется от них застройка. А внутри их другие 10 дарбов, которые были застроены в древности;[63] названия некоторых из них путаются.

А царский дворец находится на равнине лицом к кухендизу [64] и спиной к кыбле.[65] И не видел я в странах ислама портала величественнее этого портала.[66] И не видел я в этом климате города более застроенного и более тесного для жительства, чем этот.

---

[57] «Ардин»; в персидском переводе — «кроме пашен» (Истахри, перс., с. 240).

[58] В одной из рукописей — «мечеть Ахмеда».

[59] Издатель персидского перевода предлагает читать «Хамдавейхи» (Истахри, перс., с. 241).

[60] В этом случае издатель персидского текста оставляет написание «Хамдун», хотя в рукописи в двух случаях одно и то же написание, без диакритических точек.

[61] Аджнаха (ед. ч. «джанах») — букв. «крыло»; выступающий второй этаж с решетчатым окном (BGA, IV, p. 209).

[62] В константинопольской рукописи: «И не видел я у персов [а'аджим] более застроенного и более плотно населенного города» (BGA, III, p. 280, n. *d*).

[63] Не совсем ясное место. В константинопольской рукописи: «И тянется застройка этих дарбов к другим дарбам» (BGA, III, p. 280, n. *o*).

[64] В константинопольской рукописи: «На обширной равнине под кухендизом» (BGA, III, p. 281, n. *a*).

[65] Кыбла — направление в сторону Мекки.

[66] В тексте «баб» — букв. «ворота», но несомненно имеется в виду парадный вход, портал. В константинопольской рукописи далее добавлено: «А город пересекает река,

Он благословен для того, кто стремится в него, живительный для того, кто живет в нем, добрый к тому, кто обитает в нем. В нем кушанья приятные и бани опрятные, и улицы широкие, и воды пресные, и постройки прелестные. Он добрый в пропитании и прожитии, обильный фруктами и маджлисами. Дело их в сообществах поразительно, а у простого народа есть знание фикха [67] и литературы. В нем много борцов за веру [68] и мало невежд.[69] Он — местопребывание царей ислама.[70]

Но только дома в нем тесные, пожары частые, он вонючий, блошливый, [то] жаркий, [то] холодный; колодцы соленые, каналы порицаемые, отхожие места отвратительные, характер дикий, жилища дорогие,[71] тимы душные, педерастия явная. Он — нужник этого края и самый тесный из городов Востока. Приезжают в него люди, открыто преступающие мораль, скверные в делах, пренебрегающие общиной, появляются там слуги, которые надевают шелк и парчу, пьют из золотых и серебряных сосудов и легко относятся к делам религии» (BGA, III, p. 280—281).

Все эти сведения говорят о делении Бухары X в. на три концентрически расположенные части: центр — шахристан и два опоясывающих его кольца рабада. Шахристан, как уже говорилось, легко выделяется в современном рельефе. Гораздо труднее определить границы внутреннего и внешнего рабадов, не оставивших в рельефе города никаких следов. Не сохранилась и топонимика, которая позволила бы хоть на одной радиальной магистрали установить расстояние между воротами внешнего и внутреннего рабадов.[72]

Разногласия между исследователями в определении размеров отдельных частей рабада и времени постройки их стен очень велики. В. В. Бартольд полагал, что стена, построенная в 849-50 г., была внешней стеной, упоминаемой у географов X в., а внутренняя стена была выстроена еще Абу Муслимом (I, с. 154). Поскольку он считал, что саманидская Бухара по размерам и конфигурации близка городу XIX в., то оказывалось, что с середины IX и до середины X в. Бухара не выросла.

Иной результат получился у В. А. Шишкина, который определял границы саманидской Бухары, исходя из особенностей планировки и рельефа современного города. Следуя В. В. Бартольду, он считал, что внешняя стена рабада, определяющая границы саманидской столицы, построена в 849-50 г. Ее расположение он устанавливал по кладбищам, которые должны были находиться вне города, вблизи городских ворот. Территория, очерченная линией, соединяющей соответствующие пункты, оказывалась очень небольшой (рис. 95). «Город времени Саманидов, — писал он, — был еще очень невелик по площади и едва занимал половину территории современного города» (Шишкин, 1936, с. 11). Этот вывод принят в уже упоминавшейся работе Л. И. Ремпеля и на его основе со-

---

и есть у них в городе много водоемов (хаузов, — *О. Б.*) и колодцев с пресной водой вблизи реки» (BGA, III, p. 281, n. *c*).

[67] Мусульманское правоведение.

[68] Мурабитин — «живущие в рабатах».

[69] Джахилин; может означать также «неверующие».

[70] В константинопольской рукописи добавлено: «. . .и центр сведущих ученых, преподают там только факихи или комментаторы Корана. Не увидишь ты в нем сборщика налогов или ушра, наслаждаются жители справедливостью султана и пребывают в уверенности и благоденствии» (BGA, III, p. 281, n. *h*).

[71] В тексте, принятом Де Гуе, عاليـة — «высокие»; в константинопольской рукописи غاليـة — «дорогие» (BGA, III, p. 281, n. *k*); это определение жилищ более естественно в перечислении недостатков города.

[72] Термин «старый хисар», употреблявшийся в XVI в., сохранял в некоторой степени воспоминание о внутреннем рабаде, но предлагавшаяся до сих пор интерпретация «старого хисара» не учитывала существования внутреннего рабада (Давидович, 1950, с. 29—30; Сухарева, 1958, с. 59—62).

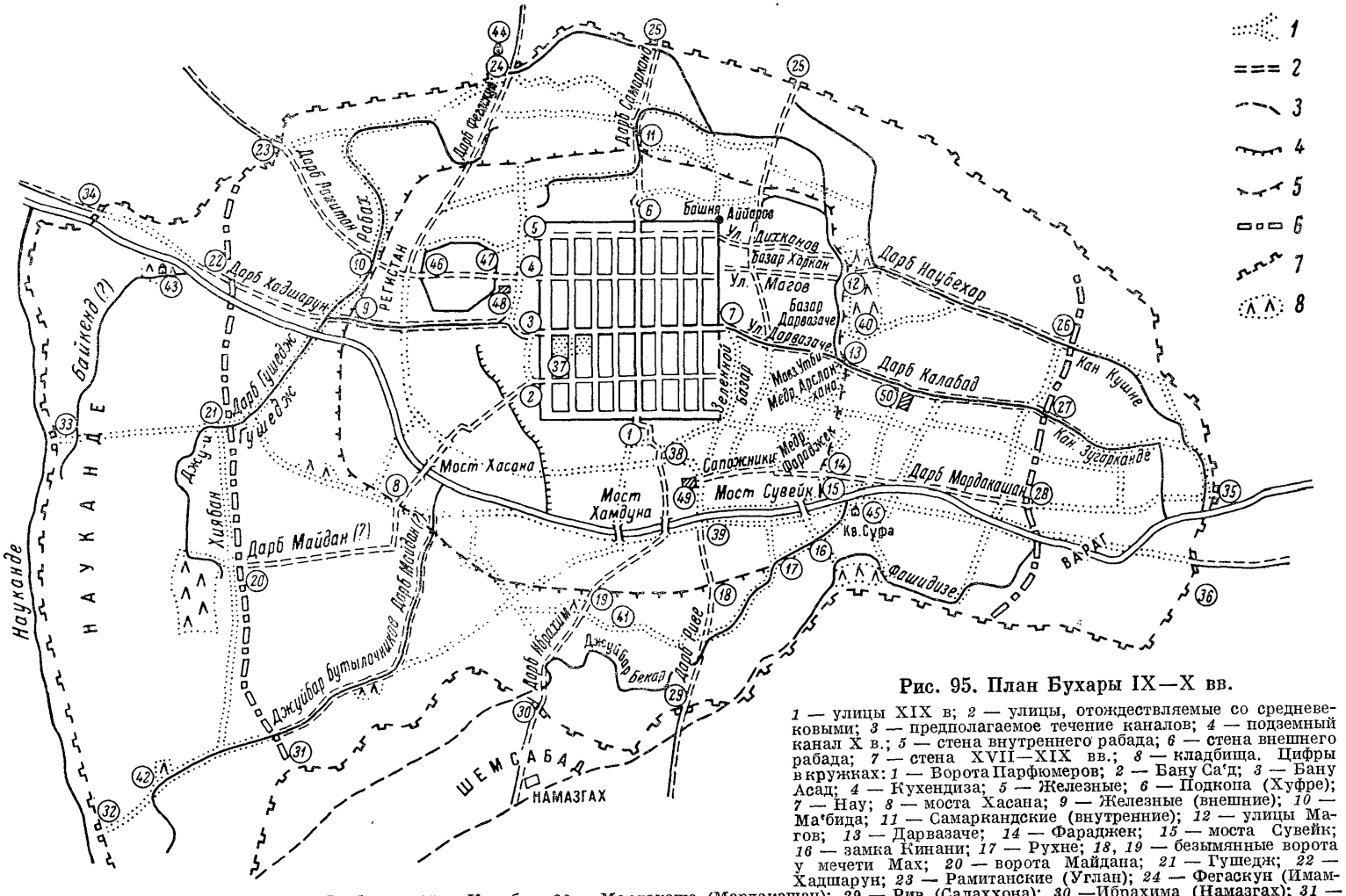

Рис. 95. План Бухары IX—X вв.

1 — улицы XIX в; *2* — улицы, отождествляемые со средневековыми; *3* — предполагаемое течение каналов; *4* — подземный канал X в.; *5* — стена внутреннего рабада; *6* — стена внешнего рабада; *7* — стена XVII—XIX вв.; *8* — кладбища. Цифры в кружках: *1* — Ворота Парфюмеров; *2* — Бану Са'д; *3* — Бану Асад; *4* — Кухендиза; *5* — Железные; *6* — Подкопа (Хуфре); *7* — Нау; *8* — моста Хасана; *9* — Железные (внешние); *10* — Ма'бида; *11* — Самаркандские (внутренние); *12* — улицы Магов; *13* — Дарвазаче; *14* — Фараджек; *15* — моста Сувейк; *16* — замка Кинани; *17* — Рухне; *18, 19* — безымянные ворота у мечети Мах; *20* — ворота Майдана; *21* — Гушедж; *22* — Хадшарун; *23* — Рамитанские (Углан); *24* — Фегаскун (Имамские); *25* — Самаркандские; *26* — Наубехар; *27* — Калабад; *28* — Мардакаше (Мардакашан); *29* — Рив (Салаххона); *30* —Ибрахима (Намазгах); *31* — Шейх-Джаляль; *32* — Каранульские; *33* — Ширгаран; *34* — Талипач; *35* — Мазарские; *36* — Каршинские; *37* — мечеть Калан; *38* — Таки-Тилшафурушан; *39* — Таки-Саррафан; *40* — кладбище Нурабад; *41* — Турки-Джанди; *42* — Салари-Хадж; *43* — мавзолей Саманидов; *44* — Абу Хафса; *45* — Халимуддина Деймуни; *46* — Регистанские ворота цитадели; *47* — Гурийан; *48* — соборная мечеть саманидского времени; *49* — мечеть Мах (Магоки-Аттари); *50* — медресе Келлябад.

ставлен план, показывающий границы города в разные периоды его истории (1962, с. 217—219).[73]

Если границы Бухары были определены В. А. Шишкиным правильно, то следовало заключить, что Бухара, даже став столицей государства, выросла к середине X в. очень незначительно по сравнению с серединой IX в.; Бухара XVI в. вдвое превосходила город X в., периода его наибольшего расцвета в домонгольское время. Однако кажется маловероятным, чтобы стена, построенная в середине IX в. и окружавшая Бухару еще в ту пору, когда она была второстепенным городом Средней Азии, могла охватывать территорию, достаточную для дальнейшего неизбежного роста города с момента, когда он стал столицей. Либо внутри этой стены в середине VIII в. имелось обширное незастроенное пространство, обеспечивавшее возможность роста города в X в., либо надо допустить, что при Саманидах Бухара почти не выросла территориально, что маловероятно.

На некоторые слабые стороны определения границ Бухары В. А. Шишкиным указала О. А. Сухарева. По ее мнению, поскольку нет никаких данных для определения времени появления кладбищ, послуживших ориентиром при определении границ города, то нельзя утверждать, что они возникли после постройки городской стены (1958, с. 42). Кладбища, конечно, очерчивали границу города на каком-то этапе его развития, но не обязательно пределы его внешнего рабада.

Размеры города, установленные В. А. Шишкиным, не превышают 1400 м в длину и 1200 м в ширину. Однако ал-Истахри свидетельствует, что город в длину был гораздо больше — около половины фарсаха (см. выше, с. 240, прим. 48), т. е. около 3—3.5 км. Конечно, трудно, опираясь на это свидетельство, утверждать, что указанная цифра абсолютно точна — могла колебаться величина фарсаха, да и сама оценка приблизительна — «около половины фарсаха». И все же ясно, что 1.5 км — величина недостаточная, чтобы ее можно было назвать половиной фарсаха, разница между $^1/_2$ фарсаха и $^1/_5$ (1400 м) слишком велика.

Заставляет сомневаться в истинности границ, установленных В. А. Шишкиным, и малый промежуток между внешней и внутренней стенами рабада. Так, на востоке между шахристаном и внешней стеной рабада окажется около 300 м, а ведь в этот промежуток нужно втиснуть еще стену внутреннего рабада, тогда ширина каждой из частей рабада составит здесь всего 150 м, на юге соответственно 200 м, а на севере около 100 м.

Следовательно, прежде всего необходимо установить местонахождение внешней стены города и хотя бы нескольких ее ворот. Сейчас, после появления работ О. А. Сухаревой, сделать это гораздо проще, чем прежде. Первые ворота, называемые у ал-Истахри Воротами Майдана, стояли на дороге, ведущей в Хорасан. Это позволяет определить их местоположение. Следующие ворота — Ворота Ибрахима — локализуются по намазгаху Арслан-хана, который, по свидетельству Кубави, находился именно у этих ворот (Наршахи, Ш, с. 51; Сухарева, 1958, с. 36—37). Пятые ворота, Калабадские, определяются также более или менее точно благодаря тому, что до сих пор сохранился квартал с таким названием (Сухарева, 1958, с. 53—54), это несомненно восточные ворота рабада. Седьмые ворота, Самаркандские, находились, конечно, в северной части города; девятые, Рамитанские, — на дороге в Рамитан; десятые, Хадшарунские, — на дороге в Хорезм. Следовательно, перечисление ворот внешнего рабада идет против часовой стрелки.

---

[73] Аналогичный план имеется у В. Л. Лаврова (1950, рис. 148); эта точка зрения разделяется, по-видимому, и М. Е. Массоном, на лекции которого ссылается Л. И. Ремпель (1962, с. 262, прим. 13).

Определив расположение ворот по радиальным магистралям (которые, как видим, во многом предваряют схему плана Бухары XVI—XIX вв.), мы устанавливаем только взаиморасположение точек на периметре внешнего рабада, не зная его истинных границ. Сейчас совершенно ясно, что нельзя отождествлять границы города X и XIX вв., но и предположение В. А. Шишкина, как мы показали выше, вызывает много сомнений.

Теперь попробуем установить хотя бы некоторые крайние точки внешнего рабада. Начнем с западной части города. Из описания ал-Истахри мы можем понять одну существенную особенность оросительной системы в пределах города: все каналы левой стороны сливали остатки воды в канал Науканде, служивший не для орошения, а для дренажа, что было очень важно для района Бухары с высоким уровнем грунтовых вод, способствующим быстрому заболачиванию. И сейчас в районе Бухары имеется несколько больших дренажных каналов.

Впервые Науканде упоминается у Наршахи в описании военных действий Зияда б. Салиха против Шерика б. Шейха. В то время это была пригородная местность с большим количеством виноградников и бахчей. Располагалась она к западу или юго-западу от города (туда отступали войска Зияда от Бухары). Быть может, эта местность упомянута и у ат-Табари в рассказе о приключениях Мусы б. Хазима в 90-х годах VII в. Бежав из Хорасана в Мавераннахр, он остановился «у одного из вельмож Бухары в Наукане» (Табари, II, с. 1145).[74]

Название Науканде сохраняется до позднего средневековья, что позволяет легко локализовать эту местность. Она упоминается в вакфной грамоте, опубликованной О. Д. Чехович. Сама грамота, как установил издатель, подложная, написанная по формуляру начала XX в., но описание границ несомненно списано с более раннего документа: «И еще селение Нахр-и Науканде, которое расположено смежно с прославленным городом Бухарой, в западной стороне от этого города.[75] С запада примыкает к земле Джу-и Бут; с севера примыкает к запретной полосе общего канала [руд]; с востока примыкает к общественной дороге; с юга примыкает частью к мусульманскому кладбищу, которое называют Салар-и хадж, и частью — к общественной дороге, которая идет в местность Каракуль» (Чехович, 1950, с. 261).

Для определения границ названы три совершенно определенных пункта: кладбище Салари-Хадж, сохранившее название до последнего времени (рис. 95), каракульская дорога и селение Джуи-Бут, обозначенное на старых картах как Джубут. Восточной границей был, вероятно, Хиябан, по линии которого проходила в то время городская стена на западе города. Общественный канал, упоминаемый как северная граница, — скорее всего Шахруд.

В одном из списков вакфов Исмаʿила Самани, относящемся к 1525 г., также упоминается селение Нахр-и Науканде около западной границы города, имеющее 700 танапов земли (около 175 га) (Чехович, 1951). Для определения соответствия Науканде X и XVI вв. важно сообщение Наршахи, оставшееся до сих пор неиспользованным, поскольку было совершенно неясно местоположение Науканде. По его словам, Ахмеда, сына Исмаʿила Самани, после смерти «перевезли в Бухару и положили в гробнице [гур-

[74] По написанию название этой местности отличается от Науканде не только отсутствием последних двух букв, что легко можно было бы объяснить опиской у ат-Табари или его предшественников, но и иной буквой «к» (эмфатическое «к»), что едва ли может быть ошибкой при переписке. Это обстоятельство делало бы наше отождествление недопустимым, если бы мы не знали, что авторы, на которых опирается ат-Табари, значительную часть своих сведений черпали из устных рассказов, в которых два звука «к» в чужом слове могли перепутаться.

[75] Из этого явствует, что описание участка восходит по крайней мере к XVI в., ко времени до постройки стены, включившей этот район в черту города.

хане] Науканде» (Наршахи, III, с. 92). Это несомненно самое раннее упоминание мавзолея Саманидов, что любопытно само по себе; но, кроме того, зная, где он находится, мы можем твердо локализовать Науканде X в. и говорить о его идентичности Науканде XVI в.

Науканде Наршахи и ал-Истахри — район в западной части Бухары, тянущийся от Шахруда на севере до дороги в Хорасан на юге. Его западную границу образуют земли селения Джубут (джу-и бут — «река идола»). Дренажный канал, по которому был назван этот район, должен был скорее всего проходить по его середине.

Обратившись к схеме оросительной системы Бухары в конце XIX—начале XX в., мы увидим, что за городской стеной у Ворот Талипач берет начало один из больших дренажных каналов. Конечно, было бы неосторожно утверждать, что этот канал тождествен Науканде, для нас важно лишь совпадение общей схемы оросительной системы, определявшейся и рельефом, и сохранением части старых каналов. Исходя из этого, мы можем, не впадая в грубую ошибку, условно провести канал Науканде из Шахруда на юг параллельно западной стене города.

Что дает нам нахождение этого канала? У ал-Истахри в описании каналов говорится: «. . . канал Науканде вытекает из реки у дома Хамдуна (служит для сброса), дает воду части рабада и уходит в пустыню; поместий он не орошает». Следовательно, по крайней мере часть рабада Бухары в середине X в. доходила до Науканде, т. е. линии западной стены позднесредневекового города, хотя в то время этот участок мог быть застроен значительно менее плотно. Во всяком случае город простирался в западном направлении дальше, чем это предполагал В. А. Шишкин.

Южную границу города определяли Ворота Ибрахима, которые, с одной стороны, не могли быть южнее Намазгаха, а с другой, — вряд ли могли быть севернее кладбища Турки-Джанди. Следовательно, и на юге граница саманидской Бухары близка границе XIX в.

Гораздо важнее для нас определить восточную границу, которая вызывает много сомнений. Здесь у нас есть только один определенный пункт: район Калабад, название которого сохранилось в названии квартала Келлябад, однако неправильно ограничивать одноименный район X в. пределами квартала XIX—XX вв. Как показала О. А. Сухарева, во время написания «Китаб-и муллазаде» Калабадом называлась территория, значительно превосходившая существующий ныне квартал. На западе Калабад не мог начинаться восточнее одноименного медресе, являющегося надежным опорным пунктом локализации (Сухарева, 1958, с. 154—155), протяженность на восток остается невыясненной.

В любом случае рабад и на востоке заходил дальше, чем предполагал В. А. Шишкин, поскольку квартал Калабад даже в границах начала XX в. находится восточнее намеченной им линии, хотя пределы возможной восточной границы рабада остаются неясными. Косвенный ответ может дать описание каналов у ал-Истахри. Часть каналов, орошавших Бухару, отходила от Шахруда в местности Вараг, расположенной за городом. Там брали начало каналы Фашидизе и Зугарканде. Первый протекал в южной части города, проходя через квартал Мардакаше, мимо джуйбара Абу Ибрахима (Ворота Ибрахима?), доходя до Науканде; второй протекал мимо Ворот Дарвазаче к Самаркандским воротам. И сейчас можно найти два арыка, совпадающих с этим описанием. Один из них вытекает из Шахруда около квартала Кози Нуриддин, другой несколько ниже, около квартала Мухаммад Косым. Одна из ветвей первого канала проходит примерно до древних Самаркандских ворот, второй канал сейчас очень короток и ни в какое сравнение с Фашидизе не идет, его, быть может, даже нельзя отождествлять с этим арыком, но схема расположения каналов примерно та же (рис. 95).

Если предположить, что Вараг, упомянутый ал-Истахри, находился где-то в районе между кварталами Кози Нуриддин и Мухаммад Косым, откуда берут начало несколько современных каналов, то тогда восточная граница города должна проходить между нынешним кварталом Келлябад и Варагом (который был вне города), т. е. примерно посредине между границей рабада, предполагаемой Шишкиным (а за ним Л. И. Ремпелем), и позднесредневековой восточной стеной города. Северная граница рабада X в., по-видимому, примерно соответствовала позднесредневековой стене: она также проходила около холма с могилой Абу Хафса.

Таким образом, саманидская Бухара вырисовывается значительно большей, чем предполагалось до сих пор. Если по схеме Л. И. Ремпеля Бухара X в. занимала площадь около 170 га, то в границах, которые здесь были установлены, город занимал не менее 400 га.

Попробуем теперь более точно локализовать ворота и магистрали внешнего рабада. Первая улица — дарб Майдан — дорога, шедшая в Хорасан. Если придерживаться принципа сохранения основных направлений городских магистралей (а как мы видели, древняя планировка сохраняется очень долго), то дарб Майдан можно приурочить к двум магистралям Бухары: одна из них идет от Шахруда у квартала Гаукушон к Каракульским воротам, а вторая начинается у Шахруда около квартала Арбоб и соединяется с первой около квартала Косагарон. Оба варианта более или менее равноценны, хотя не исключена возможность, что направление магистральной улицы в то время было несколько иным.

Как правило, городские магистрали и пригородные дороги шли вдоль каналов, сохраняя свое направление с древнейших времен, что мы видим, например, в окрестностях Самарканда. В Бухаре также вплоть до последнего времени многие магистрали шли вдоль арыков (именно так, а не наоборот, потому что каналы появлялись до возникновения городской постройки, а не после). Например, основная широтная магистраль вдоль Шахруда (ныне улица Ленина) сложилась вдоль канала. Если принимать это за дополнительный аргумент при локализации улиц, то второй вариант расположения дарба Майдан окажется предпочтительнее.

Следующая магистраль — дарб Ибрахим — должна соответствовать улице, идущей от Шахруда к Воротам Намазгах. Восточнее располагалась улица Рив, которую можно отождествить с улицей, идущей к Воротам Салаххона.

В юго-восточном углу находился большой квартал Мардакаше, центральная улица которого в соответствии с позднесредневековой планировкой города должна была бы идти вдоль главного канала города (ср. рис. 95), но ал-Истахри никак не связывает эту улицу с каналом, а ал-Мукаддаси пишет, что «канал входит в город со стороны Калабада». Однако это не значит, что Калабадские ворота находились у входа канала в город. По-видимому, при ал-Мукаддаси Калабад был наиболее известным крупным районом в восточной части города и выражение «со стороны Калабада» равнозначно «с восточной стороны». Во всяком случае, независимо от того, проходила главная улица квартала Мардакаше вдоль Шахруда или южнее его, основная часть квартала находилась южнее канала, потому что один из каналов, вытекавших из главного канала на юг, проходил через квартал Мардакаше.

Меньше всего сомнений вызывает расположение квартала Калабад; его главная магистраль вне всякого сомнения соответствует нынешней улице Коммунаров, но квартал простирался значительно дальше к югу, доходя, быть может, до Шахруда.

На север от Калабада находился квартал Наубехар, в названии которого сохранилось воспоминание о вихаре, буддийской обители, когда-то помещавшейся здесь или восточнее Бухары, но так, что дорога к ней шла

через этот квартал на восток. Границы квартала Наубехар не определяются, ясно только, что главная улица должна была идти параллельно Калабадской. Быть может, ей частично соответствует улица, идущая с востока на запад в северо-восточном углу города.

Самаркандская улица находилась на севере, но мы не знаем, была ли она продолжением меридиональной улицы шахристана или соответствовала нынешней магистрали, выходящей к Самаркандским воротам. Улицы Фегаскунская, Рамитанская, Хадшарунская и Гушеджская в основном соответствовали магистралям, выходящим к Воротам Имам, Углан, Талипач и Ширгаран, хотя все же имеются сомнения в полном соответствии улиц X в. магистралям XVI—XIX вв. К этому мы вернемся при рассмотрении системы каналов города.

Сказанное здесь о внешнем рабаде в основном совпадает с установившимися взглядами, лишь границы проведены нами иначе. Гораздо меньше известно о внутреннем рабаде, который не исследовался ни в одной работе, посвященной средневековой Бухаре. В. В. Бартольд не имел материала для установления его границ, и до О. А. Сухаревой никто не брался за решение этого вопроса. О. А. Сухарева в нескольких случаях упоминает о существовании внутренней стены рабада и даже устанавливает название одних из ее ворот (1958, с. 38), но источники, которыми она пользовалась, не позволяли определить местоположение этой стены. Позже Л. И. Ремпель отметил ворота внутреннего рабада на схематическом плане Бухары (1962, рис. 2), но, как говорилось выше, не очень удачно, а главное — без всякого обоснования.

Согласно ал-Истахри, во внутреннем рабаде было 12 ворот, столько же, сколько и во внешнем (у ал-Мукаддаси — 10 и 10); это как будто предполагает, что ворота внешнего и внутреннего рабадов располагались попарно на одной и той же магистрали, но на разных расстояниях от центра. Так считал и В. В. Бартольд, но почему-то принимал для ворот внешнего рабада перечисление против часовой стрелки, а для внутренних — по часовой.

Это же предположение повторяет Л. И. Ремпель; однако, располагая ворота внутреннего рабада против часовой стрелки (как и во внешней стене), он без всяких оснований дает порядок, противоположный перечислению у ал-Истахри. Таким образом, у него на одной магистрали с Рамитанскими воротами находятся Ворота Дарвазча.[76] Следующие пары: Хадшарунские—Фарджек,[77] Гушаджские—Ворота моста Сувейка; Ворота Майдана — Абдухашима Кенани; Ворота Ибрагима—Рухба; Ворота Рив—вторые Ворота Мах; Ворота Мардкушан—первые Ворота Мах; Ворота Калабад — Ворота моста Хасана; Ворота Наубахор—ал-Хадид; Самаркандские—Самаркандские; Ворота Фегаскун—Ворота улицы Магов. Таким образом, Ворота Дарвазча и Фарджек находились на западе от Регистана, а восточными, лежащими на одной магистрали с Калабадом, оказались Ворота моста Хасана.

Прежде всего о порядке перечисления ворот внутреннего рабада. Естественно предположить, что если ворота шахристана и внешнего рабада перечисляются против часовой стрелки, то и ворота внутреннего рабада должны подчиняться этому правилу. Мы знаем местоположение трех ворот: Самаркандских и двух ворот у мечети Мах. Но, зная, что первые находились на севере, а вторые на юге, мы не можем установить порядок, в котором они упомянуты; одинаково возможно перечисление как по часовой, так и против часовой стрелки. Необходим еще какой-то критерий.

---

[76] Все написания здесь даны в соответствии с надписями на плане Л. И. Ремпеля.

[77] На плане опечатка: и внутренние, и внешние ворота названы Воротами Фарджек, а Ворота Хадшарун пропущены.

На наш взгляд, ворота, названные по мостам, должны находиться в южной стороне, где через главный канал были переброшены наиболее значительные мосты. Если сочетать принятый для других частей города порядок перечисления с расположением мостов в южной части города, то мы получим следующую картину.

Ворота моста Хассана, названные первыми, должны находиться в западной части южной стены, за ними пойдут ворота у мечети Мах, Ворота Рухне, ворота у замка Абу Хишама ал-Кинани, ворота у моста Маленького базара; соответственно Ворота Фараджек, Дарвазаче (букв. «воротца») и Ворота улицы Магов окажутся в восточной части рабада. При такой локализации сомнительным представляется только то, что в западной стороне оказываются одни ворота — Железные.

Попробуем проверить правильность нашей локализации по другим источникам. Некоторые данные для этого имеются в «Истории Бухары», кое-что можно выявить при сопоставлении их со сведениями ал-Истахри. Так, Ворота Фараджек упоминаются у него при описании каналов Бухары; по его словам, канал Зугарканде протекает через Ворота Дарвазаче и одноименный базар к Самаркандским воротам. Если считать, что Ворота Дарвазаче находились в западной стене рабада, то придется допустить течение этого и нескольких других каналов не с востока на запад, а с запада на восток, что было бы большой натяжкой (ср.: Бартольд, I, с. 157).

Другим подтверждением правильности принятой нами локализации Дарвазаче в восточной части рабада является описание пожара Бухары в мае—июне 937 г. у Наршахи. Пожар начался в районе Самаркандских ворот; ветер раздул угли в золе, высыпанной на крышу дома, «от этого схватились все базары, и Самаркандский квартал [махалла] весь сгорел, а огонь шел, как туча, и улица [куй] Бекар, и маленькие тимы базара, и медресе Фараджек, и тим башмачников, и базар менял и торговцев тканями — то, что было в этой стороне Бухары, — все сгорело. До берега реки долетали искры. И мечеть Мах занялась и вся сгорела» (Наршахи, Ш, с. 93—94).

Из описания распространения пожара несомненно явствует, что огонь шел с севера на юг, от Самаркандских ворот к каналу, неясно только — было это восточнее или западнее шахристана. Допустим, что квартал Фараджек, соседний с Дарвазаче, находился на западе, а не на востоке. В таком случае, чтобы от Самаркандских ворот дойти до мечети Мах, пожар должен был захватить Регистан или по крайней мере пройти между цитаделью и шахристаном. В любом случае от него пострадали бы соборная мечеть и эмирский дворец. Между тем Наршахи не называет ни одного пункта этой части города. Трудно допустить, чтобы, упомянув сгоревшие базары сапожников, он не сказал бы ни слова о таких важных постройках. К тому же в западной стороне города, кажется, никогда не было большого числа базаров.

Иначе обстоит дело, если Ворота Дарвазаче и Фараджек находились в восточной части рабада. Тогда картина пожара становится очень конкретной. Дул северный ветер и гнал огонь к югу. Он шел узкой полосой, не затрагивая шахристана (распространению огня в эту сторону мешала стена) и внешнего рабада (не упомянут ни Калабад, расположенный на востоке, ни Мардакаше). Квартал Фараджек оказывается между Самаркандскими воротами и каналом, что полностью соответствует нашей локализации, основанной на материале ал-Истахри. Распространению огня к югу воспрепятствовал канал, вдоль берегов которого должно было быть незастроенное пространство. К сожалению, из этого рассказа нельзя выяснить, где проходила стена рабада: южнее или севернее канала. Но, судя по тому, что головешки перелетали через канал, можно думать, что стена не отгораживала канала от города.

«История Бухары» в сочетании со сведениями географов позволяет наиболее подробно восстановить план Бухары именно в этой части города. Теперь, когда мы можем с уверенностью говорить о местоположении Дарвазаче и Фараджека, представляется возможным определить и другие пункты. Так, у Наршахи (Ш, с. 56) и у ал-Истахри упоминается улица Магов; последний называет Ворота улицы Магов вслед за Воротами Дарвазаче, из чего можно заключить, что они находились севернее. Рядом с улицей Магов, по словам Наршахи, находилась улица Дихканов и базар Харкан. Напрашивается предположение, не связано ли название улицы Магов с известной местностью Кушки-Муган, которая при Кутейбе находилась за пределами шахристана, а при Наршахи стала городом (Наршахи, Ш, с. 29). В. В. Бартольд, помещая Дарвазаче на западе, перенес туда и Кушки-Муган; теперь же можно переместить Кушки-Муган на восток, локализовав с достаточной точностью. На современном плане Бухары это будет район западнее-юго-западнее Нурабада.

В квартале Дарвазаче находилась гробница Утби, автора «Китаб ал-Йамини», около нее Арслан-хан в начале XII в. построил медресе и баню, которую потом сделал вакфом для этого медресе (Наршахи, Ш, с. 28, 93).

Любопытно, что, судя по сведениям Наршахи, расположение базаров по специализациям уже в X в. было очень близко к тому, что известно по XIX в. Базар менял находился в районе мечети Мах, т. е. в районе Таки-Саррафан, то же относится к базару башмачников и торговцев тканями (Ремпель, 1962, с. 239).

Гораздо меньше сведений о западной части внутреннего рабада, где в противоположность восточной, торгово-ремесленной, стороне находились в основном административные здания: дворцы, диваны. Здесь не определяется даже крайний западный пункт, и ясно только, что стена не могла проходить восточнее Регистана. Судя по описанию ал-Истахри, в ней имелись только одни ворота (Железные). Это тем более странно, что в западной части внешнего рабада проходили четыре магистрали. Однако, с одной стороны, магистрали внутреннего рабада не обязательно должны были иметь продолжение во внешнем рабаде, а с другой — часть ворот могла быть не названа. У Наршахи Железные ворота рабада вообще не упоминаются, зато дважды говорится о Воротах Ма'бида (Ш, с. 24, 51), которых нет у ал-Истахри. В. В. Бартольд считал их тождественными Фегаскунским воротам (I, с. 153), но О. А. Сухарева с полным основанием отнесла их к стене внутреннего рабада (1958, с. 38). Основываясь на словах Наршахи, что Регистаном называется пространство от западных ворот цитадели до Ворот Ма'бида (Ш, с. 24; пер., с. 36), последние можно поместить западнее Регистана. По-видимому, ал-Истахри пропустил их в перечне ворот внутреннего рабада. Воротам Ма'бида и Железным находится хорошее соответствие в плане современной Бухары. К западу от цитадели есть два пучка улиц, основания которых могут примерно намечать положение этих ворот: один северо-западнее Регистана, второй западнее, около берега канала. Поскольку мы знаем, что из Ворот Ма'бида направлялись к могиле Абу Хафса, то первый пучок следует связывать с Воротами Ма'бида, а второй — с Железными воротами.

Приняв такое допущение, мы должны пойти дальше и отождествлять северный пучок улиц с дарбами Рамитан и Фегаскун, а южный с дарбом Хадшарун и Гушедж. Однако не исключено и более южное расположение Гушеджа.

Теперь, когда мы приблизительно наметили границы внутреннего рабада, бросается в глаза совпадение их с границами города, намеченными В. А. Шишкиным по расположению кладбищ. Наше расхождение с ним заключается только в том, что он принял за внешнюю границу города

саманидского времени то, что мы считаем границей внутреннего рабада, т. е. города середины IX в., площадь же всего города оказывается значительно больше.

Обратимся теперь к системе орошения города. Только один канал совершенно тождествен древнему: главный магистральный канал, называвшийся в последние века Шахрудом; каналы же, отведенные от него, до сих пор не были никак отождествлены. Основанием для отождествления могут служить схемы водоснабжения хаузов Бухары в начале XX в., опубликованные В. И. Кочедамовым (1957, рис. 20) и Л. И. Ремпелем (1962, рис. 6), первая из которых детальнее и, видимо, точнее.

В настоящее время от Шахруда отходят 9 арыков: 4 справа и 5 слева. Глубина их русел позволяет утверждать, что все они восходят к древности, хотя, конечно, могут быть и некоторые отклонения. Некоторые отводы могли быть засыпаны, второстепенные рукава — стать главными и т. д.

Сравним современный план (рис. 95) с описанием каналов у ал-Истахри. Первый сверху канал по левой стороне, Фашидизе, начинался у Варага, протекал через джуйбар Абу Ибрахима (возможно, соответствует дарбу Ибрахима), через Ворота Бал'ами (Ибрахима?), выходил из города и изливался в Науканде; длина его около половины фарсаха (3.5 км). Сейчас в пределах города по левой стороне нет канала такой величины. Соответствующий канал есть к югу от города — Каландархана, но он проходит по территории, которая явно никогда не была в составе города (в частности, он протекает в полукилометре к югу от Намазгаха).

Сейчас самый верхний в пределах города арык очень невелик, длина его не превышает 700 м. Но если взять расстояние от истока этого канала до Науканде, то оно более 3 км, т. е. около половины фарсаха. По-видимому, существующий ныне арык соответствует головной части древнего канала Фашидизе. До Ворот Ибрахима он шел по рабаду, а дальше выходил за пределы города. Ворота Бал'ами или тождественны Воротам Ибрахима, или являются второстепенными воротами, не упомянутыми в общем перечне.

Следующий за ним Джуйбар Бекар начинался уже в городе около мечети Ахид (или Ахмед), проходил через рабад и также вливался в Науканде. Точного соответствия ему среди нынешних каналов Бухары мы тоже не найдем, так как сейчас все 5 каналов левой стороны оканчиваются, не доходя до сбросового канала к западу от города. Ближе всего к Джуйбару Бекар канал, проходящий через Хаузи Рашид и кончающийся около Ворот Намазгах.

Джуйбар Бутылочников брал начало около мечети Арид (Ариз) и доходил до Науканде; о нем известно только, что он орошал больше земель, чем предыдущий. Местоположение мечети Арид не зафиксировано. Ясно только, что она должна была находиться ниже по течению Шахруда, чем мечеть Ахид. Из современных каналов к этому описанию больше всего подходит большой канал, орошающий юго-западный угол города, носящий название Джуйбар.

Около той же мечети Арид брал начало еще один канал, Джуи Гушедж (Джуйбари Ариз). Последнее название сохранялось до XVI в., неоднократно упоминаясь в купчих джуйбарских шейхов. В то время Джуйбари Ариз было пригородным селением, земли которого граничили с новой стеной Бухары. Для одного из участков, купленных Ходжой Са'дом в 971 г. х., в качестве границ упоминаются новая стена Бухары, кладбище и дорога, ведущая в Хорасан (П. Иванов, 1954, с. 242, 255). Эти указания не помогают локализовать мечеть Арид (Ариз), но позволяют думать, что мечеть находилась у Шахруда где-то южнее Арка.

Сейчас около истока канала Джуйбар берет начало только небольшой отвод, который никак не может быть отождествлен с Джуйбари Ариз;

следующий же большой канал начинается неподалеку от Регистана, а ал-Истахри определенно говорит, что Джуйбар Бутылочников и Джуйбари Ариз начинались в одном месте. Остается предположить, что в X в. где-то между кварталами Арбоб и Раугангарон начинался большой канал, не имеющий соответствия в нынешней оросительной системе. Существовал ли этот канал в XVI в. или сохранялось только название местности, а канал в прежнем виде исчез, сказать трудно.

Несомненно, что Джуи Гушедж протекал через дарб Гушедж; если Джуи Гушедж не соответствует каналу, начинающемуся около Регистана и текущему мимо Кош-медресе, то и дарб Гушедж следует искать южнее этой улицы.

Ниже канала Джуи Гушедж, в начале улицы Хута, вытекал канал Байканд.[78] Возможно, что именно он соответствовал каналу, протекающему мимо Кош-медресе. За Байкандом начинался Науканде. Сейчас перед Воротами Талипач есть еще небольшой канал, который мы можем отождествлять либо с Байкандом, либо с началом Науканде. Трудно, да пожалуй и невозможно, искать полное соответствие оросительной системы XIX и X вв. Но в пределах города, где каналы текли в глубоком русле вследствие подъема уровня улиц, вероятность сохранения каналов в старых руслах гораздо больше, чем за пределами города.

Локализация каналов Мельничного и Кушне несколько сложнее. Судя по тому, что в списке они идут между Науканде и каналами Рабах, Регистан и подземным, впадающим в ров цитадели, их можно поместить либо к западу от Науканде (по левой стороне), либо к западу от Регистана (по правой стороне). Первое сомнительно, поскольку нет оснований считать, что город простирался западнее Науканде, и совершенно непонятно, как эти два канала могли протекать мимо Наубехара, расположенного к северу от Шахруда в восточной части города. На наш взгляд, все противоречия легко снимаются, если предположить перестановку в описании каналов и считать, что крайними западными каналами северной части города были Рабах и Регистан, а Мельничный канал и Кушне были крайними восточными каналами северной стороны, протекавшими через Наубехар, т. е. что ал-Истахри, окончив описание каналов левой стороны, начал описывать каналы правой стороны снова сверху по течению.

Каналы Рабах и Регистан начинались около Регистана, но первый протекал по рабаду и пригородным землям, орошая около тысячи садов и замков, а второй орошал Регистан и район около кухендиза. Сейчас в этом районе имеется только один канал, начинающийся около квартала Мирджон-Али. Основное его русло проходит к западу от Регистана, а затем поворачивает на восток; общая длина несколько менее 1 км.[79] От него отходит ответвление, проходящее южнее Регистана и Арка в направлении к прежнему шахристану.[80] Возможно, что главное русло в какой-то мере соответствует Рабаху, а ответвление — Регистанскому каналу, так как оно проходит именно по тому месту, где когда-то находился дворец саманидских эмиров. Сюда же подходил подземный канал, начинавшийся около моста Хамдуна; аналогичный канал существует и сейчас. То обстоятельство, что он течет под землей, должно было способствовать его сохранению с очень отдаленного времени.

Канал Зугарканде в какой-то части соответствовал, вероятно, левому рукаву большого канала, орошающего ныне северо-восточную часть Бухары. Этот канал, так же как Зугарканде, проходит мимо Калабада к той

[78] В. В. Бартольд считал, что канал получил название от Пайкенда, хотя и не имел к нему никакого отношения (с. 156).

[79] У Л. И. Ремпеля на плане (1962, рис. 6) обозначена лишь часть этого канала, окончание его мы восстанавливаем по описанию в тексте.

[80] На плане у Л. И. Ремпеля не показан совсем.

части бывшего внутреннего рабада, которая называлась Дарвазаче, и достигает улицы, идущей к Самаркандским воротам. В. В. Бартольд считал, что он тек в обратном направлении, с запада на восток, так как помещал Дарвазаче западнее шахристана (III, с. 202). Наша локализация Дарвазаче и Кушки-Муган избавляет от такой натяжки.

Вернемся к каналам Мельничному и Кушне. Если считать, что они находились выше Зугарканде, то окажется, что город простирался далее Варага, который нигде не назван как местность в городе. Между тем ал-Истахри пишет, что Мельничный канал «начинается из реки в городе, в местности, называемой Наубехар, из него питье части рабада» (BGA, I, p. 308). Из описания канала Кушне явствует, что этот Наубехар отличается от Наубехара в рабаде, поскольку сказано: «Начинается из реки в городе около Наубехара, из него орошение Наубехара в рабаде» (там же, с. 309). Аналогом канала Кушне можно считать правое ответвление упомянутого современного канала, протекающего мимо Калабада к Самаркандским воротам, за которыми находилось неизвестное нам селение Кушне. Мельничный же канал приходится искать за пределами стен Бухары или следует допустить, что в X в. система орошения северо-восточной части Бухары была несколько иной.

Для понимания топографии этого района следует учесть, что в то время несомненно существовали два Наубехара. Один из них был собственно Наубехаром, местностью к востоку от города. Так же назывались улица рабада, шедшая в направлении к Наубехару, и связанный с ней район города. Такую картину переноса названий окрестных селений на районы рабада мы проследили на примере Самарканда.

Как бы то ни было, несмотря на все оговорки и сомнения, можно сказать, что схема орошения саманидской Бухары в основных чертах аналогична позднесредневековой, хотя отдельные каналы были длиннее современных и особенно отличались от нынешних за пределами города. Это соответствие можно проследить и шире. Ал-Мукаддаси дает общее описание системы орошения района Бухары, согласно которому выше города, в местности Фашун, имелся шлюз (по-видимому, мост со сводчатыми пролетами, которые закрывались досками или бревнами). При половодье часть воды отводилась от города и уходила «в сторону Пайкенда» (BGA, III, p. 331).[81]

Сейчас в окрестностях города имеется кишлак Фошун, но не на Шахруде, а к югу от города — на канале Фошун, отведенном от Шахруда в 1.5—2 км выше города, там, где начинается добрых два десятков арыков, отходящих вправо и влево, и где до революции помещалось управление мираба Бухары (Ремпель, 1962, рис. 7). Вероятно, здесь же в X в. находились шлюзы Фашуна; это название сохранил нам один из начинающихся отсюда арыков.

По словам ал-Мукаддаси, ниже города (би асфали-л-мадинати) находился второй такой же шлюз — Рас ал-Вараг. Видимо, назначением его было подпруживать Шахруд в период маловодья, а в половодье через него сбрасывали воду. Наиболее естественно искать его у начала Науканде.

Рассмотренные здесь сведения об оросительной системе Бухары также говорят о том, что территория Бухары в X в. была немногим меньше, чем в XIX в. В отличие от Мерва и Самарканда ее шахристан оказался в центре двух концентрических колец рабада и, быть может, именно поэтому не был оставлен жителями, несмотря на отсутствие проточной воды.

Торговым и административным центром города стало внутреннее кольцо рабада. Его восточная и южная части почти сплошь заняты базарами.

[81] Перевод этого отрывка дается у В. В. Бартольда (I, с. 155; III, с. 201).

Они начинаются базаром Харкан около улицы Дихканов, затем следуют базары у Ворот Дарвазаче, тим башмачников, базар торговцев тканями и ряды менял. В западной части от шахристана до Регистана размещались соборная мечеть, дворец Саманидов и все центральные ведомства. До Саманидов часть рабада занята была усадебной застройкой. Такой была во всяком случае северо-восточная часть внутреннего рабада — Кушки-Муган. При Исма'иле Самани этот район стал модным: вся служилая знать и гулямы стремились обзавестись участком под застройку. Ко времени Наршахи здесь осталось только несколько усадеб, остальное было плотно застроено (Наршахи, Ш, с. 29). В последней четверти X в., как отмечает ал-Мукаддаси, все пространство между магистральными улицами внутреннего рабада было застроено.

Стена, построенная в 849-50 г., охватывала всю территорию, считавшуюся в то время городом. Она наглядно отделяет досаманидский город от саманидского. Внешний рабад, конечно, отличался от центральной части города более редкой, полусельской застройкой. Описание каналов рабада у ал-Истахри показывает, что в нем было много замков и садов, которые к этому времени во внутреннем рабаде исчезли.

Внешняя стена рабада сложилась, по-видимому, постепенно (иначе странно, почему Наршахи ни словом не обмолвился о ее постройке) и не была монументальным сооружением. Тем не менее проезды в город защищались воротами, число которых явно превышало 11, но второстепенные проезды, которыми пользовались для своих нужд жители соседних кварталов, не удостоились внимания географов, упомянувших только ворота дарбов.

Падение Саманидов лишило Бухару привилегированного положения столицы. Прекратился приток денег; сократилось число богатых покупателей, уменьшился объем торговли. Некоторое оживление могло наступить лишь при Шемс ал-Мулке (1068—1080 гг.), который избрал Бухару второй резиденцией (Бартольд, I, с. 378). При нем у Ворот Ибрахима был устроен охотничий парк и отстроена после пожара соборная мечеть. В царствование Ахмед-хана в Джуйбаре был построен дворец (Наршахи, Ш, с. 28). Во время походов Алп-тегина и Мелик-шаха (1072 и 1089 гг.) Бухара дважды сильно пострадала (Ибн ал-Асир, X, с. 50; Наршахи, Ш, с. 28).

Первый после Саманидов период интенсивного монументального строительства начался при Арслан-хане (1102—1130 гг.). При нем была капитально отремонтирована стена внутреннего рабада, построена новая соборная мечеть в шахристане со знаменитым минаретом; с его именем связана постройка двух дворцов (один из которых потом обращен в медресе) и двух больших бань (Наршахи, Ш, с. 28, 93). Цитадель Бухары перестала быть резиденцией и лишь время от времени использовалась как крепость. При Арслан-хане она была отремонтирована и туда перенесли джуйбарский дворец Ахмед-хана (Наршахи, Ш, с. 28). Продолжатели Наршахи отмечают ряд разрушений и восстановлений Арка (там же, с. 23, 24). Наиболее крупным был ремонт 560/1164-65 г., когда восстановили Арк и построили внешнюю стену рабада, причем часть стен и башен укрепили обожженным кирпичом (там же, с. 23).

За два столетия после падения Саманидов Бухара совершенно не выросла территориально, быть может, лишь произошло уплотнение застройки внешнего рабада. Но утверждать это нельзя без больших раскопок, которые вряд ли когда-нибудь состоятся в живом городе.

* * *

Суммируем общие явления, присущие развитию трех крупнейших городов Средней Азии в VIII—XII вв.

1. Все три города переживают в IX в. период бурного роста, темп которого замедляется в X в. Развитие их после IX в. имеет индивидуальные особенности, определявшиеся конкретными историческими причинами. Бухара особенно интенсивно росла в конце IX—начале X в., став столицей Саманидов. После падения Саманидов ее рост прекращается. Для Мерва периодом наибольшего расцвета является вторая половина XI—первая половина XII в. Самарканд, насколько можно сейчас судить, рос более равномерно.

2. В Мерве и Самарканде происходит постепенное запустение шахристана, оказавшегося на краю города, причем в обоих случаях не исключено влияние ухудшившихся условий орошения. В Бухаре шахристан также не имел проточной воды, но не был заброшен, так как находился в центре города. Не удается установить никаких социальных и экономических причин, которые могли бы обусловить запустение шахристанов. Преимущественное расположение базаров в рабадах объясняется отсутствием в шахристанах свободных мест в период, когда началось интенсивное развитие ремесла и торговли.

3. В X—XI вв. все три города по существу достигли максимума территориального развития. Только Бухара после XVI в. несколько увеличила свои размеры, Самарканд же до XIX в. был меньше, чем в домонгольское время.

Глава V

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Большие размеры городов Средней Азии X—XII вв. свидетельствуют о высоком уровне развития городской жизни. Даже средние из них, вроде Нисы и Тункета, больше таких знаменитых городов Ближнего Востока, как Дамаск (105 га), Халеб (112 га), Иерусалим (100 га), а Мерв и Самарканд уступали только крупным столицам Востока. Ни один из городов Западной Европы XII—начала XIV в., за исключением Рима,[1] не мог с ними сравниться; крупнейшие из них имели площадь от 200 до 500 га: Париж — 439 га (начало XIV в.; Gazelles, 1966), Болонья — 419.5 га (начало XIV в.), Милан — 234 га, Палермо и Неаполь (XIII в.) — по 200 га, Пиза — 114 га (1152 г.), Флоренция при Данте умещалась на 105 га (Beloch, 1937, p. 119, 169; 1961, p. 175; 1965, p. 91, 128, 161), Гент и Брюгге, важнейшие торговые и ремесленные центры Фландрии, были и того меньше — 80 га (конец XI в.).

Однако разительное превосходство среднеазиатских городов над европейскими или любыми другими по их площади еще не может служить основанием для безоговорочного утверждения о соответственном превосходстве в области экономики, хотя утверждения такого рода имеются (ИТадж. ССР, с. 146). Площадь города сама по себе не может служить критерием даже для суждения о количестве населения в нем, что гораздо вернее свидетельствует о его истинной величине и экономической значимости.

При определении численности населения средневековых городов Востока мы сталкиваемся со значительными трудностями. Средневековые авторы очень редко сообщают цифры, по которым можно было бы судить о населении городов. В большинстве случаев они связаны с какими-нибудь драматическими событиями: эпидемиями, уносившими множество жителей, страшным голодом, резней во время взятия врагами и т. д., причем авторы, стремясь придать больше веса своим словам, не скупятся на количество умерших или убитых. Так, Ибн ал-Асир (XII, с. 256) пишет о 700 тыс. мервцев, погибших при взятии Мерва монголами; ал-Утби сообщает, что во время жестокого голода 1011 г. в Нишапуре умерло

[1] Рим в средние века занимал пространство в 1366 га, но эта территория скорее напоминала о былом его величии, чем об истинных размерах, ибо даже согласно переписи 1527 г. в нем было только 55 тыс. жителей, т. е. столько же, сколько во Флоренции, уступавшей ему по площади в 13 раз (Beloch, 1965, p. 5).

100 тыс. человек (Утби, II, с. 125; Ибн Фундук, с. 176). На основании подобных косвенных данных можно заключить, что крупнейшие города Хорасана и Средней Азии имели до $^1/_2$ млн жителей.[2] Изредка мы встречаем в источниках более достоверные цифры, определяющие население крупных городов Ближнего Востока в 20 тыс. человек (Насир-и Хусрау, с. 20). Исходя из того, что Насир-и Хусрау называет Иерусалим и Триполи, в которых, по его же оценке, около 20 тыс. жителей, большими городами, К. Босворт полагает, что Нишапур, очевидно, был ненамного больше — около 30—40 тыс. человек (Bosworth, 1963, p. 162). В таком случае примерно равные ему Мерв и Самарканд должны были иметь население в тех же пределах.

Разнобой в оценках населения характерен и в отношении городов Ближнего Востока. Один автор полагает, что в Дамаске было около 15 тыс. жителей (Russel, 1958, p. 101), а другой — 100 тыс. (Ziade, 1953, p. 96—97).

Спорить с любой из этих оценок, опираясь лишь на собственное убеждение в их правдоподобности или неправдоподобности, — дело бесполезное. Необходимы объективные критерии, которые при имеющихся у нас скромных данных были бы действенны для суждения о величине населения. Необходима какая-то методика, а не субъективные оценки. Для суждения о численности населения среднеазиатских городов достижением будет даже такая методика, которая допускает ошибку в 100%. Если исчисление населения средневековых городов Европы при наличии официальных данных вызывает споры среди исследователей,[3] то что же можно требовать от исследователей среднеазиатского города, в распоряжении которых имеются только данные о площади городов?

Площадь лишь в очень далеком приближении пропорциональна численности населения, поскольку плотность последнего может колебаться в значительных пределах (Боже-Гарнье, Шабо, 1967, с. 245—283). Получается одно уравнение с двумя неизвестными. Остается только решить, какое из этих неизвестных доступнее для приблизительной оценки. На наш взгляд, правильнее исходить из плотности населения, которую все же легче установить, опираясь на археологические данные о характере и плотности застройки и привлекая этнографические и исторические параллели.

Метод исчисления населения средневековых мусульманских городов (в Испании) по их площади на основании средней плотности населения был применен впервые, насколько мне известно, Торресом Бальбасом. Он использовал сведения о количестве домовладений в одном из пригородов Малаги (Велез-Малаге) и в Маллорке, для того чтобы получить средний размер домовладения. В первом случае он оказался равным 151 м^2, во втором — 217 м^2 (Torres Balbas, 1955, p. 50); отсюда вычисляется средняя для испанских городов величина — 172 м^2 на домовладение, или, что для этого времени почти равнозначно, на семью. А средняя семья, по его расчетам, состояла из 6 человек. Таким образом, Торрес Бальбас получает цифру 6 человек на 172 м^2, или 348 человек на га (там же, с. 53), которой оперирует в дальнейшем для установления численности населения некоторых городов Испании.[4]

---

[2] М. Е. Массон полагает, что в Герате XII в. было от $^1/_2$ млн до 1 млн жителей (1948, с. 139—140) и примерно столько же в Самарканде XV в. (1956, с. 58). В $^1/_2$ млн оценивает население предмонгольского Самарканда В. В. Бартольд (I, с. 139).

[3] Так, до сих пор нет единого мнения о численности населения Парижа в начале XIV в., хотя имеется податной список 1328 г. (Gazelles, 1966).

[4] Толедо — 37 тыс. жителей, Гренада — 26 тыс., Малага — 15—20 тыс., Валенсия — 15.5 тыс. (Torres Balbas, 1965, p. 55—56).

Эти подсчеты страдают методическими погрешностями. Автор, не задумываясь, выводит среднюю цифру путем сложения неоднородных данных, не делая никаких оговорок и пояснений. В Малаге подсчитан средний размер домовладения в одном из пригородов, а не средняя плотность населения города. Следовало бы, во-первых, оговорить, что размеры домовладения в самом городе могли быть меньше, а во-вторых, и это в данном случае важнее, даже в пределах квартала площадь всех домовладений меньше площади квартала, так как на улицы, общественные, культовые и другие здания приходится не менее 15%. По городу в целом доля неселитебной площади будет еще больше. С учетом этого в Велез-Малаге на семью из 6 человек придется не 151, а по крайней мере 170 м². Эта цифра ближе к плотности населения города в целом и принципиально равнозначна полученной для Маллорки. Средняя же этих двух цифр — 1 житель на 193.5 м², или 312 человек на га.

Для нас указанные цифры могут служить только материалом для сравнения, потому что мы не знаем, какому типу застройки они соответствуют. Гораздо важнее для нас исследование О. А. Сухаревой численности населения Бухары в предреволюционный период. Ей удалось установить, что в городе имелось около 12 500 домовладений. При среднем составе семьи в 6 человек это дает 75 тыс. жителей. Прибавив сюда учащихся медресе, солдат, обитателей Арка, она получает 85—90 тыс. жителей (Сухарева, 1958, с. 73). При площади Бухары в 710 га плотность населения города в целом составит 125 человек на га. Но отдельные кварталы, естественно, имели более высокую плотность: в еврейском квартале Махаллаи Кухна, наиболее плотно заселенном, на площади 2.5—2.7 га[5] жило 250 семей (1500 человек), т. е. на гектар приходилось 550—600 человек. Этой плотности соответствует определенный тип застройки: двухэтажные дома с почти полным отсутствием дворов. Подавляющее же большинство домов в других кварталах имеет небольшие внутренние дворики, хотя сады при домах встречаются редко.

Попробуем сравнить эти данные с материалами некоторых городов Ближнего Востока, сохранивших до начала XX в. средневековый облик. В Антакии на территории 80 га в 1932 г. жило 30 тыс. человек (средняя плотность 375 человек на га) (Weullersse, 1934, p, 27, n. 1). В одном из четырех блоков квартала Орханийе площадью 6900 м² было 75 домовладений (feux).[6] При среднем числе жителей 7.5 человек на домовладение население квартала составит 562 человека, или 814 человек на га; при этом под постройками занято 46% площади, остальное приходится на дворики и внутриквартальные улочки. В христианском квартале Дженейне площадью 1.18 га имелось 50 домовладений со средним числом жителей 8 человек (там же, с. 53) — это дает плотность 339 человек на га; но почти четверть квартала занимают церковь и свободное пространство около нее.[7]

Средняя плотность 400—500 человек на га, видимо, является наиболее характерной для плотно заселенного мусульманского города с изолированными индивидуальными домами, имевшими не более двух этажей. Такова плотность центральной части современного Марракеша с традиционной застройкой (450 человек на га при 1320 человек в наиболее густонаселенном еврейском квартале) (Torres Balbas, 1955, p. 53, n. 1).

[5] Высчитано по плану Бухары, приложенному к работе О. А. Сухаревой (1958).

[6] Подсчет домовладений произведен по плану одной из четырех замкнутых частей квартала, где не указаны границы домовладений. Возможно, что число домовладений нами несколько завышено, так как во всех четырех равных частях этого квартала имелось 260 домовладений (Weullersse, 1934, p. 59); в этом случае число жителей должно быть уменьшено до 500 человек.

[7] В христианских кварталах числилось 628 владений, а общее число христиан в городе 5 тыс. человек (Weullersse, 1934, p. 27, 50—54). Масштаб плана (там же, с. 53) неверен (уменьшен вдвое).

Правда, в некотрых случаях этот рубеж остается далеко позади: в касбе Алжира до освобождения было 2 тыс. человек на га (Боже-Гарнье, Шабо, 1967, с. 246), но это объясняется специфическими условиями.

Такой же плотности населения достигали некоторые крупные города средневековой Европы. В Париже в начале XIV в. на площади в 439 га имелось 61 098 податных единиц (feux) (Gazelles, 1966), тождественных семье, что составит в среднем 500 человек на га (с учетом большого количества студентов и клириков, не входивших в список налогоплательщиков). При неоднородном заселении разных частей города некоторые кварталы несомненно имели плотность до 1.5—2 тыс. человек на га. Другие города не были столь перенаселенными. В большинстве итальянских городов XIII—XIV вв. плотность населения колебалась от 100 до 250 человек на га, исключение составляет Сиена (500 человек на га).[8]

Итак, мы имеем несколько величин плотности населения, зависящей не столько от образа жизни в разных странах, сколько от плотности застройки. Зная последнюю, можно примерно представить себе плотность населения города в целом. В этом отношении решающее слово принадлежит археологам.

Наиболее полное представление о застройке раннесредневекового города Средней Азии дают раскопки Пенджикента. Как говорилось выше, его кварталы представляют собой правильные прямоугольники смыкающихся друг с другом домов. Все дома, даже самые богатые, лишены внутренних двориков и повернуты лицом на улицу. Улицы узкие, шириной 3—4 м. В целом застройка является продолжением античной традиции, хотя прежняя четкость плана нарушена. Ширина кварталов около 35 м, длина различна. Дома двухэтажные, но этажи функционально разделены: в первом этаже большинство помещений — нежилые, хозяйственного назначения, так что оба этажа занимает одна семья.

Наиболее четко деление на дома представлено в большом, почти полностью раскопанном квартале восточной части города площадью 7000 м². В нем выявляются 16 отдельных домов разной сохранности, 3 комплекса, которые, вероятно, были отдельными домами (хотя у них нет характерных черт планировки жилого дома),[9] и различные группы нежилых построек — мастерские, баня, лавки. Эти дома имеют разную величину. В южной части квартала находится дворец с большим парадным залом и прилегающими к нему крупномасштабными помещениями, которые даже на плане резко выделяются из окружающих построек. Общая его площадь 670 м². Площадь одного большого дома, границы которого для первой четверти VIII в. не совсем ясны из-за перестроек,[10] 500 м², трех домов — от 400 до 350 м² каждый, остальных — от 200 до 125 м². Эта градация соблюдается и в других кварталах. Все дома можно разделить на четыре категории: дворцы дихканов (700—800 м²); богатые дома (300—500 м²); дома зажиточных горожан (100—250 м²). Кроме того, на юго-западной окраине города (объект XII) раскопаны дома бедных горожан площадью 60—100 м².

Независимые друг от друга исследования показывают, что средняя численность семьи в Европе и мусульманских странах в средние века была приблизительно одинакова — около 6 человек. Но мы можем поль-

[8] Высчитано в соответствии с данными К. И. Белоха (Beloch, 1937, 1961, 1965).

[9] Надежным признаком для выделения жилого дома является квадратный парадный зал; таких залов в квартале 9 (в небогатых домах залы отсутствовали). Второй признак — домашнее святилище; их обнаружено 4, но два встречены в комплексах без залов. Третий признак — наличие в изолированном комплексе пандуса или лестницы (ср. рис. 5, 6).

[10] Планировка анализируется по состоянию на первую четверть VIII в., до первого разгрома города. Позднее многие помещения были заброшены. Самый большой дворец, раскопанный в 1964—1969 гг., имеет площадь 1000 м² (см. рис. 9).

зоваться этой цифрой с большими оговорками, поскольку социальный состав домусульманского города был иным, чем в X—XII вв. В большом средневековом городе, где процент богатых людей, имеющих слуг и вооруженные отряды, относительно невелик, можно принимать за среднее — 5—6 человек на домовладение, делая потом прибавку на возможное число невольников. Но в городе типа Пенджикента процент состоятельного населения, могущего иметь большое количество прислуги, гораздо выше, так как число ремесленников, мелких торговцев и наемных рабочих значительно меньше, чем в городах X—XII вв. Это подтверждается и археологически: не менее 30% домов Пенджикента принадлежит богатым горожанам. Такое количество богатых домов, в которых кроме членов семьи явно имелись слуги (или рабы), оказывает заметное влияние на расчеты.

Никаких сведений о численности слуг, кедиверов, чакиров в семьях богатых дихканов не имеется, поэтому придется пойти по пути допущений. Допустим, что в доме дворцового типа (первая категория) жила семья, имевшая слуг (рабов) столько же, сколько членов семьи: 2—3 слуги общего характера и 10—15 чакиров. Получим 25—30 человек (6+6+3+10—15). Остальные категории семей распределим следующим образом: в домах второй категории — 12 человек (семья+такое же число слуг); в домах третьей категории — 9 человек (семья+слуги, число которых вдвое меньше числа членов семьи); в домах четвертой категории — 6 человек.

Попробуем теперь на этом основании подсчитать население указанного квартала.[11] Домов второй категории в нем 4, в них 48 жителей (12 × 4); третьей категории 10, в них 90 жителей (9×10); четвертой категории 2, в них 12 жителей (6 × 2).

Всего на квартал площадью 0.7 га придется 175—180 человек, или 250 человек на га сплошной застройки (селитебной площади).

Восточная и южная части города, застроенные очень плотно, с узкими прожилками улиц, занимают около 6.5 га (половина города); на долю улиц и других свободных пространств здесь приходится около 10% площади; вычтя их, мы получим 5.85 га застройки с 1462 жителями (отбрасывая десятые доли). Вторая половина города застроена менее плотно, примерно на 70%; здесь мы получим 4.55 га застройки и 1137 жителей, а всего в городе 2599 жителей. Поскольку мы оперируем данными более богатых кварталов, имеющих меньшую плотность населения,[12] то эту цифру следует считать несколько заниженной и увеличить население города до 3 тыс. человек. При таком населении плотность на гектар площади города составит 230 человек. Естественно, что она является приближенной, но ошибка, на наш взгляд, порядка 30% (скорее в сторону увеличения). Со временем, когда будет яснее численность обитателей дихканского дома, наши расчеты можно будет уточнить.

Раскопки Афрасиаба, Шахристана, наблюдения на Ак-Бешиме позволяют утверждать, что застройка Пенджикента характерна для шахристанов VIII в. и для центральных частей городов IX—XII вв. Этому не противоречит также реконструкция плана шахристана Бухары, предпринятая нами в предыдущей главе. Не будет ошибкой принять вычисленную нами для Пенджикента плотность для расчета населения других городов VIII в., чтобы иметь материал для сравнения роста численности городского населения в IX—XII вв.

---

[11] Сейчас такой подсчет можно было бы провести на основании застройки по крайней мере 4 га, но автор не имеет достаточных данных для выделения комплексов за пределами участка, исследованного им самим.

[12] Во дворце площадью 700—800 га при 25 обитателях на человека приходится 28—30 м², а в доме площадью 100 м², заселенном семьей из 6 человек, — 16.6 м². В первом случае это составит 312—357 человек на га застройки, а во втором — 625 человек.

Начнем с Мерва. В VII—VIII вв. северо-восточная часть Гяур-Калы была заброшена, заселено было не более 260—270 га. При пенджикентской плотности застройки население Мерва составит около 60 тыс. человек (230×260). Поселение здесь примерно 20 тыс. арабов (с членами семей) увеличило его до 80 тыс., что привело к росту города за пределы Гяур-Калы.

В Бухаре VIII в. площадью 35 га могло быть около 9 тыс. жителей (8 тыс. в шахристане и около 1 тыс. в цитадели). Здесь, как и в Мерве, при поселении арабов часть жителей выселилась за город. Наршахи пишет о 700 семьях кашкушанов, построивших за городом соответствующее число замков. Простой подсчет ставит под сомнение эту цифру. 700 семей должны были иметь такое же число домов в шахристане, на это при пенджикентском типе застройки (18 домов на 0.7 га) потребовалось бы 29 га сплошной застройки, что с учетом улиц и общественных зданий заняло бы весь шахристан. Однако мы знаем, что кашкушаны составляли только часть жителей Бухары. Еще разительнее видна неправильность цифры, если рассчитать, сколько места должны были занять за городом 700 замков, окруженных садами. Средний величины каср представляет квадрат примерно 20×20 м, добавив к нему с каждой стороны полосу сада по 20 м, получим участок в 0.36 га. 700 таких замков займут 252 га, т. е. всю площадь средневековой Бухары к востоку от шахристана, а мы знаем, что территория Кушки-Муган не выходила южнее линии восточных ворот шахристана. Кроме того, 700 семей со слугами и чакирами составили бы никак не меньше 7—10 тыс. человек, т. е. все население Бухары, что также маловероятно. Думается, что первоначально речь шла о 700 «членах семей» (ахл ал-байт — очень распространенный термин), что составило бы 110—120 семей, а впоследствии это было понято как «700 семей».

В Самарканде нам придется иметь дело с территориями, заселенными различно. Шахристан площадью около 70 га был застроен, как Пенджикент, а южная часть Афрасиаба в VIII в. имела разреженную застройку. Для шахристана начала VIII в. мы получим более 16 тыс. человек (230××70), а для тогдашнего рабада, беря плотность вдвое меньшую, чем в позднесредневековой Бухаре, — около 7 тыс. человек (50×140) или несколько больше, если застройка была плотнее. В целом население Самарканда начала VIII в. можно оценить в 25—30 тыс. человек.

Термез при площади шахристана в 10 га (2300 человек) и рабада в 70 га (по 50 человек на га) должен был иметь около 6 тыс. жителей. При условии, что рабад был застроен по типу позднесредневековых среднеазиатских городов (100 человек на га), население Термеза составит около 10 тыс. человек. Последняя цифра нам кажется вероятнее.

Таким образом, к началу VIII в. число жителей крупнейших городов колебалось от 10 до 60 тыс. человек, городов средней величины (Ниса, Тараз, Хазарасп, Бинкет, Пенджикент) — от 5 до 10 тыс.

Застройку городов в X—XII вв. мы пока знаем хуже, так как в нашем распоряжении нет ни одного города, который был бы раскопан, как Пенджикент, почти на четверти площади. Отдельные дома и части кварталов, вскрытые на Афрасиабе, в Наринджане, Мерве, Нисе, Варахше, Ак-Тобе (Куль), дают представление только о типе здания, а не о степени застройки города. Поэтому мы сейчас может судить лишь о тенденциях в изменении застройки с VIII по X—XII вв. и на основании их говорить о возможных изменениях в плотности заселения.

При сохранении прежней плотности застройки население городов должно было расти пропорционально росту территории, но в действительности пригороды застраивались более разреженно. Общее представление об облике городов X в. дают описания географов. Они свидетельствуют об обилии зелени в большинстве городов. В зелени утопали Самарканд, Ахсикет, Ниса, Бинкет и многие другие города. Естественно, что во всех

случаях это касалось пригородов, а не шахристанов, где, как мы видели, не было места для посадок.

До IX в. горожане предпочитали жить в тесноте шахристанов, но под защитой крепостных стен. К тому же плотная заселенность города облегчала оборону стен небольшого периметра. Так, в Бухаре VIII в. на 2.2 км стен приходилось 8 тыс. жителей, т. е. немногим менее 4 человек на 1 м стены. Если бы город был населен вдвое менее плотно, то усложнилась бы его оборона. Создание сильного централизованного государства обеспечило бóльшую безопасность горожан за пределами стен шахристана, и они стали охотнее селиться в пригороде, где можно было жить просторнее, иметь небольшой сад или хотя бы двор. Здесь складывается новый стандарт городского жилища, более просторного, замкнутого, со внутренним двориком, предпочтительно с зеленью и проточной водой (Пугаченкова, 1958а, с. 189), тот тип городского дома, который характерен для позднего средневековья и дожил до XX в. Происходит некоторая дезурбанизация застройки, сближение городского жилища рабада с сельским.

Разница в застройке шахристанов и рабадов сохранялась до XI—XII вв. Шахристаны, насколько можно судить по раскопкам Афрасиаба, Варахши и других городов, были застроены такими же кварталами сомкнутых друг с другом домов, выходящих фасадами на улицу, как и в VIII в. Изменилась только строительная техника, стены домов стали менее монументальными, сводчатые перекрытия цокольных этажей сменились балочными. Большинство домов — двухэтажные, с характерным для всех средневековых городов выступающим вторым этажом (типа «болохона»), построенным из дерева. О таких домах в Бухаре писал ал-Мукаддаси. Выступающие вторые этажи позволяли расширить жилую площадь без сужения улицы, одновременно затеняли ее. Насколько можно судить по публикациям, нигде не зафиксировано следов лестниц, которые позволяли бы говорить, что раскопанные дома были двухэтажными. Видимо, в рядовых домах исчезла традиция сооружения витых пандусов и их место заняли деревянные лестницы, оставляющие после себя мало следов.

Характерным для большого города является квартал, раскопанный в западной части Афрасиаба (Крикис и др., 1963). По планировке он еще близок застройке шахристанов VII—VIII вв., но в нем значительное место занимают торговые и производственные комплексы. Квартал в центре Афрасиаба (раскоп № 23; Брусенко, 1969), по-видимому, целиком производственный, так же как раскопанный С. Б. Луниной в Мерве.

Для небольших городов показательны дома Варахши. Здесь два из четырех раскопанных домов имеют внутренние дворики (25 м² и 45 м²); площадь самого большого дома 280 м², других — 165 м² и 102 м². Следов второго этажа не обнаружено (стены сохранились на незначительную высоту). Полы в большинстве комнат глинобитные (Кабанов, 1956а). Как отмечает В. А. Шишкин, «мы можем видеть в них (этих домах, — *О. Б.*) еще не вполне развитую форму дома, хорошо известного по Бухаре нашего времени» (1963, с. 105).

Дома Варахши — характерный образец жилища рядового горожанина. Очень похожи на них два дома в Наринджане, раскопанных А. И. Тереножкиным (Толстов, 1948б, рис. 93). Один из них, вскрытый почти полностью, имеет площадь 143 м², другой — около 115—120 м². Ни у одного нет дворика. По величине близки к варахшинским два дома X—XI вв. в шахристане Нисы (Крашенинникова, 1963, рис. 1).[13] Пло-

[13] План очень невырази ельный, целый ряд помещений оказался без выходов, но в тексте не оговорено, что они были изолированными. Не указано также, какие помещения автор относит к одному дому. Мы считаем, что пом. (слева направо и сверху вниз) №№ 12, 11, 1, 14, 13, 4, 15, 9 составляют один дом с почти правильными прямоугольными контурами.

щадь одного из них 192 м²; другой, раскопанный не полностью, того же типа.

К иному типу относится дом из шахристана Ак-Тобе: отдельно стоящая замкнутая постройка прямоугольных очертаний (25.3×19.4 м) с глухими внешними стенами значительной толщины (до 1.3 м), внутри — обширный двор (180 м²), в который выходят все помещения. В здании одно время функционировала гончарная печь, остальные помещения также не производят впечатления жилых (Бубнова, 1963в).

Таким образом, для городской застройки характерным можно считать дом площадью около 200 м², с небольшим двориком или без него. При ширине квартала 25—30 м (ширина двух домов, поставленных спинами друг к другу) и длине около 100 м на гектар придутся три продольные улицы шириной 3—4 м каждая (900—1200 м²), остальное падает на селитебную площадь (8800—9100 м²). Следовательно, на гектар придется 44—45 домов (8800 : 200 м). При средней численности семьи в 6 человек мы получим плотность 270 человек на га. Этот расчет завышен, поскольку мы приняли заведомо заниженную среднюю площадь дома, без учета того, что в квартале были дома зажиточных горожан большей величины, общественные постройки, квартальные мечети и лавки. С учетом всего этого следует уменьшить число домов на гектар жилой застройки до 35 (210 человек на га). В целом по шахристану плотность понизится еще более — примерно до 150 человек. Ее мы и примем в дальнейшем для расчета численности населения в районах сплошной застройки в городах X—XII вв.

В рабадах плотность населения была значительно ниже, но среднюю цифру вычислить гораздо труднее, так как нижним пределом окажется плотность, характерная для оазиса, — 2—5 человек на га (так, усадьбы в пригородах некоторых городов достигают 0.8 га; Кожемяко, 1959, с. 172).

Для застройки рабадов характерен тип здания, называемый по-арабски «каср», что традиционно переводится как «замок». Тысячи замков находились в рабаде Бухары; упоминаются они и в рабадах других городов. Русский перевод этого слова невольно вызывает ассоциацию с замками европейских феодалов и искажает истинный облик города. Огромное их количество побудило С. П. Толстова решительно выступить против понимания касров как замков феодалов (1948б, с. 150—151). Но предложенное им толкование касров в качестве укрепленных жилищ большесемейных общин так же не точно, как и попытка материалом IX—X вв. (времени, когда явно господствовал феодализм) пытаться объяснить социально-экономический строй VI—VIII вв., когда, по мнению С. П. Толстова, феодализма еще не было. Все же нельзя не признать, что касры в самом деле не являлись замками феодалов.

Исследования Южно-Туркменистанской и Термезской экспедиций восстановили облик типичного городского и пригородного касра. Это двух- или трехэтажный дом с массивным, слабо расчлененным кубическим объемом, слегка сужающимся кверху (Пугаченкова, 1958а, с. 206—216). Построение фасада симметрично; центральное помещение перекрыто куполом. Здание может стоять на цоколе. Фасады бывают гладкими, с разделкой нишами или с гофрировкой. Этот тип зданий продолжает архитектурную традицию предшествующих веков, хорошо представленную памятниками древнего Хорезма; по существу касрами можно назвать дома №№ 1, 2, 3, 5, раскопанные П. Н. Кожемяко на Красноречeнском городище (Кожемяко, 1967); но это скорее тип сельской укрепленной усадьбы.

Близость касров X в. к аналогичным постройкам предшествующей эпохи столь велика, что некоторые памятники Мерва относятся то к сельджукскому, то к позднесасанидскому времени (Пугаченкова, 1958а, с. 135—141). Касры X в. в равнинных районах Мавераннахра, а особенно

в окрестностях городов и в самих городах, никак нельзя назвать замками. Оборонительную функцию они несут в той же мере, как любое прочное здание, но не являются крепостями. Обычный таджикско-персидский эквивалент каср — кешк — лучше передает характер постройки; павильон, небольшой дворец, а не замок — вот что такое каср X в.

Г. А. Пугаченкова считает, что нет принципиальной разницы между жилищами богатых и рядовых горожан, что им присущи одни и те же конструктивные и аритектурно-декоративные приемы. Не касаясь здесь архитектуры, отметим только, что сырцовый домик в Султан-Кале, который она считает примером единства архитектурно-декоративных приемов богатых и рядовых домов (Пугаченкова, 1958а, с. 215—216, ср. рис. на с. 213—215), резко отличается от рядовых жилых домов других поселений Мервского оазиса, приводимых тем же автором, и к тому же не носит никаких характерных признаков жилого дома, являясь скорее зданием общественного назначения.

Постройка каср была мечтой всякого зажиточного человека, своего рода символом богатства. Ал-Истахри пишет об этом совершенно определенно: «Не найдешь ты среди них (жителей Мавераннахра, — *О. Б.*) владельца имения, стремлением которого не была бы постройка обширного каср и помещения для гостей» (BGA, I, p. 289).

Каср X в. не имеет связи с сословным положением владельца — это богатый дом специфического архитектурного облика (центрально-купольное здание), владельцем которого мог быть любой состоятельный человек: феодал, чиновник, купец, староста, богатый ремесленник.

Этот тип здания, рассчитанного на обзор со всех сторон, требовал постановки посреди значительного земельного участка, площадь которого по крайней мере в 9 раз больше площади самого здания (из расчета, что расстояние от каждой стороны ограды равно стороне здания). Следовательно, для дома в 400 м² требовался участок не менее $^1/_3$ га. Позволить себе подобную роскошь мог только очень состоятельный человек; такой участок в аристократическом пригороде стоил до 10 тыс. дирхемов (ИТаджССР, с. 264). Пригород, застроенный касрами, имел гораздо более редкое население, чем шахристан со сплошной застройкой.

Основная масса домов в рабадах была того же типа, как в Варахше X—XI вв., с той только разницей, что дворик мог быть просторнее, а иногда даже заменяться небольшим садом. Этот тип застройки близок существовавшему в большинстве городов Средней Азии в XIX—начале XX в., что помогает нам представить уровень плотности населения.

Как мы уже говорили, в предреволюционной Бухаре плотность населения в среднем по городу составляла 125 человек на га; в других городах с тем же типом зданий, но с более свободной застройкой, вроде Самарканда, она была ниже — от 75 до 100 человек на га (внутри стен). Эта плотность застройки и соответственно плотность населения, на наш взгляд, близки к тому, что было в рабадах X—XII вв. с городской застройкой. Однако значительная часть рабадов была застроена гораздо менее плотно (например, в Бинкете и усрушанском Пенджикенте), и такую возможность следует всегда учитывать.

Первое определение численности населения города X—XII вв. на основании объективных данных предпринял В. А. Шишкин. Основываясь на материале раскопок Варахши, он подсчитал среднюю площадь домовладения (160 м²), вычел из площади города пространство, занимаемое дворцом, цитаделью и улицами (несколько более 22% площади), и получил 300—400 домов с населением по 5 человек в каждом. Всего, по его мнению, в городе жило около 1.5—2 тыс. человек (Шишкин, 1963, с. 106). В этом расчете есть досадная ошибка — площадь городища составляет не 9 га, а только 6.5 га, цитадель и дворец занимают около 0.5 га, поэтому на

долю самого города остается только 6 га. После вычета площади нежилых зданий и улиц (около 20%) остается 4.8 га. Разделив их на среднюю площадь домовладения, получим 300 домов; при семье в 5 человек это составит 1500 жителей, а при семье в 6 человек — 1800. Средняя плотность по городу получается 250—300 человек. Она несколько выше плотности, принятой нами для города X—XII вв., но это понятно, так как размер домовладения высчитан по бедным домам. Скорее всего количество жителей Варахши в пределах шахристана не превышало 1200 человек (200—250 домов). О численности населения рабада вообще нельзя ничего сказать, так как границы его не определены и степень застроенности неясна. Тот факт, что он развеян, свидетельствует о малой интенсивности застройки. Но даже если в рабаде жило еще 2 тыс. человек, то все равно население Варахши оказывается ничтожным для города X в. Отсюда становится понятной история с соборной мечетью, которую отказывались строить у себя варахшинцы в X в. (Наршахи, Ш, с. 15—16). Действительно, число их было слишком невелико, чтобы обзаводиться большой мечетью.

Попробуем теперь определить населенность крупнейших городов Средней Азии в X в.

Мерв. Здесь выделяются три различные по плотности застройки района: центральная часть на Маджане, наиболее населенная (размеры ее несколько меньше основного квадрата Султан-Калы), — около 300—350 га (см. выше, с. 214—215); половина Гяур-Калы, заселенная менее плотно, — 170 га; пригороды дачного типа (границы четко не определяются), их площадь от 500 до 1000 га.

При наивысшей возможной средней плотности населения в центральной части (230 человек на га, как и в Пенджикенте) это составит 69—80 тыс. жителей. Фактически она меньше, так как значительное пространство занимали торговые ряды, учреждения и другие нежилые постройки. На наш взгляд, для этого периода плотность населения в центральных частях больших городов должна быть не ниже, чем в среднем в Бухаре XIX в., — 125 человек на га и не выше 200 человек. Это даст для центральной части Мерва население 40—70 тыс. человек. В Гяур-Кале, в то время менее обжитой, следует принять плотность 100—125 человек на га, т. е. 17—20 тыс. жителей. Наконец, пригородная часть, имеющая в среднем не выше 50 человек на га (к центру плотнее, к периферии реже), даст еще 25—50 тыс. жителей. Таким образом, нижний предел численности населения Мерва в X в. — около 82 тыс. человек (40 тыс. + + 17 тыс. + 25 тыс.), а верхний — 140 тыс. (70 тыс. + 20 тыс. + + 50 тыс.). Первая цифра, очевидно, мала, так как даже если при подсчете населения Мерва VIII в. мы несколько завысили число жителей и оно равнялось (вместе с арабами) не 80 тыс., а 50 тыс., то все равно трудно допустить, чтобы при явном трех-четырехкратном росте города число жителей не удвоилось. Наиболее вероятная численность населения Мерва в X в. — около 100 тыс. человек. В период наивысшего расцвета при Сельджукидах она могла достигать 150 тыс. человек.

Бухара. Поскольку в Бухаре заселенность шахристана с VIII по X в. существенно не изменилась, мы можем и для X в. принять то же число жителей в шахристане — 8 тыс. человек. Площадь внутреннего рабада нам ясна — около 150 га; застройка его, по-видимому, была сплошная, городского типа, с большим количеством торговых предприятий; плотность населения здесь можно принять за 125 человек на га. Это составит 18 750 человек. Внешний рабад площадью не менее 300 га в то время был застроен реже, чем в XIX в. (в начале X в. даже неподалеку от Регистана имелись заболоченные пустыри, поросшие камышом); плотность населения в нем можно принять за 50—75 человек на га, что даст еще 15—

22.5 тыс. человек. В целом для Бухары мы получаем от 41.750 человек до 50 250 человек, округленно — 40—50 тыс. жителей.

Любопытно сверить наши подсчеты с некоторыми данными, имеющимися у ал-Истахри. По его словам, канал Фашидизе орошал около двух тысяч замков и садов. Если канал орошал полосу шириной около $^1/_2$ км, то при длине канала в полфарсаха (3 км) мы получим 150 га, т. е. по 750 м^2 на участок, цифру, весьма правдоподобную. Два других канала орошали по тысяче участков. Относительно остальных пяти каналов говорится только, что они орошают много замков и садов. Если считать, что в среднем все 8 каналов орошали по тысяче участков, то получим в рабаде и ближайших окрестностях Бухары 8 тыс. участков. Число это не слишком велико, особенно, если учесть, что одному лицу могло принадлежать несколько участков. Такой расчет даст для рабадов и окрестностей максимум 8 тыс. семей (48 тыс. человек).

Самарканд. Район с плотной городской застройкой в X в. включал в себя территорию Афрасиаба и тимуровского города. Поскольку с ростом города за пределами старого шахристана и тягой к более свободному усадебному расселению часть жителей внутреннего шахристана выселилась, а внешний шахристан (южная часть Афрасиаба) сравнялся по застройке со старой частью, то можно принять для всего Афрасиаба плотность меньше пенджикентской, но больше бухарской — около 150 человек на га. Это составит 32 700 человек (или приблизительно 30—35 тыс.). В южной части города плотность населения была, вероятно, не более 100 человек на га, т. е. еще около 40 тыс. жителей. Некоторое количество населения проживало в рабаде севернее и западнее Афрасиаба; число его определить трудно, — вероятно, от 5 до 10 тыс. человек. Таким образом, для собственно города мы получаем 75—85 тыс. жителей.

Так же как в Мерве, здесь трудно определить границу между рабадом с городской застройкой и сельским пригородом, но в отличие от Мерва в округе Самарканда мы знаем селения, считавшиеся загородными кварталами (махалла) Самарканда. Учитывая все население внутри стены (равномерно расселенное население — 2 человека на га × 9 тыс. га = =18 тыс. человек + 5—10 тыс. человек населения махалла), мы получим для Большого Самарканда максимум 100—110 тыс. жителей.[14]

В Хорезме примерно такое же число жителей должно быть в Кяте и Ургенче X в. В XII в. население Ургенча могло достигать 200 тыс. человек.

Термез. В шахристане X в. (35 га) при плотности 150 человек на га могло жить 5150 человек; в первом рабаде (175—180 га) при плотности 100 человек на га — 17—18 тыс. человек; во втором рабаде (190 га), который тогда еще не имел стены и был, видимо, мало заселен, при плотности 50 человек на га — 9—10 тыс. жителей. Если к этому прибавить 2—3 тыс. человек, живших в цитадели, то мы получим (округленно) 33—35 тыс. человек. В XI в. число жителей во втором рабаде, должно быть, возросло, так как его обнесли оградой.

Приходится сожалеть, что мы не знаем размеров рабада Чаганиана, о котором географы писали, что он больше Термеза, но менее населен. В шахристане же Чаганиана, который почти вдвое больше шахристана Термеза (62 га), жило не менее 9—10 тыс. человек.

Пенджикент (усрушанский). Здесь трудность подсчета населения также заключается в том, что мы не знаем всей площади городской застройки. На территории Кахкаха I (4.2 га) и Кахкаха III (около 20 га) при максимальной плотности населения в 230 человек на га могло жить

[14] В. А. Шишкин определял население Самарканда в 100—150 тыс. человек (1966, с. 32).

не более 5500 человек (в действительности же плотность скорее была меньшей, около средней — 150 человек на га; это дает 3750 человек). Бóльшая часть обширного рабада (который скорее всего можно принять за многоугольник, приближающийся к окружности с поперечником около 6 км, т. е. площадью 3000 га) представляла полусельскую местность с плотностью населения примерно такой же, как в сельских окрестностях современного Самарканда, т. е. 4—5 человек на га; это составит еще примерно 12—15 тыс. человек. Площадь рабада с застройкой городского типа нам неизвестна, но если он раза в два превышал шахристан, то население его дало бы нам еще около 5 тыс. человек, т. е. всего в городе было 20—25 тыс. человек.

Косвенным подтверждением правильности порядка этой цифры служат слова Ибн Хаукаля о Пенджикенте: «Это город, число мужчин в котором приблизительно 10 000» (BGA, II, p. 379). Подразумевается, конечно, не все мужское население, а мужчины, способные носить оружие (от 15—16 лет и старше), составлявшие не менее четверти всего населения. При таком расчете в Пенджикенте должно быть около 40 тыс. жителей.

Бинкет. Этот город, так же как усрушанский Пенджикент, отличался редкой застройкой своего обширного рабада; при большинстве домов в нем имелись сады. Такая застройка (дом 200 м^2+сад около 800 м^2) дает 10 домов, или 50—60 человек на га. Шахристан Бинкета невелик и при максимальной плотности заселения мог вместить 3—4 тыс. жителей. Во внутреннем рабаде Бинкета (300—350 га) при плотности 50 человек на га должно быть 15—17.5 тыс. человек, а в более редко заселенном внешнем рабаде (несколько более 1000 га) при плотности 5 человек на га — еще около 5 тыс. человек. Таким образом, в Бинкете могло жить 23—25 тыс. человек.[15]

Примерно такого же порядка была численность населения Ахсикета и Кувы. Города Таласа и Семиречья по населенности значительно уступали городам центра Средней Азии. Так, в Таразе в шахристане (около 15 га) могло быть 2.5 тыс. жителей, в наиболее населенной центральной и восточной частях рабада (60 га) при плотности населения 100 человек на га (а она, вероятно, была меньшей) — 6 тыс. человек, а в дополнительной, западной, части рабада (27 га), явно менее населенной,— около 1500 жителей, т. е. в общем не более 10 тыс. человек. Несколько многолюднее был Баласагун (Ак-Бешим); в его шахристане (20—21 га) было 3 тыс. человек, в восточном рабаде, огороженном стеной (75 га), — 7.5 тыс. человек, еще 2—3 тыс. жителей приходилось на незащищенную часть рабада. Основная же масса городов Средней Азии — небольшие городки типа ташкентского Нуджикета (Ханабад) или Данфаганкета (Югон-Тепе) площадью 15—30 га — имела 2—5 тыс. жителей.[16]

Полученные нами цифры скромнее предлагавшихся до сих пор, но и они свидетельствуют об увеличении населения городов с VIII по X в. в среднем в 2—3 раза, что означало целый переворот в экономике страны. Еще большее значение имело увеличение удельного веса городского населения по отношению ко всему населению (так как рост числа горожан происходил явно не пропорционально увеличению народонаселения).

---

[15] По переписи 1868 г., в Ташкенте, занимавшем примерно ту же площадь, что и средневековый Бинкет, имелось 11 518 домов и 41 799 жителей (Добросмыслов, 1911). Перепись была не совсем точна, так как на дом получается менее 4 жителей, действительное число жителей было около 50 тыс.

[16] Описывая городище Ханабад, В. М. Массон заметил, что это был большой город с населением 10—20 тыс. человек (1951б, с. 82). При максимальной плотности населения 230 человек на га в Ханабаде могло быть 7.5—8 тыс. жителей, а при застройке типа позднесредневековой Бухары — не более 5 тыс. жителей.

Попробуем представить, каким могло быть это соотношение хотя бы в сравнительно хорошо изученном Мервском оазисе. Здесь мы будем иметь гигантский для своего времени Мерв со 150 тыс. жителей (XI в.), четыре-пять городов типа Хурмузферра (Синдж, Кушмейхен, Харак и, вероятно, Гиренг) с площадью городской застройки 100—150 га (10—15 тыс. жителей) и пять городов с населением 3—5 тыс. жителей. В целом по оазису получится от 215 тыс. до 250 тыс. горожан. Труднее установить численность сельских жителей. Можно допустить, что плотность сельского населения в то время была примерно равна таковой в сельских районах оазисов Средней Азии в 20—40-е годы XX в., т. е. 2—3 человека на га орошаемых земель (Толстов, 1962а, с. 248; Андрианов, 1969, с. 174). Не будет большой ошибкой считать, что площадь орошаемых земель Мервского оазиса равнялась современной (до проведения Южно-Туркменского канала) — 100 000 га. Это даст 200—300 тыс. сельских жителей. При таком расчете городское население Мервского оазиса в X—XII вв. составит 40—50% от общего числа жителей.

Такое соотношение, конечно, не было характерным для всей Средней Азии. В долине Кашкадарьи с ее шестью городами (Кеш и Несеф приблизительно по 30 тыс. жителей и четыре города в среднем по 5 тыс. жителей) максимально возможная площадь орошения около 80 000 га. При 2—3 человеках на га орошаемых земель число сельских жителей составит примерно 160—240 тыс. человек, т. е. на горожан придется от 25 до 33% всего населения. Примерно те же цифры получаются и для других оазисов. Говоря о высокой относительной численности горожан, следует учитывать еще значительную массу кочевников.

По-видимому, в целом по Средней Азии городское население составляло 20—25% от общего числа жителей. Необычайно высокий для средневековья процент городского населения свидетельствует не только о развитии ремесленного производства в городах, но и о высокой товарности сельского хозяйства, вызываемой такой структурой населения. В Мервском оазисе и Илаке собственной продукции сельского хозяйства не хватало, и часть продуктов приходилось ввозить из других районов. Значительная доля сельскохозяйственных продуктов, потреблявшихся в городах, изымалась у крестьян в виде хараджа (крестьянин сам продавал свои товары на рынке или сдавал скупщику, чтобы получить деньги для уплаты налога), но она не могла полностью удовлетворить потребность города. При условии, что жизненный уровень горожанина был выше, чем у земледельца, потребление 50% городского населения (Мервский оазис) должно было превышать половину продукции, производимой в оазисе (не говоря о технических культурах, которые шли в основном на продажу); сюда еще надо добавить спрос на продукты сельского хозяйства со стороны кочевников. Эти соображения еще раз показывают неэквивалентность обмена между городом и деревней и доминирующее положение города в жизни среднеазиатского общества IX—XII вв.

Глава VI

РЕМЕСЛО, ТОРГОВЛЯ, БЫТ

Рост территории городов и их количества — лишь внешнее выражение процесса развития ремесла и торговли, углубления разделения труда между ремеслом и сельским хозяйством. Уже одно увеличение абсолютной численности городского населения создавало совершенно новую ситуацию в жизни общества. Во-первых, изменение соотношения городского и сельского населения требовало усиления товарности сельского хозяйства. Только в Хорезме с VIII по XII в. значительно увеличилась площадь орошаемых земель (Толстов, 1962а, с. 248), в других оазисах выросшие города снабжались сельскохозяйственной продукцией с тех же площадей, что и прежде, а это требовало возрастания товарности сельского хозяйства (за счет ли интенсификации использования земли или путем сокращения собственного потребления — для нас в данном случае неважно). Во-вторых, с ростом городского населения изменилось соотношение различных групп населения. В VII—VIII вв. градообразующим населением и основным потребителем ремесленной продукции являлись богатые дихканы и купцы. Собственное потребление ремесленников в общем объеме потребления продукции, производимой в городе или привозимой извне, было сравнительно невелико. При трех-пятикратном росте населения городов, происшедшем в IX—начале X в., число лиц, живших за счет земельной ренты, не могло увеличиться в той же пропорции: неизменное количество земель ставило ему предел. К тому же увеличение градообразующего населения (вне зависимости от того, из кого оно состоит) влечет за собой пропорционально бóльший рост населения, занятого в сфере услуг (включая сюда все ремесленное производство, обеспечивающее жителей города). Ремесленно-торговое население в силу своей многочисленности превращается в значительного, если не основного потребителя массовой продукции. Ремесленник больше, чем прежде, работал на своих собратьев других профессий. Изменение состава потребителей должно было влиять на демократизацию продукции. Ремесленники и мелкие торговцы становятся основным населением города, определяющим его облик.

Увеличение производства в условиях ручного труда сопровождается специализацией, которая очень характерна для средневекового ремесла. Возросшая масса товаров требовала новых форм торговых помещений и организации торговли. Для суждения о деталях этого процесса: о сте-

пени увеличения объема производства, номенклатуре изделий, специализации и численности ремесленников (в целом по тому или иному городу и по отдельным специальностям), об уровне их жизни, о заработках, о цеховой организации, о ценах на товары и уровне прибыли купцов, о соотношении внутренней и внешней торговли — у нас имеется лишь скудный и разрозненный материал. В нашем распоряжении две группы мало связанных друг с другом источников: с одной стороны, сочинения средневековых авторов, называющие десятки, если не сотни различных товаров (главным образом достопримечательных и дорогих, шедших на экспорт), о реальном облике которых мы ничего не знаем, поскольку остатки их не сохранились до наших дней; с другой — археология, дающая обширный материал, прежде всего керамику, о которой, как о слишком обыкновенной вещи, средневековые авторы ничего не пишут. Поэтому материал этих двух групп источников придется рассматривать отдельно.

Здесь невозможно дать краткий обзор всего материала, добытого археологами, подавляющее количество его не опубликовано и не исследовано. К тому же ремесленная продукция важна нам не сама по себе, а как материал для суждения о жизни города, об определявшей ее производственной деятельности. Только с этой точки зрения мы и будем ее рассматривать.

Текстильное производство [1]

Ткачество — наиболее массовый и широко распространенный вид производства. Вплоть до начала XX в. в нем было занято наибольшее количество ремесленников (Сухарева, 1958, с. 91, 123).

До появления машинного производства не существовало принципиальной разницы между профессиональным городским ткачеством и домашним, сельским. Уровень производительности труда в городе и деревне различался не на столько, чтобы городские ткани были дешевле домотканых. Скорее можно говорить о противоположном: в городе изготовлялись ткани более высокого качества и, значит, более дорогие. В принципе возможно такое положение, когда основным поставщиком простых тканей является деревня, как долгое время было в России. В Средней Азии IX—XII вв. соотношение было иным; о степени распространенности сельского ткачества у нас нет никаких данных, но массовость городского производства свидетельствует, что основным поставщиком тканей являлся все-таки город. Как и в предшествующий период, ткани изготовлялись из шерсти (из нее делали самую грубую и дешевую ткань), льна, хлопка (все более вытеснявшего лен) и шелка.

Текстильное производство имелось в любом городе и крупном селении, но развитое производство высококачественных тканей сосредоточивалось в нескольких центрах. Важнейшим из них был Мерв. Мервский оазис являлся крупнейшим производителем шелка и высококачественного хлопка (BGA, I, p. 263); последнему Мерв во многом был обязан мировой славой своих тканей. Шелководство стояло на таком уровне, что грену из Мерва вывозили даже в Табаристан, славившийся своим шелком; в XII в. в Мерве имелось специальное заведение по производству грены (там же). Шелкоткачеством занимались также в Нисе, Абиверде (BGA, III, p. 323) и, вероятно, в некоторых селениях Мервского оазиса, ткани из которых на рынок шли под названием «мервских». Объем производства в Нисе был таков, что монголы при завоевании могли по-

[1] Сведения письменных источников о ткачестве в домонгольской Средней Азии см.: Sergeant, 1942—1946, 3, с. 111—130.

требовать с ее жителей 10 тыс. локтей ткани (Sergeant, 1942—1946, 3, p. 117).

Мервские ткани пользовались славой на всей территории Халифата вплоть до Магриба.[2] По словам ас-Саʿалиби, «арабы имели обыкновение всякую толстую ткань, привозимую из Хорасана, называть „мервской“, а всякую тонкую ткань, вывозимую из него, „шахиджанской“, потому что Мерв считался у них матерью городов Хорасана, а его [Мерв] называли Мерв аш-шахиджан. Так и осталось до нашего времени название „шахиджанские“ за тонкими тканями.[3] К числу того, чем славится Мерв, относится мулхам» (Латаиф, с. 201).

Письменные источники не говорят о простых дешевых тканях, а обрывки их, встречаемые при раскопках, слишком невелики и малочисленны, чтобы можно было на основании их делать какие-то выводы (Федорович, 1969; Кононов, 1949). Больше можно сказать о знаменитом мервском мулхаме.

В мусульманском мире ткани были не только предметом утилитарного назначения, но и знаком отличия в связи с традицией награждения почетными одеждами (халʿат). В халифских ткацких мастерских изготовлялись специальные ткани, с вышитой декоративной надписью (тираз), содержавшей имя халифа, дату и указание места изготовления. Одна такая мастерская имелась в Мерве, о чем можно судить по нескольким фрагментам тканей, найденным в египетских погребениях. Наиболее ранний из них датирован 260/873-74 г. Надпись на нем гласит: «. . . да продлит Аллах пребывание его! Это то, что приказал сделать эмир Абу Ахмад ал-Муваффак би-л-лахи, управляющий делами мусульман, брат повелителя верующих (да поддержит его Аллах!), в собственном [т. е. принадлежащем халифу] тиразе в Мерве в году [двести] шестидесятом» (Kühnel, Bellinger, 1952, pl. VI). Эта ткань дает представление о мулхаме: основа — желтый шелк, уток из двух ниток некрашеного хлопка и шелка, скрученных вместе. Плотность ткани — 40 нитей основы и и 36 нитей утка на 1 см (там же, с. 10). Вышивка сделана темно-синим шелком. Ткань гладкая, без рисунка. Во всех случаях основа шелковая, уток может быть шелково-бумажным, бумажным или льняным. К числу последних относится ткань 278/891 г., которая любопытна тем, что на ней кроме имен халифа и наместника вышито «Сахл б. Шазан», — вероятно, имя надзирателя мастерской. Самый поздний мервский тираз относится к 293/906 г. (там же; Крачковская, 1949 с. 4—7; 1958).

Мервские тиразы проливают дополнительный свет на систему правовых и имущественных взаимоотношений халифа и его фактически независимых вассалов. В конце IX—начале X в. в Мерве, принадлежащем сначала Тахиридам, а затем Саманидам, продолжает работать мастерская, которая была собственностью халифа. Следует добавить к этому, что выпуск тиразов не был обычным ремесленным производством; по степени политической значимости он приравнивался к хутбе и чеканке монет. При ал-Мансуре тиразными мастерскими ведал начальник почт (Sergeant, 1942—1946, 3, p. 111). При разделе наследования между ал-Амином и ал-Мамуном последний был назначен наместником Хорасана, и ему было поручено ведать налогами, почтой и тиразами (Азраки, с. 162, 166). Когда же ал-Мамун узнал, что ал-Амин назначил наследником своего сына (а не ал-Мамуна), то прервал с ним почтовую связь и перестал упоминать его имя на монетах и тиразах (Табари, III, с. 777; Мак-

---

[2] О мервских тканях см.: Джахиз, Табассур, с. 343; BGA, V, p. 254; VII, p. 279; Танухи, с. 218.

[3] Ал-Мукаддаси сообщает, что в Нишапуре производили чалмы из тканей «шахиджани» (BGA, III, p. 323). О почетной одежде из «шахиджани» см. :Ибн Мискавайх, с. 44.

диси, с. 108). Тот же ал-Мамун, желая заручиться поддержкой шиитов, приблизил к себе Али ар-Рида, объявил его наследником и приказал упоминать его имя на динарах, дирхемах и тиразах (Бейхаки, пер., с. 142, 148). В 269/882-83 г. Ахмед б. Тулун перестал упоминать имя халифа в хутбе и писать на тиразах (Ибн ал-Асир, VII, с. 279). Следовательно, сохранение халифских тиразов в Мерве при первых Саманидах в какой-то мере характеризует отношения между этой династией и Аббасидами.

Тиразные ткани поступали непосредственно в халифскую сокровищницу и в продажу не шли. Они служили дополнительным источником для выплаты жалованья войску и придворному штату. Поэтому в халифской сокровищнице хранилось огромное количество разных тканей и тканых изделий, в том числе и мервского производства. Так, после смерти ал-Мустакфи (944—946 гг.) в сокровищнице было обнаружено среди прочих вещей 63 тыс. кусков мервских тканей и 13 тыс. мервских чалм. Весьма вероятно, что не все эти изделия являлись продукцией халифских мастерских. Средневековые авторы упоминают производство и вывоз из Мерва шелковых женских вуалей и чалм. В начале XIII в. чалмы, вышитые шелковыми нитками и золотом, и шелковые женские вуали изготовляли в Серахсе, а какие-то дорогие чалмы — в Шахристане (Йакут, III, с. 72, 343).

Второй крупный центр текстильного производства — Бухара и Бухарский оазис. Этот район специализировался на производстве бумажной ткани (карбас) — занданачи. Бухара, естественно, была главным производителем тканей; отсюда вывозили мягкие ткани, «табаристанские», «ушмунейнские», ткани для застилания полов в гостиницах и молитвенные коврики (BGA, III, p. 324). По сведениям Наршахи, из Бухары вывозили особые ткани, белые, красные и зеленые, которые употреблялись вплоть до Египта и Византии, но впоследствии были вытеснены занданачи (Ш, с. 18).

В Бухаре также имелась государственная ткацкая мастерская (бейт ат-тираз), находившаяся между цитаделью и шахристаном близ соборной мечети. В ней изготовляли «для халифа» узорчатые занавесы, ковры, покрывала, молитвенные коврики и т. д. Раз в год из Багдада приезжал специальный чиновник и забирал продукцию (Наршахи, Ш, с. 18). Текст Наршахи не всегда позволяет разделить «настоящее время» автора и его переводчика и редакторов. Судя по заголовку — «Упоминание бейт ат-тираз, который был в Бухаре и сейчас еще имеется», мастерская при Наршахи еще существовала, а сведения о ее закрытии относятся к XII в. Возможно, что она закрылась в связи с падением Саманидов. В рассказе Наршахи вызывает недоумение только один момент, будто продукция мастерской засчитывалась в харадж Бухары, что совершенно невозможно: если мастерская была собственностью халифа, то и ее продукция являлась его собственностью.

Саманиды также имели мастерские, в которых изготовляли тиразы. Ал-Утби сохранил рассказ саманидского посла ко двору Адуд ад-Даули, привезшего в виде подарка 1000 одежд (или кусков на одежду) с тиразами, в которых упоминалось имя Нуха б. Мансура, 500 одежд с именем Убейдуллаха б. Ахмеда и некоторое количество с именем хаджиба Абул-Аббаса Таша (I, 231).

До нас дошел один образец ткани с именем саманидского военачальника Абу Мансура Бух-тегина (SPA, III, p. 2002; VI, p. 981). Ее существенное отличие от мервских тиразов заключается не только в иной технике переплетения, но и в том, что надпись, как и рисунок, выткана, а не вышита. Некоторые исследователи считают «ткань Бух-тегина» образцом занданачи (Беленицкий, Бентович, 1961, с. 177); однако сле-

дует оговорить, что это не рулонное, а штучное изделие, типа покрывала или коврика.

Кроме Бухары большое количество ткачей работало в Зандане, родине занданачи, Вардане и Искеджкете; в последнем изготовляли хлопчатобумажный карбас (муслин?) (Наршахи, Ш, с. 11). Знаменитое занданачи изготовлялось во многих селениях оазиса и пользовалось большим спросом за пределами Средней Азии, где ценилось наравне с парчой. Первоначально эту ткань делали из шелка, а потом из хлопка. Высокую стоимость ее можно объяснить сложностью изготовления на многоремизном станке.

Третий крупный центр ткачества — Самарканд и города Самаркандского Согда. По разнообразию сортов тканей, упоминаемых ал-Мукаддаси, Самарканд стоит на первом месте: серебристые ткани (симгун), «самаркандская» парча, которую вывозили к тюркам, красная ткань «мумарджал», льняная «синизи», шелковые ткани (BGA, III, p. 325).

В Бухаре и Дабусии изготовляли хлопчатобумажные «ведарийские» ткани, которые иногда называли «хорасанской парчой» (BGA, III, p. 324). По восторженному описанию Ибн Хаукаля, носившего одежды из нее в течение пяти лет, это — мягкая, плотная[4] ткань желтоватого оттенка, не подвергавшаяся отбелке. Ее носили в Хорасане все — от эмиров и везиров до воинов и «простого народа». Последнее, конечно, относится не к бедноте, так как одежда из «ведари» стоила от 2 до 20 динаров (BGA, II², p. 403), а к богатым горожанам, не состоящим на государственной службе.

Рабинджан славился красными шерстяными плащами (BGA, III, p. 324), которые не преминул упомянуть ат-Табари (II, с. 1249), рассказывая о битве арабов с согдийцами под Рабинджаном в 712 г.

Хорезм, как кажется, уступал указанным центрам по объему производства и ассортименту продукции. В нем называется только один текстильный центр — Кят, из которого вывозили хлопчатобумажные и шерстяные ткани (BGA, I, p. 304). «Худуд ал-алам» (л. 25) несколько конкретизирует предметы вывоза: карбас и наволочки для подушек. Ал-Мукаддаси говорит о продукции Хорезма в целом, не выделяя отдельных городов: полосатые плащи, ковры, ткани для одеял, женские вуали из мулхама, парча для подношений и хлопчатобумажная ткань «арзандж» (BGA, III, p. 325).[5]

Возможно, что такое общее перечисление объясняется тем, что в торговле Хорезма преобладали связи с кочевой степью и Поволжьем; в меньшей степени он был связан с остальной Средней Азией и Ближним Востоком, где поэтому хуже знали его продукцию.

То же следует сказать о городах северо-востока Средней Азии. В Бенакете производили «туркестанские» ткани, в Шаше — палатки, изары,[6] молитвенные коврики и хлопчатобумажные ткани, которые шли к тюркам. Простые белые ткани изготовлялись в Исфиджабе и Фергане (BGA, III, p. 325).[7]

Шерстяные ткани, паласы и ковры были специальностью мастеров Термеза и Чаганиана (Худуд, л. 23а). По словам ал-Мукаддаси, в городке

---

[4] Ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 324) говорит о ней على لون المصمت, что В. В. Бартольд переводил «сделанные как бы из одного куска» (I, с. 294); однако مصمت значит «плотный» (Biberstein-Kazimirsky, 1860, I, s. v.); именно так характеризует «ведари» Ибн Хаукаль — «крепкая, плотная». Одежду из желтой «дабусийской» ткани упоминает ат-Табари (II, с. 1307).

[5] Хорезмийский «арзандж» упоминает также ас-Са'алиби (Латаиф, с. 226).

[6] Нижняя одежда, род набедренной повязки.

[7] Ал-Истахри отмечает, что в Фергане для отбелки тканей употребляли золу каменного угля (BGA, I, p. 334).

Дарзенги большинство жителей — суконщики (савваф), изготовлявшие верхнюю одежду (или теплые накидки) (BGA, III, p. 283). Кобадиан был важнейшим поставщиком марены для окраски тканей (BGA, I, p. 298). Ее вывозили отсюда даже в Индию.

Гончарное производство

Только глиняная посуда может сравниться с тканями по степени распространенности в быту. Но в отличие от них керамика более долговечна (ее обломки практически вечны) и поэтому сохранилась в огромном количестве образцов, не сравнимом ни с одним видом ремесленной продукции. Ее массовость позволяет применять методы объективного статистического исследования и использовать ее в качестве самого доступного датирующего материала, который именно в силу массовости иногда может быть надежнее монет.

В то же время многие виды керамических изделий являются прекрасными образцами изобразительного искусства, предоставляя широкое поле исследования для историков искусства. Эта универсальность, сочетание массовости и ярких индивидуальных признаков, помогает изучать распространение и изменение художественных стилей, направление культурных и экономических связей.

Само производство керамики сравнительно хорошо изучено. Известны десятки гончарных печей разного времени. Химический и технологический анализы помогают реконструировать технологию изготовления различных видов керамики. Основным условием успешного исследования во всех этих направлениях является точная датировка материала, но в этом отношении еще многое предстоит сделать. До сих пор по существу нет ни одной строго датированной классификации керамики для определенного города, которая могла бы служить эталоном.[8] Рамки датировок очень широки и редко опираются на основания, безусловно исключающие возможность появления того или иного типа в более раннее время.[9]

Трудности начинаются с датировки появления в Средней Азии поливной керамики. Часть исследователей склонна искать истоки ее производства в кушанском времени, но доводы их основываются в лучшем случае на нескольких плохо датированных фрагментах поливной керамики из Термеза (Сайко, 1963, с. 10), а в худшем — на предположении, что если она где-то производилась, то должна быть и в Средней Азии.[10] Ш. С. Ташходжаев справедливо замечает, что нигде в Средней Азии следов ее производства ранее VIII в. не обнаружено. Большинство археологов спорит только о том, в какой половине VIII в. началось производство поливной керамики. И. Ахраров, не отрицая ее отсутствия в V—VII вв., пытается все же оттянуть ее вторичное (как он полагает) появление к доарабскому времени. Он безоговорочно утверждает, что «вполне установлено появление поливы в Средней Азии до арабского завоевания» (Ахраров, 1965, с. 150) и в доказательство приводит находки

---

[8] Только на Афрасиабе ведутся работы, охватывающие на большой площади все слои от IX до начала XIII в., которые позволяют создать такую хронологическую классификацию. К сожалению, единственная большая работа о керамике Афрасиаба (Ташходжаев, 1967) не содержит никаких доказательств принятых в ней дат.

[9] На наш взгляд, выяснение безусловной нижней границы является наиболее надежным методом датировки, так как существование приема, сюжета, технологии может быть длительным.

[10] «Правда, в Средней Азии еще не обнаружены мастерские, изготовлявшие глазурованные керамические изделия в античный период, но не может быть сомнения в их существовании, так как Средняя Азия, как и другие страны, должна была иметь собственное производство глазурованных керамических изделий» (Ахраров, 1965, с.148).

глазурованных изделий в Тали-Барзу (с монетами Тархуна и бухархудатов), в Самарканде VIII в. и Пенджикенте. Но ни один из этих случаев не бесспорен. Два фрагмента, опубликованные И. Б. Бентович как доарабские, не связаны со слоем первой половины VIII в. Это доказывается не только полным отсутствием еще хотя бы одного фрагмента с поливой в слое первой половины VIII в., вскрытом на огромной площади, но и отсутствием аналогий среди известных образцов ранней поливной керамики. Лишь в слое третьей четверти VIII в. был один случай находки поливной керамики с плохой мутно-зеленой поливой, легко отстающей от черепка (неопубликована). Остальная поливная керамика Пенджикента относится к XI в. (случаи временного обживания развалин), этим же временем скорее всего датируются и упомянутые фрагменты.

По мнению А. И. Тереножкина, «первые робкие опыты применения глазури» в Самарканде относятся к середине VIII в. (1947, с. 132). Этим же или несколько более поздним временем датируется слой Тали-Барзу VI, в котором найдена поливная керамика. За пределами района Самарканда нигде в Средней Азии не обнаружено следов несомненного производства или потребления поливной керамики в течение VIII в. Нет ее даже в таком крупном ремесленном центре, как Мерв. Видимо, начало ее производства в Хорасане и Согде следует относить к последней четверти VIII в.[11] В Хорезме и Фергане она появляется только в IX в. (Вактурская, 1959, с. 268; Ахраров, 1965, с. 151—152), а в северо-восточных районах — в конце того же века (Бернштам, 1950, с. 129; Кожемяко, 1959, с. 62).

Тенденция некоторых авторов к удревнению начала производства поливной керамики в Средней Азии вызвана желанием исключить возможность его появления вследствие арабского завоевания и доказать самостоятельное зарождение этой новой техники. Конвергентное возникновение каких-то технических процессов, художественных приемов или форм вполне допустимо, но наиболее обычным и вероятным является заимствование готового. Чем интенсивнее процесс восприятия нового, тем интенсивнее прогресс производства и общества. В условиях достаточно тесных экономических связей двух близко расположенных областей вероятность конвергентного происхождения сходных явлений совершенно ничтожна. Отнесение начала производства поливной керамики в Средней Азии к первой половине VIII в. не избавит нас от необходимости серьезно отнестись к возможности его появления под влиянием Ирака и Сузианы, где производство поливной керамики с простой глазурью не прекращалось с парфянского времени, а в середине VIII в. началось массовое производство (Schmidt, 1939, p. 101).

Исторически наиболее благоприятным временем для заимствования производства поливной керамики из Ирака была именно вторая (а не первая) половина VIII в., когда в Багдаде поселилось множество среднеазиатских феодалов со своими отрядами. В то же время в Средней Азии было немало чиновников и военачальников из Ирака и других западных областей. Это влекло за собой, во-первых, усиление ввоза (для торговли или личного потребления) новомодных товаров, а во-вторых, попытки местных ремесленников производить подобные товары на месте.

О том, что здесь мы имеем дело с заимствованием, свидетельствует факт необычайно быстрого развития производства высококачественной поливной керамики. Сейчас еще не удается проследить процесс первоначального освоения поливы. Среди по крайней мере трех типов глазурованных изделий ни один с уверенностью нельзя назвать первым. Зеленая медно-свинцовая или поташная полива наиболее проста; она была

[11] Такой датировки, например, придерживается Ш. С. Ташходжаев (1967, с. 9).

распространена на Ближнем Востоке и легко могла быть освоена в Средней Азии, где имелось достаточно развитое стеклоделие. Недостаток ее — однотонность и малые художественные возможности. Керамика с такой глазурью просуществовала с VIII по XX в. с ничтожными изменениями и вариациями (менялась только форма).

Бо́льшие возможности декоровки давала мутноватая, но прозрачная поташная полива (Сайко, 1963, с. 15). В Южной Туркмении[12] и Самарканде найдено небольшое количество такой керамики с желтоватым черепком, рыхлым грязно-белым ангобом и пестрым орнаментом, нанесенным по нему коричневой, фиолетовой и желтой красками. Глазурь — с сильным цеком, легко отслаивающаяся от рыхлого ангоба. Иногда фрагменты такой керамики остаются совершенно без глазури и производят впечатление неполивных. Этот тип керамики абсолютно не изучен, неизвестно его территориальное и хронологическое распространение; думается, что производство такой керамики было кратковременным.

Третий тип ранней поливной керамики — керамика с глухой оловянно-щелочной поливой и надглазурной росписью зеленой и коричневой красками — определен И. А. Сухаревым как наиболее ранний (Сухарев, 1940; Сайко, 1963, с. 15). Этот вид глазури оказался более удачным, он плотно скреплялся с черепком и имел приятную гладкую поверхность без цека, поэтому посуда с такой глазурью производилась довольно долго, по крайней мере до X в.

Настоящую революцию в производстве художественной поливной керамики произвело освоение прозрачной свинцовой глазури, открывшей широчайшие возможности подглазурной росписи с четким, графически ясным рисунком. Применение белого ангоба превращало поверхность глиняной посуды в идеальный фон для художника. Толчком к появлению белоангобной керамики, на наш взгляд, явилось стремление гончаров создать имитацию дорогого привозного фарфора. Во всяком случае одна разновидность белоангобной посуды — с пятнистой желто-зеленой глазурью и гравированным подглазурным орнаментом — появилась как имитация конкретной разновидности китайской керамики (Sarre, 1925, S. 62). Но был ли именно этот вид белоангобной керамики предшественником всех остальных, мы сказать не можем. Вместе с манерой декоровки была заимствована новая форма столовой посуды — тарелка с широким, почти горизонтальным отворотом и плавным перегибом обратной стороны, встречавшаяся сначала только вместе с пятнистой глазуровкой поверхности.

В лучших образцах белоангобной керамики гончарам Средней Азии удалось добиться значительного внешнего сходства с фарфором. Белоснежная блестящая поверхность сосуда сама по себе была его украшением, и художники умели ценить ее достоинства; орнамент ранней белоангобной керамики сдержан и прост. Темно-коричневый (почти черный) или ярко-красный орнамент, контрастируя, еще более подчеркивает основную красоту сосуда — его белизну. Со временем новизна впечатления исчезает, и белая поверхность превращается в фон все более пестрого орнамента, которым мастера стремились заполнить все пространство.

Здесь нет возможности описывать все виды поливной керамики и пытаться ее классифицировать. Мы остановимся лишь на самых общих тенденциях ее развития и самых ярких примерах, отражавших изменения в культурной и социальной жизни Средней Азии.

При общем взгляде на поливную керамику Средней Азии бросается в глаза значительное сходство ее комплексов, происходящих из различных районов. Всюду мы встречаем не только одни и те же орнаментальные

[12] А. А. Марущенко относит ее к X—XI вв. (1956, с. 185).

мотивы, но и сходные их сочетания, почти одну и ту же цветовую гамму, одни и те же основные типы. Локальные различия состоят либо в применении иных местных красителей, либо в ином соотношении разных групп керамики. Характеризовать их сложно из-за отсутствия статистического анализа этих различий, без чего все оценки носят субъективный характер.

Керамика одного стиля со среднеазиатской в IX—XI вв. была распространена далеко за пределами Средней Азии: в Хорасане (Нишапур) и на всей территории Афганистана (Gardin, 1957, 1963; Stein, 1928, pl. CXVII). Таким образом, область ее распространения совпадает с территорией саманидского государства. В XII в. единство стиля поливной керамики сохраняется только внутри Мавераннахра (включая Хорезм). Керамика Мерва сохраняет сходство с самаркандской только в тех разновидностях, которые развивают более ранние типы, общие для обоих центров. Новые приемы орнаментации, появившиеся в Мавераннахре в конце XI или в XII в. (Ташходжаев, 1967, с. 125—142), не встречаются в Мерве (ср.: Лунина, 1962, рис. 19, 20, 32 — сходные орнаменты; рис. 16, 17, 21 — несходные).

Сходство поливной керамики на обширной территории свидетельствует о тесных экономических и культурных связях и единстве вкусов потребителей (в первую очередь горожан, основных потребителей поливной керамики). Одновременно возникает вопрос: какие центры задавали тон в производстве художественной керамики, формировали моду, создавали новые формы и приемы.

Одним из них несомненно был Самарканд. Ни одно городище Средней Азии не дало столько первосортной поливной керамики, как Афрасиаб, причем в ней представлены все разновидности, бытовавшие в Средней Азии. Другой крупнейший город — Мерв — до сих пор не дал аналогичной коллекции. Особенно плохо представлена в Мерве керамика IX—X вв., на долю которой в Самарканде приходится значительная часть шедевров. Такое положение можно было бы объяснить тем, что Мерв находился на периферии зоны воздействия Самарканда, если бы керамика IX—X вв., аналогичная самаркандской, не была найдена в большом количестве западнее Мерва, в Нишапуре.

Сходство нишапурской керамики с афрасиабской было настолько поразительным, что ее вначале принимали за импортную из Самарканда, и только после открытия керамических печей стало ясно, что ее производили на месте. Маловероятно, чтобы в Мерве, находившемся между двумя центрами производства керамики одного стиля, отсутствовало бы ее производство. Дело, очевидно, лишь в том, что слои IX—X вв. в Мерве плохо изучены.

Сложнее вопрос о том, какому из двух центров, Самарканду или Нишапуру, принадлежит приоритет в производстве белоангобной керамики. В X в. производство ее в этих городах развивается независимо по пути, намеченному в предыдущем столетии. Слои IX в. и там и здесь изучены недостаточно. Если судить по датировкам, предложенным исследователями Нишапура, то некоторые виды керамики, появляющиеся в Самарканде в IX в., да и то не в самом его начале, в Нишапуре относятся к концу VIII—началу IX в. Но, по нашему мнению, некоторые датировки Нишапура удревнены.

Оставляя в стороне вопрос о степени взаимного влияния трех упомянутых городов, можно без всякого сомнения утверждать, что для Мавераннахра законодателем в производстве поливной керамики был Самарканд. Внешнее стилистическое исследование керамики, находимой за пределами района Самарканда, позволяет выявить самаркандскую продукцию. Помочь в этом может только химический анализ черепка,

глазури и краски. Исследования подобного рода в последние годы проводятся все чаще, но до сих пор ограничиваются констатацией факта изготовления анализированной керамики из местного сырья (Бурнашева, 1963; Сайко, 1963, 1966; Гражданкина, 1964). Со временем, когда для большинства городов Средней Азии будет установлен характерный химический состав черепка и глазури, можно будет при сплошном аналитическом исследовании керамики, наиболее напоминающей по внешнему виду самаркандскую (или других центров, подлежащих исследованию), выявить привозные изделия, установить их ареал и зону вторичного, опосредствованного влияния.

Керамика в силу своей тяжести и хрупкости не слишком удобный для транспортировки товар; сложность ее перевозки на дальние расстояния может быть оправдана только при условии высоких цен. Поэтому, чем дороже и лучше керамика, тем обширнее зона ее распространения, тем больше сходства в керамике одного типа, производившейся в разных областях. Цены на лучшие сорта керамики могли быть очень высокими. По свидетельству ал-Бируни, цена сосуда из китайского фарфора доходила в Иране до 10 динаров (Минералогия, с. 212), т. е. равнялась стоимости примерно 500 г серебра.

Влияние основных центров производства определялось не большим объемом вывоза, а высоким качеством изделий, которые становились образцом для гончаров других городов. В этом отношении показательно производство в Средней Азии люстровидной керамики. Настоящая люстровая керамика здесь не изготовлялась по крайней мере до XI в.; находки люстровой керамики IX—X вв. нам неизвестны (быть может, отдельные фрагменты имеются в каких-то коллекциях керамики, но по отношению к десяткам тысяч фрагментов местной поливной керамики они составляют сотые доли процента). Зато на всем пространстве Средней Азии встречаются подражания ей, выполненные в обычной здесь технике подглазурной росписи.[13] Местные мастера воспроизводили орнамент и колорит люстровой посуды, производившейся от Ирака до Египта. Пока трудно установить хронологическое соотношение прототипов и подражаний, степень точности воспроизведения прототипов, потому что и сама люстровая керамика, и ее среднеазиатские подражания все еще плохо датированы.

Люстровидная керамика является одной из наиболее многочисленных групп высококачественной поливной керамики Мавераннахра (распространенность ее в Северном Хорасане неизвестна). Сюжеты и композиции, заимствованные у привозной посуды, затем начинают жить собственной жизнью, перерабатываясь в соответствии с местными вкусами и традициями, и далеко уходят от прототипов; время от времени в них вливаются новые заимствования. Появившись как подражание, люстровидная керамика превратилась в самостоятельную группу. Особенно далеко ушла она от прототипа в XII в.; в это время большая часть ее только по колориту и некоторым приемам орнаментации, а главным образом генетически, может быть названа люстровидной. Однако и тогда в ней отражаются общие изменения принципа орнаментации люстра с X в. по XII в., заметные, в частности, в переходе к росписи резервом.

В распространении люстровидной керамики в Мавераннахре ведущую роль играл Самарканд. Керамика с желтоватой глазурью и лимонно-желтой росписью, встречающаяся на северо-востоке Средней Азии начиная от Мунчак-Тепе (около Беговата) и считающаяся характерной

[13] Люстровидная керамика широко представлена в иллюстрациях к книгам Ш. С. Ташходжаева (1967, рис. 28, *4е*, *5е*, табл. 4, цветн.) и В. Л. Вяткина (1927, рис. 51, 52, 55).

продукцией Ташкентского оазиса (М. Массон, 1953а, с. 49; Буряков, 1961, с. 272), во многих случаях находит аналогии в люстровидной керамике Самарканда гораздо более высокого качества.

Поливная керамика Средней Азии дает богатый материал для суждения о некоторых существенных явлениях культуры, которые в других памятниках не представлены столь наглядно. Так, она прекрасно иллюстрирует историю бытования арабского языка в городской среде. В IX—X вв. наиболее характерным сюжетом росписи высококачественной керамики были арабские надписи. Они представляют различные по времени и стилю почерки: от строгого простого куфи IX в., заимствованного из коранов или иных дорогих рукописей, до сложных декоративных форм цветущего куфи (Крачковская, 1949; Большаков, 1958—1969, 1), как разработанных в практике росписи керамики, так и перенесенных с других материалов (например, тиразов).

В росписи керамики художники с большим искусством использовали декоративные возможности арабского шрифта, создав подлинные шедевры каллиграфии. Особенно поразительны некоторые надписи цветущим куфи, превращенные, на первый взгляд, в полосу растительного орнамента, но не утратившие читаемости (Большаков, 1958—1969, 2, табл. IV, *з*); когда такие надписи копировал художник, неспособный разобраться в сложном почерке, то они легко превращались в орнамент.

По содержанию надписи можно разделить на три группы. Первая состоит из различных благопожеланий типа «барака» или «тукфа».[14] Указанные благопожелания являются сокращением более полной исходной формы, которая не встречается на керамике Средней Азии, но известна на керамике Ближнего Востока,[15] из чего можно сделать вывод, что они были заимствованы уже в сокращенной форме. «Барака» часто входит составным элементом в длинные благопожелательные надписи с перечислением различных благ, желаемых владельцу. Изредка встречаются пожелания, непосредственно связанные с назначением сосуда: «Пей [или «ешь»] из него на здоровье» (Большаков, 1958—1969, 2, рис. 16).

Надписи второй группы имеют афористический характер. Насчитывается более двух десятков различных текстов. Наиболее распространены афоризмы с восхвалением щедрости (представлены наибольшим числом экземпляров) и знания. В одном случае зафиксирована хорошо известная, бытующая до сих пор арабская пословица «Терпение — ключ радости» (Большаков, 1958—1969, 2, с. 36—55; 3, с. 56—59, 62). Происхождение большинства остальных не выяснено,[16] хотя среди них встречаются близкие аналогии пословицам, зафиксированным в сборнике ал-Майдани. Данная группа афоризмов имеет светский характер, и поэтому Ш. С. Ташходжаев полагает, что «надписи на керамике — это заключение определенного рассказа с определенным сюжетом» (1967, с. 22). Однако часть надписей содержит мысли, характерные для мусульманской этики. Наряду с призывом уповать на Аллаха попадаются афоризмы о необходимости довольствоваться малым, отказываться от своих желаний (Большаков, 1958—1969, 3, с. 54—56; 4, XI). Наконец, мы

---

[14] «Барака» — благословение; «тукфа» — сокращение сентенции «Уповай на Аллаха и будешь вознагражден».

[15] Например, на лампе из Джараша (неполивной) середины VIII в.: «Благословение Аллаха тому, кто купит ее» (Clermont-Ganneau, 1903, p. 283, pl. VII).

[16] Ш. С. Ташходжаев предполагает, что эти афоризмы восходят к персидским и таджикским пословицам, переведенным на арабский язык (1967, с. 22). Такую возможность следует иметь в виду, но подобные переводные сентенции в то время могли восприниматься как прописные истины мусульманской морали и даже оформляться в виде хадисов. Нужно заметить, что большинство надписей, прочитанных Ш. С. Ташходжаевым, им не понято и переведено фантастически.

встречаемся с несомненно религиозной надписью — хадисом:[17] «Стыдливость — ветвь веры» (Большаков, 1958—1969, 4, X).[18] Слово «вера» (ал-иман) встречается на ряде непрочтенных надписей, в которых распознаются отдельные слова: ал-джанна — «рай», ан-нар — «пламя»; они несомненно также носят религиозный характер.

Это заставляет нас предполагать, что некоторые сентенции, которые, как казалось, носят светский характер, тоже могут быть хадисами, хотя и не вошедшими в канонические сборники. Такова в первую очередь сентенция «Щедрость — свойство праведников [обитателей рая]» (Большаков, 1958—1969, 2, с. 37—46). Весьма вероятно, что афоризмы о достоинстве знания подразумевают не науку вообще и не положительные знания, как кажется некоторым (Ташходжаев, 1967, с. 71—72), а науку о религии, богословие, которое в средние века было Наукой с большой буквы — ал-Илм.

Набор надписей на керамике Мавераннахра и Нишапура несколько различается, но значительная часть их полностью совпадает.

Характерно, что все надписи с хадисом, до сих пор обнаруженные нами, относятся к X—XI вв., так же как и другие надписи со словом «вера». Мы склонны видеть в этом отражение усиления влияния ортодоксальной мусульманской идеологии, которым ознаменовалось начало XI в.

В XI в. постепенно исчезают пространные осмысленные надписи на арабском языке. Они еще существуют, но в виде копий с более ранних образцов, как правило очень искаженных. К концу века сохраняются только краткие благопожелания — «барака» и вошедшее в моду в этом веке «ал-йумн» (благополучие). Это объясняется вытеснением арабского языка из ряда сфер, где он прежде господствовал (делопроизводство, официальная переписка), и изменением слоя потребителей поливной керамики. В XI в. производство ее заметно увеличивается; она удешевляется за счет ухудшения поливы, тщательности изготовления и т. д., превращаясь из предмета потребления богатых горожан в общедоступный товар. Новый потребитель, так же как и менее квалифицированные мастера, изготовлявшие эту керамику, не знали арабского языка. Мода на надписи сохранялась, но копировали их без понимания смысла написанного.

Декоровка поливной керамики позволяет поставить еще один вопрос — о влиянии ислама на изобразительное искусство. С одной стороны, существует твердое убеждение, что ислам запрещал изображение живых существ и поэтому любое схематическое орнаментализированное изображение животного или птицы на керамике следует считать проявлением антимусульманских, антихалифатских тенденций. С другой — считается, что наиболее строго изображение живых существ изгонялось не в X и последующих веках, когда окончательно сформировалась мусульманская идеология и началось решительное наступление на инакомыслие, а в первые века ислама. С распадением же Халифата, который навязывал ислам покоренным народам, «мощные антихалифатские и еретические выступления расшатали положение ислама, и живые существа вновь изображаются в искусстве» (Ташходжаев, 1967, с. 75).

С подобными представлениями, порожденными плохим знанием истории общественной мысли в мусульманском средневековье, можно было

---

[17] Хадис — высказывание Мухаммеда или рассказ о его деяниях; на хадисах в значительной степени основывается мусульманское право (и этика).

[18] У Ш. С. Ташходжаева опубликована (1967, с. 43, третья сверху) транскрипция этого хадиса с белоангобного кувшина из Самаркандского музея [А 49 851; в публикации номер не указан — рис. 1а (прилож.), в тексте ссылка на фотографию отсутствует], транскрипция совершенно фантастическая, правильно прочитаны только два слова.

бы не спорить, если бы они не отражали общей тенденции представлять религию в средние века чем-то насильно навязанным, а не естественной формой средневекового мировоззрения. Нелишне напомнить: «Средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, с. 314). Это в равной мере относится и к мусульманскому Востоку. Религия служила и орудием защиты существующего строя, и идеологией борьбы с ним. В средние века борьба велась не против религии вообще, а против конкретных ее форм, против одной формы ради другой. Атеизм был доступен лишь выдающимся умам средневековья, гениям-одиночкам, а для рядового ремесленника и крестьянина религия была единственно возможной формой мировоззрения.

В X—XI вв. ислам в Средней Азии стал господствующей формой идеологии, которую не могло пошатнуть ни распадение Халифата, ни физическое истребление халифов в середине XIII в. Чтобы говорить о том, что в том или ином явлении искусства и повседневной жизни противоречило господствующему пониманию норм ислама, нужно знать эти нормы для каждого конкретного времени и места.

Запрещение изображать живые существа, родившееся в борьбе с проявлениями идолопоклонства, не относится к числу важнейших положений ислама и было сформулировано только в конце VIII в. Канонические сборники хадисов, появившиеся в IX в., содержат высказывания, запрещающие изображения, но многие богословы вплоть до X в. считали их направленными не против изображений вообще, а только против тех, которые предназначены для поклонения (Bishr Farès, 1952, p. 32—33, арабск. текст). Лишь в XI в. в обстановке борьбы с различными проявлениями свободомыслия — от исмаилизма до мутазилизма — утвердилось буквальное понимание этих хадисов.

Многое зависело от конкретной обстановки. Так, в начале X в. в зейдитском (шиитском) государстве (Дейлем и Табаристан) определенно запрещалась продажа на базарах изделий с изображениями живых существ (Sergeant, 1953, p. 12), но сохранилась ли там такая практика при Саманидах, мы не знаем. Нет никаких сведений о запрещениях изображений в саманидском и газневидском государствах. Росписи в Лашкари-Базаре свидетельствуют, что строгий ревнитель ислама Махмуд Газневи и его преемники не имели возражений против светской живописи. Она, видимо, не была достоянием только султанских дворцов.

В конце XI в. ведущие деятели ортодоксального ислама уже определенно выступали против изображения живых существ в общественных местах. Ал-Газали (начало XII в.) писал: «К числу осуждаемого относятся изображения, которые бывают на дверях бани или внутри бани; каждому, кто входит в нее, надлежит их уничтожать, если может, а если они на высоком месте, до которого не достает рука, то позволительно входить только в случае крайней необходимости, лучше же пойти в другую баню. Ведь смотреть на предосудительное не дозволено. И достаточно изуродовать лица на изображениях, чтобы они стали недействительными» (с. 296). Однако и он допускал пользование некоторыми изделиями с изображениями. В разделе «О недозволенном при приеме гостей» ал-Газали писал: «К числу этого относится вешание занавесей, на которых имеется изображение . . . что же касается изображений на подушках и коврах, которые кладут для сидения, то это не предосудительно; то же касается изображений на тарелках и чашах, исключая сосуды, изготовленные в виде фигуры; так, верх некоторых курильниц бывает в виде птицы, это запрещено [харам], следует сломать ту часть, где изображение» (там же).

Таким образом, даже в глазах строгого ортодокса, каким был ал-Газали в последний период жизни, употребление керамики с изображениями было допустимо при приеме гостей, когда требовалось наиболее строгое соблюдение всех правил приличия; употребление же такой керамики в быту регламентировалось еще менее строго.

Нам кажется, что появление изображений живых существ на поливной керамике Средней Азии в X—XI вв. объясняется не возрождением домусульманских традиций, а сторонним влиянием. Показательно, что большая часть таких изображений связана с люстровой керамикой, повторявшей сюжеты росписи люстра; на другой керамике зооморфные изображения чрезвычайно редки и более схематичны, низведены до роли элементов орнамента. Роспись, иллюстрирующая литературные сюжеты, столь обычная в Иране, в Средней Азии пока не обнаружена. Причины этого явления нам неясны. Во всяком случае следует отметить, что в Средней Азии запрет изображать живые существа, видимо, понимался более буквально, чем в других странах.

В конце XI—XII в. в росписи поливной керамики постепенно утверждается более пестрый, ковровый стиль орнаментации (Ташходжаев, 1967, с. 140, рис. 35—39), который можно связать с тюркизацией Мавераннахра.

Неполивная керамика в IX в. не претерпела существенных изменений. Можно даже говорить о некотором огрублении форм, которое следует отнести за счет появления поливной посуды, отодвинувшей неполивную во второй разряд. Керамисты старались украсить неблагородный материал иным способом: все шире распространялись барботинная техника и нанесение орнамента штампом, убыстрявшим процесс украшения сосуда.

В конце XI в. в производстве неполивной керамики происходит качественный скачок, обусловленный совершенствованием гончарной техники и потребностями увеличения производительности труда. Взамен красноглиняной керамики с многократно наносимым штампованным орнаментом появляется цельноштампованная сероглиняная. В специальных штампах изготовлялись большие части сосудов. Для кувшина со сферическим туловом формовали верхнюю и нижнюю части, для плоских фляжек — отдельно каждую сторону; после подсушки их склеивали жидкой глиной, добавляя ручки и горло. Эта техника позволяла быстро изготовлять большое количество сосудов с технически совершенным рельефным орнаментом. Для получения серого черепка подбирался специальный состав глины с большим содержанием известковых примесей и обжиг производился в восстановительной среде. Процесс обжига был более трудоемким и требовал большого опыта (Гражданкина, 1964, с. 194—197).

Штампованная сероглиняная керамика подражала формам и орнаменту металлической посуды. По содержанию надписи с благопожеланиями полностью соответствовали надписям на бронзовой посуде и не имели ничего общего с благопожелательными надписями поливной керамики, даже их фон был таким же, как на бронзовых изделиях. Горизонтальные орнаментальные пояса повторяли излюбленный сюжет бронзы — бегущих зверей; пояса надписей и орнамента разбивались орнаментальными медальонами. Нередки изображения людей (также в манере, присущей бронзе). Встречаются даже сюжетные иллюстративные сцены (Лунина, 1960, 1962, с. 286—354).

В XII в. новшества появляются и в производстве поливной керамики. Начинается освоение щелочных натриевых глазурей, окрашенных в голубой цвет (Сайко, 1966, с. 164—165), и изготовление посуды из силикатной массы (кашин) (Лунина, 1962, с. 355). К этому времени относятся попытки освоить производство люстровой керамики в Мерве и Самарканде (Пуга-

ченкова, 1960; Немцева, 1969, с. 198—200), которое так и не получило развития.

Прогресс гончарного дела выражался не только в освоении принципиально новой продукции, но и в значительном увеличении объема производства простейших изделий из обожженной глины; началось массовое изготовление керамических труб для водопровода и канализации, огромного количества (десятки тысяч) дигирей, сосудов для оросительных колес (главным образом в Хорезме) (Вактурская, 1959, с. 260). Родственным производством, выделившимся из гончарства, было изготовление обожженного кир-

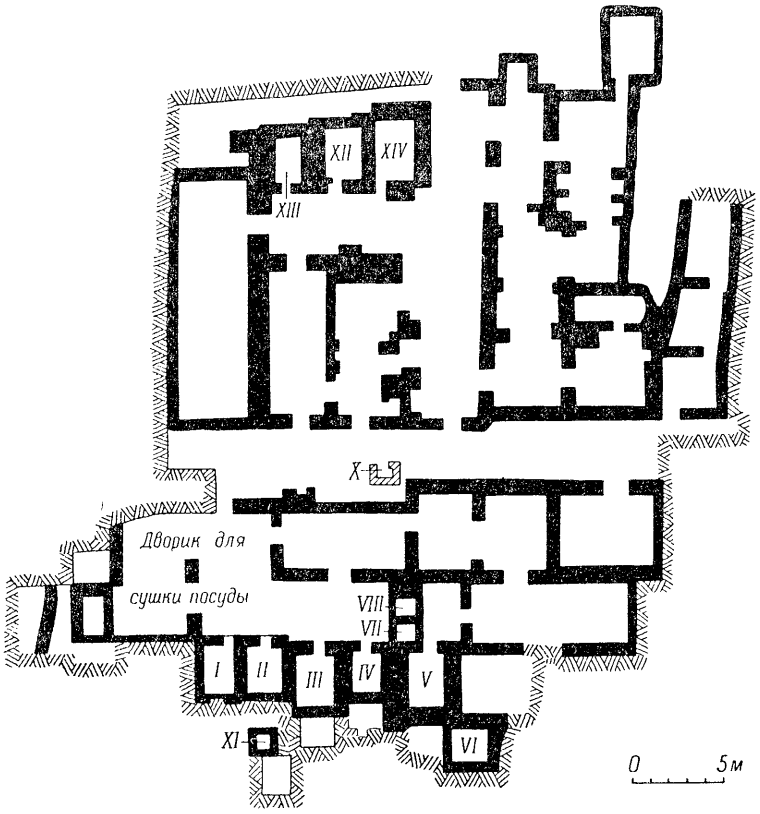

Рис. 96. План квартала гончаров в Мерве XII в.
I—XIV — печи.

пича, здания из которого широко распространяются с IX в., и материала для облицовки богатых зданий: поливных кирпичиков и резных терракотовых плит.

Такое увеличение объема продукции должно было вызвать увеличение количества печей и мастеров и совершенствование технологии. Для большей части Средней Азии характерны круглые печи с разделенной топкой и обжигательной камерой. Но в Мерве в XII в. получили распространение прямоугольные печи, появление которых, по-видимому, связано с потребностями увеличения производства. Однако в специальной литературе нет определенного мнения на этот счет (Лунина, 1958, с. 363—364; Сайко, 1966, с. 171—183).

В Средней Азии раскопано много керамических печей разной сохранности, но наибольший интерес представляет исследование квартала гончаров в западном пригороде Мерва. Здесь вскрыты целиком две мастерские по обе стороны узкой улочки (рис. 96). Площадь одной из них, на южной

стороне улицы, около 450 м². В первый период деятельности мастерской в ней функционировало семь прямоугольных печей; после временного запустения — четыре печи одновременно. Мастерская выпускала все виды керамической продукции — от детских игрушек и простой неполивной посуды до кашинных чаш в технике grain de riz и поливных кирпичей (Лунина, 1962). Штампованная керамика имеет оттиски с именем мастера или владельца мастерской Мухаммеда Али,[19] что позволило выявить продукцию этой мастерской среди керамики, найденной в Нисе (там же, с. 408). На северной стороне улицы находилась вторая мастерская, несколько больших размеров, но только с четырьмя печами.

Раскопанные в Мерве мастерские XII—начала XIII в. свидетельствуют о новом этапе в развитии гончарства — появлении небольших мануфактур, где было занято (с подсобными рабочими) не менее 10 человек.

С. Б. Лунина, основываясь на материале этих мастерских, полагает, что в «Мерве X—начала XIII в. не существовало четкой специализации ремесленников-гончаров, здесь можно говорить лишь о предпочтительном внимании мастера к той или иной форме гончарства» (1962, с. 408). Нам представляется, что при обширном и разнообразном производстве не могло не быть какой-то специализации. Для того чтобы с уверенностью говорить об ее отсутствии, нужно установить, что подавляющее большинство мастерских с одним мастером производило керамику всех видов. Мастерские, раскопанные в Мерве, явно рассчитаны на работу нескольких мастеров, каждый из которых мог заниматься каким-то видом продукции. Во всяком случае мы знаем, что в Мерве было специализированное производство тануров (Сам'ани, л. 130б), хотя оно не имело принципиальных отличий от других гончарных работ.

Часть квартала гончаров X—XI вв. раскопана также на Афрасиабе, между второй и третьей стенами (Брусенко, 1969), но краткое описание раскопок (иллюстрированное мелким и неразборчивым планом) не добавляет ничего к сказанному выше. Мастерские здесь мельче мервских, печи круглые, как и многие другие гончарные печи Афрасиаба (Жуков, 1961; Альбаум, 1969; Ахраров, 1969, с. 301). Этот квартал был лишь одним из многих пунктов, где производилась керамика.

Письменные источники чрезвычайно редко упоминают гончаров. Показательно, что в «Романе об Абу Муслиме», где названы ремесленники 25 специальностей (иногда по два-три персонажа одной профессии), нет ни одного гончара. В «Житии Абу Са'ида» среди лиц многих профессий только один человек имеет прозвание, связанное с керамикой, — ал-Гадаири (Ибн ал-Мунаввар, с. 100, 101, 473), но мы не знаем, был этот человек гончаром или торговцем керамикой. Гидар (мн. ч. «гадаир») — единственный вид керамики, упоминаемый в списке товаров среднеазиатских городов. Ал-Мукаддаси писал, что гадаир Шаша не имеют себе подобных (BGA, III, p. 326). Ю. Ф. Буряков считает, что здесь имеется в виду характерная шашская керамика с лимонно-желтой глазурью, будто бы похожая на штейнгут (1961, с. 272). Однако указанная керамика ничуть не лучше, чем производившаяся в других областях Средней Азии, к тому ж у нее обычный черепок, тогда как гидаром арабские авторы называли китайский селадон или фарфор и их имитации.[20] Обычно под гидаром разумелась привозная керамика, поэтому скорее всего ал-Гадаири был именно торговцем ею, а не гончаром.

---

[19] Третью часть имени принято читать Инойятон (Пугаченкова, 1958б), но это чтение сомнительно.

[20] Ср. описание у ас-Са'алиби: «Есть у них просвечивающие „гадаир", в которых повара варят, и бывает один и тот же сосуд то котлом, то сковородкой, то чашей. Лучшие из них абрикосового цвета, тонкие, прозрачные, очень звонкие; за ними следуют кремового цвета, такого же облика» (Латаиф с. 221). О высшем сорте фарфора (гидар)

Имеющиеся у нас данные недостаточны для суждения о производственных отношениях в среде гончаров. Большая часть известных нам мастерских имеет одну-две печи, так что в них могли работать члены одной семьи. Но, как мы видим на примере Мерва, в XII в. в больших городах существовали крупные мастерские с несколькими мастерами и добрым десятком подмастерий. В такой мастерской трудились не феодально зависимые люди, как полагают иногда (Лунина, 1962, с. 405), а наемные работники; хозяин мастерской мог сам в ней не работать и не быть специалистом.[21]

Стеклоделие

Стекольное производство в отличие от ткачества и гончарства было чисто городским ремеслом; сельского домашнего стеклоделия не существовало. В IX—XII вв. наблюдается заметное увеличение производства стекла различного вида, но поскольку исследование изделий как таковых не входит в нашу задачу, то мы не будем останавливаться на их характеристике, достаточно сказать, что из стекла изготовляли столовую посуду и предметы утвари, парфюмерные флаконы, гири, химическую посуду, дешевые украшения,[22] а также светильники (Джахиз, Бухала, с. 38). Новинкой было изготовление оконного стекла в виде небольших дисков (Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1963; там же литература). Большинство изделий было выдуто в форме (там же, с. 213—222).

Археологический материал и письменные источники не позволяют говорить об устройстве мастерских, количестве стеклодувов, распространенности этого ремесла в мелких центрах и т. д. До сих пор не обнаружено ни одной хорошей стеклодельной мастерской (Аминджанова, 1960). Известно, что в Бухаре имелся квартал стеклоделов «бутылочников»[23] в юго-западной части рабада, но аналогичных сведений о других городах нет. Редко упоминается профессия стеклодела.[24]

Сейчас еще невозможно говорить о передвижении мастеров и ареале стеклянных изделий одного центра. Исследователи отмечают значительное сходство форм иранского и среднеазиатского стекла, не показывая путей его образования (Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1963, с. 139—147). Несмотря на высокий уровень стеклоделия в Средней Азии и Иране, изделия хорошего качества, видимо, шли из Ирака и особенно Сирии. Цена на такие дальнепривозные вещи была очень высока; по свидетельству Абу-л-Фазла Бейхаки, в начале XI в. в Нишапуре багдадский стакан стоил динар (Бейхаки, с. 609; пер., с. 538). Ввоз некоторого количества стекла из Египта засвидетельствован археологическими материалами (Аминджанова, 1961).

Обработка металлов

Кузнечное дело. Мы не будем касаться собственно металлургии, извлечения железа из руды, так как это особое производство, не связанное с городским ремеслом. В большинстве случаев руду обра-

---

абрикосового цвета см.: Бируни, Минералогия, с. 212; об имитациях см.: Абу Дулеф в цитате у Йакута (III, с. 455—456).

[21] Ал-Бируни упоминает юриста и проповедника в Ургенче, который имел кирпичеобжигательную мастерскую (Минералогия, с. 60).

[22] Классификация форм стеклянных изделий см.: Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1963, с. 109, рис. 11 (о стекле IX—начала XIII в. см. с. 95—158).

[23] Каваририйин от «карура» — «бутылка» (BGA, I, p. 308). Ал-Мукаддаси считает это слово синонимом «стеклодел» (BGA, III, p. 31).

[24] Абгинегар — «стеклодел», упоминается в «Романе об Абу Муслиме») (Тартуси, л. 149а, 185б, 339).

батывали на месте и металл выплавляли в горняцких поселках около рудников (М. Массон, 1953б, с. 25, 38; Литвинский, 1954б, с. 165). Только полиметаллические руды иногда перерабатывали в близлежащих городах (Бубнова, 1959, 1961, 1963б, с. 236; Буряков, 1963а, 1963б, с. 7—8), так как высокая стоимость получавшегося металла окупала перевозку обогащенной руды на несколько десятков километров.

Основными поставщиками железа в Средней Азии были Фергана и Уструшана. По словам ал-Истахри, в районе Мунка и Марсманды изготовляли различные изделия из железа. Раз в месяц здесь происходила ярмарка, на которую съезжались люди из дальних краев (Истахри, К, с. 184, прим. 8).[25] Ибн Хаукаль добавляет, что ферганские кузнецы искусны в своем деле и изготовляют из железа удивительные вещи (BGA, II, p. 383—384). Ал-Мукаддаси перечисляет среди товаров Ферганы (и Исфиджаба) военное снаряжение, мечи и железо, а из Шаша, по его словам, вывозили ножницы и иголки (BGA, III, p. 325).[26]

В большинстве городов кузнецы имели дело с привозными крицами или прокованными кусками железа; часть потребности в металле удовлетворялась за счет железного лома. Кузнецы были не только в городах, а и во всех селениях, но в городах кузнечное дело значительно более специализировано. В нескольких городах зафиксировано существование больших кварталов, в которых концентрировалась обработка железа. Например, в Термезе кузнечный квартал занимал около 6 га. К сожалению, отчет о раскопках в этом квартале не позволяет представить устройство и оборудование мастерских, а также характер производства (Князев, 1945). Квартал кузнецов зарегистрирован в Серахсе (Марущенко, 1956, план), упоминается базар кузнецов в Мерве [27] и Нишапуре (Ибн ал-Мунаввар, с. 141).

Письменные источники содержат мало сведений о степени специализации кузнечного дела, о нем можно судить только по нисбам (прозваниям) различных исторических лиц, упоминаемых в другой связи. Логически можно заключить, что совершенно особой специальностью, доступной не для всякого кузнеца, было оружейное дело. В отличие от простого кузнеца, пользовавшегося готовым железом, оружейник должен был сам делать сталь для мечей, используя сложную технологию,[28] тонкости которой охранялись как производственная тайна. Отдельной профессией, вероятно, было изготовление кольчуг и панцирей, во всяком случае в «Асрар ат-таухид» упоминается кольчужник (заррад — с. 204), там же упоминается ножевщик (кардгар — с. 291) наряду с кузнецами (ахангар — с. 141; хаддад — с. 293, 475, 476).[29] В Мерве, как мы видели выше, существовал особый квартал кузнецов, изготовлявших кетмени (каландгаран) (Тартуси, л. 196б—197а), а вместе с ними, вероятно, и другие земледельческие орудия.

Возможно, что в Шаше на изготовлении иголок и ножниц специализировались особые мастера, так же как в Самарканде, где производились на вывоз стремена и уздечки (BGA, III p. 325).

Специальных навыков требовало изготовление замков и ключей; из Хорезма они даже шли на вывоз (BGA, III, p. 325). Продукция слесарей (каффал) — цилиндрические замки и ключи к ним — хорошо

---

[25] Об этой ярмарке см. также: Худуд, л. 23б. Ибн Хаукаль в отличие от ал-Истахри пишет о вывозе оружия.

[26] Возможно, что сырье для их изготовления шло из рудников Илака.

[27] Тартуси, рук. С 129, л. 14б.

[28] Об изготовлении стали для мечей см.: Бируни, Минералогия, с. 233—240; Колчин, 1950.

[29] Хаддад — арабская аналогия перс.-тадж. «ахангар».

известна по археологическим находкам начиная с VIII в. (Ставиский, 1958).[30]

Медницкое дело. Второй по важности и многочисленности мастеров специальностью была обработка меди. Медники (арабск. «саффар», тадж.-перс. «руйгар», «мисгар») сравнительно редко упоминаются в письменных источниках, но их продукцию — всевозможную утварь и посуду — мы знаем достаточно хорошо.

Географы X в. отмечают ряд центров изготовления медных изделий. Из Самарканда вывозили очень большие котлы из красной меди (BGA, III, p. 325), производство которых восходит к домусульманскому времени (Табари, II, с. 1246), из Бухары — подсвечники (или фонари) из желтой меди (BGA, III, p. 324). Изделия из меди и бронзы продавались на ярмарках Бухарского оазиса (BGA, II, p. 363). Бронзовые чаши (тасс) вывозили из Рабинджана (BGA, III, p. 324). Какие-то медные изделия вывозили из Мерва; ал-Мукаддаси называет их просто нухас — «медь» (там же), но сомнительно, чтобы из такого большого ремесленного центра, к тому же расположенного вдали от мест добычи меди, вывозили сырой металл, а не изделия.

Бронзовые изделия имели не только утилитарный характер, но и являлись подлинными предметами искусства. Чем дороже была вещь, тем пышнее орнамент, тем больше он занимал места. Как и в декоровке керамики, большую роль играли благопожелательные надписи, очень стандартные и обращенные к безымянному владельцу. Нередко под резцом плохого мастера надписи искажались и от них оставались только общие очертания букв. Особенно изысканной становится декоровка бронзовых изделий с конца XI в., когда распространяется сложная техника инкрустации красной медью и серебром, сообщавшая орнаменту совершенно новое свойство — красочность.[31]

Очень трудно отождествить какие-то из упоминаемых средневековыми авторами изделий с конкретными вещами, происходящими из Средней Азии и хранящимися в большом количестве в музеях нашей страны и за рубежом. Большая часть их не имеет подписи мастера и указания на место производства. С таким же положением мы сталкиваемся при определении керамики, но там мы имеем гончарные печи с отвалами брака и, кроме того, можем без особой натяжки считать, что подавляющая часть керамики, найденной в любом крупном городе, является местной. Бронзовые же изделия более подвижны в силу прочности материала и большей долговечности. Они неоднократно меняют хозяев и перемещаются на значительные расстояния. Поэтому место находки в большинстве случаев не тождественно месту изготовления. Только в отношении простейших вещей, которые были недостаточно хороши для экспорта, можно быть уверенным в местном их происхождении.

Лишь в последнее время с развитием археологических работ, приносящих массовые вещи, стала возможна попытка выделить из массы бронзовых изделий продукцию Мавераннахра. Однако и в этом случае такая

---

[30] Железный цилиндрический замок найден в Пенджикенте, медный ключ — в том же слое $\left(\text{полевой шифр } \frac{\text{ТП-58}}{\text{Ш-113}}\right)$; в слое IX—X вв. замок найден при раскопках в Хауз-хане (неопубл.).

[31] Возможно, некоторую роль в повышенном внимании мастеров к декоровке бронзы сыграли представления мусульман о предосудительности публичного употребления посуды из драгоценных металлов, в силу чего часть благочестивых состоятельных граждан могла ограничить потребление такой посуды и увеличить спрос на дорогую посуду из бронзы. Характерен в этом отношении рассказ ал-Бируни о причинах распространения бронзовой посуды (Минералогия, с. 246); взгляды, отраженные в нем, относятся ко времени автора.

попытка удалась только в отношении рядовых вещей (А. Иванов, 1970). С течением времени, когда будут выявлены специфические для Мавераннахра орнаменты, характерные формы и технические приемы, можно будет подойти и к определению первосортных предметов.

В Хорасане тон в производстве бронзовых изделий задавал Герат, откуда происходят некоторые подписные изделия, при изготовлении которых медных дел мастера достигли уровня ювелирного искусства (Веселовский, 1910). Вывоз из Герата «изящных бронзовых изделий» засвидетельствован с начала X в. (Са'алиби, Латаиф, с. 200).

Ювелирное дело. Трудно провести грань между медниками, работавшими с применением драгоценных металлов, и чистыми ювелирами. Кварталы ювелиров, богатейших среди ремесленников, упоминаются почти во всех крупных городах. В мастерских, занятых шлифовкой и сверлением драгоценных камней, существовало значительное разделение труда (Бируни, Минералогия, с. 119, 171, 359—380).[32] В других мастерских разделение труда было, вероятно, меньшим, так как работали обычно мастер (он же хозяин мастерской) и 1—2 подмастерья.

Строительные профессии

Интенсивное строительство в городах вызвало потребность в большом количестве рабочих и ремесленников, связанных со строительством. О самих строителях — каменщиках — мы ничего не можем сказать. Имена некоторых архитекторов сохранились в строительных надписях, но о других строителях, о разделении труда между ними, расселении в городе и организации сведений по Средней Азии не имеется. Значительную часть рабочих, занятых на строительстве, составляли неквалифицированные, чернорабочие поденщики — коргары или муздвары. Они месили глину,[33] переносили тяжести, копали землю. В большом городе всегда было полно таких поденщиков, слонявшихся по базару или сидевших в определенном месте в ожидании работы. Судя по «Роману об Абу Муслиме», местом сбора муздваров служило чарсу (Тартуси, л. 109а). Положение чернорабочих по сравнению с квалифицированными строителями было плачевным.

Из всех специальностей, связанных со строительством, чаще всего упоминаются столяры и плотники (арабск. «наджжар»,[34] перс.-тадж. «даругар»; Тартуси, л. 92, 271). Впрочем, эти мастера, как и токари (там же, л. 37б, 69б, 76а),[35] изготовляли также столярные изделия, не связанные со строительством. В Мерве имелся специальный квартал плотников (там же, л. 166). Торговля строительным и деловым лесом была специализирована. Лавку по продаже леса в Самарканде упоминает вакфный документ Ибрахима Тамгач-хана (Большаков, 1971, с. 172). Среди послушников Абу Са'ида назван торговец лесом — хашшаб (Ибн ал-Мунаввар, с. 14). В Бухаре даже имелась улица Торговцев лесом (Му'ин ал-Фукара, с. 69). Строительный лес был большой ценностью; в «Истории Бухары» неодно-

---

[32] Шлифовальщики (сайкалгар) и мастера по изготовлению гемм и печатей (мухресай) упоминаются в «Романе об Абу Муслиме» (Тартуси, л. 68, 122а, 185б, 339, 352б, 378а, 346а, 351а).

[33] Это была одна из самых трудных и грязных работ. Работа с глиной «гилкари» названа как одна из неблагодарнейших в хозяйстве хонаки Абу Саи'да (Ибн ал-Мунаввар, с. 248). Гилкар упоминается в «Романе об Абу Муслиме» (Тартуси, л. 89а, 91б, 122а — одно лицо).

[34] Например: Ибн ал-Мунаввар, с. 44 — одно лицо; с. 271, 437, 447 — другое лицо.

[35] Они, в частности, изготовляли деревянную посуду (Тартуси, л. 107б).

кратно упоминается продажа леса из старых построек и использование его в новых. В трудных случаях жизни потолочные балки оказывались последней ценностью в доме.[36]

Переработка продуктов земледелия и животноводства

В городах, куда стекалась значительная часть продуктов сельского хозяйства, развилось множество ремесел, связанных с их переработкой. Одни из них были одинаково распространены и в городе, и в деревне; другие могли появиться только в городах с большой специализацией ремесла. Обширную отрасль составляли ремесла, связанные с обработкой кож, поступавших в большом количестве от кочевников. Ал-Мукаддаси отмечает, что в Шаше дубят кожи, привозимые от тюрок, а затем их вывозят (BGA, III, p. 325). Бараньи шкуры (овчины?) вывозили из Бухары (там же, с. 324).[37] В Рабинджане вырабатывали особые, рабинджанские кожи. Их Хорезма шел кимухт (там же, с. 324, 325). Кожевники жили в отдельных кварталах (Тартуси, л. 189б, 198а, 199а), так как обработка кож была связана со зловонием. Здесь же из кож изготовляли различные шорные изделия: из Шаша вывозили высокие седла из кимухта, из Бухары — подпруги, которые шили в тюремной мастерской, из Самарканда — ремни (BGA, III, p. 235, 234, 325). Кроме того, конечно, в каждом городе имелись шорники, обеспечивающие местные потребности. В шорном деле различалось несколько специальностей; наряду с седельниками — саррадж (Тартуси, л. 404, 410 — два персонажа; Ибн ал-Мунаввар, с. 26) — упоминаются мастера по изготовлению вьючных седел — пиландуз — и уздечек — ладжамудуз (Тартуси, л. 404).[38]

Ряд ремесел был связан с обработкой продуктов земледелия. Из конопли изготовляли веревки; отмечается вывоз их из Рабинджана (BGA, III, p. 324) и Самарканда (Худуд, л. 23а). В городах велись очистка риса, выжимание масел,[39] приготовление на их основе парфюмерных масел.[40] Из жиров и золы особых растений изготовляли мыло. Мыловарением славились Термез и Балх (BGA, III, p. 324; Саʿалиби, Латаиф, с. 204). Мыло, видимо, было достаточно дорогим продуктом: считалось, что для стирки узла одежды нужно мыла больше, чем на дирхем (Ибн ал-Мунаввар, с. 163).

Кроме этих ремесел, в какой-то мере представленных в любом городке, были и такие, монополия которых принадлежала немногим городам. К числу их следует отнести изготовление бумаги; на нем специализировался Самарканд. Начало было положено китайскими пленными, захваченными в битве на Таласе в 751 г. (Саʿалиби, Латаиф, с. 218).[41] Затем изготовление бумаги распространилось на Ближний Восток. О производстве ее в Средней Азии где-нибудь, кроме Самарканда, нет никаких сведе-

---

[36] Во время голода в Нишапуре домохозяева продавали балки, чтобы прокормить семью (Бейхаки, пер., с. 537).

[37] Возможно, что их обрабатывали не в Бухаре, а во многих пунктах оазиса, но во внешней торговле они фигурировали как бухарские. Овчины упоминаются среди товаров на ярмарках в Шарге (Наршахи, III, с. 13).

[38] Интересно, что среди «ширмардов» Самарканда и Мавераннахра, пришедших на помощь к Абу Муслиму, упоминаются все эти шорно-седельные специальности, которых не было у мервских и других хорасанских персонажей; возможно, что в Самарканде были развиты ремесла, связанные с конским снаряжением (ал-Мукаддаси упоминает вывоз оттуда стремян и удил).

[39] Один из персонажей «Романа об Абу Муслиме» — маслобой (равгангар; Тартуси, л. 207).

[40] В Бухаре изготовляли масло для умащения головы (BGA, III, p. 324); парфюмерные масла вывозили из Нисы и Абиверда (там же).

[41] Тахир Марвази считает, что производство бумаги существовало там до ислама (пер., с. 18; текст, с. 6), но это не находит подтверждения.

ний. Для подготовки бумажной массы использовались хорошо освоенные к тому времени водные толчеи, в которых размельчали коноплю и другие волокнистые материалы (Бируни, Минералогия, с. 85). Можно думать, что они, как и в позднем средневековье, располагались на Сиабе. Ремесло бумажников было очень редким; письменные источники их не упоминают, лишь у Сам'ани (л. 166б) отмечена одна вспомогательная специальность, связанная с производством бумаги, — упаковщик (хаззам).

Ремесла и профессии, связанные с обеспечением внутригородских потребностей

У нас нет никаких цифр для оценки того, какая доля продукции металлистов, ткачей, гончаров и стеклодувов шла на широкий рынок и какая оставалась в самом городе. Но как бы ни велико было внутреннее потребление, развитие названных ремесел определялось спросом на их продукцию далеко за пределами каждого данного города. В то же время большой город со множеством людей, занятых своими ремеслами, порождает постоянный и разнообразный спрос на различные вспомогательные работы, вызывает профессионализацию многих занятий, которые в деревнях были домашними.

Важнейшим условием нормальной жизни города было обеспечение его продуктами. Основной из них — хлеб. Помол зерна не являлся специфически городским промыслом. Водяные мельницы, дававшие основную часть товарной муки, располагались всюду, где имелись подходящие каналы, предпочтительно ближе к месту потребления. Поэтому больше всего мельниц было в окрестностях больших городов. В Бухаре один из каналов рабада назывался Мельничным из-за расположенных на нем мельниц (см. выше, с. 252); большое количество их упоминается также в Гиренге (BGA, III, p. 312; МИТТ, с. 195) и усрушанском Пенджикенте (BGA, II, p. 380).[42] В Кумме была 51 водяная мельница (Кумми, с. 112). Мельницы приносили хороший доход, о чем можно судить по размерам обложения: в Кумме владельцы мельниц на больших каналах и вблизи городов платили ежегодно по 70 дирхемов налога (там же, с. 119—120), что равнялось скорее всего $^1/_{10}$ дохода (мельницы на горных реках и в отдаленных районах облагались лишь 12 или 25 дирхемами). Мельницы — одна из форм мустагалла. Владельцами их чаще всего были владельцы каналов, сдававшие их в аренду; нередко в такой роли выступали сами государи (BGA, II, p. 213; ср.: Лившиц, 1962а, с. 57—58).

Мука была значительно дороже зерна, и некоторые предпочитали молоть его дома на ручных жерновах; те, у кого не было слуг, могли нанять человека для помола.[43] Семейные люди пекли хлеб дома, так обходилось дешевле (печеный хлеб был по крайней мере втрое дороже зерна);[44] богатые люди держали дома специальных хлебопеков. Но в большом городе всегда находилось много потребителей готового хлеба. Примитивные пекарни, служившие одновременно и лавками, можно было встретить в разных частях города. Понятия «нанвай» (пекарь) и «нанфуруш» (торговец хлебом) в то время совпадали (Тартуси, л. 333). Для пекарни обычна фигура подмастерья (шагирда), который колет дрова (там же, л. 44б), носит воду и т. д.[45]

---

[42] Часть каналов в самом городе и несколько десятков в окрестностях.

[43] В «Хидайе» специальный раздел посвящен вопросу оплаты такого поденщика (II, с. 268).

[44] Так было в Ираке (Cahen, 1952, p. 343); по нашему мнению, разница была меньше.

[45] Тартуси говорит о четырех подручных в лавке хлебопека в чарсу Мерва (рук. С 129, л. 13).

Трудно перечислить все возможные виды торговли готовыми продуктами: различными сладостями,[46] жареными орехами.[47] Можно отметить только одну фигуру, распространенную от Средней Азии до Египта: это торговцы харисой, своего рода пловом из дробленой пшеницы и мяса. Своей харисой славился Мерв (BGA, III, p. 311; МИТТ, с. 194). Один из героев Тартуси — торговец харисой (л. 376б); от небрежности его собрата по профессии (харисепаз) в мае 937 г. сгорела восточная часть внутреннего рабада Бухары (Наршахи, Ш, с. 93). Влиятельную группу торговцев продуктами составляли мясники, от которых в значительной степени зависели цены на мясо. Учитывая это, власти устанавливали предельные цены. Известен рассказ Ауфи о самаркандских мясниках, которые предложили Ибрахиму Тамгач-хану большую сумму денег за разрешение повысить цены (Бартольд, I, с. 375).

Многие ремесленники были заняты изготовлением одежды и обуви. Можно выделить портных, специализировавшихся на отдельных видах одежды, которые шли на рынок, и портных, работавших на заказ. Очень распространена профессия шапочника (вернее, мастера, шившего калансувы) (BGA, II, p. 311). Многочисленные сапожники (кафшгаран) дали имя холму в Мерве (Тартуси, л. 44а). Особые базары сапожников упоминаются в Бухаре (Наршахи, Ш, с. 93) и Ранджеде (BGA, III, p. 271). Не менее распространена была профессия сапожника-починщика. В одних случаях выделяются терминологически, в других — одним и тем же словом «искаф» (арабск.) обозначаются сапожник, шьющий сапоги, и сапожник, ставящий заплатки (Му'ин ал-Фукара, с. 23). Возможно, что именно ремонтом сапог занимались ремесленники, названные у Тартуси «сармузедузан» (шьющие головки сапог), так как трудно утверждать, что существовало раздельное изготовление деталей сапог (музе) (Тартуси, л. 439а).

Кроме названных и других, более скромных профессий, которые предполагали наличие собственного рабочего места, вроде прачек (Ибн ал-Мунаввар, с. 163), плетельщиков циновок (Тартуси, л. 250а, 375б, 378а — два персонажа), банщиков и т. д., существовало множество специализированных рабочих-поденщиков: носильщиков (Ибн ал-Мунаввар, с. 164), мукомолов, предлагавших услуги на дому, дровосеков (Тартуси, л. 165а, 207 — два персонажа) и других, о которых молчат источники. О многочисленных и разнообразных формах мошенничества и нищенства подробно пишут авторы средневековой развлекательной литературы (Джахиз, Бухала, с. 73—75).

Торговля

Город не только производил, но и торговал. В глазах современников вторая функция была едва ли не важнейшей. Средневековых авторов больше интересовала торговля, чем ремесло, и пишут они прежде всего о товарах. В городе сходились три основные направления товарообмена: между ремеслом и сельским хозяйством, между оседлыми и кочевниками и, наконец, между областями. В центре областей собиралась вся товарная продукция экономического района и оттуда шла по всем трем путям. Ал-Истахри писал о Самарканде: «Он — порт Мавераннахра [48] и средоточие купцов; большая часть изделий Мавераннахра попадает в Самарканд, а затем они расходятся по областям» (BGA, I, p. 318).

Эти слова по справедливости можно отнести и к другим большим го-

---

[46] В Мерве существовал базар продавцов сахара (Тартуси, л. 376б, 377а).

[47] В Бухаре, например, был базар торговцев чищеными фисташками (Наршахи, Ш, с. 52).

[48] Бетгер неверно перевел это место: «Самарканд — центр оросительной системы Мавераннахра» (1957, с. 15).

родам. Всегда трудно отделить в их товарах продукцию области от продукции самих городов. Рынок давал имя товару: продукция области расходилась по свету под маркой ее столицы.

Выше мы говорили о неэквивалентности обмена между городом и деревней, порожденной социальной структурой общества. Поступление сельскохозяйственных продуктов, в первую очередь зерна, превышало стоимость товаров, которые крестьяне покупали в городе. Средневековые источники не помогают нам понять, кто был в Средней Азии основным продавцом сельскохозяйственной продукции в городе, крестьянин или крупный землевладелец и перекупщик. Среди множества персонажей базаров совершенно отсутствует фигура крестьянина, продающего свой товар. Если говорить о других областях, то в Ираке почти весь урожай зерна закупался либо на корню, либо на особых оптовых аукционах (Lokkegaard, 1950, p. 98—101; Canard, 1959, p. 115—116). Но мы не рискуем утверждать, что в Средней Азии существовала та же практика. Что же касается овощей и фруктов, то их в первую очередь поставляли пригородные сады и огороды, принадлежавшие горожанам. Это обстоятельство привело некоторых исследователей к мысли о полуаграрном характере городов мусульманского средневекового Востока (Заходер, 1845, с. 124). Но горожане сами не занимались земледелием, они были землевладельцами, а не земледельцами, и продукция их земель была товаром, который они продавали на рынке, личное потребление составляло ничтожную часть. Высокая товарность земледелия являлась одной из причин высоких цен на землю в пригородных районах.

В некоторых оазисах численность городского населения была так велика, что продукции района не хватало. По словам ал-Истахри, так обстояло дело в Бухарском оазисе (BGA, I, p. 312): в округе Ходжента было много фруктов, их вывозили в другие районы, но зато было мало посевов, и зерно к ним привозили из Ферганы и Усрушаны (Истахри, К, с. 186, прим. 1). В Мерв везли зерно из Абиверда и Серахса. В небольшом городишке Мейхене в XI в. в караван-сарае Идриса у крепостной стены имелось 40 весов для взвешивания зерна (Ибн ал-Мунаввар, с. 206; МИТТ, с. 344).

Развитие торговли стимулировалось также разницей сортов и вкусовых качеств продуктов, обусловленной особенностями почвы и климата, и даже разницей во времени вызревания плодов; например, долина Кашкадарьи была поставщиком ранних фруктов в другие районы.

Торговля с кочевниками имела наибольшее значение в северо-восточных районах Средней Азии, где за цепочкой оазисов начиналась бескрайняя степь. Оттуда шли кожи, мясо и шерсть. Мясо потреблялось на месте, а переработанные кожи отправлялись в иные города или возвращались к кочевникам в виде изделий. В других районах торговля с кочевниками имела меньший удельный вес.

Под влиянием торговли с кочевниками в некоторых местностях возникли сезонные ярмарки. В Бухарском оазисе до X—начала XI в. ярмарки происходили в Тавависе и Шарге (Наршахи, III, с. 9, 13; BGA, I, p. 133; Бируни, I, с. 254, 255). В степных северо-восточных районах ярмарки были явно связаны с сезонными перемещениями кочевников. В Дих-и Нуджикете каждую весну в течение трех месяцев происходила ярмарка, на которую пригоняли много скота; цены падали до $^1/_4$ дирхема за манн мяса, очищенного от костей (BGA, III, p. 274). В XII в. роль ярмарок падает. В Бухарском оазисе во всех городах, где они бывали, остались только еженедельные базары. Причину этого мы склонны видеть в повсеместном развитии ремесленного производства и интенсификации торговли, которая обеспечивала повседневную доставку товаров во все районы.

Через Среднюю Азию проходили два транзитных торговых пути международного значения. Один с Ближнего Востока в Центральную Азию че-

рез Нишапур, Мерв, Бухару, Самарканд и Бинкет. Второй из Поволжья в Среднюю Азию и Иран через Хорезм. Первый путь уже в X в. перестал быть только транзитным. Мощные ремесленные центры, выросшие на нем, поставляли такое количество товаров, которое совершенно затмевало транзитную торговлю. По существу он превратился во внутреннюю торговую артерию. Второй путь приобрел особое значение в XI—XII вв., но уже в X в. в списке товаров Хорезма бо́льшую часть составляют транзитные, из Поволжья и с территории нынешнего Северо-Западного Казахстана: меха, воск, мед, рыбий клей, рыбий зуб,[49] мечи, кольчуги (из Поволжья и Руси), кимухт, соколы, бараны, коровы (от кочевников) (BGA, III, p. 325). Только часть этих товаров оседала в Хорезме, остальное шло дальше на юг. Нишапур и Себзевар имели постоянные торговые связи с Булгаром. Цари Булгара были настолько заинтересованы в привлечении хорасанских купцов, что один из них пожертвовал средства на постройку мечети в Себзеваре (Ибн Фундук, с. 41). Караваны из Булгара упоминаются в «Асрар ат-таухид» (Ибн ал-Мунаввар, с. 140).

Говоря о торговле оседлой части Средней Азии с ее кочевыми соседями, нельзя забывать еще один специфический товар, занимавший большое место в торговом обороте того времени, — рабов. Пленные, захваченные во время междоусобных войн, продавались на рынках ближайших городов, где их покупали профессиональные работорговцы. Юношей они обучали военному делу, а девушек танцам и пению и продавали затем по значительно более высокой цене. Таких невольников (гулямов) охотно покупали для гвардии феодальные правители и просто богатые люди, желавшие иметь вооруженных слуг. Многие из этих невольников впоследствии достигали высоких постов и даже основывали династии.

В этом отношении показательна судьба Себук-тегина. По его словам, в 12 лет он, сын вождя племени Барсхан, был захвачен в плен тюрками. В 16 лет его вместе с несколькими другими пленными купил купец из Чача и увез в Несеф. Там Себук-тегин заболел, был оставлен на попечении старухи, а поправившись, получил военную выучку и был через некоторое время куплен бухарским вельможей (Nazim, 1933, p. 612—613).

Главным невольничьим рынком и местом обучения невольников являлся Самарканд. «В Самарканде — место собирания невольников [рынок] Мавераннахра, и лучшие невольники Мавераннахра — самаркандского обучения» (BGA, I, p. 318; III, p. 278). Невольники были таким же характерным товаром Самарканда, как бумага (Са'алиби, Латаиф, с. 319).[50]

Развитию торговли способствовали низкие пошлины на большинство товаров и небольшое число таможенных застав. В X в. главные таможни самаркандского государства находились на переправах через Амударью, важнейшим предметом обложения являлись невольники и серебро в слитках. Пошлина на остальные товары была невелика (BGA, III, p. 340—341).[51] О торговых пошлинах на месте продажи у нас нет сведений. По мнению юристов, с товара стоимостью более 200 дирхемов следовало брать 2.5% с мусульманина, 5% с немусульманина, проживающего в мусульманской стране, и 10% с приезжих немусульман (Абу Йусуф, с. 157—164).

---

[49] Моржовая кость; возможно, что сюда относили и мамонтовую кость, о вывозе которой из Булгара говорит ал-Гарнати (с. 30).

[50] По словам Са'алиби, Тахир б. Абдаллах б. Тахир написал своим управляющим: «Если найдете тохарскую лошадь, мула из Бердаа, египетского осла и самаркандского невольника, то покупайте их, не спрашивая нашего мнения о них» (Латаиф, с. 319). На диспуте у Адуд ад-Даули Абу Дулеф ал-Хузан, перечисляя блага, которые он хотел бы получить от Аллаха, сказал: «Да даст он мне в слуги румских евнухов, тюркских гулямов, бухарских наложниц и самаркандских служанок» (там же, с. 237).

[51] Для вывоза невольников и невольниц требовалось разрешение, которое стоило 70—100 дирхемов. С верблюда брали 2 дирхема, с лошадиного вьюка тканей — всего дирхем, что вряд ли составляло более 1%.

Однако эти теоретические нормы никогда не соблюдались и реальное обложение было, конечно, выше.

Большой объем торговли требовал большого количества денег как средства обращения и знаков оплаты. Потребность в деньгах именно в такой функции привела к появлению разнообразной неполноценной монеты, ходившей наравне с серебром. Первые опыты подобного рода появились в конце VIII в. в связи с нехваткой серебра, вывозившегося в огромном количестве из Средней Азии в центр Халифата. Большое всего сведений мы имеем о бухарских неполноценных дирхемах, «гитрифи», курс которых по отношению к полноценным был установлен как 6 : 1 (Наршахи, Ш, с. 35); согдийские дирхемы того же типа, «мухаммеди», шли по курсу 5.5 : 1, а под «мусейяби», вероятно, разумелись серебряные дирхемы бухар-худатского типа (Davidovich, 1960, p. 11—14; Давидович, 1966, с. 124; ср.: М. Массон, 1955а). Одновременно чеканились полноценные серебряные дирхемы стандартного типа. В X в. в Мавераннахре их называли «исма'или», по имени Исма'ила Самани, якобы положившего начало их чеканке (Давидович, 1966, с. 112). Саманидские серебряные дирхемы в огромном количестве уходили в Восточную Европу, не имевшую своего серебра, в обмен на традиционные для ее вывоза товары, главным образом меха. Наряду с серебряной монетой в Средней Азии чеканилась и золотая, но, по словам ал-Истахри, «они [бухарцы] не совершают между собой сделок на динары, они у них как товар» (BGA, I, p. 314). Большая разница в весе саманидских динаров подтверждает, что они принимались не штучно, а на вес (Давидович, 1966, с. 110).

В конце 20-х годов XI в. в Мавераннахре произошло резкое ухудшение качества дирхемов. Содержание в них серебра уменьшилось примерно в 4 раза, до 20% (Давидович, 1960, с. 102—105). В газневидском Хорасане это ухудшение происходило медленнее (там же, с. 104),[52] но в конце концов этот «серебряный кризис» в XI в. охватил весь мусульманский Восток. В Средней Азии толчком к нему могло послужить сокращение добычи серебра в Илаке, одном из основных его поставщиков, и ухудшение общего экономического положения в первые десятилетия правления Караханидов. Но в целом причины «серебряного кризиса» пока еще не установлены окончательно.

Резкое ухудшение качества основной монеты, обслуживавшей рынок, насколько можно судить по письменным источникам, не вызывало социальных и экономических потрясений и даже, кажется, не повлекло за собой удорожания жизни. Данное обстоятельство, а также отсутствие сведений о курсе караханидского дирхема создавали впечатление, что «эти государственные фальсификаты должны были обращаться в сфере серебра как знаки стоимости с принудительным курсом» (Давидович, 1960, с. 106); а прежние неполноценные дирхемы типа «гитрифи», выпуск которых прекратился, должны были на этом фоне подняться в цене.[53] Вывод о том, что неполноценные дирхемы имели принудительный курс, близкий к номиналу, подтверждался серебрением поверхности некоторых типов таких монет (Альхамова, 1950; Давидович, 1953, 1959а, с. 42). Однако недавно опубликованный вакфный документ Ибрахима Тамгач-хана (Khadr, 1967) заставляет иначе смотреть на эту проблему. В нем при перечислении жалованья персонала медресе, учрежденного этим ханом, оговаривается, что все

[52] В конце правления Мас'уда были выпущены какие-то дирхемы, которые шли по курсу 30 за 1 динар (Ибн ал-Мунаввар, с. 113).

[53] Е. А. Давидович считает, что именно более высокий курс «гитрифи» объясняет их отсутствие в кладах Восточной Европы (Davidovich, 1960, p. 13—14), но для Восточной Европы дирхемы были важны как металл, а неполноценные дирхемы, даже если они ценились в Средней Азии дороже серебряных (что нам кажется невероятным), были не нужны.

суммы указаны в дирхемах «муайяди»[54] самаркандского чекана, которые в момент составления документа имели курс 47 за мискаль чистого золота (Khadr, 1967, p. 327, 330, 333 334). В XI в. динар, по другим сведениям, стоил $13^1/_3$ полноценного серебряного дирхема (Goitein, 1967, p. 390). Таким образом, дирхемы Тамгач-хана, содержавшие 20—22% серебра, относились к полноценным дирхемам (вероятно, не стопроцентным, а, как и саманидские, с 90—95% серебра), как $47 : 13^1/_3$ или $3.52 : 1$.[55] Этот курс действительно несколько выше стоимости металла, содержавшегося в монете (монеты с 92% серебра должны относиться к монетам с 22% серебра, как $4.2 : 1$), но превышение его на 16% не настолько значительно, чтобы можно было говорить о «легальных фальсификатах», обращающихся по принудительному курсу. Показательно, что на западе мусульманского мира курс дирхемов также зависел от содержания в них серебра и колебался от 30 до 70 за динар (Goitein, 1967, p. 372—379). В свете этого выглядит странным чрезвычайно высокий курс «гитрифи», устанавливаемый на основании сведений Наршахи—Кубави: в X в. — наравне с серебром, а в 1128 г. — 100 серебряных дирхемов за 70 (или 72) «гитрифи» или 7.5 «гитрифи» за мискаль золота (Наршахи, Ш, с. 35; Давидович, 1959б). По всей видимости, эти сведения нуждаются в пересмотре. [56]

Не случайно, что в XI—XII вв. курс ходячей монеты выражался в золоте — оно в большей мере, чем прежде, стало мерилом стоимости. Одновременно возросло его значение как средства обращения (Давидович, 1959а, с. 44—45). Тем не менее в это время известны случаи чеканки неполноценных динаров.[57]

Наиболее действенным путем преодоления недостатка средств обращения и в то же время обеспечения большого удобства торговых сделок было развитие кредитно-вексельной системы (Grashoff, 1899; Fishel, 1933; Labib, 1959; Goitein, 1967, p. 240—262). Наибольшего развития система безналичного расчета и векселей достигла в центральной части мусульманского мира, особенно в Багдаде и крупнейших портовых городах. Менялы — саррафы, первоначальной функцией которых был обмен денег на местную валюту, постепенно превращались в банкиров. Их операции не ограничивались кредитованием, а были гораздо разнообразнее. В Басре, например, в 1051 г. купцы сдавали свой товар меняле, получали от него кредитное письмо (хатт) и затем покупали товары,

---

[54] Названы по титулу Тамгач-хана — «Муайяд ал-адл».

[55] Если курс «муайяди» выражен в мискале золота (4.5 г), а полноценных дирхемов в динаре (4.2 г), то соотношение станет $47 : 14$.

[56] Нам кажется, что «дирхемы чистого серебра», в которых Кубави выражает «гитрифи», могли быть неполноценными, но номинально серебряными дирхемами, типа дирхемов Ибрахима Тамгач-хана. Кроме того, второе определение курса «гитрифи» не обязательно выражено в золоте, так как вместо زر سرخ существует вариант زر شرع. При этом варианте, отброшенном Е. А. Давидович, оказывается, что «законный» курс должен был равняться $7^1/_2$ «гитрифи» за мискаль (серебра, а не золота), т. е. $7^1/_2$ «гитрифи»$=1^3/_7$ дирхема или $5^1/_4$ «гитрифи» за дирхем (что, кстати, очень близко к первоначальному «законному» курсу). Но при Кубави фактический курс «гитрифи» был 70 за 100 тогдашних неполноценных дирхемов; если считать их по курсу «муайяди», то 70 (72) «гитрифи»$=2^1/_8$ динара= (при $13^1/_3$ полноценных дирхемах за динар) $26^1/_3$ полноценного дирхема, т. е. $2^8/_{17}$ (или округленно $2^1/_2$) «гитрифи» за дирхем. Эту разницу между $5^1/_4$ и $2^1/_2$ и отмечает Кубави. Результатом искажения первоначального текста является также странный курс 220/835 г., когда дирхем серебра будто бы равнялся 85 «гитрифи» (Наршахи, Ш, с. 35). Слова بسال دویست و بست درم نقره پاکیزه بیشتاد و پنج درم غدرفی بوده است, видимо, следует переводить: «В году двести ... 20 дирхемов чистого серебра стоили 85 дирхемов „гитрифи“». Это составит $4^1/_4$ «гитрифи» за дирхем, что гораздо правдоподобнее.

[57] Таковы латунные динары Мелик-шаха, найденные в Хауз-хане (Большаков, 1966). Ранее медные динары выпускал Рукн ад-Дауля (Мец, 1966, с. 368).

расплачиваясь чеком (хавала) на данного менялу (Насир-и Хусрау, с. 65). В этой практике особенно примечательно расширение функций менялы — выход за рамки чисто денежных сделок, ибо, получив товар, он затем продавал его. В руках саррафов деньги стали превращаться в капитал.

На пути этого превращения стояло мусульманское право, отрицавшее возможность получения процента по ссуде. Запрещение злостного ростовщичества, содержащееся в Коране, было перенесено на любые сделки. В глазах мусульманских юристов кредит — форма помощи, за которую нельзя получать деньги. Запрещение процентов по ссуде заставляло изыскивать различные обходные формулировки. Обе стороны, и кредитор и кредитуемый, прекрасно понимали, что деньги, пущенные в оборот, должны давать доход, и благодаря этому взаимному пониманию находили выход из положения. Простейшим была расписка в получении суммы, в которую включался процент. Иногда сделки заключались устно, а в книге записывался результат, также вместе с процентом (Labib, 1959, p. 238). Запрещение не уничтожило ростовщичества, но из-за него все сделки подобного рода оказались замаскированными.

В Средней Азии эта система, видимо, получила меньшее развитие, так как для Насир-и Хусрау все случаи выдачи чеков кажутся чем-то необычным. В «Асрар ат-таухид» упоминается сарраф, к которому Абу Са'ид (через своих мюридов) обращается за деньгами, но сарраф выдает деньги наличными и Абу Са'ид возвращает их наличными (Ибн ал-Мунаввар, с. 321). Высказываемое иногда мнение, что Мелик-шах расплатился с лодочниками, переправлявшими его войско через Амударью, чеками на антиохийских менял (ИНУз, с. 295), основано на слишком смелой трактовке текста (Х. Казвини, с. 444).

Конторы саррафов были центром финансовой деятельности города. В большинстве городов мы их находим на перекрестке главных улиц, называвшемся «чарсу», или по-арабски «мурабба'а». Подобные центры известны нам по купольным перекресткам Бухары и Самарканда XVI—XVII вв., но у нас нет никакой уверенности, что чарсу X—XII вв. обязательно были похожи на них и перекрыты куполами. До сих пор ни одно чарсу домонгольского города не раскопано.

Обычно в городе было одно чарсу. В Мерве оно находилось в центре Султан-Калы (юго-восточнее мавзолея султана Санджара), рядом с мечетью. Здесь же располагались саррафы (Тартуси, л. 121а). В Бухаре единого центра не было. Административным центром был Регистан, а экономическим — базары около Магоки-Аттори, где также с X и до начала XX в. помещались саррафы. В Самарканде чарсу находилось в рабаде, приблизительно там же, где и позднесредневековое; квартал саррафов был поблизости, около начала акведука (BGA, II, p. 366). В урушанском Пенджикенте чарсу находилось в рабаде рядом с дворцом эмира и называлось «мурабба'а эмира» (там же, с. 379).[58] В Серахсе центром города была площадь (майдан), а не чарсу (Тартуси, л. 80а). В Нишапуре X—XI вв. было даже два чарсу, одно из них ал-Истахри называет «большим», другое «малым» (BGA, I, p. 255).[59] В «Асрар ат-таухид» фигурируют «чарсу Нишапура» и «чарсу керманцев» (Ибн ал-Мунаввар, с. 289 и 88, 89, 254); последнее можно отождествить с «малым чарсу» ал-Истахри.[60]

---

[58] В. В. Бартольд перевел это выражение как «казенное имение» (I, с. 223).

[59] У ал-Истахри топографическое описание Нишапура подробнее, чем у Ибн Хаукаля.

[60] Это явствует из того, что влево от ханаки Абу Са'ида находились Ворота Хире (восточные), вправо — чарсу керманцев, а Малая Мурабба'а была как раз в восточной части Нишапура.

Базар Нишапура, красочно описанный Ибн Хаукалем (BGA, II, p. 311), размещался в основном между этими двумя центрами.

Об устройстве базаров мы можем судить по обрывочным сведениям письменных источников, привлекая для аналогии позднесредневековые базары Средней Азии, сохранявшие в основном то же устройство. В центральной части базаров улицы часто были перекрыты сводами или затенены циновками. В Мерве XI—XII вв. чарсу было перекрыто сводом или куполом со световыми окошками (Тартуси, л. 41). Другие базары были, видимо, открытыми, так как рассказывается, что горожане принимали участие в сражении Абу Муслима с правительственными войсками, стоя на крышах домов и бросая камни (л. 41). Крытые базары имелись в Чаганиане (BGA, III, p. 283), Земме и Амуле (там же, с. 291); в Сабате базар, видимо, был покрыт плоскими деревянными навесами (сукуф) (там же, p. 277).[61]

Средневековые авторы употребляют различные термины для обозначения построек, связанных с торговлей: караван-сарай, тим, дуккан, хан, фундук, ханберат, ханут. Первые три термина персидско-таджикские, остальные — арабские, но и они встречаются в персидско-таджикских источниках, особенно в переведенных с арабского. Дуккан и ханут — синонимы, обозначающие лавку и мастерскую, иногда они встречаются в одной фразе (BGA, II, p. 311). Дукканом в равной мере называются и кузница, и пекарня, и харчевня (Тартуси, л. 39б, 44б, 48б и др.; Ибн ал-Мунаввар, с. 77; Газали, с. 295).

Сложнее обстоит дело с остальными понятиями. Так, фундук, хан и караван-сарай обозначают одно и то же — постоялый двор.[62] Ал-Мукаддаси считает их синонимами, а также тим и дар ат-туджжар (BGA, III, p. 31). Интересно, что ал-Мукаддаси, описывая города Мавераннахра, употребляет слово «тим» (в Исфиджабе — BGA, III, p. 272; Уштуркете — p. 277; Бухаре — p. 271), а ал-Истахри и Ибн Хаукаль — «хан» (BGA, II, p. 366, 367). В вакфных документах Ибрахима Тамгач-хана один из ханов, пожертвованных в вакф госпиталя, носит название «тимаки-и бимаристан» (тимчик госпиталя) (Khadr, 1967, p. 316), а другой хан, пожертвованный медресе, — «тим-и палас (?)» (там же, с. 325). Помещения, перечисляемые в этом хане, характерны для караван-сарая: конюшни, стойла, сеновалы. И все же в некоторых случаях словом «тим» назывались не постоялые дворы, а крытые торговые ряды. Наршахи упоминает в Бухаре «тим сапожников», который вряд ли мог быть караван-сараем, и «тимчики базара» (III, с. 93).

Особенно интересно было бы раскрытие содержания термина «ханберат», упоминаемого Ибн Хаукалем при описании Нишапура (BGA, II, p. 311).[63]

Принято считать базары почти исключительно достоянием рабадов, однако из географических сочинений явствует, что они могли располагаться в любой части города. В одних городах базары в основном находились в медине (Термез — BGA, I, p. 298; Исфиджаб,[64] Кят, Ахсикет),[65] в других — и в медине, и в рабаде (Самарканд, Бинкет, Тункет, Фараб),

---

[61] Видимо, такие навесы иногда назывались просто чубха — «дерево», чубха-и сайе — «дерево для тени» (Тартуси, л. 81б).

[62] У Ибн Хаукаля в описании базара Нишапура слова «фундук» и «хан» употребляются рядом (BGA, II, p. 311).

[63] А. Мец толковал этот термин как «хан анбарат» — «склады (хана)» (1966, с. 373, прим. 100), но мне кажется, что этот термин обозначает особый вид торгового заведения.

[64] У ал-Истахри: «Его базары — во внутренней медине» (К, с. 186, прим. 1), а у Ибн Хаукаля: «. . . в медине и рабаде» (BGA, II, p. 390).

[65] «Его базары — в медине и рабаде, но самые большие базары — в медине» (Истахри, К, с. 186, прим. 1).

в третьих — только в рабаде (Кеш, Несеф, Пенджикент, Куба, Узген,[66] Атлах, Хамукет). О большинстве городов вообще нет сведений подобного рода, но в маленьких городах базары наверняка располагались в медине, так как рабадов у них не было. Нахождение базаров в рабадах объясняется не их особым качеством, несвойственным шахристанам, а наличием свободного места для лавок и мастерских.

Базар не только место торговли, но и центр ремесленного производства. В средневековом городе нет четкой границы между ремесленником и торговцем, большинство из них сами продают свои изделия прямо из мастерской, находящейся на базаре (однако не обязательно, чтобы это было именно так). И все-таки между торговцем-ремесленником и настоящим купцом (таджир) лежит глубокая пропасть. Профессиональный купец, обычно связанный с внешней торговлей, относится к верхушке городского общества. Рядом с саррафами стояли торговцы тканями (баззаз), одна из самых многочисленных групп богатых купцов. Торговля тканями считалась самым благородным видом торговли (Мец, 1966, с. 373). Торговцы тканями располагались в центре базаров рядом с саррафами, парфюмерами и ювелирами.[67] На другом полюсе (если не считать всеми презираемых подметальщиков улиц и обмывателей трупов) были ткачи, чистильщики хлопка и кузнецы. Именно эти профессии в «Романе об Абу Муслиме» называет Наср б. Сейяр как самые характерные в толпе бунтующих «базарников» (Тартуси, л. 167).

Ткачи и чистильщики хлопка были повсюду наиболее многочисленной и низкооплачиваемой группой ремесленников, работающих не непосредственно на рынок, а на работодателя. Естественно, что они были самым взрывчатым материалом во время всяких городских неурядиц. Кузнецы же были опасны своей силой и вооруженностью.

Б. Н. Заходер считал даже, что большое количество наемных рабочих характерно для всех ремесленных специальностей средневекового города. «Необычайное развитие товарно-денежных отношений придало всему восточному ремесленному производству чуть ли не с самого возникновения халифата массовый характер. Основной фигурой ремесленного производства в этих условиях был не искусник-мастер, устад, а тот ахль аль-амал (в буквальном переводе — «люди дела, работы»), о которых упоминает Ибн Хаукаль при описании нишапурских ремесленных базаров и который, по нашему мнению, идентифицируется с персидским „муздвар", получающим музд (плату) за работу» (1945, с. 130).

Такой вывод страдает явным преувеличением уровня развития экономики средневекового Востока. Лишь немногие производства, и то не везде, организовывались в мануфактуры. Даже в такой явно большой керамической мастерской, как мервская XII в., основной силой производства по-прежнему являлся мастер, так как все ремесло продолжает оставаться искусством.

Наиболее распространенный производственный коллектив — мастер-хозяин (устад), 1—2 подмастерья (шагирд). Возможны два варианта отношений между ними: ученичество или работа по найму. Первое предполагает обучение профессии с последующим посвящением в мастера, как это было в Западной Европе и в ремесленных объединениях ахи в Малой Азии XIV в. (EI², Akhi; EI, Sinf.), и в позднесредневековой Средней Азии.

Вопрос о существовании цехов в домонгольской Средней Азии остается в области гипотез. А. Ю. Якубовский считал, что «все ремесленники были объединены в особые производственно-общественные организации,

---

[66] У Ибн Хаукаля: «Его базары — в рабаде» (BGA, II, p. 394), а у ал-Мукаддаси: «Его медина оживленна, в ней — базары» (BGA, III, p. 272).

[67] Так было в Бухаре (Наршахи, III, с. 93).

несколько напоминающие ремесленные цехи» (Очерки. . ., с. 501). Б. Н. Заходер высказывал прямо противоположное мнение: «У нас существует полная уверенность, что отсутствие в источниках раннего средневековья каких-либо упоминаний о цеховой организации ремесленников, а также о сколько-нибудь влиятельном положении ремесленных глав не является только признаком феодально-придворного происхождения литературы, которой мы пользуемся. На мусульманском Востоке подлинным „главою" ремесленного производства было все то же всесильное землевладение» (Заходер, 1945, с. 129).

Отсутствие сведений об организации ремесленников в исторической и художественной литературе не восполняют и юридические сочинения. Единственная форма отношений, которая в них рассматривается, — отношения найма (Хидайа, гл. «Уджра»). Правда, юридическую литературу нельзя считать в таких вопросах доказательной, так как она очень абстрагировалась от конкретных взаимоотношений, либо оставляя регулирование их обычному праву, либо игнорируя их.

Косвенным доказательством существования ремесленных объединений считается расселение ремесленников и торговцев компактными группами в пределах обособленных кварталов. «Каждый квартал (махалла) в городе был занят определенным ремеслом; такой квартал был вместе с тем определенным производственным объединением, игравшим в тревожные для городских ремесленников времена и политическую роль» (Очерки. . ., с. 501).

Действительно, во всех городах мы встречаемся с кварталами, называемыми по профессиям; некоторые из них в XII в. изолируются настолько, что имеют ворота, запирающиеся на ночь или в смутное время, чтобы обезопасить жителей.[68] Естественно думать, что в таком изолированном квартале, заселенном ремесленниками одной профессии, староста квартала одновременно является и цеховым старшиной.

В Мерве, топонимика которого нам известна лучше всего, упоминаются улица Кожевников (Тартуси, л. 189б, 198а, 199а), улица Ювелиров, (там же, л. 186а), квартал менял,[69] квартал плотников (там же, л. 166а); где-то в самом городе или его ближайших окрестностях находился холм Сапожников (там же, л. 42а). Кварталов и улиц с названиями другого происхождения у Тартуси меньше: улица Зурнук (там же, л. 89б, 90а),[70] улица Сельма (там же, л. 187а), квартал Сулеймана Кесира (видимо, идентичный кварталу менял) (там же, л. 165б, 166а, 476а).[71] Сам'ани добавляет к этому перечню ремесленной топонимики квартал Таннургаран (мастеров по изготовлению хлебных печей) (л. 130б; МИТТ, с. 329); другие названия кварталов, приводимые им, не связаны с производством, но и там велась торговля.[72] Так же обстоит дело в Нишапуре, одном из крупнейших торгово-ремесленных центров, городе, где ни один из 44 кварталов не назван по базару или виду производства, хотя и отмечается наличие в них базаров (Нисабури, с. 124).[73]

---

[68] Подробнее об этом см. ниже, с. 335—336.

[69] Махалла-и саррафан; сар-и саррафан (Тартуси, л. 148а, 158б, 186б, 361, 478б). Этот квартал называется, по-видимому, также кварталом Абу Джа'фара Саррафа, в нем находился дом Сулеймана Кесира (там же, л. 158б).

[70] Зурнук — разновидность водоподъемного устройства (Бартольд, III, с. 143).

[71] В одном месте определенно указывается, что дом Сулеймана Кесира находился в квартале Абу Джа'фара Саррафа (Тартуси, л. 158б), а далее все события, связанные с боями вокруг дома Сулеймана Кесира, происходят в квартале менял или в «начале [квартала] менял» (дар сар-и саррафан). Но в другом месте говорится, что дом «ходжи Сулеймана» находится в «начале [квартала] менял» (там же, л. 166а).

[72] Сам'ани отмечает, что в квартале Зарджейн торговали пшеницей (л. 272б; МИТТ, с. 33).

[73] В «Асрар ат-таухид» также отсутствует нишапурская топонимика, связанная с производством.

Топонимы производственного происхождения известны и в других городах. В Бухаре — Ворота Торговцев сеном, Ворота Парфюмеров, канал Бутылочников, в Самарканде — квартал (или базар) медников, в Кеше — Ворота Мясников (см. выше, с. 189); в Ранджеде (Фергана) квартал (или базар) сапожников; в Тасхане квартал (или базар) торговцев тканью (карбас) (BGA, III, p. 272).

Однако даже значительно большее количество топонимов подобного рода не может разъяснить, находились ли жилища ремесленников и торговцев в одном квартале с базаром соответствующего профиля. Тем более что нет уверенности в надежности разграничения понятий «улица», «квартал» и «базар». Так, Тартуси упоминает наряду с кварталом менял также базар менял (л. 121а, 184а). Но как удостовериться, что это не одно и то же? В других случаях тот же автор называет базары кузнецов-кетменщиков и продавцов сахара (там же, л. 197а, 375а), не упоминая соответствующих кварталов и улиц. Если действительно в Мерве XI—XII вв. существовал наряду с базаром менял также и квартал менял, то можно говорить, что производственная и торговая деятельность происходила не в том квартале, где они жили. Во всяком случае в средневековой арабо-персидской литературе нередко можно встретить фигуру торговца или ремесленника, запирающего свою лавку и идущего с базара домой (Ибн ал-Мунаввар, с. 86), а это само по себе предполагает, что лавка находилась не при доме.[74]

Судя по бытовым эпизодам в «Асрар ат-таухид» и «Романе об Абу Муслиме», в одном квартале оказываются торговцы и ремесленники разного профиля; особенно часто в него вкрапливаются булочные и бани, что вполне понятно. Баня упоминается в квартале менял около чарсу Мерва (Тартуси, л. 361б) и в начале улицы, на которой помещалась в Нишапуре обитель Абу Са'ида (Ибн ал-Мунаввар, с. 171).

Археологические данные подтверждают чересполосное расположение ремесел. Более того, раскопки на Афрасиабе показывают разбросанность однородных мастерских по всему городу и их подвижность. Население большого квартала, раскопанного в западной части Афрасиаба, за 200 лет в профессиональном отношении совершенно переменилось. В IX в. квартал занимали бани, в начале X в. их перестроили и часть квартала заняли ювелиры, в конце первой четверти X в. появились пекари, которых в конце X в. сменили гончары (Крикис и др., 1963; Шишкин, 1969а, с. 141; Шишкина, 1969а, с. 19—20). Кварталы гончаров обнаружены во всех районах Афрасиаба: на юго-западе (Жуков, 1961), в центре (Брусенко, 1969), на юге около Шахи-Зинда (Немцева, 1969, с. 194—195) и западнее мавзолея ходжи Данияра (Шишкин, 1969а, с. 143).

В Мерве значительная часть гончарных мастерских с X по XII в. находилась на одном месте, но керамические печи того же времени были найдены в ряде других районов города (см. выше, с. 215). Но если участок к северо-западу от Ворот Фирузи можно назвать кварталом керамистов в том смысле, что он был занят мастерскими, то совершенно необязательно, что керамисты жили в том же месте. Обе найденные здесь мастерские не имеют ни одного жилого помещения, следовательно, мастера жили где-то в другом месте.

Мы не знаем также, где продавались изделия этих мастерских: здесь же или где-то на базаре в особо отведенном для этого месте. Учитывая все это, приходится признать, что «квартал керамистов» (или ремесленников любой другой специальности) — понятие очень неопределенное, которое может относиться к месту, где расположены мастерские, к кварталу,

---

[74] Тартуси различает лавку кузнеца Хурдака и его дом, находящийся в другом месте.

в котором находились торговые ряды с данными изделиями, и, наконец, к кварталу, где компактно жили ремесленники одной специальности. Правда, нередко мастерские находились в домах или, располагаясь на базарах, служили одновременно и лавкой. Все равно в любом случае мы оказываемся перед загадкой, что означает выражение «квартал таких-то ремесленников».

Следовательно, топонимика пока не дает однозначного ответа на вопрос о ремесленной специализации кварталов (хотя известно, что в XII в. в Мерве имелись изолированные кварталы с воротами, запиравшимися на ночь; см. ниже, с. 335—336) и не может служить основанием для выводов о наличии или отсутствии цеховой организации.

В письменных источниках домонгольского времени слово «синф» — «цех» встречается только раз при описании Самарканда: «Его базары, постоялые дворы, сунуф [мн. ч. от «синф] и товары находятся в рабаде, за исключением небольшого количества в медине» (BGA, II, p. 367). Однако данное слово имеет не только узкое техническое значение «цех», но чаще употребляется в первоначальном смысле — «сорт», «разновидность». В приведенном контексте не исключено значение «базары разных специальностей».

Короче говоря, прямых доказательств существования цеховой организации в IX—XII вв. нет, хотя упоминания в XV в. заставляют допустить ее зарождение в домонгольское время (Беленицкий, 1940а, 1940б). Известные нам факты не дают возможности отличить старост ремесленников, утверждаемых государством для обеспечения поступления налогов, от цеховых старшин.

Надзор за ремеслом и торговлей

Контроль за качеством и стандартностью продукции, входивший на Западе в компетенцию цехов, в мусульманских городах осуществлялся специальным государственным чиновником, мухтасибом. В западных областях Халифата он именовался «сахиб ас-сук» (ведающий рынком) и представлял собой мусульманский вариант «агоранома» византийских городов. В восточных областях он с самого начала (IX в.) назывался мухтасибом.

Этимология этого слова помогает понять многое в специфике противоречивых функций лица, которое оно обозначает. Мухтасиб — тот, кто «ихтасаба», осуществляет хисбу, а хисба, по единодушному определению мусульманских авторов, «это призывание к одобряемому шариатом [ал-ма'руф], когда обнаруживается его нарушение, и запрещение осуждаемых действий, когда они обнаруживаются» (Маварди, с. 404; Газали, с. 269; Tyan, 1960, p. 436—443).

По мысли мусульманских теоретиков, хисба — моральный долг каждого мусульманина; увидев нарушение шариата, он должен предостеречь от «осуждаемого» и призвать «поступать в соответствии с правилами шариата (би-л-ма'руф)». Такое понимание термина демонстрирует «Асрар ат-таухид» (источник того времени, когда функции мухтасиба давно определились и должность существовала не менее 300 лет): мюриды шейха увидели людей, которые на кладбище пили вино у могил шейхов, и пожелали «сделать ихтисаб», т. е. усовестить их или иным путем прекратить это публичное нарушение шариата (Ибн ал-Мунаввар, с. 309). Другой раз сам шейх стал объектом «ихтисаба» со стороны соседа (там же, с. 157). В соответствии с этим человек, защищающий нормы ислама и воспитывающий других в их духе, есть мухтасиб, но это в то же время — специально назначенное лицо, осуществляющее надзор за соблюдением

предписаний ислама. Контроль за ремеслом и торговлей лишь одна из сторон его деятельности.[75]

О деятельности мухтасибов мы имеем хорошее представление благодаря ряду трактатов, посвященных хисбе. Они делятся на две группы: одни — западного происхождения (Сирия—Египет и Магриб—Андалузия) — содержат конкретные инструкции, дающие богатый материал для суждения об организации ремесла и торговли; другие — восточные (Ирак, Иран, Средняя Азия) — являются теоретическими сочинениями, из которых с трудом выявляются конкретные детали.[76] Единственное сочинение о хисбе среднеазиатского происхождения, близкое к интересующему нас времени (по-видимому, XII в.), очень кратко и также носит характер собрания общих предписаний.[77] Если спуститься с высот общих рассуждения теоретиков, то основной сферой деятельности мухтасиба окажется все-таки контроль за соблюдением законности на рынках и улицах.

Функции кади и мухтасиба не были четко разграничены. Главное различие состояло в том, что кади разбирал иск, а мухтасиб сам вмешивался, если видел нарушение шариата. В этом отношении деятельность его несколько напоминала прокурорскую, с той разницей, что он на месте пресекал очевидные нарушения, без проведения следствия и привлечения свидетелей. Согласно ал-Маварди, он ведал также разбором склок между соседями и организацией общественных работ, необходимых для блага мусульманской общины (с. 412, 426).

Источники иного характера редко касаются деятельности мухтасибов. В «Истории Бухары» он не упоминается вообще, хотя, по словам Наршахи, в Бухаре существовал «диван мухтасиба» (Ш, с. 24). В богатейшей бытовыми деталями «Истории Мас'уда» мухтасибы упоминаются только раз, да и то как специально назначенные блюстители нравственности войска, находившегося в походе, а не представители городской администрации (Бейхаки, пер., с. 473). Ас-Сам'ани в статье «ал-Мухтасиб» называет двух мухтасибов Бухары при Саманидах, в другом месте упоминает «улицу мухтасиба в Бухаре» (л. 511а, 471б).

Судя по всему, мухтасибы вплоть до XI в. не играли заметной политической роли в городе и стояли намного ниже раиса и кади, который исполнял часть функций мухтасиба (в Бухаре — организация ремонта мечетей на средства горожан). Мелким чиновником предстает мухтасиб в «Асрар ат-таухид»; он сам несет в стирку узелок с одеждой и торгуется из-за платы (Ибн ал-Мунаввар, с. 156). Возможно, что речь шла не о мухтасибе Нишапура, человеке, несомненно достаточно богатом, чтобы иметь слуг (если не для стирки, то для того, чтобы отнести одежду в стирку), а об одном из его уполномоченных, «хожалых», который в рассказах почитателей шейха превратился для вящей славы Абу Са'ида в мухтасиба.

Реальные функции мухтасиба XII в. перечислены в дипломе Санджара о назначении на должность мухтасиба Мазендарана. Приводить весь текст, написанный напыщенно и многословно, нет смысла, мы ограничимся важнейшими отрывками: «Представление интересов религии и укрепление основ шариата — одно из обязательных условий укрепления власти и причин расширения государства . . . Основой дела хисбы

---

[75] Показательно, что на западе мусульманского мира при определении функций мухтасиба не употребляется приведенная выше общая формула, а говорится только о его конкретных обязанностях по контролю за соблюдением порядка на базарах и улицах (Tyan, 1960, p. 441, n. 2).

[76] О трактатах по хисбе см.: Gaudefroy-Demombines, 1938; EI,[2] III, Hisba. Из восточных трактатов наиболее конкретно зейдитское наставление по хисбе начала X в. (Sergeant, 1953).

[77] «Нисаб ал-ихтисаб» ас-Синами; имеется много рукописей.

является призыв к одобряемому и запрещение осуждаемого . . . Поскольку же основы этого дела построены на благочестии и набожности, то пусть он будет во всех обстоятельствах надзирателем от господа всевышнего и по мере возможности осуществляет устройство того, что связано с этим делом в отношении призыва к одобряемому и запрещения осуждаемого . . . В уравнивании и уравновешивании гирь и мер следует ему прилагать полное старание, чтобы при продаже и купле не случалось несправедливости и мусульмане не оказывались бы обманутыми и введенными в убыток. Ведь всевышний Аллах сказал: „Взвешивайте правильными весами". Следует ему осуществлять надзор за соблюдением шариатских установлений в соборной и других мечетях и за исполнением религиозных обязанностей муаззинами и возглашающими такбир, и за расписанием молитв. Следует ему изгонять из мечетей все, что не согласуется с сунной и шариатом . . . И чтобы не щадил он усилий в укрощении и притеснении нарушителей порядка и в запрещении публично и явно проявлять порочность и распивать вино рядом с мечетью, мешхедами и могилами. А зиммиев с отличительными знаками, которые суть признак их униженности и ничтожности, отделил бы от людей ислама. И чтобы не допускал он женщин смешиваться с мужчинами на заседаниях ученых и во время проповедей» (Мунтаджаб ад-дин, с. 82—83).

Приведенный фирман показывает, что не только в юридической теории, но и в административной практике Ирана и Средней Азии мухтасиб считался прежде всего блюстителем норм ислама, а торговая инспекция рассматривалась лишь как часть его функций.

Это совпадение взглядов различных по характеру источников позволяет нам, не боясь впасть в грубую ошибку, пользоваться рекомендациями ал-Газали и ал-Маварди, чтобы представить себе деятельность мухтасибов на востоке мусульманского мира. Главный принцип, из которого следовало исходить мухтасибу при наблюдении за порядком на улицах: «Улицы — общее достояние, и недопустимо, чтобы их присваивали себе отдельные лица» (Газали, с. 295). Поэтому должно воспрещаться все, что препятствует свободному движению по ним: сужение посредством установки столбов для навесов, устройство суф у стен, выступающих вторых этажей,[78] коновязей, приготовление пищи на улице, посадка деревьев и т. д. (но если улица достаточно широка, то все это считается допустимым). В соответствии с указанным принципом внутриквартальные улочки и тупики, не используемые для транзитного движения, являются общей собственностью проживающих на них лиц, и всякое их использование, необходимое всем жителям улицы, считается дозволенным. Этим объясняется причудливое искривление внутриквартальных туничков во всех восточных городах: с согласия обитателей (особенно, если они были родственниками) возможна была частичная застройка, устройство обходов и т. д.; такие тупики превращались в коммунальные коридоры, фактически выпадавшие из компетенции мухтасибов.

Мухтасиб должен был следить за чистотой на улице: чтобы на нее не выбрасывали арбузных и дынных корок и другого мусора, чтобы после поливки она не стала скользкой и опасной для прохожих, чтобы сточные трубы не пачкали прохожих, мясники не резали скот перед лавкой и не пачкали улицу кровью. Снег, сброшенный на улицу с крыши определенного дома, должен был быть убран его хозяином. Нельзя сидеть и спать на улице, если это мешает проходу и т. д. (Газали, с. 295). Ал-Газали говорит обо всем этом не как о компетенции мухтасиба, а как о недопустимых деяниях, но именно на мухтасибе лежало предотвращение недопустимого.

[78] По мнению ханбалитов, на это нужно получить разрешение, шафииты относились к этому снисходительнее (Ashtor-Strauss, 1956, p. 82).

Зато в своем доме человек может делать все, что угодно (если только это не является нарушением основных предписаний ислама, равносильным вероотступничеству); запрещать ему использовать дом и двор по собственному усмотрению — значит ограничить право собственника распоряжаться собственностью. Ал-Маварди пишет: «Если хозяин установил в своем доме [дар] таннур и соседу мешает дым, то [все равно] нельзя препятствовать ему и запрещать; точно так же, если он устроит в своем доме мельницу или поместит в нем кузнецов или отбельщиков, то нельзя ему запрещать, потому что людям принадлежит право распоряжаться своей собственностью, как они захотят» (с. 427). Естественно, что неприкосновенность и неограниченное право распоряжения собственностью не всегда принимались во внимание, если это касалось больших групп заинтересованных лиц (мы не говорим уже о злоупотреблениях властью), но знаменательно само существование такого правового принципа.

О контроле за ремесленно-торговой деятельностью ал-Газали пишет очень бегло, также отмечая только недопустимые действия и недозволенные товары; нам приходится догадываться, что именно за этим и должен был следить мухтасиб.

Конкретно одной из важнейших обязанностей мухтасиба был контроль за правильностью мер и весов. На гирях и мерах должна была стоять печать или метка мухтасиба. «Если у него вызывают сомнение весы людей базара или их меры, то следует ему их проверить и измерить, даже если на них есть определенная печать» (Маварди, с. 424). Одна бронзовая гиря с именем Исма'ила Самани и пометкой «верно» хранится в Государственном Эрмитаже (Дьяконов, 1940). Ибн Бассам (Египет, начало XIV в.) рекомендует на мерах надписывать их объем (с. 186). Тот же автор сообщает некоторые детали, которые несомненно характерны также и для практики среднеазиатских мухтасибов. По его словам, мастерские и лавки кузнецов, пекарей и других ремесленников, деятельность которых связана с огнем, должны быть удалены от лавок парфюмеров и торговцев тканями, чтобы последним не причинялся вред (там же, с. 17). Из среды ремесленников и торговцев каждой специальности должен быть избран уполномоченный (ариф) мухтасиба для контроля за собратьями по профессии.[79] Контроль касался даже рецептуры харисы и закладки в нее мяса (там же, с. 39).

Среди недозволенных предметов торговли ал-Газали называет музыкальные инструменты, золотую и серебряную посуду, шелковую мужскую одежду и головные уборы, детские игрушки в виде животных. Запрещенные товары следовало уничтожать (Газали, с. 295, 272). Однако отнюдь не всегда мухтасибы Средней Азии во всем придерживались таких же взглядов. Во всяком случае керамические игрушечные фигурки животных производились в большом количестве и явно на продажу.

Несмотря на строгую регламентацию многих сторон торгово-ремесленной деятельности, мухтасибы не контролировали цен. Под это была даже подведена теоретическая база: дешевизна и дороговизна зависят от воли Аллаха, и люди не вправе регулировать цены (Абу Йусуф, с. 76; Ибн Бассам, с. 18). Из-за отсутствия контроля за ценами на продовольствие в неурожайные годы цены на хлеб увеличивались во много раз, и тысячи горожан умирали от голода.[80] Примечательно, что в средневековой Сирии в пору дороговизны цены на хлеб поднимались гораздо выше, чем на зерно (Ashtor, 1961a, p. 19), отчего выигрывали в основном пекари.

---

[79] Об этом говорится в каждом разделе, посвященном отдельной специальности.

[80] Так было в Нишапуре в 1011 и 1038 гг. (Ибн Фундук, с. 176; Утби, II, с. 125—126; Бейхаки, пер., с. 538).

Цены и жизненный уровень

Сведений о ценах и заработках в Средней Азии настолько мало, что они пригодны только для привязки к более многочисленным и лучше изученным сведениям по Ближнему Востоку. Единственное сообщение о цене на основной продукт питания, хлеб, относится к Нишапуру; в очень голодный год манн (800 г) хлеба стоил там 13 дирхемов (Бейхаки, пер., с. 538), но это совершенно непоказательно для нормальных условий. В 1052 г. в Исфахане после недорода хлеб нового урожая стоил: ячменный $^1/_3$ дирхема за манн, а пшеничный вдвое дороже. По уверениям исфаханцев, обычная цена манна хлеба (ячменного?) $^1/_8$ дирхема (Насир-и Хусрау, с. 93).

Надежные цифры имеются только в отношении Ирака. Сравнение разновременных сведений показывает, что в X—XII вв. цены на хлеб колебались от $^1/_4$ до $^1/_8$ дирхема за ритль (400 г). Средняя цена составляла 1 динар (15 дирхемов) за 100 ритлей. Оптовая же цена на пшеницу колебалась от 40 до 60 динаров за курр (=7440 ритлей) (Ashtor-Strauss, 1959, p. 275—276; Cahen, 1952, p. 342). Иракские цены были в общем выше, чем в других областях, в том числе, вероятно, и в Средней Азии.

Последнее справедливо и относительно цен на мясо. На ярмарке в степном городке манн баранины стоил $^1/_4$ дирхема, но это приводится как пример особой дешевизны. В Нишапуре в первой половине XI в. шестимесячный барашек стоил динар. В этом случае мы уверены, что названная цена считалась нормальной, так как покупатель предлагал $5^1/_2$ даника (т. е. $^{11}/_{12}$ динара) (Ибн ал-Мунаввар, с. 142). В переводе на курс дирхемов того времени это составит 30 дирхемов. Такая цена в общем соответствует тому, что известно о ценах на мясо в других областях. Например, в Басре в IX в. в пору окота козленок стоил 10 дирхемов (Джахиз, Бухала, с. 62).

Цены на одежды и ткани известны только для дорогих изделий. Табаристанская чалма в первой половине XI в. стоила 10 динаров (Ибн ал-Мунаввар, с. 75), а одежда из ведарийской ткани в середине X в. —от 2 до 20 динаров (BGA, II, p. 403).

Сравнение цен на скот в X—XI вв. с ценами, встречающимися в мугских документах (см. выше, с. 111), показывает значительное обесценение денег; учитывая материалы других стран, можно говорить, что скачок произошел во второй половине VIII в., так как в IX—XII вв. цены на все виды товаров остаются почти неизменными (Ashtor-Strauss, 1959, p. 274).

Столь же скудны сведения о доходах различных слоев населения. Для VIII в. имеются лишь разрозненные сообщения ат-Табари о жалованьи воинам, на основе которых можно составить какое-то представление об уровне заработков вообще (обычное жалованье воина примерно соответствовало заработку среднего ремесленника). В 730 г. воины Джунейда получили (в виде подарка или жалованья?) по 10 дирхемов (Табари, II, с. 1551). В 734 г. Асад б. Абдаллах роздал своим воинам, выступившим в поход против Хариса б. Сурейджа, по динару (10 дирхемов), но когда оказалось, что воинов меньше, чем предполагалось, то увеличил выдачу до 3 динаров (там же, с. 1569—1570; МИТТ, с. 114). Из этого можно заключить, что динар был обычным жалованьем,[81] а 3 динара — суммой экстраординарной. Действительно, по 20 дирхемов получили воины Асада б. Абдаллаха в 736 г. перед решительным сражением с хаканом (Табари, II, с. 1605). Столь же щедро платил своим воинам Курсуль — в месяц по куску шелка, стоившему 25 дирхемов (там же, с. 1689).

[81] При ал-Хаджжадже в Ираке 10 дирхемов в месяц получал начальник небольшого отряда пехотинцев (десятский?) (Ashtor, 1961b, p. 47).

Видимо, и заработок хорошего ремесленника в VIII в. составлял 10—15 дирхемов в месяц. Это совпадает со сведениями о заработках в Сирии и Египте (Ashtor, 1961b, p. 47—49) и суммами денежных выдач, засвидетельствованными в мугских документах (Ливниц, 1962а, с. 181—188). Единственное известное мне сообщение о заработке ремесленника в IX в. связано с именем Йакуба б. Лейса, основателя династии Саффаридов, который, работая подмастерьем у медника, получал полдирхема в день (Бартольд, VII, с. 341). Следовательно, мастер получал по крайней мере дирхем в день, или 30 дирхемов в месяц. Это тоже совпадает с более многочисленными сведениями о заработках в Сирии и Египте (Ashtor, 1961a, p. 49). Некоторое увеличение заработков в IX—X вв. по сравнению с VIII в. объясняется повышением цен на продукты питания.

В конце X в. поэт Фарухи получал от содержавшего его сиджистанского дихкана 100 дирхемов и 1000 маннов (850 кг) зерна в год; прокормиться на это с женой он не мог (Самарканди, с. 58). Видимо, это содержание равнялось примерно 300 дирхемам.

Любопытно сравнить максимальный месячный заработок квалифицированного мастера в X в. (гранильщик стекла в Ираке; Ashtor, 1961b, p. 50) — 40—45 дирхемов (около 3 динаров) — с жалованьем крупных провинциальных чиновников саманидского государства. Кади, глава финансового ведомства и начальник почт самого маленького из округов (Кобадиан) получали по 200 дирхемов за 20 дней, или 300 дирхемов в месяц. Соответствующие чиновники в Герате и Балхе получали 1500 дирхемов в месяц, а в Нишапуре — 4500 дирхемов, т. е. в 100 раз больше квалифицированного ремесленника (BGA, II [2], p. 470).

Уникальные сведения о жалованье разных категорий лиц, связанных с медресе в XI в., сообщает вакфный документ Ибрахима Тамгач-хана. Стипендия студентам не превышала 30 дирхемов в месяц, т. е. примерно $^2/_3$ динара. Высший оклад получал преподаватель права — 300 дирхемов в месяц (6.38 динара), затем шел преподаватель Корана — 125 дирхемов (2.66 динара), преподаватель литературы (адаб) — 100 дирхемов (2.13 динара), чтецы Корана — 62.5 дирхема (1.33 динара), дворники — 50 дирхемов (1.06 динара). При пересчете на динары оказывается, что уровень доходов с IX по XI в. почти не изменился, из чего можно заключить, что цены на основные продукты изменились незначительно.

Средний ремесленник или рядовой преподаватель медресе в XI в. на свои 2—3 динара в месяц мог купить 2—3 барана или 150—250 кг печеного хлеба.[82] На студенческую стипендию (в $^2/_3$ динара) можно было прокормиться только одному человеку.

Благоустройство городов

Города IX—XII вв. в большинстве отличались высоким для своего времени уровнем благоустройства. Во многих из них имелись мостовые. В шахристане Самарканда улицы были выложены плитами камня, выломанного на Чупан-Ате (BGA, I, p. 290). Эти мостовые обнаружены при раскопках Афрасиаба. В Термезе базар и улицы шахристана были вымощены кирпичом (BGA, III, p. 291). Мостовые имелись, по-видимому, в Бухаре и Хульбуке.

[82] По словам Насир-и Хусрау (с. 93), в Исфахане на полноценный дирхем в урожайный год можно купить 8 маннов хлеба (6.5 кг). В динаре должно быть 12—15 полноценных дирхемов. Следовательно, на динар можно было купить 78—95.5 кг хлеба. Видимо, все же Насир-и Хусрау преувеличивает дешевизну хлеба. К. Каэн считает средней ценой хлеба в Ираке 10 динаров за 1000 ритлей (420 кг), но приводит также сведения о более высоких ценах, считавшихся современниками нормальными (Cahen, 1952, p. 343). Поскольку Ирак был известен дороговизной, то можно считать, что цены на хлеб в Иране и Средней Азии были ниже динара за 42 кг и выше динара за 80—90 кг.

Большое внимание уделялось водоснабжению. Водопроводы, имевшиеся в некоторых городах, предназначались в основном для орошения и заодно для снабжения питьевой водой. Отдельных водопроводов с питьевой водой не имелось. Но иногда устраивались специальные павильоны с большими глиняными или медными сосудами с питьевой водой для прохожих (BGA, I, p. 290). Правда, это было делом частной благотворительности, а не проявлением заботы городских властей. Каналы и водоемы обычно не имели облицовки, но в некоторых случаях хаузы были облицованы обожженным кирпичом на известковом растворе (BGA, II, p. 271). В старых частях городов с сильно поднятым за счет культурных наслоений уровнем улиц сооружались подземные сводчатые каналы.

Как правило, в каждом доме имелись простейшие канализационные устройства, состоявшие из поглощающего колодца с устьем из крупного глиняного сосуда без дна. Отверстие закрывалось какой-нибудь плиткой или большим черепком. В некоторых случаях вода отводилась трубопроводами из специальных керамических труб, которые в большом количестве встречаются при раскопках средневековых городов. Описанные канализационные устройства могли применяться только для отвода грязной воды после умывания или мытья посуды.

Города Средней Азии по сравнению с западноевропейскими того же времени были значительно чище. Отчасти этому способствовала сухость климата, но главным было внимание, уделявшееся контролю за чистотой. В городах IX—XII вв. широко распространилось применение глубоких мусорных колодцев, служивших одновременно отхожими местами (бадрабы). До VIII в. включительно они неизвестны.

Конечно, чистота городов не была идеальной. Многие из них казались грязными даже непритязательным современникам. Грязнее всего были города Хорезма, где высокий уровень почвенных вод не позволял копать глубокие мусорные ямы; нечистоты валялись прямо на улицах и растаскивались на ногах по всему городу (BGA, III, p. 288; МИТТ, с. 187). Много нареканий вызывала также плотно застроенная и заселенная Бухара. Поэты в сатирическом задоре называли ее «отхожим местом Мавераннахра» (Са'алиби, Йатима, IV, с. 8—9; Латаиф, с. 216; BGA, III, p. 332). По словам ал-Мукаддаси, вода в каналах Бухары была очень грязной, так как в них выкидывали всякие отбросы (BGA, III, p. 331). В той или иной мере вода каналов засорялась и в черте других городов, поэтому горожане стремились селиться возможно выше по течению. Тенденцию роста вверх по течению наглядно демонстрируют Самарканд и Термез, хотя в этом нельзя видеть влияние рекомендаций гигиенистов, как полагают некоторые (Булатов, 1967, с. 29).

Новинкой городского быта, появившейся не ранее VIII в., была общественная баня; существование бань ранее этого периода не зафиксировано ни письменными источниками, ни археологически. По всей вероятности, они проникли с запада, из района Средиземноморья, так как в сасанидском Иране они еще были диковиной, появившейся впервые при Каваде (Claude, 1969, p. 79).[83] Но в начале IX в., как показывают раскопки на Афрасиабе, начинается интенсивное строительство бань,[84]

[83] М. С. Булатов считает, что в Бухаре к моменту арабского завоевания имелось большое количество бань (1967, с. 30), но мы не знаем фактов, подтверждающих его мнение. Видимо, он следует за Г. А. Пугаченковой, которая пишет (не ссылаясь на источник сведений), что Кутейба отдал арабам в Бухаре доход от общественных бань (1949, с. 245). Наиболее ранней среднеазиатской баней, еще очень примитивной, можно считать один комплекс построек в Пенджикенте (объект III, пом. №№ 115, 117, 125, 129— не опубликованы). Первое упоминание бань имеется у Наршахи (III, с. 70), но они были построены арабским войском, осаждавшим Муканну.

[84] Вряд ли случайно, что на площади раскопок, составляющей 2—3% территории городища, обнаружено несколько бань именно этого времени.

стимулированное то ли всеобщим распространением ислама, то ли установлением тесных контактов с областями, где бани издавна были важной деталью городского благоустройства и быта.

Появившиеся в печати краткие описания афрасиабских бань дают о них лишь приблизительное представление (раскоп № 9: Крикис и др., 1963, с. 224—227, рис. 1; Шишкин, 1969а, с. 141; Шишкина, 1969а, с. 19;

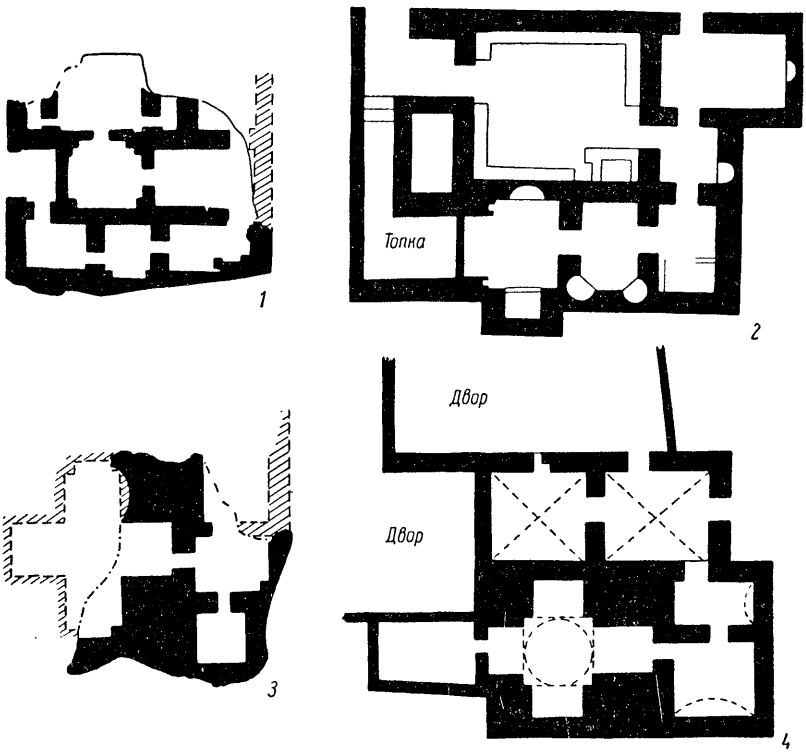

Рис. 97. Планы бань.

1 — в Таразе; *2* — Каср ал-Хейр; *3* — в Ахсикете; *4* — Хаммам-Абде

пункт 16: Гулямов, Буряков, 1969, с. 273—275). Для них характерно деление на небольшие кабинки и простая система обогрева (без гипокауста) жаропроводными каналами (Шишкина, 1969, с. 19) или индивидуальными жаровнями (Гулямов, Буряков, 1969, с. 274—275). Грязная вода отводилась в глубокий поглощающий колодец. Более поздние бани сохранились хуже (Вяткин, 1927, с. 16; Гулямов, Буряков, 1969, с. 275; Шишкин, 1969а, с. 146), и мы не можем судить, были эти особенности хронологическими или локальными.

По-видимому, бани IX в. еще не имели выработанного стандарта и были достаточно примитивными, что доказывается также их недолговечностью. Баня XI в. в Таразе (Бернштам, 1940в; Маргулан, 1950, с. 42, рис. 17, 18) совершенно иного типа и напоминает по плану баню в Каср ал-Хейр ал-Гарби (Schlumberger, 1939, pl. XXXII; рис. 97). Баня в Ахсикете (Ахраров, 1962а, рис. 2) находит аналогию в Хаммам-Абде. План третьей бани того же времени, в Нисе, не восстанавливается полностью (Пугаченкова, 1949, рис. 16).

В больших городах бывало по нескольку десятков бань. Точные цифры известны для некоторых сирийских городов. Например, в Алеппо в се-

редине XIII в. имелось 138 общественных бань (Sauvaget, 1941, p. 143). Число бань в среднеазиатских городах точно неизвестно, но судя по тому, что на уже раскопанной площади Афрасиаба одновременно действовали 3—4 бани, то при той же пропорции во всем шахристане Самарканда (за вычетом пустырей, площадей, хаузов) их могло быть до 60—80. Не исключено, конечно, что сравнительно большое количество раскопанных бань объясняется случайным попаданием на них при раскопках, и тогда число их следует несколько уменьшить. Много бань в Самарканде должно было находиться в южном рабаде. В середине XI в. здесь упоминаются три бани (Khadr, 1967, p. 327). Вероятно, в больших городах типа Самарканда или Мерва в IX—XII вв. бывало до сотни небольших бань. По мере совершенствования и увеличения пропускной способности число их должно было уменьшаться.

О популярности бань в быту городского населения свидетельствуют многочисленные «банные» эпизоды в различных средневековых сочинениях. Так, 10 раз бани упоминаются в «Асрар ат-таухид», несколько раз — в «Романе об Абу Муслиме». Контроль за чистотой бань входил в обязанности мухтасиба, который должен был следить за регулярной очисткой пола, сменой воды в бассейнах, за тем, чтобы у банщика имелись чистые изары [85] для посетителей (Ибн Бассам, с. 67—82).

Ввиду того что баня была самым посещаемым после мечети общественным местом, полагалось следить, чтобы росписи в ней не содержали изображений живых существ (см. выше, с. 281). О действенности контроля в этом отношении свидетельствует то, что обнаруженные до настоящего времени остатки стенных росписей бань имеют орнаментальный характер.

Бани благодаря массовой посещаемости были очень доходными заведениями, поэтому знатные горожане и даже цари не гнушались покупать и строить бани. В Самарканде Тамгач-хану принадлежали по крайней мере две бани: одну из них, мужскую, на улице Хаммада в квартале «Начало моста Гатфар», он пожертвовал в вакф медресе, а другую, «баню Мервана», расположенную где-то неподалеку, — в вакф госпиталю (Khadr, 1967, p. 317, 322, 326, 332). В Бухаре Арслан-хан построил около Ворот Фараджек баню, которую также завещал в вакф учрежденному им же медресе (Наршахи, Ш, с. 28). Доходы от бань неизвестны, но мы знаем, что султанская баня в Алеппо давала в год 80 тыс. дирхемов (Sauvaget, 1941, p. 253—254).

В крупных городах нередко имелись госпитали (бимаристаны), служившие и больницами, и приютами для бедняков. Существовали они на средства благотворителей, за счет вакфов. Такой госпиталь был, например, основан Ибрахимом Тамгач-ханом в июне 1066 г. на Ривдадской улице (Khadr, 1967, p. 314—324).

* * *

Как мы видим, в IX—X вв. объем ремесленного производства в Средней Азии настолько увеличивается, что значительно меняет облик города. Рост числа ремесленников способствовал появлению узкой специализации, о которой говорят в первую очередь письменные источники. Археологические данные, касающиеся главным образом керамического производства, свидетельствуют пока о противоположном — о широком ассортименте изделий, выходивших из одной мастерской. Высокий уровень благоустройства городов определялся не только общей культурой, но и экономическим благосостоянием, однако не города в целом, а отдельных его жителей, так как все большие мероприятия были делом частной инициативы.

[85] Изар в данном случае — платок, который мусульмане повязывают вокруг бедер в бане. Мыться без него считалось неприличным.

Глава VII

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОРОДЕ

Бурный рост городов в X—XI вв., прослеженный в предыдущих главах, свидетельствует о больших изменениях в экономике и социальных отношениях Средней Азии. Их можно назвать даже не вдаваясь в специальные изыскания: утверждение феодальных отношений, развитие производительных сил, усиление разделения труда между городом и деревней, а отсюда интенсификация товарообмена между ними. Гораздо труднее проследить эти изменения на конкретном материале города. Здесь сказывается и недостаток такого материала, и невнимание к исследованию города как особого социально-экономического явления. Внутренняя жизнь города, административное устройство, организация ремесла и торговли, социальные отношения известны нам в самых общих чертах.

Твердое убеждение историков, что исследование феодального общества должно быть направлено на изучение аграрных отношений и условного землевладения, не оставляет места городу в той схеме развития общества, которая устанавливается на основе изучения хараджной системы мусульманского Востока и связанной с ней системы икта. Положение осложняется тем, что средневековые авторы, особенно правоведы, подробно рассматривая все стороны поземельного налогообложения, почти не уделяли внимания торговым сборам и экономическим отношениям, характерным для города, поскольку они не укладывались в стройную умозрительную систему идеального государства, сложившегося в головах теоретиков шариата.

Не будем затрагивать проблему соответствия социально-экономического строя средневекового Востока тому понятию феодализма, которое сложилось на основании европейского материала, походя ее не решить, но даже руководствуясь представлением о существовании на Востоке аналогичного строя с преобладанием деревни над городом, мы не можем, исследуя феодальные отношения, игнорировать город, без которого феодальное общество также немыслимо, как любое другое классовое общество.

Социальные и экономические отношения среднеазиатских городов предшествующего периода — VI—VIII вв. — привлекали бóльшее внимание советских исследователей, стоит лишь напомнить работы А. Ю. Якубовского и С. П. Толстова, о которых говорилось в первой части книги.

Период же развитого средневековья — X—XII вв., видимо, казался и без того достаточно понятным, существовало молчаливое допущение, что, несмотря на некоторые отличия, город этого времени в общем не отличался от тимуридского или даже мангытского. Он стал безликим связующим звеном между увлекавшим всех домусульманским и тимуридским городом. Было бы несправедливо утверждать, что им не интересуются вообще, но интерес проявляется главным образом к исторической топографии, оборонительным сооружениям и ремесленному производству; у нас, как и на Западе, «к изучению мусульманского города подходят скорее с точки зрения географа, чем историка, скорее урбаниста, чем страстного исследователя социальной истории» (Cahen, 1958—1959, 1, p. 225).

В европейской науке за последние полтора десятка лет заметно увеличился интерес к социально-экономическим проблемам города Востока, появились исследования по истории городских муниципальных организаций, идеологии горожан (Fishel, 1933; Cahen, 1958, 1958—1959; Grünebaum, 1955; Ashtor-Strauss, 1956, и др.), о жизненном уровне и т. д. Касаются они прежде всего Ближнего Востока, и особенно Сирии, Средняя Азия затрагивается в них случайно.

Крупные города Востока, в том числе и Средней Азии, в значительной степени обязаны своим процветанием размещению в них правительственных резиденций. Город был средоточием господствующего класса, центром, в который стекались богатства общества, основная масса прибавочного продукта, как изъятого путем внеэкономического принуждения, так и приобретенного в процессе экономических и торговых отношений. Мы не можем затрагивать в этой работе сложную проблему соотношения города и резиденции, остановимся лишь на внутренних, экономических факторах, определявших социальные отношения в городе и формирование городской знати. На первый план обычно выдвигаются прибыли от феодального землевладения и торговых операций. Первое — отнюдь не характерный для горожанина способ обогащения. Торговля, конечно, более важный для него род занятий.

Мы не собираемся доказывать истинность данного положения и демонстрировать примеры огромных барышей от торговли — это в общем хорошо известно. Гораздо интереснее другое — какая часть прибылей оставалась в руках самого негоцианта и как они распределялись внутри общества. В связи с этим мы хотим обратить внимание на один фактор экономических отношений в городе, который до сих пор недооценивается, — земельную ренту на территории города. Почти во всех исследованиях наших историков словно забывается, что вся экономическая жизнь протекает на чьей-то земле. «Теория насилия», которую так резко критиковал Ф. Энгельс (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, с. 162—189), в исторических исследованиях еще нередко торжествует над экономикой.

Мы уже говорили о наличии крупных земельных владений в среднеазиатских городах VIII в. и о появлении нового слоя землевладельцев из арабских переселенцев и аристократии, но не касались правового статуса землевладения в условиях нового государства. Идеальная система собственности и налогообложения, сложившаяся в головах мусульманских теоретиков права, предполагала, что все земли, завоеванные мусульманами, становятся коллективной собственностью мусульманской общины. Долей каждого мусульманина является жалованье, средства для которого черпаются из налоговых поступлений с этих земель. Данная система не учитывала ни форм феодального землевладения и зависимости, ни существования иных налогов, кроме предписанных шариатом. Здесь, как

и в других разделах мусульманского права, допускалось действие норм, принятых в той или иной местности.

Согласно теории, все земли, завоеванные силой, становились государственной собственностью, частной собственностью (мильк) считались только наделы мусульман-арабов и тех землевладельцев в завоеванных странах, которые по первому же призыву приняли ислам (Абу Йусуф, с. 28—32, 74—75; Маварди, с. 217—321; Løkkegaard, 1950, p. 38—40). В силу этого большинство земель Средней Азии, в том числе и в городах, должно было стать государственной собственностью, а арабы-землевладельцы должны были иметь иные права собственности, чем местный городской патрициат. На деле, как мы видели выше, ничего подобного не произошло. Все отношения собственности (если не считать конфискаций по договорам и уплаты дани) остались прежними.

Мусульманское право не менее ревностно, чем римское, охраняло частную собственность. Мильком признавалось только то, что получено по наследству, куплено или вновь создано (например, освоение пустынных земель), фактическое владение не считалось основанием для признания прав собственности (Schacht, 1964, p. 136). Как мы видели в случае с наследниками Хине (см. с. 149—150), действительными считались даже купчие, совершенные до ислама, поэтому права собственности были равными для арабов и для местных жителей. Разница заключалась только в том, что арабы, владевшие землями в сельской местности, находились в привилегированном положении по сравнению с местными землевладельцами, платя десятину, а не харадж (да и то не со всех земель). Но в городе стиралась и эта разница, так как мусульманское право не знало налога на землю, занятую постройками, а сборы с торговли были одинаковыми для всех мусульман.

Специфической особенностью землевладения в городе было то, что вся земля находилась в частной собственности. Положение это не изменило ни арабское завоевание, ни сложившееся потом мусульманское право. Вторая особенность — собственность на землю выступала не столь очевидно, как в сельской местности, так как доход приносила не сама земля, а постройки, находившиеся на ней. Эта доходная недвижимость называлась арабским термином «мустагалл».

Перераспределение земельной собственности в связи с арабским завоеванием привело к концентрации ее в руках новой аристократии — военно-административной верхушки мусульманского государства. У Наршахи наряду с упоминанием рассеявшегося богатства Хине мы находим примеры крупных землевладений, сложившихся после VIII в. Описывая шахристан Бухары, он говорит: «Когда пройдешь Ворота Парфюмеров, пойдут Ворота Бану Са'д и мечеть Бану Са'д. А Хасан ибн Ала Са'ди [1] был знатный человек, и в шахристане у него был замок, какого ни у одного падишаха не было. И квартал [куй] Ала у Ворот Ала, и эту ограду он выстроил. И каждый месяц от этой ограды [хазире] он получал 1200 динаров дохода [ʾāʾiʾ] и в шахристане имел мустагаллы» (Наршахи, Ш, с. 53; ср. пер., с. 71).

До сих пор понимание этого отрывка затруднялось неверным переводом термина «мустагалл». О. А. Сухарева опиралась на перевод А. Ю. Якубовского, где конец звучит так: «Все это огороженное место

---

[1] Принято чтение Сугди (Наршахи, Ш и Ф; ИНУз). О. А. Сухарева сближает это имя с названием арабского племени Бану Са'д, жившего в указанном районе шахристана (1958, с. 29); последнее наиболее вероятно. Текст Наршахи в этом месте грубо сокращен; по-видимому, после слов «и мечеть Бану Са'д» должна была следовать фраза, связывавшая описание этого участка шахристана с рассказом о его богатейшем обитателе.

он обработал,[2] каждый месяц с этого огороженного места он получал доход в 1200 динаров, в этом [3] шахристане он имел и [другие] доходные земли» (ИНУз, с. 210). Однако, пользуясь этим переводом, который, по ее словам, точнее, чем у Н. С. Лыкошина, она повторяет его ошибку, понимая слово غلّة как «зерно» и мустагалл как «доход от продажи зерна». «Термин, которым обозначались эти участки (مستغلات), показывает, что на них высевалось зерно» (Сухарева, 1958, с. 29). Из этого она делает очень важный вывод, что «производимое в городе зерно шло на удовлетворение спроса горожан (Хасан б. Ала продавал его) и снижало импорт его из селений» и что «процесс отделения города от деревни, торговли и ремесла от сельского хозяйства . . . в этот период находился еще в зачаточном состоянии» (там же, с. 30).

Другой исследователь, известный советский востоковед Б. Н. Заходер, переводил слово «мустагалл» как «хлебный амбар» (Низам ал-Мулк, с. 201). И в том и в другом случае ошибка была порождена тем, что авторы исходили из таджикского (персидского) значения слова غلّة, не учитывая, что термин — арабский. То, что в Средней Азии первой половины X в., когда писал Наршахи, слово غلّة употреблялось в смысле «доход», доказывается, в частности, текстом ал-Истахри. В известном пассаже о магах Самарканда, которым было поручено поддержание в порядке свинцового канала, орошавшего город, говорится:

و على جنبات هذا النهر غلال [4] موقوفة على مرمات هذا النهر — «А по сторонам этого канала „галлал“, отданные в вакф для ремонта этого канала» (BGA, I, p. 317).

В персидском переводе غلال заменено более конкретным دكانها:

و دكانهاى اين بازار بسيارى اينست كه بر عمارت اين جوى وقف كرده اند — «И многие из лавок этого базара отданы в вакф на поддержание этого канала» (Истахри, перс., 247).

Таким образом, غلّة (мн. ч. غلات) — не что иное, как земельная рента, доход с торговых предприятий, в данном случае с лавок базара. [5] Переводчик же Наршахи оставил арабское слово без перевода, и понимать его надо по-арабски, а не по-персидски.

Нам остается еще уточнить время, в которое жил Хасан б. Ала, и попытаться определить его социальное положение. А. Ю. Якубовский считал его, по-видимому, современником Хине (ИНУз, с. 209—210). О. А. Сухарева определенно относит его к VIII в. Почему-то оба автора упустили из виду продолжение рассказа о Хасане б. Ала, позволяющее определить время его жизни. По словам Наршахи, везир наместника Хорасана Хасана б. Тахира пытался принудить Хасана б. Ала продать свои мустагаллы в Бухаре и держал его с братьями 15 лет в заточении (Наршахи, Ш, с. 53). Хасан б. Тахир — никто иной, как Хусейн, брат последнего Тахирида — Мухаммеда (862—873 гг.), сохранивший власть над Мервом даже при Саффаридах. В 874 г. Хасан б. Тахир на время захватил Бухару. Бесчинства его хорезмийских солдат вызвали восстание, закончившееся изгнанием Хасана и призванием Исма'ила Самани (там же, с. 76—77).

---

[2] В тексте ساخته است, что значит «построил», «сделал», а не «обработал».

[3] В тексте слова «в этом» отсутствуют.

[4] В каирской рукописи «алиф» (Истахри, К, с. 177, прим. 14) — غلات — правильное мн. ч. от غلّة (так же у Йакута).

[5] В мусульманском праве «галла» — «выручка» (Schacht, 1964, p. 134); ал-Истахри говорит о доходе с базара в Зеренджe: غلة هذه السوق (BGA, I, p. 317). Этот же термин в смысле доход с торговых предприятий употребляется в вакфных документах Ибрахима Тамгач-хана (Khadr, 1967, p. 318, 327).

В связи с последним событием мы еще раз встречаемся с Хасаном б. Ала. В год прибытия Исмаʿила в Бухару в окрестностях Бухары произошло восстание и было опасение, что восставшие направятся к городу. «Эмир Исмаʿил послал воевать с этими разбойниками Хусейна ибн Ала, который был начальником полиции [сахиб-и шурат], и он же построил ограду Бухары [хазире-йи Бухара], и квартал Ала тоже зовется по нему» (Наршахи, III, с. 79).

Это до сих пор не использованное сообщение не только позволяет отождествить Хасана б. Ала Саʿди с Хусейном б. Ала (имена Хасан и Хусейн часто путаются при переписке), но и помогает понять, о какой загадочной ограде, приносившей ему 1200 динаров дохода, идет речь. Это — стена рабада Бухары, о постройке которой Наршахи сообщает: «Жители города Бухары просили Ахмеда ибн Халида, который был эмиром Бухары от эмира Хорасана Мухаммеда [ибн Тахира] ибн Абдаллаха ибн Талхи Тахирида, говоря: „Городу нашему нужен рабад, чтобы мы ночью запирали ворота и были бы в безопасности от воров и разбойников". Тогда он приказал, чтобы построили рабад, очень хороший и крепкий, и сделали бы башни, и поставили ворота. Кончили это в 235 году [849-50]» (Наршахи, III, с. 33).

В свете этого становятся понятными некоторые неясные места в рассказе о владениях Хасана б. Ала. «Квартал Ала у Ворот Ала» располагался, по-видимому, не в шахристане, а в рабаде. В конце 40-х годов Хасан взял что-то вроде подряда на строительство стены рабада, охватившей сравнительно мало застроенные в то время пригороды; земля в них стоила гораздо дешевле, чем в шахристане. Пользуясь этим, он смог купить большие участки земли и застроить их доходными постройками: караван-сараями, торговыми рядами и т. д. После постройки стены, когда пригород стал безопаснее, цены на землю в нем и арендная плата несомненно должны были повыситься, что принесло Хасану б. Ала большую прибыль. Возможно также, что, беря подряд на постройку стены, Хасан получил в возмещение расходов какие-то земли или даже право на особый сбор с торговых предприятий в рабаде. Во всяком случае не может быть никакой речи об «огороженном участке, засеваемом зерном».

Огромные доходы Хасана вызвали зависть везира наместника, и он, как мы видели, пытался силой заставить его продать земли. После гибели везира Хасан возвратился в Бухару, а через некоторое время стал начальником полиции или личной охраны Исмаʿила Самани. Жизненный путь Хасана б. Ала типичен для представителя городской верхушки, богатого собственника и высокого государственного чиновника.

В IX в. в городах все большую роль начинает играть служилая знать, постепенно вытесняющая родовитую аристократию. Очень показательна судьба бухар-худатов и их земельных владений, которую мы можем проследить благодаря сведениям Наршахи.

В течение всего VIII в. бухар-худаты сохранили основные владения, которые оставались в роду, несмотря на измены отдельных членов династии. После казни Кутейбы б. Тохшады Абу Муслим «отдал его поместья и мустагаллы Буниату ибн Тохшаде . . . когда Буниат совершил отступничество и был убит, эти поместья оставались в руках сыновей бухар-худата. Последним человеком, из рук которого ушло это владение, был Абу Исхак Ибрахим ибн Халид ибн Буниат» (Наршахи, III, с. 9).

Владения бухар-худатов не ограничивались одной только Бухарой и Бухарским оазисом, в Мерве у них был замок (Табари, II, с. 1888, 1987, 1992; Бартольд, III, с. 380); можно предположить, что там же у них была и другая недвижимость. В начале IX в. бухар-худаты вместе с дру-

гими среднеазиатскими феодалами оказались в окружении Мамуна, а после того как он стал халифом, заняли видные посты в армии. Бухар-худат Аббас в 811 г. участвовал в походе на мятежного наместника Мухаммеда б. Йазида в качестве одного из военачальников Тахира б. Хусейна. Он участвовал в военном совете вместе с Мухаммедом б. Талутом и Мухаммедом б. Ала (Табари, III, с. 852, 859). Мухаммед б. Халид, внук Буниата, был одним из наиболее видных военачальников Афшина, участвовавших в подавлении восстания Бабека. Возможно, что именно он был тем бухар-худатом, который содействовал приходу Исмаʿила Самани (Наршахи, III, с. 80).[6] Последний бухар-худат, сохранявший остатки родовых владений, Абу Исхак Ибрахим, брат Мухаммеда, получал со всех своих владений всего 20 тыс. дирхемов (там же, с. 10), что равнялось примерно доходу от одного караван-сарая. Такое уменьшение владений было связано с раздроблением владений среди потомков [7] и продажей. Мы можем даже установить некоторых покупателей. Одно из лучших пригородных владений бухар-худатов Джуи Мулиян до покупки его Исмаʿилом Самани принадлежало Хасану б. Мухаммеду б. Талуту (там же, с. 26). Второе владение, пустошь, заросшая камышом, недалеко от городской стены, было куплено Исмаʿилом также у Хасана б. Мухаммеда (там же, с. 55).[8]

Переход этих земель в руки Хасана б. Мухаммеда не случаен: его отец, Мухаммед б. Талут, сослуживец бухар-худата Аббаса, был одно время эмиром Бухары и тогда, вероятно, купил часть земель обедневших бухар-худатов. А когда политическая власть, а с нею и богатство перешли к Исмаʿилу Самани, то земельные владения стали концентрироваться в его руках, как прежде в руках эмира Бухары.

Эти и некоторые другие факты подводят нас к вопросу о характере так называемых султанских земель и роли их в экономике города. Мусульманское право не выделяет их как особую категорию собственности, хотя они нередко упоминаются в средневековых источниках. Это можно объяснить тем, что такие земли входили в категорию мильковых и юридически ничем не отличались от мильков других частных собственников. Однако они находились в привилегированном положении, так как в отличие от государственных земель не подлежали хараджу и весь доход с них шел в личную казну султана (Наршахи, Ш, с. 31).[9] В случае утраты государем непосредственной политической власти над какой-то территорией доход с государственных земель шел новому правителю, а мильковые земли оставались собственностью прежнего владельца. Этим объясняется чрезвычайная пестрота владений в Средней Азии. После отделения Тахиридов и даже при Саманидах в Средней Азии остаются мильки халифа, которые он дарит за службу своим приближенным. Так, базары Иштихана были собственностью Уджейфа б. Анбаса; казнив его за измену, халиф Муʿтасим (833—842 гг.) конфисковал их, а потом Муʿтамид (870—892 гг.) подарил их Мухаммеду б. Тахиру (BGA, I, p. 323). В тексте употреблено слово «актаʿа» — «наделил», которое обычно переводят как «дал в икта», но здесь не может быть речи об икта, так как в то время Средняя Азия входила во владения Тахиридов и халиф мог распоряжаться

[6] Наршахи называет его Абу Мухаммедом, но, учитывая частую путаницу имен у Наршахи, можно допустить, что имеется в виду тот же Мухаммед б. Халид, после смерти которого главой рода стал его брат Ибрахим.

[7] Тохшада «каждому из своих сыновей и зятьев дал собственное имение (خاصه)» (Наршахи, Ш, с. 26).

[8] Точная дата его правления не указывается, во всяком случае это было при жизни Абу Хафса, т. е. до 832 г.

[9] Наршахи упоминает среди других причин уменьшения хараджа Бухары то, что часть хараджных земель «стала султанскими землями и харадж перестал поступать в диван».

только своей собственностью.[10] В Бухарском оазисе собственностью халифа оставалось селение Искеджкет, которое Муваффак, брат Му'тамида, подарил тому же Мухаммеду б. Тахиру, а тот продал его Сахлю б. Ахмеду (Наршахи, Ш, с. 11). В X в. сохранялось большое халифское имение в Хорезме (Ковалевский, 1956, с. 121).[11]

Поэтому никак нельзя согласиться с мнением, что «при феодальном строе на Востоке трудно было отделить то, что принадлежало государству, от того, что принадлежало султану» (ИНУз, с. 233). Покупка земель султанами свидетельствует, что между государственными землями (платящими харадж) и султанским мильком разница все-таки имелась. Нельзя сказать, что государи не отличали свою казну от государственной. На содержание двора шла только часть бюджета, но, получая эту часть, государи крайне неохотно шли на покрытие дефицита государственного бюджета из своих средств (Мец, 1966, с. 106).

Когда Исма'ил Самани решил расширить соборную мечеть в Бухаре, то ему пришлось «купить много домов», чтобы освободить место для постройки (Наршахи, Ш, с. 48). Это была покупка земли, а не возмещение стоимости построек, так как позже Мансур б. Нух для устройства намазгаха в Самтине среди полей и садов «на дороге в Самтин скупил за большую цену участки и прекрасные сады и истратил на это много денег» (там же, с. 51). Положение не изменилось и при Караханидах, когда, по распространенному мнению, большое значение приобрела система условного землевладения (икта) (ИНУз, с. 289—293). Шемс ал-Мулк (1063—1080 гг.) для постройки дворца под Бухарой и для разбивки охотничьего парка также покупал земли (дай'а) (Наршахи, Ш, с. 27). При переносе соборной мечети Бухары в шахристан Арслан-хан, как и Исма'ил Самани, скупил много домов (там же, с. 49). Обрушившийся минарет он отстроил вторично на свои собственные деньги, что особо отмечает Кубави (там же, с. 50).

Право собственности в мусульманском обществе распространялось даже на такие постройки, как мечеть. Так, после разрушения мечети в Искеджкете, построенной на средства одного из знатных жителей селения, правитель Бухары Тогрул-бек Кулар-тегин купил дерево из мечети у наследников строителя и употребил его на постройку медресе в Бухаре (Наршахи, Ш, с. 12). Это не было среднеазиатской особенностью: в Фустате Фатимиды купили мечеть Ибн Тулуна у потомков свергнутой династии Тулунидов; обнаружив, что в купчей не оговорена продажа минарета, наследники Ибн Тулуна стали его сносить, и халиф был вынужден отдельно покупать минарет (Насир-и Хусрау, с. 49).

В «Истории Бухары» неоднократно упоминаются вакфы, учрежденные Исма'илом Самани, причем каждый раз эта недвижимость оказывается им куплена (Наршахи, Ш, с. 13, 14, 26, 27). Такая практика соответствует нормам мусульманского права, по которому в вакф могла быть обращена только бесспорная собственность. Известна даже специальная фетва, согласно которой султан может обращать в вакф только свою собственность (Worms, 1844). Поэтому даже в актах об учреждении вакфов султаном указывается, что даруемая недвижимость является его собственностью (фи мулкихи в тахта тасарруфихи — «в его собственности и в его распоряжении») (ср.: Khadr, 1968, p. 316).

Несмотря на то что случаи конфискации земель за государственные преступления были довольно частыми, право частной собственности уважалось. Даже конфискации старались придать вид законности. Все-

[10] Мильк Уджейфа был конфискован постольку, поскольку он был собственностью служащего халифа, но халиф не мог распоряжаться землями, находившимися в ведении Тахиридов.

[11] Это имение прежде принадлежало Ибн ал-Фурату, но было конфисковано.

могущий Махмуд Газневи, не останавливавшийся перед казнью человека, имущество которого он хотел присвоить, считал необходимым оформить конфискацию земель эмира, приговоренного к смертной казни, в виде купчей с уплатой денег (вероятно, по низкой цене) (Бейхаки, пер., с. 185—186).

Феодальные правители, конечно, покупали недвижимость не только для того, чтобы обратить ее в вакф на благотворительные дела, а главным образом для получения ренты — они были крупнейшими владельцами мустагаллов. В некоторых областях мустагаллы являлись по преимуществу собственностью султанов, как например в Фарсе: «А что касается мустагаллов, то их земля принадлежит султану, а купцы выстроили на ней базары и прочее; постройки принадлежат им, но они платят арендную плату за землю и мельницы султану, а также арендную плату за дома, в которых делают розовую воду» (BGA, II, p. 217).

Источники сохранили очень мало сведений о султанских мустагаллах в городах Средней Азии. Почти безошибочно можно утверждать, что все большие работы в городах, проводившиеся правителями или их наместниками, особенно если это было связано с реконструкцией или постройкой базаров, сопровождались появлением султанских мустагаллов.[12] Первым строительством подобного рода было сооружение в Мерве базара на Маджане при Абу Муслиме (BGA, I, p. 259). В Зерендже, столице Сеистана, имелся базар, выстроенный Амром б. Лейсом, доходы с которого были обращены в вакф двух мечетей и госпиталя (там же, с. 241).

Много мустагаллов должно было появиться таким образом у Саманидов. В источниках сохранилось упоминание о рабате у Самаркандских ворот в Бухаре (Наршахи, Ш, с. 27) и караван-сарае в Самарканде на улице Минарета в квартале Рас ат-так (Khadr, 1969). У Алп-тегина в Хорасане было множество мустагаллов в виде караван-сараев, бань и лавок (Низам ал-Мулк, с. 117), которые, естественно, перешли по наследству к Махмуду Газневи. Последний еще больше увеличил этот фонд. Например, он построил в Балхе большой базар Ашикан и был очень зол на балхцев, когда из-за их сопротивления Караханидам этот базар сгорел и он понес большие убытки (Бейхаки, пер., с. 489).

Караханиды, преемники Саманидов, унаследовали их недвижимость и сами стали крупнейшими владельцами мустагаллов. Так, собственностью Караханидов стал упомянутый «хан Самани» в Самарканде. Ибрахим Тамгач-хан пожертвовал в вакф медресе и госпиталя пять караван-сараев, две бани и две лавки, что, конечно, составляло лишь небольшую часть его владений в Самарканде (Khadr, 1969). Шамс ал-Мулк строил караван-сараи на дорогах (Му'ин ал-Фукара, с. 20). Арслан-хан имел доходную баню в квартале Дарвазаче, которую потом тоже отдал в вакф (Наршахи, Ш, с. 28).

У нас нет ни одного определенного свидетельства о том, какой доход приносил в Средней Азии караван-сарай или лавка в городе. Правда, Мукаддаси сообщает, что базар Исфиджаба приносил доход в 7 тыс. дирхемов в месяц (BGA, III, p. 273), но мы не можем быть уверенными, касалось это всех базаров города или какого-то одного специализированного базара. Последнее вероятнее, так как Хасан б. Ала получал 1200 динаров в месяц со своих владений.

Некоторое представление о доходах с мустагаллов дают вакфные документы Тамгач-хана. Три караван-сарая, часть четвертого, семь ла-

[12] Каир, построенный Фатимидами, был их собственностью; все лавки Каира сдавались купцам в аренду, что особо отмечает Насир-и Хусрау. В Алеппо лавки принадлежали халифам (Sauvaget, 1941, p. 79). Зенгиды также строили рынки, являвшиеся их собственностью (там же, с. 119—120).

вок, баня, деревня с полями и виноградниками, составлявшие вакф медресе, приносили в год доход около 35—36 тыс. дирхемов (744.7—766 динаров),[13] что составляло примерно 105—110 динаров в год на объект (считая 7 лавок за один объект). Это, конечно, не отражает реальных доходов каждого конкретного объекта завещания, но дает представление о их масштабах.[14] Для сравнения можно привлечь некоторые данные по Сирии и Египту. В Алеппо в X в. аренда лавки стоила 3 динара в месяц, или 36 динаров в год. Любопытные сведения об арендных доходах в Каире сообщает Насир-и Хусрау: четырехэтажный дом площадью 20×12 газов сдавался за 20 магрибинских динаров в месяц (с. 45). Огромные доходы приносили караван-сараи, которые были не только гостиницей, но и пристанищем для сотен беднейших ремесленников. Один из караван-сараев Фустата, Дар ал-вазир, якобы приносил доход 20 тыс. динаров в год (там же, с. 54). Последняя цифра, конечно, сильно преувеличена. Если даже допустить, что аренда помещения в Фустате стоила в 2—3 раза дороже, чем в Сирии, где за лавку в год платили 36 динаров, то и тогда окажется, что для получения такой суммы нужно сдавать в караван-сарае минимум 200 лавок.

Средняя Азия IX—XII вв. не знала таких многоэтажных построек, как в Каире, и, следовательно, таких высоких доходов с домов, сдаваемых в аренду. Характерно, что правовой сборник XII в. «Хидайа», составленный уроженцем Средней Азии, не упоминает о сдаче в найм или разделе домов выше двух этажей. Здесь, по-видимому, арендная плата была ближе к той, которая известна для Сирии.

Средневековых описаний больших караван-сараев в Средней Азии у нас не имеется, но очень красочно об этом повествует Ибн Хаукаль в рассказе о Нишапуре: «И есть в этих базарах постоялые дворы [ханат] и фундуки, в которых живут купцы с товарами, и есть в них „ханбераты" для продажи и купли. В каждый фундук направляются с теми видами товаров, которыми в нем обычно торгуют. И редко какой из этих фундуков не похож на самые большие базары своего рода. В этих фундуках обитают богачи из тех, кто занимается этим родом торговли, и владельцы больших партий товаров и больших денег. А для небогатых есть фундуки и постоялые дворы [хан], в которых обитают люди труда и ремесленники, с оживленными лавками, заселенными комнатами и мастерскими, наполненными ремесленниками. Так, у изготовляющих калансувы на их базаре есть фундук с мастерскими и комнатами, заполненными ими. У сапожников, галантерейщиков, веревочников и других на их базарах также есть фундуки, наполненные людьми их ремесла. Что же касается фундуков крупных торговцев тканями и их „ханбератов" в них, и их купли и продажи в них, то в них непрестанно участвует большинство городов» (BGA, II ², p. 432).

Из этого описания вытекает, что на базарах, состоявших, как и в позднем средневековье, из улиц с мелкими лавочками-мастерскими, выходящими на улицу, имелись еще большие караван-сараи, своего рода гостиные дворы, в которых также располагались ремесленники и мелкие торговцы. Относительно лавок на базарах нельзя сказать с уверенностью, были ли они собственностью или их арендовали, зато не может быть сомнения, что помещения в караван-сараях, где работали ремесленники,

---

[13] В документе указаны только расходы на жалованье персоналу и на милостыню в праздники — 30 дирхемов, без указания суммы расходов на содержание здания. Мы допускаем, что они составляют 15%, как в бюджете госпиталя (Khadr, 1969).

[14] Эти цифры скромнее, чем приводимые географами и историками, но документально достоверны. Впрочем, следует еще учитывать, что караван-сараи, о которых идет речь, были, видимо, не очень большими.

не могли не быть арендуемыми. Перед нами та же картина, какую увидел в Каире Насир-и Хусрау: караван-сараи представляли собой не гостиницы, а огромные доходные дома с мастерскими. Здесь работали те ремесленники, которые не могли купить себе лавку на базаре. Возможно, что эти ремесленники здесь же и жили, о чем как будто говорит Ибн Хаукаль (хотя только на значении слова «йаскунуна» — «обитают», «живут» — вряд ли стоит строить такое предположение). Естественно, что такой караван-сарай должен был приносить громадный доход его владельцу. В Сеистане, области более близкой к Средней Азии, базар в Зерендже, выстроенный Амром б. Лейсом (базар Амра), будто бы приносил ежедневный доход в 1 тыс. дирхемов (BGA, I, p. 241). Но, к сожалению, эта цифра единственная и ее достоверность трудно оценить.

В Александрии на рубеже XI и XII вв. в караван-сарае брали $1^1/_2$ дирхема за суточное хранение одного тюка товара, примерно столько же стоила ночевка (Goitein, 1967, p. 349). Следовательно, караван-сарай, вмещавший 30—40 постояльцев, мог приносить около 100 дирхемов (или 2 динара) в сутки (700 динаров в год). По сведениям Ибн Шаддада, караван-сарай Йусуфа II приносил доход 100 тыс. дирхемов (2000 динаров) в год (Ибн Шаддад, с. 152). Видимо, доход алеппского караван-сарая следует считать близким максимальному. Средний же доход рядового караван-сарая в Средней Азии 100—200 динаров в год.

Большие доходы приносили также бани, владеть которыми не брезговали даже султаны. Но конкретных цифр в нашем распоряжении нет, кроме годового дохода султанской бани в Алеппо: 80 тыс. дирхемов (около 1600 динаров). Но в Средней Азии бани такого размера не засвидетельствованы (Sauvaget, 1941, fig. 32; ср. выше с. 308).

Естественно, что при таких больших доходах, поступавших с мустагаллов, земля в центре города и торговых кварталах должна была стоить очень дорого. О ценах на землю мы знаем очень немного, да и те цифры, что были известны, до сих пор казались сильно преувеличенными.

Наршахи пишет, что земля в районе Кушки-Муган в его время стоила 4 тыс. дирхемов за джуфт-и гау; впоследствии ее стали продавать за бесценок «и никто не хочет [покупать], а то, что покупают, остается необработанным из-за притеснений и безжалостного отношения к подданным» (Ш, с. 30). В этом тексте оставались неясными и величина джуфт-и гау, и реальность цифры, названной Наршахи, и реальный смысл процесса, скрывавшегося за фактом обесценения земли. А. Ю. Якубовский считал, что в этом рассказе отражен упадок дихканского землевладения (ИНУз, с. 289), и эта точка зрения принята другими, но мы уже показали, что обесценение земли в Бухаре было связано с конкретными политическими событиями первой четверти XII в., когда писал Кубави, — с конфискациями, которые проводил Арслан-хан (ИТадж, с. 254).

Резкое падение цен на землю за очень короткое время из-за политической обстановки достоверно зафиксировано у Бейхаки. Его рассказ интересен для нас во всех отношениях. В 1035 г. до начала войн с сельджуками в Мухаммедабаде, одном из аристократических пригородов Нишапура, «один джуфтвар простой земли — в Нишабуре, Исфахане и Кермане это называется джериб — там покупали за тысячу диремов, а ежели на ней были деревья и она возделывалась, то за три тысячи диремов», а в засушливый голодный 1040 г., когда Мас'уд потерпел поражение под Денданеканом, джуфт земли продавали за манн пшеницы, которая стоила в тот год 13 дирхемов (Бейхаки, пер., с. 537—538). Следовательно, падение цен, зафиксированное Кубави, могло произойти за 2—3 года и никак не отражало какого-то длительного процесса.

Замечательно совпадение цен: 4 тыс. дирхемов за джуфт у Наршахи и 3 тыс. дирхемов у Бейхаки (за джуфт, который, как объясняет Бей-

хаки, равен джерибу).[15] Если учесть что Кушки-Муган, как мы доказывали выше, находился в старом рабаде Бухары, то станет понятной и относительно более высокая цена, указанная Наршахи, поскольку земля продавалась с постройками.

Столь же высокие цены на землю в городе документально засвидетельствованы в Бухаре и в более позднее время. В купчих XVI в. цена земли в городе колеблется от 1 танга за кв. гяз (около 1 м²) до 1.9 танга; в среднем 1 м² стоил 1.5 танга по мискалю, т. е. 2.25 дирхема. Следовательно, 1000 м² стоили в среднем 2250 дирхемов (разумеется, мы опускаем разницу в покупательной способности дирхема и танга, которую надо специально исследовать).[16] А земли в деревне с садами или под пашней стоили в 50—100 раз дешевле (П. Иванов, 1954).

В этих двух факторах — частной собственности на землю и высокой стоимости земли в городе — ключ ко многим сторонам городской жизни Средней Азии. В земельной собственности основа могущества городской знати. Люди, имевшие в городе гектар земли, были более богаты, чем дихканы, владевшие землями большой деревни. Действительно, гектар земли в торговой части города должен был стоить около 40 тыс. дирхемов (по минимальной оценке). Это и понятно, если учесть, что с участка в $^1/_4$ га (площадь большого караван-сарая) можно было получить около 100 дирхемов в день (35—36 тыс. в год), т. е. цена на землю была примерно равна годовому доходу с нее. В то же время стоимость урожая с гектара земли, засеянной пшеницей, при урожае 20 ц с га не превысила бы 20 динаров. Наш расчет подтверждается тем, что в Кумме в X в. максимальный харадж с земли, засеянной пшеницей, ячменем или горохом, составлял 15 дирхемов с джериба, минимальный — с худших земель — $3^1/_6$ дирхема (Кумми, с. 112—121). Поскольку харадж составлял от $^1/_3$ до $^1/_2$ стоимости урожая, то мы можем с уверенностью говорить, что в Кумме максимальная стоимость урожая с земли, засеянной хлебом, не превышала 45 дирхемов с джериба, при этом надо учесть, что из дохода с хараджной земли не менее $^1/_3$ следовало отдать в виде налога, в городе же налоговое обложение было значительно легче.

По мусульманскому праву, всякая недвижимость стоимостью свыше 200 дирхемов облагается закатом (налогом в пользу бедных) в размере 2.5% ($^1/_{40}$); конечно, кроме этих, законных с точки зрения мусульманских юристов, налогов существовали другие сборы с торговли, но они, по-видимому, никогда не достигали 30%, как харадж.

Высокая земельная рента в городе приводила к тому, что все крупные феодалы, не исключая правителей, стремились обзавестись земельной собственностью в городе. Этим объясняется факт слияния феодальной и торгово-ремесленной знати в городах Ирана и Средней Азии, отмеченный И. П. Петрушевским (1948). Подобно тому как в России с развитием капитализма предпринимательство стало выгоднее государственной службы, так и в Средней Азии доходы с городских земель были выше государственных окладов. Судья, начальник почты и финансовый чиновник среднего города (Термез, Ходжент, Кеш) получали 150 дирхемов в месяц (см. выше, с. 306). Один караван-сарай в бойком месте города мог принести больший доход.

Единственное преимущество государственной службы заключалось в возможности залезать в казну и, главное, брать взятки, чем большинство чиновников пользовалось безо всякого стеснения. Поэтому-то и суще-

---

[15] 60×60 локтей: от 0.1 до 0.15 га; подробнее см. выше, с. 224.

[16] Для сравнения можно также привести цену на землю в окрестностях Дамаска в начале X в. Участок, примерно аналогичный джерибу (мудд), стоил 70 динаров, т. е. минимум 1000 дирхемов (Sourdel-Thomine, Sourdel, 1965, p. 167—173).

ствовала практика частой смены чиновников, которая нередко сопровождалась конфискациями баснословных сумм (сотни тысяч дирхемов).

Быстрее всего состояние наживалось на государственной службе, но при этом всегда грозила опасность потерять не только все имущество, но и голову. Красочные примеры таких взлетов и смертельных падений имеются в записках Бейхаки. Хотя они относятся к Хорасану и Афганистану, но общий характер общества был един и у Газневидов, и у Саманидов, и в Иране, и в Средней Азии.

Капиталы частных лиц, городской знати, были надежнее. Иногда алчные наместники посягали и на освященный законом мильк, но обычно сталкивались с дружным отпором всего патрициата, кровно заинтересованного в сохранении принципа частной собственности. Мелочь иногда лишалась своего имущества (законным путем: под давлением продавала то, что совсем не хотела продавать), но верхушка держалась крепко.

Здесь, как и во всяком обществе, состав аристократии, «элиты», как теперь модно говорить на Западе, не оставался неизменным. Движение происходило все время. В VIII—IX вв. старые дихканские фамилии были сильно потеснены арабами и их вольноотпущенниками, мавлями; в руках арабов тогда находились и сила, и деньги. Затем началось вторжение нового элемента, тюркских гулямов, рабов-гвардейцев. Это они при Исма'иле Самани по бешеной цене покупали земли Кушки-Муган у потомков согдийских дихканов и купцов. Тот же процесс шел и в Хорасане.

Но в общем, несмотря на все это, состав городской верхушки весьма стабилен. По наблюдениям И. П. Петрушевского, в Бейхаке вплоть до XIII в. было значительное число старых домусульманских фамилий (1948). Бейхак, конечно, более консервативен, чем Мерв, Нишапур, Бухара или Самарканд. Но и в этих столицах, в которых было много высшего чиновничества, обзаводившегося там недвижимостью, можно найти очень старые фамилии.[17] Процесс постепенного исчезновения родовитой знати шел естественным путем, без преследования со стороны властей. Особенно большую роль в вытеснении дихканства служилой знатью сыграла система икта, дававшая в руки иктадаров большие средства, которые они использовали для приобретения мильков. Мы не хотим здесь вступать в дискуссию по поводу места этого института в развитии феодальных отношений. Был ли он особой формой феодального условного землевладения, закономерным его этапом (и в этом случае явлением необратимым) или административной мерой, к которой прибегало государство в моменты упадка центральной власти, — в любом случае икта мало затрагивала города. Но распространение икта в сельджукском государстве создало привилегированное сословие иктадаров, медленно, но верно вытеснявших родовитых землевладельцев.

Частная собственность на землю в городах и пригородах и высокие цены на нее определяли также застройку города. Немаловажным фактором в расселении ремесленников в пригородах были более низкие цены на землю. У нас несколько упрощенно представляют себе процесс перемещения обезземеленного крестьянства в город. Разоренному крестьянину негде было приткнуться. Даже устроившись где-то работать, он оставался без жилья. Участок для рядового домика (вроде варахшинского в 350 м²) где-нибудь в пригороде стоил несколько сот дирхемов.

Г. А. Пугаченкова считает каср типичным городским домом. Но каср рассчитан на постановку в центре свободного участка, посреди чорбага (сада с четырех сторон). Бейхаки сообщает нам, сколько стоила земля

---

[17] Например Микаили в Нишапуре, возводившие свой род к Диваштичу.

для такого чорбага в окрестностях Нишапура — около 12 тыс. дирхемов. Конечно, такой тип дома был доступен только богатым горожанам.

Частная собственность на землю определила также поразительную стабильность планировки средневековых городов. В Бухаре, планировку которой мы можем проследить за 1400 лет, основная схема магистралей сохранилась почти неизменной, несмотря на многочисленные разгромы, особенно жестокие в XIII в., и неоднократные пожары. Это объясняется тем, что население, разбегавшееся во время погромов, возвращалось затем на свои участки, чтобы восстановить жилище на прежнем месте. Магистральные улицы, считавшиеся коллективной собственностью, не могли быть застроены. Постепенное искажение планировки шло за счет изменения направления внутриквартальных магистралей, которые могли быть частично застроены с согласия всех жителей, пользующихся данным переулком.

Включение Средней Азии в состав Халифата, централизованного военно-бюрократического государства, привело к тому, что ее город перестал быть самостоятельным политическим организмом, каким он был прежде в качестве столицы княжества или феодального владения. Арабы долгое время сохраняли власть местных феодалов и местные формы внутренней организации города, администрация завоевателей имела дело не с каждым горожанином, а только с дихканами и главами религиозных общин: епископами или раввинами. Но появление в городе значительного числа арабов, а затем мусульман из местных жителей разрывало его как единый административный организм, в нем складывались по крайней мере две группы населения, жившие по разным законам, с разной юрисдикцией. Верховная власть находилась в руках наместника, отвечавшего за обеспечение условий для сбора налогов. Власти наместника непосредственно подчинялись только мусульмане, составлявшие гарнизон и в силу этого сами являвшиеся частью государственной машины.

По мере исламизации населения удельный вес горожан, живших по старым нормам, все уменьшался. С IX в. можно говорить о мусульманском городе Средней Азии, т. е. о городе, жившем по нормам мусульманского права. Однако и теперь, когда горожане стали юридически однородной массой, город не получил никакой легальной внутренней организации. Мусульманское право не знает города как особого социального организма, в нем нет даже намека на возможность существования какого-то социального правового статуса города. Это не было изобретением ислама, он лишь довел до конца тенденцию централизации городской власти, подавления муниципальной автономии, начавшуюся в Византии в IV в. (Курбатов, 1962; Claude, 1969, S. 107—161) и несомненно существовавшую в сасанидском Иране.

Мусульманское право признает только один вид организации людей — религиозную общину; государство лишь форма организации мусульманской общины, государственный аппарат — средство управления ею и покоренными неполноправными общинами иноверцев. Общественные ассоциации не запрещаются (если только они не нарушают норм шариата), но являются частным делом, которое не регулируется правом.

Отсутствие муниципальной организации и особого правового статуса резко отделяет город Востока от западноевропейского, житель которого, по словам А. Пиренна, «. . . человек, качественно отличающийся от всех тех, кто живет за муниципальной стеной. Выйдя за пределы ее ворот и рва, человек попадает в другой мир или, чтобы сказать точнее, в область другого права» (Pirenne, 1963, p. 47). Мусульманское же право не делает никакого различия между горожанином и негорожанином; различие заключается лишь в форме налогообложения в зависимости от рода занятия человека. Пренебрежительное «рустаки» (деревенщина) — определение

скорее эмоциональное, чем правовое, потому что отсутствует понятие «гражданин» (буржуа), член корпорации горожан, противостоящей всему внешнему миру.

Отсутствие особого юридического статуса города, решающего критерия для обозначения населенного пункта как города,[18] объясняет хорошо известную нечеткость терминов «медина» и «карйа» в мусульманской географической литературе. У средневековых географов оставался только один критерий, административный: крупный административный центр (признак этого — наличие соборной мечети) является городом, а город не административный центр — карйа или дех; заштатного города быть не могло.

В этом же, а не в связи части горожан с сельским хозяйством следует искать причину отсутствия резкого различия между городом и деревней на Востоке, отмечавшегося некоторыми исследователями (Петрушевский, 1948, с. 95—96; Заходер, 1945, с. 124). Лучшее экономическое положение рядовых горожан (особенно в столицах, получавших некоторые привилегии) по сравнению с крестьянами-издольщиками не меняет существа дела.

Конечно, молчание мусульманских правоведов о муниципальных институтах само по себе еще не может свидетельствовать о том, что они не существовали на практике. Многие явления экономической и общественной жизни не были зафиксированы в праве, оставшись в разряде «обычаев» (адат), не регулируемых правом. К. Каэн предпринял специальное исследование муниципальных органов и городской автономии и пришел к выводу, что можно говорить лишь о переживании некоторых элементов муниципальной организации, восходящих к ранневизантийскому времени. Отдельные факты усиления городской автономии в сирийских городах XI в. были случайными эпизодами, вызванными ослаблением власти эмиров, а не проявлением общей закономерности развития этих городов. К. Каэн справедливо полагает, что различия между европейским и восточным городом определяются не тем, что один из них мусульманский, а другой христианский, не арабским завоеванием и исламизацией, а теми особенностями, которые появились позднее, когда западноевропейские города в борьбе с феодалами обрели автономию, т. е. в XII в. «До этого момента мусульманский город, так же как византийский и итальянский, продолжал, как мне кажется, развиваться с некоторыми изменениями, но без перерыва, в том же направлении, в котором развивался город поздней империи или сасанидского Ирана» (Cahen, 1958—1959, 3, p. 259).

У исследователя среднеазиатского города гораздо меньше фактов для суждения о городском самоуправлении. Однако теперь, при наличии исследований о ближневосточном городе, можно плодотворнее использовать имеющиеся в нашем распоряжении разрозненные факты. Разберем сведения о известных нам постах городской администрации.

Эмир, имевший резиденцию в городе, был губернатором, а не градоначальником. Управление городом находилось в руках раиса. Эта фигура известна почти на всем мусульманском Востоке. В Средней Азии первые упоминания раисов городов относятся ко второй половине X в., что отнюдь не означает, что такой должности не существовало раньше.

Функции раиса не совсем ясны. По мнению В. В. Бартольда, «раис был первым лицом города и представителем его интересов; через него государь выражал свою волю жителям. Очень вероятно, что раисы, по крайней мере первое время, назначались из представителей знатнейших местных родов» (I, с. 294). Э. Аштор-Страус в работе о городской администрации средневековой Сирии пришел к выводу, что раис прежде всего началь-

[18] Основным объективным признаком города, естественно, является торгово-промышленная деятельность большинства населения, но решающий акт — юридическое признание населенного пункта городом.

ник полиции и что поэтому раисами иногда становились бывшие уголовники, хорошо знавшие преступный мир города (Ashtor-Strauss, 1956, p. 104). К. Каэн, привлекший географически более широкий материал, предпочел высказаться осторожнее и указал, что в Иране и Средней Азии раисы городов были из местной знати и что, вероятно, этим объясняется их политическое влияние на города. По его мнению, они скорее напоминали мэров (Cahen, 1958—1959, 1, с. 247; 2, с. 53). Имеющийся у нас материал не содержит даже намека на идентичность должности раиса и начальника полиции (хотя, как мы увидим дальше, контроль за порядком в городе был в ведении раиса), зато есть недвусмысленные свидетельства противоположного рода. В «Романе об Абу Муслиме» имеется такой эпизод: после одного из первых нападений Абу Муслима на сторонников Омейядов Наср б. Сейяр вызывает Сулеймана б. Кесира и поручает ему, как раису города, поймать преступника, но Сулейман возражает, что он не даруга города и не может этим заниматься (Тартуси, л. 396). Явно поздний термин «даруга» несомненно соответствует домонгольскому «шихне». Далее говорится, что поиски были поручены шихне Мерва (там же, л. 44б). И в других случаях подобными делами непосредственно занимается либо шихне, либо начальник ночной стражи (там же, л. 97б, 350).

В Средней Азии раисов впервые упоминает ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 313, n. *d*; МИТТ, с. 195, прим. 5). В источниках XI—XII вв. эта должность встречается довольно часто, но только во владениях Газневидов и Сельджукидов, в центральной же части Средней Азии, во владениях Караханидов, мы знаем лишь раисов Бухары, династию садров (Бартольд, II, ч. 2, с. 515—518). Трудно сказать, чем объясняется подобное положение — отсутствием для этого района письменных источников, подобных тем, какие мы имеем для Хорасана, меньшей распространенностью института раисов или иной терминологией Караханидов.[19]

Самым ранним из известных до сих пор раисов можно считать Абу Абдаллаха, сына известного бухарского богослова Абу Хафса. Ибн ал-Асир, рассказывая о призвании бухарцами Исма'ила Самани, пишет: «. . .и осталась Бухара без эмира, тогда ее раис и факих Абу Абдаллах ибн Абу Хафс написал Насру, прося его о присылке того, кто правил бы Бухарой» (VII, с. 193). В более подробном рассказе Наршахи о тех же событиях интересующий нас термин не упоминается, из чего можно сделать вывод о том, что Ибн ал-Асир (или его источник) употребил его в соответствии с представлениями своего времени. Если это и так, то все же любопытно посмотреть, в связи с чем Абу Абдалаха можно было назвать раисом, какие функции, выполнявшиеся им, совпадали с функциями раиса.

После разграбления Бухары, учиненного Хусейном б. Тахиром, «ученые и добропорядочные люди Бухары собрались у Абу Абдаллаха, факиха, сына Абу Хафса Великого (да помилует его Аллах!), который был хорошим воином, и держали с ним совет о делах Бухары . . . Затем Абу Абдаллах, сын ходжи Абу Хафса, написал послание в Самарканд Насру ибн Асаду Самани . . . прося у него эмира для Бухары» (Наршахи, III, с. 76—77). Однако, как явствует из дальнейшего, Абу Абдаллах не занимал поста главы города, так как в городе был эмир (Хусейн б. Мухаммед, хариджит), с которым Исма'ил повел официальные переговоры и договорился сделать его своим помощником. «Сын ходжи Абу Хафса Великого (да помилует их обоих Аллах!) вышел в Кермине для встречи; все знатные люди Бухары, арабы и неарабы, были с ним. И Абу Абдаллах приказал,

[19] Лэмбтон замечает, что должность одного и того же лица в разных источниках называется различно (Lambton, 1957, p. 380—381).

чтобы город украсили. А эмир Исма'ил не решался идти в Бухару, потому что его отряд [хашам] был немногочисленным, а Бухара волновалась и в ней поднялась смута, так что ему было неизвестно, как в душе относятся к нему бухарцы. Когда же Абу Абдаллах, сын ходжи Абу Хафса, вышел из города и прибыл в Кермине, то он [Исма'ил] воспрянул духом, зная, что бы ни сделал Абу Абдаллах, горожане это не смогут отвергнуть» (там же, с. 77—78).

Сказанное как будто подтверждает слова Ибн ал-Асира, называвшего Абу Абдаллаха раисом Бухары. Однако в дальнейшем Наршахи не называет его среди официальных лиц Бухары и ее знати, с которыми имел дело Исма'ил, вступив в Бухару, — это упоминавшийся выше эмир Хусейн б. Мухаммед, бухар-худат Абу Мухаммед и богатый горожанин Абу Хатим Йасари (Ш, с. 80). Возможно, что Абу Абдаллах не назван среди этих явных или тайных соперников Исма'ила, поскольку был его сторонником. Возможно и другое — влияние Абу Абдаллаха основывалось не на его официальном положении, а на авторитете крупнейшего богослова и юриста города, отчасти наследовавшего почтение, с которым бухарцы относились к его отцу. Его мнение в трудных случаях, затрагивавших горожан, могло быть важнее, чем мнение лиц, облеченных властью, именно благодаря неофициальному характеру.

Любопытно, что Наршахи вообще не употребляет термина «раис»; главы городков, упоминаемые им в рассказе о восстании Муканны, называются эмир, хаванд или михтар [20] (Ш, с. 65, 69, 65). Не упоминают его и современники Наршахи — ал-Истахри и Ибн Хаукаль. Последний, перечисляя основные чиновничьи должности провинций саманидского государства, называет только две категории финансовых чиновников — кади и начальника почты, которые получали в каждой провинции равное жалованье (см. выше, с. 306). Это, конечно, не может служить доказательством отсутствия раисов городов в саманидское время. Раис Бухары упоминается у Низам ал-Мулка среди высшего чиновничества, принявшего «карматство» при Насре б. Ахмеде (Низам ал-Мулк, с. 213). По словам Абу-л-Фазла Бейхаки (пер., с. 565), во дворце раиса Серахса останавливался в 999 г. Мансур II Саманид. То, что в данном случае мы имеем дело не с анахронизмом, подтверждается рассказом о раисе Серахса у ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 313, n. *d*).

Последний упоминает раиса среди других крупных чиновников Нишапура: «В Нишапуре есть прекрасные обычаи [русум]; к ним относится прием жалобщиков каждое воскресенье и среду в присутствии военачальника или его везира; каждого, кто возбуждает иск, приводят к нему и разбирают по справедливости, при этом вокруг него находятся кади, раис, ученые и благородные. А судейский прием [21] — каждый понедельник и четверг в мечети Раджа» (BGA, III, p. 327, 328).

В XI—XII вв. раисы упоминаются чаще, но главным образом на территории газневидского, а затем сельджукского государства; в Мавераннахре мы их почти не знаем. Раисы городов неоднократно встречаются в «Истории Мас'уда» Бейхаки наряду с амилями, кади и шихне (Бейхаки, пер., с. 58, 68, 233, 234, 474).

Раисы у Бейхаки — назначаемые чиновники, иногда из городской знати, но чаще (во всяком случае в больших городах) из бюрократической придворной верхушки (Бейхаки, пер., с. 124, 261, 272; Утби, II, с. 325;

---

[20] А. Ю. Якубовский считал что михтар — староста селения (1948, с. 46—47), но, как правило, это слово употребляется не специализированно, означая «предводитель», «глава», «почтенный человек»; в последнем смысле оно встречается у Наршахи (Ш, с. 79; «бузурган ве михатаран»).

[21] «Маджлис ал-хакам»; в константинопольской рукописи (BGA, III, p. 328, n. *a*) — «маджлис ал-кади».

Бартольд, I, с. 352). Функции их в основном сводились к административному управлению городом, непосредственному руководству горожанами через глав различных объединений, ремесленно-торговых и религиозных. Так, во время нападения дейлемцев на Рей начальник гарнизона (шихне), оставленный Мас'удом, не сам занимался сохранением порядка в городе, а поручил это раису: «Сказал раису и вельможам — назначьте людей, чтобы не позволяли простому народу выходить за городские ворота» (Бейхаки, пер., с. 74). В Нишапуре горожане, желая задобрить Мас'уда, решили устроить празднество по случаю прибытия посла халифа. Кади уговорил раиса, и тот «вызвал старост городских околотков [махалла] и базаров» и поручил им организацию праздника (там же).[22] Устройство городских праздников, видимо, было одной из обязанностей раисов. Украшением Бухары ко вступлению Исма'ила Самани распоряжался Абу Абдаллах; в «Романе об Абу Муслиме» Сулейман б. Кесир, неоднократно названный раисом Мерва, после изгнания Насра б. Сейяра устраивает праздничный пир (Тартуси, л. 479а).

Особенно отчетливо характер функций раиса представлен в документах канцелярии султана Санджара, послуживших основанием для специального исследования об административном управлении сельджукского государства при Санджаре (Lambton, 1957). В сборник «Атабат ал-катаба» включены четыре диплома с назначением на должность раиса: два в Мазендаран, один в Серахс и один в Бистам. Из них явствует, что круг обязанностей раиса, так же как и некоторых других должностных лиц, не был четко определен, а каждый раз устанавливался в зависимости от конкретных обстоятельств, чаще всего, вероятно, от положения назначаемого и расположения к нему султана. Как отмечает Э. Лэмбтон, Наджм ад-дину, назначенному раисом Серахса, должны были подчиняться чиновники других ведомств (там же, с. 384). «Приказ таков, чтобы вельможи, почтенные и видные люди Серахса из имамов, судей, сеййидов и шейхов (да продлит Аллах их величие!) с уважением и почтением приняли предводительство Наджм ад-дина, и оберегали бы уважение и почтение к нему [других], и считали бы его своим раисом и предводителем, и с делами и заботами обращались бы в канцелярию раиса [сарай-йи рийасат], и не отклонялись бы от решений Наджм ад-дина, и преумножали бы уважение к его представителю [наиб], и обращались бы к нему со своими нуждами. А славный эмир, раис Беха ад-дин, слава Хорасана, достигал бы крайних пределов содействия и согласования с Наджм ад-дином, который является главой финансового ведомства, чтобы в ведении дела дивана по обычаям пользы дела оба помогали бы и содействовали бы друг другу . . . и чтобы представитель дивана шихне (да продлится поддержка ему!) передавал бы дела на одобрение представителя Наджм ад-дина» (Б. Багдади, с. 41).

В грамоте Тадж ад-дину, раису Мазендарана, рекомендуется руководить кади и хакимами, надзирать за вакфами (что обычно входит в обязанность кади) и следить за общественным порядком, охранять безопасность на дорогах (что обычно входило в сферу деятельности шихне),[23] а также следить за правильностью чеканки монет, правильностью мер и весов, за порядком на базаре. Фактически в этом случае раис оказывался наместником, в ведении которого находился весь полицейский, административный и фискальный аппарат.

Шараф ад-дин, раис Бистама, являлся одновременно главой дивана истифа, поэтому, по словам диплома, ему необходим был представитель,

[22] Интересно, что Бейхаки не называет раиса среди виднейших лиц Нишапура, получивших от Мас'уда халаты (пер., с. 77) и присутствовавших на первой аудиенции (там же, с. 70).

[23] Это определенно вменялось в обязанность шихне, назначенного в Балх (Мунтаджаб ад-дин, с. 79).

который замещал бы его на месте. Этот наиб, фактически исполнявший обязанности Шараф ад-дина в Бистаме, соединял в своих руках функции раиса и мустауфи (Мунтаджаб ад-дин, с. 55—56). В других случаях обязанности раиса и мустауфи оказываются разделенными. В Мерве в 543/1148-49 г. должность мустауфи исполнял особый чиновник; раису и представителям военачальника области предписывалось оказывать ему содействие (там же, с. 48). В Балхе обязанности шихне и раиса были отделены. Диплом четко определяет функции каждого: «Следует, чтобы сын Имад ад-дина, эмира Хорасана, прилагал все возможности, старание для сбережения и охраны этой области и подданных . . . [Следует, чтобы] при слушании жалоб, которые ему приносят, во всех обстоятельствах проявлял бы полное внимание и над тем, что слышит и что к нему приходит, раздумывал бы и удостоверялся, расследовал бы цели и намерения каждого. То, что вызывает необходимость совещания и обсуждения с купцами и предводителями и уважаемыми людьми, после совещания следует ему решать и давать ответ: дела, касающиеся шариата, направлять в заседание судьи, а административные и торговые дела и дела дивана направлять в диван раиса» (там же, с. 78—79).

Лэмбтон пришла к выводу, что «термин раис в „Атабат ал-катаба" употребляется для обозначения как сравнительно мелкого чиновника, который назначался на месте, так и чиновника, принадлежащего к гражданской власти, — в противоположность военной или религиозной иерархии, — назначаемого султаном управлять с широкими полномочиями городом или провинцией» (Lambton, 1957, p. 383).

Раисы — наместники областей не только не были представителями интересов города, но в большинстве случаев не могли даже непосредственно осуществлять административное управление ими, в силу того что не выезжали из столицы, где их удерживали придворные должности; непосредственное руководство поручалось наибам, представителям этих номинальных наместников. Султанские чиновники были не организаторами городской жизни и управления, а надсмотрщиками.

Естественно, что не все раисы были придворными-совместителями или наместниками провинций с широкими полномочиями. Их наибы, которые чаще всего являлись представителями местной знати, и раисы небольших городов стояли ближе к интересам города, интересам его верхушки, которую они представляли. Деятельность султанских чиновников в значительной мере определялась позицией и поддержкой городского патрициата, к которому султаны в дипломах непременно обращались с призывом оказывать содействие и уважать назначаемых раисов, шихне и других чиновников. Городская верхушка поставляла кадры и для центральных ведомств, и в местную администрацию. «История Бейхака» убедительно свидетельствует о существовании династий раисов и кади в Бейхаке и Нишапуре, причем из одних семей выходят почти исключительно раисы, из других — кади.

Показательна в этом отношении семья Микаили. Али б. Исма'ил при Мас'уде был раисом Газны (с титулом раис ар-руаса) (Бейхаки, пер., с. 272, 438), а его сын Ахмед — раисом Нишапура (Ибн Фундук, с. 117).[24] Один раис Бейхака вышел из рода Мухаллаби — потомка Мухаллаба б. Абу Суфры (там же, с. 90—91). После его снятия должность перешла в другой род, связанный с Мухаллаби родственными узами, который удерживал ее в своих руках более 50 лет (там же, с. 94). Род Са'иди, почти исключительно судейский, также выдвинул из своих рядов раиса Газны (там же, с. 174). Аналогичное явление — образование династий раисов

[24] Возможно, что Ахмед и есть тот раис Нишапура, устраивавший прием в честь посла, имени которого Бейхаки не называет (пер., с. 336).

в XI—начале XII в. — отметил в Сирии К. Каэн (Cahen, 1958—1959, 1, p. 237, 242—243), но раисы Хорасана не имели такой самостоятельности, как раисы Сирии, и не играли заметной политической роли.

В Мавераннахре мы также знаем династию раисов, превратившихся в фактических правителей города. Это небезызвестные садры Бухары, первым из которых был Абд ал-Азиз. б. Омар, назначенный Санджаром в 1102/3 г. Исследования В. В. Бартольда и О. Прицака избавляют нас от необходимости повторять сведения об этой династии (Бартольд, II, 2, с. 515—518; Pritsak, 1952). Раис Самарканда при Караханидах упоминается единожды, в связи с заговором знати города против Арслан-хана в 1129 г. (Ибн ал-Асир, X, с. 465). Функции и значение этих раисов остаются неизвестными.

Вторая фигура городской администрации — судья (кади), влияние которого на городскую жизнь было куда значительнее, чем где-либо в немусульманских странах. Значение кади росло вместе с усилением роли мусульманской идеологии и мусульманского духовенства (как ни условен этот термин, мы употребляем его ради краткости), частью которого они были.

Ранний ислам вообще не знал кади. Вся административная власть находилась в руках халифа и военных губернаторов. Спорные вопросы между частными лицами решались при помощи третейских судей, не юристов, а просто уважаемых людей, чей здравый смысл и авторитет служили единственным залогом приемлемости решения для тяжущихся (Tyan, 1938, p. 13—138); случалось, что и халиф прибегал к помощи подобного арбитра (там же, с. 100). При Омейядах кади назначался эмиром, военным губернатором провинции; за его спиной стоял теперь авторитет государства. Но мусульманская юриспруденция находилась еще в младенческом состоянии и кади судили по обычаю и собственному разумению. Бывало, что на эту должность назначали людей, не имевших никакого представления о судействе.[25]

При первых Аббасидах положение меняется. В это время возникает мусульманская правовая доктрина, складывается значительная группа правоведов, из которых теперь черпают судейские кадры. Кади превращаются в «стражей религии мусульман», проводников официальной идеологии. С начала 70-х годов VIII в. назначением судей в крупные центры (например, Дамаск, Фустат) стал распоряжаться халиф (Tyan, 1938, p. 171—174).[26] По-видимому, это коснулось и Средней Азии, так как в списке судей Бухары у Наршахи об одном из них, Абу Дайме Хазиме ас-Садуси,[27] специально говорится, что его назначил халиф. Правда, следующего назначал наместник («султан», по терминологии Наршахи) с одобрения авторитетного богослова Исы б. Мусы ал-Гунджара (Наршахи, Ш, с. 3).

Можно думать, что в пограничных областях Халифата роль кади как толкователя и защитника принципов «мусульманского образа жизни», объединявших сравнительно небольшую общину мусульман перед лицом многочисленных и сильных иноверцев, была значительнее, чем в центре. Вряд ли случайно, что в 776 г. во время восстания Муканны кади Бухары Амир б. Имран возглавил ополчение бухарцев, вышедшее вместе с войсками подавлять белоодежников в Бемиджкете (Наршахи, Ш, с. 67).

Кади в большей мере, чем раис, был связан с массой горожан, повседневно имевших с ним дело по поводу различных бытовых, деловых и се-

---

[25] В 728 г. ал-Ашрас назначил Абу Мубарака ал-Кинди кади Мерва, но выяснилось, что у него не было судейских знаний (Табари, II, с. 1504).

[26] Ал-Мамун приказал сместить всех кади, которые не объявят себя сторонниками учения о сотворенности Корана (Tyan, 1938, p. 181).

[27] Назначен до восстания Муканны, судя по тому, что упоминается до Амира б. Имрана (Наршахи, Ш, с. 3).

мейных вопросов. Кроме разбора тяжб, с которыми к нему обращались заинтересованные лица, он следил за соблюдением норм ислама, назначая за их нарушение предписанные Кораном наказания (хулуд), непосредственно или через мухтасиба, контролировал чистоту и безопасность улиц.[28] На нем лежал надзор за вакфным имуществом и мечетями. Одновременно кади исполнял все функции нотариуса: сам или через своих наибов скреплял документы о сделках, ведал разделом наследства и следил за соблюдением условий завещаний, являясь опекуном сирот и одиноких незамужних женщин, не имевших опекунов-родственников, скреплял браки.[29] По своему значению и функциям кади был близок епископу христианских городов. Тем более что при отсутствии кодифицированного законодательства кади не только толковал законы, но сам зачастую являлся законодателем. По словам Наршахи, Саʿид б. Халиф ал-Балхи, кади Бухары с 27-го августа 828 г., «ввел хорошие установления [сунната], в том числе эти плотины [даргат] и раздел воды Бухары, которые он установил по справедливости и равенству, чтобы сильный не притеснял слабого» (Наршахи, Ш, с. 4). Несомненно, что его мероприятия находились в связи с кодификацией водного законодательства при Абдаллахе б. Тахире, упоминаемой Гардизи (Бартольд, II, с. 116—117).

Все это, вместе взятое, в сочетании с авторитетом религии, от лица которой действовал кади, делало его наиболее влиятельным представителем интересов горожан перед административными властями, организатором многих мероприятий, которые обычно осуществляют муниципальные органы. Кади Бухары неоднократно возглавляли большие общественные работы или организовывали сбор средств на них. Завершением постройки Кампир-Дувала в 828—830/31 гг. руководил Саʿид б. Халиф ал-Балхи (Наршахи, Ш, с. 33). При Насре б. Ахмеде кади ведал восстановлением обрушившейся соборной мечети (там же, с. 48). Возможно, что ремонт соборной мечети при Шемс ал-Мулке с помощью средств «ходжей и знатных» также возглавлял кади (там же, с. 49).

Кади относился к числу высших провинциальных чиновников и получал жалованье наравне с главами финансовых ведомств и начальниками почт, что при Саманидах в Самарканде составляло 700 дирхемов в двадцатидневку, или 12 600 дирхемов в год (BGA, II, p. 470). Сюда следует добавить различные незаконные доходы в результате нередких злоупотреблений при опеке, надзоре за вакфным имуществом и т. д. Все это ставило кади в ряды городских богачей. Даже после ухода со службы он оставался в высшем обществе города. Случалось, что в руках кади концентрировалось несколько должностей; так, при Саманидах Абу Абдаллах ал-Хазин, будучи кади Герата, а затем Самарканда и Ферганы, сочетал с судейством пост начальника почт, т. е. ведомства государственной безопасности (Самʿани, л. 185а).

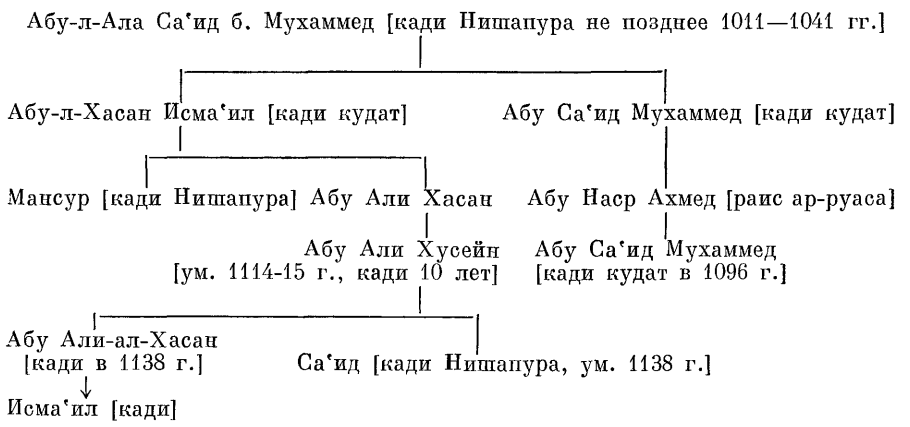
К началу XI в. повсеместно наблюдается профессионализиция юристов, в некоторых семьях судейство становится наследственным занятием, появляются настоящие династии кади. В обстановке политической неустойчивости, частой смены властей и завоеваний, кади нередко оказывались единственной реальной стабильной властью, тем более приемлемой для горожан, что она не могла существовать без их поддержки. Так было в Суре и Триполи, где кади Ибн Аммар даже стал независимым правителем города (Cahen, 1958—1959, 1, p. 233).

В Иране и Средней Азии мы не знаем подобных случаев политической независимости кади, но и здесь в XI в. складываются династии судей. Блестящих примеров таких наследственных судейских фамилий немало

[28] О контроле за улицами см. выше, с. 303. О роли мухтасиба в разных странах см.: Ashtor-Strauss, 1956. О соотношении кади и раиса см.: Cahen, 1958—1959, 1, p. 232.
[29] О функциях кади см.: Tyan, 1960, p. 3—137.

в «Истории Бейхака». Особенно показателен судейский род Са'иди (связанный узами родства с Микаили), который на протяжении шести поколений поставлял кади Нишапуру и Бейхаку (Ибн Фундук, с. 172, 174). Такими же были род, из которого происходил автор «Истории Бейхака» Ибн Фундук (там же, с. 102—106), и род Таббани (Бейхаки, пер., с. 196—198).

Судейский род Са'иди

Несмотря на явную специализацию одних семей на духовной и судейской деятельности, а других на административной и канцелярской, и в тех и в других можно встретить представителей обоих направлений. Например, среди известных представителей рода Са'ида был раис ар-руаса.

Особенно колоритна фигура кади Нишапура Абу-л-Ала Са'ида б. Мухаммеда. Учитель Мухаммеда и Мас'уда, сыновей Махмуда Газневи, он в течение трех десятилетий был авторитетнейшей фигурой города, совершенно затмевая собой раиса. В начале 10-х годов XI в. он после упорной борьбы свалил опасного соперника, вождя керрамитов Абу Бекра, назначенного Махмудом раисом Нишапура (Бартольд, II, 1, с. 234—235; Bosworth, 1963, p. 185—189). После Абу Бекра некоторое время раисом города был Абу Али Хасан (Хасанек), которого мы застаем в начале царствования Мас'уда наместником Хорасана. В 1031 г. Са'ид был главнейшим организатором встречи Мас'уда в Нишапуре, к нему обращались горожане, чтобы воздействовать на раиса и получить разрешение на устройство праздника (Бейхаки, пер., с. 74). Раис не назван по имени, так как был фигурой незначительной. В августе 1038 г. городская знать собиралась у Са'ида как «предстоятеля и предводителя», чтобы решить судьбу Нишапура, брошенного военачальниками Мас'уда на произвол туркмен (там же, с. 488). После возвращения Мас'уда кади не был наказан в отличие от некоторых знатных горожан, сотрудничавших с туркменами.

При Газневидах, а затем при Сельджукидах судебный аппарат представлял одно из звеньев государственной машины. Во главе разветвленной системы судебной иерархии стоял кади кудат, который мог назначать своих представителей, наибов, на места. Широко распространилась практика назначения наибов и другими кади. Можно было быть кади Чаганиана, но не выезжать из Газны, все дела вел наиб (Бейхаки, пер., с. 207). Поэтому у Ибн Фундука нередко отмечается, что такой-то был кади «как представитель и непосредственно» (наибан ва аслан). Та же система централизованного судейского аппарата существовала при Караханидах и у хорезмшахов. В каждом из этих государств имелась должность кади

кудата.[30] Отсутствие для Мавераннахра источников, подобных «Истории Мас'уда» или «Истории Бейхака», не позволяет нам судить о наличии судейских династий и о влиятельности отдельных судей. Но вряд ли мы можем допускать существенное различие по сравнению с Хорасаном.

В большом городе бывало по нескольку кади, назначенных вышестоящими кади (города или провинции), но могли быть и два равных по рангу кади, если в городе имелись приверженцы различных толков (так как кади должен быть того же толка, что и тяжущиеся). В этом случае назначение судей исходило от центральной власти.

Все сказанное подтверждает, что второе по значению лицо городской администрации было государственным чиновником, а не представителем городского самоуправления.

Политическая роль мухтасиба менее значительна, чем роль кади, от которого в некоторых случаях зависит его назначение. Зато многие его функции совпадают с функциями муниципалитета (Ashtor-Strauss, 1956, p. 82): надзор за торговлей, контроль за порядком на улицах, надзор за строительством и т. д. При всем этом он также государственный чиновник, своего рода прокурор, ведущий повседневные наблюдения за соблюдением законности. Даже в сугубо внутренних вопросах город полностью зависел от государства в лице его чиновников.

Имеющийся сейчас в нашем распоряжении материал не позволяет говорить о существовании собственных средств города для нужд городского благоустройства. Содержание в порядке оборонительных стен было заботой начальника гарнизона или раиса, средства на это выделял правитель. И хотя обычно при большом строительстве применялся труд населения, оно не было делом города. Это хорошо иллюстрирует известная фраза Наршахи о постройке стены рабада Бухары: «Жители города Бухары обратились к Ахмеду ибн Халиду, который был эмиром Бухары, назначенным эмиром Хорасана Мухаммедом ибн Абдаллахом ибн Талхой Тахири, с просьбой: „нашему городу нужен рабад,[31] чтобы мы закрывали на ночь ворота и были в безопасности от воров и разбойников". Тогда он приказал, чтобы построили рабад» (Ш, с. 33—34). Все последующие ремонты и перестройки стены делались по распоряжению правителей на выделенные ими средства.[32]

Возведение общественных зданий и благоустройство города также находились в ведении центральной власти, или этим занимались частные лица, рассматривавшие подобное строительство как акт благочестия. Даже постройка мечетей в значительной степени являлась делом частных лиц, а не государства или данной конкретной общины. Несомненно, что какая-то часть мечетей воздвигалась на средства государственного бюджета (хотя состояние источников не позволяет привести определенные свидетельства), но чаще всего светский правитель выступает как частное лицо, расходуя личные средства на строительство или капитальный ремонт. Более или менее подробные сведения мы имеем только по Бухаре.

Постройка соборной мечети между шахристаном и цитаделью при Фадле б. Йахйе Бармаки была осуществлена силами и средствами самих бухарцев: «Люди Бухары собрались, и объединились, и сделали ров цитадели, и построили соборную мечеть между цитаделью и шахристаном» (Наршахи, Ш, с. 48). Средства на постройку дал Фадл б. Йахйа (вероятно, из казны). Впоследствии для расширения мечети Исма'ил Самани скупил

---

[30] Сам'ани упоминает Абу Насра Ахмеда ал-Касани, кади кудата при Хизре (л. 471). В «Тавассул ила тарассул» имеется диплом о назначении кади кудата (Бартольд, 1898, с. 75).

[31] Имеется в виду первоначальное значение слова — «стена пригорода».

[32] Тот же переход функции обеспечения обороноспособности города от муниципалитета к государству происходил и в Византии.

много домов (290/902-3 г.), вероятно, на свои средства (Наршахи не оговаривает). При Насре б. Ахмеде мечеть обрушилась, «жители города ее вновь поставили, и все приближенные султана оказали помощь, и кади Абу . . . осуществлял это дело» (там же). В 306/918-19 при очередном ремонте ал-Джейхани, везир эмира, на собственные средства построил минарет. Для следующего ремонта, при Шамс ал-Мулке, в 1069 г., основные средства, вероятно, дал хан, но «все хаджи и знатные люди оказали помощь, чтобы эта постройка была завершена» (там же, с. 49). Новая соборная мечеть, построенная Арслан-ханом в 515/1121-22 г., сооружена без помощи горожан, а стоящий до сих пор минарет Калан воздвигнут на личные средства Арслан-хана (там же).

Постройка соборной мечети в большом городе была делом дорогостоящим,[33] поэтому ею занимались светские правители. Соборные же мечети в небольших провинциальных городах, как правило, строили местные богачи. Мечеть в Искеджкете в XI в. построена Хансаларом (Наршахи, Ш, с. 12), в Шарге — Мухаммедом б. Сулейманом (там же, с. 13). В Себзеваре после разгрома его хариджитами (828 г.) некая старуха отдала под мечеть свой сад, когда же через 200 лет понадобилось построить минарет, то 1 тыс. дирхемов дал Эмирек, а остальную сумму доложил Абу Нуʿайм, ведавший этим ремонтом (Ибн Фундук, с. 50).

В еще большей степени зависело от частных лиц строительство медресе. В письменных источниках упоминается ряд медресе в Бухаре и Самарканде, построенных как султанами, так и их придворными (Наршахи, Ш, с. 12, 28). То же справедливо в отношении территории газневидского и сельджукского государств.[34] Эти медресе легко распознаются, так как носят имена учредителей. Бюджет медресе основывался на доходах с вакфов.

Традиционная система погашения расходов по какой-либо статье за счет конкретной статьи дохода или доходного объекта, частным случаем которой являются вакфы, имела место и в городе. Так, доходы с лавок базара у «Начала арки» в Самарканде шли на поддержание акведука, питавшего шахристан (см. выше, с. 313). В том же Самарканде на улицах имелось множество мест, где были установлены большие глиняные сосуды и медные котлы с питьевой водой для прохожих (BGA, I, p. 290). Все это являлось актом благочестия и религиозной благотворительности. Ремонт оросительной сети внутри города также бывал делом частных лиц. По словам ал-Мукаддаси, во время его пребывания в Бухаре паводок причинил значительный ущерб и Абу-л-Аббас ал-Йаздади пожертвовал на восстановление большие средства. Интересно выражение, употребленное здесь автором: «ихтисабан»; В. В. Бартольд переводил его «по расчету», «по моему расчету» (I, с. 155; III, с. 201), но все же не был до конца уверен в правильности перевода и допускал перевод в «качестве мухтасиба» (III, с. 201, прим. 102). Последнее тоже вызывает некоторые сомнения, так как мухтасиб если и руководил ремонтными работами, то не обязан был расходовать на них собственные средства. Возможно, что слово «ихтисабан» означает «следуя хисбе», «ради хисбы», т. е. «следуя шариату», «в виде благочестивого деяния».

Городское благоустройство: мостовые, канализация и т. д., стоявшее в Средней Азии на высоком уровне, не удостаивалось внимания средневековых авторов, поэтому мы не знаем, на какие средства сооружались мостовые, упоминаемые географами и находимые археологами, или большие канализационные коллекторы. Я склонен думать, что и эта область

[33] Строительство соборной мечети в Нишапуре обошлось Абу Муслиму в 100 тыс. мискалей (динаров), а ремонт ее — Хумар-тегину в 2 тыс. динаров (Нишабури, с. 141, 143).

[34] Учреждение медресе, служивших укреплению правоверия, было важным государственным делом в условиях борьбы со свободомыслием и ересями.

специфически муниципальных забот также находилась в компетенции государственной администрации или зависела от благотворительности городских богачей.

Отсутствие автономного городского бюджета и муниципальных органов ставило благоустройство города в значительную зависимость от наличия в нем резиденции феодального правителя или крупного наместника и от благоволения этих властей. Благоустройство города, сооружение в нем общественных зданий были милостью, подачкой властей и как всякие подачки иногда порождали недовольство, принимавшее резкие формы. В конце XII в. везир Текеша Низам ал-Мулк Мас'уд построил в Мерве мечеть для шафиитов (он сам был шафиитом), это возмутило главу (мукаддам) ханбалитов (названного шейх ал-исламом), и подстрекаемая им «чернь» (аубат) сожгла мечеть. За это Текеш наложил на шейха и его сторонников большой штраф (Иби ал-Асир, XI, с. 104).

Итак, все имеющиеся у нас сведения говорят о том, что в городе X—XII вв. отсутствовали всякие элементы общегородского самоуправления. Все представители общегородской администрации — правительственные чиновники. Это справедливо не только для Средней Азии. Та же картина выясняется в гораздо лучше изученной Сирии (Ashtor-Strauss, 1956).

В городе существовали силы, с которыми не могло не считаться правительство. Содействие горожан рассматривалось как необходимое условие успешной деятельности чиновников; в каждом дипломе на должность, выходившем из канцелярии Санджара, содержится призыв к горожанам содействовать назначаемому. Перечни категорий горожан примерно одинаковы: «Все знатные, почтенные и известные люди из числа сейййдов, ученых, имамов, шейхов» (Мунтаджаб ад-дин, с. 13), «известные и почтенные . . . особенно славная знать, сейййды, имамы, факихи, шейхи и простой народ [ра'айа]» (там же, с. 16; ср. также: с. 29, 31, 33, 37, 41, 44, 59, 67, 69, 77). Эти перечни служат лишним доказательством аморфности, неорганизованности горожан в целом. В то же время постоянные обращения к горожанам свидетельствуют о наличии за спиной «славной и известной знати» каких-то организованных сил, хотя и не охватывавших весь город.

Политически средневековый мусульманский город можно рассматривать как конгломерат производственных, территориальных, конфессиональных и иных самоуправляющихся корпораций, непосредственно подчиняющихся государственному аппарату города.

Мы уже говорили выше о значительной автономии иноверцев внутри мусульманского государства. В городе они также составляли наиболее самостоятельную во внутренней жизни и наиболее замкнутую корпорацию. В Мерве, Самарканде и семиреченских городах имелись заметные общины христиан (Бартольд, II, с. 274—298), в Самарканде до X в. сохранялись общины зороастрийцев и манихеев (Худуд, л. 216), а также небольшая еврейская община. Ни археология, ни письменные источники не говорят, насколько изолированы они были территориально. По аналогии можно допустить, что каждая община имела свой квартал; это было безопаснее, обеспечивало спокойное отправление обрядности и сохранение своего уклада жизни, часто совершенно неприемлемого для мусульман. Можно предполагать и наличие отдельных квартальных продуктовых рынков, так как, с одной стороны, ряд продуктов (вина, свинина, неправильно забитое мясо) запрещалось продавать на большом мусульманском рынке, а с другой — на этом большом рынке отсутствовали продукты, отвечающие требованиям ритуальной чистоты (для евреев). Эти группы были сравнительно малочисленны и не играли в Средней Азии почти никакой политической роли, так что можно скинуть их со счетов при исследовании строя мусульманского города Средней Азии, хотя не упомянуть их для полноты картины было нельзя.

Мусульманское население разделялось и организовывалось по трем признакам: религиозному, территориальному и производственному. Наименее определенным был первый. Только различия между суннитами и шиитами были значительными, в массе же суннитского населения принадлежность к ханифитам или шафиитам обычно не являлась основанием для вражды. Многочисленные биографии мусульманских юристов и богословов показывают, что часто, будучи воспитаны в семье в одном толке, в годы самостоятельной учебы они становились сторонниками другого. Это не считалось предосудительным или легкомысленным. Лишь иногда, когда принадлежность к толку совпадала с принадлежностью к одной из враждующих партий, разделившихся на иной основе, она приобретала политическое значение. В таких условиях огромную роль приобретала фигура главы мусульман данного толка, раиса или мукаддама.

Своеобразную религиозно-родовую корпорацию составляли потомки Мухаммеда, сеййиды, объединенные кровным родством и, главное, общими привилегиями. Помимо налогового иммунитета они пользовались и судебным иммунитетом. Во главе сеййидов каждого города или области стоял наиб, утверждавшийся (или назначавшийся) государством из числа сеййидов. Он и казначей ведали финансами, складывавшимися из поступлений от вакфов, распределяли материальную помощь среди неимущих, разбирали внутренние тяжбы. Считалось, что сеййида, обвиняемого в уголовном преступлении, нельзя арестовать без ведома наиба. Последнее не мешало тому, что в тюрьмах всегда было много алидов, замешанных в различных политических заговорах, претендентов на престол и т. д.

Организация сеййидов, несмотря на ее заметный политический вес, с которым приходилось считаться городской администрации, определявшийся как уважением к происхождению, так и тем, что многие ее члены занимали высокие административные посты или пользовались религиозным авторитетом, все же не воспринималась как городское корпоративное объединение и не могла быть одной из основных форм объединения и самоуправления горожан. Во-первых, она была ограничена по составу и возникла как объединение для охраны привилегий, которые никак не были связаны с данным городом или городом вообще; во-вторых, она, как и объединения религиозно-политического характера, не была непременно привязана к определенной территории, чтобы брать на себя какую-то часть муниципальных функций.

Единственными коллективами, осуществлявшими самостоятельно некоторые функции городского самоуправления, являлись территориальные (квартальные) и производственные объединения ремесленников и торговцев. В глазах администрации и феодальных историков их роль сводилась к организации лучшего исполнения предписаний начальства. Раис города вызывал к себе ремесленных старшин и раисов кварталов, давал им распоряжение, и они его исполняли, пути осуществления начальство не интересовали. Наряду с этим на квартальных старостах лежала обязанность поддерживать порядок и чистоту в квартале, но опять-таки скорее всего силами жителей квартала.

Сложным является вопрос о соотношении квартальных и ремесленных объединений. О последних мы знаем только то, что они в какой-то форме существовали, но не больше. Имеется убеждение, что уже в домонгольском городе Средней Азии квартальная и ремесленная организации в значительной степени совпадали, поскольку кварталы населялись по производственному принципу. «Едва ли ошибочным будет предположение, — писал А. Ю. Якубовский, — что шейхи махалла являлись одновременно главами того ремесла, которым занимались жители данной махалла, и что занимавшиеся этим ремеслом были объединены в свой цех» (ИНУз, с. 245; ср.: Очерки. . ., с. 499, 501).

Как мы видели в предыдущей главе, ни археология, ни письменные источники не дают однозначного ответа на вопрос о совпадении ремесленных и территориальных (квартальных) объединений. Обнаруженная в нескольких городах концентрация мастерских керамистов и металлистов в специализированных кварталах может объясняться не спецификой расселения, а необходимостью изоляции производств, связанных с применением огня.

Установление факта заселения определенного района города ремесленниками одной специальности не будет доказывать совпадения ремесленных и территориальных объединений еще и потому, что махалла больше, чем квартал в нашем понимании, это скорее район, чем квартал. Поэтому в одной махалла могло оказаться несколько кварталов (или улиц), заселенных ремесленниками разных специальностей. К сожалению, мы не знаем размеров махалла в среднеазиатских городах. Но в территориально близком Нишапуре их было 44; следовательно, при площади Нишапура около 1000 га и населении около 100—120 тыс. человек махалла в среднем занимала около 25 га и имела население не менее 2.5 тыс. человек. Для сравнения напомним, что в позднесредневековой Бухаре, где в основном соблюдался принцип «один квартал — одна профессия», было 217 кварталов (Сухарева, 1958, с. 68), хотя она меньше Нишапура X—XI вв.

Как нам представляется, совпадение профессиональной и территориальной организации в X—XII вв. было редким исключением, для этого необходимо, чтобы квартал — административная единица — был заселен людьми одной профессии. Документированных свидетельств такого совпадения в нашем распоряжении нет, а имеющиеся говорят о противоположном. В шахристане Самарканда (Афрасиаб) гончары разбросаны по всей территории, к тому же расположение их мастерских со временем менялось, а где они жили — неизвестно (см. выше, с. 284). В южном пригороде Самарканда в одном квартале (участок, огороженный со всех сторон улицами) оказываются госпиталь, мечеть, частные дома разных лиц (в том числе дочери портного), конюшня, караван-сарай, дом Нуш-тегина (видимо, тюрка в отличие от остальных жителей). Город этого времени представлял пеструю картину переплетения различных линий подчинения и объединения, но в ней заметно появление тенденции к обособлению и изоляции квартала, распадению города на конгломерат полунезависимых квартальных объединений, связываемых экономически базаром, а политически подчинением общему градоначальнику.

Логическим завершением этого процесса, характерного для всех средневековых мусульманских городов, является фактическая изоляция квартала, выражающаяся в появлении ворот, запирающихся на ночь и отделяющих его от остального города. Высказывалось предположение, что уже в X в. в Бухаре имелись изолированные кварталы с воротами (Сухарева, 1958, с. 28), но этот вывод основан на неправильном толковании некоторых мест Наршахи и не имеет под собой почвы; также неосновательно утверждение о наличии замкнутых кварталов в Самарканде.[35]

Единственное несомненное упоминание ворот, запирающих квартал внутри города, имеется в «Романе об Абу Муслиме». Картины осады правительственными войсками квартала, где засели мятежники, конечно, не имеют ничего общего с подлинными событиями движения Абу Муслима, но явно списаны с натуры (скорее всего середины XII в.). Абу Муслим сражается против правительственных войск, гонит их до ворот квартала (дарваза-и махалла) и защищает ворота до подхода вражеских подкрепле-

[35] А. Ю. Якубовский писал, что в Самарканде при Мансуре б. Нухе (961—976 гг.) были уничтожены внутригородские стены, разделявшие кварталы (Очерки. . ., с. 501). Видимо, основанием для этого утверждения послужило сообщение Ибн Хаукаля о снятии ворот рабада (BGA, II, p. 367).

ний, после чего отходит в глубь квартала, посылая своих сторонников бросать в войска камни с крыш. Сражение кончается тем, что войско «нефтянщиков» подожгло квартал, после чего Абу Муслим отступил (Тартуси, л. 161—167). Другим, менее определенным свидетельством существования замкнутых кварталов является рассказ Джувейни о взятии монголами Ургенча, где им приходилось брать квартал за кварталом (Джувейни, с. 100—101; МИТТ, с. 488).

Какова бы ни была распространенность запирающихся кварталов в среднеазиатских городах, ясно, что с VIII по XII в. происходит не только рост города, но и распадение его на изолированные части; кварталы, еще в VIII в. развернутые на улицу, сворачиваются вовнутрь, следуя процессу обособления различных корпораций и объединений горожан. Раньше всего должны были начать изолироваться кварталы с однородным населением. Следующим этапом, никак не зафиксированным в источниках, должна была быть территориальная консолидация однородного населения. На изучаемый нами период падает начало указанного процесса, растянувшегося на несколько веков.

В Сирии, в Алеппо, замкнутые кварталы появляются в XI в., в период политической неустойчивости; с их помощью горожане пытались в какой-то мере обеспечить себе безопасность (Sauvaget, 1941, p. 105). Вероятно, и в Средней Азии изоляция кварталов стимулировалась тем же. По мере изоляции различных групп населения усиливались отчуждение и вражда между ними, которая в свою очередь толкала к дальнейшему обособлению.

Горожане всегда были политически наиболее активной частью общества, и Средняя Азия не представляет в этом исключения. Бóльшая активность горожан определяется значительной концентрацией людей в одном месте (со всеми вытекающими последствиями), большей организованностью и более высокой по сравнению с крестьянством культурой. Это отнюдь не означает, что город определял политику феодальных государств Средней Азии, хотя неоднократно и справедливо отмечалась огромная роль государственного аппарата, вербовавшегося из городской верхушки; чиновничество было только привилегированным служащим государства, принадлежавшего военно-феодальному сословию и кочевой аристократии (во многих случаях между ними следует ставить знак равенства). Одно утверждение не противоречит другому: уровень политической активности не всегда соответствует удельному весу той или иной части общества в политике государства.

Средневековая история знает немало восстаний горожан, но не всегда мы можем определить их характер. Историки, происходившие из чиновничьей или богословской среды (а как мы знаем, их даже не всегда можно четко разделить), неохотно писали о восстаниях, характеризуя большинство из них как бесчинства черни. С нашей стороны также было бы ошибкой на этом основании огульно зачислять все восстания горожан в категорию антифеодальных демократических движений, преувеличивая уровень классового самосознания горожан той эпохи. Несомненно, что значительная часть известных нам городских восстаний не имеет определенного классового характера, а направлена против произвола наместников или иноземных завоеваний. В таких восстаниях участвовали различные слои горожан и требования сводились к восстановлению законности.

Как мы видели выше, восстания горожан в VIII в. были эпизодами общей борьбы народов Средней Азии против арабов и ислама. В значительной мере их возглавляли дихканы, и уже поэтому нельзя говорить о их демократической направленности. Рядовые города той эпохи не имели значительного слоя ремесленников и мелких торговцев, которые могли бы противопоставить свои интересы могущественному дихканству, составлявшему значительную часть городского населения. К тому же на первом этапе

борьбы с арабским завоеванием сословные противоречия часто уступали место объединению перед лицом общих врагов.

Лишь в крупнейших городах с многочисленным торгово-ремесленным населением последнее могло иметь самостоятельное политическое значение. Не случайно, что единственный зафиксированный случай обособленного выступления рядовых горожан против захватчиков, подавленного арабами совместно с городской верхушкой, относится к Мерву, самому большому городу Средней Азии. По словам Гардизи, жители Мерва раскаялись, что пустили арабов в свои дома, и решили их изгнать. «Это замыслили люди базара и аййары, а Бераз сын Махуе, который был военачальником и дихканом города, получил известие об этом замысле и тотчас сообщил Умейру ибн Ахмару» (Гардизи, с. 75; МИТТ, с. 227). Конечно, Гардизи допускает анахронизм, используя термин «аййар» применительно к Мерву середины VII в., когда в таком смысле он еще не существовал и у арабов; важно другое, что социальный состав участников этого восстания был подобен составу участников движений XI в., хорошо известных нашему автору.

По мере исламизации населения линия раздела между повстанцами и сторонниками правительства перестает определяться религиозной и национальной принадлежностью; в обоих лагерях оказываются и арабы, и местные жители — мусульмане и немусульмане, объединенные общим отношением к налоговой политике или социальным положением. Восстание Муканны явилось последним крупным антиисламским движением. К началу IX в. ислам становится господствующей идеологией. И все последующие движения приобретают более определенный классовый характер, хотя не всякое восстание того времени можно считать антифеодальным.

Очень показательно с этой точки зрения отношение некоторых историков к крупнейшему после Муканны антихалифатскому восстанию Рафи б. Лейса, в котором, кстати, значительную роль сыграли горожане. А. Ю. Якубовский, мельком коснувшись восстания в связи с участием в подавлении его родоначальников династии Саманидов, счел возможным сказать, что «идеологически это движение продолжало традиции Муканны» (ИНУз, с. 218). Никаких аргументов не было приведено, но авторитет А. Ю. Якубовского оказался решающим, и в дальнейшем его ученица Т. Кадырова в специальном исследовании о народных движениях в Средней Азии объявила Рафи б. Лейса борцом против ислама, вольнодумцем, попирающим косные догмы (1965, с. 138—139; ИУз ССР, с. 247).

Попробуем разобраться, что сообщают нам письменные источники. Прежде всего, кто такой Рафи б. Лейс? Рафи — внук знаменитого Насра б. Сейяра, последнего омейядского наместника Хорасана. При Аббасидах его потомки отошли на второй план, занимая второстепенные военно-административные посты в Средней Азии. В 80-х годах VIII в. они принимали участие в подавлении восстания Муканны. Гардизи и Бал'ами упоминают двух сыновей Насра, Мухаммеда и Лейса, и его внука, Хасана б. Темима. Хасан и Мухаммед погибли в борьбе с восставшими, оставшийся в живых Лейс — отец Рафи (Бал'ами, с. 742; Ибн ал-Асир, VI, с. 26; Гардизи, с. 99). В этой семье могли быть оппозиционные антиправительственные настроения, но чтобы допустить, что в ней смог вырасти последователь Муканны, нужно иметь веские доказательства.

Поводом для восстания послужило наказание, которому наместник подверг Рафи. По словам Бал'ами, Рафи б. Лейс был любителем разгульной жизни, вина и женщин. Ему понравилась жена мавли халифа, и он посоветовал ей отступиться от ислама, чтобы развестись с мужем, потом снова принять ислам и стать его женой.[36] Слух об этом преступлении

[36] Именно в этом Т. Кадырова усматривает выступление Рафи против ислама: «С целью привлечь на свою сторону народные массы покоренного Мавераннахра он

(с точки зрения мусульманского права подстрекательство к вероотступничеству — тягчайшее уголовное преступление) дошел до ар-Рашида, распорядившегося наказать Рафи в соответствии с нормами мусульманского права. Наместник Самарканда расторг незаконный брак и заточил виновного в тюрьму, но не стал подвергать его телесному наказанию (видимо, Рафи пользовался в Самарканде большим авторитетом). Рафи бежал из тюрьмы, скрывался в Балхе и добился в конце концов прощения. Ему разрешили вернуться в Самарканд, но брак остался расторгнутым. Чтобы получить возможность вернуть себе любимую женщину, Рафи поднял мятеж (Бал'ами, с. 761). Так романтическая история арабского аристократа стала причиной его восстания против центральной власти. Во всем этом нет ни проявления антимусульманских взглядов, ни тем более идей Муканны.

Сама по себе эта история не заслуживала бы нашего внимания, если бы она не привела к восстанию, серьезно обеспокоившему халифа. Обстановка на востоке Халифата была напряженной. Многолетнее правление наместника Хорасана Али б. Исы, отличавшееся лихоимством и беззастенчивым вымогательством, одинаково настроило против него и богачей и бедняков. Жалобы на него халиф не принимал (Бейхаки, пер., с. 371; Табари, III, с. 703—704). Естественно, что выступление Рафи против наместника встретило широкую поддержку.

Бал'ами сообщает любопытные сведения об участии в восстании горожан. Когда Рафи не удалось вернуть жену, то «он вспомнил об аййарах Самарканда, восстал и захватил город, а эту женщину открыто сделал своей женой. Все самаркандцы присоединились к Рафи, потому что были измучены притеснениями Али ибн Исы и его чиновников. Тогда Али ибн Иса послал своего сына с войском на Самарканд, самаркандцы оказали помощь Рафи, сражались с сыном Али ибн Исы и разгромили его» (Бал'ами, с. 761). Постепенно Рафи распространил свою власть на весь Мавераннахр. Несколько попыток Харсамы (назначенного командовать подавлением мятежа) захватить Самарканд оказались безуспешными. Харун ар-Рашид решил лично возглавить борьбу с мятежником, но умер по дороге в Мерв.

Рафи б. Лейс безусловно пользовался поддержкой всего населения Мавераннахра (только благодаря ей можно было успешно противостоять правительственным войскам), но его выступление — обычный мятеж феодала против центральной власти. Он создал независимый удел, фактически подобный уделу Тахиридов или Саманидов, с той только разницей, что власть была им узурпирована. Когда Рафи в конце концов пошел на переговоры и сдался Мамуну, то он не «изменил» восстанию и не «перешел на сторону врага»: для него вся эта история была личным делом, а не защитой чьих-то интересов, которые он мог предать соглашением с халифом. После того как Рафи сдался, народ не оказал сопротивления правительственным войскам, поскольку перед этим был облегчен харадж и Мамун, заинтересованный в поддержке хорасанцев и мавераннахрцев, старался предотвратить злоупотребления чиновников. Теперь для народа не было разницы между Рафи и халифом (кстати, Рафи был сначала назначен наместником Мавераннахра).

Для нас в этой истории важны сведения об активной роли горожан и первое упоминание аййаров, на которых в начале восстания опирался Рафи б. Лейс. Это позволяет заключить, что в XI в. горожане становятся самостоятельной политической силой и приобретают какую-то организацию.

О других восстаниях IX в., упоминаемых в письменных источниках,

---

выступил также против шариата. Сам он, бросая вызов мусульманам, вступил в брак с женщиной, не разведенной по закону шарита» (1965, с. 139), хотя здесь перед нами обычное пренебрежительное отношение к стеснительным нормам права, которым всюду и во все времена отличалась господствующая верхушка.

нельзя сказать ничего определенного. Так, в 799—802 гг. в Хорасане дважды восставал некий Абу-л-Хасиб, захвативший Абиверд, Тус, Нишапур и Серахс. На подступах к Мерву восставшие были разгромлены (Табари, III, с. 649—651).

В течение первой половины IX в. центром народных движений востока Халифата был Сеистан, где возникло государство хариджитов, отменивших харадж. Но это движение не затронуло Среднюю Азию. Примечательно, что хариджиты, успешно противостоявшие войскам халифа, были в конце концов разгромлены отрядами аййаров и добровольцев — «борцов за веру».

В Мавераннаре после Рафи б. Лейса мы знаем только одно восстание горожан: в Бухаре в 871 г. против Хусейна б. Тахира, прибывшего туда из Хорезма. Причиной восстания явились бесчинства его солдат-хорезмийцев и насильственный обмен «гитрифи» на серебро. Восстание окончилось успешно, Хусейн вынужден был бежать, оставив все собранное серебро. Горожане оказались хозяевами своего города (Наршахи, III, с. 76). Но и на этот раз город не претендовал на автономию. Знать Бухары обратилась к Насру б. Ахмеду с просьбой прислать наместника. Возможно, что в данном случае непосредственной причиной обращения к нему послужило то, что не удалось подавить волнение городских низов. Но и в других случаях восставшие горожане выступают не за автономию города и муниципальное устройство, а за замену несправедливого наместника или правителя справедливым.

Источники X в. также очень скупо говорят о восстаниях горожан, хотя по отдельным, вскользь сделанным замечаниям можно составить представление о напряженности обстановки в Мавераннахре и Хорасане. В первой четверти X в. в Самарканде произошло восстание, о котором нам известно только, что во время него сгорели Кешские ворота с домусульманской надписью (BGA, I, p. 318). В середине X в. снова произошло восстание, после подавления которого эмир распорядился снять ворота Дивари-Киямат (BGA, II, p. 367).[37] Современники считали самаркандцев бунтарями (BGA, III, p. 278).

Более или менее подробно рассказывается только о восстании в Бухаре в 930 г. под руководством хлебопека Абу Бекра Исфахани, который связался с братьями эмира, заключенными в зиндане бухарской цитадели. Вместе с ними были освобождены сидевшие там же дейлемиты, шииты и айяры. Верхушка восставших испугалась усиления городских низов и выдала Абу Бекра; его запороли насмерть и затем бросили в раскаленную печь для выпечки хлеба (Ибн ал-Асир, VIII, с. 154—155).

В середине X в. в государстве Саманидов усилилась пропаганда исмаилитов и карматов (последние в центре Халифата представляли демократическую оппозицию государственной власти). О том, какие социальные слои поддерживали исмаилитскую пропаганду в Мавераннахре, нет определенных сведений. Учение исмаилитов было вполне приемлемым и для господствующего класса, так как в Бухаре приверженцами этого учения стали раис Бухары, начальник налогового ведомства и некоторые другие во главе с самим саманидским эмиром Насром II.

Восстаниями против притеснений представителей государственной власти и сборщиков налогов не ограничивалась классовая борьба в городе. Она еще не имела ясно выраженного характера, приобретала то форму ересей, то выливалась в бессмысленные распри между представителями разных суннитских школ. Эти распри раздирали все города Хорасана и Мавераннахра. Ал-Мукаддаси посвящает им специальные разделы в каждой

[37] Восстание произошло, видимо, после того, как было написано сочинение ал-Истахри, так как он не упоминает этого события.

главе. Они называются арабским словом «асабийя», которое первоначально значило «приверженность своему племени», в некоторых случаях «семейственность». В X в. оно означало приверженность какой-то группировке и обусловленную этим вражду.

В Мерве существовала вражда между мединой и Старым базаром; в Нисе — между Хане и «Началом базара»; в Серахсе — между Арусийа и Ахлийа, в Абиверде — между Кардари и «Началом города». «Мало какие города свободны от асабий», — заключает ал-Мукаддаси (BGA, III, p. 336). В некоторых случаях распри связаны с принадлежностью к разным толкам. Арусийа в Серахсе была заселена ханифитами, а их противники были шафиитами. На этой же почве, видимо, происходили распри в Бинкете (там же, с. 276). В других городах, например в Самарканде, асабийя не имела под собой религиозной почвы.

Жестокая и бессмысленная вражда между последователями разных толков ислама приводила иногда к полному разрушению больших городов, как случилось, например, с Реем в начале XIII в. (Йакут, II, с. 893). В конце X в. в Нисе, по словам ал-Мукаддаси, «все жители стали аййарами и разрушили ее асабийи» (BGA, III, p. 320).

С. П. Толстов, разбирая сведения об асабийях, пришел к выводу, что они являются пережитком фратриального деления городов, совершенно упуская из виду их современные социальные корни (1948б, с. 283—284). К сожалению, только в отдельных случаях можно догадываться о классовой подоплеке этих распрей, как было, по-видимому, в Мерве, где жители медины названы в одной из рукописей «дихканцами». Если бы мы знали социальную топографию городов Средней Азии, то могли бы установить, какие группы населения находились в состоянии вражды.

Мы уже говорили, что обострению внутригородской борьбы способствовала разобщенность ремесленников разных профессий, изоляция жителей разных кварталов и нараставшая вследствие этого отчужденность.

Когда С. П. Толстов говорил о среднеазиатских асабийях, то правильно отметил их связь со спортивными организациями молодежи и спортивными соревнованиями. Военно-спортивная подготовка молодежи имела большое организующее и воспитательное значение. Но устройство игр, подготовка к ним, обучение молодежи предполагают наличие какой-то минимальной организации внутри корпораций и больших коллективов горожан, на которые распадался единый организм города. В этой связи нельзя не обратить внимание на особую группу городского населения, часто упоминаемую в связи с восстаниями горожан, — аййаров. Наши историки, несмотря на большое внимание, уделяемое социальным движениям, прошли мимо этой социальной группировки.

Для средневековых авторов аййары — бродяги и бандиты. Аййары непременные участники всяких бесчинств в городах, грабежей во время восстаний или безвластия. Современные исследователи, хотя и делают скидку на тенденциозность средневековых авторов и враждебность к народным низам, все же часто переводят это слово как «бродяга», видя в аййарах деклассированных горожан, аморфную массу люмпенпролетариата. По объяснению Арендса, «этим словом назывались деклассированные элементы города и деревни, главным образом разоренные произволом помещиков и феодальной администрации крестьяне, бежавшие из разных деревень и скитавшиеся по стране, нередко они приставали к шайкам воров и грабителей» (Бейхаки, пер., с. 670, прим. 8). А. Ю. Якубовский также считал их деклассированным элементом, из которого пополнялись ряды «добровольцев» борьбы за веру — газиев (1934).[38] В любом случае аййары пред-

[38] Безоговорочно отождествляют аййаров с газиями Т. Кадырова, которая считает, что это просто презрительное наименование (1965, с. 183, прим. 60, с. 184, прим. 63),

ставлялись неорганизованной массой, в крайнем случае объединенной в шайки и не имеющей ничего общего с внутригородской организацией.

Первым усумнился в этом К. Каэн. Исследуя городские движения в Сирии, в которых большую роль играли отряды «ахдас» (молодежи), он обратил внимание на аййаров, известных от Багдада до Мавераннахра. Подробный разбор восстаний в Багдаде с участием аййаров в сочетании со сведениями самых разнообразных источников привел его к выводу, что аййары — организация горожан, а не сельских жителей, что они обычно относятся к низшим слоям населения, находящимся вне больших, организованных ремесел (Cahen, 1958—1959, 2, p. 47). Они связаны с молодежными объединениями фитйан, представляющими самостоятельную корпоративную организацию горожан. «Они были несомненно в массе обездоленными.„ Программы“ у них не было. В основном они требовали себе места в обществе, в котором им не было места. Их действия были, если хотите, действиями класса, но неясными, примитивными, как все средневековые движения, своего рода элементарным возмущением, которое их жертвы называли грабежом, но они пользовались в городе популярностью, которой пользуются в этом отношении могущественные и благородные грабители: они не грабили ни слабых, ни бедных» (там же).

По мнению К. Каэна, аййары и объединения фитйан были той силой, на которую опирался городской сепаратизм. Сведения об аййарах Средней Азии не настолько определенны, чтобы можно было решительно утверждать, как это делает К Каэн, что аййары-фитйан — неотъемлемая часть структуры городской организации, и все же сейчас ясно, что сами аййары имели какую-то организацию.

Как сказано выше (с. 337), первое их упоминание связано с восстанием в Мерве в 665 г. Наршахи называет аййарами сторонников Муканны, руководивших восстанием в Бухарском оазисе: Хашви, Баги и Гардака. «Эти три человека были воинами, аййарами и карманными ворами» (Наршахи, Ш, с. 66—67). Контекст не позволяет установить, были они на самом деле аййарами или это слово употреблено в бранном смысле (что вероятнее). Более определенно названы аййары в связи с восстанием Рафи б. Лейса. Обращение к ним явствует, что они представляли в городе определенную силу, были вооружены и имели какую-то организацию. Другие упоминания весьма неопределенны; например, совершенно невозможно сказать, что представляли собой аййары, сидевшие в зиндане Бухары, которых вместе с другими освободил Абу Бекр.

В большинстве случаев аййары упоминаются в связи с бесчинствами в городах в периоды безвластия или ослабления центральной власти. В 880 г. нишапурцы возмутились «дурным» поведением наместника Худжастани, и «усилились аййары и испорченные люди», которые потом оказали поддержку Амру б. Лейсу. Вместе с ними упоминаются «добровольцы» и факихи, впоследствии отколовшиеся от движения (Ибн ал-Асир, VII, с. 208—209). В 1040 г., когда газневидская администрация покинула Нишапур после денданеканского разгрома, в нем подняли голову аййары: «Велико было зло от аййаров, и усилилось их дело, и увеличились несчастия жителей Нишапура, происходившие из-за них. Они грабили имущество и убивали людей, посягали на жен и делали все, что хотели. Не удерживал их от этого удерживающий и не препятствовал им препятствующий. А когда вошел Тогрул-бек в город, то аййары испугались и прекратили делать то, что делали, и успокоились люди» (там же, IX, с. 330; МИТТ, с. 371).

и Е. Э. Бертельс: «Аййар — в городах Халифата так называли лиц, не имевших определенной профессии и промышлявших случайными заработками. Из них же формировали добровольческие отряды» (Кабус-наме, пер., с. 283).

В 485/1092 г. после смерти Мелик-шаха в Себзеваре в течение пяти месяцев происходили волнения аййаров и «злоумышленников». Фахр ад-дин Абу-л-Касим с солдатами и своими гулямами все это время совершал ночные обходы города, чтобы насильники и нечестивцы не протягивали руки к имуществу и женам мусульман» (Ибн Фундук, с. 474). Во время «гуззской смуты» «аййары также грабили Нишапур, хуже, чем гуззы, и совершали еще худшее, чем делали те» (Ибн ал-Асир, X, с. 120; МИТТ, с. 391).

Нишапур и вообще весь юго-западный Хорасан отличались большой активностью аййаров. Тус славился аййарами так же, как Самарканд бумагой или Мерв тканями (Ибн Фундук, с. 28). Во всех случаях аййары упоминаются как часть городского населения, как неприятный, но законный слой горожан. Назвать их разбойниками никак нельзя. Только в одном случае аййары несомненно упоминаются как разбойники. В дипломе, выданном шихне Джувейна, говорится: «Повелевается . . . злоумышленников и преступников, особенно те сборища [джама'ат], которые бродят в горах под именем и с обычаями аййаров, а также луров и воров, от которых мусульмане терпят беспокойство и ущерб, из той области полностью изгнать» (Мунтаджаб ад-дин, с. 61). Однако здесь мы, видимо, имеем дело с несколько иным явлением, связанным с условиями Сиджистана.

Об аййарах в Средней Азии исторические источники не сохранили почти никаких сведений. Если не считать слов ал-Мукаддаси, что все жители Нисы из-за междоусобия стали аййарами, из которых трудно уяснить, в каком смысле употреблено это понятие, у нас есть только одно упоминание аййаров в Средней Азии после середины X в. Оно связано с рассказом ал-Утби о вторичном вступлении ал-Мунтасира в Самарканд весной 1004 г.: «И помог ему [человек], известный под именем Ибн Аламдар, раис молодцов [фитйан] Самарканда» (I, с. 341.) В этих «молодцах» (или «юношах») скорее всего можно видеть аййаров; близость понятий «аййар» и «фата» подтверждается некоторыми источниками.

Отсутствие сведений об аййарах в Мавераннахре объясняется, конечно, не тем, что их там не было, а малым количеством повествовательных исторических источников. О том, что аййары играли значительную роль в крупных городах Мавераннахра, убедительно свидетельствует существование топонима «башня аййаров» в Бухаре и Самарканде (Му'ин ал-Фукара, с. 66; Сухарева, 1958, с. 51; Ибн ал-Асир, X. с. 113).

Для понимания того, кто такие аййары, огромное значение имеет «Роман об Абу Муслиме», произведение не историческое, но зато необычайно ярко передающее обстановку в Мерве в XI—XII вв., главными героями которого после Абу Муслима являются мервские аййары.

С одной стороны, слово «аййар» употребляется почти как синоним «ночной вор». Так, Наср б. Сейяр говорит об Абу Муслиме, что он занимался «аййарством и ночными кражами [шабрави]» (Тартуси, л. 251а). В другом месте он называет сторонников Абу Муслима (а наиболее отважные из них —аййары): «. . . эта кучка базарных ночных воров» (там же, л. 262б). Но это не просто брань врага, сам автор, явно симпатизирующий аййарам, нередко употребляет слова «аййар» и «аййари» в паре с «шабрав» (ночной вор) или «шабрави» (там же, л. 44а, 69а, 71б, 85а, 105а, 111б, 112а, 115б, 172а, 189а). Одни и те же лица называются то аййар, то шабрав. Один из главных героев, аййар Абу Наср, носит прозвище Шабрав (там же, л. 44а, 44б, 52а, 57а и далее очень часто). О другом аййаре говорится, что он «много воровал» (там же, л. 223б).

Аййары отличаются одеждой и набором оружия и снаряжения, которые называются то «либаси шабрави», то «асбаби шабрави» (Тартуси, л. 481б, 515а, 528а). Когда Абу Муслим захотел убить эмира Исфахана, он пожаловался своей молочной сестре Меймене, что нет у него «аййарского снаря-

жения». Через некоторое время Меймене принесла мешок; Абу Муслим «увидел в этом мешке принадлежности ночного воровства и то, что употребляется в делах аййарства». Перечень этого снаряжения достаточно красноречив: черная джубба с узкими рукавами, полуджубба, кольчужный кафтан, нож, кинжал, «роющий подкопы и рубящий головы», железный лук, напильник, ножницы, отмычка, «аййарский фитиль» (?), огниво, лассо. Посмотрев на набор, Абу Муслим понял, что Меймене «в совершенстве осведомлена о шабрави» (там же, л. 117б—118а).

Из всех перечисленных предметов постоянными спутниками аййаров являются лассо и нож. Нож — главное орудие аййаров. Размеры ножей эпически преувеличены: герои управляются с ножами в 5 и 8 маннов (4—6 кг). Рыцарское оружие — меч, копье, боевой топор — им чуждо.

Аййары каждого города имеют своего предводителя. Упоминается Аббас Хорасани, «глава и сардар аййаров и ночных воров Серахса» (Тартуси, л. 189а). Сардаром аййаров Мерва называется Абу Наср Шабрав. Во главе аййаров Нишапура стоит Камин Хушкам, герой большого вставного романа (там же, л. 219б, 220), в другом месте он назван главой и сардаром шабравов Хорасана (там же, л. 339а). В Мерверруде также имеется группа аййаров во главе с сардаром (там же, л. 510а). В Балхе упоминаются сардар и устаз аййаров (там же, л. 480а, 528б), что скорее всего одно и то же.

Автор с восторгом описывает подвиги аййаров, проникающих в прекрасно охраняемые дворцы и крепости врагов Абу Муслима, чтобы отомстить им или выручить друзей. В ход идут ножи и лассо. Враги гибнут десятками. Особенно оголтелым врагам Али отрезают носы и выкалывают глаза. Ловкость, изворотливость, хитрость — все, что способствует горстке аййаров справиться с многочисленными врагами, обозначается понятием «аййари» (аййарство); отсюда образованы глагол «аййари кардан» (аййарствовать) и отглагольное существительное «аййари кардани».

Было бы наивным пытаться на основе этого народного романа, многократно переделывавшегося и дополнявшегося, восстановить взгляды и убеждения аййаров или утверждать, что им была присуща какая-то особая жестокость; весьма вероятно, что многие эпизоды, где с удовольствием описываются зверские расправы с врагами, добавлены позднее, по принципу «чего их жалеть». Хотя, конечно, нельзя исключить и возможность таких расправ на деле — государство расправлялось с повстанцами и мятежниками не менее жестоко, почему же ожидать, что противная сторона была деликатнее в обращении с врагами.

Но аййар не просто ловкий пройдоха, он следует особому кодексу чести — «джаванмарди». Слова «аййар» и «джаванмард» употребляются почти как синонимы. Этот кодекс, входящий также в понятие «аййари», не допускает убийства спящих врагов (Тартуси, л. 482б) и исключает возможность убить женщину, даже если это мать кровного врага (там же, л. 530а).

Несмотря на, казалось бы, несомненное тождество аййаров с деклассированными низами, из которых пополнялись ряды бродяг, воров и разбойников, они не представляются автору романа отверженными, стоящими вне закона. Среди них есть весьма почтенные люди, пользующиеся уважением в своем городе. Так, говорится, что в Серахсе «было шесть человек, которые пользовались славой и почетом у жителей Серахса в отношении аййари и шабрави» (Тартуси, л. 85а). Сам Абу Муслим предстает первым из аййаров, в высшей степени наделенным всеми их достоинствами. Очевидцы его подвигов восхищенно восклицают: «Молодец! О сардар аййаров и шабравов всего мира» (там же, л. 166б).

В какой-то мере слова об уважаемых в городе аййарах (а уж предводители-то их почти всегда называются уважаемыми и почитаемыми в го-

роде людьми) можно было бы объяснить художественным вымыслом или обычным для данного произведения преувеличением, однако источник другого времени и совершенно иного характера рисует сходную картину. В «Кабус-наме», своего рода краткой энциклопедии иранского и хорасанского горожанина, мы встречаем следующий рассказ: «Так, я слышал, что в Хорасане был аййар, очень почтенный и хороший человек, пользовавшийся известностью. Поскользнувшись на дынной корке, он со зла изрубил ее ножом. Видевшие это сочли его поступок унизительным для него и сказали: „О ходжа, ты человек такой почтенный и с таким аййарством, неужели тебе не стыдно рубить дынную корку ножом“» (с. 103; пер., с. 162).

Несмотря на явную анекдотичность рассказа, очевидно, что для автора «Кабус-наме» естественно, что аййар может быть почтенным человеком; это подтверждается и обращением к нему: «О ходжа», употреблявшимся только по отношению к очень уважаемым лицам (Бейхаки, пер., с. 322).

Автор «Кабус-наме» также считает понятия «аййар» и «джаванмарди» (благородство) почти равнозначными. «Как говорят, основа джаванмарди — три вещи: первое — что говоришь, то и делай; второе — не поступай против правды; третье — будь терпелив» (Кабус-наме, с. 181; пер., с. 247). Всеми этими качествами должен обладать и аййар: «Знай, что благороднейший [джаванмардтарин] аййар — тот, у которого несколько добродетелей: то, что он смел и мужествен, терпелив во всяком деле, держит обещания, целомудрен, чистосердечен, никому не причиняет вреда, допускает вред себе ради выгоды друзей своих, на пленников не посягает, нищих одаряет, злых удерживает от злых дел, говорит правду, правдивое слушает, воздает должное, за тем столом, где ест хлеб, ведет добрые речи, в беде видит благо» (там же, с. 181; пер., с. 248).

Этот перечень добродетелей, которыми, по мнению автора, должны обладать (с некоторыми добавлениями) также и солдаты (сипахи), не отражает реальной картины. Зато мы можем смело говорить, что автору X в. аййары не представлялись подонками городского общества, как бы далеки они ни были от описанного идеала.

Трактаты о футувве, появившиеся в XI в., содержат такие же представления о достоинствах фитйан, лишний раз доказывая сходство, если не идентичность фитйан и аййаров. Точно так же как айары, фитйан исторических источников и трактатов о футувве настолько отличаются друг от друга, что иногда не верится, что речь идет об одном и том же явлении (Cahen, 1958—1959, 3 p. 234).

Совпадение представлений об аййарах в «Романе об Абу Муслиме» и «Кабус-наме» заставляет нас с бóльшим доверием относиться к сообщениям первого, чем могло бы казаться, учитывая условность всех событий, происходящих в этом произведении. Так же как исторические аййары Багдада, некоторые аййары «Романа об Абу Муслиме» состоят на службе у городских властей. Первые сторонники Абу Муслима — Абу Наср Шабрав, Абу Сухейл Махрав и их товарищи — были чем-то вроде полиции (мулазиман) при Сулеймане б. Кесире, которого Тартуси считает раисом Мерва (л. 539б). Получив распоряжение Насра б. Сейяра поймать Абу Муслима, Сулейман вызвал их и поручил разыскать нарушителя порядка. Когда эти розыски не удались, Наср б. Сейяр сказал Сулейману: «Аййары и шабраван Мерва аш-шахиджана подчиняются тебе, следует тебе разыскать этого человека». Сулейман вторично отправил их на поиски, но они стали сторонниками Абу Муслима, однако прежде спросили у своего начальника (Сулеймана) разрешения сражаться с Абу Муслимом против «хариджитов» [39] (там же, л. 44а, 46а, 47а, 52б). Аййары сражаются и на

[39] «Хариджитами» в романе называются враги Абу Муслима. Возможно, что в этом отразились представления времени борьбы аййаров Сеистана против хариджитов.

противоположной стороне, под началом эмира Муʿаза, сторонника Насра (там же, л. 389, 454б).

Значительная часть аййаров Абу Муслима — ремесленники. Вернее, некоторые ремесленники, выступая с оружием в руках, становились аййарами. Например, ближайший сподвижник Абу Муслима, кузнец Хурдак, не был раньше аййаром. Перечень профессий аййаров достаточно разнообразен: Исхак и Абдаллах — дровосеки (Тартуси, л. 518, 76а, 165а), Абу Тахир — шлифовщик (л. 67а, 70б, 76а, 122а), Абу Али — токарь (л. 76а), Абу Саʿид — уксусник (л. 89, 122а), Абу Джаʿфар — глиномес (л. 69б, 88а, 122а), Амирек — горшечник (л. 398а), Абу-л-Касим — сапожник (л. 511б), Абу-л-Касим — стеклодел (или глазуровщик) (л. 122а, 339а), Зухейр — маслобой, (л. 339а, 398а), Исхак — торговец (л. 339а); в Герате упоминается аййар Иаʿкуб, торговец ослами (л. 346а, 356б). Среди ширмардов (храбрецов) Самарканда, пришедших на помощь к Абу Муслиму, названы шорник Муʿаз, изготовляющий уздечки (л. 439а), седельщик Мурад Хасан и Усман, мастер по изготовлению сапожных головок (л. 404).

Когда часть аййаров Абу Муслима попала в плен к Насру б. Сейяру, то в ответ на ругань Насра Хурдак ответил, что все они «ремесленники, платящие налог [мал] и добывающие тяжелым трудом пропитание себе и детям» (Тартуси, л. 92а). Видимо, зачастую аййарами назывались не только действительные аййары, но и все горожане, примыкавшие к ним во время восстания.

Об объединениях аййаров нам известно, пожалуй, только то, что они существовали. Относительно объединений фитйан, их идеологии и связи с суфизмом уже писали Каэн и Тешнер (Cahen, 1958—1959, 3, p. 232—234; Taeschner, 1937). Нечто подобное должно было существовать и у аййаров Хорасана и Мавераннахра. Объединения аййаров Мерва и Кухистана упоминаются в «Кабус-наме» (с. 182; пер., с. 248) и «Романе об Абу Муслиме». Последний наиболее интересен. Тартуси показывает, какую огромную политическую роль в городе играли объединения аййаров.

Раис Герата, беспокоясь за позицию горожан, могущих восстать во время осады, собирает 12 сархангов, которые имели власть над Гератом и были известными аййарами (среди них упоминаются мастер по изготовлению печатей, сарханг базара Хушки, продавец ослов), чтобы заручиться их поддержкой (Тартуси, л. 342б). Еще красноречивее другой эпизод. При приближении к Мерверруду войск Абу Муслима сардар аййаров Мерверруда, юноша (джаван-фата, мн. ч. «фитйан») по имени Кунаранг, созвал юношей (джаванан) и спросил, на чьей стороне они выступят, те положились на его решение. Тогда он произнес знаменательные слова: «Восстанем и сдадим город Абу Муслиму, чтобы жители города были в безопасности; мы, сыновья этого края, принесем эту пользу жителям города, и она станет причиной моего и вашего доброго имени» (там же, л. 510а). О значении сардара аййаров говорят и слова коменданта города, с которыми он обращается к Кунарангу: «Ты, сардар аййаров, прикажи, чтобы все юноши взялись за оружие и выступили вместе со мной» (там же).

Существование влиятельных объединений юношей (фитйан, джаванан) подтверждается приведенным выше (с. 342) рассказом ал-Утби о помощи, оказанной ал-Мунтасиру самаркандцами. Уже само количество их (3 тыс.) говорит о том, что с ними приходилось считаться правителям города.

Объединения фитйан (если только они не тождественны аййарам) скорее всего возникли на основе военно-спортивной подготовки молодых горожан (EI, IV, Zurkhane; Cahen, 1958—1959, 2, p. 29—30). Военно-спортивные соревнования засвидетельствованы в ряде городов. В Джурджане, например, были известны соревнования «из-за головы верблюда» (вероятно, скачки вроде байги, «козлодрания») между жителями шахристана и пригорода Бекрабад, которые происходили во время курбан-

байрама. «Видишь их, — писал ал-Мукаддаси, — как они в день заклания двумя группами ссорятся из-за головы верблюда, израненные, избитые и расстроенные» (BGA, III, p. 358; МИТТ, с. 208). Подобные соревнования были для жителей мусульманских городов тем же, чем цирк и театр для византийцев, с тем даже сходством, что на их основе складывались враждующие группировки; внешне какая-то часть асабий, вероятно, объясняется именно этим соперничеством.

В «Романе об Абу Муслиме» мы тоже находим упоминание подобных соревнований. В середине Махана был колодец, около которого постоянно собирались юноши и занимались игрой на чанге и флейте (чанг бози ва найче бози); Абу Муслим в них всегда всех побеждал. Далее рассказывается, как маханцы идут в пятницу в мечеть Гиренга и там участвуют в соревнованиях. Побежденные жители Гиренга три дня угощают победителей. В другом случае соревнования (бил бози) в Маргдаре устраивает сын раиса. Соревнования эти закончились дракой (Тартуси, л. 27б—29). Во второй версии романа соревнования в Махане заключаются в перетягивании шеста (амуд бози) (Тартуси, рук. С 129, л. 19б—20б).

Авторитет чемпиона спортивных соревнований был очень высок в глазах молодежи. Эпизод борьбы Абу Муслима с борцом во дворце халифа, несмотря на всю его фантастичность (Тартуси, л. 135—136), отражает живую действительность своего времени. Борцы, пахлаваны, окружались таким ореолом славы, что иногда после смерти превращались в святых, как это случилось с Махмудом Хорезми (Piemontese, 1965).

Помимо спортивных упражнений городская молодежь овладевала и некоторыми началами военного дела, в первую очередь стрельбой из лука. В городах имелись частные преподаватели военного дела. В «Панд-наме-йи Себук-тегин» рассказывается о таком учителе стрельбы в Нахшебе, который приютил Себук-тегина (Nazim, 1933, p. 613). Возможно, что кроме подготовки частным путем у платного учителя молодежь могла учиться владеть оружием в объединениях фитйан.

Несомненно, что аййарами назывались различные группы городского населения: наряду с лицами, считавшимися аййарами (в смысле «удальцы», «молодцы»), но стоявшими вне всяких объединений, были, конечно, и юношеские объединения (по профессиональному, территориальному или иному признаку), то более близкие к идеалам суфийских братств, то на грани воровских шаек. Не исключена возможность, что часть аййаров — профессиональные воры, число которых в городах иногда было очень значительным. В некоторых случаях они могли даже выступать защитниками обиженных и обездоленных, приобретая славу благородных разбойников в определенных кругах горожан, в устах которых слово «аййар» — «разбойник» не звучало бранно или предосудительно. В смутное время внутригородских или иных междоусобиц они становились защитниками интересов своего религиозного толка или своего квартала.

Одного (исчерпывающего) определения слова «аййар» дать невозможно. Объем этого понятия был неопределенным, менявшимся в зависимости от времени, места и конкретных условий. Для нас важно, что оно в ряде случаев скрывает под собой какие-то вооруженные объединения горожан и городской молодежи, представлявшие реальную политическую и вооруженную силу, с которой приходилось считаться представителям государственной власти в городе.

Можно предполагать, что эти организации усиливаются после падения Саманидов. В IX—X вв. значительная часть активного беспокойного элемента города отливала на окраины оазисов в отряды добровольцев-газиев, защищавших мусульманские области от набегов кочевников-немусульман; это давало известную свободу, средства к существованию и было к тому же высшим актом благочестия. В многочисленных пограничных постах, ра-

батах, несли караул и горожане, прибывавшие туда на обычное время набегов кочевников; прежде всего это была, конечно, молодежь, не имевшая собственного хозяйства. После победы Караханидов и исламизации кочевников Средней Азии надобность в обороне оазисов отпала, кочевники вошли в них победителями, их исламизация лишила прежнюю борьбу идеологической основы. Теперь значительная часть тех, кто прежде уходил в газии, оставалась в городах, пополняя различные вооруженные объединения горожан. Внутренняя напряженность, частично разряжавшаяся прежде в борьбе с язычниками, теперь стала выражаться в усилении распрей между шиитами и суннитами и даже внутри суннизма — между различными его толками.

Случаи распрей между представителями разных толков и группировок в хорасанском городе рисует «История Бейхака» (Ибн Фундук, с. 268, 269, 276). Борьба между разными толками суннитов в начале XIII в. совершенно опустошила Рей. В Средней Азии также бывали столкновения между ханифитами и шафиитами (Ибн ал-Асир, XII, с. 104).

В этих условиях военные организации горожан не стали тем, чем могли быть, — реальной силой для завоевания автономии города. К. Каэн считает, что значительная роль фитйан в жизни ближневосточного города определялась его потребностью иметь собственные вооруженные силы в противовес эмирам и военным комендантам, которые воспринимались горожанами как чужеродный элемент (Cahen, 1958—1959, 1, p. 245—248). Нам кажется, что в Средней Азии и Восточном Иране появление вооруженной организации горожан было вызвано не стремлением городов к автономии, а потребностью самообороны отдельных частей города и конфессиональных объединений.

В Средней Азии (как и на всем мусульманском Востоке) отсутствовала главная причина, порождавшая в Европе автономизм городов, — сословные привилегии. Привилегии в государствах Востока также существовали, но главным образом в форме полного или частичного налогового иммунитета, и они касались прежде всего военного сословия и высшего чиновничества, а последнее, как мы видели, было тесно связано с городской верхушкой. Автономия города не сулила городской верхушке никаких преимуществ. Более того, учитывая наличие вооруженных отрядов горожан, она могла бояться остаться наедине с многочисленным слоем рядовых ремесленников и мелких торговцев без защиты сильного гарнизона.

Самое большое проявление независимости, которое позволяли себе горожане, — отказ от участия в обороне города. В этом отношении большое значение имела позиция жителей столиц, от нее иногда могла зависеть судьба династии. Самым известным примером является отказ бухарцев поддержать Саманидов, когда под стенами города стояла караханидская армия (Розен, 1889; Бартольд, I, с. 328—329). Можно думать, что жители столиц получали иногда некоторые привилегии. Об этом, вероятно, свидетельствует мимоходом оброненная фраза ал-Мукаддаси о Бухаре: «В ней не увидишь сборщика подати и сборщика торговых сборов» (BGA, III, p. 281, n. *h*.). Кроме того, жители столиц иногда получали подачки в ознаменование побед государя, возвращавшегося в столицу с большой добычей.

Государство не только не боролось с индифферентностью горожан, но и поощряло ее, пуще всего боясь самостоятельности подданных. Городские организации предназначены только для обеспечения поступления налогов; это безо всяких обиняков сказал Махмуд Газневи жителям Балха, попытавшимся самостоятельно защищать город от Караханидов: «Не дело подданных браться за оружие. Всякому царю, который сильнее, требует с вас харадж и охраняет вас, следует платить харадж и [этим] оберегать себя» (Бейхаки, с. 551; пер., с. 489).

Показательно, что ни один город Мавераннахра не оказал самостоятельно сопротивления Караханидам, так же как позже без боя сдавались туркменам города Хорасана. Здесь, правда, играла роль уверенность горожан, что при новых правителях им не будет хуже, чем при старых. Все же позиция горожан в этом отношении не была единой. Например, бухарцы, сдав город Караханидам, помогали Мунтасиру укрываться после побега из темницы, а какая-то часть самаркандцев оказала ему вооруженную помощь, но и в этом случае города не сопротивлялись Караханидам. В Нишапуре в 1038 г. мнения горожан определенно разделились. Знать сразу же пошла на соглашение с Тогрулом, заявив: «Мы — подданные, и у нас есть государь, подданные не воюют» (Бейхаки, с. 551; пер., с. 489). Но рядовые горожане, как несколько раз упоминается в письме нишапурского начальника почты, были настроены иначе: «Когда хутбу прочитали на имя Тогрула, в народе поднялся ужасный рев и возникла опасность беспорядков» (там же). Городская знать больше всего боялась бунта низов, который грозил их имуществу. Именно так случилось в 1041 г., когда после разгрома Мас'уда под Денданеканом в Нишапуре начались беспорядки, возглавленные аййарами (см. выше, с. 341). В том же году Хасанек привлек для обороны Балха аййаров из сельской округи (Бейхаки, с. 643, пер., с. 567; в МИТТ перевод лучше, с. 327).

У нас нет оснований утверждать, что с приходом Караханидов положение городов ухудшилось. Первые два-три десятилетия некоторые из них могли испытать спад торговли и ремесленного производства (что, кажется, замечается на Афрасиабе) вследствие политической неустойчивости, поборов и постоя войск, но в 40-х годах положение в центральной части Мавераннахра стабилизируется.

Главным изменением в социальной структуре Мавераннахра было появление новой группы господствующего класса. Снова, как после арабского завоевания, над прежней социальной верхушкой появилась новая, в значительной степени чуждая местной культуре и местным интересам. Только теперь завоеванные и завоеватели исповедовали одну религию и авторитетами в вопросах этой религии были завоеванные.

После караханидского завоевания в Мавераннахре оказались две главные политические силы: тюркская военно-кочевая аристократия, располагавшаяся единственной реальной вооруженной силой — кочевой армией своих соплеменников, и местная землевладельческая верхушка, державшая в своих руках государственный аппарат. У нас нет сведений о взаимоотношениях этих двух групп господствующего класса, но вряд ли они были непримиримо враждебными. Распространенное мнение, что Караханиды притесняли и даже физически истребляли дихканство, является умозрительным построением (ИНУз, с. 289). Сторонники этого взгляда приводят два довода: исчезновение дихканства как класса и сообщение Кубави об обесценении земли в районе Кушки-Муган. Но исчезновение вотчинного дихканского землевладения было естественным процессом перераспределения земельной собственности в пользу той части господствующего класса, которая стояла у власти, а второй довод, как показано выше (с. 319), не связан с данной проблемой.

Завоеватели не могли долго стоять в стороне от дел завоеванных областей. Стабилизация политического положения в центральном Мавераннахре, наступившая в 40-х годах XI в., означала одновременно начало слияния интересов указанных двух групп господствующего класса. Тюркская верхушка начала обзаводиться недвижимой собственностью в городах и, следовательно, интересоваться делами городов.[40]

[40] Среди имен владельцев недвижимости, упоминаемых в вакфных документах Ибрахима Тамгач-хана, встречается несколько тюркских. Но мы, конечно, не можем быть уверены, что эти лица появились только при Караханидах.

В этом отношении знаменательна фигура Ибрахима Тамгач-хана. Ауфи и Ибн ал-Асир описывают его идеальным правителем, заботящимся об интересах подданных (горожан). Он принял меры по очищению Самарканда от воров, препятствовал мясникам вздувать цены на мясо, не злоупотреблял введением новых налогов (Бартольд, 1898, с. 85—88; I, с. 374—375). В их рассказах много анекдотичного, но они передают существо политики Ибрахима. Она объяснялась, с одной стороны, тем, что он сам был заинтересован в экономическом процветании городов, где, как мы знаем (см. выше, с. 317), у него было много доходных торговых заведений, и поэтому его интересы совпадали с интересами городской верхушки, с другой — Ибрахим, конечно, стремился заручиться поддержкой местного населения.

Для завоевания умов горожан надо было привлечь на свою сторону духовенство, которое к тому же было верным союзником султана в борьбе с народными движениями, приобретавшими окраску религиозных ересей. В самом начале правления Ибрахим выявил и уничтожил исмаилитских пропагандистов (Ибн ал-Асир, IX, с. 358) и предпринял гонение на суфиев, которые пользовались влиянием на рядовых горожан, ремесленников и торговцев (Ибн ал-Мунаввар, с. 43). Все это должно было снискать ему симпатии мусульманской ортодоксальной верхушки. По словам Ибн ал-Асира, Ибрахим не вводил налогов, не спросив у факихов фетвы. Той же цели поддержки ортодоксального ислама служило учреждение медресе.

Трудно сказать, сколько в этом было политики и сколько искреннего благочестия. Во всяком случае Ибрахим пользовался популярностью среди какой-то части самаркандцев. Когда Ибрахим под влиянием проповедника-алида, утверждавшего, что он не может быть царем, решил отказаться от власти и предаться молитвам, то самаркандцы пришли к его дому и, убеждая вернуться, говорили: «Этот ошибся, то, как ты ведешь наши дела, свидетельствует против него» (Ибн ал-Асир, IX, с. 212).

Однако в дальнейшем отношения Караханидов с духовенством ухудшились. Последнее зашло слишком далеко в желании видеть в хане исполнителя своей воли; только этим можно объяснить казнь Ибрахимом Абу-л-Касима Самарканди, известного борьбой против мутазилитов и керрамитов (Бартольд, 1898; Несефи, с. 263). Шемс ал-Мулк, сын и преемник Ибрахима, начал царствование с казни другого видного богослова — Абу Ибрахима Исма'ила ас-Саффара. По словам Сам'ани, его казнили за то, что он «призывал следовать предписаниям религии и удерживал от запретного» (Бартольд, 1898, с. 62; Му'ин ал-Фукара, с. 20). Эта формула, определяющая сущность хисбы, нам уже знакома. Она может означать как то, что Абу-л-Касим упрекал хана за поведение, противоречащее мусульманской этике, так и более серьезные разногласия по вопросам налогообложения или внутренней организации городской жизни.

Конфликт между ханами и духовенством достиг наибольшей остроты, когда в него была вовлечена феодальная верхушка кочевников, составлявших основу караханидского войска. Ориентация ханов на городское население вызывала недовольство беков, утрачивавших прежнее исключительное положение. Поэтому кочевая аристократия, командная верхушка армии, оказалась естественным союзником духовенства. В правление Ахмед-хана недовольство вылилось в заговор, непосредственной причиной которого явилась казнь Абу Насра Ахмеда ал-Касани, бывшего главного кади Самарканда.[41]

[41] По словам Сам'ани, ал-Касани во время судейства совершил много неблаговидных поступков (л. 471).

Ахмед-хан, по словам Ибн ал-Асира, был притеснителем подданных: «Этот юноша был тираном, дурного поведения, проводил много конфискаций у подданных» (X, с. 113). Однако «подданые» не были рядовыми ремесленниками или земледельцами. От лица недовольных к сельджукскому султану Мелик-шаху приехал факих Абу Тахир б.Алак аш-Шафии, «а он боялся Ахмед-хана, потому что у него было много имущества» (там же), и просил помощи против Ахмед-хана. Мелик-шах воспользовался этим случаем для завоевания Мавераннахра. В 1079 г. он подошел к Самарканду, обещая самаркандцам избавление от тиранства, но заговорщики были слишком малочисленны, чтобы открыто выступить в городе против Ахмед-хана. Большинство горожан, видимо, было на стороне хана, так как приняло участие в обороне города; защита башен была поручена эмирам и тем жителям города, которые были ему верны. Когда же воинам Мелик-шаха удалось ворваться в город, то Ахмед-хан некоторое время скрывался в «домах некоторых простолюдинов» (там же).

Когда Ахмед-хан через несколько лет вернулся в Самарканд в качестве вассала Мелик-шаха, прежние противники обвинили его в ересичестве и исмаилизме. Юристы и судьи Самарканда объявили убиение Ахмед-хана богоугодным поступком, но и на этот раз побоялись открыто выступить против него, даже имея на своей стороне армию. Видимо, симпатии большинства самаркандцев были на стороне хана. Захватить Ахмеда удалось только выманив его из города. Казнь его в 1092 г. означала усиление роли духовенства и военной аристократии.

Ахмед не был единственным ханом, против которого выступило духовенство. Через 38 лет, в 1129 г., в том же Самарканде возник заговор против Арслан-хана, возглавленный раисом города и видным шейхом-алидом (Ибн ал-Асир, X, с. 465).

В ряде случаев мы определенно знаем, что ханы в борьбе с военно-кочевой аристократией и поддерживавшим ее ортодоксальным духовенством опирались на какие-то слои горожан, скорее всего зажиточных ремесленников и купечество, составлявших специфическую группу городского населения, которую по европейской терминологии следовало бы называть бюргерством.

Возможно, что в этой борьбе со временем мог бы сложиться соответствующий класс и в Средней Азии; экономические предпосылки в виде развитого ремесла, торговли, начатков торгово-промышленного капитала уже имелись, но необходим был достаточно длительный период равновесия сил между торгово-ремесленным классом и кочевой аристократией, которая по ее отношению к городу в какой-то мере может считаться аналогом европейским феодалам.

Но в Средней Азии, как почти всюду на Востоке, силы этих группировок были слишком неравны для того, чтобы бюргерство могло рассчитывать на завоевание минимальной автономии. Автономия города была вообще нереальной, так как силы каждого отдельного города были слишком ничтожны, чтобы противостоять армиям кочевников. Поэтому тот слой горожан, который в Западной Европе боролся за независимость города от феодалов и этим способствовал падению феодализма и установлению более прогрессивного общественного строя, в условиях Средней Азии был заинтересован только в получении от светских правителей гарантии неприкосновенности своей собственности.

С другой стороны, как ни парадоксально, отсутствие резко выраженной сословности общества, приведшее к слиянию городских и феодальных землевладельцев, также мешало формированию классово выраженных социально-экономических интересов горожан (Петрушевский, 1948, с. 109—110). Препятствовала этому и разобщенность горожан, доведенная в некоторых случаях до квартального автономизма. Установление в X в.

полунезависимой династии садров, раисов Бухары (Бартольд, II, 2, с. 515—518; Pritsak, p. 1952), не имеет ничего общего с проявлением городской автономии. Садры были первоначально чиновниками сельджукских султанов, а затем превратились в обычных феодальных владетелей. Ни о каком оживлении муниципальной жизни в Бухаре при них говорить не приходится.

Садры были богатейшими землевладельцами, использовавшими кроме доходов от собственных владений доходы вакфов. Впоследствии, собирая дань для кара-китаев, они оставляли часть ее себе. На эти средства они содержали огромный штат слуг и клевретов, в том числе 600 человек одних факихов. Жестокая эксплуатация населения в конце концов вызвала в 1207 г. в Бухаре восстание, единственное чисто городское восстание, окончившееся установлением на некоторое время власти восставших. Его возглавил некий «сын продавца щитов», который после изгнания садров принял титул Мелик Санджар (царь Санджар). По словам Джувейни, он овладел городом и держал в небрежении уважаемых людей; богачи, напуганные восстанием, прятали свои драгоценности.

Восстание было подавлено войсками хорезмшаха Мухаммеда, который использовал этот случай для захвата Бухары. Насколько мы можем судить по имеющимся сведениям, движение Мелика Санджара также не привело к оживлению каких-либо муниципальных институтов, результатом его было лишь некоторое улучшение положения рядовых граждан.

XIII в. начался жестокими погромами городов Хорасана в ходе борьбы хорезмшаха с Гуридами, а затем опустошениями целых районов на северо-востоке Средней Азии (Бартольд, I, с. 433). Но все это померкло перед нашествием монголов, после которого Средняя Азия долго не могла оправиться. В течение нескольких веков города не могли подняться над уровнем, достигнутым в X—XII вв.

* * *

Наше исследование истории среднеазиатского города конца VIII—начала XIII в., в котором было так много «вероятно» и «по-видимому», подошло к концу. Подведем его итоги.

В IX в. после периода упадка, связанного с арабским завоеванием, в Средней Азии, вовлеченной в активные экономические и культурные связи с Ираном и Средиземноморьем, происходит бурный рост городов, который совершенно меняет их облик. В X в. вместо небольших городков-резиденций, где ремесло и торговля существовали в значительной степени только для удовлетворения нужд дихканов, обитавших в них, мы видим большие торгово-ремесленные центры с населением до 50 тыс. человек; отдельные города, вроде Мерва и Самарканда, достигают уровня крупных мировых столиц. Большинство из них развивается на основе городков, существовавших в VII—VIII вв., которые остаются ядром, шахристаном, этих новых центров.

В X—XI вв. темпы роста городов в центральной части Средней Азии замедляются, зато начинают расти города на северо-восточной окраине, где происходило интенсивное оседание кочевников. К концу XI в. большинство городов достигает максимума территориального и демографического развития. Одновременно с быстрым ростом, обусловленным существованием большого централизованного государства, города утрачивают последние остатки внутренней автономии. Организационно они превращаются в структурную ячейку централизованного государства. Города Средней Азии, как и на всем Востоке, не имели особого правого статуса

или административной автономии, все центральные административные должности в них занимали государственные чиновники.

Город IX—XII вв. в Средней Азии господствует над сельскохозяйственной округой как политически, являясь ее административным центром, так и экономически, поскольку значительная часть крупных землевладельцев живет в городах, занимаясь одновременно торговой деятельностью. Рост ремесленного производства и торговли не только приводит к концентрации больших средств в руках городской верхушки, но и создает отсутствовавший прежде многочисленный слой ремесленников и наемных рабочих. Влияние его на политическую жизнь города было сравнительно невелико, так как он был организационно раздроблен на мелкие автономные корпорации, территориальные и производственные. Все же в это время в городах существовала какая-то организованная вооруженная сила горожан, независимая от властей.

Завоевание Средней Азии Сельджукидами и Караханидами существенно не изменило экономической структуры общества, но противопоставило городу независимую от него и несравненно более многочисленную армию кочевников. В этих условиях политическая автономия городов стала невозможной. Городская верхушка видела залог обеспечения безопасности своего имущества в существовании сильной ханской власти, а рядовые горожане искали самозащиты от притеснений в узкой корпоративности, которая разрывала их на группы, настороженные и враждебные друг другу.

Дальнейшее развитие города было прервано монгольским завоеванием, законсервировавшим его социальную структуру.

ЛИТЕРАТУРА

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, М., 1961.

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, М., 1961.

Абдуразаков А. А., М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. 1963. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент.

Абдуразаков А. А., М. А. Безбородов. 1966. Средневековые стекла Средней Азии. (Опыт химич. характеристики). Ташкент.

Агеева Е. И. 1950. Керамика городов и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау. ИАН КазССР, № 67, сер. археол., в. 2, Алма-Ата.

Агеева Е. И. 1954. Керамика Южного Казахстана. Автореф. канд. дисс. Л.

Агеева Е. И. 1960. Из истории развития городской культуры Казахстана. (По материалам раскопок на городище Баба-Ата). ИАН КазССР, сер. ист., археол. и этногр., в. 2, Алма-Ата.

Агеева Е. И. 1962. Памятники средневековья. (Раскопки на городище Баба-Ата). Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. XIV, Алма-Ата.

Агеева Е. И., Г. И. Пацевич. 1958. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. V, Алма-Ата.

Адыков К. А. 1955. К характеристике гончарного производства в Мерве конца XII—начала XIII в. ИАН ТуркмССР, № 6, Ашхабад.

Адыков К. А. 1959. Главные станции на средневековом торговом пути из Серахса в Мерв. СА, № 4.

Адыков К. А. 1960. Средневековый торговый путь из Мерва в Серахс. (Историко-археологический очерк). Автореф. канд. дисс. Ашхабад.

Адыков К. А. 1962. Торгово-почтовая дорога из Мерва на Мерверруд. (К истории изучения средневековых торговых путей Туркменистана). ИАН ТуркмССР, СОН, № 3, Ашхабад.

Альбаум Л. И. 1958. Некоторые культовые предметы из раскопок Балалык-Тепе. КСИЭ, XXX, М.

Альбаум Л. И. 1960. Балалык-Тепе. Ташкент.

Альбаум Л. И. 1963. Раскопки замка Занг-Тепе. ИМКУз, в. 4, Ташкент.

Альбаум Л. И. 1964. Новые раскопки в Занг-Тепе и индийские документы. В кн.: Индия в древности. М.

Альбаум Л. И. 1969. О гончарном производстве на Афрасиабе в X—XI вв. В кн.: Афрасиаб. В. 1. Ташкент.

Альхамова З. А. 1950. Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 633 г. х. Тр. САГУ, в. XI, Ташкент.

Альхамова З. А. 1953. Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада городища Старого Мерва в 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад.

Аминджанова М. 1960. О производстве стеклянных изделий в средневековом городе Кува. НРС, кн. 1, Ташкент.

Аминджанова М. 1961. Два сосуда из египетского стекла в собрании Самаркандского музея. НРС, кн. 2, Ташкент.

Аминджанова М. 1969. Археологическая разведка в Зааминском районе. (Матер. к археологической карте Узбекистана). ИМКУз, в. 8, Ташкент.

Андреев М. С. 1926. Выработка железа в долине Ванча (верховья Амударьи). Ташкент.
Андреев М. С. 1927. По Таджикистану. Ташкент.
Андреев М. С. 1928. Поездка летом 1928 г. в Касанский район (Сев. Фергана). Изв. Общ. для изуч. Таджикистана и иранск. народностей за его пределами, т. 1, Ташкент.
Андрианов Б. В. 1969. Древние оросительные системы Приаралья. (В связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М.
Атакарриев Е. 1966. Новые данные по истории Шехр-Ислама. ИАН ТуркмССР, № 3, Ашхабад.
Атаханов Т. М. 1968. Средневековое городище Туткаул (VII—XII вв.). ИАН ТаджССР, СОН, № 3 (53), Душанбе.
Ахраров И. Е. 1960. Средневековые стеклянные бокалы из Кувы. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, № 4, Ташкент.
Ахраров И. Е. 1962а. Археологические исследования городища Ахсыкет в 1960 г. ОНУз, № 8, Ташкент.
Ахраров И. Е. 1962б. Кирпичеобжигательная печь XI в. на старом городище Кува. ИМКУз, в. 3, Ташкент.
Ахраров И. Е. 1965. К истории появления поливной керамики в Средней Азии. ИМКУз, в. 6, Ташкент.
Ахраров И. Е. 1969. К истории появления керамического производства на городище Афрасиаб. В кн.: Афрасиаб. В. 1. Ташкент.
Бадер О. Н., А. П. Смирнов. 1954. «Серебро Закамское» первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение. М.
Баишев И., В. Массон. 1956. Археологические разведки в районе Ташкента. Тр. САГУ, в. XXXI, Ташкент.
Байпаков К. М. 1964. О локализации главного города Отрарского оазиса в IX—XII вв. Археологический сборник. Тр. VIII Всесоюзн. студенч. конф., Л.
Байпаков К. М. 1966а. Города и поселения Семиречья. ИАН КазССР, СОН, в. 2, Алма-Ата.
Байпаков К. М. 1966б. Средневековые города и поселения Семиречья (VII—XII вв.). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата.
Байпаков К. М. 1968. Раннесредневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья. В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
Бартольд В. В. 1898. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1. Тексты. СПб.
Бартольд В. В. 1963—1971. [I—VII]. Сочинения, М., т. I, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, 1963; т. II, ч. 1, Общие работы по истории Средней Азии, работы по истории Кавказа и Восточной Европы, 1963; т. II, ч. 2, Работы по отдельным проблемам Средней Азии, 1964; т. III, Работы по исторической географии, 1965; т. IV, Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии, 1966; т. VI, Работы по истории ислама и арабского халифата, 1966; т. VII, Работы по исторической географии и истории Ирана, 1971.
Баруздин Ю. Д. 1956. Кара-булакский могильник. Тр. АН КиргССР, в. 2., Фрунзе.
Баруздин Ю. Д. 1957. Кара-булакский могильник. Тр. АН КиргССР, в. 3, Фрунзе.
Беленицкий А. М. 1940а. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв. КСИИМК, VI, М.
Беленицкий А. М. 1940б. Из истории участия ремесленников в городских праздествах в Средней Азии в XIV—XV вв. ТОВЭ, т. II, Л.
Беленицкий А. М. 1948. К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху. В кн.: Сов. востоковедение. V. М.—Л.
Беленицкий А. М. 1950. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. МИА, № 15, М.—Л.
Беленицкий А. М. 1954. Вопросы идеологии и культов Согда. По материалам пенджикентских храмов. В кн.: Живопись древнего Пенджикента. М.
Беленицкий А. М. 1958. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента. МИА, № 66, М.—Л.
Беленицкий А. М. 1959. Новые памятники искусства древнего Пенджикента Опыт иконографического толкования. В кн.: Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М.
Беленицкий А. М. 1960а. Древнее изобразительное искусство и «Шахнаме». XXV Междунар. конгр. востоковедов. М., 1960.
Беленицкий А. М. 1960б. Новые изображения ритуальных предметов в настенных росписях древнего Пенджикента. Тр. АН ТаджССР, т. CXX, Душанбе.
Беленицкий А. М. 1961. Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г. Тр. ИИ им. А. Дониша, т. XXVII, Душанбе.
Беленицкий А. М. 1964. К истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье. В кн.: Индия в древности. М.

Беленицкий А. М. 1965. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента. СА, № 3.
Беленицкий А. М., И. Б. Бентович. 1961. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (к идентификации ткани занданачи). СА, № 2.
Беленицкий А. М., И. Б. Бентович, В. А. Лившиц. 1963. Камчатые ткани с горы Муг. СЭ, № 4.
Бентович И. Б. 1956. Плетеные изделия из раскопок на горе Муг. КСИИМК, в. 61, М.
Бентович И. Б. 1958. Находки на горе Муг. МИА, № 66, М.—Л.
Бердзе Г. Г. 1971. К вопросу об институте «городских раисов» в Иране X—XII вв. (Имущественное и социальное положение «городских раисов»). В кн.: Иран. М.
Бернштам А. Н. 1939. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, № 4.
Бернштам А. Н. 1940а. Кенкольский могильник. Л.
Бернштам А. Н. 1940б. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI, М.—Л.
Бернштам А. Н. 1940в. Баня древнего Тараза и ее датировка. ТОВЭ, т. II, Л.
Бернштам А. Н. 1941а. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе.
Бернштам А. Н. 1941б. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата.
Бернштам А. М. 1943. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии. Фрунзе.
Бернштам А. Н. 1948. Памятники старины Алма-Атинской области. (По материалам экспедиции 1939 г.). ИАН КазССР, № 46, сер. археол., в. 1, Алма-Ата.
Бернштам А. Н. 1950. Древний Отрар. ИАН КазССР, сер. археол., в. 3, Алма-Ата.
Бернштам А. Н. 1952. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА, № 26, М.—Л.
Бертельс Е. Э. 1960. История персидско-таджикской литературы. Избранные труды, т. I, М.
Бетгер Е. К. 1957. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма ибн Хаукаля. Тр. САГУ, н. с., в. CXI, Ист. науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент.
Бичурин Н. Я. (Иакинф). 1950—1953. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л. I, II, 1950; III, 1953.
Блаватский В. Д. 1953. История античной росписной керамики. М.
Боброва А. С. 1949. Бусы из Афрасиаба. КСИИМК, XXX, М.
Боже-Гарнье Ж., Ж. Шабо. 1967. Очерки по географии городов. Пер. с франц. К. Т. Топуридзе и С. Н. Тагера. Вводная ст. и редакция В. В. Покшишевского. М.
Большаков О. Г. 1954. Поливная керамика Мавераннахра VIII—нач. XIII в. как исторический памятник. Автореф. канд. дисс. Л.
Большаков О. Г. 1956. Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX—X вв. КСИИМК, в. 61, М.
Большаков О. Г. 1958—1969. [1—4]. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии. ЭВ, Л. 1 — в. XII, 1958; 2 — в. XVI, 1963; 3 — в. XVII, 1966; 4 — в. XIX, 1969.
Большаков О. Г. 1964. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III. МИА, № 124, М.—Л.
Большаков О. Г. 1966. Два фальшивых динара. Памятники Туркменистана, № 2, Ашхабад.
Большаков О. Г. 1969. О применении свинцовых печатей при сборе джизьи в Халифате. ПС, в. 19 (82), Л.
Большаков О. Г. 1970. Два вакфа Ибрахима Тамгач-хана в Самарканде. В кн.: Страны и народы востока. X. М.
Большаков О. Г. 1971. Совещание по проблемам археологического изучения среднеазиатского города. СА, № 3.
Большаков О. Г., Н. Н. Негматов. 1958. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. МИА, № 66, М.—Л.
Борисов А. Я. 1940. К истолкованию изображений на бия-найманских оссуариях (VI—VII вв.). ТОВЭ, т. II, Л.
Борисов А. Я. 1945. К проблеме согдийского искусства. СГЭ, в. III, Л.
Брусенко Л. Г. 1969. Раскопки квартала гончаров X—XI вв. на городище Афрасиаб. ИМКУз, в. 8, Ташкент.
Бубнова М. А. 1959. Средневековые мастерские рабада (по материалам Орловского городища). ИАН КиргССР, СОН, № 1, в. 1 (История), Фрунзе.
Бубнова М. А. 1961. Из истории металлургии серебра в Средней Азии. ИООН АН ТаджССР, в. 1 (24), Душанбе.
Бубнова М. А. 1963а. Горнометаллургическая область Шельджи в IX—XII вв. н. э. (долина р. Таласа). Автореф. канд. дисс. Л.
Бубнова М. А. 1963б. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX—XII вв. В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.

Бубнова М. А. 1963в. Средневековое поселение Ак-Тобе I у с. Орловки. В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
Булатов М. С. 1967. Ибн Сина и некоторые вопросы архитектуры и градостроительства. ОНУз, № 7, Ташкент.
Булатова В. А. 1966. Жилой комплекс VII в. в Куве (результат работ 1964 г.). ИМКУз, в. 7, Ташкент.
Булатова В. А. 1972. Древняя Кува. Ташкент.
Булатова В. А., Л. Г. Брусенко, Д. П. Вархотова, Л. Л. Ртвеладзе, Д. Г. Зильпер, М. И. Филанович. 1970. Работы Ташкентского археологического отряда. В кн.: Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Л.
Булатова-Левина В. А. 1961. Буддийский храм в Куве. СА, № 3.
Булгаков П. Г. 1963. Из арабских источников о Мерве. Тр. ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад.
Буниятов З. 1965. Азербайджан в VII—IX вв. Баку.
Бурнашева Ф. А. 1963. Глазурная полива керамической посуды Афрасиаба X—XII вв. ИМКУз, в. 4, Ташкент.
Буряков Ю. Ф. 1956. Городище Минг-Урюк в Ташкенте. Тр. САГУ, н. с., в. XXXI, Ист. науки, кн. 12, Археология Средней Азии, Ташкент.
Буряков Ю. Ф. 1961. Художественная керамика городища Тункет. НРС, кн. 2, Ташкент.
Буряков Ю. Ф. 1963а. Некоторые материалы по металлургии в долине Ангрена (IX—X вв.). МИУз, в. 1, Ташкент.
Буряков Ю. Ф. 1963б. Новые археологические данные о городище Улькан-Той-Тобе (шахристан Нукета). НРС, кн. 6, Ташкент.
Буряков Ю. Ф. 1966. Из прошлого Чаткало-Кураминского промышленного района. (К истории горной металлургии средневекового Илака). Автореф. канд. дисс. Ташкент.
Буряков Ю. Ф., Д. Г. Зильпер. 1962. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте. Тр. САГУ, н. с., в. 172, Ташкент.
Буряков Ю. Ф., М. Т. Тагиев. 1968. О кангюе-кушанских слоях Афрасиаба. (По материалам археологических раскопок 1968 г.). ОНУз, № 8, Ташкент.
Ваидов Р. М. 1952. Археологические работы в Мингечауре в 1950 г. КСИИМК, XLVI, М.
Вактурская Н. Н. 1955. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). КСИЭ, XXII, М.
Вактурская Н. Н. 1959. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма. ТХЭ, т. IV, М.
Вактурская Н. Н. 1963. О средневековых городах Хорезма. МХЭ, в. 7, М.
Васильев А. И. 1934. Согдийский замок на горе Муг. Согдийский сборник, Л.
Веселовский Н. И. 1893. Заметки о стекольном производстве в Средней Азии. ЗВОРАО, т. VIII, СПб.
Веселовский Н. И. 1910. Гератский бронзовый котелок 559 г. гиджры (1163 по Р. Х.) из собрания графа А. А. Бобринского. СПб.
Винник Д. Ф. 1967. К исторической топографии средневековых поселений иссыккульской котловины. В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе.
Винокурова М. П. 1957. Ткани из замка на горе Муг. ИООН АН ТаджССР, в. 14, Душанбе.
Воробьева М. Г. 1957. Гончарные печи античного Хорезма. КСИЭ, XXVI, М.
Воробьева М. Г., М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик. 1963. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг. МХЭ, в. 6, М.
Воронина В. А. 1950. Изучение архитектуры древнего Пенджикента. (По материалам раскопок 1947 г.). МИА, № 15, М.—Л.
Воронина В. А. 1951. К вопросу о древней метрологии Средней Азии. КСИИМК, XXIX, М.
Воронина В. Л. 1953. Архитектурные памятники древнего Пенджикента. МИА, № 37, М.—Л.
Воронина В. Л. 1957. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. В кн.: Архитектурное наследство. VIII. М.
Воронина В. Л. 1958. Архитектура древнего Пенджикента. МИА, № 66, М.—Л.
Воронина В. Л. 1959а. Раннесредневековый город Средней Азии. СА, № 1.
Воронина, В. Л. 1959б. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. В кн.: Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М.
Воронина В. Л. 1961. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии. Автореф. канд. дисс. М.
Воронина В. Л. 1964. Архитектура древнего Пенджикента. МИА, № 124, М.—Л.
Вязьмитина М. И. 1945. Керамика Айртама времени кушанов. Тр. АН УзССР (Термезская археологическая экспедиция), Ташкент.

Вяткин В. Л. 1902. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета. СКСО, в. VII, Самарканд.
Вяткин В. Л. 1927. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический очерк. Ташкент.
Гаврюшенко П. П. 1969. Городище Шаим-Кала старого Мерва (лагерь сельджукских войск). Тр. ЮТАКЭ, т. XIV, Ашхабад.
Гайдукевич В. Ф. 1947. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, XIV, М.
Гайдукевич В. Ф. 1949. Керамическая обжигательная печь Мунчак-Тепе. КСИИМК, XXVIII, М.
Гражданкина Н. С. 1964. К истории керамического производства в Средней Азии. (Методы изготовления сероглиняной керамики в IX—XII вв.). ИМКУз, в. 5, Ташкент.
Гребенкин А. А. 1884. О гончарном производстве в Зеравшанском округе. Газ. «Туркестанские ведомости», №№ 8—10, Ташкент.
Грек Т. В. 1964. Индийские надписи на керамике из Кара-Тепе. В кн.: Кара-Тепе — буддийский монастырь в старом Термезе. М.
Григорьев Г. В. 1935. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе Узбекской ССР в 1934 г. Ташкент.
Григорьев Г. В. 1940а. Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, т. II, Л.
Григорьев Г. В. 1940б. Поселение древнего Согда. КСИИМК, VI, М.—Л.
Григорьев Г. В. 1941. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда. Дисс. Архив ЛОИА, ф. № 35, оп. 2. № 88.
Григорьев Г. В. 1946. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда. КСИИМК, XII, М.
Григорьев Г. В. 1948. Келесская степь в археологическом отношении. ИАН КазССР, № 46, сер. археол., в. 1, Алма-Ата.
Грязневич П. А. 1960. Арабский аноним XI в. М.
Губаев А. 1967. Поселения сасанидского времени в Южном Туркменистане. Автореф. канд. дисс. Л.
Гудкова А. В. Ток-Кала. Ташкент.
Гудкова А. В., В. А. Лившиц. 1967. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-Калы и проблема «хорезмской эры». Вестн. КФАНУз, в. 1 (27), Нукус.
Гулямов Я. Г. 1957. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент.
Гулямов Я. Г. 1966. Из истории водоснабжения древнего Пайкенда. ИМКУЗ, в. 6, Ташкент.
Гулямов Я. Г., Ю. Ф. Буряков. 1969. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг. В кн.: Афрасиаб. В. 1. Ташкент.
Гулямова Э. 1961. Стекло с городища Хульбук. ИООН АН ТаджССР, в. 1, Душанбе.
Гулямова Э. 1964. Раскопки в Хульбуке в 1961 г. Археологические работы в Таджикистане, в. IX (1961 г.). Тр. ИИ АН ТаджССР, т. XLII, Душанбе.
Гулямова Э. 1969. Хульбук — столица Хутталя. Душанбе.
Давидович Е. А. 1949а. Исследование вала к юго-западу от Новой Нисы. Тр. ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад.
Давидович Е. А. 1949б. Стекло из Нисы. Тр. ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад.
Давидович Е. А. 1950. К датировке мечети ходжа Зайнеддина в Бухаре. Матер. по ист. и теории архитектуры Узбекистана, в. 1, М.
Давидович Е. А. 1953. Термезский клад медных посеребренных дирхемов 617/1290 г. ЭВ, в. VIII, Л.
Давидович Е. А. 1958. Раскопки замка Калаи-Боло. МИА, № 66, М.—Л.
Давидович Е. А. 1959а. Город, ремесло и денежное обращение в Средней Азии периода так называемого «серебряного кризиса» (XI—XIII вв.). Матер. II Совещ. археол. и этногр. Средней Азии, 28 октября—4 ноября 1956 г., Сталинабад, М.—Л.
Давидович Е. А. 1959б. Об отношении золота и серебра в Бухаре в XII в. ПВ, № 4.
Давидович Е. А. 1960. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв. В кн.: Нумизматика и эпиграфика. II. М.
Давидович Е. А. 1966. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах. В кн.: Нумизматика и эпиграфика. VI. М.
Давидович Е. А. 1968. О двух караханидских каганатах. В кн.: Народы Азии и Африки. I. М.—Л.
Давидович Е. А., Б. А. Литвинский. 1955. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. ИИА АН ТаджССР, т. XXXV, Сталинабад.
Давидович Е. А. и Б. И. Маршак. 1958. Уникальная гиря VI—VIII вв. из Пенджикента. КСИЭ, XXX, М.
Джалилов А. Д. 1961. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР т. XXX, Душанбе.

Джуракулов М. Д., Я. К. Крикис. 1969. Раскопки здания IX—X вв. на городище Афрасиаб. В кн.: Афрасиаб. В. 1. Ташкент.
Добросмыслов И. А. 1911. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент.
Дурдыев Д. 1959. Городище Старого Кишмана. Отчет о раскопках 1956—1957 гг. Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад.
Дьяконов М. М. 1940. Бронзовая гиря с именем Исамила Самани. ТОВЭ, т. II, Л.
Дьяконов М. М. 1949. Керамика Пайкенда. КСИИМК, XXVIII, М.
Дьяконов М. М. 1950. Работы Кафирниганского отряда. МИА, № 15, М.—Л.
Дьяконов М. М. 1951. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. КСИИМК, XL, М.
Дьяконов М. М. 1953. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.). МИА, № 37, М.—Л.
Дьяконов М. М. 1954. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии. В кн.: Живопись древнего Пенджикента. М.
Дьяконова Н. В. 1960а. Буддийская иконка из собрания Н. П. Петровского. СГЭ, в. XIX, Л.
Дьяконова Н. В. 1960б. Материалы по культовой иконографии Хотана. СГЭ, в. XVII, Л.
Дьяконова Н. В. 1961. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода. ТГЭ, V, Культура и искусство народов Востока, в. 6, Л.
Ершов С. А. 1947. Денданакан. (Археологические разведки у Таш-Рабата в 1942 г.). КСИИМК, XV, М.
Ершов С. А. 1959. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе г. Байрам-Али (раскопки 1954—1956 гг.). Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад.
Живопись древнего Пенджикента. 1954.
Жуков В. Д. 1960. Обследование городища Старая Кува в 1956 г. КСИИМК, в. 80, М.
Жуков В. Д. 1961. Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба. ОНУз, № 4.
Жуковский В. А. 1894. Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. СПб.
Забелина Н. Н., И. А. Сухарев. 1938. Керамическое производство городища Кафир-Кала. Архив Самаркандского музея, д. 312.
Заднепровский Ю. А. 1960. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. Тр. КАЭЭ, т. IV, М.
Заурова Е. З. 1962. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-Кала Старого Мерва. Тр. ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад.
Заходер Б. Н. 1945. Хорасан и образование государства сельджуков. ВИ, № 5—6.
Зеймаль Е. В. 1964. Раскопки объекта XIV на пенджикентском городище (1956 и 1957 гг.). МИА, № 124, М.—Л.
Зеймаль Т. И. 1959. Работы вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г. Тр. АН ТаджССР, т. CIII, Сталинабад.
Зильнер Д. Г. 1970. Минг-Урюк — первичное городское образование на территории Ташкента. В кн.: Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Л.
Зимин Л. 1915а. Отчет о весенних раскопках в развалинах старого Пайкенда. ПТКЛА, XIX, в. 2, Ташкент.
Зимин Л. 1915б. Отчет о летних раскопках в развалинах старого Пайкенда. ПТКЛА, XIX, в. 2, Ташкент.
Зимин Л. 1923. Развалины старого Пайкенда. ПТКЛА, XVIII, в. 2, Ташкент.
Зимин Л. 1927. Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности. В кн.: В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент.
Зяблин Л. П. 1961. Второй буддийский храм ак-бешимского городища. Фрунзе.
Иванов А. А. 1970. О производстве бронзовых изделий в Мавераннахре в домонгольское время. КСИА, в. 122, М.
Иванов А. Н. 1961. Заметки о некоторых производственных приемах изготовления средневековой штампованной керамики Мерва. ИАН ТуркмССР, СОН, № 1, Ашхабад.
Иванов П. П. 1923. Сайрам. Историко-археологический очерк. В кн.: Ал-Искендерийа. Ташкент.
Иванов П. П. 1927. К вопросу об исторической топографии Старого Сайрама. В кн.: В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент.
Иванов П. П. 1954. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л.
Иванов П. П. 1957. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля Тр. ИИ АН КиргССР, в. III, Фрунзе.
Иерусалимская А. А. 1967. О северокавказском шелковом пути в раннем средневековье. СА, № 2.

Иерусалимская А. А. 1972. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде. В кн.: Средняя Азии и Иран. Л.
Исаков А. 1971. Дворец правителей древнего Пенджикента. В кн.: Страны и народы Востока. X. М.
Ионе Г. И. 1949. Гончарные печи древнего Мингечаура. КСИИМК, XXIV, М.
История Самарканда. 1969. Ч. 1. Ташкент.
Кабанов С. К. 1950. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. Тр. ИИА, Матер. по археол. и этногр. Узбекистана, т. II, Ташкент.
Кабанов С. К. 1954. Археологические раскопки на Шор-Тепе близ Карши. ИАН УзССР. Ташкент.
Кабанов С. К. 1956а. Раскопки жилого квартала X в. в западной части городища Варахша. Тр. ИИА АН УзССР, в. VIII, Ташкент.
Кабанов С. К. 1956б. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. ВДИ, № 2.
Кабанов С. К. 1958. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашкадарьи. СА, № 3.
Кабанов С. К. 1959. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг. ИМКУз, в. 1, Ташкент.
Кабанов С. К. 1963. Погребение воина в долине р. Кашкадарья. СА, № 3.
Кабанов С. К., Г. В. Шишкина. 1968. О древнейших наслоениях городища Афрасиаб. ОНУз, № 3, Ташкент.
Кадырова Т. 1965. Из истории крестьянских движений в Мавераннахре и Хорасане. Ташкент.
Калаур 1900. Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингисханом в 1219 г. ПТКЛА, V, Ташкент.
Кастальский Б. Н. 1908. Бия-найманские оссуарии. Самарканд.
Кацурис К., Ю. Ф. Буряков. 1963. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-Калы. Тр. ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад.
Кесати Р. 1947. Раскопки на Пайкенде в 1940 году. СГЭ, в. IV, Л.
Кибиров А. О. 1959. Археологические памятники Чаткала. Тр. КАЭЭ, т. II, М.
Кляшторный С. Г. 1954. Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов (по руническим текстам). ЭВ, в. IX, Л.
Кляшторный С. Г. 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.
Книпович Т. Н. 1949. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, XXVIII, М.
Князев П. И. 1945. Разведочно-археологические работы в квартале металлистов древнего Термеза. Термезская археол. эксп., т. II. Тр. АН УзССР, сер. 1 (Ист., археол.), Ташкент.
Ковалевский А. П. 1956. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков.
Кожемяко П. Н. 1959. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе.
Кожемяко П. Н. 1963а. История археологического изучения Таласской долины. В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
Кожемяко П. Н. 1963б. Оседлые поселения Таласской долины. В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
Кожемяко П. Н. 1967. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на краснореченском городище. В кн.: Древняя и средневековая культура Киргизстана. Фрунзе.
Колчин Б. А. 1950. Несколько замечаний к главе о железе минералогического трактата Бируни. КСИИМК, XXXIII, М.
Колчин Б. А. 1953. Черная металлургия и обработка железа Древней Руси. МИА, № 32, М.—Л.
Кононов В. Н. 1949. Технологическое обследование ткани из раскопок городища Ниса 1946 г. Тр. ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад.
Кочедамов В. И. 1957. Городские водоемы Бухары и Самарканда. В кн.: Архитектурное наследство. VIII. М.
Крачковская В. А. 1949. Эволюция куфического письма в Средней Азии. ЭВ, в. III, Л.
Крачковская В. А. 1958. О средневековых текстильных изделиях в Средней Азии (мервские ткани IX—X вв.). Матер. I Всесоюзн. науч. конф. востоковедов в Ташкенте, 4—11 июня 1957 г., Ташкент.
Крачковский И. Ю. 1957. Избранные сочинения, IV, М.—Л.
Крашенинникова Н. И. 1963. Раскопки средневекового здания в северном комплексе Старой Нисы. Тр. ТашГУ, в. 200.
Крашенинникова Н. И. 1968. Разрез крепостной стены древнего Кеша. ОНУз, № 8, Ташкент.
Крикис, Я., М. Пачос, Ш. Ташходжаев, М. Федоров. 1963. Жилой комплекс X—XI вв. в западной части Афрасиаба. НРС, кн. 7, Ташкент.
Куренной В. Н. 1970. К истории Старого Мерва. Памятники Туркменистана, № 2 (10), Ашхабад.

Куренной В. Н. 1971. Градостроительная структура средневекового Ташкента. Архитектура. Матер. к VI конф. молодых ученых-строителей (30 ноября 1971 г.), Л.
Курбатов Г. Л. 1962. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л.
Кызласов Л. Р. 1953. Раскопки древнего Баласагуна. Вестн. МГУ, СОН, № 11.
Кызласов Л. Р. 1958. Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим. СА, № 3.
Кызласов Л. Р. 1959. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. КАЭЭ, т. II, М.
Кызласов Л. Р., О. И. Смирнова, А. М. Щербак. 1958. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953—1954 гг. УЗИВАН, т. XVI, М.—Л.
Лавров В. А. 1950. Градостроительная культура Средней Азии. М.
Лерх П. И. 1909. Монеты Бухар-худатов. СПб.
Лившиц В. А. 1957. Три согдийские надписи. ИООН АН ТаджССР, в. 14, Душанбе.
Лившиц В. А. 1962а. Юридические документы и письма. Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. В. II. М.
Лившиц В. А. 1962б. Языки иранских народов Средней Азии. В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана (сер. «Народы мира»). I. М.
Лившиц В. А. 1965. Надписи на фресках из Афрасиаба. Тез. докл. сесс., посв. ист. живописи стран Азии. Изд. ГЭ. Л.
Лившиц В. А., В. Г. Луконин. 1964. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах. ВДИ, № 3.
Литвинский Б. А. 1951. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. (Рекогносцировка района Безмеин—Кизыл-Арват). Тр. ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад.
Литвинский Б. А. 1953. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. ИООН АН ТаджССР, в. 4. Сталинабад.
Литвинский Б. А. 1954а. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно IX—XII вв.). Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. XXVII, Сталинабад.
Литвинский Б. А. 1954б. Древнейшие страницы горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад.
Литвинский Б. А. 1965. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, № 2.
Литвинский Б. А., Е. А. Давидович. 1954. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. ДАН ТаджССР, в. II, Сталинабад.
Литвинский Б. А., Т. И. Зеймаль. 1972. Аджина-Тепе. М.
Лунина С. Б. 1958. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва. Тр. ЮТАКЭ, т. VIII, Ашхабад.
Лунина С. Б. 1960. Зооморфные сюжеты в керамике со штампованной орнаментацией из гончарной мастерской XII—начала XIII в. в квартале керамистов Старого Мерва. Тр. ТашГУ, в. 172.
Лунина С. Б. 1962. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII в. Тр. ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад.
Лунина С. Б. 1966. Кзилма шахар. Фан ва турмуш, № 10, Ташкент.
Лунина С. Б. 1969. Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-Кала, его обводов и западной части пригорода. Тр. ЮТАКЭ, т. XIV, Ашхабад.
Маджи А. Е. 1945. К истории феодального Ходжента. Матер. по ист. таджиков и Таджикистана, I, Сталинабад.
Маллицкий Н. Г. 1927. Ташкентские махалля и муза. В кн.: В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент.
Мандельштам А. М. 1956. Раскопки на Батур-Тепе в 1955 г. Тр. АН ТаджССР, т. XIII, Сталинабад.
Мандельштам А. М., С. Б. Певзнер. 1958. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА, № 66, М.—Л.
Манылов Ю. П. К изучению городища Кят. Вестн. КФАНУз, № 2, Нукус.
Маргулан А. Х. 1950. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата.
Марущенко А. А. 1930. Развалины святилища огня. Туркменоведение, № 11.
Марущенко А. А. 1956. Старый Серахс. (Отчет о раскопках 1953 г.). Тр. ИИАЭ Ан ТуркмССР, т. II.
Маршак Б. И. 1957. Керамика нижнего слоя Пенджикента. ИАН ТаджССР, № 14, Сталинабад.
Маршак Б. И. 1961. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. ТГЭ, т. V, Л.
Маршак Б. И. 1964. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. МИА, № 124, М.—Л..
Маршак Б. И. 1971. Согдийское серебро. М.
Маршак Б. И., Я. Крикис. 1969. Чилекские чаши. ТОВЭ, т. X, Л.

Массон В. М. 1951а. Развалины Генугирда. ИАН ТуркмССР, № 3, Ашхабад.
Массон В. М. 1951б. Городище Ханабад. Сб. студенческих работ САГУ, в. III, Ташкент.
Массон В. М. 1961. К истории парфянского и раннесредневекового Дахистана. ИАН ТуркмССР, сер. обществ. наук, № 2, Ашхабад.
Массон М. Е. 1925. Регистан и его медресе. Ташкент.
Массон М. Е. 1928. Старый Сайрам. Изв. Средазкомстариса, в. III, Ташкент.
Массон М. Е. 1935. Проблемы изучения цистерн-сардоба. Матер. Узкомстариса, в. 8, Ташкент.
Массон М. Е. 1940. Городища Старого Термеза и их изучение. Термезская археол. комплексная эксп. 1936 г. Тр. УзФАН СССР, сер. 1, в. 2, Ташкент.
Массон М. Е. 1948. К исторической топографии Герата XV в. Великий узбекский поэт. Сб. статей под ред. М. Т. Айбека. Ташкент.
Массон М. Е. 1949. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Тр. ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад.
Массон М. Е. 1950. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, № 4.
Массон М. Е. 1951а. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад.
Массон М. Е. 1951б. Новые данные по древней истории Мерва. (Из работ ЮТАКЭ). ВДИ, № 4.
Массон М. Е. 1951в. К вопросу о взаимоотношении Византии и Средней Азии по данным нумизматики. Тр. САГУ, в. XXIII, Ташкент.
Массон М. Е. 1953а. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент.
Массон М. Е. 1953б. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент.
Массон М. Е. 1954. Прошлое Ташкента. ИАН УзССР, № 2. Ташкент.
Массон М. Е. 1955а. К вопросу о «черных дирхемах» мусейяби. Тр. ИИА АН УзССР, в. 7, Ташкент.
Массон М. Е. 1955б. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Тр. ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад.
Массон М. Е. 1956. Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои. (Краткий историко-топографический очерк). Тр. САГУ, н. с., в. XXXI, Истор. науки, кн. 12, Археология Средней Азии, Ташкент.
Массон М. Е. 1963а. К изучению прошлого Старого Мерва (от редактора). Тр. ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад.
Массон М. Е. 1963б. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 г. ИАН ТуркмССР, СОН, № 3, Ашхабад.
Массон М. Е. 1965. Обнаружение средневековых городищ Харака и Саусакана в области Мерва. ИАН ТуркмССР, СОН, № 3, Ашхабад.
Массон М. Е. 1966. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР). Тр. ЮТАКЭ, т. XIII, Ашхабад.
Массон М. Е., С. Б. Лунина. 1968. Пятый сезон археологических работ в Кашкадарье. ОНУз, № 6, Ташкент.
Мец А. 1966. Мусульманский ренессанс. М.
Мешкерис В. А. 1962. Терракоты Самаркандского музея. Каталог древних статуэток и других мелких скульптурных изделий из обожженной глины. Л.
Мухамеджанов А. Р. 1969. Средневековые мосты-водоизмерители на Зарафшане. ИМКУз, в. 8, Ташкент.
Негматов Н. Н. 1953. Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен по X в. н. э. МИА, № 37, М.—Л.
Негматов Н. Н. 1956. Предварительный отчет о работах Ходжентского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, Сталинабад.
Негматов Н. Н. 1957а. Усрушана в древности и раннем средневековье. Тр. АН ТаджССР, т. V, Сталинабад.
Негматов Н. Н. 1957б. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1955 г. Археологические работы в Таджикистане в 1955 г. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. XIII, Сталинабад.
Негматов Н. Н. 1961. Работы Ходжентско-Усрушанского отряда в 1958 г. Археологические работы в Таджикистане, в. VI. Тр. ИИ АН ТаджССР, т. XXVII, Душанбе.
Негматов Н. Н. 1962. К истории Ходжентской цитадели. (Некоторые итоги историко-археологического изучения). ИООН АН ТаджССР, в. 1, Душанбе.
Негматов Н. Н. 1968. «Капитолийская волчица» в Таджикистане. Наука и жизнь, № 1.
Негматов Н. Н., С. Г. Хмельницкий. 1966. Средневековый Шахристан. (Материальная культура Уструшаны, в. 1), Душанбе.
Немцева Н. Б. 1969. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб. В кн.: Афрасиаб. В. 1. Ташкент.
Немцева Н. Б. 1970. Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв. (По археологическим материалам). В кн.: Зодчество Узбекистана. В. II. Ташкент.

Неразик Е. Е. 1959а. Керамика Хорезма афригидского периода. ТХЭ, т. 4, М.
Неразик Е. Е. 1959б. Раскопки в Беркут-Калинском оазисе в 1953—1956 гг. МХЭ, в. 1, М.
Неразик Е. Е. 1963. Раскопки Якке-Парсана. МХЭ, в. 7, М.
Неразик Е. Е. 1966. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.
Неразик Е. Е., Ю. А. Рапопорт. 1959. Куюк-Кала в 1956 г. МХЭ, в. 1, М.
Нильсен В. А. 1966. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент.
Обельченко О. В. 1960. К вопросу о времени возведения стены Бухарского оазиса — Кампыр-Дувал. Тр. ТашГу, в. 172.
Оразов О. 1970. Некоторые итоги археологических исследований памятников Серахского оазиса. В кн.: Каракумские древности. В. III. Ашхабад.
Оранский И. М. 1960. Введение в иранскую филологию. М.
Орбели И. А., К. В. Тревер. 1936. Шатранг. Книга о шахматах. Л.
Очерки истории СССР. 1953. Период феодализма IX—XV вв. В двух частях. Часть первая (IX—XIII вв.). Древняя Русь. Феодальная раздробленность. М.
Пацевич Г. И. 1954. Историческая топография городов и поселений юга Казахстана VII—XV вв. н. э. (По археологическим данным). Автореф. канд. дисс.
Пацевич Г. И. 1956а. Гончарная печь на городище Сарайчик. Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, т. 1, Ашхабад.
Пацевич Г. И. 1956б. Раскопки на территории древнего городища Тараза в 1940 г. Тр. ИИАЭ КазССР, т. 1, Алма-Ата.
Пачос М. К. 1963. Раскопки здания в восточной части Афрасиаба. НРС, кн. 6, Ташкент.
Пачос М. К. 1965. Из раскопок на Афрасиабе. (Исследование второй городской стены Афрасиаба). В кн.: Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент.
Пачос М. К. 1967. К изучению стен городища Афрасиаб. СА, № 1.
Пачос М. К. 1968. Оборонительные сооружения Афрасиаба. Автореф. канд. дисс.
Петрушевский И. П. 1948. Городская знать в государстве Хулагуидов. В кн.: Сов. востоковедение. V. М.—Л.
Петрушевский И. П. 1960. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л.
Пещерева Е. М. 1959. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л.
Пигулевская Н. В. 1956. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л.
Пилипко В. 1969. Юго-восточная часть рабада Мерва. (Из работ ЮТАКЭ). ИАН ТуркмССР, СОН, № 3, Ашхабад.
Прибыткова А. М. 1960. Роль строительной техники в сложении архитектуры Средней Азии XI—XII вв. В кн.: Архитектура и строительная техника. М.
Пругер Е. Б. Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва. Тр. ЮТАКЭ, т. XIV, Ашхабад.
Пташникова И. В. 1952. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. ТХЭ, т. 1, М.
Пугаченкова Г. А. 1949. Архитектурные памятники Нисы. Тр. ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад.
Пугаченкова Г. А. 1958а. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, т. VI, Ашхабад.
Пугаченкова Г. А. 1958б. Мастер-керамист Мухаммед Али Инойятон из Мерва. (К характеристике штампованной керамики Мерва XII—начала XIII в.). СА, № 2.
Пугаченкова Г. А. 1958в. Археологическая рекогносцировка области Среднего Мургаба. ИАН ТуркмССР, № 8.
Пугаченкова Г. А. 1960. К открытию люстровой керамики Мерва XII в. ИАН ТуркмССР, СОН, № 5. Ашхабад.
Пугаченкова Г. А. 1963. К исторической топографии Чаганиана. Тр. ТашГУ, н. с., в. 200, Ист. науки, кн. 41, Археология Средней Азии, VI.
Рапопорт Ю. А. 1958. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. ТХЭ, т. 2, М.
Рапопорт Ю. А. 1962. Об изображении на бартымском блюде, найденном в 1961 г. СА, № 2.
Распопова В. И. 1960. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. Тр. КАЭЭ, т. II, М.
Распопова В. И. 1965. Поясной набор Согда VII—VIII вв. СА, № 4,
Распопова В. И. 1969. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв. СА, № 1.
Распопова В. И. 1972. Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда. СА, № 4.
Ремпель Л. И. 1954. Фрагмент бронзовой статуи верблюда из Самарканда. (К вопросу о связях искусства Согда и Бухары VI—VIII вв.). Фонды НИИИУз, д. 243.
Ремпель Л. И. 1956. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа. Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. I, Алма-Ата.

Ремпель Л. И. 1962. Из истории градостроительства на Востоке. (Материалы по планировке старой Бухары). В кн.: Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент.
Розен В. Р. 1888. Рассказ Хилаля ас-Саби о взятии Бухары Богра-ханом. ЗВОРАО, т. II, СПб.
Розен. 1889. [Рец. на:] Alberuni's India . . . Edited in the Arabic original by Dr. E. Sachau (London, 1887). ЗВОРАО, т. III, СПб.
Сайко Э. В. 1963. Глазури керамики Средней Азии VIII—XII вв. (По материалам керамических комплексов Хутталя, Согда, Ферганы). Душанбе.
Сайко Э. В. 1966. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе.
Сарианиди В. И. 1953. Керамические печи городищ древнего Мерва. Сб. студенческих работ САГУ, в. V, Ташкент.
Семенов А. А. 1931. Развалины г. Абиверда и остатки старины вблизи него. В кн.: Древности Абивердского района. Результаты научно-исследовательской экспедиции 1928 г. Тр. САГУ, сер. 2, Orientalia, в. 3, Ташкент.
Сенигова Т. Н. 1966. Основные пути формирования топографии раннесредневекового Тараза (V—VI вв.). ИАН КазССР, СОН, № 5.
Сенигова Т. Н. 1972. Средневековый Тараз. Алма-Ата.
Скульптура и живопись древнего Пенджикента. 1959. М.
Смирнов Я. И. 1909. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения. СПб.
Смирнова О. И. 1950. Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Заравшана. МИА, № 15, М.—Л.
Смирнова О. И. 1953. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. МИА, № 37, М.—Л.
Смирнова О. И. 1957. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии. (Договор арабского полководца Кутейбы с царем Согда Гуреком, заключенный в 712 г.). СВ, № 2.
Смирнова О. И. 1960. К истории самаркандского договора 712 г. КСИВАН, т. 38, М.
Смирнова О. И. 1963. Каталог монет с городища Пенджикент. (Матер. 1949—1956 гг.). М.
Смирнова О. И. 1965. Первый клад согдийских монет в Пенджикенте. ЭВ, в. X, Л.
Смирнова О. И. 1969. К имени наследников бухарского дихкана Хине. Иранская филология. Краткое изложение докладов науч. конф., посв. 60-летию проф. А. Н. Болдырева. М.
Смирнова О. И. 1970. Очерки из истории Согда. М.
Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Тез. к совещ. в г. Фрунзе 24—29 ноября 1970 г. Л.
Ставиский Б. Я. 1950. Раскопки жилой башни в кухендизе пендижикентского владетеля. МИА, № 15, М.—Л.
Ставиский Б. Я. 1952. К вопросу об идеологии домусульманского Согда. Сообщ. республиканск. ист. краеведч. музея ТаджССР, в. 1, Сталинабад.
Ставиский Б. Я. 1953. Раскопки жилого здания на шахристане древнего Пенджикента в 1950 г. МИА, № 37, М.—Л.
Ставиский Б. Я. 1954. Пенджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII—VIII вв. Автореф. канд. дисс. Л.
Ставиский Б. Я. 1957. Дворцовое хозяйство пенджикентского владетеля. СВ, № 1.
Ставиский Б. Я. 1958. Медный ключ из Кулдор-Тепе. КСИЭ, XXX, М.
Ставиский Б. Я. 1959. Археологические работы в бассейне Магиандарьи в 1957 г. Тр. АН ТаджССР, т. CIII, Сталинабад.
Ставиский Б. Я. 1960. Раскопки городища Кулдор-Тепе в 1956—1957 гг. СА, № 4.
Ставиский Б. Я. 1964. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг. МИА, № 124, М.—Л.
Ставиский Б. Я., О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская. 1953. Пенджикентский некрополь. МИА, № 37, М.—Л.
Ставиский Б. Я., М. Х. Урманова. 1958. Городище Кулдор-Тепе. СА, № 1.
Сухарев И. А. 1940. Ранняя поливная керамика Самарканда. Тр. УзГУ, н. с., II, в. 2, Самарканд.
Сухарева О. А. 1958. К истории городов Бухарского ханства. (Историко-этнографические очерки). Ташкент.
Ташходжаев Ш. С. 1963. Разрез городской стены Гяур-Калы. Тр. ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад.
Ташходжаев Ш. С. 1967. Художественная поливная керамика Самарканда. Ташкент.
Тереножкин А. И. 1940а. Археологические разведки в Хорезме. В кн.: Сов. археология. VI. М.
Тереножкин А. И. 1940б. О древнем гончарстве в Хорезме. Изв. Узб. фил. АН СССР, т. 6, Ташкент.

Тереножкин А. И. 1940в. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН СССР, т. 9, Ташкент.
Тереножкин А. И. 1947. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, № 4.
Тереножкин А. И. 1948. Холм Ак-Тепе близ Ташкента. Тр. ИИА АН УзССР, Матер. по арх. Узбекистана, т. I, Ташкент.
Тереножкин А. И. 1950а. Раскопки в кухендизе Пенджикента. МИА, № 15, М.—Л.
Тереножкин А. И. 1950б. Согд и Чач. Автореф. канд. дисс. КСИИМК, XXXIII, М.
Тереножкин А. И. 1951. Раскопки на городище Афрасиаб. КСИИМК, XXXVI, М.
Толстов С. П. 1934. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Изв. ГАИИМК, в. 103, Л.
Толстов С. П. 1946. К вопросу о датировке культуры Каунчи. ВДИ, № 1.
Толстов С. П. 1947. Города гузов. (Историко-этнографические этюды). СЭ, № 3.
Толстов С. П. 1948а. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л.
Толстов С. П. 1948б. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.
Толстов С. П. 1962а. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
Толстов С. П. 1962б. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сырдарьи. СА, № 4.
Толстов С. П., Т. А. Жданко, М. А. Итина. 1963. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. МХЭ, в. 6, М.
Тревер К. В. Гопат-шах—пастух-царь. ТОВЭ, т. II, Л.
Трудновская С. А. Стекло городища Шах-Сенем. ТХЭ, т. 2, М.
Умняков И. И. 1923. К вопросу об исторической топографии Бухары. Сб. Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта (25-летие его первой лекции, 15/28 января 1898—1923 гг.). Ташкент.
Усманова З. И. 1963а. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-Кала. Тр. ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад.
Усманова З. И. 1963б. Эрк-Кала. Тр. ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад.
Усманова З. И. 1969. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-Калы. Тр. ЮТАКЭ, т. XIV, Ашхабад.
Федоров М. Н. 1965. К вопросу о последнем караханидском дворце на Афрасиабе. СА, № 3.
Федоров М. Н. 1969. Стратиграфический шурф в восточной части городища Афрасиаб. В кн.: Афрасиаб. В. 1. Ташкент.
Федорович Е. Ф. 1969. Исследование древних тканей из раскопок ЮТАКЭ в старом Мерве. Тр. ЮТАКЭ, т. XIV, Ашхабад.
Фрейман А. А. 1962. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. В. I. М.
Ханыков Н. 1843. Описание Бухарского ханства. СПб.
Хинц В. 1970. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Пер. с нем. Ю. Э. Брегеля. М.
Ходжаниязов Т. 1965. Раскопки средневекового здания на городище Гяур-Кала в старом Мерве. (Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции). ИАН ТуркмССР, № 2, Ашхабад.
Чехович О. Д. 1950. Крестьянские обязательства 1914 г. на основании мнимой грамоты Исмаила Самани. ИЗ, т. 33, М.
Чехович О. Д. 1951. Новая коллекция документов по истории Узбекистана. ИЗ, т. 36, М.
Чуйская долина. 1950. Тр. Семиреченской археол. эксп., 1938—1941 гг. Сост. под руков. А. Н. Бернштама. (МИА, № 14). М.—Л.
Чуланов Ю. Г. 1963. Городище Ахсыкет. СА, № 3.
Шишкин В. А. 1936. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент.
Шишкин В. А. 1940а. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент.
Шишкин В. А. 1940б. К исторической топографии Старого Термеза. Термезская археол. комплексная эксп. 1936 г. Тр. УзФАН, сер. 1, в. 2, Ташкент.
Шишкин В. А. 1940в. Археологические наблюдения на строительстве Каттакурганского водохранилища. Изв. УзФАН, № 10, Ташкент.
Шишкин В. А. 1963. Варахша. М.
Шишкин В. А. 1966. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент.
Шишкин В. А. 1969а. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. В кн.: Афрасиаб. В. 1. Ташкент.
Шишкин В. А. 1969б. Кал'а и Афрасиаб. В кн.: Афрасиаб. В. 1. Ташкент.
Шишкина Г. В. 1961. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. ИМКУз, в. 2, Ташкент.
Шишкина Г. В. 1969а. Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба. Автореф. канд. дисс. Ташкент.

Шишкина Г. В. 1969б. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба. В кн.: Афрасиаб. В. 1. Ташкент.
Ягодин В. Н. 1963. Маршрутные археологические исследования в левобережной части приаральской дельты Амударьи. МХЭ, в. 7, М.
Ягодин В. Н. 1968. К изучению топографии и хронологии древнего Миздахкана. В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.
Якобсон А. Л. 1941. Гончарные печи средневекового Херсонеса. КСИИМК, X, М.—Л.
Якобсон А. Л. 1955. Средневековые гончарные печи в районе Судака. КСИИМК, в. 60, М.
Якубовский А. Ю. 1929. Развалины Сыгнака (Сугнака). Сообщ. ГАИМК, т. II, Л.
Якубовский А. Ю. 1930а. Городище Миздахкан. ЗКВ, т. V, Л.
Якубовский А. Ю. 1930б. Развалины Ургенча. Изв. ГАИМК, т. VI, в. 2, Л.
Якубовский А. Ю. 1932. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой. Тр. МАИ, в. 3, Л.
Якубовский А. Ю. 1934. Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства. В кн.: Фердовси, 934—1934. Л.
Якубовский А. Ю. 1940а. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции). ТОВЭ, т. II, Л.
Якубовский А. Ю. 1940б. Краткий полевой отчет о работах Зеравшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. ТОВЭ, т. II, Л.
Якубовский А. Ю. 1940в. Из истории археологического изучения Самарканда. ТОВЭ, т. II, Л.
Якубовский А. Ю. 1948. Восстание Муканны — движение людей в белых одеждах. В кн.: Сов. востоковедение. V. М.—Л.
Якубовский А. Ю. 1951а. Древний Пенджикент. В кн.: По следам древних культур. М.
Якубовский А. Ю. 1951б. Главные вопросы истории развития городов Средней Азии. Тр. ТФАН, т. XXIX (Ист. археол., этногр., языкозн., лит.). Сталинабад.

Ashtor E. 1961a. L'évolution des prix dans le Proche-Orient à la bass époque. JESHO, IV.
Ashtor E. 1961b. Essai sur les prix et les salaires dans l'empire califien. RSO, XXXVI.
Ashtor-Strauss E. 1956. L'administration urbaine en Syrie médiévale. RSO, v. XXXI.
Ashtor-Strauss E. 1959. Quelques indications sur les revenues dans L'Orient musulman au haut moyen age. JESHO, II.
Ashtor-Strauss E. 1961. Le cout de la vie dans la Syrie médiévale. Arabica, VIII.
Baghci Prabodh Chandra. 1955. India and Central Asia. Calcutta.
Becker C. 1903. Beiträge zur Geschichte Ägyptens unter dem Islam. 2. H. Strassburg.
Beloch K. J. 1937, 1961, 1965. Bevölkerungsgeschichte Italiens. Berlin, Bd. I, 1937; Bd. II (Zweite durchgesehene Auflage), 1965; Bd. III, 1961.
Benveniste E. 1940. Textes Sogdens édités, traduits et commentés par. E. Benveniste. (Mission Pelliot en Asie Centrale III). Paris.
Berchem M., van. 1886. La propriéte territoriale et l'impôt fonçier sous les premiers califes. Etude sur l'impôt du kharag. Genéve.
Biberstein-Kazimirsky A., de. 1860. Dictionnaire arabe-français. I, II. Paris.
Bishr Farés. 1952. Essai sur l'esprit de la décoration islamique. Conférences de l'Institut français de l'archéologie orientale du Caire. Caire.
Bosworth C. E. 1960. The rise of the Karramiyya in Khurasan. Muslim World. London.
Bosworth C. E. 1963. The Ghaznavids. Their empire in Afghanistan and Eastern Iran, 994—1040. Edinburgh.
Cahen C. 1952. Quelques problèms économiques et fiscaux de l'Iraq Buyide d'après une traité de mathématiques. AIEOA, t. X.
Cahen C. 1958. Zur Geschichte der städtlichen Gesellschaft im islamischen Orient des Mittelalters. Saeculum, IX.
Cahen C. 1958—1959. [1—3]. Mouvements populaires et autonomisme urbaine dans l'Asie musulman au Moyen Age. 1 — Arabica, v. V, 1958; 2 — Arabica, v. VI, f. 1, 1959; 3 — Arabica, v. VI, f. 3, 1959.
Canard M. 1959. Le riz dans le Proche-Orient aux premièrs siècles de l'islam. Arabica, v. VI, f. 2.
Casanova P. 1919. Essai de reconstitution topographique de la ville d'al-Foustat ou Misr. MIFAO, t. 35, v. 1—3.
Chavannes E. 1903. Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par. (Сб. трудов Орхонской экспедиции, VI). St.-Pbg.

Chavannes E. 1904. Notes additionalles sur les Toukiue (Turc) occidentaux. T'oung-Pao, V.
Claude D. 1969. Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert. Byzantinisches Archiv, H. 13, München.
Clermont-Ganneau Ch. S. 1900. Recueil d'archeologie Orientale. T. 3. Paris.
Davidovich E. A. 1960. The enigmatic Musayyabi, Ghitrifi and Muhammadi dirhams (From the History of Central Asian Coinage in the 9—10th Centuries. XXV International Congress of Orientalists. Papers presented by the USSR Delegation). Moscow.
Fishel W. 1933. The Origin of Banking in Medieval Islam. A Contribution to the economic history of the Jews of Baghdad in the tenthe century. JRAS.
Gardin J. 1957. Poteries de Bamian. Ars orientalis, v. II.
Gardin J. C. 1963. Lashkari Bazar. II Les trouvailles céramiques et monnaies de Lashkari Bazar et de Bust. Paris.
Gaudefroy-Demombines. 1938. Sur quelques ouvrages de hisba. JA, t. CCXXX.
Gazelles R. 1966. La population de Paris avant la peste noire. Comptes rendues de l'Academie des inscriptions et belles-lettres. Paris.
Goitein S. D. 1957. The rise of the near-eastern bourgeosie in early islamic times. Cahiers du histoire mondiale, t. III, № 3.
Goitein S. D. 1967. A Mediterranean Society. The jewish communities of the Arab World as portrayed in the documents of the Cairo Geniza. I. Economic Foundations. Berkeley and Los Angeles.
Grabar O. 1969. The Architecture of the Middle Eastern City from Past to Present. The Case of the Mosque. In: Middle Eastern Cities. A Symposium . . . ed. I. M. Lapidus. Berkley and Los Angeles.
Grashoff R. 1899. Die Suftaga und Hawala der Araber. Ein Beitrag zur Geschichte des Wechsels. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doctorwürde. Göttingen.
Grünebaum G. 1955. Die Islamische Stadt. Saeculum, VI.
Haurani A. H., S. M. Stern. 1970. Papers on Islamic History. I. The Islamic City. A Colloquium. Published under the auspieces of the Near Eastern History Group Oxford and the Near East Center University of Pennsilvania. Oxford.
Henning W. B. 1940. Sogdica. London.
Henning W. B. 1945. Sogdian Tales. BSOAS, v 11.
Henning W. B. 1958. Mitteliranish. Handbuch der Orientalistik. I. Abt. 4. Bd. Iranistik. Leiden—Köln.
Herzfeld E. 1948. Geschichte der Stadt Samarra. Die Ausgrabungen von Samarra, Bd. VI, Hamburg.
Khadr M. 1967. Deux actes de wagf d'un Qarahanide d'Asie Centrale. Avec une introduction par Claude Cahen. JA, t. CCLV.
Kühnel E., L. Bellinger. 1952. The Textile Museum. Catalogue of Dated Tiraz Fabrics. Umayyad, Abbasid, Fatimid. Wachington.
Labib S. 1959. Geld und Kredit. Studien zur Wirtschaftsgeschichte Aegyptens im Mittelalter. JESHO, v. II.
Lambton A. K. S. 1957. The Administration of Sanjar's Empire as illustrated in the Atabat al-Kataba. BSOAS, v. 20.
Lammens H. 1908. Etudes le regne du calife Omaiyade Mo'awia I-er. Mélanges de la Faculte oriental de l'Universite de St-Joseph, t. I, f. 1, Beyrouth.
Lapidus I. M. 1969. Muslim Cities and Islamic Societies. In: Middle Eastern Cities. A Symposium . . . ed I. M. Lapidus. Berkley and Los Angeles.
Lassner J. 1963. The Habl of Baghdad and the dimensions of the City. A metrological Note. JESHO, v. VI.
Løkkegaard F. 1950. Islamic taxation in the classic period. Copenhagen.
Marquart J. 1903. Osteurapäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840—940). Leipzig.
Marshall J. 1951. Taxila. I—III. Cambridge.
Nazim M. 1933. The Pand-Namah of Subuktegin. JRAS.
Piemontese A. 1965. La leggenda del Santo-lottatore pahlavan Mahmud Xvarezmi «Purya-ye vali» (m. 722/1322). Ann. del Inst. Univessitario oriental de Napoli, n. s., v. XV.
Pirenne H. 1963. Histoire économique et sociale du moyen-age. Edition revue et mise à jour avec une annexe bibliogr. et critique par H. van Werveke. Paris.
Poliak A. N. 1940. Classification of Lands in the Islamic law and its technical terms. AJSLL, v. LVII.
Prakash Buddha. 1957. Thakura. CAJ, v. III.
Pritsak O. 1952. Al-i-Burhan. Der Islam, Bd. XXX.
Russel I. C. 1958. Late Ancient and Medieval Population. Transactions of the Amer. Philosoph. Soc., v. 48, pt. 3, Philadelphhie.

Sadighi Gh. H. 1938. Les mouvements religieus au II et au III-e siècle de l'hégire. Paris.
Sarre F. 1925. Die Keramik von Samarra. Unter Mitwirkung von Ernst Herzfeld mit Beiträgen vom Materialprufungsamt der technischen Hochschule Berlin und von Dr. Hans Arnold. Die Ausgrabungen von Samarra, Bd II, Berlin.
Sauvaget J. 1934. Esquisse d'une histoire de la ville de Damas. REI, cahier, IV.
Sauvaget J. 1941. Alep. Essai sur le développment d'une grande ville syrienne des origines au milieu du XIXe siecle, v. I, Paris.
Sauvaget J. 1954. Le plan de Laodicée-sur-mer. Memorial Jean Sauvaget, t. I, Damas.
Schacht J. 1964. An introduction to islamic law. Oxford.
Schlumberger D. 1939. Les fouilles de Qasr el Heir el Gharbi (1936—1938). Rapport préliminaire. Syria, XX.
Schmidt E. F. 1939. The treasury of Persepolis and other discoveries in the homeland of Achaemenians. Chicago.
Sergeant F. B. 1942—1946. [1—3]. Material for history of Islamic Textiles up to the Mongol Conquest. Ars Islamica, 1 — v. IX, 1942; 2 — v. X, 1943; 3 — v. XI—XII, 1946.
Sergeant F. B. 1953. A Zaydi manual of hisbah of the 3-rd century. RSO, v. 28.
Shaban M. A. 1970. The Abbasid Revolution. Oxford.
Shafer E. H. 1963. The golden peaches of Samarcand. Univ. of California press. Berkley and Los Angeles.
Sourdel-Thomine J., D. Sourdel. 1965. Trois actes de vente damascaines du début du IVe/Xe siècle. JESHO, v. VIII.
Stein A. 1928. Innermost Asia. Detaild report of explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran by Aurel Stein, v. III, Plates and plans, Oxford.
Taeschner. 1937. Der Anteil des Sufismus an der Formung des Futuwwa-Ideals. Der Islam, Bd. XXIV.
Tolstov S. P., V. A. Livshitz. 1964. Decipherment and interpretation of the khwarezmian insctiptions from Tok Kala. AO, t. XII.
Torres Balbas L. 1955. Extension y demographia de las ciudades Hispanomusulmanas. Studia Islamica, № 3.
Trever C. 1934. Terracottas from Afrasiab. M.—L.
Tritton A. S. 1930. The Caliphs and their Non-Muslim Subjects. A Critical Study of the Convenant of Umar, Oxford.
Tyan E. 1938, 1960. Histoire de l'organisation judicaire en pays d'Islam. T. 1, Paris, 1938; t. II (2e ed.), Leyde, 1960.
Weullersse J. 1934. Antioche. Essai de géographie urbaine. BEO, IV.
Wilkinson Ch. K. 1961. The Glazed Pottery of Nishapur and Samarkand. Bull. Metr. M. of Art, № 11.
Worms. 1844. Recherches sur la constitution de la propriète territoriale. JA, ser. IV, 3.
Yakubovsky. 1937. Merw al-Shahidjan. EI, Ergänzungsband.
Ziade N. A. 1953. Urban Life in Syria under the early mamluks. Beyrut.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

А б у Й у с у ф. Китāб ал-ẖарāдж ли-л-қāдӣ Абӣ Йӯсуф Йа'кӯб ибн Ибрāхӣм ṣāẖиб ал-имāм Абӣ H̱анӣфā. Ал-Қāхира, 1927/28.

А б у Т а х и р. Самария. Сочинение Абу-Тахир-ходжи. Таджицкий текст, приготовленный к печати Н. И. Веселовским. СПб., 1904.

А з р а к и. Geschichte und Beschreibung der Stadt Mekka von Abul-Walid Muhammed ben Abdallah el Azraki hrsg. von Wüstenfeld. Leipzig, Die Chroniken der Stadt Mekka, 1. Bd. 1858.

А у ф и. Lubàbu l-Albàb of Muhammad Aufi, ed. in the original Persian. London—Leide, pt. I, with indices, Persian and English prefaces, and notes, critical and historical in Persian, by E. G. Browne and Mirzà Muhammad ibn Abdu l-Wahhab-i Qazwini, 1906; pt. II, with perface, indices and variants by E. G. Browne, 1903.

А х б а р А б и д. Китāб ат-тиджāн фӣ мулӯк ал-ẖимйар 'ан Вахб ибн Мунаббих ривайа Абӣ Мухаммад 'Абд ал-Малик ибн Хишām ... Аẖбāр 'Абӣд ибн Шарйа. H̱айдар-Абāд, 1347.

Б̆а г д а д и А. Китāб ал-фарқ байн ал-фирақ ва байāн ал-фирқа ан-наджийа минхум, аллафаху Абӯ Мансӯр 'Абд ал-Қāхир ... ал-Багдāдӣ, вақафа 'алā ṭаб'ихи Мухаммад Бадр. Ал-Қāхира, 1328 [1910].

Б а г д а д и Б. Бахā ад-дӣн Мухаммад бен Му'аййад Багдāдӣ Тавассул илā аттарассул. Ба таṣẖӣẖ ва ихтимām-и Ахмад Бахмāнйār. Техрāн, 1329 ш. [1950].

Б а й х а к и. Ibrahim ibn Muhammad al-Baihaqi Kitab al-Mahasin val-Masavi, hrsg. von Fr. Schwally, Giessen, 1902.

Б а л а з у р и. Liber expugnationis regionum auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beládsori, quem e codice Leidensi et codice Musei Brittannici ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.

Бал'ами. Бал'ами Та'рӣẖ-и Ṭабарӣ. Канпӯр, 1313 [1895-96].

Б е й х а к и. Пер. Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда (1030—1041). Вступительная ст., пер. и прим. А. К. Арендса. Ташкент, 1962.

Б е й х а к и. Та'рӣẖ-и Бейхақӣ таснӣф ẖвāдже Абӯ-л-Фāзл Мухаммад бен H̱усейн Бейхақӣ дабӣр, ба ихтимām-и доктӯр Ғанӣ ва доктӯр Файйāз. Техрāн, 1324 [1945].

Б и р у н и. Избранные произведения. I. Памятники минувших поколений. Пер. и прим. М. А. Салье. Ташкент. 1957.

Б и р у н и. Минералогия. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Пер. А. М. Беленицкого, редакция Г. Г. Леммелейна, Х. К. Баранова и А. А. Долининой, статьи и прим. А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммелейна. Л., 1963.

Г а з а л и. Китāб иẖйā 'улӯм ад-дӣн та'лӣф ал-имām Абӯ H̱амид Мухаммад ал-Ғазālӣ. Ал-Қāхира, 1302 [1885].

Г а р д и з и. Зайн ал-аẖбāр аз Абӯ Са'ӣд 'Абд ал-ẖайй бен Захāк бен Маẖмӯд Гардӣзӣ (Шамил та'рӣẖ-и Сасāнийāн ва сират-и расӯл-и акрāм ва ẖулāфā ва аẖбар-и умарā-йи H̱урāсāн та пайāни доуре-йи ṣаффārӣ). Ба таṣẖӣẖ ва муқаддиме ва фихрист ва ẖавāши Са'ӣд Нафӣсӣ. Техрāн, 1333 [1954].

Г а р н а т и. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайта. М., 1971.

Д ж а х и з. Байан. Ал-байāн ва-т-табйӣн ли Абӣ 'Усмāн 'Умар ал-Джāẖиз̆ ... муẖаққиқуху ва шāриẖуху H̱асан ас-Синдӯбӣ, дж. 1—2. Ал-Қāхира, 1926—1927.

Джахиз. Бухала. Абу Осман Омар ибн Бахр аль-Басри аль-Джахиз. Книга о скупых. Китаб ал-бухала. Пер. с арабского, предисловие и примечания проф. Х. К. Баранова. М.

Джахиз. Табассур. 1932. Абӯ ал-Ваххāб, Китāб ат-табаççӯр би-т-тиджāра ли-л-Джāҳиз. Revue de l'Academie Arabe de Damas, XII.

Джахшийари. Das Kitab al Wuzara wa-l-Kuttab Al-Ǧahšiyari. In Faximile herausgegeben von Hans Mzik (Bibliothek arabischer Historiker und Geographen I). Leipzig, 1926.

Джувейни. The Ta'rikh-i-jahàn-gushà of Alà u d-Din Atà Malik-i-Juwaijni (composed in A. H. 658=A. D. 1260). Ed. with an introduction, notes and indices from several old MSS by Mirzà Muhammad ibn 'Abdu'l-Wahhàb-i-Qazwini, pt. I—III. (GMS, XVI, 1—3). Leyden—London, 1912—1937.

Динавари. Abu Hanifa ad-Dinaweri, Kitab al-ahbar at-tiwal. Publié par V. Guirgass. Leide, 1888.

Ибн Абд ал-Хакам. Futuh Misr wal-Magrib. The History of the Conquest of Egypt, North Africa and Spain known as the Futuh Misr of Ibn Abd al-Hakam, ed. from the mss. in London, Paris and Leyden by Ch. C. Torrey. (Yale Oriental Research ser., III). New Haven, 1922.

Ибн ал-Аʿсам. A. N. Kurat. Kuteybe bin Müslimin Hvarizm ve Semerkandi Zabti. Ankara Universitisi Dil ve Tarih-Cografya Fakültesi Dergisi, c. VI, 1948, № 4.

Ибн Асакир. Пер. N. Elisséeff, La description de Damas d'Ibn Asakir (Historien mort à Damas en 571/1176). Damas, 1959.

Ибн ал-Асир. Ibn-el-Athiri chronicon quod perfectissimum inscribitur edidit C. J. Tornberg. I—XIV. Lugduni Batavorum, 1867—1876.

Ибн Бассам. Nihayat al-rutba fi talab al-hisba . . . Edited and noted by Husam al-Samarraie. Baghdad, 1968.

Ибн Мискавайх. The Eclipse of the Abbasid Caliphate. Original Cronicles of the Fourth Islamic Century. Ed. transl. elucidated by H. F. Amedroz and D. S. Margoliouth. III. London, 1921.

Ибн ал-Мунаввар. В. А. Жуковский. Тайны единения с богом в подвигах старца Абу-Саʿида. Толкование на четверостишие Абу-Саʿида. Персидские тексты. СПб., 1899.

Ибн Саʿд. Ibn Saad. Biographien Muhammeds, seiner Gefährten und der späteren Träger des Islams . . . hrsg. von E. Sachau. Bd. I—IX. Leiden, 1905—1921.

Ибн Фадлан. Пер. А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

Ибн ал-Факих. Рук. Китāб ал-булдāн ли ибн ал-Фақйх ал-Хамадāнй . . . Мешхедская рукопись. (Фотокопия ИВАН).

Ибн Фундук. Таʾрйҳ-и Байхақ таʾлйф-и Абӯ ал-Ҳасан ʿАлй бен Зайд Байхақй маʿрӯф би Ибн Фундӯқ. Ба таҫҳйҳ ва таʿлйқа-и Аҳмад Бахмāнйāр. Техрāн, 1318 [1938].

Ибн Шаддад. D. Sourdel. La description d'Alep d'Ibn Saddad. Edition critique d'al—Aʿlaq al-Hatira. (Tome I—section 1). Damas, 1953.

Идриси. Géographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagné de notes, par A. Gaubert. I—II. Paris, 1836—1840.

Истахри. K. Al Masalek wal mamalek by Istakhry (4th cent H.) Reedited by. Muh. G. Abd et Aal el Hini. Under the supervision Muh. Shafik Ghurbal. Cairo, 1961.

Истахри. Перс. Масāлик ва мамāлик таʾлйф-и Абу Исҳāқ Ибрāхйм Иҫтāҳрй тарджума-йи фāрсй аз қарн 5/6 хиджрй. Ирадж Афшāр. Техрāн, 1340 ш. [1962].

Йаʿкуби. Taʾrйҳ. Ibn Wadhih qui dicitur al-Jaʾqubi Historiae. Ed. M. Th. Houtsma. Pars 1, 2. Lugduni Batavorum, 1883.

Йāкут. Jacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin St. Petersburg, Paris, London und Oxford . . . hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. I—VI. Leipzig, 1886—1870.

Кабус-наме. Китāб-и наҫйҳат-нāме маʿрӯф ба Кāбӯс-нāме. Таʾлйф амйр Анҫар ал-Маʿали ба муқаддиме ва ҳавāши бақалāм-и Саʿйд Нафйсй. Техрāн, 1312 ш. [1934].

Кабус-наме. Пер. Перевод, статьи и примечания Е. Э. Бертельса. Изд. 2-е. М., 1958.

Казвини З. Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwinis Kosmographie. Hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, I (Die Wunder der Schöpfung), 1849; II (Die Denkmäler der Länder), 1848.

Казвини Х. The geographical part ot the Nuzhat-al-Qulūb composed by Hamd-Allāh Mustawfi of Qazwin in 740 (1340). Ed. by G. Le Strange. (GMS, XXIII, 1). Leyden—London, 1915.

Кумми. Китāб-и таʾрйҳ-и Кумм таʾлйф-и Ҳасан бен Муҳаммад бен Ҳасан Қуммй дар сāл-и 378 қамарй ба-ʿараби, тарджума-йи Ҳасан бен ʿАли . . . Куммй ба

фарси дар сал-и 804—805 қамарӣ. Таҫхӣҳ-и ... Джалал ад-дин Техрани. Техран, 1353 [1934-35].
Мавердди. Maverdii Constitutiones politicae. Ex recensione Maximiliani Engeri accedunt adnotationes et glossarium. Bonnae, 1853.
Макдиси. Le Livre de la création et de l'histoire d'Abou Zéid Ahmed ben Sahl el-Balkhi publié et traduit d'après le manuscrit de Constantinople par Cl. Huart. VI. Paris, 1919.
Марвази. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India Arabic text (circa A. D. 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky. London. 1942.
Му'ин ал-Фукара. Та'рӣҳ-и муллазаде дар зикр-и мазарат-и Буҳара та'лиф-и Ахмад бен махмуд ал-мад'у баму'ин ал-фуқара. Техран, 1339 [1960].
Мунтаджаб ад-дин. Китаб-и 'атаба ал-катаба. Маджму'а-йи мурасалат-и диван-и султан Санджар бақалам Му'айад ад-дауле Мунтаджаб ад-дин бадии' атабик ал-Джувайни. Би таҫхиҳ ва ихтимам-и Мухаммад Қазвини ва 'Аббас Иқбал. Техран, 1329 [1950].
Наршахи. Л. Та'рӣҳ-и Буҳара. Новая Бухара, 1904 (Литография).
Наршахи. Пер. История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин. Под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897.
Наршахи. Т. Та'рӣҳ-и Буҳара, таҫхиҳ-и мударрис Ризави. Техран, 1938.
Наршаҳи. Ф. The history of Bukhara translated from Persian abridgement of the arabic original by Narshaki. Cambridge, 1954.
Наршахи. Ш. Description topographique et historique de Boukhra par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publie par Ch. Schefer, Paris, 1892.
Несефи. Кандия Малая. Пер. В. Л. Вяткина. СКСО, VIII, Самарканд, 1906.
Насир-и Хусрау. Sefer Nameh. Relation du voyage de Nassiri Khosrau en Syrie, en Palestine, en Égypte, en Arabie, et en Perse pendant les années de L'Hegire 437—444 (1035—1042). Publié, traduit et annoté par Ch. Schefer. Paris, 1881.
Низам ал-Мулк. Сиасет-наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулка. Пер., введение в изучение памятника и примечания Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949.
Нисабури. Та'рӣҳ-и Нишабур. Та'лиф-и ал-Хаким Абу 'Абд Аллах Мухаммад ... ал-Нисабурӣ. Талҳиҫ-и Ахмад бен Мухаммад ... ал-ма'руф би-л-ҳалифа-йи ал-Нисабурӣ. Ба са'й ве кушиш-и доктур Бахман Карими. Техран, 1960.
Равенди. The Rahat-us-Sudur wa Ayat-us-Surur, being a history of the Saljugs by Muhammad ibn Ali ibn Sulayman ar-Ravandi. Ed. with notes, glossary and indices by Muhammad Iqbal. (GMS, NS, II) Leyden—London, 1921.
Са'алиби. Латаиф. Лата'иф ал-ма'ариф. Та'лиф ас-Са'алиби Абӣ Мансур 'Абд ал-малик ибн Мухаммад ибн Исма'ил 350—429 х. Битахқиқ Ибрахим ал-Абйари, Ҳасан Кямил ас-Сирафи. Ал-Қахира, 1379 [1960].
Са'алиби. Йатима. Йатимат ад-дахр фи шу'ара'и ахли-л-'аср та'лиф Абӣ Мансур 'Абд-ал-малик ибн Мухаммад ибн Исма'ил ан-Нисабури ас-Са'алиби. I—IV. Байрут, 1883.
Сам'ани. The Kitab al-Ansab of 'Abd al-Karim ibn Muhammad al-Sam'ani reproduced in facsimile from the manuscript in the Britich Museum Add. 23, 355 with an introduction by D. S. Margoliouth. (GMS, XX). Leyden—London, 1912.
Самарканди. Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы. М., 1963.
Сюань Цзан. Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanskrit en chinois en l'an 648; par Hionen-thsang, et du chinois en français, par S. Julien. I—II. Paris, 1857—1858.
Табари. Annales quios sripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, ser. I, t. 1—6, 1879—1890; ser II, t. 1—3, 1881—1888; ser. III, t. 1—4, 1879—1890.
Танухи. The table-talk of a Mesopotamian judge the first part of the Nishwar al-Muhadara or Jami al-Tawarikh of Abu Ali al-Muhassin al-Tanukhi, ed from the Paris MS by D. S. Margoliouth. (OTF, NS, XXVII). London, 1921.
Тартуси. Қисса-йе Абу Муслим. Рук. ИВАН, С 128.
Утби. Шарҳ ал-Йамини ал-мусамма би-л-фатҳ ал-вахаби 'ала та'рӣҳ Абӣ Наср ал-'Утби ли-ш-шайҳ ал-Манини. I—II. Ал-Қахира, 1268 [1869].
Хидайа. Хидайа ли Бурхан ад-дин ал-Марғинани. II. Ҳайдарабад 1302 [1885].
Худуд. Худуд ал-алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
Шахрастани. Abu-l-Fathl Muhammad asch-Schahrastanis Religionspartheien und Philosophen-Schulen. Zum ersten Male vollständig aus dem arabischen übersetzt und mit erklarenden Anmerkungen versehen von T. Haarbrücker. I—II. Halle, 1850—1851.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вестник истории.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ДАН — Доклады Академии наук.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества.
ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов.
ИАН — Известия Академии наук.
ИЗ — Исторические записки.
ИИ — Институт истории.
ИИА — Институт истории и археологии.
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии.
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана.
ИНУз — К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец. История народов Узбекистана. Т. I. С древнейших времен до начала XVI века. Под ред. С. П. Толстова, В. Ю. Захидова, Я. Г. Гулямова, Р. Н. Набиева. Ташкент, 1950.
ИООН — Известия Отделения общественных наук.
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры.
ИТадж — История таджикского народа. Т. II, кн. 1. Возникновение и развитие — феодального строя (VI—XVI вв.). М., 1964.
ИУзССР — История Узбекской ССР. Т. I, кн. 1, Ташкент, 1955.
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция.
КСИА — Краткие сообщения института археологии Академии наук СССР.
КСИВАН — Краткие сообщения Института востоковедения Академии наук СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.
КФАНУз — Каракалпакский филиал Академии наук Узбекской ССР.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МГУ — Московский государственный университет.
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.—Л., 1939.
МИУз — Материалы по истории Узбекистана.
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции.
НРС — Научные работы и сообщения.
НИИИУз — Научно-исследовательский институт искусств Узбекистана.
ОНУз — Общественные науки в Узбекистане.
ООН — Отделение общественных наук.
ПВ — Проблемы востоковедения.
ПС — Палестинский сборник.
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
СА — Советская археология.
САГУ — Среднеазиатский государственный университет им. В. И. Ленина.
СВ — Советское востоковедение.

СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
СКСО — Справочная книжка Самаркандской области.
СОН — Серия общественных наук.
СЭ — Советская этнография.
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
ТашГУ — Ташкентский государственный университет.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа.
ТТАКЭ — Труды Термезской археологической комплексной экспедиции. Ташкент, I, 1940; II, 1945.
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТФАН — Таджикский филиал Академии наук СССР.
ТХЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
УзГУ — Узбекский государственный университет.
УЗИВАН — Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР.
УзФАН — Узбекский филиал Академии наук СССР.
ЭВ — Эпиграфика Востока.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

AIEOA — Annales de l'Institute d'études orientales d'Alger. Alger.
AJSLL — American Journal of Semitic Languages and Literatures. Chicago.
AO — Acta Orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest.
BEO — Bulletin d'études orientales de l'Institut français de Damas.
BGA, I—VIII — Bibliotheca geographorum arabicorum edidit M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, I, Viae regnorum ... auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí, 1870; II. Viae et regna. . . auctore Abu'l-Kásim Ibn Haukal, 1873; II², Opus geographicum auctore Ibn Haukal . . . Secundum textum et imagines codices Constantinopolitani . . . ed. J. H. Kramers, 1939; III, Descriptio imperii moslemici auctore . . . Al-Mokaddasi, 1877; IV, Continens indices, glossarium et addenda et emendanda, ad part I—III, 1879; V, Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhânî, 1885; VI, Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik auctore Abu'l-Kâsim . . . Ibn Khordâdhbeh accedunt excerpta e Kitâb al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far, 1889; VII, Kitâb A'lâk an-nafîsa auctore Abû Alî . . . Ibn Rosteh et Kitâb al-Boldân auctore Ahmed ibn abî Jakub . . . al-Jakûbî, 1892; VIII, Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf auctore al-Masûdî, 1894.
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London.
CAJ — Central Asiatic Journal.
EI — Enzyklopaedie des Islam. Geographisches, etnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker, Bd. I—IV, Leiden—Leipzig, 1913—1936, Ergänzungsband, 1934—1938.
EI² — The Encyclopaedia of Islam, new edition, v. I—III, Leiden—London, 1960—1972.
GMS — Gibb memorial Series.
JA — Journal Asiatique. Paris.
JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.
MIFAO — Mémoires de l'Institut Français d'archéologie Orientale de Caire. Le Caire.
OTF — Oriental Translation Fund.
REI — Revue des études islamiques. Paris.
RSO — Rivista degli studi orientali. Roma.
SPA — A Survey of Persian Art from prehistoric times to the Present. Ed. A. U. Pope, Ph. Ackermann. Vol. I—IV. London and New York, 1938—1939.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббас, бухар-худат 162, 315
Аббас Хорасани (лит.) [1] 343
Аббасиды 133, 156, 157, 328
Абд ал-Азиз б. Омар 328
Абд ал-Джаббар 156, 157
Абдаллах (лит.) 345
Абдаллах б. Амир 145
Абдаллах б. Мубарак 214
Абдаллах б. Тахир 329
Абу-л-Аббас ал-Йаздади 332
Абу-л-Аббас Таш 272
Абу Абдаллах, сын Абу Хафса 324—326
Абу Абдаллах ал-Хазин 329
Абу Али (лит.) 345
Абу-л-Ала Саʿид б. Мухаммед 330
Абу Али Хасан из рода Саʿиди 330
Абу Али Хасан (Хасанек) 330
Абу Али Хусейн 330
Абу Бекр, раис Нишапура 330
Абу Бекр Исфахани 339, 341
Абу Дайма Хазим ас-Садуси 328
Абу Джаʿфар (лит.) 345
Абу Дулеф 285
Абу Дулеф ал-Хузан 293
Абу Ибрахим Исмаʿил ас-Саффар 349
Абу Исхак Ибрахим б. Халид б. Буниат 314, 315
Абу Йусуф Йаʿкуб 139
Абу-л-Касим (лит.) 345
Абу-л-Касим Самарканди 349
Абу-л-Касим б. әл-Ата 229
Абу Мансур Бух-тегин 272
Абу Мубарак ал-Кинди 328
Абу Муслим 118, 132, 139, 143, 155, 156, 212—214, 222, 242, 289, 297, 314, 317, 324, 332, 335, 336, 342—346
Абу Мухаммед, бухар-худат см. Мухаммед б. Халид
Абу Наср Ахмед 330
Абу Наср Ахмед ал-Касани 331, 349
Абу Наср Шабрав (лит.) 342—344
Абу Нуʿайм 332
Абу Саʿид Мейхенейский 139, 288, 296, 300, 301
Абу Саʿид Мухаммед 330
Абу-с-Сайда 153
Абу Сухейл Махрав (лит.) 344
Абу Тахир (лит.) 345
Абу Тахир б. Алак аш-Шафии 350
Абу Ханифа 165
Абу-л-Хасан Исмаʿил 330
Абу-л-Хасиб Иса 161, 339
Абу Хатим Йасари 325
Абу Хафс 234, 239, 315, 324
Адуд ад-Дауля 272, 293
Адыков К. А. 167
Александр Македонский 19, 109
Али, халиф 145, 343
Али ар-Рида 272
Али б. Иса 161, 338
Али б. Исмаʿил 327
Алп-тегин 254, 317
ал-Амин 133, 271
Амирек (лит.) 345
Аминджанова М. 192
Амир б. Имран 328
Амр. б. Лейс 317, 319, 341
Андреев М. С. 232
Арендс А. К. 340
Арслан-хан 236, 250, 254, 309, 316, 317, 319, 328, 332, 350
Асад б. Абдаллах 154, 305
Ауфи 291, 349
Ахмед, раис Нишапура 327
Ахмед б. Исмаʿил Самани 245
Ахмед б. Сахл 215
Ахмед б. Тулун 272, 316
Ахмед б. Халид 314, 331
Ахмед ал-Мукассас 229
Ахмед-хан Караханид 254, 349, 350
Ахраров И. А. 202, 274
ал-Ашрас 152, 153, 328
Аштор-Страус Э. 323

[1] Пометой (лит.) выделены литературные герои.

Бабек 162, 315
Баги 341
Байпаков К. 208
Балʿами 159, 160, 171, 337, 338
ал-Балазури 145, 146, 182, 232, 233
Бартольд В. В. 6, 7, 22, 110, 113—115, 118, 135—137, 139, 140, 153, 159, 175, 179, 189—191, 194, 201, 208—211, 216, 219, 220, 225—227, 231, 232, 234, 235, 242, 248, 252, 253, 257, 273, 296, 323, 328, 332
Бейхаки Абу-л-Фазл 139, 285, 319, 321, 325, 326
Бейхаки ибн Фундук 139, 330
Беленицкий А. М. 3, 8
Белох К. И. 259
Бентович И. Б. 3, 275
Бераз б. Махуе 155, 337
Бернштам А. Н. 12, 141, 202, 206, 207, 209
Бертельс Е. Э. 140, 341
Беттер Е. К. 291
Беха ад-дин 326
ал-Бируни 108, 110, 119, 129, 130, 133, 278, 285, 287
Большаков О. Г. 4, 46
Борисов А. Я. 125
Босворт К. Э. 275
Булатов М. С. 307
Бундари 139
Буниат б. Тохшада 159, 161, 314
Буниятов З. Б. 158
Буряков Ю. Ф. 200, 201, 284

Валид I 128
Вей Цзе 119
Веселовский Н. И. 65
Винокурова М. П. 93
Воронина В. Л. 5, 7, 15, 23, 26, 29, 30, 40, 47, 79, 105, 114, 127, 224
Вяткин В. Л. 19, 220, 226, 231, 278

ал-Гадаири 284
ал-Газали 139, 281, 282, 303, 304

Газневиды, 321, 324, 330
Гамбис 12
Гао Сян-чжи 156
Гардак 341
Гардизи 157, 329, 337
ал-Гарнати 293
Гелиос 127
Гитриф б. Ата 161
Григорьев Г. В. 226, 46,
Гудкова А. В. 10
Гурек 22, 87, 117, 147, 151, 154, 222
Де Гуе 242
Гулямов Я. Г. 174, 175

Давидович Е. А. 294, 295
Данте 256
Джабриил б. Йахйа 159, 160
ал-Джаррах 153
Джалилов А. Д. 153
ал-Джейхани 137, 189, 332
Джувейни 139, 336, 351
Джунейд 152, 154, 226, 305
Диваштич 106, 116, 147, 149, 321
ад-Динавари 162
Дьяконов М. М. 180
Дьяконова Н. В. 98

Жуковский В. А. 135, 211, 218

Задуе 145
Заходер Б. Н. 298, 299, 313
Зийад б. Салих 155, 156, 222, 239, 244
Зухейр (лит.) 345

Ибн Аламдар 342
Ибн Аммар 329
Ибн Асакир 227
Ибн ал-Аʿсам ал-Куфи 177, 222
Ибн ал-Асир 157, 158, 160, 215, 256, 324, 325, 337, 349
Ибн Бассам 304
Ибн Дукмак 227
Ибн Мискавейх 271
Ибн Русте 137
Ибн Сина 133
Ибн Тулун см. Ахмед б. Тулун
Ибн ал-Факих 137, 139, 214, 223, 225
Ибн ал-Фурат 316
Ибн Хаукаль 137, 138, 165, 188, 207, 208, 224, 227, 233, 240, 267, 273, 286, 296—298, 318, 319, 325, 335
Ибн Хордадбех 6, 137, 208, 223
Ибн Шаддад 309, 319
Ибрахим, потомок бухар-худатов 315
Ибрахим Тамгач-хан 139, 229, 288, 291, 294, 295, 297, 306, 309, 313, 317, 348, 349
ал-Идриси 138, 195, 200
Имад ад-дин, раис Балха 327
Иса б. Муса ал-Гунджари 328
ал-Искандер (Александр Македонский) 223
Исмаʿил, кади 330
Исмаʿил Самани 245, 254, 304, 313—316, 321, 324—326
ал-Истахри 47, 137, 165, 167, 171—180, 182, 185, 187, 189, 190, 192, 194, 196, 198, 203, 205, 208, 215, 216, 225—228, 233, 239, 241, 244—253, 264, 266, 273, 286, 291, 292, 294, 296, 297, 313, 325, 331, 339
Исхак, торговец (лит.) 345
Исхак, дровосек (лит.) 345
Ихрид 156

Йаʿкуб (лит.) 345
Йаʿкуб б. Лейс 306
ал-Йаʿкуби 137, 159, 227, 231
Йакут 137, 138, 168, 170, 171, 176, 188, 217, 219, 228, 230, 285, 313
Йахйа б. Адам 139
Йахйа б Зейд 157
Йахйа б. Фадл ал-Бармаки 133
Йездигерд III 105, 145
Йезид б. ал-Мухаллаб 155
Йусуф ал-Барм 159

Кабанов С. К. 59
Кавад 307
Кадырова Т. 159, 337, 340
Камин-Хушкам (лит.) 343
Карабугра, прадед Афшина Хайдара 147
Каэн К. 306, 323, 324, 328, 341, 345
Караханиды 133, 201, 204, 316, 317, 324, 328, 330, 347—349, 352
Кожемяко П. Н. 6, 209, 263
Кочедамов В. И. 251

Кубави 233, 239, 244, 295, 316, 319, 348
Кудама 6, 137, 208
Кунаранг (лит.) 345
Куренной В. Н. 198, 212
Курсуль 305
Курчи, жрец 116
Кутейба б. Муслим 6, 22, 84, 87, 117, 144, 146—148, 151, 152, 155—157, 212, 222, 239, 314
Кутейба б. Тохшада 314
Кызласов Л. Р. 12

Лавров В. Л. 5, 7, 8, 178, 244
Ле Стрэндж Г. 135, 227
Лейс, сын Насра б. Сейяра 337
Лившиц В. А. 100, 115—117
Литвинский Б. А. 76, 86, 136
Лунина С. Б. 188, 262, 284
Лыкошин Н. С. 28, 138, 238, 313
Лэмбтон Э. 324, 326, 327

ал-Маварди 139, 302—304
ал-Майдани 279
ал-Мамун 133, 161, 162, 214, 271, 272, 315, 328, 338
Маниах 109
ал-Мансур 150, 271
Мансур, кади Нишапура 330
Мансур I б. Нух 316, 335
Мансур II б. Нух 325
Марвази 289
Маргулан А. Х. 209
Маршак Б. И. 20
Марущенко А. А. 276
Массон М. Е. 8, 114, 167, 188, 195—197, 200, 211—213, 218, 220, 223, 227, 231, 244, 257, 267
Мас'уд Газневи 294, 319, 326, 330, 348
Махмуд Газневи 281, 317, 330, 347
Махмуд Караханид 134
Махмуд Кашгарский 195
Махмуд Хорезми 346
Махуе 145
Меймене (лит.) 342, 343
Мелик Санджар 351
Мелик-шах 254, 295, 296, 342, 350
Менандр 109
Мец А. 297
Микаили, род 321, 330
Митра 127
Мончадская Е. А. 46
Му'авия 165
Му'аз, эмир (лит.) 345
Му'аз, шорник (лит.) 345
Му'аз б. Муслим 159
ал-Муваффак Абу Ахмед 271, 316
ал-Мукаддаси 137, 164, 165, 167, 171—176, 178—180, 185, 187, 189—192, 194, 196—199, 200, 205—208, 215, 216, 227, 233, 240, 241, 247, 248, 254, 262, 271, 273, 285—287, 289, 297, 298, 307, 317, 324, 325, 332, 339, 340, 342, 346, 347
Муканна 133, 157—161, 185, 222, 307, 325, 328, 337, 338, 341
Мунтаджаб ад-дин 139
ал-Мунтасир Саманид 342, 345, 348
Мурад Хасан (лит.) 345
Муса б. Абдаллах б. Хазим 22, 177, 245
ал-Мустакфи 272
Муссейяб б. Зухейр 159, 161

ал-Му'тамид 315, 316
ал-Му'тасим 315
ал-Мухаллаб б. Абу Суфра 117, 146, 327
Мухаммед, пророк 144, 280, 334
Мухаммед Газневи 330
Мухаммед, хорезмшах 351
Мухаммед, сын Насра б. Сейяра 337
Мухаммад б. Ала (брат Хасана б. Ала Са'ди?) 162, 315
Мухаммед Али (Иноятон) 284
Мухаммед б. Ахмед, бухар-худат 162
Мухаммед б. Йазид 315
Мухаммед б. Сулейман 332
Мухаммед б. Талут 162, 315
Мухаммед (б. Тахир) Абдаллах, Тахирид 313—316, 331
Мухаммед б. Халид (Абу Мухаммед), бухар-худат 315, 325

Наджм ад-дин, раис Серахса 326
Нана 126
Наршахи 8, 23, 28, 40, 41, 47, 86, 109, 110, 118, 138, 149—151, 155, 157, 182, 185, 232—234, 237, 238, 240, 245, 249, 250, 254, 272, 295, 302, 307, 312—315, 319, 320, 324, 325, 328, 329, 331, 332, 335
Насири Хусрау 257, 296, 306, 317—319
Наср I (Ахмед) б. Асад, Саманид 324, 339
Наср II б. Ахмед, Саманид 325, 332, 339
Наср б. Сейяр 139, 153—155, 161, 213, 222, 298, 324, 326, 337, 342, 344, 345
Негматов Н. Н. 41, 191
Неразик Е. Е. 6, 9, 10, 15, 69
Несефи 138, 226, 230, 231
Низам ал-Мулк, везир Сельджукидов 325
Низам ал-Мулк Мас'уд, везир Текеша 333
Нильсен В. А. 14, 16, 40, 47
Нух II б. Мансур, Саманид 272
Нуш-тегин 335

Омар I 146
Омар II 152, 153
Омейяды 149, 155, 156, 328

Пацевич Г. И. 5
Пачос М. К. 19, 223
Петрушевский И. П. 320, 321
Пиренн А. 322
Прицак О. 328
Пугаченкова Г. А. 6, 9, 18, 180, 211, 216, 217, 264, 307, 321

Равенди 176
Распопова В. И. 36, 86
Рафи б. Лейс 161, 337—339, 341
ар-Рашид 133
Ремпель Л. И. 206, 232, 233, 234, 239, 242, 244, 247, 248, 252
Рукн ад-Дауля 295
Рустем 119

ас-Са'алиби 271, 273, 284, 290, 293, 299
Сабит б. Кутба ал-Хуза'и 148
Сабит Кутна 153
Садиги 159
Са'иди, род 327, 330
Са'ид, кади Нишапура 330
Са'ид б. Абд ал-Азиз 153
Са'ид б. Осман 117, 147, 155

Саʿид б. Халиф ал-Балхи 329
Саʿид ал-Хараши 153, 159
Салих (брат Кутейбы) 148
Самана род (Саманиды) 240
Саман 162
ас-Самʿани 138, 168, 170, 186, 216, 217, 218, 229—231, 290, 299, 302, 331, 349
Саманиды 133, 164, 228, 233, 242, 244, 254, 255, 271, 272, 281, 315, 321, 329, 337, 339
Санджар, султан 139, 216, 302, 326, 328, 333
Сасаниды 145, 149, 153, 211
Саура 152
Саффариды 306, 313
Сахл б. Ахмед 316
Сахл б. Шазан 271
Себук-тегин 293, 346
Сельджуки, Сельджукиды 134, 216, 265, 324, 330, 352
ас-Синами 302
Сиявуш 239
Смирнова О. И. 82, 191
Соваже Ж. 227, 235
Согдиан 159
Ставиский Б. Я. 34, 46
Сулейман б. Кесир 299, 324, 326, 344
Сурья 127
Сухарев И. А. 276
Сухарева О. А. 8, 232—235, 244, 246, 248, 258, 312, 313
Сюань Цзан 178, 195, 196, 220, 221, 226
Сюбаши-тегин 239

ат-Табари 6, 22, 84, 87, 100, 102, 130, 152, 154, 156, 162, 171, 212, 222, 224, 245, 273, 305
Таббани, род 330
Тадж ад-дин 326
Тартуси 216, 217, 290, 291, 299, 300, 344, 345
Тархун 275
Тахамурс 216
Тахир б. Абдаллах б. Тахир 293
Тахир б. Хусейн 161, 162, 315
Тахириды 214, 271, 315, 316
Ташходжаев Ш. С. 18, 212, 214, 274, 275, 278—280
Тереножкин А. И. 12, 16, 19, 49, 52, 78, 106, 114, 132, 220, 262, 275
Тешнер Ф. 345
Тимур 231, 232
Тогрул-бек 341, 348
Тогрул-бек Кулар-тегин 316
Толстов С. П. 3, 14, 114, 127, 148, 171, 173, 175, 177, 193, 263, 310, 340
Торрес Бальбас 257
Тохшада 315
Тулуниды 316

Убейдуллах б. Ахмед 272
Убейдуллах б. Зияд 182
Уджейф б. Анбас 315, 316
Улугбек 232
Умейр ибн Ахмар 337
Умейя 146
Умняков И. И. 232, 234
Усман (лит.) 345
ал-Утби 139, 256, 272, 342, 345
Ут-тегин 117

Фадл б. Йахйа Бармаки 331
Фадл б. Сахль 162
Фадл б. Сулейман Туси 161
ал-Фараби 133
Фарухи 306
Фатимиды 317
Фахр ад-дин Абу-л-Касим 342
Федоров М. Н. 222
Фирдоуси 122
Фрай Р. 138

ал-Хаджжадж 147, 305
Хадр М. 229
Хайдар Афшин 147
Хаким, отец Муканны 157
Хамдаллах Казвини 227
Хансалар 332
Харис б. Сурейдж 154, 305
Хасан б. Ала Саʿди 238, 312—314, 317
Хасан б. Мухаммед Кумми 139
Хасан б. Мухаммед б. Талут 315
Хасан б. Тахир 313
Хасан б. Темим 337
Харсама 338
Харун ар-Рашид 338
Хатун-Малка, дочь Тархан-бека 229
Хафизи Абру 167
Хашви 341
Хашим (Муканна) 157
Хеннинг Р. 109
Хизр, Караханид 331
ал-Хини М. 227, 240
Хине 149—151, 154, 156, 239, 312, 313
Хинц В. 231
Хмельницкий С. Г. 41
Ходжа Саʿд 251
Худжастани 341
Хумар-тегин 332
Хумейд б. Кахтаба 158
Хурдак, кузнец (лит.) 300, 345
Хусейн ибн Ала 314
Хусейн б. Тахир 214, 313, 324, 339
Хусейн б. Мухаммед 324, 325

Чакин Чур Бильга 147
Чан Чунь 231
Чата 117
Чехович О. Д. 245
Чуланов Ю. Г. 202

Шараф ад-дин, раис Бистама 326, 327
Шемс ал-Мулк 254, 316, 317, 326, 329, 332, 349
Шеперд Д. 93, 94
Шерик б. Шейх 155, 245
Шефер Ш. 138
Шива 127
Шишкин В. А. 12, 18, 40, 177, 178, 183, 232, 233, 242, 244—247, 250, 262, 264
Шишкина Г. В. 220

Эзоп 119
Эмирек 332
Энгельс Ф. 311

Якубовский А. Ю. 13, 23, 27, 114, 135, 136, 148, 151, 159, 175, 209, 234, 239, 298, 310, 312, 313, 319, 325, 334, 335, 337, 340

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

Абивер д̌ 145, 146, 166, 168, 170, 270, 289, 292, 339, 340
Абāлиғ 208
Абғар 187
Абғар рустак 187
Аблык 201
Авал (Авāл) 203
Авдана 184
Авшар (Ӯшар) 184
Адахкет (Даҳкас̱, Адаҳкас̱ в Илаке) 201
Адахкет (Азаҳкат в Таласской долине) 206
Аджина-Тепе, г-ще 120, 123
Аджиҳ (Уджиҳ?) 199
Азербайджан 158
Ак-Бешим (Ак-Пешин), г-ще 11, 12, 43, 63, 64, 74, 79, 120, 123, 208, 209, 260
Ак-Мечеть 226
Аксу, приток Чаткала 199
Ак-Там, г-ще 210
Ак-Тепе, г-ще (под Ташкентом) 62, 78
Ак-Тепе (Ак-Тобе) I, г-ще 206, 261, 263
Ак-Тепе II, г-ще 206
Ак-Тобе см. Ак-Тепе I
Ак-Тюбе (Чалдывар), г-ще 208
Албӣкас̱ 199
Александрия 319
Алеппо (Халеб) 227, 235, 256, 308, 309, 317—319, 336
Алжир, г. 259
Амбар-Манак 172
Амдӣзā 184
Амударья, р. 172 175, 177, 178, 181, 293, 296
Амул (Āмул) 177, 179, 297
Андалузия 302
Андийāн 180
Ангорский район 62
Андарастāн (Андарасбāн) 172
Андӣджāраг 181
Анкана 184
Антакия 258
Арк (Б) 251, 252, 254, 258
Анӯзкат (Анӯзкас̱) 199
Анхор, кан. (в Ташкенте) 197
Аравия 117
Арбилах (Арбӣлаҳ) 200, 201
Арбинджан см. Рабинджан
Ардаҳушмӣс̱ан 172
Ардланкет (Ардлāнкат) 199, 203, 204
Арзанкара 184
Арзаҳӣва (Ардхива) 172
Арсланбоб 203
Арсубаникет (Арс̱убāнӣкас̱, Арс̱йāнӣкас̱) 190
Арсубаникет (Сабāнӣкас̱, Усбанӣкас̱, Арсӯбāнӣкас̱) 194
Арысь, р. 192, 194
Ас'ади ал-Хорасани, кан. 215
Асенгин, кан. см. Сангресан
Аскандара см. Сикандара
Аснас (Ашнас) 193, 195
Аспара 209
Асруд, р. 189
Асфӣнақāн 168
Атлах (Атлаҳ) 205, 206, 298
Аузадж (Айвадж) 181
Аул-Тепе 59
Афганистан 124, 277, 321
Афрасиаб, г-ще 12, 19, 48, 78, 86, 94, 96, 97, 106, 119, 123, 140, 219—222, 224, 225, 228—232, 260—262, 266, 274, 277, 284, 300, 306, 307, 309, 335, 348
Афсана 184
Афшина (Афшана) 164, 184, 185
Ахангаран 140
Ахарун 180
Ахваз 162
Ахсикет 61, 183, 184, 201—204, 233, 262, 267, 297, 308
Ахур 170
Ашбӣнгӯ 199
Ашт 203

[1] Принятые сокращения: Б — Бухара; М — Мерв; С — Самарканд; г — гора; г-ще—городище; кан.—канал; обл.—область; оз. — озеро; р. — река; сел. — селение.

Бабакент 188
Бабан (Баван) 167, 168
Багдад 133, 157, 161, 214, 272, 275, 295, 341, 344
Багир 168
Баγункаҫ 199
Багшур (Баγшӯр) 166, 168
Бадахкет (Бадаҳкаҫ) 194
Бадгис 145
Базар Амра (в Зеренджe) 317, 319
— Ашикан (в Балхе) 317
— Дарвазаче (Б) 241
— зеленной (Б) 239
— на Маджане (М) 317
— менял (Б) 250
— Самаркандского Согда (С) 229
— торговцев фисташками (Б) 239
— Харкан (Б) 239, 250, 254
— Хушки (в Герате) 345
Байканд, кан. 241, 252
Баладж (Балāдж) 194
Балайан (Бāлāйāн) 201
Балалык-Тепе 59, 62, 68, 92, 94—96, 121, 123, 128
Баламургаб 168
Баласагун (Балāсāкӯн) 11, 208, 209, 267
Балӣγ 208
Балх 118, 133, 289, 306, 317, 326, 327, 338, 343, 347
Бāнаб 184
Бāнйāб 180
Баня Мервана (С) 230, 309
Баранк 203
Барканан 189
Баркдиз см. Каринейн
Баркет (Бāркаҫ, Абāркаҫ) 187
Баркӯш 199
Баррания (Баррāнийа) 164, 184
Бāрскаҫ 199
Барскаун, г-ще 208
Барсхан (Барсайāн) 208
Барсхан (Барсҳāн) 206
Барукет (Барӯкат) 194
Барух (Барӯҳ) 194
Барчанлыгкент 195
Бāсанд 180
Басра 144, 295, 305
Бахāм 180
Бахлу (Бахлӯ) 206
Бахмал 190
Башбашāн 203
Башня аййаров (Б) 238, 342
Башня аййаров (С) 342
Беговат 278
Бедрач, г-ще 179
Безда (Базда) 188
Бейхак 321, 327, 330
Бельгия 93
Бемиджкет (Бамиджкаҫ) 158, 160, 184, 185, 328
Бенакет (Банāкаҫ) 198, 199, 273
Бердаа 293
Беркут-Кала, г-ще 9, 15
Би (Пайкенд) 150
Бийликоль, оз. 206
Бӣкан 203
Бинкет (Ташкент) 194—198, 261, 262, 264, 267, 293, 297, 340
Бискенд (Бӣсканд) 194; см. также Сюткенд
Бискет (Бискат) 201
Бистам 326, 327
Бишкаҫ 199
Ближний Восток 126, 127, 136, 144, 162, 256—258, 273, 276, 279, 289, 292, 305, 311
Бограхан, г-ще 172, 174
Болонья 256
Брюгге 256
Бука, г-ще 201
Бӯканд 203
Булгар 293
Булдумсаз, г-ще 172
Бунджикет см. Пенджикент (усрушанский)
Бӯрāб 180
Бӯрам 181
Бустон 184
Бухара 6, 8, 9, 12, 23, 47, 93, 109—111, 117, 128, 137, 144, 146, 148, 149, 151—156, 159, 161, 164, 177, 179, 182, 184, 185, 187, 189, 193, 195, 198, 200, 211, 232—239, 242, 244, 245, 247—255, 258, 260—267, 272, 273, 285, 287—291, 293, 296—298, 300, 302, 306, 307, 309, 312—316, 319—322, 324—326, 328, 329, 331, 332, 335, 339, 341, 342, 347, 351
Бухара, обл. 232, 241
Бухарский оазис 151, 158, 160, 161, 164, 182, 185, 187, 292, 314, 316, 341
Бушендж 145, 159, 162

Вабкена 158
Вабкент (Вабкена) 184—186
Вагат 190
Вайҳāн 172
Валенсия 257
Ванкет (Вāнкаҫ) 203
Вараг (Б) 240, 241, 246, 247, 251
Ваянган-Кала, г-ще 172
Варагдех 174
Варагсар (Вараγсар) 151, 186, 187
Вараҳша (Фараҳша, Бараҳша) 6, 12, 15, 18, 21, 40, 41, 91, 92, 94—96, 121, 123, 164, 184—186, 261, 262, 264, 265
Вардана (Вардāна, Аварδāна) 182—185, 232, 233, 273
Варданзи (Вардана) 184
Вардӯк 199
Варка (Варкā) 184, 185
Варсин 228
Васӣдж 194
Ваҳсӯн (Баҳсӯн) 184, 185
Вахш, обл. 180, 181
Вахш, р. 180
Вахшская долина 10, 16
Вашгирд (Вāшджирд) 180—182
Ведар (Ваδāр) 187
Велез-Малага 257, 258
Византия 96, 109, 124, 272, 322, 331
Ворота Абу Фадла (Балʿами?) (Б) 240
— Абдухашима Кинани см. Ворота у замка Абу Хишама ал-Кинани
— Ала (Б) 312, 314
— Афшине (С) 225, 226
— Аханин (Б) см. Ворота Железные (шахристана Б)
— Базара см. Ворота Парфюмеров (Б)
— Балʿами (Б) 240, 251

Ворота Бану Асад (Б) 233, 238, 241
— Бану Са'д (Б) 233, 234, 238, 241, 312
— Баркананские (в Кеше) 189
— Бреши (Б) 234, 240, 248, 249
— Бухарские (С) 221, 223, 225
— Верхние (в Пенджикенте усрушанском) 191
— Внешней медины (в Кеше) 189
— Внутренней медины (в Кеше) 189
— Гадавад (С) 225, 226
— Гебров (Гебрийе) см. Ворота Кухендиза (Б)
— Губдинские (в Несефе) 189
— Гурийан (Б) 236, 240, 241
— Гушедж (Б) 240, 248
— Дарвазаче (Б) 240, 241, 246, 248—250, 254
— Железные (рабада Б) 240, 248—250
— Железные (шахристана Б) 233, 234, 241
— Железные (в Кеше) 189
— Железные (С) см. Наубехарские
— Заминские (в Пенджикенте усрушанском) 191
— у замка Абу Хишама ал-Кинани 240 248
— Знаменосца (М) 213, 217
— Ибрахима (Б) 244, 246, 248, 251, 254
— Имам (Б) 248
— Исбиск (С) 225, 226, 228
— Калабадские (Б) 244, 248
— Каракульские (Б) 247
— Кахлабадские (в Пенджикенте усрушанском) 191
— Кешские (в Несефе) 189
— Кешские (Большие) (С) 221—223, 225, 339
— Китайские (С) 221—223
— «Конец Маджана» (М) 217
— Кухак (С) 221, 225, 226
— Кухендиза (Б) 233, 241
— Кушмейхенские (М) 213, 217
— Ма'бид (Б) 250
— Майдана (Б) 244, 248
— Марсмандские в (Пенджикенте усрушанском) 191
— Медины (в Пенджикенте усрушанском) 191
— Медины см. Ворота Парфюмеров (Б)
— у мечети Мах (двое) (Б) 240, 248, 249
— у моста Маленького базара (Сувейк) (Б) 240, 248, 249
— моста Хассана (Б) 240, 248, 249
— Мухре (Михре) см. Ворота Бану Асад (Б)
— Мясников (в Кеше) 189, 300
— Намазгах (Б) 247, 251
— Нау (Нур) (Б) 233, 234, 241
— Наубехарские (Железные) (С) 221, 223, 225, 229
— «Начало Маджана» (М) 217
— Неджарийские (в Несефе) 189
— Новые см. Ворота Железные (С)
— Нуджакетские (в Пенджикенте усрушанском) 191
— Охангарон см. Ворота Железные (рабада Б)
— Парфюмеров (Б) 110, 233, 234, 238, 239, 241
Ворота Подкопа (Хуфре) (Б) 233, 234, 241, 300, 312
— Равнины см. Ворота Регистанские (Б)
— Регистанские (Б) 240, 241
— Ривдад (С) 226, 228
— Рухба (Рухне) см. Ворота Бреши (Б)
— Рухне см. Ворота Бреши (Б)
— Самаркандские (внешние) (Б) 244, 246, 248, 249, 317
— Самаркандские (внутренние) (Б) 241, 248, 249
— Самаркандские (в Несефе) 189
— Салаххона (Б) 247
— Серахсские (М) 212, 213, 217
— Синджан (М) 215, 217
— Соборной мечети см. Ворота Гурийан (Б)
— Сузангаранские (С) 230, 231
— Сухашин (С) 225, 226
— Талипач (Б) 248, 252
— Торговцев сеном (Б) 300
— Убейдаллаха (в Кеше) 189
— Углан (Б) 248
— улицы Магов (Б) 240, 248—250
— Усрушанские см. Ворота Бухарские (С)
— Фараджек (Б) 240, 248, 249, 309
— Фарухшид (С) 225, 226
— Фенек (С) 225, 226
— Фирюзи (М) 213, 217, 300
— ал-Хадид см. Ворота Железные (рабада Б) 240
— Хадшарунские (Б) 244
— Хакрах см. Ворота Подкопа (Б)
— Хире (в Нишапуре) 296
— Шахристана (Б) см. Ворота Парфюмеров (Б)
— Шахристанские (М) 213—217
— Ширгаран (Б) 248
— Чахарсук (Чарсу) (С) 230
Восток 109, 292, 294, 298, 310, 311, 316, 322, 323, 347, 350, 351

Газак 190
Газандарак 190
Гадрāнак 199
Газна 327, 330
Галляарал 187, 190
Ганнадж (Ганнāдж) 199
Гарвāн ('Урвāн?) 184
Гарджанд (Гарджанд) 201
Гардмāн 172
Гент 256
Генугирд 170
Герат 145, 288, 300, 329, 345
Гиждуван (Гуждувāр) 184—186
Гилякин-Чильбурдж, стена 215, 216, 218, 219, 222
Гиренг (Джирандж, Киранк) 166—168, 170, 268, 290, 346
Гит (Кит) 172, 174, 175
Госпиталь Тамгач-хана (С) 229
Гренада 257
Греция 127
Гробница Науканде 246
— ал-Утби 250
Гузар (Хузар) 188
Гузкард 199
Гульдурсун, г-ще 176
Гурлен 172

Гяур-Кала, г-ще (М) 6, 8, 9, 15, 17, **18**, 49, 50, 105, 211—219, 232, 261, 265
Гяур-Кала, г-ще (в Миздахкане) 175

Дабусия (Дабӯсийа) 152, 186—188, 273
Дакаркард 203
Дальний Восток 109, 110
Дамаск 164, 227, 235, 241, 256, 257, 320, 328
Данфаганкет (Данфағанкас) 198—200, 267
Дарб Варсин (Варсанин) (С) 228
— Гушедж (Б) 240, 241, 248, 250, 252
— Зааминский (в Пенджикенте усрушанском) 191
— Ибрахим (Б) 240, 241, 247, 251
— Калабад (Б) 240, 241, 248
— Кахлабадский (в Пенджикенте усрушанском) 191
— Майдан (Б) 240, 241, 247
— Мардакаше (Мардакашан) (Б) 240, 241, 246
— Марсмандский (в Пенджикенте усрушанском) 191
— Наубехар (Б) 240, 241, 248
— Нуджакетский (в Пенджикенте усрушанском) 191
— Рамитан (Б) 240, 241, 248, 250
— Рейский (в Кумме) 227
— Ривдад (С) 228, 229
— Самарканд (Б) 240, 241, 248
— Самарканд (внутренний) (Б) 240
— Фегаскун (Б) 240, 241, 248, 250
— Хадшарун (Б) 240, 241, 248, 250
Дарвā 199
Дарваза 218
Дарган-Ата 172
Дарган (Дарғāн) 172, 174—177
Даргом, кан. 12, 187
Дарзенги (Дāрзанджӣ) 180, 274
Дарьялык, сухое русло 176
Даскаҳāнҳāс 172
Дастаджирд 180
Дауран-Кала, г-ще 176
Даш-Рабат, г-ще 168
Даштак, кан. 226
Дворец (замок) Насра б. Сейяра (М) 213, 216
Дворец Саманидов (Б) 254
Дейлем 281
Декан 109
Денау 180
Денданекан (Дандāнақāн) 167—169, 319, 348
Дербент 137
Джабгукет (Джӣғӯкас) 199, 200
Джабӯзан 199
Джаз (Джāз) 172, 175, 176
Джакардизе, кан. 230, 231
Джамбул 206; см. также Тараз
Джанпык-Кала, г-ще 176
Джāрак 203
Джараш 279
Джаркард 208
Джар-Курган 180
Джармақāн 168
Джашӣра 172, 175
Джейхун, р. 174, 175; см. также Амударья
Дженд (Джанд) 193, 194
Джизак (Дӣзак) 190
Джикарбанд (Джигербент) 172
Джикаркāн 208
Джит см. Гит
Джит (другой) 172
Джуван-Тюпе 206
Джуи Мулиян 315
Джуи Гушедж, кан. (Б) 241, 251, 252
Джубут (Джуи-Бут) 245, 246
Джувейн 342
Джуйбар (Б) 251, 254
Джуйбар Абу Ибрахима, кан. 240, 246, 251
Джуйбари Ариз (Джуйбар Арид), кан. (Б) 251; см. также Джуи Гушедж
Джуйбари Ариз, сел. 251, 252
Джуйбар Бекар, кан. 241, 251
Джуйбар Бутылочников, кан. 241, 251, 252, 300
Джуль 209
Джумалак-Тепе, г-ще 102, 123
Джумишказы-Тепе, г-ще 201
Джумушлāғӯ 194
Джурджан 345
Джурджания (Гургандж) 174, 175, 233; см. также Ургенч
Див-Салган, г-ще 172
Дивари-Киямат, стена 215, 222, 226, 228, 230
Дизе (Дизах) 167, 168
Дилавāс 208
Дихистан 169, 170
Дих Кӯрāн (Каврāн?) 199
Дихи-Навӣ 208
Дихи-Нуджикет (Дихи-Нӯджӣкат) 206, 292
Дом Абу-л-Касима б. ал-Ата (С) 229
— Ахмеда ал-Мукассаса (С) 229
— Хамдуна (Б) 241, 246
— Хатун-Малки (С) 229
Дукент, г-ще 201
Дунгене, г-ще 209
Дун-Хуан 93
Душанбе 180

Европа 257, 259, 347
Европа Восточная 294
Европа Западная 4, 80, 93, 110, 256, 298, 350
Египет 143, 146, 152, 272, 278, 291, 302, 306, 313
Еки-Огуз, г-ще 209
Етти-Аулия, г-ще 172

Ёр-Курган, г-ще 50

Желпак-Тобе, г-ще 206

Зааминсу, р. 192
Зааминсу, р. 192
Залтикет 198
Закавказье 26
Замахшар (Замаҳшар) 172, 174, 175
Занг-Тепе, г-ще 10, 16, 102
Зандана 93, 184—186, 273
Зандани 184; см. также Зандана
Зандарāмш 203
Запад 109, 110, 301, 311, 321
Зарāнкас 199
Зардух (Зардӯҳ) 172, 175, 176
Зарк (Разик) 167, 170
Заркент (Зāркан) 199, 203
Зāрманд 172

Зармитан (Зармӣсан) 184
Земм (Замм) 177, 297
Зеравшан, р. 12, 55, 100, 182, 185
Зеравшана долина 13
Зеренджи 313, 317, 319
Зермап 187
Зӣнвар 180
Змухшир 172
Зугарканде, кан. 241, 246, 249, 252, 253

Иерусалим 256, 257
Илак 200, 201, 205, 206, 268, 286, 294
Или, р. 210
Илибалык 209
Имам-Баба 168
Имлак, г-ще 201
Индия 127, 274
Индия Северная 124
Индостан 109
Ирак 143, 153, 275, 278, 285, 292, 302, 305, 306
Иран 96, 109, 120, 124, 125, 127, 133, 162, 176, 211, 278, 282, 285, 293, 302, 303, 307, 320—324, 329, 351
Иран Восточный 347
Иран Западный 145
Иран Северный 139
Исбиск (Исбискет) (С) 228
Искандергам, кан. 230, 231
Искеджкет (Сӣшакас, Сӣджакас) 184, 185, 273, 316, 332
Иски-Наукат 203
Иски-Ташкент, г-ще 199
Искӣфагн 188
Испания 257
Иссык-Куль, оз. 208
Исфана 190
Исфахан 224, 305, 306, 319, 342
Исфиджаб (Исбӣджаб) 192—195, 211, 235, 273, 286, 297, 317
Ичан-Кала 172
Иштихан (Иштӣхан) 6, 154, 187, 222, 315

Йаг 208
Йакалиг 208
Йаканикет (Йаканикас) 194

Кабашкас 199
Кават-Кала, г-ще 76
Кавказ Северный 93, 137
Кадак 199
Кабрана (Гебране?) 199
Каджар-Тепе, г-ще 70
Казахстан 5, 141
Казахстан Северо-Западный 293
Казахстан Южный 11, 63, 64
Каин 137
Каир 137, 317—319
ал-Кайруван 164
Кала (часть городища Термез) 10
Каладжик 172
Калаи-Дабус, г-ще 187
Калаи-Мор 168
Калаи-Боло, г-ще 61
Калаи-Муг 60
Калаи-Сангин, г-ще 181
Каландархана, кан. 251
Калашджак (?) 199
Калинин (в Хорезме) 172
Калькаус, кан. 197
Камай-Тепе, г-ще 188
Камиджкас 184
Кампир-Дувал, стена 161, 329
Канибадам (Канд) 203
Канка, г-ще 199
Канкарак 199
Карабалты 208
Карабулак, г-ще 190
Караван-сарай Дар ал-вазир (в Каире) 318
— Идриса (в Мейхене) 292
— Йусуфа II (в Алеппо) 319
Каратау, г 63, 192, 195, 210
Карачук 195
Карбандж (Карбанк) 181
Карван (Карван) 203
Кардар 172
Кардаранхваш (Кардаранхас) 172
Карйа Баратакин (Баратегин) 172, 175
Карйат ал-Хадиса (Янгикент) 194
Каринейн (Карйнайн) 168, 170
Карнак 195
Карши, обл. 50
Касан (Касан) 6, 61, 201, 203, 204
Касансай 203
Касби 188
Каспийское море 166
Каср Ахнаф (Дари Ахнаф, Каср Ахнаф) 167, 168
Каср ал-бахили 152, 154
Каср ар-рих 152
Каср ал-Хейр ал-Гарби 308
Катавана 187
Катак 208
Катта-Ходжа-ишан, г-ще 186
Катвапдиза 190
Каун-Тепе, г-ще 181
Каучин 188
Каучинон 226
Кафир-Кала (на Даргоме), г-ще 6, 10—12, 16, 43, 46, 49, 50, 56, 59, 60, 62, 63, 79
Кафир-Кала (на Наршае), г-ще 187
Кафирниган, р. 10, 62, 180
Кахкаха I, г-ще 11, 19, 60, 191, 266
Кахкаха II, г-ще 11, 21, 41, 60, 61, 191
Кахкаха III, г-ще 11, 191, 266
Кашкадарья, р. 151, 158, 182, 188, 268, 292
Кашкадарьи долина 188
Кашк-руд, р. 189
Кашуфагн 184
Квартал Абу Джа'фара Саррафа (М) 299
— Ала (Б) 312, 314
— Арбоб (Б) 247, 252
— Арусийа (в Серахсе) 340
— Ахлийа (в Серахсе) 340
— «Базарчик Са'да» (М) 217
— Бану Махан (М) 215
— Барнабад (М) 217
— Бекрабад (в Джурджане) 345
— «Ворота Синджан» (М) 215
— Гадавад (С) 228
— Гаукушон (Б) 247
— Дарвазаче (Б) 253, 317
— Дегрези (Б) 233
— Джассин (М) 217
— Дженейне (в Антакии) 258
— Зарджейн (М) 217, 299
— Калабад (Б) 246, 247, 249, 259
— Кардари (в Абиверде) 340
— Келлябад (Б) 246; см. также Калабад

Квартал Кози Нуриддин (Б) 246, 247
— Косагарон (Б) 247
— Мардакаше (Б) 247, 249
— Матурит (Матырид) (С) 228
— Махаллаи Кухне (Б) 258
— Махиабад (М) 217
— медников (С) 300
— менял (Махалла-и саррафан) (М) 216, 299
— Мехчагарон (Б) 233
— Мирджон Али (Б) 252
— Мулиян (С) 226
— Мухаммад Касым (Б) 246, 247
— Мухаммедабад (в Нишапуре) 319
— «Начало базара» (в Нисе) 340
— «Начало города» (в Абиверде) 340
— «Начало моста Гатфар» (С) 229—231, 299
— «Начало площади» (М) 215
— Наубехар (Б) 241, 247, 248, 252, 253
— Нурабад (Б) 250
— Орханийе (в Антакии) 258
— Пабан (Па-и бабан) (М) 217
— «Песок торговцев дровами» (С) 230
— плотников (М) 299
— Равгангарон (Б) 252
— Рас ат-так (С) 317
— Самаркандский (Б); см. также Дарб Самарканд
— Сасиан (М) 217
— сапожников (в Ранджеде) 300
— Сар-и саррафан см. Квартал менял (М)
— Старый базар (М) 340
— Сулеймана Кесира (М) 299
— Танургаран (М) 299
— торговцев тканью (в Тасхане) 300
— Тувик (М) 217
— «Улица Саламы» (М) 217
— Фенек (С) 226, 228
— Хане (в Нисе) 340
— Шахристан (М) 216
— ювелиров (М) 216
Кебуданджикет (Кабӯзанджākас) 187
Кегейли 174
Кедер (Кадар) 194
Кей-Кобад-шах, г-ще 183
Кейф (Кайф) 166—168
Келиф (Кāлиф) 177
Кемерджа 148, 152, 187
Керки 177
Керман 319
Кермине (Кармīнийа) 187, 324, 325
Кесба (Касба) 188, 190
Кетмень-Тюбе 203
Кеш 6, 117, 155, 161, 188—190, 268, 298, 300, 320
Киргизия Северная 11
Кировское 206
Китай 96, 108, 119, 128
Кладбище Салари-Хадж (Б) 245
— Танургаран (М) 217
— Турки-Джанди (Б) 246
Кобадиан (Кувāдийāн) 181
Кобадиан (Кувāдийāн), обл. 62, 180, 306
Койлык 209
Койне-Кишман, г-ще 168
Койне-Серахс, г-ще 168
Коканд (Хвāқанд) 203
Копетдаг, г
Кош-Тобе, г-ще 206
Красногвардейск 187
Краснореченское, г-ще 208, 209, 263
Крепость Искандера (Дивари-Киямат) 226
Кува (Кубā) 11, 43, 47, 92, 120, 123, 201—205, 267, 298
Куль (Кӯл) 206, 207
Кулан (Кӯлāн) 208, 209
Кулдор-Тепе, г-ще 60, 69, 80, 187, 226
Куль-Ата, г-ще 201
Кулькара-Тепе, г-ще 201
Кумм 154, 227, 290
Кунград 172, 174, 175
Кундуз-Суфи 226, 228
Куня-Ургенч 172; см. также Джурджания
Курбан-Шиид 181
Курган-Тепе, г-ще 201
Курган-Тюбе 181
Куртлы-Депе, г-ще 168
Курдер (Курдар) 171, 172, 174, 175
Куркат (Куркас, Курдкас) 190
Куропаткино 190
Куфа 144, 145
Куфен, рабат 170
Кухи-Сим (Кухсīм) 200, 201
Кухистан 345
Кухна-Кала, г-ще 183
Куча 116
Кушания (Кушāнийа, Кушāнӣ) 187
Кушка, р. 168
Кушканатау, возвышенность 172, 175
Кушки-Муган 239, 250, 261, 319—321, 348
Кушне, кан. 241, 252, 253
Кушне, сел. 253
Кушмейхен (Кушмайхан) 167—171, 268
Куюк-Кала, г-ще 9, 10, 43, 172, 175
Кыз-Кала см. Барчанлыгкепт
Кыз-Кала, г-ще (в Хорезме) 172, 175
Кызылсу, р. 180
Кысмычи, г-ще 208
Кюльбесхан, г-ще 199
Кят 6, 171, 173, 175, 176, 184, 195, 266, 273, 297

Лабāншӯй 208
Лақарāджамӯк 208
Латакия 235
Лаукарā 168
Лашкари-Базар, г-ще 281
Левакенд (Лāваканд) 181
Ленинабад 203; см. также Ходженд
Луговое, г-ще 208
Луговое 208
Лягман, г-ще 181, 183

Мавераннахр 4, 117, 133—135, 137, 138, 144, 145, 150—153, 155—158, 160, 161, 164, 166, 195, 212, 222, 229, 240, 245, 263, 264, 277, 278, 280, 282, 287—289, 291, 293, 294, 297, 307, 325, 328, 331, 337—339, 341, 342, 345, 348, 350
Мавзолей Бурейды ал-Аслами 213, 217
— Данияра 300
— Замчи 213, 215
— Ишратхана 228
— Мазлум-Хан-слу 175
— Текеша 176
— Фахр ад-дина Рази 176
— Хафизи Бухари 234

Мавзолей ходжи Абди Бируна 225, 226
— ходжи Абди Даруна 225, 226, 228
— ал-Хакама ал-Гифари 213, 217
Магиандарья, р. 60
Магкан (Магкан) 184—186
Магоки-Аттори, мечеть 296
Магриб 271, 302
Мадамисан 172
Маданкат 208
Мадва 203, 204
Маджан, кан. 213, 215, 216, 218, 265
Мадминия (Мазминийа, Мадкамийа) 172, 174, 175
Мадрушкат 100
Мады 203
Миздахкан (Маздахкан, Мардаджкан) 172, 174—176
Мазендаран 302, 326
Мазйамиджкас 187
Май-Тюбе 206
Май-Тюбе, г-ще 206
Майдан-Йазида (М) 213
Маймург (Б) 241
Маймург, рустак Самаркандского Согда 6, 226
Майтобе 206
Малага 257, 258
Маллорка 257, 258
Малая Азия 298
Малая Джурджанийа 172
Малая Мурабба'а (в Нишапуре) 296
Манара 203
Мараканда 19
Маранд 181
Маргдар 346
Маргиана (Южная Туркмения) 8
Маргилан (Маргинан) 203, 205
Марракеш 258
Марсманда 190, 286
Масасан 172
Махан 346
Меана 168
Медресе Кош-Медресе (Б) 251
— Тамгач-хана (С) 229
—Фараджек (Б) 249
Мейхене (Махана) 167, 168, 170, 292
Мекка 241
Мельничный, кан. 241, 252, 253, 290
Мерв 6, 8, 15, 43, 47, 49, 50, 64, 105, 106, 119, 123, 133, 135, 137—139, 143—146, 154 155, 161, 166, 167, 177, 184, 198, 211, 212, 214—220, 226, 235, 253, 255—257, 261—263, 265, 266, 268, 270—272, 275, 277, 282—288, 290—293, 296, 297, 299—301, 309, 313, 314, 317, 321, 324, 326—328, 333, 337—345, 348, 350, 351
Мерв (Маргиана), обл. 64
Мерверруд (Марварўз) 145, 146, 166—168, 343, 345
Мервский оазис 6, 138, 167, 170, 264, 268, 270
Мерке см. Мирки
Меручак 168
Мечеть Абу Муслима (М) 213
— Арид 241, 251
— Ахмеда см. Мечеть Ахид (Б)
— Ахид (Б) 241, 251
— Бану Махан (М) 213—215
— Бану Са'д (Б) 238, 312
Мечеть Биби-ханум 229
— Калан 235
— Магоки-Аттори 296
— Мах (Б) 249
— Раджа (в Нишапуре) 325
— племени Ханзала (Б) 238
— Старая (М) 213
Милан 256
Минг-Урюк, г-ще 195, 196
Мирки (Мйркй) 208
Мирмахан 212, 213, 218
Мискан (Мискан) 203
Могила Абу Хафса 247, 250
Мост Хамдуна (Б) 241, 252
Муг, г 55, 66, 93, 94, 100—102, 111, 113—115, 119, 120, 130, 149, 150
Мугал 190
Музахин, кан. 230, 231
Мунк 181, 182, 286
Мунчак-Тепе (на Кафирнигане), г-ще 10, 62, 63, 68
Мунчак-Тепе (у Беговата), г-ще 82, 278
Мургаб, р. 166—168
ал-Мусалла (в Кеше) 189

Навадан, кан. 230
Навйдах 177
Навои 187
Наджакас 199
Накалик 199
Намадванак 199
Намазгах Арслан-хана (Б) 244, 246, 251
Намик, р. 126, 127; см. также Зеравшан
Намудлык (Намўзлиг) 200 201,
Нариндж ан 177, 261, 262
Нарпай, кан. 187
Наршах 158
Насрабад (Насрабаз) 203, 205
Наудиз 181
Наукад 203
Наукад Курайш (Наукад Курайш) 186, 188
Наубехар, сел. 253
Наукан (Б) 245
Науканде, кан. (Б) 155, 241, 244—246, 251, 252
Нахр-и Науканде, сел. 245
Нахшеб см. Несеф
Неаполь 256
Невакет (Кешский) 158, 160
Невакет (Навйкас) (в Семиречье) 208
Несеф (Нахшеб) 159, 160, 188—190, 193, 268, 293, 298, 346
Нижняя Сырдарья 140, 192, 195
Нижняя Харкана 232
Нйр 181
Ниса (Нисй) 145, 146, 166—170, 188, 256, 261, 262, 270, 284, 289, 308, 340, 342
Ничке, г-ще 204
Нишапур 138, 139, 146, 159, 164, 171, 211, 256, 271, 277, 280, 285, 286, 289, 293, 296, 297, 299, 300, 302, 304—306, 318, 319, 321, 322, 325—327, 330, 332, 335, 339, 341—343, 348
Нишбашсай, р. 201
Новороссийское 208
Нувайдак (Навйдак) 184
Нуджакет (Нўджакас) (в Усрушане) 190

Нуджакет (Нӯджикаҫ) в (Шаше) 198—200, 267, 292
Нӯзвӑр 172, 176
Нузкет (Нӯшкат) 208, 209
Нукет (Нӯкаҫ) 198, 200, 201
Нӯкфӑр 172
Нумиджкет (Нумиджкаҫ) 185, 195, 232, 233, 239—241; см. также Бухара

Орджоникидзеабад 100
Орловка 208
Орловское (Орловка) 206
Ортадепеслик, г-ще 67
Отрар 193—195
Отрарский оазис 63
Ош (Ӯш) 203—205

Пайкенд 6, 22, 109, 129, 150, 151, 165, 182, 184, 186, 212, 233, 241
Палермо 256
Памир, г 26
Пап (Бӑб) 203
Париж 138, 256, 257, 259
Паркент 199
Пархар 181
Пашан (Бӑшӑн, Фӑшӑн) 166, 168—170
Пенджикент, г-ще 3, 6, 12, 13, 15, 16, 20, 21, 23—27, 29, 30, 32—36, 38, 39, 42, 43, 45—47, 49, 51—58, 60, 62, 63, 65—92, 94—108, 110, 111, 113, 114, 119—130, 136, 140, 149, 150, 154, 161, 187, 235—237, 239, 259—261, 265, 275, 287, 298, 307
Пенджикент (усрушанский) 190, 191, 264, 266, 267, 290, 296
Переулок Торговцев молоком (С) 229
Персеполь 40
Пештак 168
Пиза 256
Площадь Хатун-Малки (С) 229
Поволжье 273, 293
Порсу 172
Порсу-Кала, г-ще 167, 168
Пскент 201
Пульджай, г-ще 172
Пушти-Махмуд, г-ще 201
Пяндж, р. 180

Рабах, кан. 241, 252
Рабинджан (Арбинджӑн) 100, 186—188, 273, 287, 289
Раванак 187
Равӑнджим 208
Разик 218
Разик, кан. 215, 216, 218
Разикабад (М) 218
Рамдин 182
Рамитан (Рӑмӣҫана, Арӣӑмӣҫан) 182, 184, 186
Рамиш, г-ще 186
Рамла 180, 202
Ранджед (Ранджад) 203, 291, 300
Рас ал-Вараг (Б) 253
Рас ат-так (С) 227, 229
Регистан (Б) 239, 249, 250, 252—254, 265, 296
Регистан (С) 230
Регистан, кан. (Б) 241, 252
Рей 326, 340
«Река мясников» см. «Река отбельщиков тканей»
«Река отбельщиков тканей» 189
Ренжит (Ранджед) 203
Ривдад (Рӣвдад) 187, 226, 228
Ригдешт (Рӣкдашт) 180
Рим 109, 256
Риштан (Риштӑн) 203, 205
Россия 270, 320
Рӯзванд (Рӯзӯнд) 172, 175
Рустак Ахнафа 146
Русь 293
Русь Древняя 74, 80

Сабат (Сӑбӑт) 190, 297
Садвар (Садфар) 172, 176
Садовое 199
Садӯр 172
Садыр-Курган 206
Сайрам 192, 193
Салар, кан. 195
Самарканд 6, 12, 13, 19, 22, 23, 43, 49, 60, 71, 84, 87, 102, 108—111, 114, 117, 119, 123, 128, 129, 132, 135, 137, 138, 146, 148, 151—156, 159—161, 164, 177, 178, 185, 187, 193, 198, 214, 215, 219, 220, 222—223, 240, 247, 253, 255—257, 261, 264, 266, 267, 273, 275—279, 283, 286—289, 291, 293, 296, 297, 300, 301, 306—309, 313, 317, 321, 328, 329, 333, 335, 338—340, 342, 349—351
Самарра 226
Самджен, кан. 185
Самсирек (Сӑмсирак) 201
Самтин 316
Самхаш (Самджен), водоем 240
Санам, г 158, 189
Сангардак 158
Сангресан, кан. 230, 231
Санджӑн 168
Сакӑра 181
Санкарда (Сангардак) 180
Сапидмаше 241
Сари-Мазар 181
Сарманган (Чарманган) 179
Сарсанда см. Сусанда
Сарыг 207, 209
Сары-Курган 203
Сары-Язы 168
Сауран (Сӑбрӑн, Саурӑн) 192—194
Саусакан (Саусаҡӑн) 167, 168
Сӑфардаз 172
Сахба 168
Себзевар 293, 332, 342
Северный Ледовитый океан 195
Сеистан 317, 319, 339, 342, 344
Секакет (Сакӑкат) 201
Семиречье 63, 64, 78, 91, 102, 111,140, 156, 193, 205, 207, 209, 210, 267
Серахс (Сараҳс) 145, 146, 166—170, 215, 272, 286, 292, 296, 325, 326, 339, 340, 343
Сиаб, кан. 226, 290
Сиджистан см. Сеистан
Сиена 259
Сийам (Санам), г 189
Сикандара 181
Сӣкаҫ 184, 201
Синдж 166, 168, 171, 268

Синдж-Аббади (Синк-ʿАббāдӣ, Шинк-ʿАббāдӣ) 167, 168
Сирия 143, 146, 152, 236, 285, 302, 304, 306, 311, 318, 323, 328, 333, 336, 341
Сиркаҫ (Ширкаҫ) 188
Согд 12, 51, 54, 60, 62—64, 86, 92, 109, 111, 117, 125, 133, 147, 149, 151, 152, 156, 158, 159, 176, 187, 189, 192, 200, 275
Согд Самаркандский 151, 161, 188, 229, 273
Согдийская река 240; см. также Зеравшан
Солдатское 206
Сох (Сӯҳ) 203
Средиземноморье 139, 307, 351
Средний Восток 126
Средняя Азия 3—8, 12—14, 19, 20, 23—26, 38, 40, 43, 46—48, 51, 54, 63—65, 67, 69, 74, 76, 79, 81, 84, 86, 87, 91, 96, 98, 100—102, 104, 105, 108—113, 116—145, 147, 150, 153, 156, 157, 161—163, 165, 166, 176, 177, 192, 193, 195, 198, 200, 209, 210, 211, 219, 220, 224, 235, 239, 244, 255—257, 259, 264, 265, 267, 268, 270, 273—279, 281—289, 291—294, 296—298, 302—307, 309—313, 315, 317—324, 328, 329, 332—334, 336, 337, 339—342, 347, 350—352
Старый рынок (М) 217
Субах (Сӯбаҳ) 158, 159, 188
Субурна 176
Сузак, г-ще 195
Сузиана 275
Сузы 40
Султан-Кала, г-ще 215, 216, 218, 219,264, 265, 296
Султануиздаг, г 69
Сулюкта 190
Сур 329
Сус (Сӯс) 206, 207
Сусанда 192
Сурхандарьинская область 62
Сурхандарья, р. 180
Сурх-Коталь 40
Суяб 12, 207
Сыгнак 193, 195
Сырдарья, р. 192—195
Средняя Сырдарья 140, 192, 195
Сюткенд 193, 194

Табаристан 270, 281
Тававис (Ṭавāвӣс) 110, 118, 182, 184, 185, 292
Таджикистан Южный 10, 68
Таджикская ССР 11, 86, 111
Таки-Саррафан (Б) 250
Таксила (Сев. Индия) 82
Талас 206
Талас, р. 207, 222, 267, 289
Таласская долина 140, 193, 205—207
Талгар 209, 210
Талды-Курган 209
Тали-Барзу, г-ще 62, 63, 187, 226, 228, 229, 297
Тали-Варсин, г-ще 226, 228
Талхатан-Баба 167, 168
Тамаҳаш 203
Тамлийāт 181
Тараб, г-ще 186
Тараз (Ṭарāз) 6, 11, 43, 155, 156, 183, 205—207, 211, 235, 261, 267, 308
Тарбенд 192, 195
Тасҳан 203, 300
Ташкент 139, 195, 196, 200, 267
Ташкентский канал 77, 78
Ташкентский оазис 200, 279
Ташуткуль, г-ще 208
Теджен, р. 166
Текабкет (Такāбкат) 206, 207
Телл-Ӯш 199
Термез 6, 10, 22, 177—180, 182—184, 188, 202, 261, 266, 273, 274, 286, 289, 297, 306, 307, 320
Тим Абдулла-хана (Б) 236
Тимак-и бимаристан (С) 297
Тим-и палас (С) 297
Тим сапожников (Б) 297
Ток-Кала, г-ще 9, 10, 43, 47, 119
Токмак 208
Ток-Турмас, урочище 11
Толедо 257
Топрак-Кала, г-ще 183, 193
Торт-Тепе, г-ще 206
Тохаристан 10, 62, 102, 108
Триполи (в Сирии) 257, 329
Тӯбкар 203
Тугай-Тепе, г-ще 199
Туккет (Туккаҫ) 200, 201
Тункет (Тӯнкат, Тӯнкаҫ) 198, 200, 201, 256, 297
Турāрзарāҳ 194
Туркестан Восточный 115, 116, 119, 124
Туркмения (Туркменистан) 67, 111, 170
Туркмения Южная (Туркменистан Южный) 111, 136, 138, 140, 144, 166, 170, 171, 276
Турткуль-Тепе, г-ще 206
Тус 339, 342
Туткаул 181
Туткаул, г-ще 181
Тязе-Кишман см. Улу-Кишман

Уваит-Тепе, г-ще 201
Узбек-Кенты 226, 228
Узбекская ССР 11
Узгенд, Узген (Узканд) 202—205, 298
Узун 181
Улица Аббада (С) 229
— Абд ал-Карима (М) 217
— Алмазар (в Ташкенте) 197
— Анбар (М) 217
— Аски (Аскари) (М) 217
— Баджвар (М) 217
— Бекар (Б) 249
— Бешагачская (в Ташкенте) 197
— везира Ибн Аййуба б. Хасана (Б) 238
— Гушеджская см. дарб Гушедж
— Дауда (С) 230
— Дворца (куй-и ках) см. Улица везира Ибн Аййуба б. Хасана (Б)
— Диван (М) 217
— Дихканов (Б) 250, 254
— Зарджейн (М) 217
— Зурнук (М) 216, 299
— Исхак-и Кауса (М) 217
— Карикли (М) 217
— Кожевников (М) 216, 299
— Ленина (Б) 247

— Магов (Б) 250
— Минарета (С) 229, 317
— Абу Му'аза (М) 217
— Разабад (М) 217
— Рамитанская см. дарб Рамитан (Б)
— Рив (Б) 247
— Ривдад (Ривдадская) (С) 228, 229, 309
— Риндов (Б) 238
— Риндов (М) 216
— Сабир (М) 217
— Садака (М) 217
— Самаркандская см. Дарб Самарканд (Б)
— Сельма (М) 216, 299
— Сукновалов (М) 217
— Сузангаранская (С) 229
— Тимак (С) 230
— Торговцев лесом (Б) 288
— Тухаранбих (М) 217
— Фегаскунская см. Дарб Фегаскун (Б)
— Хадшарунская см. Дарб Хадшарун (Б)
— Хаммада (С) 230, 309
— Харунабад (М) 217
— Хиябан (Б) 245
— Хуббин (М) 217
— Хута (Б) 241
— Шадурван (М) 216
— Ювелиров (М) 299
Улу-Кишман, г-ще 168
Улькантой-Тюбе, г-ще 201
Унаге(Ургенч) 6
Урал, г 110
Ура-Тюбе 191
Ура-Тюбинский р-н Таджикской ССР 11
Ургенч (Куня-Ургенч) 6, 171, 173, 175, 176, 266, 285, 336
Урдӯ 208
Урест 201
Усрушана (Уструшана) 11, 41, 60, 61, 64, 111, 147, 161, 162, 188, 190—192, 286, 292
Уштикан (Уштӣқӑн) 203
Уштӣхӑн 203
Уштуркет, Шутуркет (Сутӯркаҫ, Уштӯркаҫ) 198—200, 297

Фағарсӣн 184
Фағкет (Фағкаҫ, Вағкаҫ) 190
Фаз 170
Фана фатх, урочище 226
Фанин 212, 213
Фараб (Бӑрӑб, Фирӑб) 194
Фараб, оазис 194
Фарабр см. Феребр
Фаранкаҫ (Фаранкад) 199
Фарғар 181
Фардкаҫ 199
Фарс 317
Фарухшид 226
Фашидизе, кан. 240, 246, 251, 266
Фашун 253
Ферава 170
Фергана 6, 11, 12, 61, 102, 128, 133, 148, 161, 199, 201, 202, 205, 273, 275, 286, 292, 329
Ферганская долина 11
Феребр (Фараб) 177, 179, 186, 240, 297
Фил (Кят) 171
Фландрия 256
Флоренция 256
Фошун 253
Фошун, кан. 253
Фринкет 222
Фрунзе 141
Фустат 227, 241, 316, 318, 328

Хазарасп (Хазӑрӑсб) 6, 171, 172, 174, 175, 261
Хайван-Кала, г-ще 172, 174
Хайрабад-Тепе, г-ще 16, 62
Хайралам (Ҳайлам, Ҳайралӑм) 203, 204
Халифат 133, 144, 152, 153, 156, 161, 164, 200, 214, 223, 249, 280, 281, 301, 322, 328, 338, 339
Хаммам-Абде 308
Хамукет (Джамӯкат) 206, 298
Хан Самани (Саманидов) (С) 229, 317
— Хатун-Малки (С) 229
Ханабад, г-ще 199
Ханака Низам ад-Даули (С) 229
Ханки 172
Харак 166—168, 170, 268
Харашкет (Ҳарашкаҫ) 198, 199
Харганикет (Ҳарғӑнкаҫ) 187
Харджӑнкат (Ҳуджӑкаҫ ?) 201
Харамкам, кан. 185
Хараса 172
Харкана (Ҳарқӑна) 190
Ҳаррӑн (Харран-Джуван) 208, 209
Хас 201
Хатункет (Ҳатӯнкаҫ) 199
Хауз Ризама (М) 217
Хауз-хан 287, 295
Хаузи Рашид (Б) 251
Хашимгирд (Хашимджирд) 179
Ҳӑш (Ҳӑс) 201
Ҳашт 190
Хелаверд (Халӑвард) 179, 181, 182
Хива (Ҳӣва) 172, 174, 175
Хишт-Тепе, г-ще 181
Ховалинг 181
Ходжа-Барги 184
Ходженд (Ҳуджанда) 201—203, 292, 320
Холм Сапожников (М) 299
Хорасан 117, 133—135, 139, 144—147, 152, 153, 157, 159, 161, 176, 195, 212, 218, 219, 240, 244, 245, 247, 251, 257, 271, 273, 275, 277, 288, 294, 313, 314, 317, 321, 324, 326—328, 330, 331, 337—339, 342—345, 351
Хорасан Северный 144, 145, 166, 278
Хорасан Южный 131
Хорезм 6, 7, 9, 14, 15, 49, 64, 69, 91, 101, 111, 118, 119, 134, 135, 139, 146, 171, 173—177, 185, 192, 195, 200, 233, 240, 244, 263, 266, 269, 273, 275, 277, 283, 286, 289—293, 307, 316, 339, 341
Хотан 98
Ҳувӑра 194
Ҳуджада (Ҳуджӑдӑ) 184
Ҳудӣманкан 187
Ҳудӣнкат 199
Хульбук (Хулбук) 180—182, 306
Ҳумрак 201
Хунбӑн 180
Ҳурлӯғ 194
Хурмузферра (Мусфари) 166—171, 268
Хурмузферра, кан. 213—216, 218

Хутталь (Хутталан) 180—182
Ҳушмйсан 172

Центральная Азия 209, 292
Центральный рынок (С) 229

Чаганиан (Саганиан) 180, 182, 184, 202
Чаганиан (Саганиан), обл. 111, 180, 266, 273, 297, 330,
Чалдывар см. Ак-Тюбе
Чалдывар, г-ще 206
Чао-Чан (Турфан) 115
Чардара, г-ще 188
Чарджоу 177
Чарсу (С) 230
Чарсу Большое (в Нишапуре) 296
Чарсу керманцев (Малое) (в Нишапуре) 296
Чаткал (Джидгил) 203
Чач (Шаш), обл. 62, 64, 87, 111, 126, 128, 140, 148, 161, 195, 196, 198, 200, 273, 284, 286, 289, 293
Чаш-Кала, г-ще 172
Чемени-Бит 168
Чепгельды 209
Чигиль (Джикил) 206
Чилек 92, 187
Чимбай 172, 174
Чимчиклы 228
Чукур-Купрюк, кан. 197
Чиназ 199
Чиназ, г-ще 199
Чинанчакет (Джйнāнджакаҫ) 198, 199
Чирчик, р. 195
Чоршамбеи-Ромитан 184
Чуйская долина 6, 208, 209
Чупан-Ата, г 226, 306

Шабарандж 167, 170
Шавгар (Шāвгар) 192, 194
Шāвадāн 203
Шавдар, кан. 226
Шаглуджан (Шаҕлуджāн) 194
Шарг (Шарҕ, Джарҕар) 184, 185, 289, 292, 332
Шаусакан (Шавашкан) см. Саусакан
Шахи-Зинда 300
Шахри-Вайрон, г-ще 184
Шахри-Минг, г-ще 181
Шахри-Хайбар, г-ще 184
Шахристан 11, 102, 123, 260, 272
Шахрисябз 188
Шахруд, кан. 185, 245, 246, 251—253
Шахсенем, г-ще 174
Шаш 191; см. также Бинкет и Ташкент
Шаш, обл. см. Чач
Шельджи (Шалджй) 206, 207
Шехри-Ислам, г-ще 168—170
Ши (Шаш, Чач) 195
Шикит 203
Ширабад 179
Шираз 164
Ширван, сел. 185
Ширвашилик 206
Шип-Тюбе, г-ще 208, 209
Шуллюк-Тепе, г-ще 188, 189
Шуман (Шӯмāн) 180
Шуман, обл. 22, 148, 180
Шур-Чашме (Шӯрджашма) 208

Эквиус 209
Эрк-Кала, г-ще 8, 15, 16, 214, 216

Югон-Тепе, г-ще 199, 267
Южно-Туркменский канал 268
Юи 93

Яз-Депе, г-ще 170
Якке-Парсан 101
Ялпак, г-ще 184, 186
Янгикент (Джанкет) 192, 193
Янгиюль 199
Яны-Шехр, г-ще 176
Япония 101, 108
Ярбекир-Кала, г-ще 176
Яхшибай-Тепе, г-ще 10, 47

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От редактора 3

Часть первая. Город в VI—середине VIII в.

Глава I. Обзор археологических исследований 5

Глава II. Фортификация и застройка городов 14
Система городских укреплений 14
Застройка шахристана 23
Застройка пригородной территории 43

Глава III. Городские ремесла и торговля 48
Гончарное производство 48
Стеклоделие 65
Обработка металлов 69
Ювелирное дело 81
Текстильное производство 93
Обработка кожи 100
Плотничий, деревообделочный и косторезный промыслы 102
Обработка камня 105
Торговля 108

Глава IV. Черты социальной и культурной жизни городского населения . . 113
Социальный состав 113
Культура и быт 118

Часть вторая. Город в конце VIII—начале XIII в.

Глава I. Основные проблемы, источники 132

Глава II. Последствия арабского завоевания 143

Глава III. Количество городов 163
Южная Туркмения 166
Хорезм 171
Верхнее и среднее течение Амударьи 177
Долины Зеравшана и Кашкадарьи 182
Усрушана 190
Нижнее и среднее течение Сырдарьи 192
Долины Чирчика и Ангрена 195
Фергана 201
Таласская долина 205
Семиречье 207

Глава IV. Территориальное развитие города 211
Мерв 211
Самарканд 219
Бухара 232

Глава V. Численность населения 256

Глава VI. Ремесло, торговля, быт 269
Текстильное производство 270
Гончарное производство 274
Стеклоделие 285
Обработка металлов 285
Строительные профессии 288
Переработка продуктов земледелия и животноводства 289
Ремесла и профессии, связанные с обеспечением внутригородских потребностей 290
Торговля 291
Надзор за ремеслом и торговлей 301
Цены и жизненный уровень 305
Благоустройство городов 306

Глава VII. Социально-экономические отношения в городе 310

Литература 353

Средневековые источники 368

Список сокращений 371

Указатель имен 373

Указатель географических и топографических названий 377

Александр Маркович Беленицкий
Илона Борисовна Бентович
Олег Георгиевич Большаков

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД СРЕДНЕЙ АЗИИ

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Т. Бочевер*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректоры *Л. М. Агаджанова*, *О. И. Буркова*
и *Г. М. Гельфер*

Сдано в набор 15/VI 1973 г. Подписано к печати 23/XI 1973 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 24¹/₂+1 вкл.
(³/₄ печ. л.) = 35.35 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 35.99. Изд. № 5302.
Тип. зак. № 409. М-43724. Тираж 2150. *Цена 2 р. 62 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград, 9 линия, д. 12